

РУССКОЕ СЛОВО.

XI.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

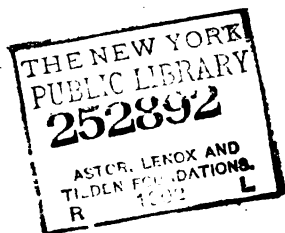
ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1859.

Н О Я Б Р Ъ .

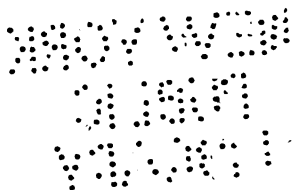
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 1 Ноября 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*
Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
Исторія университета св. Владимира. (Продолженіе.) В. Я. ШУЛЬГИНА.	1	✓
Обзоръ современныхъ конституцій. Статья первая. А. В. ЛОХВИЦКАГО	75	✓
СѢВЕРНОЕ МОРЕ. (Изъ Гейне.) Переводъ М. Л. МИХАЙЛОВА	107	
ДЕНЬЩИКЪ. А. В. СКАГО.	173	✓
Стихотворенія Гейне. Переводъ П. Л. КУСКОВА.	214	
Изъ Японіи. Д. РОМАНОВА	221	✓
Опричникъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА.	258	✓
Стихотвореніе М. И. РОЗЕНГЕЙМА	366	
Австрія со времени революціи 1848 года. С. П. П. ВА	369	
Нищія. (Изъ Беранже.) Н. П. ЛУГОВСКАГО.	427	

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Дворянское гнѣздо. И. С. Тургенева. М. Ѳ. ДЕ-ПУЛЕ. 1

Библиографія. Шиллеръ, въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Н. В. Гербеля. М. Л. — Записки современника. *Дневникъ студента.* Его-же. — Курсъ всеобщей исторіи, доктора Георга Вебера. Е. и В. Корша. И. С. РЕМЕЗОВА. — О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли и о примѣненіи ея къ положительнымъ законодательствамъ въ главныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Разсужденіе *Бальтазара Камлиновскаго.* Н. Ш. — Основанія механики и ея приложений къ машинамъ, общепонятно изложенныя Карломъ Гольцманомъ. Издано подъ руководствомъ И. Вышнеградскаго. Г. Б. — Изъ природы. Сочиненіе Ларднера. Переведено

подъ редакцію <i>А. Буйницкаго</i> . — Начальныя основанія химіи. Составленныя <i>П. Егоровымъ</i> . — Руководство къ химическому анализу-мѣроу. Сочиненіе доктора <i>Ф. Мора</i> . Переведенное и изданное подъ редакцію <i>А. И. Ходнева</i> .	
В. Л. ХАНКИНА	23

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Заграничныя письма. Р. В. ОРБИНСКАГО	1
О семействѣ вообще и о положеніи женщины въ семействѣ. А. САВЕЛЬЕВА	23
Галерея дагеротипныхъ портретовъ. ЭРАСТА ВЕСЕЛКИНА	49
Туда и обратно. А. М. П...НА	75
Диспутъ г-на Калиновскаго. Н. Ш.	87
Карлъ Риттеръ. (Некрологъ.)	91
Французскія провинціи. М. И. С—го	94
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Новый уставъ Императорской Академіи художествъ. — Нѣсколько словъ, кстати, объ обрашникахъ чеканнаго металлическаго искусства въ Россіи. — Общество для вспомошествованія ученымъ и литераторамъ. — Общество частной евангелической больницы. — Увеличеніе дѣйствій клиники и ветеринарнаго института при санктпетербургской медико-хирургической академіи. — Русскій Рерри — любопытныя публичныя лекціи о выѣздѣ лошадей г. полковника Панаева. — Давно незапамятная буря въ Кронштадтѣ. — Ученыя извѣстія: присужденіе премій графа Уварова Императорскою Академіею наукъ. — Пятидесяти-лѣтній юбилей финляндскаго-сената	113
Журнальная замѣтка	129
Шахматный листокъ. Теорія киперганей или обратныхъ матовъ. (Статья первая.) — Новыя изслѣдованія Н. И. Петровскаго надъ задачею А. Д. Петрова . — Бертольдъ Зуле. — Его партіи съ Андерсономъ . — Одна партія Андерсена съ Ланге . — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція. В. М. МИХАЙЛОВА	299

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ГЛАВА II.

БЫТЬ ПРОФЕССОРОВЪ.

(1834 — 1839.)

Университетъ св. Владиміра, при самомъ открытіи своемъ, имѣлъ только одинъ факультетъ — *философскій*, въ составѣ двухъ отдѣленій: *перваго* (нынѣ историко-филологическій) и *второго* (нынѣ физико-математическій факультетъ). Но уже къ концу перваго полугодія перваго академическаго года открыта была въ нихъ первая каѳедра юридическаго факультета, а именно каѳедра римскаго законовѣдѣнія, а въ слѣдующемъ 183⁵/₆ академическомъ году всѣ основныя каѳедры этого факультета, положенныя по уставу 1833 года. Съ тѣхъ поръ въ первыя пять лѣтъ своего существованія университетъ почти не измѣнился въ составныхъ частяхъ своихъ.

Неполнота въ составѣ профессоровъ и, вслѣдствіе того, преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ однимъ и тѣмъ же лицомъ; чтеніе многихъ лекцій нѣкоторыми профессорами на какомъ-то ломанномъ русско-польскомъ, макароническомъ языкѣ, по незнанію русскаго; необходимость довольствоваться, по недостатку преподавателей, старыми кременецкими учителями, изъ которыхъ одни уже отжили свой вѣкъ по

возрасту, другіе, вполнѣ удовлетворяя условіямъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, никогда не могли стать въ уровень съ требованіями университетскаго преподаванія, и только очень и очень немногіе удовлетворяли имъ; обремененіе членовъ университетскаго сословія хозяйственною администраціею училищъ округа; наконецъ неточная организація самаго преподаванія, основанная на энциклопедическомъ смѣшеніи предметовъ разныхъ факультетовъ: вотъ тѣ препятствія, которыя должны были значительно вредить надлежащему развитію университета въ первый періодъ его дѣятельности.

Впрочемъ, надо сознаться, что эти неблагоприятныя условія ощущались при началѣ университета св. Владиміра гораздо въ меньшей степени, чѣмъ при основаніи другихъ старшихъ его собратій, русскихъ университетовъ. Этимъ послѣднимъ, въ эпоху ихъ основанія, рѣшительно почти не откуда было взять сколько-нибудь способныхъ преподавателей, тогда какъ университетъ св. Владиміра могъ скоро замѣнить старый лицейскій составъ профессорами, воспитавшимися во всѣхъ другихъ русскихъ университетахъ, при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, въ главномъ педагогическомъ институтѣ и въ духовныхъ академіяхъ. Изъ университетовъ, въ особенности дерптскій и московскій, а изъ академій кievская, въ которой, въ эпоху открытія университета, философія процвѣтала при содѣйствіи ректора ея Иннокентія болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, — дали университету многихъ достойныхъ преподавателей. Потому-то новый университетъ быстрѣе сформировался, чѣмъ другіе русскіе университеты. Съ каждымъ новымъ академическимъ годомъ входили въ составъ ученія новыя курсы, открывались новыя кафедры, которыя поручаемы были большею частью новымъ преподавателямъ, такъ что въ теченіе какихъ нибудь пяти лѣтъ, ученый составъ университета, постепенно увеличиваясь, въ то-же время освѣжался новыми людьми и наконецъ совершенно измѣнился вслѣдствіе политическихъ волненій 1838 и 1839 года. Въ то-же время учебныя и ученые коллекціи, которыя, при основаніи другихъ университетовъ, приходилось почти вновь создавать, кievскій универ-

ситеть, благодаря кременецкому лицей и виленскому университету, получилъ хотя и въ довольно несовершенномъ состояніи, но все-таки большею частію готовыми и снабженными предметами первой необходимости, такъ что ему приходилось только увеличивать и улучшать ихъ сообразно съ современнымъ состояніемъ отечественнаго и европейскаго просвѣщенія.

Не забудемъ наконецъ, что университетъ св. Владиміра основанъ и первоначально развивался въ первые годы самой напряженной, кипучей дѣятельности министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, при которомъ совершился первый радикальный и благотѣльный переворотъ въ жизни всѣхъ нашихъ заведеній. Какъ его собственное созданіе, университетъ св. Владиміра долженъ былъ обращать на себя особенное вниманіе министра.

Разсматривая умственную дѣятельность молодаго университета въ первый періодъ его жизни, мы обратимъ вниманіе.

Во-первыхъ на движеніе въ численномъ составѣ ученаго университетскаго сословія и на результаты его.

Во-вторыхъ на учебную дѣятельность преподавателей,

Въ-третьихъ на ученые труды ихъ.

Въ-четвертыхъ на самый житейскій бытъ ихъ.

§ 1.

Движеніе въ составѣ ученаго университетскаго сословія.

Съ постепеннымъ расширеніемъ круга дѣйствій университета, увеличеніемъ объема его, замѣщеніемъ вакантныхъ кафедръ, измѣнялось и число лицъ, принадлежащихъ къ университету по званіямъ, ученымъ степенямъ, мѣсту первоначальнаго воспитанія, вѣроисповѣданіямъ, происхожденію, возрастамъ и образу жизни. Всѣ эти измѣненія видны изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи официальныхъ отчетовъ:

		1834.	1835.	1836.	1837.	1838.	1839.
По должности и званию.	Профессоровъ богословія по штату 2	2	2	2	2	2	2
	Ординарныхъ по штату 15	7	12	13	11	14	10
	Экстраординарныхъ по штату 4	2	2	1	3	1	1
	Адъюнктовъ по штату 6	3	3	6	5	6	8
	Преподавателей	«	1	1	4	3	3
	Лекторовъ по штату 4	3	2	2	2	3	3
	Учителей искусствъ по штату 5	4	5	5	5	5	5
	Итого	21.	27.	30.	32.	34.	32.
По ученымъ степенямъ.	Докторовъ	2	6	5	7	9	10
	Магистровъ	8	10	10	8	7	8
	Кандидатовъ	1	1	1	2	3	1
	Студентовъ дѣйствительныхъ и главнаго педагогическаго ин- ститута	«	«	3	4	4	8
	Безъ степени	6	5	6	6	6	2
	Учителей искусствъ	4	5	5	5	5	5
По мѣсту воспитанія.	Въ университетахъ	9	11	11	12	13	11
	Въ лицейяхъ	5	4	4	4	4	3
	Въ духовной академіи	2	2	2	2	2	4
	Въ семинаріяхъ (католическихъ)	1	1	1	1	1	1
	При II отдѣленіи собственнаго его величества канцеляріи	«	3	3	3	4	4
	При главномъ педагогическомъ институтѣ	«	«	3	4	4	5
	Въ профессорскомъ институтѣ	«	1	«	«	«	«
	Въ среднихъ учебныхъ заведе- ніяхъ	1	1	2	2	2	1
	Въ иностранныхъ училищахъ	3	4	4	4	4	3
По вѣроисповѣданію.	Православнаго	9	7	11	12	15	20
	Римско-католическаго	17	19	18	17	15	5
	Лютеранскаго	«	1	1	3	4	5
	Реформатскаго	«	«	«	«	«	2
По происхожденію.	Дворянъ	16	18	19	19	19	12
	Духовнаго званія	2	5	8	10	10	12
	Гражданъ	«	«	«	1	1	1
	Мѣщанъ	«	«	«	«	1	1
	Иностранцевъ	3	4	3	2	3	6
По возра- стамъ.	До тридцатипяти лѣтъ	6	1	12	14	16	23
	До сорокалѣти лѣтъ	3	6	7	9	10	8
	До пятидесятилѣти лѣтъ и свыше	12	12	11	9	8	1
По обра- зу жизни.	Холостыхъ	9	16	18	19	19	19
	Женатыхъ	12	11	12	13	15	13

Изъ разсмотрѣнія каждой изъ этихъ таблицъ порознь и изъ сопоставленія ихъ одной съ другою можно вывести слѣдующіе общіе результаты:

1) Число университетскихъ преподавателей постепенно увеличивалось, хотя и не достигло до штатнаго числа. Упадокъ въ цифрѣ ученаго сословія въ 1839 году вызванъ закрытіемъ университета, перемѣщеніемъ профессоровъ — мѣстныхъ уроженцевъ въ другіе университеты и увольненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ въ отставку.

2) Нѣкоторыя кафедръ, вмѣсто ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, замѣщаемы были адъюнктами и преподавателями, потому что лица, ихъ занимавшія не имѣли требуемыхъ по уставу степеней. Впрочемъ, новому университету сдѣлано было облегченіе допущеніемъ къ званію ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ — лицъ, не имѣвшихъ докторскихъ и даже магистерскихъ степеней. Облегченіемъ этимъ воспользовались преимущественно старые кременецкіе учителя, изъ коихъ только Бессеръ имѣлъ степень доктора, прочіе — степень магистра, нѣкоторые же вовсе ученыхъ степеней не имѣли. Сверхъ того, въ 1838 г. три профессора втораго отдѣленія философскаго факультета воспользовались высочайше предоставленнымъ правомъ получить прямо ученую степень доктора безъ уснаго испытанія, по защищеніи диссертациі *). Отсюда между прочимъ объясняется увеличеніе числа ординарныхъ профессоровъ въ этомъ году.

3) Хотя число преподавателей въ 1839 году уменьшилось, но въ замѣнъ того замѣтно въ ученомъ составѣ увеличеніе цифры преподавателей, имѣющихъ ученые степени (особенно высшую докторскую) и уменьшеніе числа не имѣющихъ никакихъ степеней. Въ 1834 году преподавателей съ учеными степенями (доктора, магистра и кандидата) было одиннадцать, а вовсе не имѣвшихъ ученыхъ степеней десять; — въ 1839 году первыхъ было двадцать четыре, а послѣднихъ только восемь. Независимо отъ этого, въ 1834 г.

*) Федоровъ, Траутфеттеръ и Гречина.

докторовъ было только два: одинъ профессоръ богословія, одинъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, а въ 1839 г. ихъ было десять: одинъ на первомъ отдѣленіи, четыре на второмъ отдѣленіи философскаго факультета и на юридическомъ и одинъ профессоръ богословія.

4) Наибольшее число преподавателей университета получили образованіе въ университетахъ и лицеяхъ. Но надобно замѣтить, что до 1838 года большая часть ихъ вышла изъ одного виленскаго университета (семь) и изъ одного кременецкаго лица (всѣ четыре). Новые люди поступали въ университетъ изъ воспитанниковъ, приготовленныхъ при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и въ берлинскомъ университетѣ и изъ воспитанниковъ главнаго педагогическаго института. Подъ конецъ этого періода, университетъ рекрутируется изъ воспитанниковъ дерптскаго университета и получаетъ одного преподавателя изъ своихъ собственныхъ учениковъ. Кіевская духовная академія дала университету профессоровъ богословія, философіи и временнаго преподавателя физики.

5) Разсматривая ученый составъ университета по вѣроисповѣданіямъ, видимъ сначала значительный перевѣсъ въ числѣ преподавателей римско-католическаго исповѣданія, который особенно замѣтенъ былъ на второмъ отдѣленіи философскаго факультета, состоявшемъ первоначально изъ однихъ кременецкихъ преподавателей, и менѣе всего на юридическомъ факультетѣ, образованномъ изъ людей все почти новыхъ. Такимъ образомъ характеръ первоначальнаго университетскаго сословія былъ чисто *мѣстный*. Въ 1839 году отношеніе круто перемѣняется: цифра католиковъ совершенно затирается цифрою православныхъ и протестантовъ: университетъ окончательно обновился.

6) Тѣ-же самые результаты даетъ наблюденіе надъ возрастомъ и образомъ жизни профессоровъ: старое поколѣніе сначала перевѣшиваетъ молодое, потомъ постепенно уступаетъ ему мѣсто и наконецъ почти сходитъ со сцены: изъ двѣнадцати профессоровъ 1835 года, перешедшихъ за пятьдесятъ лѣтъ, въ 1839 году остался одинъ, да и тотъ состоялъ временнымъ преподавателемъ и поступилъ вновь въ

университетъ изъ харьковскаго университета (преподаватель римской словесности, И. О. Гриневиць). Мѣсто ихъ заняли двадцать три человѣка изъ людей свѣжихъ и слѣдовательно по возрасту подававшихъ надежды на усиленную умственную дѣятельность. Въ этомъ отношеніи опять юридическій факультетъ и первое отдѣленіе философскаго факультета находились, до 1838 года, въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ, чѣмъ второе отдѣленіе философскаго факультета; а съ этого времени мало-по-малу уравнились всѣ факультеты.

7) Наконецъ по происхожденію преподаватели университета принадлежали болѣе всего къ дворянамъ и духовному званію. Только въ послѣдній годъ замѣтенъ приливъ иностранцевъ, да и то между лекторами и учителями искусствъ. Изъ податнаго состоянія всего университетъ имѣлъ, въ послѣдніе два года, двухъ профессоровъ.

УЧЕБНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

1. Лекціи богословскія общія всѣмъ факультетамъ.

А. Богословіе православное.

Докторъ богословія, протоіерей *Иванъ Михайловичъ Скворцовъ*. *) читалъ всѣмъ вообще студентамъ грекороссійскаго исповѣданія:

1. *Церковную исторію* въ 183⁴/₅, первомъ полугодіи 183⁵/₆ и въ 183⁸/₉ году; въ первомъ году по два, въ

*) *Иванъ Михайловичъ Скворцовъ*, сынъ священника, родился въ 1795 году, въ нижегородской губерніи, въ Арзамасѣ. Обучался сначала въ нижегородской семинаріи, а потомъ въ санктпетербургской духовной академіи, и кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Началъ службу профессоромъ философіи, математики и физики въ кіевской духовной семинаріи въ 1817 году, а чрезъ два года перемѣщенъ бакалавромъ философіи въ кіевскую духовную академію. Постепенно возводимъ былъ въ санъ протоіерея, званіе ординарнаго профессора, члена конференціи и члена консисторіи, а въ 1831 году, комиссіею духовныхъ училищъ возведенъ въ степень доктора богословскихъ наукъ за написанныя имъ сочиненія: 1) «Записки на посланіе къ Ефесеймъ» и 2) «Критическое обозрѣніе кантовой религіи въ предѣлахъ одного разума.» — Нѣсколько разъ исполнилъ должность ревизора духовныхъ училищъ. Нынѣ И. М. Скворцовъ состоитъ каедральнымъ протоіереемъ кіево-софійскаго собора и профессоромъ богословія, логики и опытной психологіи въ университетѣ св. Владиміра, имѣетъ орденъ: Анны второй степени съ короною, св. Владиміра третьей степени, наперстный крестъ и митру.

прочіе по три часа въ недѣлю, сначала по собственнымъ запискамъ, руководствуясь притомъ начертаніемъ ея, изданнымъ отъ комиссіи духовныхъ училищъ и церковною исторіею преосвященнаго Иннокентія, потомъ по собственному сочиненію: «Краткое начертаніе исторіи вѣтхозавѣтной и новозавѣтной 1838—39.»

2. *Догматическое богословіе* въ 183⁵/₈, 183⁹/₄₀ годахъ, по три часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь богословіею преосвященнаго Теофилакта (de Stendendis), которая признана классическою книгою въ духовныхъ училищахъ.

3. *Нравственное богословіе* въ 183⁶/₇ году, по три часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь преимущественно богословіею Теофилакта (de Agendis) и частию сочиненіемъ протоіеря Кочѣтова: Начертаніе христіанскихъ обязанностей.

4. *Церковное право греко-россійской Церкви* въ 183⁷/₈ г., по собственнымъ запискамъ, по три часа въ недѣлю. При этомъ преподающій руководствовался: Кормчею книгою, Собраніемъ Законовъ и выписками, составленными митрополитомъ Евгеніемъ, также книгою Правилъ, изданныхъ отъ свѣтѣйшаго синода.

Преподаваніе профессора Скворцева отличалось спокойнымъ, ровнымъ изложеніемъ безъ всякихъ полемическихъ выходокъ. Профессоръ хотѣлъ передать своимъ слушателямъ существенно необходимыя для образованнаго члена Церкви свѣдѣнія объ ея ученіи и историческихъ судьбахъ. Никакихъ слѣдовъ духа нетерпимости не выносили студенты изъ его лекцій и не проявляли въ отношеніи къ товарищамъ. Повтореніемъ пройденнаго занималъ профессоръ студентовъ сначала отъ пятнадцати до шестнадцати разъ въ годъ; а потомъ изъ трехъ часовыхъ лекцій сталъ постоянно употреблять одну на репетицію пройденнаго въ двѣ предидущія. Послѣ каждой лекціи съ неизмѣнною аккуратностію преподаватель выдавалъ студентамъ записки по этой лекціи, объемъ которыхъ никогда почти не превосходилъ одного листа.

В. Богословіе римско-католическое.

Въ теченіе перваго періода римско-католическое богословіе преподавали въ университетѣ одинъ за другимъ два профессора:

1. *Догматическое богословіе* читано было: а) во второе полугодіе 183⁴/₅ года магистромъ богословія Юстиномъ Казимировичемъ *Ходьскевичемъ*, который руководствовался сочиненіемъ ксенза Іоанна Ходани. Въ теченіе же перваго полугодія сего года, по два часа въ недѣлю Ходьскевичъ изъяснялъ Св. Писаніе и церковныя преданія, слѣдуя Энгельберту Кляпорелю. б) Въ 183⁹/₁₀ году читалъ каноникъ Игнатій Петровичъ *Головинскій*, руководствуясь собственными записками, составленными на основаніи сочиненій Либмана.

2. *Нравственное богословіе* преподаваемо было: а) въ 183⁵/₆ году Ходьскевичемъ, по руководству Ходани; б) въ 183⁹/₁₀ году каноникомъ Головинскимъ, по собственнымъ запискамъ, при чемъ преподаватель придерживался сочиненій Шенкля, Поляшка и преимущественно Штапера.

3. *Церковная исторія* читана была въ 183⁶/₇ году Ходьскевичемъ. По увольненіи его, по распоряженію правительства, чтеніе прекратилось по восьмое число апрѣля 1837 г. Съ сего времени, назначенный на мѣсто прежняго преподавателя каноникъ Головинскій продолжалъ до конца 183⁶/₇ г. излагать церковную исторію, по собственнымъ запискамъ, слѣдуя Рутенштоку.

4. *Церковное право* римско-католической церкви читалъ Головинскій въ 183⁷/₈ году. Руководствомъ служили собственныя записки, при составленіи коихъ преподаватель преимущественно держался сочиненій Девоты и Вальтера. При общемъ изложеніи науки были постоянно приводимы и объясняемы законы для римско-католической Церкви въ Россіи, на основаніи высочайшихъ указовъ, распоряженій римско-католическихъ коллегій и епархіальныхъ обычаевъ.

Всѣ лекціи читались на польскомъ языкѣ; для чтенія ихъ постоянно, съ 1835 года, употребляемо было по три часа въ недѣлю. На репетиціи пройденнаго, профессоръ Ходь-

скевичъ употреблялъ по четверти часа предъ каждою лекціею, а профессоръ Головинскій по большей части одинъ часъ въ мѣсяцъ.

Выборъ перваго преподавателя римско-католическаго богословія въ университетѣ былъ довольно неудаченъ. Воспитанный, какъ сказано въ его формулярѣ, въ динабургской и полоцкой іезуитскихъ школахъ, священникъ Ходьскевичъ *), сколько можно судить по отзывамъ и воспоминаніямъ его слушателей, не отличался ни основательнымъ знаніемъ предмета, ни даромъ преподаванія и не умѣлъ внушить къ себѣ уваженія своими нравственными качествами. Сверхъ того, онъ былъ довольно безтактенъ для того, чтобы опредѣлить свое положеніе въ университетѣ, принявъ на себя роль распространителя русскаго элемента между студентами. Начальство должно было уволить профессора, который не ловкою ревностію компрометировалъ правительство въ глазахъ студентовъ. Заступившій его мѣсто каноникъ Головинскій успѣлъ загладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное предшественникомъ **). Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчатель-

*) Юстинъ Казимировичъ Юноша де Ходичъ - Ходьскевичъ, изъ дворянъ витебской губерніи, родился въ 1790 году, обучался въ динабургскомъ и полоцкомъ іезуитскихъ училищахъ, сначала принадлежалъ къ іезуитскому ордену и былъ учителемъ въ разныхъ повѣтовыхъ училищахъ, а въ 1811 году добровольно вышелъ изъ него. Потомъ служилъ настоятелемъ римско-католическаго мозырскаго прихода, имѣлъ санъ минскаго кафедральнаго богослова и каноника. Въ 1820 году виленскимъ университетомъ возведенъ въ степень магистра богословія. Уволенъ отъ должности профессора и настоятеля уньской римско-католической каплицы въ концѣ 1836 года.

***) Каноникъ Ипатій Петровичъ Головинскій родился въ 1808 году, сынъ дворянина, въ дѣтствѣ лишился отца, росъ въ бѣдности подъ надзоромъ доброй набожной матери, обученіе первоначальное получилъ въ мѣнджирѣцкомъ піарскомъ училищѣ, а потомъ въ виленской семинаріи, которую кончилъ со степенью магистра богословія. Съ 1830 года былъ сначала законоучителемъ въ житомирскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ житомирской гимназіи. Отсюда, въ 1837 году, занялъ мѣсто профессора и настоятеля въ университетѣ св. Владиміра, въ которомъ преподавалъ до 1841 года, когда былъ вызванъ ректоромъ с.-петербургской римско-католической академіи. Дальнѣйшая жизнь его не принадлежитъ къ университету. Умеръ въ 1855 году, въ санѣ митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи. Трогательный разсказъ его о своемъ дѣтствѣ помѣщенъ въ сборникѣ «TeKa Rozmoitosci, 1844, въ статьѣ «Zycie mojej matki».

ныхъ людей въ университетѣ и историческое лицо въ католической іерархіи въ Россіи. Извѣстный литераторъ,—одинъ изъ лучшихъ духовныхъ ораторовъ своего народа, Головинскій, какъ профессоръ, обладалъ и богословскою ученостію и даромъ одушевленнаго изложенія. Особенно замѣчательны были его лекціи по церковной исторіи.

По идеямъ, которыя проводилъ онъ съ университетскою кафедрой, Головинскій принадлежалъ къ ультрамонтанской партіи. Средневѣковое папство находило въ его лекціяхъ полное признаніе и въ теоріи и въ жизни. Онъ находилъ разумную основу для самой инквизиціи. Св. Судище, говорилъ онъ, судило еретика, но приговоръ и исполненіе суда предоставлено свѣтской власти. Свѣтская власть возводила преступника на костеръ. Процессъ инквизиціонный находилъ у него слѣдующее оправданіе: если убійцу нашего тѣла предастъ общество казни, то гдѣ найтти достойную казнь убійцѣ нашей души, еретіку, лишаящему человѣка жизни вѣчной.

2. Лекціи перваго отдѣленія философскаго факультета.

Въ составъ перваго отдѣленія философскаго факультета входили слѣдующія кафедры:

1. Философія.
2. Греческая словесность и древности.
3. Римская словесность и древности.
4. Россійская словесность.
5. Всеобщая и россійская исторія и статистика.

Сверхъ того къ этому отдѣленію причислены были лекторы языковъ:

Французскаго.

Нѣмецкаго.

Италіянскаго.

Польскаго.

Вмѣстѣ съ студентами перваго отдѣленія, слушали студенты юридическаго факультета всѣ предметы и языки, кромѣ греческой словесности и древностей; а студенты втораго отдѣленія философію, русскую словесность, всеобщую и русскую исторію и всѣ языки. Изъ языковъ одинъ только ита-

ліянскій не былъ обязательенъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Польскій языкъ преподавался только два первые года: въ 183⁴/₅ и 183⁵/₆ г.

Деканами по первому отдѣленію философскаго факультета были профессеры: М. А. Максимовичъ, В. Ф. Цыхъ, М. Ю. Якубовичъ, снова М. А. Максимовичъ, О. М. Новицкій.

Философія въ разсматриваемый періодъ времени была преподаваема въ большомъ объемѣ. Въ составъ ея входили логика, опытная психологія со включеніемъ прикладной части ея (исторіи души), нравственная философія въ соединеніи съ естественнымъ правомъ, и исторія философіи. Для преподаванія всѣхъ этихъ частей въ теченіе четырехъ лѣтняго курса употребляемо было сначала по пяти, а потомъ по десяти часовъ въ недѣлю. При слушаніи лекціи соединяемы были студенты нѣсколькихъ курсовъ или полугодій, но вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе распредѣлялось такъ, чтобы каждый изъ студентовъ выслушалъ въ теченіе четырехъ лѣтъ полный курсъ философіи. Слушаніе философскихъ лекцій первоначально было обязательнымъ по логикѣ и исторіи философіи для всѣхъ студентовъ университета, а по прочимъ частямъ для студентовъ перваго отдѣленія философскаго и юридическаго факультетовъ. Отъ этой связи съ философіею не могли не выигрывать науки юридическаго факультета, имѣвшаго, уже по этому одному обстоятельству, въ разсматриваемый періодъ времени гораздо болѣе условій къ процвѣтанію, чѣмъ впоследствии.

Преподаваніе философіи возложено было до 183⁸/₉ года на магистра богословскихъ и словесныхъ наукъ, впоследствии ординарнаго профессора *О. М. Новицкаго*; а съ 183⁹/₁₀ года раздѣлено было между имъ и адъюнктомъ, также магистромъ кievской духовной академіи, *П. С. Асеньевымъ* *).

*) *Орестъ Марковичъ Новицкій*, изъ духовнаго званія, родился въ 1805 году, первоначальное воспитаніе получилъ въ вольнской семинаріи, окончательное въ кievской духовной академіи. Удостоенный степени магистра богословскихъ и словесныхъ наукъ, Новицкій въ 1831 году назначенъ былъ профессоромъ философіи въ полтавскую духовную семинарію, но чрезъ годъ переведенъ сначала бакалавромъ по классу польскаго языка, а потомъ и

Профессоръ *Новицкій* преподавалъ: попеременно въ одно и то-же время, читая отъ трехъ до шести часовъ въ недѣлю:

а) Логикѣ сначала по системѣ Круга, потомъ придерживаясь Бахмана и Тросклера. б) Опытную психологію, слѣдуя сначала Эшенмайеру, потомъ по руководствамъ Каруса, Фишера и Гейнрота. — Преподаватель постепенно улучшалъ свои записки по психологій, приготавливая ихъ къ изданію въ свѣтъ. — Существенное отличіе его лекцій отъ общепринятыхъ руководствъ заключалось въ расширеніи содержанія опытной психологій: 1) прибавкою общей части или трактата о природѣ души вообще (ея простотѣ, субстанціональности, мѣстопробываніи и т. д.), который прежде былъ относимъ психологами къ метафизикѣ и слѣдовательно былъ разсматриваемъ независимо отъ опыта; 2) введеніемъ въ науку новѣйшихъ изслѣдованій лучшихъ психологовъ о душѣ, какова на примѣръ новая теорія чувственного наблюденія по Фишеру.

б) Нравственную философію въ соединеніи съ естественнымъ правомъ, первую по Эшенмайеру и Кругу, а второе преимущественно по Бауеру и Шталю.

с) Наконецъ исторію философскихъ системъ до Декарта, руководствуясь Кузеномъ, Риттеромъ, Болепомъ, Виндишманномъ, Крейцеромъ, Рейнгольдомъ и замѣчательнѣйшими монографіями, профессоръ излагалъ предметъ по собственному плану. На чтеніе этого предмета употребляемо было, въ теченіе трехъ лѣтъ, ежедневно отъ трехъ до четырехъ часовъ. Съ особенною подробностію излагаемы были ученія Платона и Аристотеля. Введеніе въ исторію философіи буквально излагалось по Кузену.

Сверхъ общихъ факультетскихъ лекцій, профессоръ Новицкій излагалъ казеннокоштнымъ студентамъ основанія пе-

по касадрѣ философіи въ кіевскую духовную академію, и вслѣдъ за тѣмъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1837 году Новицкій былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора, нѣсколько разъ былъ деканомъ и цензоромъ. Нынѣ г. Новицкій, въ чинѣ статскаго совѣтника, состоитъ цензоромъ кіевского ценсурнаго комитета и имѣетъ орденъ Анны второй степени съ императорскою короною.

дагогика и упражнялъ этихъ студентовъ въ преподаваніи логики.

Лекціи профессора Новицкаго не столько производили впечатлѣніе особенною глубиною содержанія, сколько искусствомъ изложенія. Новицкій владѣлъ въ этомъ отношеніи рѣдкимъ даромъ. Всѣмъ студентамъ, его слушателямъ, памятна та удивительная простота, ясность и послѣдовательность, съ какими онъ передавалъ самыя отвлеченныя по существу своему ученія. Ни одного положенія, бывало, не оставитъ онъ безъ того, чтобы не разложить его на составныя части. Объяснивъ и доказавъ самымъ скрупулезнымъ образомъ каждую часть, давалъ потомъ ясное и отчетливое понятіе о цѣломъ. Случалось, что эта страсть къ анализу доходила у профессора до крайностей, особенно когда онъ становился оппонентомъ на публичныхъ диспутахъ; но понятно какую огромную пользу могли выносить студенты изъ лекцій Новицкаго: по собственному сознанію многихъ изъ нихъ, ему обязаны они стройностію и отчетливостію въ мышленіи и изложеніи мыслей. Не разъ случалось слышать отъ бывшихъ слушателей г. Новицкаго, занимавшихъ впоследствии трудное поприще педагоговъ, что лекціи его о системѣ Платона могли быть понятны ученикамъ четвертаго класса гимназій.

Съ 183⁸/₉ года за профессоромъ Новицкимъ осталось чтеніе опытной психологіи и исторіи древней и средневѣковой философіи до Декарта, а чтеніе логики, исторіи души, исторіи новѣйшихъ философскихъ системъ, нравственной философіи принялъ на себя адъюнктъ П. С. Авсенева, впоследствии умершій въ Римѣ въ санѣ архимандрита. Ученая дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка относится главнымъ образомъ къ слѣдующему періоду; въ этотъ же онъ читалъ: логику, исторію души и исторію новѣйшей философіи менѣе, чѣмъ два полугодія, а потому вліянія своего ничѣмъ обнаружить не могъ.

Преподаваніе *древне-классической филологіи* слагалось изъ двухъ отдѣловъ: 1) преподаванія правилъ греческаго и римскаго языковъ и объясненія классическихъ авторовъ и 2) изъ чтенія наукъ, входящихъ въ составъ филологіи.

1) Преподаваніе *греческаго языка* не могло процвѣтать въ этотъ періодъ времени. Причинами этого были сколько совершенная неприготовленность слушателей при поступленіи въ университетъ, гдѣ начинали они съ азбуки, столько и еще болѣе немѣніе въ теченіе трехъ лѣтняго курса отдѣльнаго профессора по этой каедрѣ. Съ 183⁴/₅ по 183⁶/₇ годъ ординарный профессоръ римской словесности Якубовичъ временно излагалъ на латинскомъ языкѣ греческую грамматику по Гроддеку и объяснял мѣста изъ хрестоматіи Якобса по два часа въ недѣлю. Въ 183⁶/₇ году тѣ-же самые предметы читалъ на русскомъ языкѣ, по три часа въ недѣлю, исправляющій должность адъюнкта по каедрѣ всеобщей исторіи, А. Н. Ставровскій, а профессоръ Якубовичъ изъяснял, также три часа въ недѣлю, Гомера и Ксенофонта. Для обоихъ преподавателей, особенно для Ставровскаго, греческій языкъ не былъ спеціальностію, а г. Якубовичъ, сверхъ занятій по спеціальной его каедрѣ римской словесности, исполнялъ еще должность хранителя милиціи-кабинета. Неудивительно, что успѣховъ при такихъ условіяхъ ожидать было трудно. Самъ профессоръ Якубовичъ въ отчетѣ за 183⁴/₅ годъ говоритъ: «Предположенное на сей годъ едва ли можетъ быть пройдено, по причинѣ гораздо большаго числа учениковъ въ греческомъ языкѣ, починающихъ отъ самыхъ началовъ.»

Это обстоятельство осталось во всей силѣ даже и послѣ назначенія въ 183⁷/₈ году на кафедру греческой словесности и древностей отдѣльнаго профессора въ лицѣ доктора философіи изъ Дерпта, *И. Я. Нейкирха*, который преподаетъ этотъ предметъ и теперь *). Принявъ на себя лекціи гг.

*) *Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ*, изъ дерптскихъ гражданъ, родился въ 1804 году, образованіе получилъ при дерптскомъ университетѣ въ педагогико-философской семинаріи, и довершилъ его ученымъ путешествіемъ за границу, гдѣ въ Лейпцигѣ получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи изъ-за границы состоялъ при дерптскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1837 году выдержалъ испытаніе на степень магистра филологіи и опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности и древностей въ университетъ св. Владиміра. Въ 1838 году возвышенъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ теченіе своей службы былъ проректоромъ и нѣсколько разъ деканомъ. Съ 1850 года состоитъ въ

Якубовича и Ставровскаго, профессоръ Нейкирхъ изыскалъ на латинскомъ языкѣ Ксенофонта, Гомера, Софокла, Оупидида и Теокрита по пяти часовъ въ недѣлю и преподавалъ студентамъ перваго курса на латинскомъ языкѣ греческую грамматику по Росту и Бутману, съ объясненіемъ статей изъ Якобса по три часа въ недѣлю. Впрочемъ послѣдняя грамматическая часть преподаванія, съ половины 183го года поручена была вновь назначенному адъюнктомъ, магистру древней словесности дерптскаго университета А. К. Деллену *). Съ поступленіемъ на кафедру греческой словесности двухъ воспитанниковъ дерптскаго университета, перенесена была въ кievскій университетъ и система дерптской филологіи, которая могла дать успѣшные результаты только подъ условіемъ той же степени развитія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ кievскаго округа, на какой они находились въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго округа. Условію этому удовлетворяли въ извѣстной степени ученики, поступавшіе въ университетъ въ первые два года его существованія изъ бывшихъ западныхъ училищъ, въ которыхъ по крайней мѣрѣ латинскій языкъ находился въ довольно хорошемъ состояніи. Но впоследствии изученіе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ упадаетъ, а потому и Нейкирхъ и Делленъ, хотя и владѣли всѣми средствами современной филологіи, но, по необходимости, должны были ограничиваться преимущественно грамматическимъ разборомъ греческихъ авторовъ.

Римская словесность могла имѣть болѣе условій, необходимыхъ для успѣшнаго развитія, чѣмъ греческая, только въ томъ отношеніи, что въ университетъ, особенно въ началѣ, поступали слушатели, достаточно приготовленные въ латинскомъ языкѣ, тогда какъ въ языкѣ греческомъ они должны были начинать отъ первыхъ началъ. Латинскій языкъ слушали студенты обоихъ факультетовъ. Латинскій языкъ и словесность преподавали адъюнкты Корженевскій и ординарный профессоръ Якубовичъ.

этой должности и теперь, въ чинѣ статскаго совѣтника, имѣетъ орденъ Анны второй степени съ короною.

*) Его дѣятельность относится къ слѣдующему періоду.

Корженевскій по два часа въ недѣлю занимался изъясненіемъ и переводомъ на русскій языкъ Юлія Цезаря, Цицерона, Теренція, Овидія и Тита Ливія по 183⁸/₁₀ учебный годъ. Сверхъ того, въ первые два года упражнялъ студентовъ въ переводѣ съ русскаго на латинскій языкъ по руководству Шеллера, а въ послѣднемъ году излагалъ правила латинской стилистики, по одному часу въ недѣлю. **Якубовичъ** по 183⁹/₁₀ годъ изъяснялъ, отъ двухъ до шести часовъ, на латинскомъ языкѣ, по правиламъ герменевтики Цицерона, Виргилія, Горация, Тацита съ переводомъ трудныхъ мѣстъ на русскій языкъ, руководствуясь комментаріями Гейне, Вольфа, Доуна, Нейде. Сверхъ того, профессоръ Якубовичъ задавалъ студентамъ темы для собственныхъ сочиненій по разнымъ частямъ классической филологіи и назначалъ многія мѣста изъ римскихъ классиковъ, которыя студенты должны были сами объяснять и комментировать «для показанія пробы собственныхъ силъ и опытности въ наукѣ.»

2) Что касается до преподаванія наукъ филологическихъ, то оно раздѣлено было между ординарнымъ профессоромъ Якубовичемъ и адъюнктомъ Корженевскимъ.

Профессоръ Якубовичъ открылъ свои чтенія въ 183⁴/₅ году энциклопедіею классической филологіи, которую преподавалъ въ теченіе года по полтора часа въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно сочиненій Барби, Аста, Бергарди и Гердера. Потомъ онъ читалъ *исторію греческой и римской литературы* сравнительно, также по собственнымъ запискамъ, изъ которыхъ давалъ каждую лекцію краткій конспектъ своимъ слушателямъ и которыя профессоръ приготовлялъ къ изданію подъ заглавіемъ: *Litteraturae antiquae h. e. Graecorum et Romanorum interioris ejusdem causarum et vicissitudinum enarratio*. Главными пособиями при чтеніи этого предмета служили автору сочиненія Бергарди, Аста, Гроддека и обобщъ Шлегелей. Наконецъ *археологію* филологическую вмѣстѣ съ *нумизматикою* преподавалъ тотъ же Якубовичъ въ теченіе одного семестра, по полтора часа въ недѣлю, на латинскомъ языкѣ, по собственнымъ запискамъ, руководствуясь Винкельманомъ, Эрнести и Аддисономъ. Сверхъ того, про-

фессоръ Якубовичъ упражнялъ казеннокоштныхъ студентовъ въ преподаваніи латинскаго языка.

Адъюнктъ Корженевскій читалъ *римскія древности* по три часа въ недѣлю для перваго курса и потомъ *миѳологію* по полтара часа для студентовъ всѣхъ курсовъ по собственнымъ запискамъ, руководствуясь въ первой наукѣ сочиненіями Адама, Крейцера, Фусса и частію Нибура, а во второй — Крейцеромъ и Германомъ, при чемъ излагалъ не одну исторію боговъ и героевъ, но предпосылалъ этому изложенію трактатъ о религіозномъ, философскомъ и политическомъ значеніи мѳовъ.

Изъ этого видно, что преподаваніе классической филологіи въ университетѣ св. Владиміра задумано было и производилось по плану, даже слишкомъ, быть можетъ, обширному для слушателей, обремененныхъ множествомъ другихъ факультетскихъ лекцій. Впослѣдствіи, уже въ половинѣ слѣдующаго періода, совѣтъ университета, сознавая несоотвѣтствіе между содержаніемъ и объемомъ преподаванія древней филологіи и средствами слушателей, почелъ нужнымъ исключить изъ числа филологическихъ предметовъ мѳологію, энциклопедію филологіи и археологію съ пумизматикою. Мѣра эта едва ли достигала своей цѣли — приготовить способныхъ спеціалистовъ по филологіи. Въ этомъ явленіи, быть можетъ, тогда уже заключалось показаніе, что въ первомъ отдѣленіи философскаго факультета соединены двѣ самостоятельныя и слишкомъ обременительныя для изученія одному человѣку отрасли человѣческаго знанія.

Обращаясь къ личностямъ и средствамъ самыхъ преподавателей, мы охарактеризуемъ только двухъ главныхъ филологическихъ дѣятелей въ этомъ періодѣ университетской жизни, — Корженевского и Якубовича.

Корженевскій *), сколько можно судить по общему отзыву

*) *Иосифъ Викентьевичъ Корженевскій*, изъ дворянъ, родился въ 1797 году, образованіе получалъ въ польскомъ лицей, потомъ слушалъ лекціи въ варшавскомъ университетѣ и наконецъ, въ 1823 году, опредѣленъ былъ въ польскій лицей учителемъ польской словесности. Въ 1830 году избранъ былъ въ члены корреспонденты королевскаго варшавскаго общества любителей наукъ, а въ 1834 году опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ древней

слушателей, и сознательно и бессознательно передававших свои впечатлѣнія, былъ не основательный ученый, по дилетантъ въ наукѣ. Истинное призваніе его и тогда было то-же, какое и теперь: онъ былъ даровитый беллетристъ, а профессура служила для него только средствомъ занять извѣстное положеніе въ обществѣ. Сверхъ того, аристократическія замашки мѣшали научному сближенію его съ студентами. Гораздо выше былъ онъ на кафедрѣ польской словесности, отчасти потому, что былъ къ этому предмету болѣе подготовленъ, а отчасти потому, что самый предметъ, независимо отъ личности преподавателя, возбуждалъ интересъ въ тѣхъ слушателяхъ, которые составляли большинство въ университетѣ.

Профессоръ Максимиліанъ Юрьевичъ *Якубовичъ* *) принадлежалъ къ числу характеристическихъ лицъ въ молодомъ университетѣ. Онъ былъ истинный представитель чисто на-

словесности въ университетъ св. Владиміра. Уволенъ изъ университета въ 1838 году, и нынѣ состоитъ директоромъ варшавской гимназій и приобрѣлъ своими сочиненіями извѣстность въ польской драматической литературѣ.

*) Максимиліанъ Юрьевичъ *Якубовичъ* родился въ 1784 году отъ родителей дворянскаго сословія. Образование получилъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи Гроддека. По полученіи степени магистра философіи, въ 1811 году, опредѣленъ учителемъ латинскаго языка въ луцкое уѣздное училище, потомъ въ световское уѣздное училище, потомъ въ гродненскую гимназію, варшавскій лицей, потомъ опять въ гродненскую гимназію и наконецъ, въ 1824 г., въ волынской лицей. Здѣсь издалъ грамматику польскаго языка, принятую въ число учебниковъ въ виленскомъ округѣ, и вслѣдъ за тѣмъ латинскую грамматику и разсужденіе о способѣ изученія языковъ. По закрытіи лицей, опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ римской словесности въ университетъ св. Владиміра. Здѣсь онъ преподавалъ этотъ предметъ (а сначала и греческую словесность) до 1839 года, отбывая должность члена училищнаго комитета, потомъ декана, ревизуа кievскія гимназій и исполняя другія порученія начальства и университета. При открытіи университета произнесъ рѣчь *de pulchro Platónico*. — Въ 1839 году переведенъ былъ на ту-же должность въ московскій университетъ, гдѣ, въ 1841 году, произнесъ на актѣ рѣчь *de virtute romana ejusque causis*. — Уволенный въ 1842 году, за выслугу сверхъ двадцатипяти-лѣтняго срока еще пяти лѣтъ, Якубовичъ отправился въ Вильно, потомъ въ Кіевъ, а наконецъ въ Кременецъ. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ Житомирѣ, занимаясь нравственною философією и приготавливая сочиненіе по этому предмету на польскомъ языкѣ. Умеръ въ 1853 году.

учной дѣятельности стараго лица, — и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ однимъ изъ послѣднихъ представителей филологіи временъ возрожденія, которыхъ типы, быть можетъ, и теперь еще не совсѣмъ вымерли въ Европѣ. Высокій, сухой человѣкъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ внѣ своего предмета являлся дряхлымъ старикомъ. Но когда дѣло шло о какомъ-нибудь словѣ или оборотѣ римскаго писателя, о какомъ-нибудь вариантѣ стиха виргиліева или гораціева, — Якубовичъ совершенно преображался и становился молодымъ энтузіастомъ: вся фигура его приходила въ движеніе и слова шли изъ устъ какъ-то смѣшанно, торопливо, погоняя другъ друга. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова влюбленъ въ произведенія и обычаи римской жизни. Слушатели его никогда не забудутъ лекціи о римскихъ баняхъ. Потерявъ любимаго сына, старый профессоръ, обливаясь слезами, говорилъ: «что за мальчикъ былъ! двѣнадцати лѣтъ зналъ наизусть двѣ книги Энеиды!» При такомъ живомъ сочувствіи къ своему предмету, и владея самъ огромною, хотя, быть можетъ, и непримѣняемою къ жизни эрудиціею, Якубовичъ къ сожалѣнію не умѣлъ передать своего чувства студентамъ. Его восторги срывали у нихъ невинную улыбку, которой не замѣчалъ добродушный профессоръ. Положительныхъ свѣдѣній изъ его грамматическихъ и филологическихъ лекцій слушатели выносили немного. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что первый и второй выпускъ въ университетѣ болѣе всего дали способныхъ филологовъ. Но это явленіе приписать должно не университету св. Владимира: оно было слѣдствіемъ системы обученія, принятой въ старыхъ польскихъ училищахъ этого края.

Русская Словесность была преподаваема до 1840 года тремя преподавателями: сначала ординарный профессоръ М. А. Максимовичъ преподавалъ одинъ, а съ 1836 года при помощи адъюнктовъ: Н. П. Голубкова, а потомъ В. Н. Крассова.

Профессоръ Максимовичъ постоянно преподавалъ студентамъ обонхъ факультетовъ исторію русской словесности по своимъ запискамъ, которыя составлялъ на основаніи самыхъ памятниковъ отечественной словесности. Съ особенною любовью останавливался Максимовичъ на произведеніяхъ велико-

русской и южно-русской народной поэзии и на Слово о Полку Игореве. Кроме этого, съ 1836—1837 года, онъ употреблялъ сначала три, а потомъ полтора часа въ недѣлю для критическаго чтенія образцовыхъ русскихъ писателей, для разбора сочиненій студентовъ на заданныя или ими самими избранныя темы, и наконецъ для упражненія казеннокоштныхъ студентовъ въ чтеніи изустныхъ лекцій о разныхъ предметахъ. Какъ первый ректоръ новаго университета, какъ профессоръ, имѣвшій болѣе другихъ литературную извѣстность, Максимовичъ пользовался особеннымъ авторитетомъ въ университетѣ и въ обществѣ и служилъ въ то время единственнымъ органомъ къ сближенію ихъ между собою. Такое значеніе Максимовича не осталось безъ вліянія и на студентовъ. Независимо отъ этого, и какъ преподаватель, одаренный живою одушевленною рѣчью, онъ увлекалъ молодежь университетскую. Положительныхъ знаній изъ лекцій его студенты выносили мало, но такими лекціями, каковы, напримѣръ, всѣмъ памятныя лекціи его о народной поэзии и Слово о Полку Игоря, и его замѣчательныя критическія разборы авторовъ, онъ умѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и дѣйствовать на эстетическое развитіе молодыхъ людей. Въ этомъ и заключается великая заслуга Максимовича для молодаго университета, гораздо болѣе плодотворная и въ то время необходимая, чѣмъ огромная, но сухая эрудиція. Къ сожалѣнію, не владея иностранными языками, онъ не могъ знакомить слушателей съ произведеніями западной словесности, для которой впрочемъ не было особенной кафедры. Максимовичъ не былъ теоретикомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Высказанныя имъ въ первыхъ лекціяхъ предварительныя теоретическія понятія о словесности, быть можетъ, и не удовлетворяли правиламъ строго-логическаго построенія; но одушевленность и жизненность изложенія увлекали студентовъ. Слѣза и значеніе Максимовича — въ критическихъ разборахъ писателей. За теорію онъ никогда и не брался, возлагая этотъ трудъ на своихъ адъюнктовъ, которымъ поручалось чтеніе теоріи краснорѣчія и теоріи поэзии. Сначала исправляющимъ должность адъюнкта у Максимовича былъ воспитанникъ педагогическаго института, Н. П. Голубковъ, который въ 1836

и 1837 году читалъ теорію поэзіи по Бахману студентамъ втораго и третьяго курсовъ по два часа въ недѣлю, и сверхъ того по три часа занимался съ студентами перваго курса обоихъ факультетовъ разъясненіемъ свойствъ русскаго языка и практическими упражненіями въ сочиненіяхъ. Голубковъ прошелъ, въ свое короткое однолѣтнее пребываніе въ университетѣ, вовсе незамѣченнымъ и памятенъ только совершенною неспособностію въ преподаваніи. Въ 1837 и 1838 году замѣнилъ его кандидатъ московскаго университета, В. И. *Крассовъ*, читавшій всего два года *): въ первомъ году теорію краснорѣчія по запискамъ, составленнымъ на основаніи чтеній о словесности Давыдова и сочиненій Бутервека, Рихтера, Эберггарда и Бахмана, а во второмъ году излагалъ теорію поэзіи по Бахману, употребляя на чтеніе по три часа въ недѣлю и сверхъ того упражнялъ студентовъ въ русскомъ слога по полтора и по три часа въ недѣлю.

Крассовъ былъ даровитая поэтическая натура, но нисколько не профессоръ. Поэтической талантъ его видѣнъ въ многихъ напечатанныхъ имъ стихотвореніяхъ (въ Библиотекѣ для чтенія и Отечественныхъ Запискахъ) въ гейневскомъ родѣ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ приобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ подъ вліяніемъ минуты съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Этою восторженностію онъ производилъ нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей, только что поступившихъ въ

*) Василій Ивановичъ *Крассовъ* родился въ 1810 году отъ родителей духовнаго званія. Окончивъ ученіе въ вологодской семинаріи, поступилъ въ московскій университетъ, гдѣ, по окончаніи курса наукъ по словесному отдѣленію, получилъ степень кандидата и въ 1835 году опредѣленъ старшимъ учителемъ русской словесности въ черниговскую гимназію. Въ 1837 году опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ св. Владиміра, гдѣ произнесъ, въ 1838 году, на торжественномъ актѣ рѣчь «О современномъ направленіи вообще и преимущественно въ Россіи.» Въ 1839 году уволенъ изъ университета и занималъ должность учителя въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній московскаго округа. Умеръ въ 1855 году, въ крайней бѣдности.

университетъ, но старые студенты мало цѣнили его лекціи, состоявшія изъ ходячихъ въ то время фразъ «о непонятыхъ натурахъ, о людяхъ, родившихся на свѣтъ съ богатствомъ жизненныхъ вопросовъ» и т. п. Впрочемъ къ чести Крассова должно сказать, что восторженность его была неподдѣльная и жаръ, съ которымъ онъ читалъ лекціи, не *подкожнымъ* жаромъ, но истекалъ прямо изъ свойствъ его поэтической личности. Вообще у него было много благородства и душевной теплоты. Несостоятельность ученыхъ свѣдѣній Крассова вполне оказалась на докторскомъ его диспутѣ; тутъ его не могла уже выручить даже блестящая его фразеологія и ему отказано было въ ученой степени.

При вопросѣ о замѣщеніи кафедры *всеобщей исторіи* въ новомъ университетѣ, явилось два претендента: художникъ *Гоголь* и ученый магистръ и адъюнктъ харьковскаго университета *В. Ф. Цыхъ*. — Не смотря на то, что перваго претендента поддерживала литературная аристократія столицы, не смотря на то, что онъ, по его собственнымъ словамъ, «имѣлъ чинъ коллежскаго асессора и былъ не новичекъ, потому что занимался долго преподаваніемъ и имѣлъ глубокія историческія познанія» *), правительство предпочло художнику — скромнаго, едва начинавшаго профессорское поприще ученаго. Къ сожалѣнію, профессоръ Цыхъ началъ свои чтенія въ августѣ 1834 года, а въ апрѣлѣ 1837 года его уже не стало.... Въ столь короткое пребываніе въ университетѣ, Цыхъ успѣлъ прочесть древнюю исторію, средневѣковую и часть новой до Людовика XIV, преподавая по четыре часа въ недѣлю. Официальные отчеты самаго Цыха о своихъ лекціяхъ, мысли изложенныя имъ въ его замѣчательной магистерской диссертациі о способѣ преподаванія исторіи, и наконецъ рассказы и впечатлѣнія, вынесенныя изъ его лекцій слушателями, даютъ приблизительно вѣрное понятіе о томъ, 1) какъ понималъ онъ свою науку, 2) какъ смотрѣлъ онъ на свое призваніе и наконецъ 3) о томъ планѣ, по которому преподавалъ свой предметъ въ университетѣ.

«Исторія въ идеалѣ, говоритъ онъ (диссертациія стр. 120),

*) Записки о жизни Гоголя. I. Письмо къ Максимовичу.

есть наука, изображающая теченіе нравственной жизни рода человѣческаго, какъ индивидуально, такъ и по народамъ и относительно всего рода человѣческаго.... Исторія, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія и сколько-нибудь приблизительно къ своему идеалу, есть нѣкоторымъ образомъ *Παμμαθησις*; относительно предшествующихъ періодовъ человѣческихъ знаній (*ibid.* 127—128)). Имѣя такое понятіе объ наукѣ, Цыхъ долженъ былъ имѣть высокое понятіе и о призваніи своемъ, какъ профессоръ исторіи. «Истинный преподаватель исторіи въ университетѣ, по его словамъ, долженъ во-первыхъ имѣть гуманное настроеніе духа, быть прежде всего человѣкомъ, а потомъ гражданиномъ извѣстнаго общества, во-вторыхъ обнимать и излагать свою науку стройно и органически, владѣть самъ и знакомить слушателей со всѣми источниками своей науки, быть вполне современнымъ проводникомъ всѣхъ новыхъ воззрѣній и открытій въ наукѣ къ своимъ слушателямъ и наконецъ соглашать свое преподаваніе съ потребностями слушателей и съ образомъ мыслей того государства, въ которомъ живетъ онъ. Сознаваясь, что ни лѣта, ни способности, ни познанія не позволяли ему сдѣлаться достойнымъ исполнителемъ той высокой обязанности, къ которой призванъ, Цыхъ думалъ только со временемъ постепенно приближаться къ своему идеалу. Что касается до плана его лекцій, то за основу преподаванія онъ бралъ обыкновенно лучшій учебникъ, изданный въ Германіи, отдавая предпочтеніе германскимъ учебникамъ предъ французскими за ихъ систематизмъ, всеобъемлемость относительно фактической стороны и богатое указаніе источниковъ. Лучшими же изъ германскихъ учебниковъ онъ признавалъ по древней и новой исторіи Герена, а по средневѣковой — Рёмера. Придерживаясь системы избраннаго учебника, Цыхъ излагалъ историческіе факты въ жизни отдѣльныхъ народовъ по какому-нибудь хорошему новому сочиненію (*Umarbeitung*), повѣряя это изложеніе источниками первой руки и лучшими монографіями. Исторію каждаго народа или періода Цыхъ раздѣлялъ на «исторію происшествій и исторію внутреннюю, т. е., на томъ основаніи, что человѣкъ, живя въ предѣлахъ «гражданственности, живетъ наружно и внутренно». Исто-

рія проишествій у него всегда предшествовала исторіи внутренней, то есть, «отдѣльному развитію главныхъ элементовъ челоѣчества: религіи, гражданственности, ученаго образованія, и второстепенныхъ: быта военнаго, торговли и промышленности и быта обществности». — (Диссертація стр. 123, 26). Если Цыху приходилось излагать событія по источникамъ первой руки, то онъ старался представлять факты со всею точностію и сохранять по возможности характеръ и, такъ сказать, колоритъ произведеній того источника, которому слѣдовалъ. Такъ въ своихъ лекціяхъ о персидской исторіи онъ дѣлалъ краткое извлеченіе изъ книгъ Зенд-Авесты, чтобы короче познакомить своихъ слушателей съ характеромъ и духомъ какъ цѣлой системы ученія Цердушты, такъ и важнѣйшихъ догматовъ ея порознь. Извѣстные отдѣлы греческой исторіи онъ излагалъ въ извлеченіяхъ по Геродоту, Фукидиду и Ксенофону. Въ римской исторіи Цыхъ уклонялся отъ своего плана: всѣ его лекціи представляютъ просто огромное извлеченіе изъ Нибура — безъ всякой повѣрки и безъ общаго изложенія исторической системы знаменитаго историка. Въ средневѣковой исторіи Цыхъ знакомилъ своихъ слушателей съ первыми въ его время корнями исторической науки: Гизо, Тьерри, Барантомъ и Люденомъ.

Излагая съ каедръ всеобщую исторію по обыкновенному ея раздѣленію на древнюю, среднюю и новую, Цыхъ признавалъ впрочемъ это раздѣленіе «какъ не основанное на различіи характера развитія элементовъ челоѣчества, несообразнымъ съ понятіями объ исторіи новѣйшаго времени, въ которое обращаютъ несравненно болѣе вниманія на исторію внутреннюю». А потому у Цыха было другое понятіе о частяхъ всемірной исторіи. Онъ признавалъ, «что на основаніи понятій о цѣлой совокупной жизни рода челоѣческаго исторія можетъ быть раздѣлена на три отдѣленія:

- 1) Исторію азіатскаго или восточнаго челоѣчества,
- 2) Исторію народовъ эллипскихъ и итальянскихъ и
- 3) Исторію народовъ средней и сѣверной Европы».

(Диссертація страница 125). По этому плану профессоръ, сколько видно изъ отчета объ его занятіяхъ въ 1834 году,

намѣренъ былъ обработать полный курсъ всеобщей исторіи, по многосложнымъ занятіямъ по преподаванію, ректорской должности и визитаторству училищъ, а потому преждевременная смерть не позволила осуществиться этому труду.

Университетъ гордился Цыхомъ, какъ лучшимъ изъ своихъ преподавателей, у всѣхъ слушателей, безъ различія народныхъ предубѣжденій, онъ пользовался громаднымъ уваженіемъ. И дѣйствительно — въ свое время Цыхъ былъ однимъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи въ Россіи. Но владѣя огромною памятью и эрудиціею, Цыхъ не имѣлъ ясности и живости историческаго созерцанія. Бойко владѣя языкомъ, въ плавной одушевленной рѣчи Цыхъ передавалъ слушателямъ всю массу своихъ свѣдѣній, часто не умѣя совладѣть съ громадностію своего знанія, и потому невольно наводилъ на мысль объ отсутствіи въ немъ самостоятельной энергіи. Онъ не былъ профессоромъ-художникомъ, подобно Грановскому, который умѣлъ извлечь изъ извѣстныхъ ему источниковъ именно все существенно необходимое въ предметѣ и въ пластическихъ образахъ передать извлеченное слушателямъ. Такимъ образомъ и вліяніе Цыха на студентовъ и значеніе его между ними *) было совсѣмъ не то, какое имѣлъ Грановскій въ Москвѣ. Цыхъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, которое было близко къ страху, ибо онъ подавлялъ своихъ слушателей своею ученостію и громадностію своего преподаванія. Цыхъ очень хорошо понималъ всю важность сочувственнаго настроенія между профессоромъ и его слушателями. «Между преподавателемъ и его слушателями,» говорилъ онъ въ вступительной лекціи, «должна существовать нѣкоторая симпатія, и эту симпатію я почитаю однимъ изъ вѣрныхъ ручательствъ, а дидактическую дѣятельность перваго и за успѣхи послѣднихъ». Но напрасно ожидалъ этой симпатіи профессоръ, замѣчательный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Отсутствіемъ этой симпатіи, при кратковременности преподаванія Цыха,

*) Мы не говоримъ уже о значеніи въ обществѣ. Независимо отъ личныхъ качествъ, Цыхъ не могъ имѣть такого значенія, какъ Грановскій, вслѣдствіе временныхъ и мѣстныхъ условій, среди коихъ былъ поставленъ.

между прочимъ объясняется и то, что Цыхъ не успѣлъ образовать ни одного спеціалиста, тогда какъ его сотоварищъ Максимовичъ, уступавшій ему въ учености, успѣлъ приготовить ихъ нѣсколько *). Съ другой стороны, отсутствіемъ самостоятельности объясняется и то, что изъ всѣхъ разсказовъ его слушателей трудно уловить и опредѣлить социальныя убѣжденія, вынесенныя профессоромъ изъ занятія исторіею. «Любимыхъ историческихъ явленій и личностей», по словамъ одного изъ его слушателей, «у Цыха не было: онъ высказывалъ сочувствіе не къ историческимъ дѣятелямъ и явленіямъ, но къ ихъ историкамъ, которыхъ онъ любилъ за то, что они написали исторію». Одно только можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностію: Цыхъ былъ врагъ клерикальнаго направленія....

Мѣсто Цыха заступилъ исправляющій должность адъюнкта (нынѣ экстраординарный профессоръ) *А. И. Ставровскій* **), ученикъ Лоренца. Оканчивая въ первомъ полугодіи по два часа въ недѣлю начатую покойнымъ Цыхомъ новую исторію, отъ вестфальскаго мира до приведенія въ исполненіе Наполеономъ плана всемірной монархіи, Ставровскій, сначала по два часа, а потомъ по шести часовъ и по четыре часа въ недѣлю, читалъ древнюю исторію до паденія западной римской имперіи. Въ лекціяхъ своихъ Ставровскій въ первые годы держался, подобно Цыху, плана учеб-

*) Замѣчательно, что при всей доступности со стороны Цыха, студенты косо смотрѣли на одного изъ товарищей, который спеціально трудился по исторіи и пользовался особымъ вниманіемъ профессора. Спеціалистъ, впрочемъ, изъ этого студента не вышелъ: будущее показало, что онъ занимался усильно предметомъ ректора Цыха, иныхъ цѣлей ради. Студенты чутьемъ, въ этомъ отношеніи, вѣрнѣе угадали, чѣмъ профессоръ.

***) Алексѣй Ивановичъ *Ставровскій*, сынъ священника, родился въ 1809 году, въ новгородской губерніи, воспитывался въ главномъ педагогическомъ институтѣ и началъ службу въ 1836 году при университетѣ св. Владиміра, въ званіи исправляющаго должность адъюнкта. Въ 1842 году, по выдержаніи испытанія на степень магистра, утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ. Сверхъ своей должности, былъ членомъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, преподавателемъ исторіи въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Нынѣ имѣетъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ Станислава второй степени.

ной книги Герена, обрабатывая фактическую часть ихъ по Беккеру и Бекку, а прагматическую по идеямъ своего учителя Лоренца. Впослѣдствіи Ставровскій измѣнилъ способъ преподаванія, но эта позднѣйшая дѣятельность его относится уже къ слѣдующему періоду.

Съ кафедрю всеобщей исторіи соединена была по первоначальному образованію факультета *статистика*, которую съ 1836 до 1837 года преподавалъ также А. И. Ставровскій, читая въ теченіе года отъ часу до трехъ часовъ въ недѣлю. Руководствомъ Ставровскому служили сначала Циціусъ, Мальхусъ и Роонъ; а съ 183⁸/₉ года теорія статистики Гольцетана и, для такъ называемой прикладной статистики, Statystyka Енгуру Козловскаго и статистика Зябловскаго. Данныя, изложенныя у Козловскаго и Зябловскаго этнографически, профессоръ передавалъ по синкретической или сравнительной методѣ, видоизмѣняя ихъ иногда на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ русскихъ газетъ и журналовъ.

Русская исторія съ открытія университета въ теченіе двухъ лѣтъ не была преподаваема, такъ какъ чтеніе ея было отнесено въ первоначальномъ распредѣленіи предметовъ къ третьему и четвертому курсамъ. Въ 183⁶/₇ году началъ читать ее исправляющій должность адъюнкта, А. И. Ставровскій по три часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, заимствуя планъ и основныя идеи изъ лекцій своего учителя, профессора Устрялова, и дополняя ихъ свѣдѣніями изъ Карамзина, Полеваго и лѣтописей. Ставровскаго чрезъ годъ замѣнилъ вновь назначенный адъюнктомъ, воспитанникъ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко, старшій учитель исторіи первой кievской гимназій, В. Θ. *Домбровскій* *), при кото-

*) Василій Федоровичъ *Домбровскій*, изъ дворянъ черниговской губерніи, родился въ 1810 году. Образование получилъ въ гимназій высшихъ наукъ князя Безбородко и по окончаніи въ ней курса опредѣленъ, въ 1831 году, учителемъ нѣмецкаго языка въ этой гимназій. Съ 1833 по 1837 годъ онъ состоялъ учителемъ географіи и исторіи, сначала въ уѣздномъ кievо-подольскомъ училищѣ, потомъ въ первой кievской гимназій и сверхъ того компанымъ надзирателемъ при благородномъ пансіонѣ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, прослушавъ его лекцію въ гимназій объ Иванѣ III, прочитанную, впрочемъ, по Устрялову, остался весьма довольнымъ и вызвалъ его въ С. Петербургъ для ознакомленія съ методою

ромъ собственно русская исторія сдѣлалась въ послѣдствіи предметомъ спеціальной каѳедры. И при Домбровскомъ русская исторія въ университетѣ св. Владиміра не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности. Причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависѣвшихъ отъ профессора, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Устряловъ въ то время царилъ въ области русской исторіи, приобрѣтя магическую силу новымъ рѣшеніемъ вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ въ русской исторіи великимъ княжествомъ литовскимъ. Изданные имъ три тома русской исторіи пользовались непререкаемымъ авторитетомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, назначая Домбровскаго преподавателемъ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, почелъ нужнымъ вызвать его сначала въ Петербургъ для изученія у Устрялова методы преподаванія. Очевидно, что при этомъ имѣлась въ виду цѣль уяснить посредствомъ изслѣдованій Устрялова историческія отношенія здѣшняго края восточной Руси и ко всему государству русскому. Но мѣстные обстоятельства въ край были въ то время таковы, что стоило слушателямъ угадать эту цѣль, чтобы охладѣть къ русской исторіи и подозрѣвать въ самомъ даже правильномъ рѣшеніи вопроса преднамѣренное искаженіе. Преподаваніе русской исторіи въ здѣшнемъ край могло принести плоды, только сохраняя чисто научный характеръ. Но требованіямъ науки не могъ вполне удовлетворять профессоръ Домбровскій при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый преподаватель.

Всѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣлъ онъ, былъ онъ обязанъ

Язвинскаго и преподаваніемъ Устрялова. По возвращеніи изъ столицы, онъ былъ опредѣленъ сначала преподавателемъ, потомъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1838 году онъ уволенъ былъ отъ всѣхъ прежнихъ должностей и остался исключительно при университетѣ. Въ 1841 году возведенъ въ званіе исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ періодѣ университета онъ читалъ, сверхъ русской исторіи, политическую экономію и русскія древности, исправлялъ должность секретаря факультета и исполнялъ разныя порученія начальства по округу. Умеръ въ 1846 году.

самому себѣ. Съ историческими школами, съ литературою исторической науки и современными требованіями и результатами ея онъ вовсе не былъ знакомъ. Какъ лекціи, такъ и ученые труды Домбровскаго служили доказательствомъ, что трудно быть профессоромъ русской исторіи, не получивъ серьезнаго общенсторическаго образованія. Домбровскій памятенъ своимъ слушателямъ снисходительностію на испытаніяхъ, благороднымъ гуманнымъ обращеніемъ и лекціямъ, въ которыхъ слышались фразы изъ книги Устрялова, произносимыя громкимъ, размѣреннымъ, торжественнымъ голосомъ съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей изъ Карамзина. Подробности эти, впрочемъ, безъ особенной рациональной цѣли излагаемыя, заключались болѣею частію въ трудно произносимыхъ названіяхъ ничтожныхъ личностей и мѣстностей изъ татарской или литовской исторіи. Правда, профессоръ поднималъ и бывший тогда въ ходу вопросъ о происхожденіи руссовъ, но въ памяти слушателей отъ всего историческаго ученія остался только дико звучащія названія днѣпровскихъ пороговъ. Литовскою и западно-русскою исторіею профессоръ занимался у себя въ кабинетѣ, но не знакомилъ слушателей съ результатами своихъ изслѣдованій. Напечатаны были въ «Кіевлянинѣ» только двѣ довольно замѣчательныя статьи его по этой части: «Острожская и Луцкая старшина».

Преподаваніе новыхъ языковъ и ихъ литературъ.

Въ университетѣ преподавались языки нѣмецкій, французскій, польскій, подъ конецъ этого періода замѣнешный италіянскимъ.

Слушаніе языковъ нѣмецкаго и французскаго и ихъ литературъ было обязательно для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ перваго отдѣленія филологическаго факультета. Студенты тѣхъ же курсовъ прочихъ факультетовъ обязаны были по выбору слушать одинъ изъ этихъ языковъ съ его литературою.

Все преподаваніе и всѣ слушатели, по степени ихъ знаній, раздѣлялись на два разряда: въ первомъ, шизшемъ, по три

часа въ недѣлю преподавался языкъ по преимуществу практически, во второмъ, высшемъ — излагалась исторія словесности и объясняемы были критически произведенія лучшихъ авторовъ, также по три часа въ недѣлю. На каждый языкъ употреблялось такимъ образомъ шесть часовъ.

1) Лекторъ нѣмецкаго языка, А. Ф. Лидль *), въ низшемъ отдѣленіи преподавалъ главныя правила нѣмецкаго языка по Гримму и Гейзе и упражнялъ учащихся въ переводахъ и легкихъ сочиненіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, объясняя практически отличіе нѣмецкаго языка отъ русскаго и наконецъ читалъ и объяснялъ легкія сочиненія Шиллера и Грильпарцера.

2) Въ высшемъ отдѣленіи лекторъ читалъ исторію нѣмецкой словесности по Вахлеру, Коберштейну, Штеберу и Бутервеку и объяснялъ критически поэтовъ Шиллера и Гете, и прозаика А. Шлегеля. Въ этомъ же отдѣленіи студенты упражняемы были въ переводахъ на нѣмецкій языкъ отрывковъ изъ произведеній Жуковскаго, Батюшкова и другихъ русскаихъ писателей. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ случай учиться у Лидля, онъ былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ заставить слушателей заниматься своимъ предметомъ.

Лекторъ А. К. Плянсонъ, изъ бывшихъ учителей лицея**),

*) Альбертъ Францовичъ Лидль, изъ дворянъ волынской губерніи, родился въ 1805 году и воспитаніе получилъ въ кременецкомъ лицей. По окончаніи курса наукъ, въ 1825 году, состоялъ на службѣ учителемъ нѣмецкаго языка, сначала въ минской, потомъ виленской гимназіи и наконецъ въ кременецкомъ лицей. Издавалъ грамматику нѣмецкаго языка и хрестоматию, принятая виленскимъ университетомъ за учебныя руководства для гимназій, перевелъ, по порученію университета, на нѣмецкій языкъ съ польскаго католическій катихизисъ. Въ 1834 году опредѣленъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ университетъ св. Владиміра и, состоя въ этой должности, сверхъ того читалъ нѣмецкій языкъ въ высшемъ классѣ первой кievской гимназіи. Въ 1837 году переведенъ въ казанскій университетъ на ту-же должность. Окончилъ жизнь въ отставкѣ самоубійствомъ, въ сороковыхъ годахъ.

**) Антонъ Карловичъ Плянсонъ, изъ иностранцевъ, кавалеръ ордена Ливоніи и Почетнаго легіона, родился въ 1791 году, прибылъ въ Россію въ 1812 году. Сначала занимался обученіемъ въ частныхъ домахъ, а съ 1817 по 1834 годъ состоялъ учителемъ французскаго языка въ Бѣлостокской, гродненской, виленской гимназіяхъ и волынскомъ лицей. Въ этомъ періодѣ времени издалъ на польскомъ языкѣ грамматику французскаго языка, при-

располагалъ свое преподаваніе въ томъ же порядкѣ, какъ и Лидль. Въ низшемъ отдѣленіи онъ излагалъ главныя правила и трудности; то есть, особенности (*difficultés*) французскаго языка по собственной грамматикѣ съ дополненіями изъ Ноэля и Шапсаля, кромѣ того упражнялъ студентовъ въ легкихъ переводахъ, сочиненіяхъ и декламациі. При этомъ должно замѣтить, что онъ владѣлъ безукоризненнымъ произношеніемъ, а относительно декламациі придерживался преданій классической пѣвучей школы. Въ высшемъ отдѣленіи Плянсонъ читалъ исторію французской словесности по руководству Женгене (*Ginguéné*), дополняя объясненіями изъ Баранта и Лагарпа и сопровождая чтеніе критическимъ разборомъ отрывковъ изъ классическихъ авторовъ. Сверхъ того и въ этомъ отдѣленіи Плянсонъ задавалъ студентамъ сочиненія. По своимъ эстетическимъ мнѣніямъ онъ былъ вполне послѣдователь Буало и Лагарпа. И въ практическихъ упражненіяхъ, и въ историческихъ чтеніяхъ, особенно налегалъ на эпистолярный родъ и былъ любитель фразъ, риторическихъ украшеній и псевдо-классическихъ преданій. Каждую лекцію Плянсонъ начиналъ словами: «*Messieurs! Henri IV a dit: par droit et par raison, chaque professeur dans sa classe est comme maître dans sa maison! Silence donc!* По отзывамъ студентовъ того времени, на сколько Лидль приносилъ пользы студентамъ, на столько Плянсонъ былъ бесполезенъ. Кромѣ громкихъ фразъ въ родѣ той, что слава Расина не умретъ, пока будутъ люди пить кофе — студенты изъ его лекцій ничего другаго не выносили.

Польскій языкъ въ 1834 году преподавалъ лекторъ *Микульскій* *), для желающихъ, по два часа въ недѣлю, раздѣляя

пятаку въ руководство въ виленскомъ округѣ. Съ 1834 по 1839 годъ былъ лекторомъ при университетѣ св. Владимира и читалъ французскій языкъ въ VII классѣ первой кievской гимназій, а въ 1839 году переведенъ лекторомъ въ харьковскій университетъ.

*) Иосифъ Иосифовичъ *Микульскій*, изъ дворянъ, родился въ 1796 году, обучался сначала въ галицкихъ училищахъ, въ Сбаражѣ и Бучачѣ, а потомъ въ кременецкомъ лицей. Съ 1818 года состоялъ при томъ же лицей помощникомъ бібліотекаря и учителемъ англійскаго языка; а въ 1834 году опредѣленъ на должность лектора польскаго языка и помощника бібліотекаря въ университетъ св. Владимира. Въ 1835 году уволенъ.

также слушателей на два отдѣленія: въ низшемъ читалъ грамматику по Савиничу и упражнялъ студентовъ въ переводахъ, а въ высшемъ — читалъ о слогѣ и упражнялъ ихъ въ сочиненіяхъ. Въ 1835 году Микульскій былъ уволенъ и преподаваніе польскаго языка поручено было адъюнкту по кафедрѣ древней словесности, *Корженевскому*, который продолжалъ преподаваніе по тому же плану, излагая студентамъ низшаго отдѣленія грамматику и занимая ихъ изъясненіемъ авторовъ, а въ высшемъ отдѣленіи, читая исторію польской словесности по одному часу въ недѣлю. Съ 183 $\frac{6}{7}$ года преподаваніе польскаго языка было прекращено сначала по неимѣнію преподавателя, а потомъ вовсе исключено изъ круга университетскаго преподаванія.

Италянскій языкъ до 183 $\frac{8}{10}$ года не былъ преподаваемъ по недостатку лектора; съ этого же года назначенный лекторомъ г. *Бертони* излагалъ для желающихъ, на французскомъ языкѣ, отъ трехъ до пяти часовъ въ недѣлю правила итальянской грамматики и фразеологіи, упражнялъ ихъ въ переводахъ съ итальянскаго языка на французскій и объяснялъ итальянскихъ образцовыхъ авторовъ.

Лекціи 2-го отдѣленія философскаго факультета.

Въ составъ втораго отдѣленія философскаго факультета по уставу 1833 года входили слѣдующія кафедры:

- 1) Чистая и прикладная математика.
- 2) Астрономія.
- 3) Физика и физическая географія.
- 4) Химія.
- 5) Минералогія и геогнозія.
- 6) Ботаника.
- 7) Зоологія.
- 8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, студенты втораго отдѣленія слушали еще нѣкоторые предметы перваго отдѣленія, о которыхъ сказали выше. Только въ 1840 году отдѣленіе раздѣлено было на два разряда: наукъ математическихъ и наукъ естественныхъ.

Всѣ почти каѳедры этого отдѣленія замѣщены были въ первомъ году университета, исключая каѳедры астрономіи, сельскаго хозяйства, технологіи и лѣсоводства.

Деканами отдѣленія въ періодъ времени съ 183³/₅ по 183⁹/₄₀ годъ были профессора: Выжевскій, Зѣновичъ и Гофманъ.

1. Чистая и прикладная математика.

Всѣ предметы, входящіе въ составъ этихъ каѳедръ, были преподаваемы въ университетѣ сначала ординарнымъ профессоромъ прикладной математики *Выжевскимъ*, адъюнктомъ *Гречиною* и профессоромъ архитектуры *Мѣховичемъ*. Съ 1837 года, по увольненіи Выжевскаго, Гречинъ, возведенному въ званіе экстраординарнаго профессора, и Мѣховичу помогаль сначала временный преподаватель, старшій учитель первой кievской гимназій *Гренковъ*, а съ 1839 года опредѣленный адъюнктомъ *А. Н. Тихомандрицкій*.

Ординарный профессоръ Степанъ Степановичъ *Выжевскій* *) читалъ: а) дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе, руководствуясь сочиненіемъ Лакроа, — студентамъ 2 и 3-го курсовъ по три часа въ недѣлю; б) аналитическую геометрію по руководству Біо, студентамъ 1-го курса по три часа въ недѣлю, и с) въ 1836 году статику и динамику, придерживаясь сочиненій Пуассона и Франскера также по три часа въ недѣлю.

По отзывамъ бывшихъ его слушателей Выжевскій отличался послѣдовательнымъ, строгообдуманымъ и чрезвычайно

*) Степанъ Степановичъ *Выжевскій*, магистръ философіи, надворный совѣтникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ дворянъ, родился въ 1783 году, образованіе получилъ въ педагогическомъ институтѣ виленскаго университета, и съ 1811 по 1834 годъ служилъ учителемъ математики, сначала въ виленской гимназій, а потомъ въ волынской (лицей). Три раза исправлялъ должность префекта лицея. Въ январѣ 1834 года опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ прикладной математики въ университетъ св. Владиміра. Во время службы при университетѣ, три года сряду избираемъ былъ въ деканы отдѣленія, ревизовалъ университетскія имѣнія и въ 1837 году, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Умеръ въ Кременцѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

обширнымъ преподаваніемъ. Не приготовленный на лекцію никогда не приходилъ; самъ въ высшей степени точный и отчетливый въ выраженіяхъ, требовалъ того же отъ своихъ слушателей. Въ сношеніяхъ своихъ съ студентами держалъ себя довольно неприступно и гордо.

Адъюнктъ, а потомъ экстраординарный профессоръ, Г. В. *Гречина* *) съ 1834 по 1837 годъ читалъ алгебру по собственному сочиненію студентамъ 1-го курса по три часа въ недѣлю; въ 1836 году аналитическую геометрію; а съ 1837 года, по увольненіи Выжевскаго, началъ преподавать дифференціальное, интегральное и варіаціонное исчисленіе, гидростатіку и гидродинамику, передавъ алгебру и аналитическую геометрію старшему учителю Гренкову. По свидѣтельству слушателей, Гречина, уступая Выжевскому въ точности и обширности изложенія, превосходилъ его живостію чтеній. Не всегда являясь въ аудиторію приготовленнымъ, онъ вообще читалъ не такъ ровно, какъ Выжевскій, за то иныя обдѣланныя лекціи у него выходили гораздо выше лекцій Выжевскаго. Читалъ по переведеннымъ учебникамъ.

Преподаватель *Н. М. Гренковъ* читалъ полтора года алгебру и годъ аналитическую геометрію по собственнымъ запискамъ, которыя извлекалъ изъ лекцій своего учителя Остроградскаго и изъ сочиненій Гречины и Бурдона.

Въ 1839 году математику начали преподавать экстраординарный профессоръ *Н. А. Дьяченко* и адъюнктъ *А. Н. Тихомандрицкій*.

*) Григорій Власьевичъ *Гречина*, докторъ математическихъ наукъ, коллежскій ассессоръ и кавалеръ ордена Станислава четвертой степени, изъ дворянъ, родился въ 1796 году. По окончаніи курса наукъ въ волынской гимназіи, Гречина обучался въ виленскомъ университетѣ и получилъ чрезъ годъ, по окончаніи курса, степень магистра философіи (1817 г.). Въ 1819 году началъ службу въ званіи учителя алгебры и геометріи въ волынскомъ лицей и служилъ здѣсь до перехода въ университетъ св. Владиміра, въ 1834 году. Въ Кременецѣ издалъ на польскомъ языкѣ переводъ начертательной геометріи Потье, теорію капиллярныхъ явленій и алгебру. Въ 1837 году возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора; въ 1839 году утвержденъ въ ученой степени доктора и переведенъ на кафедру математики въ харьковскій университетъ, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ.

2. Архитектура.

Архитектуру, вмѣстѣ съ *начертательною геометрією*, съ 183⁵/₆ по 183⁹/₄₀ годъ преподавалъ ординарный профессоръ архитектуры *Млховичъ* *). Архитектуру профессоръ читалъ по три и по два часа въ недѣлю по собственнымъ запискамъ, придерживаясь преимущественно Бортиса, также пользуясь сочиненіями Дюронда и Вобскинга. Въ пособіе при лекціяхъ преподаватель употреблялъ коллекціи чертежей и моделей архитектурнаго кабинета. Недостатокъ первоначальнаго математическаго образованія профессоръ Мѣховичъ, владѣвшій замѣчательными способностями, вполне успѣлъ дополнить специальнымъ изученіемъ своего предмета во время трехъ-лѣтняго пребыванія за-границею. Въ Парижѣ, въ политехнической школѣ, онъ слушалъ знаменитыхъ специалистовъ по прикладной математикѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе на студентовъ не столько чтеніемъ архитектуры, сколько лекціями о приложеніи начертательной геометріи къ наукѣ о тѣняхъ, перспективѣ, оптическихъ изображеніяхъ, анеморфозахъ, рисованіи географическихъ картъ и проч. Записки свои по этому предмету онъ составлялъ на основаніи сочиненій Валле, Гашета и Пюисана. Кромѣ дѣятельности по преподаванію, Мѣховичъ очень много сдѣлалъ для устройства архитектурнаго кабинета въ университетѣ и исполнялъ разныя порученія по строительной части въ округѣ и въ университетскихъ имѣніяхъ.

3. Астрономія.

По причинѣ поздняго прибытія въ Кіевъ назначеннаго для преподаванія астрономіи профессора, — эта наука въ университетѣ св. Владиміра до 183⁹/₆ года вовсе не была

*) Францъ Ивановичъ *Млховичъ*, надворный совѣтникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ дворянъ, родился въ 1786 году, обучался сначала въ кременецкомъ, волынскомъ училищѣ, а потомъ уже на службѣ довершилъ образованіе въ Парижѣ, съ 1818 по 1821 годъ. До 1834 года служилъ сначала помощникомъ учителя, а потомъ учителемъ архитектуры и архитекторомъ въ волынскомъ лицѣ, завѣдывалъ школою механиковъ, былъ членомъ администраціи лица. Въ 1826 году издалъ сочиненіе «Теорія машинъ.» Въ университетѣ св. Владиміра служилъ съ 1834 по 1839 годъ, когда вышелъ въ отставку съ полною пенсіею.

читана. Въ 1838 году въ первый разъ открыта была кафедра астрономіи, которую занялъ ординарный профессоръ Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ.

Наука была проходима имъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) для студентовъ 1-го курса профессоръ излагалъ *тригонометрію* (какъ плоскую, такъ и сферическую) по два часа въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, составленнымъ преимущественно изъ лекцій дерптскаго профессора М. Бартельса; б) для студентовъ 2-го курса — *теоретическую астрономію* по руководствамъ сочиненій Перевошикова, Шуберта и преимущественно Бонсенбергера; в) студентамъ же 3-го и 4-го курсовъ — *популярную астрономію* по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ руководствомъ служила астрономія В. Брандеса. Сверхъ того студенты 3-го и 4-го курсовъ упражняемы были подъ руководствомъ преподавателя въ производствѣ легкихъ астрономическихъ наблюденій.

В. Ѳ. Ѳедоровъ по своей учебной и административной дѣятельности принадлежитъ къ числу главныхъ дѣятелей во второмъ періодѣ университетской жизни. По этому въ исторіи этого періода и будетъ изложена біографія и характеристика его.

4) Физика и физическая географія.

Съ 183⁴/₅ по 183⁷/₈ годъ физику читалъ ординарный профессоръ *Абламовичъ* отъ трехъ до семи часовъ въ недѣлю. Руководствомъ вообще служили сочиненія Бедана и Пулье, въ частности же преподаватель пользовался и другими авторами. Физическая географія не была чптаема по недостатку преподавателя. Съ 183⁷/₈ года, по увольненіи г. Абламовича, обѣ науки преподавались состоящимъ при университетѣ въ качествѣ преподавателя ординарнымъ профессоромъ кievской духовной академіи г. *Чеховичемъ*, по шести часовъ въ недѣлю. При изложеніи физики преподаватель руководствовался сочиненіемъ *Щелова*: «Начальныя основанія физики», дополняя и пзмѣняя его соотвѣтственно плану, имъ самимъ составленному, придерживаясь притомъ сочиненій Пулье, Біота, Ленца и другихъ. Физическая географія проходима была по запискамъ, извлеченнымъ изъ Мальтъ-Брюна.

Профессоръ *Абламовичъ* *) въ молодости подавалъ большія надежды и получалъ, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ своихъ кременецкихъ сотоварищей средствъ быть отличнымъ профессоромъ, но не удовлетворилъ нисколько богатымъ ожиданіямъ. Положительныхъ знаній во время пребыванія въ Парижѣ онъ приобрѣлъ весьма мало, а въ зрѣломъ возрастѣ физическое развитіе профессора физики остановило развитіе умственное. И на кафедрѣ и въ обыкновенномъ быту, онъ являлся однимъ изъ самыхъ скучныхъ говоруновъ, чтобы не сказать больше. Положительнаго изъ его лекцій слушатели ничего не выносили: онъ говорилъ на кафедрѣ обо всемъ, кромѣ своего предмета. Странная поворотливость языка увеличивалась въ немъ вмѣстѣ съ лѣтами, неповоротливостію ума и развитіемъ тѣла. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ грозою для своихъ знакомыхъ и для всѣхъ студентовъ; онъ ловилъ на улицѣ встрѣчнаго и поперечнаго, и по нѣскольку часовъ задерживалъ его своими разсказами; поэтому каждый, завидя его издалека, уходилъ какъ отъ чумы. Выйдя въ отставку, ничѣмъ не занятый, для удовлетворенія своей страсти къ разсказамъ, *Абламовичъ* нанималъ на цѣлый день извозчика, разѣзжалъ безъ цѣли по городу и отводилъ душу свою въ бесѣдѣ съ этимъ извозчикомъ.

Заступившій его мѣсто преподаватель В. П. *Чеховичъ* читалъ физику въ томъ духѣ, въ какомъ она преподается въ духовныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ онъ самъ изучалъ и

*) Игнатій Карловичъ *Абламовичъ*, изъ дворянъ, родился въ 1787 году, образованіе получилъ въ учительской семинаріи при виленскомъ университетѣ и, окончивъ ее, получилъ степень магистра философіи и денежное вознагражденіе за услѣхи въ наукахъ. Съ 1808 по 1817 годъ служилъ попеременно то учителемъ физики, химіи и естественной исторіи въ виленской гимназій, то помощникомъ профессора физики и химіи въ виленскомъ университетѣ. Въ 1818 году отправленъ для усовершенствованія въ естествознаніи въ Парижъ. Черезъ шесть лѣтъ возвратился къ прежней должности, и въ 1824 году опредѣленъ учителемъ физики въ бывшій волыньскій лицей. Въ 1834 году поступилъ ординарнымъ профессоромъ этого предмета въ университетъ св. Владимира, былъ членомъ училищнаго комитета и въ 1834 году, по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, уволенъ съ полною пенсіею. Имѣлъ орденъ св. Анны третьей степени. Никакихъ ученыхъ трудовъ не оставилъ. Умеръ въ 1848 году отъ холеры.

потомъ преподавалъ этотъ предметъ, и въ которыхъ, какъ извѣстно, физика и математика не восходятъ далѣе гимназическаго курса.

5) Химія.

Съ 1834 по 1839 годъ читалъ химію ординарный профессоръ Степанъ Ѳеодоровичъ *Эльновичъ* *), излагая каждый годъ студентамъ 1-го курса химію неорганическую о тѣлахъ простыхъ не металлическихъ, студентамъ 2-го курса о металлахъ, и органическую химію о растеніяхъ, и наконецъ студентамъ 3-го курса органическую химію о животныхъ и анализъ сложныхъ тѣлъ, — въ каждомъ курсѣ по три часа въ недѣлю.

Какъ неорганическая, такъ и органическая химія слагались у *Эльновича* изъ двухъ частей, теоретической и практической. Къ послѣдней онъ относилъ такъ называемую чистую и техническую химію и читалъ ее, придерживаясь главнымъ образомъ сочиненій Тенара, Берцелліуса, Гизе и Гесса, а также сопровождая свои лекціи опытами, на сколько позволяло состояніе химической лабораторіи. Въ лекціяхъ о такъ называемой теоретической химіи профессоръ являлся вполне самостоятельнымъ: въ нихъ онъ излагалъ свою собственную теорію, которая придавала ему характеръ Парацельса XIX вѣка. Эти лекціи памяты студентамъ, его слушателямъ. Читая ихъ, этотъ согбенный, добродушный старикъ приходилъ въ какой-то пафосъ, голосъ его получалъ

*) Степанъ Ѳеодоровичъ *Эльновичъ*, кандидатъ философіи, надворный советникъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, членъ варшавскаго общества любителей наукъ, изъ дворянъ, родился въ 1779 году, по окончаніи курса наукъ въ луцкомъ уѣздномъ училищѣ, приготавлился въ педагогическомъ институтѣ при виленскомъ университетѣ четыре года къ учительской должности. Въ 1808 году поступилъ въ службу учителемъ математики и физики, сначала въ бобруйское, потомъ въ винницкое уѣздное училище. Въ 1814 году поступилъ учителемъ химіи, минералогіи и геогнозіи въ волынской лицей. Въ 1834 году опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ химіи въ университетъ св. Владиміра и читалъ сверхъ того минералогію и геогнозію. До назначенія ректора, съ января по іюль мѣсяць 1834 года, былъ предсѣдателемъ совѣта. Въ 1839 году уволенъ по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ съ полною пенсією, и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, въ 1856 году, жилъ попеременно то въ Кіевѣ, то въ Кременцѣ.

необыкновенную силу и звучность, — вся личность его оживлялась и онъ въ своей лабораторіи, окруженный внимательными слушателями, являлся какимъ-то средневѣковымъ алхимикомъ-чародѣемъ.

Изложеніе программы его чтеній (изъ официальныхъ отчетовъ) можетъ дать понятіе о его теоріи, но никогда не передастъ того впечатлѣнія, какое производилъ Зѣновичъ на свою аудиторію. «Въ теоретической части неорганической химіи, доноситъ профессоръ, давши понятіе о химіи вообще, я изложилъ ученіе о неизмѣняемыхъ свойствахъ пространства, объ атомахъ тѣлъ, о теплотворѣ и электричествѣ, о дѣйствіи ихъ на атомы и другъ на друга. Показавъ раздѣленіе атомовъ по полюсамъ, соединеніе атомовъ однородныхъ въ тѣла простыя и разнородныхъ въ тѣла сложныя, раздѣленіе тѣлъ по полюсамъ, причины отъ чего происходятъ связь и сила химическая, какъ на атомахъ образуется теплота усобная и скрытая, огонь, лучистость, я присоединилъ номенклатуру и стехиометрію. По изложеннымъ законамъ изъяснена была причина общихъ свойствъ самыхъ тѣлъ и силъ физическихъ и химическихъ, показано образованіе и разложеніе солнечнаго свѣта посредствомъ атмосферы и объяснены феномены метеорологическіе (приливы и отливы, періодическіе вѣтры, времена дня, мѣсяца, года) и геологическіе (образованіе земли, первородныхъ и слоевыхъ горъ). Въ теоретической части органической химіи было показано мною существованіе пятаго невидимаго органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплотворъ; дано понятіе о связи органической, о теплотѣ и жизни; на основаніи сего былъ изъясненъ процессъ прозябанія сѣмянъ, питанія и жизни, болѣзни и смерти растений..... далѣе было показано, различіе между животными и прозябаемыми, изъяснены феномены чувственности, отдохновенія, совершеннаго сна, сновидѣнія, бессонницы, зимоваго сна, болѣзни смерти и гніенія съ показаніемъ началъ, входящихъ въ составъ животныхъ. По отношенію къ члвѣку въ-особенности показано шестое невидимое начало — *душа*, отличающая его отъ другихъ животныхъ; изслѣдованы качества души и показано, что *мудрость* или знаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго происхо-

дять отъ дѣйствія одной души, — *инстинктъ* отъ дѣйствія одного органическаго духа, а *умъ* происходитъ отъ совокупнаго ихъ дѣйствія, при чемъ показано, отъ чего умъ бываетъ различный въ людяхъ.»

«Ото великая и важная есть наука Хемья!» повторялъ не разъ профессоръ своимъ слушателямъ. «И эту Хемью называли барбары *«Ars sine arte cujus principium est mentire, medium laborare, finis mendicare!»* Въ высшей степенн кроткій и общительный, Зѣновичъ пользовался общимъ уваженіемъ у товарищей и студентовъ.

6) *Минералогія и геогнозія*

Тотъ же профессоръ Зѣновичъ въ 183⁵/₆ и 183⁶/₇ годахъ преподавалъ, за неимѣніемъ особаго преподавателя, минералогію, сначала по три, а потомъ по два часа въ недѣлю. Руководствомъ ему служили: Соколовъ, Ловецкій, Држевинскій, Северинъ и Щегловъ.

Съ 183⁶/₇ года назначенъ былъ отдѣльный преподаватель, ординарный профессоръ Гофманъ *), который читалъ пропедевтику минералогіи по четыре, а геогнозіи по три часа въ недѣлю. Минералогія сначала излагаема была по руководству Наумана, потомъ по собственному сочиненію преподавателя; при изложеніи геогнозіи руководствомъ слу-

*) Эрнестъ Карловичъ Гофманъ, сынъ лифляндскаго пастора, родился въ 1802 году. По окончаніи курса наукъ участвовалъ въ морскомъ кругосвѣтномъ путешествіи, подъ начальствомъ капитана Коцебу (съ 1823 по 1826 годъ). Въ 1828 году отправленъ былъ съ ученою цѣлью, по высочайшему повелѣнію, на южный Уралъ и пробылъ тамъ до октября 1829 года. Сначала состоялъ на службѣ по министерству финансовъ, а потомъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія и состоялъ доцентомъ минералогіи при дерптскомъ университетѣ. Въ 1830 и 1831 годахъ путешествовалъ съ ученою цѣлью по Германіи и въ іенскомъ университетѣ получилъ степень доктора философіи. По возвращеніи получилъ въ дерптскомъ университетѣ степень магистра философіи. Въ апрѣлѣ 1834 года назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и геогнозіи въ университетъ св. Владимира. Во время пребыванія въ этомъ университетѣ былъ возведенъ въ ординарные профессора, избираемъ въ деканы, совершилъ поѣздку въ новороссійскій край для геогностическихъ изслѣдованій и въ Вильно для разсортировки и приема коллекцій тамошней академіи. Въ 1842 году перешелъ на службу профессоромъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ и переименованъ въ подполковника.

жили сочиненія сначала Леонгардта, потомъ Дехена и Лей-эля. Профессоръ Гофманъ, приобрѣвшій ученую извѣстность участіемъ въ кругосвѣтномъ морскомъ путешествіи Коцебу, геогностическими изслѣдованіями на южномъ Уралѣ и личнымъ знакомствомъ съ лекціями знаменитыхъ минералоговъ Германіи, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, впрочемъ болѣе ученостію, чѣмъ преподаваніемъ, профессоровъ университета св. Владиміра. Гофманъ оказалъ значительную услугу университету трудами по устройству нѣкоторыхъ его коллекцій, при перевозкѣ ихъ изъ Вильно. Къ сожалѣнію профессоръ Гофманъ въ началѣ слѣдующаго періода уѣхалъ изъ Кіева, оставя какъ результатъ ученой своей дѣятельности въ кіевскомъ университетѣ «Руководство къ ориктогнозіи», напечатанное имъ въ Кіевѣ въ 1840 году.

7. Ботаника.

Лекціи ботаники въ разсматриваемый нами періодъ университетской жизни читали четыре преподавателя, но главнымъ дѣятелемъ по этой наукѣ, который опредѣлялъ ходъ и направленіе студентскихъ работъ, былъ ординарный профессоръ, докторъ медицины *В. Г. Бессеръ*. Въ первомъ полугодіи 183⁴/₆ учебнаго года преподавалъ органологію растеній *адъюнктъ Андржеіовскій* на русскомъ языкѣ по три часа въ недѣлю. Съ конца января 1835 года началъ лекціи самъ Бессеръ и съ тѣхъ поръ до 5 марта 1838 года продолжалъ свое чтеніе, раздѣляя только во второмъ полугодіи 183⁵/₆ года труды преподаванія съ докторомъ философіи *Корнухъ-Троцкимъ*, который читалъ органологію растеній по Максимовичу, а физиологію по собственнымъ запискамъ *). Въ мартѣ 1838 года, по увольненіи Бессера, преподаваніе возложено было на исправлявшаго должность ординарнаго профессора, Рудольфа Эрнестовича *Траутфеттера*, котораго

*) Профессоръ Бессеръ (родился 1784 г., умеръ 1842 года), получившій медицинское образованіе въ лембергско-краковскомъ университетѣ, началъ службу ассистентомъ при краковской клиникѣ (1808 г.), продолжалъ ее въ званіи учителя зоологіи и ботаники въ кременецкомъ лицей (1809—1831 г.) и окончилъ въ нашемъ университетѣ (1838 года) въ званіи заслуженнаго профессора ботаники.

ученая дѣятельность принадлежитъ главнымъ образомъ уже слѣдующему періоду. Какъ ученый, Бессеръ стоялъ въ уровень съ замѣчательными ботаниками и энтомологами своего времени: особенную услугу оказалъ онъ своими неутомимыми изслѣдованіями флорѣ западной Россіи и Галиціи. Онъ былъ первою знаменитостію кременецкаго лица. Ботаническій садъ въ Кременцѣ обязанъ ему своимъ процвѣтаніемъ. Съ ничтожными средствами онъ успѣлъ привести его въ такое состояніе, что при немъ онъ заключалъ въ себѣ до 12,000 родовъ. Волынское дворянство, гордясь профессоромъ, составившимъ славу его лица, въ 1828 году приняло его въ свое сословіе, многія ученые общества сдѣлали его своимъ членомъ. Ревность, терпѣніе и ученое трудолюбіе Бессера были изумительны: преподавая лекціи на чуждыхъ ему языкахъ, созидавая изъ ничего огромный ботаническій садъ, завѣдывая коллекціями учебныхъ заведеній, при коихъ состоялъ преподавателемъ, и исполняя обязанности многочисленной медицинской практики въ Кременцѣ, Бессеръ находилъ время обрабатывать съ полною добросовѣстностію и точностію самые трудные вопросы своей науки (*Artemisia, Rosae, fam. Umbeliferae*) и находился въ постоянной перепискѣ съ замѣчательнѣйшими ботаниками и энтомологами своего времени. Единственный недостатокъ его сочиненій, по отзыву специалиста, состоялъ въ томъ, что заиѣчая съ свойственною ему скрупулезностію и точностію всѣ отклоненія растительнаго царства отъ нормальныхъ формъ, онъ, особенно въ послѣднее время своей ученой дѣятельности слишкомъ опрометчиво возводилъ эти уклоненія въ нормальныя формы.

На кафедрѣ Бессеръ не отличался особеннымъ даромъ преподавателя. Этому мѣшала отчасти природный недостатокъ — неясность выговора, а отчасти то, что онъ обязанъ былъ излагать свой предметъ на чуждыхъ ему языкахъ: польскомъ (въ Кременцѣ) и латинскомъ (въ Кіевѣ). Бессеръ преподавалъ въ университетѣ св. Владиміра по шести часовъ въ недѣлю, по собственнымъ запискамъ, придерживаясь въ порядкѣ изложенія «Органографіи, терминологіи и физиологіи растений» — Бартоломея, а въ изложеніи

семействъ и классовъ растеній, руководствуясь Кунтомъ и Ахиломъ Ришаромъ съ дополненіями изъ Пирама Декандоля, Линдлея, Бартлинга и Марціуса. Отличаясь дружескимъ расположеніемъ по отношенію къ товарищамъ и сослуживцамъ, Бессеръ выше всего ставилъ страсть къ порядку, аккуратность и точность во всѣхъ дѣлахъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ иногда былъ тягостенъ для своихъ товарищей, а тѣмъ болѣе для молодыхъ слушателей, которыхъ сверхъ того пугалъ латинскій языкъ преподавателя. Вполнѣ признавая ученое достоинство въ другихъ, никогда не присвоивая себѣ чужихъ заслугъ въ наукѣ, Бессеръ въ то-же время съ полнымъ самодовольствіемъ придавалъ вѣсъ и значеніе своимъ ученымъ трудамъ, радуясь всякому одобренію и похвалѣ. Не смотря на это чувство самодовольствія, заставлявшее его держать отъ себя студентовъ въ далекомъ разстояніи, какъ новичковъ въ наукѣ, Бессеръ поощрялъ въ слушателяхъ любовь къ труду. Чѣмъ дальше держалъ себя профессоръ отъ студентовъ вообще, тѣмъ больше дорожили избранные его вниманіемъ. Этимъ объясняется то, что не смотря на свою видимую недоступность, Бессеръ могъ образовать специалистовъ.

8. Зоологія.

Зоологію съ 183⁴/₅ по 183⁹/₄₀ годъ преподавалъ отъ трехъ до шести часовъ въ недѣлю адъюнктъ А. Л. Андржеговскій *), показывая въ отчетахъ, что держался въ своихъ

*) Антонъ Лукіановичъ Андржеговскій, коллежскій секретарь, дѣйствительный членъ императорскаго московскаго общества испытателей природы, московскаго общества любителей садоводства и комиссіи высочайше учрежденной для описанія губерній кievскаго учебнаго округа, изъ дворянъ, родился въ 1786 году. По окончаніи курса въ волынской гимназій, опредѣленъ помощникомъ учителя рисованія въ той же гимназій, въ 1809 году, и состоя въ этой должности до 1815 года, старался, подъ руководствомъ Бессера, усовершенствовать себя въ ботаникѣ. Для этого предпринималъ ботаническія экскурсіи по при-днѣпровскимъ, при-днѣстровскимъ и при-бугскимъ странамъ. Въ 1815 году опредѣленъ помощникомъ учителя ботаники, и продолжалъ свои экскурсіи, издавая въ свѣтъ результаты своихъ изслѣдованій, въ 1823 и 1830 году, въ двухъ сочиненіяхъ, подъ заглавіемъ: *Rus botanicznu etc.* Въ 1834 году опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ зоо-

лекціяхъ Ламарка, Кювье, Бленвиля, Астрейля и принималъ въ соображеніе сочиненія Ловецкаго, а въ естественной исторіи челоуѣка придерживался Вирея и Бори-де-С.-Венсена. Въ дальнѣйшихъ отчетахъ Анджеіовскій показываетъ, что измѣнилъ свое преподаваніе на основаніи Мильнъ-Эдвардса, Бессера и Кобреза. Въ 1839 году его мѣсто заступилъ профессоръ Миддендорфъ.

Профессоръ Анджеіовскій не получилъ правильнаго ученаго образованія въ естественныхъ наукахъ. Онъ изучилъ одну часть ихъ — ботанику и то болѣе практически въ экскурсіяхъ и, такъ сказать, самоучкою. Такой образъ преподавательнаго приготовленія къ профессурѣ отражался въ преподаваніи г. Анджеіовскаго и въ ученыхъ трудахъ его — отсутствіемъ ученой точности и основательности. Онъ могъ быть полезенъ въ Кременцѣ, гдѣ педагогическая дѣятельность его обращена была на ботанику, предметъ его специальныхъ занятій, и гдѣ онъ занимался подъ руководствомъ ученаго Бессера. Но въ университетѣ св. Владиміра, зоологія, въ которой Анджеіовскій рѣшительно былъ самоучка, была совершенно ему не по силамъ и потому преподаваніе шло довольно плохо. Студенты, не смотря на громкія ученныя имена, которыми Анджеіовскій обставлялъ лекціи, скоро разгадывали своего учителя.

9) *Сельское хозяйство.*

Допущенный временно къ преподаванію технологіи, сельскаго хозяйства и лѣсоводства поручикъ прусской службы *Эдуардъ Осиповичъ Мерцъ* читалъ студентамъ съ 183⁵/₆ годъ по четыре часа въ недѣлю одно *сельское хозяйство*. Руководствомъ при преподаваніи служили (какъ показываетъ впрочемъ самъ Мерцъ въ отчетѣ) записки, составленныя на основаніи сочиненій Адама Смита, Теэра, Швейцера, Крейсига и собственныхъ наблюденій. Кто былъ этотъ преподаватель, до-

логія въ университетѣ св. Владиміра и состоялъ въ этой должности до 1839 года, когда былъ переведенъ въ лицей князя Безбородко, гдѣ, окончивъ двадцати-пяти-лѣтнюю службу, вышелъ въ отставку. Ужъ въ отставку, избранъ былъ въ дѣйствительные члены комиссіи для описанія губерній кievскаго учебнаго округа.

пущенный въ университетъ временно и между тѣмъ утвердившійся въ немъ до 184³/₄ года, гдѣ получилъ онъ свое ученое образованіе, по неимѣнію его формулярнаго списка, неизвѣстно. Извѣстно одно только, что къ Мерцу, читавшему какъ студентамъ, такъ и слушателямъ всѣхъ состояній, при началѣ учебнаго года обыкновенно являлось на первую лекцію много студентовъ перваго курса; но чрезъ пять лекцій преподаватель долженъ былъ уже ловить слушателей. Онъ былъ сердечно радъ, если ему удавалось завербовать двухъ или трехъ, а иногда и одного слушателя изъ какого бы то ни было факультета. Заставить студентовъ исправно посѣщать лекціи Мерца не могли никакія строгія дисциплинарныя мѣры. Лекція обыкновенно диктовалась по какой-нибудь русской книгѣ. Мерцъ произносилъ каждое слово по складамъ съ удивительными удареніями, которыя какъ капли дождя равномерно и монотонно били въ уши слушателей. Замѣчательно, что Мерцъ былъ необыкновенно пунктуаленъ: если звонкъ, возвѣщавшій окончаніе лекціи, заставалъ его на половинѣ слова, онъ закрывалъ книгу и прекращалъ диктовку. На слѣдующій разъ лекціи начинались съ прерваннаго слова. Въ памяти студентовъ сохранились лекціи Мерца о *горохъ*, изъ которыхъ первая прервана была звонкомъ на слогъ *гор*, а вторая начиналась глубокимъ вздохомъ *охъ!*

Лекціи юридическаго факультета.

Въ составъ юридическаго факультета по уставу 1833 года входили слѣдующія науки:

1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣдѣнія или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія російской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ.

Обѣ эти науки составляли предметъ одной каведры.

3) Россійскіе гражданскіе законы, общіе, особенные о торговой, фабричной и ремесленной промышленности, и мѣстные.

4) Россійскіе уголовные и полицейскіе законы.

б) Законы государственнаго благоустройства и благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

Оба эти предмета составляли одну каеедру.

7) Римское право.

Сверхъ того студенты юридическаго факультета слушали, какъ мы уже видѣли, большую часть предметовъ перваго отдѣленія философскаго факультета. Каеедры юридическаго факультета открывались постоянно: въ 1834 году открыта была одна каеедра римскаго права; въ 1835 году каеедры энциклопедіи права, основныхъ законовъ и учрежденій російской имперіи; въ 1836 — каеедры государственнаго благоустройства и благочинія и гражданскихъ законовъ; въ 1837 году начались лекціи законовъ уголовныхъ, законовъ мѣстныхъ и законовъ финансовыхъ. Поэтому нѣкоторые предметы, соединенные по уставу въ одну каеедру, на практикѣ, какъ увидимъ ниже, были раздѣлены между двумя преподавателями.

Деканами юридическаго факультета были избраны въ періодъ времени отъ 1834 по 1839 годъ профессора Даниловичъ, Богородскій и Орнатскій.

1) *Энциклопедія законовѣднїя*, 2) *основные законы и учрежденія російской имперіи*.

Преподаваніе энциклопедіи законовѣднїя началось въ 183 $\frac{3}{4}$ году. По 184 $\frac{3}{4}$ годъ читалъ ее ординарный профессоръ, докторъ правъ Константинъ Алексѣевичъ *Неволинъ* по четыре, шести и семи часовъ въ недѣлю. Курсъ его преподаванія состоялъ изъ двухъ частей: а) общей и б) особенной. Въ первой части были развиты: въ-особенности — понятіе закона и законовѣднїя; во второй — исторія философіи законодательства у древнихъ и новыхъ народовъ и исторія положительныхъ законодательствъ у древнихъ восточныхъ народовъ, грековъ, римлянъ и новѣйшихъ европейскихъ народовъ. При изложеніи науки преподаватель имѣлъ въ виду всѣхъ важнѣйшихъ писателей по этой части, но не

придерживался никакого автора въ-особенности и читалъ предметъ сначала по рукописи, а потомъ по печатной книгѣ: Энциклопедія Законовѣдѣнія.

Кромѣ энциклопедіи законовѣдѣнія Неволинъ съ 183⁵/₆ по 183⁸/₉ годъ читалъ учрежденія россійской имперіи студентамъ перваго курса по шести и семи часовъ въ недѣлю.

Въ каждомъ году онъ излагалъ: а) основные законы, б) учрежденія, с) уставъ о службѣ гражданской, d) законы о состояніяхъ. При изложеніи предмета онъ слѣдовалъ Своду Законовъ и выдавалъ слушателямъ для руководства собственныя записки. Въ 183⁸/₉ году преподаваніе учреждений поручено было адъюнкту Н. Д. *Иваншеву*, который читалъ этотъ предметъ по шести часовъ въ недѣлю до начала слѣдующаго академическаго года.

О профессурѣ Неволіна такъ отзывается профессоръ Богородскій, его сослуживецъ и совоспитанникъ: «Какъ профессоръ, г. Неволинъ извѣстенъ отличнымъ даромъ преподаванія: онъ спокойно, ясно и отчетливо излагаетъ свой предметъ и умѣетъ возбуждать вниманіе и участіе въ своихъ слушателяхъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ его лекцію бывший министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, во время перваго посѣщенія кievскаго университета, а въ другой разъ его сіятельство явился въ аудиторію г. Неволіна съ незабвеннымъ нашимъ поэтомъ В. А. Жуковскимъ, который также остался весьма довольнымъ лекціей профессора».

Отъ себя прибавимъ, что Неволинъ проводилъ въ лекціяхъ идеи своего учителя Савиньи и держался извѣстной исторической школы. Вліяніе его лекцій на молодыхъ воспріимчивыя натуры было такъ сильно, что многіе изъ его слушателей, по собственному ихъ отзыву, съ трудомъ могли впоследствии отрѣшиться отъ его взглядовъ и стать въ уровень съ потребностями постепенно развивающейся науки.

3) *Россійскіе гражданскіе законы, общіе и особенные* (какъ то уставы: кредитный, торговый и о фабрикахъ) были преподаваемы съ 1836 года для студентовъ втораго курса ор-

динаршимъ профессоромъ *С. Н. Орнатскимъ* *) по шести и семи часовъ въ недѣлю. Введеніе въ науку русскаго гражданскаго законовѣдѣнія и исторію гражданскаго законодательства въ Россіи преподаватель излагалъ по собственнымъ запискамъ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на исторію внутреннюю. Въ изложеніи дѣйствующихъ законовъ профессоръ держался порядка и по возможности самого текста, принятаго въ Сводѣ (X и XI томахъ), дополняя его, гдѣ считалъ нужнымъ, поясненіями теоретическими и практическими. Въ слушаніи отдѣла межевыхъ законовъ вмѣстѣ съ студентами участвовали воспитанники состоявшей при кievской гимназій школы землемѣровъ. Сверхъ того Орнатскій упражнял казеннокоштныхъ студентовъ въ юридической практикѣ (съ 1839 года).

Профессоръ Орнатскій по воспитанію былъ товарищемъ Неволина и Богородскаго: вмѣстѣ съ ними приготовлялся при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, вмѣстѣ съ ними путешествовалъ за-границею и слушалъ лучшихъ юристовъ своего времени. Преподаваніе Орнатскаго заключалось въ буквальномъ изложеніи текста свода Законовъ, которое студенты должны были заучивать наизусть, не отступая ни на шагъ отъ буквы.

4) *Мѣстные законы*, возвращенныхъ отъ Польши губерній отдѣлены были въ 1835 году, съ разрѣшенія началь-

*) *Сергій Николаевичъ Орнатскій*, статскій совѣтникъ, докторъ правъ и ордена св. Анны третьей степени кавалеръ, изъ духовнаго званія, родился въ 1806 году. Учился въ санктпетербургской духовной академіи, а потомъ, вмѣстѣ съ Неволинымъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и за-границею. Въ 1835 году опредѣленъ профессоромъ по кафедрѣ гражданскихъ законовъ въ университетѣ св. Владиміра. Во время службы при университетѣ былъ членомъ и секретаремъ временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, трижды былъ избираемъ въ деканы, и произнесъ на торжественномъ актѣ рѣчь объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи (1836 года). Въ 1843 году уволенъ изъ университета и потомъ попеременно служилъ при департаментѣ юстиціи, въ харьковскомъ университетѣ профессоромъ международнаго права и, наконецъ, въ московскомъ университетѣ профессоромъ энциклопедіи права и государственныхъ законовъ. Эту должность занимаетъ и теперь. (См. Біограф. словарь московскихъ профессоровъ, II, стр. 174—183, его автобіографію.)

ства, отъ кафедры гражданскихъ законовъ и составили предметъ самостоятельной кафедры, но чтеніе ихъ поручено было, за недостаткомъ особаго преподавателя, ординарному профессору уголовныхъ законовъ И. Н. Даниловичу *). Преподаватель проходилъ свой предметъ студентамъ третьяго курса въ теченіе года, читая по три часа въ недѣлю. За неимѣніемъ по этому предмету удовлетворительнаго руководства, Даниловичъ проходилъ науку по запискамъ, на основаніи имъ же самимъ изготвленнаго, во время службы при второмъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, свода мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ западныхъ губерніяхъ. Во введеніи профессоръ излагалъ историческія свѣдѣнія объ источникахъ и родахъ мѣстныхъ законовъ и литературу наукл. Въ догматической части, слѣдую порядку, принятому въ X томѣ свода Законовъ, — излагалъ права лицъ и законы о состояніяхъ, о вещественномъ правѣ, о договорѣ и о судопроизводствѣ. вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ Даниловича въ московскій университетъ въ 1839 году, самостоятельность кафедры мѣстныхъ законовъ была уничтожена.

*) Игнатій Николаевичъ Даниловичъ, статскій совѣтникъ, магистръ и ордена св. Анны второй степени кавалеръ, сынъ греко-уніатскаго священника въ подляскомъ воеводствѣ, родился въ 1789 году. Учился сначала въ ломжинской гимназіи у піаристовъ, а потомъ въ виленскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень магистра. Въ 1812 году, во время занятія Вильно французами, принялъ должность секретаря при французскомъ генералъ-губернаторѣ Ферье въ Бѣлостокѣ. По удаленіи французовъ началъ, въ 1814 году, службу при виленскомъ университетѣ, какъ преподаватель мѣстнаго права, а потомъ въ качествѣ ординарнаго профессора по кафедрѣ русскаго гражданскаго и уголовнаго права и литовско-польскихъ законовъ. Въ 1830 году состоялъ при II отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, какъ редакторъ свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Ученая дѣятельность его принадлежала попеременно виленскому, харьковскому, кіевскому и московскому университетамъ. Въ университетѣ св. Владимира читалъ оиѣ, съ 1836 г. по 1839 г., мѣстные законы и законы уголовные; въ московскомъ — законы благоустройства и благочинія, съ 1839 по 1842 годъ. Въ 1842 году усиленные занятія потрясли его умственные силы и разстроили здоровье: оиѣ вышелъ въ отставку и умеръ за-границею, въ Гресенбергѣ, въ 1843 году. (См. Біограф. словарь московскихъ профессоровъ, томъ I, стр. 387—390, статья профессора Коровицкаго.)

5) *Законы уголовные и полицейскіе*

Читалъ съ 1836 по 1839 годъ тотъ же ординарный профессоръ Даниловичъ студентамъ третьяго курса по четыре съ половиною часа въ недѣлю. Наука была проходима по собственнымъ запискамъ преподавателя въ слѣдующемъ порядкѣ: послѣ введенія, излагающаго понятіе объ уголовныхъ законахъ, ихъ раздѣленія, вспомогательныя науки, литературу и исторію, объясняемы были подробно самыя статьи свода уголовныхъ и полицейскихъ законовъ. Руководствуясь XIV и XV томами свода, профессоръ присоединялъ къ положительной части лекцій общія теоретическія понятія и сравнительно-историческія свѣдѣнія по отечественному и нѣкоторымъ иностраннымъ уголовнымъ законамъ (древне-римскому, германскихъ народовъ и др.). Профессоръ Даниловичъ, по свидѣтельству его біографа и всѣхъ его знавшихъ, былъ вообще любимъ и уважаемъ своими слушателями и товарищами и пользовался значеніемъ у начальства. Онъ владѣлъ въ высшей степени даромъ слова и не только свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, но и писалъ на нихъ. Онъ пріобрѣлъ ученую извѣстность многочисленными трудами по исторіи и законодательству Литвы и былъ членомъ ученыхъ обществъ: варшавскаго любителей наукъ, московскаго исторіи и древностей, копенгагенскаго сѣверныхъ антикваріевъ и краковскаго университета.

6) *Законы государственнаго благоустройства и благочинія* студентамъ втораго курса, съ 1836 года, преподавалъ ординарный профессоръ С. О. Богородскій по шести часовъ въ недѣлю. Въ изложеніи положительныхъ законовъ преподаватель пользовался источниками отечественнаго законодательства, а въ теоретической части науки руководствовался въ-особенности сочиненіями Моля (Mohl), Рау и Лоца. Предметъ свой Богородскій проходилъ по слѣдующему плану:

Въ общемъ введеніи профессоръ объяснялъ понятіе, доказывалъ необходимость, опредѣлялъ объемъ предметовъ, составляющихъ содержаніе законовъ благоустройства и благочинія, раскрывалъ порядокъ естественнаго развитія ихъ съ

видопзмѣненіями, происходящими отъ односторонняго развитія народной жизни и одностороннихъ политико-экономическихъ теорій, показывалъ отношеніе обѣихъ частей законодательства между собою, къ прочимъ частямъ законодательства и къ другимъ, болѣе или менѣе сходнымъ наукамъ. Наконецъ разсматривалъ важнѣйшія сочиненія, какъ пособія къ изученію разсматриваемыхъ частей законодательства.

За тѣмъ слѣдовало: 1) изложеніе законовъ благоустройства, куда входили: а) *во-первыхъ* мѣры, принимаемыя правительствомъ къ *обезпеченію матеріальной жизни* народа, т. е., къ *умноженію и улучшенію* народнаго богатства (уставы сельско-хозяйственный, кредитный, фабричный, заводскій и ремесленный), къ *правильному распределенію* его въ народѣ (уставы: торговый, кредитный, пути и средства сообщенія) и наконецъ законы относительно *потребленія* народнаго богатства (объ устройствѣ городовъ и селеній); б) *во-вторыхъ* мѣры, принимаемыя правительствомъ къ *улучшенію духовной жизни* народа (посредствомъ образованія умственнаго, эстетическаго и нравственнаго); 2) изложеніе законовъ *благочинія*, имѣющихъ предметомъ мѣры отрицательныя, для предупрежденія и пресѣченія зла физическаго и нравственнаго, или для удаленія препятствій къ прогрессу физической и духовной жизни народа (уставы о народномъ продовольствіи, о заведеніяхъ общественнаго призрѣнія, пожарный и медицинскій полиціи).

Способъ преподаванія былъ вездѣ одинъ и тотъ же: приступая къ тому или другому учрежденію, профессоръ старался прежде всего *теоретически* объяснить значеніе и мѣсто его въ быту общественномъ, потомъ излагалъ историческое развитіе его въ жизни народа подъ вліяніемъ законодательства, далѣе излагалъ дѣйствующіе законы *статистически* и результаты ихъ, наконецъ *сравнивалъ* учрежденія и законы отечественныя съ однородными явленіями въ законодательствахъ другихъ государствъ.

Эта программа лекцій показываетъ, какъ серьезно, современно и многосторонне понималъ свой предметъ профессоръ Богородскій. Въ способѣ преподаванія, видимъ соединеніе методовъ философскаго, сравнительно историческаго и

догматическаго съ преобладаніемъ перваго. По общему сознанию всѣхъ слушателей Богородскаго, ни одинъ профессоръ (не исключая даже Неволнна), не развивалъ ихъ столько, сколько онъ. У Богородскаго, если не въ изустномъ преподаваніи, то въ его запискахъ, было гораздо болѣе свѣжести, жизни и разумно-осмысленнаго матеріала, чѣмъ у самого Неволнна. Сверхъ того онъ былъ человекъ правдивый, общительный и доступный студентамъ: отсюда у него было много слушателей, симпатизировавшихъ профессору и его наукѣ. Говорить съ каедры Богородскій былъ не мастеръ: слова у него не поспѣвали за мыслями, и онъ не рѣдко затруднялся въ выраженіяхъ и, приписывая ихъ, нарушалъ плавное изложеніе вставкою «тотъ — того» и другихъ односложныхъ словъ.

Въ 1839 году, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, законы благочинія отдѣлены были отъ законовъ благоустройства и присоединены къ законамъ уголовнымъ. Съ этого же года сталъ преподавать законы благоустройства адъюнктъ (а съ 1841 года ординарный профессоръ) Н. Д. Иваншевъ, а Богородскій занялъ кафедру уголовныхъ законовъ вмѣсто Даниловича, переведеннаго въ московскій университетъ.

7) Преподаваніе *законовъ о повинностяхъ и финансахъ*, присоединенныхъ по первоначальному проекту устава (1833 г.) къ кафедрѣ законовъ благоустройства и благочинія, было отдѣлено отъ нее и начато въ 1837 году исправляющимъ должность адъюнкта *Г. А. Цытковымъ* *). Излагая науку студентамъ третьяго курса по четыре часа въ недѣлю, преподаватель проходилъ ежегодно всѣ ея части (IV, V, VI, VII и VIII томы Свода Законовъ), а именно: послѣ общаго вступленія въ науку законовъ о финансахъ, предлагаемы были законы о государственныхъ имуществахъ, ученіе о финан-

*) Григорій Алексѣевичъ *Цытковъ*, изъ духовнаго званія, родился въ 1807 году, въ ярославской губерніи; образованіе получилъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ и, по окончаніи курса, опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта въ университетъ св. Владиміра въ 1836 году, гдѣ прослужилъ двадцать лѣтъ. Въ 1856 году вышелъ въ отставку по болѣзни.

совыхъ регаліяхъ и законы о податяхъ и пошлинахъ. Въ изложеніи положительнаго законодательства Цвѣтковъ держался порядка, принятаго въ Сводѣ Законовъ, помѣщая предъ каждымъ отдѣломъ науки теоретическія политико-экономическія начала, которыя почерпалъ изъ сочиненій Мальхуса и Рау.

Записки Цвѣткова отличались необыкновенно подробнымъ изложеніемъ всѣхъ возможныхъ мелочей; а лекціи необыкновенно странною пѣтонаціею, которая поражала рѣзкими всевозможными переходами изъ одного тона въ другой.

8) Римское право.

Въ 1834 году экстраординарный профессоръ *Александръ Николаевичъ Мицкевичъ* *) излагалъ институціи римскаго права съ внутреннею исторіею права на латинскомъ языкѣ два раза въ недѣлю. Съ 1835 по 1838 годъ тотъ же преподаватель излагалъ студентамъ перваго и втораго курса: а) общее введеніе, въ которомъ разсуждалъ о правѣ вообще и о нынѣшнемъ образѣ изученія римскаго права; б) исторію римскаго права до Юстиніана; в) исторію его отъ Юстиніана до нашихъ временъ и д) систему частнаго римскаго права, по шести часовъ въ недѣлю. Всѣ эти предметы преподаватель читалъ по собственнымъ запискамъ, при составленіи которыхъ руководствовался сочиненіями: Гуго, Гаубольда, Савиньи, Кленце, Штектардта, Варнкѣнига и Маціевскаго, предлагая прежде всего слушателямъ подлинный текстъ источниковъ права. Сверхъ этого, по причинѣ затрудненія студентовъ, не привыкшихъ къ слушанію лекцій на латинскомъ языкѣ, дѣлаемы были частыя повторенія съ переводомъ на русскій языкъ. Притомъ преподаватель назначалъ

*) Александръ Николаевичъ *Мицкевичъ*, изъ дворянъ гродненской губерніи, магистръ обоихъ правъ, родился въ 1804 году и, по окончаніи курса въ виленскомъ университетѣ, опредѣленъ, въ 1829 году, въ волынской лицей учителемъ римскаго и гражданскаго права. Въ 1834 году перешелъ въ университетъ св. Владиміра, сначала экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго права, исправлялъ должность совѣтника правленія и члена училищнаго комитета. Въ 1837 году переведенъ въ харьковскій университетъ.

учащимся дѣлать выписки, съ поясненіями нѣкоторыхъ мѣстъ юстиніанова свода законовъ, относящихся къ предметамъ курса, чтобы тѣмъ лучше познакомить ихъ съ этимъ сводомъ. О Мицкевичѣ сохранилось между его товарищами преданіе, какъ о человѣкѣ со свѣдѣніями, свѣтлымъ практическимъ умомъ и энергическимъ характеромъ, имѣвшемъ большое значеніе въ обществѣ кременецкихъ профессоровъ. Съ апрѣля 1838 года, послѣ перемѣщенія ординарнаго профессора Мицкевича въ харьковскій университетъ, преподаваніе римскаго права и его исторіи было поручено исправляющему должность ординарнаго профессора *Александрѣ Алексѣевичѣ Оедотовѣ-Чеховскому*, котораго дѣятельность принадлежитъ слѣдующимъ періодамъ.

4) Изъ искусствъ въ университетѣ преподавались:

а) *Рисованье* учителемъ Бонавентурою *Клежбовскимъ*, который изъ кременецкаго лицея былъ посылаемъ на четыре года за-границу для усовершенствованія въ живописи. Среднее число ежегодно обучавшихся у него студентовъ съ 1834 по 1840 годъ простиралось до девяти человѣкъ.

б) *Музыка* учителемъ Александромъ *Шмитъ-де-Бергомъ*. Среднее число учившихся было шесть.

в) *Танцованье* учителемъ Генрихомъ *Добре*. Среднее число учившихся было двадцать два. Впослѣдствіи танцованье обращено было въ предметъ обязательный.

г) *Фехтованье* сначала учителемъ Францемъ *Лекаис*, а потомъ (съ 1836 г.) Юсифомъ *Урео*. Среднее число учившихся было двѣнадцать.

е) *Верховая ѣзда* съ 1835 года учителемъ Евстафіемъ *Ольманскимъ*. Среднее число учившихся было пятнадцать *).

5) Наконецъ для постороннихъ слушателей всѣхъ вообще состояній, были читаны съ 183⁸/₉ г. *публичныя лекціи техническихъ наукъ*; а именно: практическая механика орди-

*) Университетъ имѣлъ свой деревянный манежъ на дворѣ первой гимназіи, при которомъ содержалось постоянно девять лошадей.

нарнымъ профессоромъ Мѣховичемъ, техническая химія ординарнымъ профессоромъ Зѣневичемъ и технологія преподавателемъ Мерцомъ. Лекціи первыхъ двухъ профессоровъ посѣщали одни студенты; лекціи послѣдняго — никто не посѣщаль.

Сверхъ того въ 1834 году адъюнктъ Анджеіовскій началъ было читать публичнѣйшій курсъ ботаники, но скоро прекратилъ чтеніе.

УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРОВЪ.

Ученая дѣятельность членовъ университетскаго сословія въ разсматриваемый нами періодъ времени заключалась: 1) въ трудахъ литературныхъ, т. е., составленіи сочиненій и статей по разнымъ ученымъ предметамъ и въ систематической обработкѣ разныхъ наукъ въ видѣ учебниковъ; 2) въ сношеніяхъ съ учеными, находящимися за-границею и въ Россіи и наконецъ 3) въ ученыхъ экспедиціяхъ.

1) *Литературно-ученые труды.*

Само собою разумѣется, что ни въ науку, ни въ литературу университетъ св. Владимира въ первые пять лѣтъ своей жизни не могъ внести богатыхъ вкладовъ. И однакожь, не смотря на такое короткое время своего существованія, каждый факультетъ университета, кромѣ отдѣльныхъ небольшихъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ знанія, успѣлъ издать въ свѣтъ по болѣе или менѣе самостоятельному труду, имѣющему значеніе въ ученой и педагогической литературѣ Россіи. Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи юридическій факультетъ, стоявшій и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ выше другихъ двухъ, въ этотъ періодъ времени.

А) По *первому отдѣленію философскаго факультета*, болѣе другихъ проявили въ печати ученую дѣятельность профессора *Максимовичъ* и *Повицкій*; каждый изъ нихъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, издалъ по систематическому сочиненію, обнимающему извѣстную часть преподаваемыхъ ими наукъ.

а) *Ординарный профессоръ Максимовичъ*, занимавшійся, по его собственнымъ словамъ, въ Москвѣ естествознаніемъ

при неизмѣнной помощи философіи, — предался въ Кіевѣ словесности, развивавшейся у него подъ господствомъ исторіи. Сначала занятія Максимовича русскою словесностію и исторіею ея ограничивались мелкими отдѣльными статьями, предметомъ которыхъ были: 1) изданіе и разборъ особенно занимавшаго его памятника древней русской словесности *Пѣсни о полку Игоря*. Текстъ ея съ переводомъ напечаталъ онъ отдѣльно для своихъ слушателей въ 1837 году, а критическій разборъ ея, въ связи съ народными пѣснями южной и сѣверной Руси и западныхъ славянъ и съ письменными памятниками словесности древне-русской, напечатанъ имъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (1836—37. Три статьи). 2) Разработка и изученіе русской рѣчи въ связи и въ сравненіи съ западно-славянскою, результатомъ которой было критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ, (напечатанное въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1838 года). Наконецъ 3) Труды надъ старинною Кіева и всей южной Руси, предисловіемъ къ которымъ были: его изслѣдованіе *Откуда идетъ русская земля?* (Кіевъ, 1837 года), посвященное памяти Ломоносова, въ которомъ онъ варяжскую Русь производитъ изъ прибалтійскихъ ружскихъ славянъ; *Рѣчь объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи* (Кіевъ, 1837 года, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія), произнесенная имъ на торжественномъ актѣ въ университетѣ и вызвавшая сильное сочувствіе у министра народнаго просвѣщенія Уварова, митрополита Евгенія и извѣстнаго духовнаго оратора Иннокентія, который называлъ ее бриллиантовою *).

Если присоединить къ этимъ статьямъ *Записку о Кіевѣ* и вступительную лекцію *О значеніи и происхожденіи слова*, напечатанную въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія (1834 г.), то мы будемъ имѣть понятіе о мелкихъ отдѣльныхъ трудахъ Максимовича. Всѣ результаты, добытые этою предварительною дѣятельностію и двухъ-курсовымъ пре-

*) См. автобіографію Максимовича въ *Биографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета*, томъ II, стр. 13; тамъ подробно разсказано объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ произнесеніе этой рѣчи.

подованіемъ исторіи русской словесности въ университетѣ св. Владиміра, Максимовичъ изложилъ въ одномъ общемъ систематическомъ трудѣ, котораго успѣлъ издать одну первую часть. Это *Исторія древней русской словесности* (Кіевъ. 1839. ч. 1). Исторія русскаго языка изъяснена въ этомъ сочиненіи съ новой точки зрѣнія, въ которой онъ является какъ языкъ отдѣльный отъ западно-славянскихъ, болѣе всѣхъ ихъ сохранившій перво-славянскихъ свойствъ, менѣе ихъ измѣнившійся иноплеменными языками и образовавшійся въ три особые вида, или языка: южно-русскій, велико-русскій и бѣло-русскій. Книга эта вызвала въ Отечественныхъ Запискахъ, апрѣля 1840 года, очень рѣзкую критику Бѣлинскаго, который не соглашаясь съ авторомъ въ основныхъ понятіяхъ объ словесности и исторіи русской словесности, нападая на утомительное и поверхностное изложеніе авторомъ нѣкоторыхъ частей сочиненія, — при всемъ томъ не могъ не отдать справедливости нѣкоторымъ филологическимъ статьямъ книги и не могъ не признать сочиненія г. Максимовича гораздо лучшимъ, чѣмъ сочиненіе г. Греча, которое въ то время было главнымъ у насъ по исторіи русской литературы ¹⁾.

8) Ординарный профессоръ *Новицкій*, напечатавшій еще въ 1832 году замѣчательную монографію «*О дуборощахъ*», которая и теперь почитается лучшимъ изслѣдованіемъ по этому предмету, — въ первые годы своего служенія въ университетѣ также работалъ надъ отдѣльными статьями различнаго содержанія. Таковы: изслѣдованіе «*О первоначальномъ переводѣ Библіи на славянскій языкъ*, Кіевъ 1837 г., *Речь надъ гробомъ ректора В. Ф. Цыжа* (Кіевъ. 1837 г.) и *Речь объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ, ихъ силѣ и важности* (Кіевъ. 1837).» Въ 1840 году, какъ результатъ всей предыдущей своей дѣятельности, профессоръ Новицкій напечаталъ «*Руководство къ опытной психологіи*». Авторъ придерживался въ этомъ сочи-

¹⁾ Максимовичъ напечаталъ возраженіе «Неизвѣстному критику» въ Сѣверной Пчелѣ 1840 года (Бѣлинскій обыкновенно не подписывался подъ статьями). Сверхъ упомянутыхъ сочиненій, Максимовичъ напечаталъ въ Кіевѣ «*Речь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала фонъ-дѣръ-Остенъ-Сакена*» 1837 года.

нелии преимущественно идей и плана Фр. Фишера, базельскаго профессора. Въ сочиненіи этомъ авторъ во-первыхъ расширилъ объемъ психологіи включеніемъ въ науку общей части, предметъ которой, природа души, былъ обыкновенно относимъ психологами къ метафизикѣ и слѣдовательно разсматривался независимо отъ опыта; во-вторыхъ представилъ новую теорію чувственнаго наблюденія. Странно одно только: профессоръ Новицкій, отличавшійся такою ясностію въ изустномъ преподаваніи, написалъ свою книгу, желая быть краткимъ, довольно темно и сухо.

с) Изъ другихъ членовъ 1-го отдѣленія философскаго факультета ординарный профессоръ *Цыхъ* напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1835 годъ замѣчательную статью «*Взглядъ на историческую жизнь народа Элліно-Македонскаго*» и написалъ для торжества открытія университета рѣчь «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній», которая напечатана уже по смерти его въ 1840 году; ординарный профессоръ *Якубовичъ* сочинилъ по тому же случаю произнесенную рѣчь «*De pulchro Platónico* (изд. 1840); ординарный профессоръ *Нейкирхъ* издалъ рѣчь О важности древней греческой словесности 1839; — адъюнктъ *Домбровский* напечаталъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія двѣ статьи «*Взглядъ на развитіе гражданственности русскаго народа съ половины XV до начала XVIII вѣка и Объявленіе учрежденій въ древней Руси*». Адъюнктъ *Корженевскій* издалъ на французскомъ языкѣ рѣчь, произнесенную имъ надъ гробомъ ректора *В. Ф. Цыха*; адъюнктъ *Авсенецъ* печаталъ статьи философско-религіознаго содержанія въ журналѣ Воскресное Чтеніе.

Вотъ все, что было издано въ свѣтъ преподавателями 1-го отдѣленія, не говоря о тѣхъ статьяхъ, которыя были ими составлены, но никогда не являлись въ печати.

В) По второму отдѣленію философскаго факультета дѣятельно работали Траутфеттеръ и Гофманъ.

а) Профессоръ *Траутфеттеръ* въ первые два года своей службы при университетѣ издалъ замѣчательныя ботаническія статьи: 1) *De pentastemonum genere* (докторская диссер-

тація), 2) описаніе открытаго имъ новаго рода *Feldermannia* 3) описаніе опредѣленнаго имъ растенія *Mirabilis Planiflora*, 4) описаніе *Alyssum minutum Schlecht*, 5) статью объ *Dotus circinatus Trautv.* и *Dotus Candolli Trautv.*, 6) статью о растительныхъ родахъ *Trifolium*, *Melilotus*, *Pescosnia*, *Trigonella* и *Medicago*. Всѣ эти статьи отосланы имъ въ императорскую с. петербургскую академію наукъ для напечатанія въ ея бюллетеняхъ. Въ ту-же академію представилъ профессоръ Траутфеттеръ въ 1839 году сдѣланныя имъ ботаническія открытія, которыя одобрены были академіею, и сообщилъ ей планъ къ изданію изображеній и описаній русскихъ растений. Наконецъ онъ составилъ и напечаталъ списокъ нѣсколькихъ сѣменъ, находящихся въ ботаническомъ саду университета св. Владиміра, предположенныхъ къ обмѣну съ другими русскими и иноземными ботаническими садами.

б) Ординарный профессоръ *Гофманъ* съ 1839 года посылалъ для напечатанія въ бюллетенѣ императорской академіи наукъ *Геогностическое описаніе южнаго берега Крыма*, составленное имъ на основаніи изысканій, произведенныхъ имъ во время ученой экспедиціи въ 1838 году. Сверхъ того университетъ издалъ, въ 1840 году, составленное Гофманомъ руководство по минералогіи подъ заглавіемъ *«Общая ориктогнозія, или ученіе о признакахъ минераловъ»*.

с) Изъ прочихъ членовъ 2-го отдѣленія философскаго факультета, ординарный профессоръ *Зьновичъ*, въ 1837 году препроводилъ въ с. петербургскую академію наукъ разсужденіе «О необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ,» и ожидалъ только одобренія академіи, чтобы издать основанную на предъидущемъ сочиненіи новую теорію химіи, но отвѣта отъ академіи не было; ординарный профессоръ *Мьховичъ* написалъ «Органологію машинъ» по Боргнису, которая осталась въ рукописи; преподаватель *Чеховичъ* напечаталъ въ 1837 переводъ (?) Динамики вещественной природы и помѣщалъ статьи въ Воскресномъ Читеніи, наконецъ ординарный профессоръ *Федоровъ* напечаталъ рѣчь «О мнимои противорѣчій между истинами явствующими изъ познанія неба видимаго-вещественнаго и истинами, въ которыхъ открывается челоуку небо невидимое духовное», произне-

сенную на торжественномъ актѣ университета въ 1838 году, и разсужденіе на степень доктора «*О точномъ опредѣленіи географическаго положенія пунктовъ, видимыхъ изъ значительной дали*» съ присовокупленіемъ астрономическихъ наблюденій и тригонометрическихъ измѣреній, по которымъ опредѣляется географическое положеніе города Кузнецка и двухъ вершинъ саратовскаго хребта. Наконецъ профессоръ Федоровъ составлялъ отчетъ о результатахъ своей ученой экспедиціи въ Сибири.

С) По юридическому факультету ученую производительность обнаружили профессора: Орнатскій, Даниловичъ и Неволинъ.

а) Профессоръ Орнатскій по его собственнымъ словамъ «не успѣлъ ни одного изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ обдѣлать въ особомъ сочиненіи, которое бы по ученой своей обработкѣ достигло такой степени полноты, какую онъ считаетъ необходимою для того, чтобы сочиненіе могло быть признано заслуживающимъ изданія въ свѣтъ посредствомъ тисненія *). Вслѣдствіе такой строгости къ самому себѣ, въ теченіе всей службы при университетѣ св. Владиміра, Орнатскій напечаталъ только «*Речь объ отношеніи между общими и частными въ законодательствѣ и законовѣдѣніи*», произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи университета въ 1836 году. (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1839 г.) Сверхъ того напечатаны въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за разные годы отчеты объ изысканіи древностей въ Кіевѣ, составленные Орнатскимъ по званію члена и секретаря бывшаго временнаго комитета изысканія и сохраненія этихъ древностей.

б) *Ординарный профессоръ Даниловичъ*, убѣжденный долговременными изслѣдованіями, что древнее русское законодательство можетъ быть пояснено, а во многихъ и пополнено законоположеніями русскаго происхожденія, внесенными въ литовскіе статуты трехъ Сигизмундовъ, — посвятилъ свои ученые труды разработкѣ памятниковъ литовскаго права въ

*) Биографическій словарь московскихъ профессоровъ, томъ II, стр. 183.

связи съ исторіею народа вообще, и въ-особенности собира-
нію и изученію статутагоу литовскихъ. Въ этомъ отношеніи
онъ имѣеть важное значеніе въ наукѣ западно-русскаго пра-
ва. Имъ отысканы многіе рѣдкіе акты и грамоты и къ этому
предмету относятся, между прочимъ, слѣдующія сочиненія, из-
данныя имъ въ бытность его въ Кіевѣ: 1) *Dorywczc uwagi*
o hurotekach. 1835 г. (замѣтки о существовавшихъ въ воз-
вращенныхъ отъ Польши губерніяхъ ипотекахъ и о застав-
номъ правѣ), 2) *Historyczny rzut oka na prowadawstwo*
litowskie. 1837 г. (то-же на нѣмецкомъ языкѣ въ *Dörpater*
Jahrbuches 1834 г.), 3) Обзорѣніе историческихъ свѣдѣній о
сводѣ законовъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, напи-
сано по порученію II отдѣленія собственной его величества
канцеляріи, 4) О литовскихъ лѣтописцахъ—въ Журналѣ мини-
стерства народнаго просвѣщенія 1840 года. Всѣ эти статьи по-
казываютъ глубокую ученость автора и остроуміе въ изслѣ-
дованіи различныхъ памятниковъ польскаго и вообще славян-
скаго законодательства *). Сверхъ того, въ служеніе свое
при университетѣ св. Владиміра, Даниловичъ напечаталъ въ
Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія двѣ статьи
пного содержанія: 1) Объ училищахъ и воспитаніи въ сред-
ніе вѣки (1836) и 2) О ходѣ уголовнаго законовѣдѣнія въ
Европѣ и преимущественно въ Германіи (1837).

с) Но важнѣйшій и капиталный трудъ, которымъ гор-
дился молодой университетъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія,
ординарному профессору *Неволину*: это его *Энциклопедія За-*
коновѣдѣнія (Кіевъ 1839—1840 года, II тома въ 1300 стра-
ницъ), котѣрая положила прочное основаніе ученой извѣст-
ности автора. До этого времени напечатаны были только два
сочиненія Неволина: докторское разсужденіе: О философіи
законодательства у древнихъ, С.-Петербургъ 1835 года, и
рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета
св. Владиміра 15 іюля 1835 года, О соединеніи теоріи съ
практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ (Жур-

*) Въ его биографіи, помѣщенной въ Библиографическомъ словарѣ мо-
сковскихъ профессоровъ, томъ I, стр. 289, упомянуты и всѣ статьи его по
этой части, сочиненныя имъ въ Кіевѣ.

наль министерства народного просвѣщенія 1835 года). Его «Энциклопедія Законовѣдѣнія» поступила на соискательство демидовской преміи, и разбиравшій ее, по порученію санктпетербургскаго университета, профессоръ Калмыковъ изложилъ о ней слѣдующее мнѣніе: «Разсмотрѣнная нами Энциклопедія Законовѣдѣнія есть сочиненіе самостоятельное, которое можетъ занять почетное мѣсто въ ученой литературѣ западной Европы, и въ - особенноти принести несомнѣнную пользу преподаванію и изученію законовѣдѣнія въ нашемъ отечествѣ. Самостоятельность автора, упрочивающая его сочиненію значеніе европейское, не подлежитъ никакому сомнѣнію; она является въ созданіи науки энциклопедіею на основаніи новомъ: во всемъ своемъ объемѣ его энциклопедія далеко превосходитъ такъ называемыя формальныя и даже матеріальныя энциклопедіи нѣмецкія, возвышаясь до вывода общихъ началъ законовѣдѣнія и связывая сіи общія истины со всемірнымъ историческимъ развитіемъ ихъ въ царствѣ ума и мысли и въ практическомъ сознаніи цѣлыхъ народовъ и законодателей. Кромѣ общаго плана всего творенія и основной идеи, въ немъ господствующей, изложеніе и отдѣльныхъ составныхъ частей свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ трудѣ нашего ученаго соотечественника: общая часть представляетъ въ стройной системѣ рядъ мыслей возвышенныхъ, вытекающихъ одна изъ другой силою собственнаго его мышленія; его превосходная исторія философіи законодательства, особенно древняя, во многихъ отношеніяхъ восполняетъ недостатки иностранныхъ сочиненій по сему предмету; наконецъ въ исторіи положительныхъ законодательствъ, въ коей нельзя требовать отъ автора собственныхъ новыхъ изысканій, онъ самостоятеленъ въ томъ, что привелъ въ систему, основанную на одной главной идеѣ, всѣ разнообразныя факты, кои почерпнулъ изъ важнѣйшихъ твореній европейскихъ писателей. Кромѣ важности, какую имѣетъ сочиненіе г. Неволіна для науки вообще, оно приноситъ великую пользу отечественному законовѣдѣнію: составляя эпоху своимъ появленіемъ въ области нашей юридической литературы, оно по объему и содержанию своему удовлетворяетъ потребностямъ русскаго юношества, изучающаго юриспруденцію, знакомя его съ об-

щами истинными права и со всемірнымъ ихъ развитіемъ и пересаживая на родную почву важныя истины, стяжанныя европейскою ученостію; словомъ, авторъ подарилъ русскую литературу прекраснымъ руководствомъ и для преподавателей законовѣдѣнія и для изучающихъ оное въ отечественныхъ университетахъ».

Къ этому въ отчетѣ присовокуплено, что если, не смотря на такую безусловную похвалу сему сочиненію, академія присудила ему не полную, а второстепенную премію, то это только потому, что книга г. Неволина, по мнѣнію академіи, не обогатила науки новыми взглядами.

d) Сверхъ означенной ученой дѣятельности членовъ отдѣльныхъ факультетовъ профессоръ богословія, протоіерей *И. Скворцевъ*, въ первое время своей службы при университетѣ, напечаталъ въ 1838 году *Краткую исторію Церкви вѣтхозавѣтной*, принятую въ руководство въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и еще прежде имъ написанное сочиненіе: *Критическое обозрѣніе каттоной религіи въ предѣлахъ одного разума* (въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія). Сверхъ того Скворцевъ участвовалъ въ журналѣ «Воскресное Чтеніе», котораго былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ-редакторовъ.

2) Что касается до сношеній членовъ университета св. Владиміра съ учеными лицами и мѣстами въ Россіи и за-границею, то кромѣ сношеній профессоровъ *Траутфеттера*, *Гофмана* и *Зьновича* съ императорскою санктпетербургскою академіею наукъ, по случаю отсылки въ нее трудовъ этихъ профессоровъ, — одинъ профессоръ *Бессеръ* сносился съ знаменитымъ женевскимъ ботаникомъ Декандолемъ. Предметомъ сношеній была посылка со стороны Бессера изданнаго имъ сочиненія *Die Artemisien* — и обмѣнъ ученыхъ мнѣній. Сверхъ того, Бессеръ результаты своихъ энтомологическихъ изслѣдованій сообщалъ замѣчательнымъ ученымъ Фишеру фонъ-Вальдгейму, Шёнгерру, Дежеану, Стевену, Маннергейму, Гравенгорсту, Штурму, Ключу, Гуммелю, Фальдерману.

3) Учеными экспедиціями университетъ св. Владиміра въ первые пять лѣтъ своего существованія былъ весьма бѣденъ.

Попечитель Фопъ-Брадке употреблялъ многихъ изъ профессоровъ болѣе для педагогическихъ обзорѣній училищъ округа и для устройства университетской администраціи, чѣмъ для ученыхъ экскурсій. Училища обзорѣвали профессеры: Цыхъ, Нейкирхъ, Якубовичъ, Фодотовъ-Чеховской и Домбровский; въ административныя командировки были отправляемы профессеры: Выжевскій, Мѣховичъ и Траутфеттеръ.

Собственно съ ученою цѣлю были совершены экскурсіи:

Адъюнктомъ *Андржеіовскимъ*, въ окрестностяхъ Кіева, для ботаническихъ изслѣдованій, въ 1835 году.

Ординарнымъ профессоромъ *Траутфеттеромъ*, въ 1837 году, въ Крыму, съ тою же цѣлю, и

Ординарнымъ профессоромъ *Гофманомъ*, въ 1838 году, въ Новороссійскомъ краѣ, для геогностическихъ изслѣдованій.

Профессоръ *Гофманъ* и профессоръ *Федоровъ*, до опредѣленія своего въ университетъ св. Владиміра, прославились учеными путешествіями. Первый участвовалъ въ плаваніи вокругъ свѣта на шлюпѣ Предпріятіе (1823—1826) и путешествовалъ на южный или белокирскій Уралъ (1828—1829); а послѣдній сопровождалъ Паррота (профессоръ дерптскаго университета) въ ученой экспедиціи на Аррарать (съ 31 марта 1829 по 28 февраля 1830 года), а потомъ (съ 6 февраля 1832 до конца 1836 года) совершилъ путешествіе по юго-западной Сибири для географическаго опредѣленія точекъ между 50 и 60 градусами широты. И Гофманъ и Федоровъ напечатали результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій въ бюллетеняхъ императорской академіи наукъ.

IV.

Житійскія отношенія.

И четверти вѣка не ушло, а всѣ почти дѣятели перваго пятилѣтія университета сошли уже со сцены. Вымерло все старое поколѣніе кремснецкихъ профессоровъ, вымирають одиѣ за другимъ Неволинъ, Богородскій, — старые корифеи-профессеры; другіе удалились въ уединеніе; нныя про-

должаютъ работать въ другихъ университетахъ или на иномъ поприщѣ общественнаго служенія. Остается въ университетѣ одинъ свидѣтель его основанія, профессоръ Н. М. *Скворцовъ*, да два-три человѣка, которыхъ память обвиняетъ всѣ первые годы университета. Къ ихъ воспоминаніямъ долженъ обратиться лѣтописецъ университета за свѣдѣніями о житьѣ-бытьѣ стараго ученаго сословія. Ученики сохранили преданія о лекціяхъ своихъ учителей, по ихъ памяти, какъ по грамотѣ, можно обрисовать главнымъ образомъ личность профессора на кафедрѣ, — но профессоръ въ кругу своихъ товарищей, профессоръ въ обществѣ былъ для нихъ недоступенъ по тому далекому разстоянію, въ какомъ стояли тогда студенты отъ профессоровъ.

Благодаря воспоминаніямъ одного изъ участвовавшихъ первыхъ профессоровъ университета, да воспоминаніямъ тѣхъ лицъ, въ кругу которыхъ являлись тогда члены университетскаго сословія, мы можемъ набросать слѣдующій очеркъ житья-бытья старыхъ профессоровъ.

Основаніе университетскому ученому сословію положила колонія кременецкихъ профессоровъ. Перенесенные ею изъ метрополи старыя нравы и обычаи должны были видоизмѣниться вслѣдствіе постепенно возрастающаго прилива новыхъ людей и вслѣдствіе общественныхъ и политическихъ отношеній той новой среды, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Свои частныя интересы, свои прежнія привычки и отношенія это общество могло проявлять только въ тѣсномъ кругу *своихъ*. Дѣйствительность, волею или неволею, заставила ихъ сблизиться съ новыми сослуживцами, тѣмъ болѣе, что у этихъ послѣднихъ не было особыхъ интересовъ, а напротивъ проявлялась полная готовность къ сближенію и живая потребность общенія. Оно и понятно: молодой человѣкъ являлся въ новый для него городъ и весьма естественно долженъ былъ искать общества въ кругу людей, однородныхъ съ нимъ по службѣ и дѣятельности. Общество кременецкихъ профессоровъ сначала не рѣшалось отталкивать пришельца-сослуживца, между прочимъ по очень естественному въ то время чувству опасенія, потомъ само увлекалось или живыми личностями новыхъ товарищей или обществен-

нымъ и официальнымъ значеніемъ ихъ. Такимъ образомъ мало-по-малу установилось то, наружное по крайней мѣрѣ, сближеніе между всѣми членами университетскаго ученаго сословія, безъ различія вѣръ и націй, какое составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ того времени. Много могла къ тому содѣйствовать ограниченность въ числѣ профессоровъ, не допускавшая дробленія на извѣстные кружки по убѣжденіямъ, національностямъ и мѣсту воспитанія. Много содѣйствовалъ этому сближенію и самъ попечитель фонъ-Брадке, у котораго на вечерахъ, каждую недѣлю, сталкивался житель Кременда и Вильно съ москвичемъ и жителемъ Петербурга и устанавливалась связь и общеніе между ними. Обычай дѣлать визиты каждый значительный годовою праздникомъ и торжественный день, обычай поздравлять другъ друга съ семейными праздниками — поддерживалъ эти связи и имѣлъ въ результатъ частыя сходки всѣхъ профессоровъ на вечера одинъ къ другому. Матеріальныя средства, обезпеченныя, при тогдашней относительной дешевизнѣ жизни, достаточнымъ жалованьемъ и, при отсутствіи постороннихъ доходовъ (напримѣръ отъ медицинской практики), болѣе или менѣе равномерныя у всѣхъ профессоровъ, дѣлали возможнымъ такіе частые вечера въ профессорскомъ кругу. У Выжевскаго, Якубовича и Мицкевича, чаще чѣмъ у другихъ происходили подобныя общія вечера. Разговоръ шелъ о городскихъ и университетскихъ новостяхъ и событіяхъ, да кое-когда прерывался разказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ старины, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрагивали. Если же случалось, что разговоръ неосторожно шевелилъ неостывшее прошлое, профессоръ Мицкевичъ тотчасъ предлагалъ сѣсть за карточные столы. Одни (Цыхъ, Невольнъ, Богородскій, Ставровскій и нѣсколько другихъ) садились за карты; а тѣ, которые не играли, продолжали общій разговоръ, переѣмивъ, разумѣется, щекотливую тему его. Научные вопросы рѣшались на этихъ вечерахъ изрѣдка: развѣ, бывало, старикъ Зѣновичъ начнетъ, размахивая руками, оживленный разказъ о происхожденіи міра и людей изъ атомовъ. Глубиною и основательностію отличались разказы

и бесѣды Неволниа, по стѣ ихъ несло школьнымъ запахомъ. Своего рода неутомимостію и мелкопомѣстнымъ шляхетскимъ юморомъ отличались рѣчи Абламовича, но чрезъ четверть часа онѣ всѣмъ до-смерти надоѣдали. Но когда нитю разговора овладѣвалъ Максимовичъ, — все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе: самая одушевленная, живая рѣчь лилась изъ устъ этого человѣка и самый простой, обыденный разсказъ получалъ въ устахъ его живой интересъ для всѣхъ. Разскажетъ ли онъ, бывало, объ извѣстномъ отвѣтѣ стараго московскаго профессора на похвалу попечителя его молодому товарищу: «поживетъ съ наше, такой же, какъ и мы, дуракъ 'будетъ!» разскажетъ ли о томъ, какъ онъ самъ, Максимовичъ, открывалъ поэтическіе таланты у женщинъ-писательницъ, — все равно интересовало слушателей, даже чуждыхъ тому обществу, о которомъ шла рѣчь. Разсказъ былъ всегда спокойный и, если можно такъ выразиться, удивительно свѣтлый и простой. Объ одномъ только не могъ говорить спокойно и интересно Максимовичъ: о Брамбеусѣ и его литературной лѣтописи. Тутъ онъ выходилъ изъ себя и, по поводу барона, подымалъ неосторожно такой разговоръ, при которомъ профессору Мицкевичу не разъ приходилось предлагать гостямъ карты.

Но независимо отъ этихъ общихъ собраній всѣхъ профессоровъ — старые кременецкіе профессора, само собою разумѣется, находились между собою въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, условливаемыхъ единствомъ и воспитанія, и прежней службы, и національности, и другихъ близкихъ ихъ сердцу воспоминаній. Поэтому они, участвуя въ общихъ профессорскихъ сходкахъ, въ то-же время образовывали свое особенное общество. Душею этого общества были: одинъ ординарный профессоръ и одинъ адъюнктъ. Первый, владея замѣчательнымъ практическимъ умомъ, ставилъ въ этомъ кружкѣ вопросы, ближайшимъ образомъ касавшіеся общихъ всѣмъ членамъ его интересовъ, и отстаивалъ эти интересы легальнымъ образомъ въ совѣтѣ. Второй поддерживалъ значеніе кременецкаго кружка въ обществѣ помѣщиковъ, на которое имѣлъ вліяніе какъ человѣкъ свѣтскій и какъ извѣстный беллетристъ. Съ другой стороны онъ же знакомилъ своихъ

товарищей съ тѣмъ, что особенно интересовало самое общество помѣщиковъ. Но въ чемъ собственно заключались эти вопросы, эти интересы, на чемъ двигался разговоръ въ кременецкихъ вечерахъ — рѣшить невозможно, потому что, при появленіи на нихъ посторонняго лица, въ родѣ напримѣръ, профессора Неволна, тотчасъ предлагались карты.

Надо отдать однакожъ справедливость тогдашнему ученому сословію университета въ томъ, что при этомъ, прикрытомъ наружнымъ сближеніемъ, раздѣленіи ихъ по національностямъ, nepотизмъ въ университетѣ не имѣлъ мѣста. Впрочемъ, подъ конецъ этого періода, чуть замѣтно стала организоваться нѣмецкая каста...

Нѣкоторые профессора не принимали участія ни въ общихъ, ни въ частныхъ собраніяхъ своихъ товарищей; таковъ, напримѣръ, былъ Бессеръ, весь преданный наукѣ и семейству; таковъ былъ еще одинъ господинъ, который боялся оставить квартиру, видя кругомъ себя воровъ и поджигателей....

Сколько можно заключить по сохранившемуся преданію, въ то время существовали нныя отношенія между профессорами и адъюнктами: первые смотрѣли на вторыхъ съ высоты своего оффиціального сана и своей, не рѣдко на давности службы основанной, учености. Такъ напримѣръ, Абрамовичъ, по тогдашнимъ обычаямъ, имѣлъ полное право считать себя неизмѣримо выше Греппы.... Изъ-за этихъ отношеній къ профессору, одинъ изъ адъюнктовъ даже долженъ былъ оставить университетъ, хотя и безъ особой потери для университета. Въ этой недоступности одинъ московскій ординарный профессоръ упрекалъ своихъ товарищей, кievскихъ ординарныхъ профессоровъ *). За все же гг. ординарные профессора, въ свою очередь, должны были отпачиваться тѣмъ далекимъ разстояніемъ, въ какое ставили ихъ отъ себя, даже внѣ оффиціальныхъ отношеній, товарищъ избранный ими подъ конецъ этого періода въ ректоры.

Но каковы ни были взаимныя отношенія профессоровъ въ университетскомъ обществѣ, никто изъ нихъ тогда не

*) Рѣдкий, въ письмахъ къ Богородскому.

пренебрегалъ имъ и не искалъ личнаго значенія и выгодъ между такъ называемою служебною и великосвѣтскою аристократіею. Это происходило отчасти отъ того, что всѣ сферы кievскаго общества были всѣмъ профессорамъ равно доступны, что всѣ оказывали имъ равное вниманіе, уважая въ нихъ званіе профессора, а отчасти и отъ того, что матеріальныя средства всѣхъ профессоровъ были довольно равномѣрны: никакіе посторонніе, хотя бы и законные, доходы не нарушали этого равновѣсія. Къ чести тогдашняго ученаго сословія надо сказать еще и то, что ученое соревнованіе его членовъ между собою не происходило изъ того нечистаго побужденія, которое заставляетъ нѣкоторыхъ героевъ ронять другъ друга въ глазахъ общества, лишь бы занять въ немъ высокое мѣсто и смотрѣть потомъ на другихъ съ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольствія, которое свойственно всѣмъ посредственностямъ, нравственнымъ и умственнымъ, безъ различія. Впрочемъ это не мѣшало товарищамъ въ своемъ кругу подвергать строгой оцѣнкѣ извѣстныя личности.

Когда ректорами университета были Максимовичъ и Цыхъ, — официальный начальникъ въ университетѣ былъ одинъ — попечитель; когда ректоромъ университета избранъ былъ Неволлинъ, ихъ стало два и низшій — ректоръ, держалъ себя чуть ли не неприступнѣе, чѣмъ главный — попечитель. Несомнѣнныя способности Неволлина, какъ администратора, его правдивость, неутомимая дѣятельность и ученія достоинства заставляли профессоровъ добровольно подчиняться ему; неприступность его была въ этомъ случаѣ совершенно излишняя; она только вредила ему: — Неволлина многіе уважали, но любили его весьма немногіе.

Попечитель фонъ-Брадке по отношенію къ профессорамъ держался двухъ правилъ: 1) начальникъ долженъ уважать личность подчиненнаго для того, чтобы онъ самъ уважалъ свое званіе и чтобы общество и слушатели уважали его; 2) служба службой, а дружба дружбой.

Самъ исполняя вѣрою и правдою, по своему убѣжденію, должность попечителя, онъ требовалъ того же и отъ дру-

гихъ. Приверженецъ строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ, онъ подвергалъ имъ не только студентовъ, но въ извѣстной степени прилагалъ ихъ и къ преподавателямъ. Самъ съ утра до вечера посѣщая учебныя заведенія, фонъ-Брадке требовалъ отъ профессоровъ неупустительнаго посѣщенія лекцій и извинялъ скорѣе плохое преподаваніе, чѣмъ неаккуратность въ преподавателѣ. Въ аудиторіяхъ заведены были классныя журналы, въ которыхъ каждый профессоръ долженъ былъ записывать о чемъ читалъ лекцію. Не менѣе требователенъ былъ попечитель и относительно оффиціальныхъ представленій всякаго рода. Но если эта требовательность, истекавшая изъ разъ навсегда усвоенной системы управленія, доходила иногда до крайности, то, съ другой стороны, уваженіе Брадке къ личности и званію профессора были неограничены. Въ ученыхъ совѣщаніяхъ на единѣ, въ педагогическихъ совѣщаніяхъ у него на дому, профессора съ полною свободою высказывали ему свои мнѣнія, какъ товарищу и сослуживцу, и онъ оказывалъ полное вниманіе къ этимъ мнѣніямъ, не отказываясь нисколько отъ собственной независимости. Отсюда часто происходили у него съ профессорами горячіе споры, въ которыхъ забывались и начальникъ и подчиненный, и расходились не рѣдко съ видимымъ неудовольствіемъ. День или два спустя, Брадке являлся въ профессорскую комнату въ университетъ, и не рѣдко, чувствуя себя неправымъ, подавалъ первый руку примиренія. Въ дѣлѣ о механической школѣ, о которомъ мы уже упомянули, недовольный Богородскимъ, который отстаивалъ упорно и горячо свой проектъ, попечитель образовалъ комитетъ изъ послушныхъ ему кременецкихъ профессоровъ для составленія новаго проекта по его мыслямъ, — но чрезъ день или два обратился къ тому же Богородскому съ просьбою, чтобы онъ, не отказываясь отъ своего мнѣнія, принялъ участіе и руководство въ совѣщаніяхъ комитета, на дѣльность котораго самъ Брадке не полагался. Такія отношенія профессоровъ къ своему начальнику особенно рѣзко должны были бросаться въ глаза въ то время, которое хотя и не далеко отъ насъ по числу лѣтъ, но куда-какъ далеко по своему характеру, и когда на генерала, будь военный, будь онъ статскій, смотрѣли въ провин-

ція какъ на существо, стоявшее ближе къ небу, чѣмъ къ прочимъ смертнымъ.

Уважаая званіе и личность ученаго университетскаго со- словія, Брадке требовалъ и отъ другихъ такого же къ нему уваженія. Преданіе сохранило отвѣтъ его одному изъ начальниковъ края, который, не приглашая на вечера свои профессоровъ и замѣтивъ, что Брадке пересталъ бывать на нихъ, спросилъ его о причинѣ отсутствія: «Гдѣ нѣтъ профессоровъ, тамъ не мѣсто и попечителю ихъ». Вообще фонъ-Брадке былъ самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между университетомъ и кievскимъ обществомъ. Каждое воскресенье были у него вечера. Здѣсь профессоры и студенты встрѣчались съ преподавателями и воспитанниками гимназій, съ замѣчательнѣйшими личностями кievскаго духовенства, — викаріемъ епархіи Владиміромъ и ректоромъ академіи Иннокентіемъ; здѣсь присутствовали мужчины и дамы изъ всего, такъ называемаго, высшаго круга; здѣсь встрѣчалось вообще все, что почиталось въ Кіевѣ лучшимъ обществомъ. Одни играли въ вистъ и бостонъ (Цыхъ, Неволинъ, Богородскій, самъ фонъ-Брадке), другіе проводили время въ дамскомъ обществѣ, гдѣ по обыкновенію раздавался одушевленный голосъ Максимовича, иные, наконецъ, собравшись въ кружокъ съ новыми знакомыми, проводили время въ разговорахъ. Молодежь танцевала. Часу въ одиннадцатомъ раздѣзжались всѣ посторонніе и Брадке оставался только въ кругу лицъ своего вѣдомства. Тогда начинались серьезные разговоры, придававшіе вечерамъ педагогическое значеніе. Брадке высказывалъ свои наблюденія и замѣчанія, вызывалъ совѣты и мнѣнія, предлагалъ на обсужденіе новыя мѣры и т. п. Здѣсь онъ узнавалъ ближе профессоровъ, а профессоры своего попечителя. Не рѣдко происходили и горячіе споры, прерываемые дружескимъ смѣхомъ и примиреніемъ. Въ этихъ-то разговорахъ слышалась тихая раздѣренная и строго обдуманная рѣчь Неволіна; горячіе, не всегда плавно и послѣдовательно, но большею частію основательно высказываемыя слова Богородскаго; живая и практическимъ смысломъ поражающая рѣчь Цыха, и опять не рѣдко всѣхъ оставлялъ назади всегда заппмательный, хотя и не всегда самостоятель-

ный Максимовичъ. Кременецкіе профессора большею частію только отвѣчали на вопросы; болѣе наблюдали, чѣмъ говорили, не исключая и плодовитаго Абламовича, который потомъ на улицѣ вымѣщалъ на встрѣчномъ и поперечномъ долго сдерживаемую говорливость...

Вечера фонъ-Брадке были мѣстомъ, на которомъ завязывался узелъ между ученымъ сословіемъ и лучшими домами Кіева, куда переходили отъ Брадке всѣ профессора. Изъ этихъ домовъ чаще всего и болѣе всего появлялись русскіе профессора у Трощинскаго, у Лошкарева и у Голубцева, — польскіе въ домахъ графа Илинскаго и вообще у сосѣднихъ зажиточныхъ помѣщиковъ, которыхъ тогда жило въ Кіевѣ несравненно болѣе, чѣмъ теперь. М-те Л. особенное вниманіе обращала на ректоровъ университета: Максимовичъ, Цыхъ и Неволинъ, одинъ за другимъ, были коронными въ ея салонѣ; каждый оставилъ своего рода впечатлѣніе. У Голубцева чаще другихъ являлись Домбровскій и юристы. Въ салонахъ помѣщиковъ особенно отличался Корженевскій, впрочемъ болѣе какъ литераторъ, чѣмъ ученый. Вообще въ высшихъ слояхъ кіевского свѣта на профессоровъ была мода: принимать и честить ихъ почитали такою же важною, хотя не всегда легкою, обязанностію, какъ имѣть чистый французскій выговоръ или дѣлать визиты. Не многіе, впрочемъ, профессора были въ свѣтѣ также на своемъ мѣстѣ, какъ на университетской кафедрѣ. Большая часть ихъ, люди весьма почтенные въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, иногда поражали кіевскій beau monde, являясь на вечера въ допотопномъ, впрочемъ не рѣдко изъ Берлина вывезенномъ костюмѣ, и занимая дамъ разговорами о томъ, кто выше въ наукѣ Савиньи или Гансъ.

Въ среднихъ кругахъ кіевского общества появлялись также многіе профессора. Грѣхъ пожаловаться: уваженіемъ они пользовались всеобщимъ. Даже собратья по наукѣ, профессора духовной академіи, уступали имъ вездѣ первенство и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ. Союзъ обонхъ сословій свѣрлялъ ректоръ академіи Иннокентій, почетный членъ университета. На Подолѣ, въ семействахъ чиновниковъ и гражданъ, профессоръ былъ почетнымъ гостемъ.

Еще одна замѣчательная черта жизни тогдашнихъ профессоровъ: театръ, единственное эстетическое развлеченіе въ Кіевѣ, находилъ въ нихъ усердныхъ посѣтителей. Когда въ 1837 году пріѣзжалъ въ Кіевъ Мочаловъ, всѣ почти профессоры постоянно являлись на всѣ представленія. Лѣтомъ дачная жизнь не была еще такъ развита между ними, какъ впоследствии.

Вотъ все, что мы могли собрать о житьѣ-бытьѣ ученаго сословія.

ВИТАЛІЙ ШУЛЬГИНЪ.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ.

Статья первая.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ШВЕЙЦАРІИ.

I.

Въ политическо́й экономіи вопросъ о большомъ и маломъ хозяйствѣ рѣшенъ признаніемъ пользы и необходимости того и другаго. Въ политикѣ также много разсуждали о преимуществахъ большихъ и малыхъ государствъ. Малымъ государствамъ античнаго міра и средневѣковой Италіи мы обязаны почти всей нашей цивилизаціей. Но наше время — есть вѣкъ громадныхъ государствъ, малымъ приходится плохо; ихъ независимость внѣшняя, болѣе кажущаяся, они притягиваются къ политикѣ того или другаго большаго государства; все великое дѣлается большими государствами, кажется, что жизненный процессъ развитія уже покончился для Швеціи, Голландіи, Швейцаріи, Тосканы; къ нимъ рѣдко обращается и міровая политика и міровая мысль, ихъ невидно ни на конгрессахъ, ни въ движеніи современной мысли къ разрѣшенію великихъ социальныхъ проблемъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ единство языка открываетъ возможность къ политическому и нравственному возрожденію во взаимномъ соединеніи: таково стремленіе итальянскихъ, румынскихъ и скандинавскихъ государствъ. Конечно, это стрем-

леніе обусловливается исключительными обстоятельствами нашей переходной эпохи, необходимостью защиты національности противъ напора великихъ государствъ; но и помимо этой внѣшней причины, есть множество внутреннихъ, которыя показываютъ несостоятельность малыхъ государствъ.

Но какова бы ни была будущность малыхъ государствъ, ихъ политическая жизнь не лишена интереса: идеи и учрежденія, перерабатываемыя великими народами находятъ здѣсь отголосокъ, и часто то, что падаетъ (хотя конечно на время) въ великихъ государствахъ или что утверждается послѣ страшной борьбы, здѣсь утверждается прочно. Разумѣется, что они не имѣютъ здѣсь ни величія, ни міроваго значенія.

Но не одно это чувство вы испытываете при разсмотрѣніи политической жизни одного изъ такихъ государствъ — Швейцаріи, которая есть не только небольшое государство, но союзъ двадцати пяти большей частью крошечныхъ государствъ, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Цугъ, имѣютъ всего 3,000 дѣятельныхъ гражданъ. Конституція Швейцаріи имѣетъ для всѣхъ мыслящихъ людей большую важность. Моль справедливо назвалъ Швейцарію политическимъ микрокосмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, на этой небольшой почвѣ разрѣшились и пустили всходы, хотя конечно въ маленькомъ видѣ, великіе вопросы современной политики: о размѣрѣ централизаціи, необходимой для государственной жизни, о Staaten-Bund и Bundes-Staat, о непосредственной демократіи (управленіе государствомъ непосредственно всей массою народа), о національности, о парламентарномъ началѣ, о раздѣленіи властей, объ устройствѣ военной силы въ такомъ видѣ, чтобъ она была грозна для внѣшнихъ враговъ и безсильна противъ свободныхъ учреждений отечества и проч. Двадцать пять кантональных конституцій представляютъ кромѣ того образцы замѣчательной отдѣлки конструкціоннаго механизма. Словомъ, союзная и кантональныя конституціи имѣютъ много правъ на вниманіе публицистовъ. Представляя здѣсь очеркъ современнаго политическаго устройства Швейцаріи, мы замѣтимъ, что ея конституція одна изъ старѣйшихъ въ Европѣ; но вліяніе великихъ политическихъ идей, а также и матеріальной силы Франціи отражалось болѣе или менѣе

сплыно на ея исторіи. Послѣ трехъ-сотлѣтняго существованія, первоначальная конституція Швейцаріи, подъ вліяніемъ французовъ была изложена Базельскимъ актомъ 15 марта 1798, послѣ того, 24 октября 1801, Швейцарія получила подъ пменемъ Гельветической республики новую конституцію, которая была пзмѣнена такъ называемымъ *Mediationsacte* 1803 года. Вѣнскій конгрессъ освободилъ Швейцарію отъ власти Франціи и опредѣлилъ деклараціей отъ 20 марта 1815 г. ея положеніе въ ряду европейскихъ государствъ и основы ея конституціи, которая и была провозглашена швейцарскимъ національнымъ собраніемъ 7 августа 1815 года. Но Швейцарія, освободившись отъ гнета французской силы, нсколько не отставала отъ движенія политическихъ идей своего могущественнаго сосѣда: событія 1830 и 1848 годовъ отразились на ней глубоко, и повели къ окончательному торжеству демократіи. Въ настоящее время дѣйствуетъ союзная конституція 12 сентября 1848 г., вотпрованная всей швейцарской націей. Кантональныя конституціи также были измѣнены тогда, на сколько того требовалъ духъ времени и федеральной конституціи, такъ что всѣ эти конституціи относятся къ періоду 1848—1853 года *).

Въ швейцарскихъ союзныхъ палатахъ находится лицо, которое не существуетъ ни въ какомъ другомъ парламентѣ — это словесный переводчикъ рѣчей. Депутаты могутъ говорить рѣчи на одномъ изъ трехъ языковъ — французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, и непосредственно послѣ произне-

*) Тексты прежнихъ конституціи Швейцаріи (федеральныхъ и кантональных) помѣщены въ третьемъ томѣ извѣстнаго изданія Пеллица: «Die europaischen Verfassungen seit dem Jahre 1789 etc., von Karl Pöhlitz (1833 г.). Желające ознакомиться съ исторіей швейцарской конституціи должны обратиться къ превосходному сочиненію мюнхенскаго профессора Bluntschli: «Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes,» etc., два тома, Цюрихъ, 1849—1852 годъ. Огромная литература о швейцарскихъ конституціяхъ исчислена и критически разобрана въ первомъ томѣ знаменитаго сочиненія Моля (Robert von Mohl): «Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften,» Эрлангенъ, 1855 г. Тексты нынѣ дѣйствующихъ швейцарскихъ конституціи изданы подъ заглавіемъ: «Texte officiel de la constitution fédérale Suisse et des XXV constitutions cantonales en vigueur,» 1857 гема (послѣднее изданіе).

сенія рѣчи переводчикъ громко читаетъ собранію переводъ ея на два другіе языка. Конечно, это очень скучно; одинъ изъ членовъ парламента, понимавшій одинаково хорошо всѣ три языка, сказалъ мнѣ: «Повѣрите ли вы, что иной разъ просто одурь беретъ, когда приходится выслушать три раза одну и ту же глупую рѣчь, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка». Что же это такое Швейцарія въ которой нѣтъ не только своего особеннаго языка, но еще трое другихъ? Стало быть это не нація, не государство, а искусственный союзъ трехъ различныхъ народностей! Во всѣхъ учебникахъ стоитъ, что народъ есть масса лицъ, связанныхъ единствомъ языка. Другаго единства, которому въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Швеціи, до сихъ поръ придаютъ большую политическую важность — единства религіи также не существуетъ въ Швейцаріи: восточные кантоны католическіе, нѣкоторые западные и внутренніе протестанскіе; и притомъ швейцарцы вовсе не индеференты въ дѣлѣ религіи: Женева до сихъ поръ одинъ изъ центровъ протестантскаго міра, въ конституціяхъ восточныхъ кантоновъ католическая религія объявлена господствующею, іерархія пользуется полнымъ почетомъ; дѣленіе на приходы до сихъ поръ играетъ важную роль въ политической организаціи; швейцарскіе журналы живо слѣдятъ за религіозными вопросами, напримѣръ, когда шведскій сеймъ не согласился въ прошломъ году на предложеніе короля о полной свободѣ вѣроисповѣданій, швейцарскія газеты были наполнены горячими статьями, изъ которыхъ было видно, что здѣшнія протестантскія и католическія корпораціи находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ своими собратьями въ другихъ частяхъ Европы.

И при всемъ томъ Швейцарія есть страна могучей національности: различіе языка и религіи замѣняется единствомъ прекрасной исторіи, единствомъ борьбы за свободу и четырехъ-сотлѣтнимъ пользованіемъ ею. Эта исторія и эти учрежденія положили на итальянцевъ, пѣмцевъ и французовъ общій, нивелирующий типъ, который прежде всего кидается въ глаза: женевецъ, говорящій чистымъ французскимъ языкомъ, несравненно ближе къ цюрихцу-нѣмцу, нежели къ своему сосѣду и соотечественнику — французу. Духъ политическихъ

учрежденій прошелъ въ глубь народа — въ его нравы, привычки, и обособилъ его отъ другихъ. Въ этомъ случаѣ Швейцарія служитъ важнымъ и единственнымъ примѣромъ образованія твердой національности чрезъ политическую жизнь — изъ различныхъ народностей, которыя сохраняютъ свой языкъ и религію. Поставленная на рубежѣ трехъ великихъ народностей — французской, нѣмецкой и итальянской, она была во всѣ времена убѣжищемъ для ихъ свободы — и религіозной, и умственной, и политической.

Что за политическая форма есть швейцарская конфедерация? Въ политической наукѣ различаются двѣ формы конфедерации: *Bundesstaat* (союзное государство) и *Staatenbund* (союзъ государствъ). Подъ первымъ именемъ разумѣется та форма государственной жизни, гдѣ различныя части имѣютъ полную внутреннюю самостоятельность (аутономію), т. е., право издавать законы, собирать подати, право независимой администраціи и проч.; но въ отношеніи къ другимъ государствамъ и къ великимъ внутреннимъ вопросамъ союзъ составляетъ одно цѣлое: только союзное правительство имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ, бить монету, оно содержитъ регулярную армію и флотъ и проч. Образцомъ *Bundesstaat* служатъ Сѣверо-американскія Соединенныя Штаты. Германія представляетъ примѣръ *Staatenbund*: каждый членъ этого союза есть вполне самостоятельное государство, которое можетъ заключать трактаты съ иностранными державами, имѣть какую угодно форму правленія, даже вести войну и проч. Союзный сеймъ вовсе не есть представитель германской націи, а конференція уполномоченныхъ сорока германскихъ великихъ, среднихъ и малыхъ государствъ, — и притомъ весь этотъ аппаратъ одна пустая форма — всѣмъ распоряжаются Австрія и Пруссія, и нѣсколько Баварія. Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы покажемъ механизмъ этого чудовища, созданнаго Метернихомъ. Швейцарская конфедерация есть дѣйствительное существо; ее ставятъ нѣкоторые нѣмецкіе систематики по срединѣ между *Staatenbund* и *Bundesstaat*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о политическомъ членѣ Швейцаріи, посмотримъ на ея конституцію.

Хотя предисловіе конституціи говоритъ о швейцарской

націи *), но первая статья прямо показываетъ, что начало независимости кантона преобладаетъ надъ союзнымъ: «*Народы двадцати двухъ суверенныхъ кантоновъ Швейцаріи: Цюриха, Берна, Люцерна, Ури, Швица, Унтервальдена, Гларуса, Цуга, Фрейбурга, Золотурна (Солеръ), Базеля (Баль), Шафгаузена, Аппенцеля, Сеп-Галля, Гриссона (Граубюнденъ), Ааргау (Арговн), Тургау (Турговн), Тессина, Водъ (Ваатландъ), Вале, Нешателя (Нейбургъ) и Жене-вы **)*—соединенные настоящимъ союзомъ составляютъ вмѣстѣ швейцарскую конфедерацію.» Цѣль союза — обезпеченіе внѣшней безопасности, внутренняго порядка и развитіе свободы и благосостоянія.

Союзное правительство состоитъ изъ федеральнаго собранія (*assemblée fédérale*) — власти законодательной и федеральнаго совѣта (*conseil fédéral*) — власти исполнительной.

Федеральное (законодательное) собраніе состоитъ изъ двухъ палатъ, или, какъ онѣ называются въ Швейцаріи, совѣтовъ: національнаго (*Conseil national*, палата депутатовъ) и совѣта государствъ (*Conseil des Etats*).

Вопросъ объ устройствѣ законодательной власти принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ въ политикѣ. Опытомъ вѣковъ дознано, что двѣ палаты лучше одной, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Въ Англіи парламентъ всегда состоялъ изъ двухъ палатъ: лордовъ и депутатовъ; ея примѣру слѣдуютъ всѣ новыя парламентарныя государства. Въ двухъ палатахъ находятъ болѣе данныхъ для обезпеченія

*) «*Au nom de Dieu tout puissant, la confédération Suisse voulant affermir l'alliance des confédérés, maintenir et accroître l'unité, la force et l'honneur de la nation Suisse*» etc.

***) Число кантоновъ — двадцать два — утверждено конституціей 1815 года, но послѣ этого времени нѣкоторые кантоны раздѣлились на два самостоятельные, именно: кантонъ Базель — на Базель-городъ и Базель-сельскій (*Bâle-ville* и *Bâle-rural*), Унтервальденъ — на верхній и нижній, Аппенцель — на *Rhodes extérieurs* и *Rhodes intérieurs*. Конфедерація признала эти части за самостоятельные кантоны во всемъ, но права посылать по два депутата въ совѣтъ государствъ имъ не дала, каждая половина посылаетъ только по одному, оттого они называются въ отношеніи къ конфедераціи полукантонами. Итакъ — самостоятельныхъ кантоновъ теперь двадцать пять, но число представителей въ совѣтъ государствъ осталось прежнее.

свободы: одна можетъ легко увлекаться, она всегда представляетъ интересы настоящаго дня, а главное только при двухъ палатахъ возможно равновѣсіе властей законодательной и исполнительной, — въ противномъ случаѣ при столкновеніи нѣтъ посредника, и одна изъ нихъ легко можетъ поглотить другую. Но для этого необходимо, чтобы первая (верхняя) палата имѣла свою фязіономію, представляла бы по своему составу другое начало, нежели палата депутатовъ, — иначе это будетъ одно собраніе, перегороженное стѣною, только помѣха въ движеніи законодательной власти. Англія достигла этого раздѣленія тѣмъ, что обладаетъ могущественной поземельной аристократіей, поэтому палата лордовъ представляетъ наследственную независимую аристократію, съ небольшою прибавкою пожизненной, въ противоположность палатѣ общинъ, состоящей изъ депутатовъ народа, выбираемыхъ на срокъ. Оттого въ другихъ странахъ, гдѣ нѣтъ такихъ общественныхъ условій, какъ въ Англіи, образованіе первой палаты искусственное, натянутое, и все здѣше парламентаризма не представляетъ той прочности.

Отъ этого Франція, въ которой революція 89 года уничтожила и аристократію (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) и территоріальныя особенности никогда не могла создать двухъ-палатнаго представительства. Оставляя въ сторонѣ абсолютную годность принципа двухъ палатъ, замѣтимъ, что въ конфедераціяхъ онъ является существенно необходимымъ. Великая американская и небольшая швейцарская республика — союзъ множества самостоятельныхъ единицъ (кантоны, штаты), далеко неравныхъ по населенію. Такъ, въ числѣ швейцарскихъ кантоновъ Бернъ имѣетъ 458,000 жителей, а Цугъ всего 17,500. Если бы существовала одна палата депутатовъ, естественно избираемыхъ по количеству народонаселенія, то большіе кантоны числомъ представителей совершенно бы подавляли малые, и одни бы управляли союзомъ: пять кантоновъ — Бернъ, Цюрихъ, Ваадтъ, Сентъ-Галль, Ааргау — имѣютъ болѣе населенія, нежели остальные семнадцать. Поэтому только съ устройствомъ двухъ камеръ можно достигнуть двухъ началъ: сохраненія самостоятельности каждаго члена союза и національнаго единства. На-

ціональний совѣтъ (палата депутатовъ) выражаетъ собою швейцарскую націю; онъ состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ по одному изъ 20,000 жителей *), слѣдовательно, изъ 240 членовъ (народонаселеніе Швейцаріи по переписи 1850 года простирается до 2,400,000 **). Совѣтъ государствъ ***) (соотвѣтствуетъ сѣверо-американскому сенату) состоитъ изъ сорока четырехъ членовъ: по два депутата съ каждаго кантона, несмотря на различіе въ народонаселеніи.

*) Кантоны, въ которыхъ менѣе 20,000 жителей, все-таки посылають одного депутата.

**) Такъ какъ необходимо знать число жителей въ кантонахъ для яснаго пониманія политическаго устройства, то представляемъ здѣсь роспись народонаселенія, по ревизіи 1850 года, въ круглыхъ цифрахъ:

Цюрихъ	250,700.
Бернъ	458,000.
Люцернъ	132,800.
Ури	14,500.
Швицъ	44,170.
Оба Унтервальдена	25,100.
Гларисъ	30,200.
Цугъ	17,500.
Фрибургъ	100,000.
Солотурнъ	69,700.
Базель-городъ	29,700.
Базель-сельскій	47,900.
Шафгаузенъ	35,300.
Аппенцель :	
Rhodes extérieurs	43,620.
Rhodes intérieurs	11,270.
Сентъ-Галль	169,600.
Гриссонъ	90,000.
Ааргау	200,000.
Тургау	89,000.
Тессинъ	117,750.
Ваадтъ	200,000.
Вале	81,600.
Нейшатель	70,750.
Женева	64,150.

Итого 2,392,000.

Въ томъ числѣ 971,000 католиковъ и 1,417,000 протестантовъ.

***) Наши газеты обыкновенно называютъ его «государственнымъ совѣтомъ», и тѣмъ даютъ читателю совершенно невѣрное понятіе о его составѣ и значеніи.

Исполнительная власть вручена не одному лицу, какъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ или бывшей французской республикѣ, а совѣту изъ семи членовъ *). Члены исполнительнаго совѣта (conseil fédéral) избираются парламентомъ, то есть, обѣими палатами, изъ всѣхъ швейцарскихъ гражданъ, впрочемъ такъ, чтобы изъ одного и того же кантона не было болѣе одного человѣка.

Права и обязанности федеральнаго собранія слѣдующія:

1) Оно одно имѣетъ право объявлять войну, заключать трактаты, посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ. Отдѣльные кантоны могутъ только заключать съ сосѣдними государствами договоры, касающіеся предметовъ второстепенныхъ, напримѣръ, полиціи; даже между собою кантоны не могутъ заключать частныхъ политическихъ трактатовъ. Въ случаѣ внезапнаго нападенія, кантоны могутъ обороняться и до прибытія федеральной силы.

2) Каждый кантонъ есть суверенное государство и по этому можетъ дать себѣ конституцію, но съ слѣдующими ограниченіями: а) чтобы кантонская конституція не заключала въ себѣ ничего противнаго правамъ федеральной, б) чтобы она была республиканской формы, с) чтобы она была принята народомъ (а не одной только палатой) и чтобы въ ней была статья, допускающая ея ревизію, когда большинство гражданъ того захочетъ. Поэтому кантонъ долженъ представить свою конституцію на разсмотрѣніе федеральнаго собранія, которое утверждаетъ ее только тогда, когда она согласна съ исчисленными условіями. Такъ, напримѣръ, пятьдесятъ осьмая статья цугской конституціи, по которой великому совѣту этого кантона предоставлялось право объявлять войну, была уничтожена федеральнымъ собраніемъ.

*) Предсѣдатель этого совѣта носитъ громкій титулъ президента конфедерации (président de la confédération). Но это названіе не должно вводить въ заблужденіе, — онъ не имѣетъ никакой особенной власти, кромѣ почета. Онъ, и вице-президентъ, избираются федеральнымъ собраніемъ на одинъ годъ, и не могутъ быть въ тѣхъ же должностяхъ на слѣдующій годъ. Таково недовѣріе швейцарцевъ даже и къ тѣмъ исполнительнымъ власти!

Вмѣстѣ съ тѣмъ конфедерація гарантируетъ каждому кантону его конституцію отъ нарушенія со стороны властей, партій и проч. Такъ, попытка невшательскихъ роялистовъ была *casus foederis* для вмѣшательства федеральной силы.

3) Такъ какъ на обязанностяхъ союза лежитъ внѣшняя защита, то военная сила находится въ его распоряженіи. Опытъ вѣковъ доказалъ, что политическая свобода шатка въ государствѣ, гдѣ правительство имѣетъ подъ рукою огромную регулярную военную силу. Оттого въ Англіи такая антипатія къ постоянной арміи; оттого во Франціи такъ шатки политическія учрежденія. Единственный король Франціи, при которомъ представительныя учрежденія были сильны, былъ тотъ, который, разсматривая отчетъ военнаго министра о громадныхъ военныхъ силахъ, сказалъ: «Какъ прекрасно имѣть въ своей власти такія силы, — и не пользоваться ими.» Въ конфедераціи вопросъ о военной силѣ еще сложнѣе: если большая постоянная военная сила будетъ находиться въ рукахъ центрального правительства, тогда оно легко можетъ уничтожить или ограничить самостоятельность кантоновъ; если же кантонамъ предоставить право развивать неограниченно свои военныя силы, тогда *большіе* изъ нихъ могутъ подавить малые и вообще будутъ управлять союзомъ, — подобно тому, какъ Пруссія и Австрія подчиняютъ себѣ остальные германскія государства. Поэтому весьма любопытна швейцарская военная организація.

Она состоитъ въ слѣдующемъ: 1) конфедерація не имѣетъ права содержать постоянной арміи (сѣверо-американская имѣетъ это право); 2) каждый кантонъ, каково бы ни было его пространство и народонаселеніе, не можетъ имѣть болѣе 300 человекъ постояннаго войска (несчитая, впрочемъ, полицейскихъ жандармовъ); 3) федеральная армія состоитъ изъ ополченій кантоновъ, созываемыхъ во время войны; каждый кантонъ поставляетъ по три человека со ста душъ населенія и кромѣ того полтора процента резерва, а въ случаѣ крайности можетъ быть призванъ на федеральную службу и второй резервъ (*Landwehr*). Слѣдовательно, военныя силы, которыми можетъ располагать конфедерація, состоятъ изъ 72,000 отборнаго войска (*l'élite*), 36,000 перваго резерва и

неопредѣленнаго числа втораго *). Центральное правительство обязано обучать артиллерію, инженеровъ, кавалерію, и для этой цѣли имѣетъ право учреждать военныя школы, оно обязано доставлять военныя матеріалы, содержать штабъ, учреждаетъ ежегодные маневры и проч.

Цеховые мастера военного дѣла недовольны такой организаціей: по ихъ мнѣнію армія, составленная изъ ополченій, хотя и обученныхъ, не можетъ сравняться съ тою, которая постоянно живетъ лагеремъ, въ пей не можетъ быть ни того возвышеннаго духа, какимъ обладаютъ зуавы, готовые вырѣзать Парижъ, ни любви къ крови, ни предпочтенія знамени — учрежденіямъ родины и т. д. Постоянная армія есть зло, конечно, необходимое для многихъ государствъ, безъ нея нельзя вести наступательной войны. Но счастливы тѣ народы, которые по политическимъ условіямъ могутъ имѣть въ виду только оборонительную. Швейцарія именно въ такомъ положеніи. Надобно впрочемъ замѣтить, что Швейцарія обладаетъ лучшими военными средствами, нежели можно было бы ожидать отъ страны, гдѣ существуетъ только ополченіе. Во-первыхъ, швейцарцы по природѣ стрѣлки, слѣдовательно то, чего въ другихъ государствахъ достигаютъ при большихъ расходахъ на содержаніе стрѣлковыхъ батальоновъ и на обученіе стрѣльбѣ пѣхоты, достигается здѣсь само собою. Въ Швейцаріи есть множество стрѣлковыхъ обществъ, ежегодно назначаются въ каждомъ кантонѣ дни для общей стрѣльбы, разумѣется съ призами, — есть и національный тиръ, куда сходятся тысячи швейцарскихъ стрѣлковъ. Кто бывалъ въ Швейцаріи, тотъ помнитъ эти свободныя и одушевленные собранія, помнитъ импровизированныя отряды, которые съ знаменемъ своего города спѣшатъ, распѣвая патріотическія пѣсни, на общую сходку. Во-вторыхъ, множество швейцарцевъ служатъ офицерами въ Алжирѣ, въ англійской и голландской арміяхъ, а въ Неаполѣ

*) Союзъ имѣетъ въ настоящее время оружія и экипировку на 200,000 человекъ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ швейцарцы. Артиллерія въ отличномъ состояніи, пѣхота, особенно стрѣлки, также; кавалеріи очень немногочислена.

и Римъ до 20,000 швейцарскихъ солдатъ *). Слѣдственно, Швейцарія не имѣетъ недостатка въ опытныхъ офицерахъ и солдатахъ, и притомъ съ тою выгодною, что эта опытность приобрѣтается не на счетъ учреждений родины.

4) Федерация имѣетъ свою кассу; для покрытія союзныхъ расходовъ, сверхъ чрезвычайныхъ взносовъ отъ кантоновъ, она имѣетъ три регалии: почтовую, выдѣлку и продажу пороха, таможенную.

5) Федерация объявляетъ обязательными для всѣхъ кантоновъ слѣдующія постановленія, гарантирующія личныя права и общность швейцарской націи: 1) гражданинъ одного кантона каждаго христіанскаго вѣроисповѣданія можетъ свободно поселиться въ другомъ кантонѣ, и пользуется тамъ всѣми политическими правами наравнѣ съ прочими гражданами, 2) кантоны не имѣютъ права лишать кого-нибудь изъ своихъ гражданъ права происхожденія (*droit d'origine*) и гражданства, 3) они не могутъ стѣснять свободнаго отправленія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, 4) книгопечатаніе свободно: кантоны могутъ опредѣлять только мѣры къ прекращенію злоупотребленій, но эти мѣры должны быть представлены на утвержденіе союзной власти, 5) право свободной ассоціаціи, 6) право представленія прошеній (*le droit de pétition*) кантональной или центральной власти, 7) не можетъ быть учреждено чрезвычайныхъ судилищъ, но всякій долженъ быть судимъ своимъ законнымъ судомъ, 8) за политическія преступленія не можетъ быть назначено смертной казни **), 9) орденъ іезуитовъ не можетъ существовать въ Швейцаріи, 10) рѣшеніе гражданскаго суда одного кантона обязательно

*) Въ нынѣшнемъ году изданъ союзный законъ, запрещающій подѣ страхомъ лишенія на нѣсколько лѣтъ политическихъ правъ и другихъ наказаній, военныя капитуляціи, то есть, вступленіе цѣлыхъ швейцарскихъ отрядовъ въ иноземную службу, причѣмъ они сохраняли знамена своего кантона, названіе швейцарскихъ полковъ и проч. Причина этого запрещенія состояла въ томъ позорѣ, который навлекли на Швейцарію эти войска, служа итальянскимъ деспотическимъ правительствамъ противъ ихъ несчастныхъ подданныхъ. Федеральное правительство показало въ этомъ случаѣ много мужества и благородства. Вступленіе по одиночкѣ въ иностранную службу не запрещено.

**) Честь провозглашенія этого начала принадлежитъ временному правительству Французской республики 1848 года.

въ другомъ, 11) выдача преступниковъ обязательна для кантоновъ, — за исключеніемъ политическихъ, 12) федерация принимаетъ мѣры къ осѣдлости людей безъ отечества (Heimathlosen) *) и къ воспрепятствованію образованія вновь этихъ бѣлыхъ цыганъ.

Вслѣдствіе этого, по 74 параграфу конституціи, къ компетенціи федеральнаго собранія принадлежать: 1) законы и декреты для приведенія въ исполненіе федеральной конституціи, въ-особенности составленіе избирательныхъ округовъ и формы избранія депутатовъ, законы объ организаціи федеральныхъ властей и суда присяжныхъ; 2) опредѣленіе жалованья федеральнымъ чиновникамъ, установленія вновь необходимыхъ федеральныхъ должностей; 3) избраніе исполнительнаго совѣта, федеральнаго суда, главнокомандующаго арміей, начальника штаба, дипломатическихъ агентовъ; 4) признаніе иностранныхъ государствъ; 5) союзы и другіе трактаты съ иностранными государствами; 6) принятіе мѣръ для вѣдшей безопасности, для поддержанія независимости и нейтралитета **) Швейцаріи, объявленія войны и заключенія мира; 7) гарантія кантональныхъ конституцій, вмѣшательство вслѣдствіе этой гарантіи, мѣры для внутренняго спокойствія, амнистіи и право помилованія ***); 8) мѣры для поддержанія

*) Гейматлозами (les gens sans patrie), то есть, людьми безъ отечества называются тѣ швейцарцы, которыхъ предки по разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ потеряли права членовъ общины (наши старинные — изгон, казаки, гуляціе люди), это племя нищихъ, отверженцевъ. Ни одна община не соглашается ихъ принять, потому что они составляли бы для нея тяжесть. Оттого несчастные гейматлозы ведутъ кочевую жизнь. Такъ какъ они не члены общины, то поэтому и не граждане кантона, а слѣдственно и не полноправные швейцарскіе граждане. По конституціи предоставлено федеральному правительству устроить участь этихъ несчастныхъ (число которыхъ не превышаетъ, впрочемъ, нѣсколькихъ сотенъ), но средства его весьма ограничены.

**) Нейтралитетъ Швейцаріи гарантированъ вѣскимъ конгрессомъ, но, конечно, этотъ принципъ только до тѣхъ поръ будетъ уважаться, пока Швейцарія будетъ готова защищать его съ оружіемъ въ рукахъ, — какъ она и поступила въ послѣднюю войну.

***) Федеральное собраніе имѣетъ право амнистіи и помилованія только относительно тѣхъ преступленій, которыя подлежатъ суду федеральнаго трибунала (преступленія федеральныхъ чиновниковъ въ отпращеніи должности, противъ конституціи и т. д.).

уваженія къ конституціи; 9) законы о военной организаціи, обученіе войскъ, распоряженіе арміей; 10) составленіе федеральнаго бюджета, распредѣленіе по кантонамъ и распоряженіе военнымъ фондомъ, займы; 11) законы о таможенныхъ, почтахъ, монетѣ, вѣсахъ и мѣрахъ, выдѣлкѣ и продажѣ пороха, оружія и военныхъ снарядовъ; 12) постройка сооруженій военныхъ или другого рода, важныхъ для всего союза; 13) законы о гейматлозахъ, наблюденія за иностранцами, принятіе мѣръ для охраненія народнаго здравія въ случаѣ новальныхъ болѣзней; 14) наблюденіе за правильнымъ теченіемъ союзныхъ администрацій и суда (*tribunal fédéral*); 15) разсмотрѣніе жалобъ кантоновъ или отдѣльныхъ гражданъ на дѣйствія центральной исполнительной власти; 16) споры кантоновъ между собою, если они имѣютъ политическій характеръ (а если частный, напримѣръ споръ о землѣ, то дѣло принадлежитъ федеральному трибуналу); 17) вопросъ о компетенціи, между прочимъ рѣшенія: принадлежитъ ли извѣстное дѣло вѣдомству конфедерации, или кантона, — вѣдомству федеральнаго совѣта (центральной исполнительной власти) или федеральнаго трибунала; 18) ревизія конституціи *).

Обѣ палаты федеральнаго собранія избираются на три года, и возобновляются интегрально. Каждая изъ нихъ имѣетъ своего президента и вице-президента; дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Палаты собираются ежегодно одинъ разъ, — обыкновенно на іюль мѣсяць; онѣ могутъ быть кромѣ того собраны экстраординарно по призыву исполнительнаго совѣта, по требованію четырехъ депутатовъ или пяти кантоновъ. Для изданія закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ, которыя рассуждаютъ отдѣльно; но для избранія членовъ исполнительной власти, федеральнаго трибунала и сановниковъ онѣ соединяются въ одно собраніе. Законодательная инициатива принадлежитъ каждому члену со-

*) Федеральная конституція можетъ быть ревизована во всякое время. Если одна палата желаетъ ревизіи, а другая нѣтъ, или если 50,000 гражданъ потребуютъ ревизіи, тогда вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли ревизовать, или нѣтъ? передается на рѣшеніе всего швейцарскаго народа, и если большинство отвѣтитъ утвердительно, тогда производятся новые выборы въ палаты, которыя немедленно по собраніи и приступаютъ къ ревизіи.

бравія, — каждый кантонъ пользуется тѣмъ же правомъ въ формѣ корреспонденціи. Члены обѣихъ палатъ считаются представителями всей швейцарской націи, а не того только кантона, гдѣ они избраны; они не могутъ быть связаны какими-либо инструкціями *). Они получаютъ вознагражденіе за труды: члены національнаго совѣта (палата депутатовъ) изъ федеральной кассы, члены совѣта государствъ — каждый отъ своего кантона. Выборы въ члены федеральнаго собранія прямые; право избирать имѣетъ каждый швейцарецъ, пользующійся въ своемъ кантонѣ гражданскими правами, если онъ не моложе двадцати одного года.

Исполнительная власть, какъ мы уже упоминали, принадлежитъ федеральному совѣту (*conseil fédéral*) изъ семи членовъ. Они избираются на три года федеральнымъ собраніемъ въ соединенныхъ камерахъ изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ право быть депутатами. Члены этого совѣта имѣютъ входъ и право дѣлать предложенія въ обѣихъ палатахъ, подобно министрамъ конституціонныхъ государствъ. Федеральный совѣтъ не есть власть самостоятельная, какъ президентъ американскихъ штатовъ, — онъ вполне подчиненъ федеральному собранію; притомъ самая его организація препятствуетъ той быстротѣ и силѣ, которая необходима для исполнительной власти и которая достигается только одноличнымъ составомъ. Онъ вообще управляетъ всѣми дѣлами принадлежащими федеральному собранію: наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, внутренней и виѣшней безопасностью, и для этой послѣдней цѣли имѣетъ право, когда парламентъ не на сборѣ, собрать войско, но если потребуются собрать болѣе двухъ тысячъ войска или продержатъ его болѣе трехъ недѣль, то долженъ немедленно созвать парламентъ, онъ завѣдываетъ военной частью, финансами и прочимъ. Но во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ дѣйствуетъ по указанію парламента, только какъ исполнитель, и обязанъ при каждомъ собраніи парламента представлять ему рапортъ о своемъ управленіи. Словомъ, исполнительная

*) На этомъ основаніи федеральное собраніе уничтожило пятьдесятъ четвертую статью цугской конституціи, которая обязывала депутатовъ не только инструкціями, но и представленіемъ отчета.

власть въ швейцаріи вовсе не самостоятельна, какъ напримѣръ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ, а только комиссія, которой парламентъ поручаетъ приводить въ исполненія свои опредѣленія и вести дѣла. Впрочемъ, Швейцарія до сихъ поръ не чувствовала затрудненій отъ такого устройства исполнительной власти: малое пространство и быстрота сообщеній дѣлаютъ возможнымъ быстрое собраніе парламента.

Для отправленія федеральной юстиціи существуетъ верховный судъ (*tribunal fédéral*) по примѣру Сѣверо-американскихъ Штатовъ, хотя далеко не съ такимъ значеніемъ. Этотъ трибуналъ состоитъ изъ одиннадцати членовъ, избираемыхъ федеральнымъ собраніемъ. Какъ гражданскій судъ, онъ вѣдаетъ: 1) гражданскія тяжбы кантоновъ между собою, или конфедерации съ кантономъ, 2) споры между конфедерацией и корпораціями или частными лицами, 3) споры относительно гейматлозовъ. Для уголовныхъ ассизы составляются съ присяжными. Уголовному федеральному суду подлежатъ: судъ надъ федеральными чиновниками по преступленіямъ по должностямъ; измѣна, бунтъ или насиліе федеральныхъ властей; преступленія противъ народнаго права; тѣ политическіе проступки, которые были причиною волненій или повели вмѣшательство федеральной силы. Нарушеніе правъ, гарантированныхъ конституціей. При судѣ находится федеральная публичная министерія (прокуроръ).

Сіейсь сказалъ великое правило, которому должно слѣдовать при политической организаціи: *diviser pour empêcher la tyrannie, centraliser pour empêcher l'anarchie* (надобно раздѣленіе для того, чтобы избѣжать деспотизма, и нужна сильная центральная власть, чтобъ невозможна была анархія). Швейцарская конфедеральная конституція обладаетъ вполнѣ, можетъ быть даже слишкомъ, первымъ достоинствомъ; она обладаетъ въ достаточной степени и вторымъ, на столько, что при ней невозможны тѣ явленія, которыя губятъ испано-американскія республики. Послѣднія событія—столкновенія съ Пруссіей—показали достаточную силу центрального правительства; то-же самое доказываетъ и внутренній порядокъ. По крайней мѣрѣ, въ Швейцаріи незамѣтно стремленія къ усиленію центральной союзной власти въ ущербъ

кантональному самоуправленію. Это понятно. Въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ есть страшное зло, которое грозитъ имъ гибелью — невольничество, — зло, которое можетъ быть уничтожено только усиленіемъ центральной союзной власти, поэтому понятно тамъ существованіе сильной партіи, желающей этого усиленія. Въ Швейцаріи нѣтъ такихъ задачъ (нельзя же считать серьезнымъ политическимъ дѣломъ нѣсколько сотъ гейматлозовъ), поэтому всѣ партіи довольны настоящей федеральной конституціей. А если обстоятельства покажутъ недостатки нынѣшней организаціи, то Швейцарія обладаетъ лучшимъ средствомъ къ ихъ немедленному уничтоженію мирнымъ путемъ, это средство заключается въ признаніи великаго начала ревизіи федеральной и кантональных конституцій во всякое время.

II.

Кантональныя конституціи въ настоящее время всѣ безъ исключенія чисто демократическія. Хотя во всѣхъ ихъ признанъ суверенитетъ народа, но между ними есть въ этомъ отношеніи замѣчательное различіе: въ однихъ этотъ суверенитетъ проявляется посредствомъ избранныхъ депутатовъ, въ другихъ непосредственно, т. е., весь народъ есть законодатель и верховный правитель. Античный міръ зналъ только непосредственную демократію, тамъ народное собраніе имѣло буквальное значеніе: сходка всѣхъ гражданъ республикъ была законодательнымъ собраніемъ; идея представительнаго правленія такой формы, гдѣ отъ имени всего народа дѣйствуютъ нѣсколько десятковъ или сотенъ депутатовъ, не существовала въ немъ; она есть произведеніе новаго міра, потому что только въ новомъ мірѣ явились громадныя національности изъ милліоновъ и даже десятковъ милліоновъ людей, поселенныхъ на обширной территоріи, такъ что собраніе всего народа на одной площади сдѣлалось физически невозможнымъ. Кромѣ того въ новыхъ государствахъ масса народа вовсе не имѣетъ того политическаго развитія, которымъ обладали афиняне и римляне, она еще неспособна вести сложные вопросы политики и законода-

тельства, — наконецъ экономическiй бытъ новыхъ обществъ не тотъ, какъ античныхъ, гдѣ существованiе рабства и жизнь на счетъ государства доставляла гражданамъ возможность проводить время въ занятiи государственными дѣлами. Всѣ эти условiя дѣлаютъ до такой степени невозможнымъ народное управленiе, что даже самая монтаньярская конституцiя Францiи 91 года не шла далѣе предоставленiя народу права утвержденiя и требованiя ревизii конституцiи. Но то, что невозможно для большихъ государствъ, то весьма удобопрilожимо къ такимъ крошечнымъ республикамъ, какъ напримѣръ Ури съ 14^{1/2} тысячами жителей или Аппенцель (внутреннихъ Родъ) съ одиннадцатю тысячами, гдѣ поэтому число активныхъ гражданъ не превышаетъ двухъ съ половиною тысячъ, а если исключить изъ этого числа отсутствующихъ, которыхъ всегда множество (въ военной службѣ иностранныхъ государствъ, по дѣламъ торговымъ и проч.), то пожалуй и эта цифра сократится вдвое. Чистая демократiя существуетъ въ кантонахъ Ури, Гларисъ, обоихъ Уптервальденахъ и обоихъ Аппенцеляхъ, здѣсь законодательная власть прямо въ рукахъ народа. Такъ какъ въ сущности права народнаго собранiя одинаковы во всѣхъ исчисленныхъ кантонахъ, то приводимъ здѣсь поэтому предмету статьи одной изъ конституцiй, именно кантона Ури (конституцiя 1851 г. статьи 34 — 43).

«Верховная законодательная власть есть майское собранiе (Landsgemeinde). На этомъ собранiи народъ прямо выражаетъ свое самодержавiе.»

«Народъ въ отпращиванiи своей власти на майскомъ полѣ отвѣчаетъ только Богу и совѣсти. То, что опредѣлитъ большинство, то есть законъ для всего кантона.»

«Народъ долженъ руководствоваться не капризомъ и самовластiемъ безъ условiй и границъ, но чувствомъ права и благомъ государства, — въ этомъ онъ долженъ присягнуть, приступая къ майскому собранiю.»

«Рѣшенiя, принятыя большинствомъ на майскомъ собранiи, имѣютъ силу закона и всѣ обязаны имъ повиноваться. Каждый гражданинъ можетъ представить возраженiя. Но если рѣшенiемъ майскаго собранiя нарушается частная соб-

ственность гражданина или его гражданскія права, то онъ имѣетъ право сопротивленія, такое же право имѣютъ семь семействъ противъ нарушенія ихъ частныхъ правъ: въ такомъ случаѣ судебная власть, не обращая вниманія на народное рѣшеніе, вершитъ процессъ между народомъ и протестующими по совѣсти и присягѣ.»

«Майское собраніе занимается только тѣми предложеніями, которыя будутъ представлены палатою или, по крайней мѣрѣ, семью гражданами.»

«Майское собраніе происходитъ обыкновенно одинъ разъ въ году, въ первое воскресенье мая мѣсяца; но оно можетъ быть сверхъ того собрано по требованію правительственнаго совѣта (Landrath) или по просьбѣ семи гражданъ, одобренной палатою.»

«Въ собраніи имѣютъ право голоса всѣ граждане, не моложе двадцати лѣтъ.»

«Майскому собранію, какъ верховной государственной власти, принадлежитъ право: 1) утверждать и ревизовать конституцію; оно можетъ во всякое время дѣлать въ ней частныя измѣненія, но въ случаѣ общей ревизіи, оно назначаетъ ревизіонный комитетъ, который представляетъ проектъ слѣдующему собранію; 2) утверждать или отвергать проекты федеральной конституціи; 3) измѣнять или вводить вновь налоги, преимущественно прямые; 4) отвергать или принимать представляемые палатою постоянные законы (гражданскіе и уголовные); оно можетъ уничтожить какой-либо законъ; 5) оно имѣетъ право помиловать; 6) оно избираетъ всѣхъ сановниковъ и опредѣляетъ имъ жалованье.»

Майское собраніе есть верховная власть,—другія власти представительной формы суть: 1) законодательная— великій совѣтъ (Landrath); 2) исполнительная: а) исполнительный совѣтъ и подчиненная ему административная коммиссія, б) судебная— кантональный трибуналь (гражданскій) и уголовный трибуналь.

Великій совѣтъ состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ общинами по одному на триста душъ населенія, поэтому по послѣднему численію—изъ сорока восьми депутатовъ, кромѣ того президента (Landamann) и вице-президента, избирае-

мыхъ всѣмъ народомъ на майскомъ собраніи, четырехъ членовъ исполнительнаго совѣта и президента кантональнаго трибунала. Великій совѣтъ избирается на четыре года и возобновляется интегрально. Депутаты, хотя избираются по общинамъ, суть представители всего кантона, и не могутъ быть связаны инструкціями. Великій совѣтъ собирается обыкновенно три раза въ годъ: въ маѣ, 28-го декабря и въ началѣ апрѣля, и кромѣ того въ чрезвычайныхъ случаяхъ по призыву исполнительнаго совѣта, президента или семи депутатовъ. Великій совѣтъ есть власть законодательная, но только предварительная (*par délégation*). Онъ можетъ издавать законы только при нетерпящихъ отлагательства обстоятельствахъ, и въ такомъ случаѣ они исполняются какъ бы акты дѣйствительной законодательной власти, т. е., майскаго собранія. Но это продолжается только до перваго майскаго собранія, которому великій совѣтъ представляетъ какъ эти законы, такъ и проекты новыхъ, и тогда только они получаютъ постоянную силу, когда утверждены этою верховною законодательною властію.

Другія права великаго совѣта слѣдующія: 1) онъ даетъ инструкціи для исполненія законовъ, заключаетъ договоры и конкордаты, наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ администраціи, завѣдываетъ военною частію, финансамъ, попечительствомъ о бѣдныхъ; наблюдаетъ за судомъ; 2) онъ составляетъ государственныи бюджетъ и контролируетъ расходы; утверждаетъ общинныя смѣты приходовъ и расходовъ; 3) исполнительная власть представляетъ ему отчеты ежегодно и когда онъ того потребуетъ, въ важныхъ случаяхъ она спрашиваетъ у него инструкціи; военная сила для поддержанія внѣшней или внутренней безопасности не можетъ быть собрана безъ его разрѣшенія; 4) великій совѣтъ назначаетъ половину членовъ кантональнаго гражданскаго и всѣхъ уголовного суда; осужденный на смертную казнь имѣетъ право просить совѣтъ объ измѣненіи наказанія; 5) онъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, исключая важнѣйшихъ, назначеніе которыхъ принадлежитъ майскому собранію.

Исполнительная власть принадлежитъ исполнительному совѣту, который составляютъ шесть сановниковъ, избираемыхъ

майскимъ собраніемъ, — именно: ландамана (президента великаго совѣта), вице-ландамана (вице-президента того же совѣта), знаменосца, воеводы, казначея и директора публичныхъ работъ, — далѣе пять членовъ избираемыхъ великимъ совѣтомъ изъ своей среды. Онъ избирается на четыре года, половина членовъ мѣняется каждые два года. Обязанности его: приводить въ исполненіе законы, управлять полиціей, администраціей, расходовать по утвержденному бюджету, составлять смѣту приходовъ и расходовъ и представлять ее на утвержденіе великаго совѣта, и наконецъ принимать всѣ мѣры, которыя по ихъ маловажности не требуютъ созванія великаго совѣта. Исполнительному совѣту подчинены двѣ комиссіи: 1) совѣтъ просвѣщенія, который состоитъ изъ десяти членовъ — пяти духовныхъ и пяти свѣтскихъ; 2) церковный совѣтъ, который составляютъ подъ предсѣдательствомъ ландамана четыре свѣтскихъ члена, назначаемые великимъ совѣтомъ, два епископскіе комиссара и два члена, избираемые духовенствомъ. Церковный совѣтъ занимается дѣлами объ отношеніи государства къ Церкви, сношеніями съ епископомъ, наблюдаетъ за расходомъ церковныхъ суммъ, и есть судъ о дѣлахъ брачныхъ и касающихся нравственности.

Судебная власть въ кантонѣ Ури, какъ и во всей Швейцаріи, состоитъ изъ выборныхъ на срокъ судей, такъ что судебной магистратуры во французскомъ смыслѣ этого слова не существуетъ. Въ кантонѣ, кромѣ мелкихъ судовъ, есть два центральныхъ: кантональный трибуналъ и уголовный. Кантональный состоитъ изъ одиннадцати членовъ, избираемыхъ на четыре года: шестеро избираются майскимъ собраніемъ и пятеро великимъ совѣтомъ, — изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ полноправіе, которые при томъ не занимаютъ должностей въ исполнительномъ совѣтѣ — для разграниченія двухъ властей — судебной и исполнительной, смѣшеніе которыхъ есть величайшее зло. Онъ есть судъ апелляціонный для гражданскихъ дѣлъ, ревизіонный и кассационный для уголовныхъ. Принципъ раздѣленія судебной власти отъ законодательной не проведенъ строго: на кантональный трибуналъ можно приносить жалобу великому совѣту за несоблюденіе предпи-

санныхъ закономъ формъ. Уголовный трибуналъ подчиненъ кантональному: онъ судитъ безапелляціонно проступки, но въ судѣ по преступленіямъ онъ составляетъ только первую инстанцію, а послѣдняя есть кантональный трибуналъ. Тюремы находятся въ его завѣдываніи. Уголовный трибуналъ состоитъ изъ семи членовъ, назначаемыхъ великимъ совѣтомъ.

Въ другихъ кантонахъ прямой демократіи механизмъ еще сложнѣе. Такъ, въ верхнемъ Унтервальденѣ кромѣ майскаго собранія, великаго совѣта и исполнительнаго совѣта есть еще тройной совѣтъ, который состоитъ: 1) изъ членовъ великаго совѣта, 2) членовъ исполнительнаго совѣта и 3) ста десяти депутатовъ (по одному со сто двадцати-пяти душъ населенія) — онъ есть истолкователь законовъ и составитель проектовъ, — а великій совѣтъ есть только верховное правительственное мѣсто и состоитъ: 1) изъ всѣхъ членовъ исполнительнаго совѣта и пятидесяти-пяти депутатовъ (по одному съ двухъ-сотъ шестидесяти душъ населенія), — исполнительный совѣтъ состоитъ изъ одиннадцати членовъ, назначаемыхъ майскимъ собраніемъ. Такимъ образомъ каждая высшая власть поглощаетъ въ своемъ составѣ низшую: великій совѣтъ поглащаетъ исполнительный и въ свою очередь оба вмѣстѣ поглащаются тройнымъ совѣтомъ, а этотъ послѣдній майскимъ собраніемъ, — и кантонъ съ четырнадцатью тысячами населенія обоого пола избираетъ во всѣ эти камеры сто семьдесятъ-шесть депутатовъ, такъ что на восемьдесятъ душъ или на двадцать активныхъ гражданъ приходится одинъ депутатъ въ государственныя камеры (не считая тринадцати членовъ верховнаго суда), такъ что въ Унтервальденѣ можно достигнуть титула депутата не съ такими хлопотами, какъ въ Англіи или во Франціи!

Въ другомъ Унтервальденѣ — нижнемъ, нѣтъ тройнаго совѣта, но за то есть два майскихъ собранія: одно только для выборовъ (Landsgemeinde), другое законодательное (Nachgemeinde). Исполнительный совѣтъ называется еженедѣльнымъ (Wochenrath). Судебная организація очень любопытна. Она состоитъ: 1) изъ уголовного трибунала — это верховный уголовный судъ, онъ одинъ можетъ опредѣлять смертную казнь или другое тяжкое наказаніе; для изреченія смерт-

ной казни требуется три четверти голосовъ. Судъ этотъ состоитъ изъ всѣхъ членовъ великаго совѣта (пятидесяти-одного) и всѣхъ одиннадцати членовъ низшаго или присяжнаго суда; 2) судъ присяжныхъ — изъ одиннадцати членовъ; это высшій гражданскій судъ и вмѣстѣ и безапелляціонный судъ по преступленіямъ, исключая важнѣйшихъ, относящихся къ компетенціи верховнаго суда; 3) полицейскій трибуналь (со-отвѣтствующій французскому tribunal de simple polices) — вѣдаетъ мелкія проступки; 4) трибуналь семи — вторая гражданская инстанція, судитъ безъ апелляціи искн ниже пятидесяти флориновъ; а первую инстанцію составляютъ мировые суды; 5) трибуналь о брачныхъ дѣлахъ: онъ разсматриваетъ жалобы на приходскій совѣтъ въ отказѣ на бракъ; онъ состоитъ изъ пяти старшихъ членовъ присяжнаго суда и двухъ духовныхъ лицъ.

Въ кантонѣ Гларисѣ важную роль играетъ ландманъ, — онъ даже болѣе нежели президентъ республики. Верховная власть кантона — майское собраніе; далѣе — совѣтъ изъ срока пяти депутатовъ — власти исполнительной, а для текущихъ и маловажныхъ его во всемъ замѣняетъ государственная комиссія изъ девяти членовъ, назначаемыхъ майскимъ собраніемъ, — она совершенно подчинена совѣту. Кромѣ того есть и тройной совѣтъ. Члены государственной комиссіи вмѣстѣ и члены совѣта, а всѣ члены послѣдняго, съ прибавкою еще семидесяти депутатовъ, избираемыхъ народомъ и еще трехъ, избираемыхъ самимъ собраніемъ (всего сто семнадцать) составляютъ тройной совѣтъ, который приготавливаетъ проектъ законовъ, рѣшаетъ созваніе военной силы и проч. Ландманъ предсѣдательствуетъ во всѣхъ этихъ политическихъ собраніяхъ, начиная съ майскаго. Далѣе: онъ получаетъ всѣ пакеты, адресованные на имя предсѣдательствуемыхъ лнз собраній, хранитъ государственную печать, подписываетъ трактаты и конкордаты, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ и проч.

Всѣ другіе кантоны имѣютъ форму представительной демократіи; но во всѣхъ — принятіе конституціи зависитъ отъ согласія большинства народа, который можетъ также требовать ея ревизіи. А въ нѣкоторыхъ народъ вотируетъ новые

палогн, или даже участвуетъ отрицательно въ законодательствѣ, имѣя право отвергнуть законъ, вотированный представительнымъ собраніемъ. Такъ по 43 статьѣ конституціи Базеля-Сельскаго (Bâle-Compagne) законъ, вотированный ландратомъ (законодательная палата) не прежде вступаетъ въ силу, какъ тогда, когда въ теченіе тридцати дней не было объявлено со стороны народа veto. Если же въ теченіе этого времени большинство народа въ общинныхъ собраніяхъ подаетъ письменно свое несогласіе, — то законъ считается несостоявшимся. То-же самое въ Тургау. Странное зрѣлище представляютъ кантоны чистой или непосредственной демократіи: каждый изъ нихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сель и мѣстечекъ, по количеству населенія онъ не составляетъ и четверти порядочнаго русскаго уѣзда, — это большая волость. Но эта волость есть полоса государства, — она имѣетъ право и законодательства, и верховнаго суда, и расправы, и внѣшнихъ сношеній. И вотъ въ ней являются не только совѣты для наблюденія за сельскими дорогами, школами и церквами, но и для изданія законовъ, трибуналы съ правомъ жизни и смерти, воеводы, министры и проч. Здѣсь всѣ великія учрежденія сокращаются микроскопически. Что это за палаты депутатовъ, гдѣ депутатъ приходится на двадцать человѣкъ гражданъ-пастуховъ? А если сосчитать еще всѣхъ членовъ общинныхъ и другихъ административныхъ совѣтовъ, да исключить тѣхъ гражданъ, которые въ отсутствіи, стариковъ и больныхъ, то чуть ли не всѣ занимаютъ какую-либо политическую должность. Такое общество физически не можетъ найти силъ для отправленія такого сложнаго механизма, который оно себѣ создало съ тою заботливостью и утчивовкой, съ которою маленькій помѣщикъ устриваетъ быть свой, когда хочетъ, во что бы то ни стало, подражать богачу. Эти государства не имѣютъ средствъ даже завести гимназію, не говоря объ университетѣ, ни провести желѣзной дороги, ни даже содержать своихъ хотя великихъ сановниковъ. Для правильнаго хода юстиціи необходимы апелляціонныя суды и надъ ними кассаціонный судъ. Гдѣ все это возьметъ кантонъ Ури? Поэтому самобытное движеніе цивилизаціи не возможно въ такихъ пигмеяхъ. Ихъ спасаетъ одно

то, что они члены швейцарской конфедераціи, слѣдственно органически примыкаютъ къ жизни довольно большаго политическаго существа. Рѣшительно не понятно какъ Ури или Унтервальденъ справляется съ своимъ сложнымъ представительнымъ механизмомъ, тогда какъ для него мірская сходка и староста со старшинами были бы совершенно достаточны.

Въ другихъ кантонахъ, большихъ по населенію, форма представительная, потому, между прочимъ, что майское собраніе всѣхъ гражданъ для кантона Берна, гдѣ болѣе 400,000 жителей, не возможно: могутъ ли 100,000 чело-вѣкъ сойтись и разсуждать вмѣстѣ о вопросахъ законода-тельства? Эти кантоны уже походятъ на настоящія госу-дарства; политическій механизмъ ихъ движется правильно: вездѣ неизмѣнно наблюдается принципъ раздѣленія трехъ властей — законодательной, исполнительной и судебной, и эти власти имѣютъ дѣятелей довольно сильныхъ, потому что есть достаточно матеріалу, откуда ихъ можно взять. Разумѣется, чѣмъ больше кантонъ, тѣмъ лучше можетъ быть устроенъ его представительный механизмъ, — онъ будетъ наполняться не голыми цифрами, а политическими людьми, будетъ пред-ставлять идеи, націи, словомъ политическую жизнь.

Было бы утомительно и бесполезно разсматривать по-рознъ конституціи каждаго изъ двадцати двухъ представ-тельныхъ кантоновъ. Ограничимся однимъ, показывая впрѣ-чемъ наиболѣе интересныя особенности другихъ. Возьмемъ самый большой изъ кантоновъ — Бернъ.

Кантонъ Бернъ есть демократическая республика, всѣ граждане свободны и равны въ своихъ правахъ, и съ двад-цати лѣтъ пользуются политическими правами, но для того, чтобъ быть избраннымъ въ палату депутатовъ требуется возрастъ двадцати пяти лѣтъ. Двѣ великія власти: исполни-тельная и судебная, строго отдѣлены одна отъ другой, центръ всего механизма составляетъ власть законодательная. Весьма важное начало положено въ устройствѣ администраціи. Во многихъ современныхъ государствахъ принята французская система, по которой администрація, подобно арміи, находится въ безусловномъ повиновеніи правительства; она можетъ на-значать и смѣщать чиновниковъ, когда захочетъ, безогчетно.

При такой системѣ, административные чиновники, конечно, не могутъ имѣть никакой самостоятельности, они служатъ не общимъ интересамъ родины, а вкусу наличнаго правительства. Бернская конституція (статья 18) напротивъ того, объявляетъ, что чиновникъ не можетъ быть отставленъ иначе какъ по судебному приговору; начальство можетъ только устранить его на время и предать суду (не спеціальному, а общему). Другое важное начало въ устройствѣ бернской администраціи, это право преслѣдовать злоупотребленія администраціи. По нѣкоторымъ конституціямъ, напримѣръ французской, чиновники за свои дѣйствія по должности, хотя бы они нарушали права гражданъ, не иначе могутъ быть преданы суду, какъ съ разрѣшенія правительства (государственнаго совѣта). Бернская конституція даетъ право каждому гражданину призвать въ судъ чиновника и, пожалуй, все правительство, если его дѣйствія нарушаютъ частныя и политическія права, но въ такомъ только случаѣ, если онъ докажетъ, что приносилъ жалобу на чиновника (или правительственное мѣсто) его высшему начальству и въ теченіе тридцати дней не получилъ удовлетворенія.

Законодательная власть принадлежитъ великому совѣту (Grand conseil), т. е., палатѣ депутатовъ, по одному на двѣ тысячи душъ народонаселенія. Палата избирается на четыре года, — но она можетъ быть распущена и до этого времени и вмѣсто нея собрана новая, если большинство гражданъ того захочетъ: именно, если восемь тысячъ гражданъ подадутъ въ палату предложеніе, что они желаютъ новыхъ выборовъ, то немедленно это предложеніе пускается на голоса народа, и большинство рѣшаетъ, оставаться ли палатѣ, или слѣдуетъ избрать новую. Власть исполнительная подчинена въ своемъ общемъ направленіи законодательной, президентъ этой послѣдней имѣетъ право требовать во всякое время отъ исполнительной власти свѣдѣній о ея дѣйствіяхъ.

Атрибуты великаго совѣта слѣдующіе: 1) составленіе, изясненіе, измѣненіе и отиѣна законовъ; составленіе военныхъ постановленій; опредѣленіе тарифовъ — почтоваго и другихъ, и жалованья; монетная система и курсъ иностранной монеты; подати и палогі; устройство общественныхъ

должностей и штатовъ; право помилованія и амнистіи во всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ; право натурализаціи; заключеніе трактатовъ; 2) онъ имѣетъ высшее наблюденіе за администраціей: право требовать отчета отъ исполнительной власти, разсмотрѣніе и одобреніе ежегодныхъ отчетовъ о расходахъ и объ администраціи; составленіе бюджета; разрѣшеніе споровъ о неправомерности выборовъ, представляемыхъ или избирательными собраніями, или исполнительнымъ совѣтомъ, или верховнымъ трибуналомъ; разрѣшеніе споровъ о компетенціи между высшими судебными и административными мѣстами; 3) разрѣшеніе расхода свыше пяти тысячъ франковъ, занесеннаго въ бюджетъ; переуступка государственныхъ имуществъ (для этого необходимо большинство всѣхъ членовъ палаты, а не того числа, которое случайно будетъ находиться *); государственные займы; утвержденіе контрактовъ на соляной откупъ и на содержаніе почтъ; награды; 4) избраніе тѣхъ правительственныхъ мѣстъ, назначеніе которыхъ принадлежитъ ему по конституціи; опредѣленіе чиновниковъ, завѣдывающихъ какою-либо частію управленія на весь кантонъ; назначеніе начальника войска и производство въ чины выше капитанскаго; назначеніе депутатовъ въ федеральное собраніе.

Законодательная инициатива принадлежитъ каждому депутату. Конституція предписываетъ слѣдующія правила великому совѣту: каждый проектъ закона, о которомъ онъ будетъ разсуждать, должно предварительно довести до свѣдѣнія народа; проектъ закона не иначе можетъ быть принятъ, какъ послѣ преній въ двухъ засѣданіяхъ, между которыми должно пройти по крайней мѣрѣ три мѣсяца. Великій совѣтъ собирается регулярно два раза въ годъ и экстраординарно

*) По общему правилу представительныхъ собраній, палата считается въ законномъ составѣ и можетъ отправлять свои обязанности, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе половины членовъ. Бернская палата состоитъ изъ двухъ сотъ депутатовъ, и — странное исключеніе изъ общаго правила, — она считается въ законномъ составѣ, если присутствуютъ въ засѣданіи не сто одинъ, а всего восемьдесятъ членовъ, слѣдовательно, законъ можетъ состояться, когда сорокъ одинъ депутатъ изъявятъ согласіе, но для отчужденія государственныхъ имуществъ необходимо большинство всѣхъ членовъ, то есть, сто одинъ голосъ.

по призыву исполнительной власти или по требованію президента или двадцати депутатовъ. Исполнительная власть подчинена законодательной. Великій совѣтъ избираетъ всѣхъ девять членовъ исполнительнаго совѣта, назначаемыхъ также, какъ и члены великаго совѣта, на четыре года. Онъ управляетъ всѣми дѣлами государства, при немъ находится шесть департаментовъ (министерствъ): внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и полиціи, финансовъ, просвѣщенія, военныхъ дѣлъ, публичныхъ работъ, — каждымъ управляетъ одинъ изъ членовъ исполнительнаго совѣта. Далѣе, онъ назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, кромѣ тѣхъ, опредѣленіе которыхъ принадлежитъ великому совѣту. Что касается до судоустройства, то въ каждомъ округѣ находится окружной трибуналъ, а для всего кантона верховный трибуналъ изъ пятнадцати членовъ, избираемыхъ великимъ совѣтомъ изъ законовѣдцевъ на восемь лѣтъ (половина мѣняется каждыя четыре года), а судъ по преступленіямъ уголовнымъ, политическимъ и по книгопечатанію производится присяжными.

Въ административномъ отношеніи кантонъ раздѣляется на округа. Въ каждомъ округѣ есть префектъ и представительное собраніе. Префекты назначаются исполнительнымъ совѣтомъ изъ кандидатовъ, представляемыхъ окружнымъ собраніемъ.

Округи имѣютъ только административное значеніе. Другое дѣло общины — это есть коренное, органическое движеніе. Каждый швейцарецъ долженъ принадлежать къ какой либо общинѣ, безъ этого онъ не можетъ пользоваться гражданскими правами; собственно нѣтъ ни гражданина конфедерации, ни гражданина кантона, — есть только гражданинъ, членъ общины, который вслѣдствіе только этого есть гражданинъ кантона и наконецъ конфедерации. Въ кантонѣ находятся представительныя учрежденія, но депутаты въ нихъ избираются по общинамъ, слѣдственно, кто не членъ общины, тотъ не можетъ быть избирателемъ. Отсюда это страшное явленіе — гейматлозы, люди безъ отечества, совершенно напоминающіе нашихъ древнихъ изгоевъ. Это потомки лицъ, потерявшихъ право членовъ общины по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ, они бродятъ по территоріи

конфедерациі, какъ цыгане, имъ негдѣ преклонить голову, потому что кромѣ общины нѣтъ другой самостоятельной единицы: конфедерация есть союзъ кантоновъ, кантонъ есть союзъ общины. Гейматлозы — единственные подданные федеральнаго собранія. Поэтому понятна сорокъ третья статья федеральной конституціи, запрещающая лишать гражданина права происхожденія (*droit d'origine*), этимъ уничтожается тиранія общины и прекращается дальнѣйшее распространеніе гейматлозовъ.

Швейцарская община имѣетъ весьма любопытное экономическое устройство. Въ прошломъ году одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ — «Русскій Вѣстникъ» представилъ свой планъ общиннаго экономическаго устройства. Сущность его состоитъ въ томъ, что вся общинная земля въ нашихъ сельскихъ общинахъ должна быть раздѣлена на тягловые участки между наличными членами въ вѣчное и потомственное владѣніе, но съ обязательствомъ платить въ общинную кассу ежегодный оброкъ съ участка, — этотъ сборъ должно раздѣлять поголовно (а не потягольно) между всѣми лицами принадлежащими по своему происхожденію къ общинѣ, слѣдственно такое устройство до извѣстной степени, по мнѣнію журнала, избавитъ отъ пролетаріата, потому что каждый будетъ получать денежный доходъ, достаточный на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Такую именно цѣль имѣетъ швейцарское общинное устройство, только средства другія: не владѣльцы участковъ платятъ оброкъ (земля есть ихъ полная собственность), а каждая община имѣетъ свою общественную собственность, независимо отъ частной собственности ея членовъ, — эта общинная собственность состоитъ въ выгонахъ, горахъ, лѣсахъ и проч., она отдается въ арендное содержаніе, и доходъ (деньгами или натурою) дѣлится поголовно между всѣми членами общины. Встарину всѣ члены общины были поземельными собственниками, но впоследствии отъ естественныхъ причинъ — размноженія одной семьи, и проч., число ихъ сократилось на половину, и теперь въ швейцарскихъ общинахъ есть три рода членовъ: одни имѣютъ домъ и землю, другіе только домъ, третьи — ничего не имѣютъ. Но тѣмъ не менѣе и положеніе послѣднихъ не безбѣдно,

есть общины, гдѣ каждый получаетъ на свой пай изъ ежегоднаго общиннаго дохода отъ 300 до 600 и болѣе франковъ, тѣмъ болѣе, что теперь и вся неудобная общинная земля идетъ подъ постройку дачъ. Такъ, напримѣръ, одинъ англичанинъ заплатилъ артской общинѣ 40,000 франковъ за право построить гостиницу на вершинѣ Риги-Кульмъ, — и вся сумма была раздѣлена поровну между всѣми членами общины. Понятно поэтому, какъ бобыли дорожатъ своимъ правомъ происхожденія отъ члена общины, понятно съ другой стороны и стремленіе поземельныхъ владѣльцевъ выживать изъ общины такого рода людей, которые право на пай основываютъ на одномъ происхожденіи: это и было причиною образованія гейматлозовъ.

Швейцарская община есть политическая единица: она имѣетъ свой общинный совѣтъ, мірскую сходку, выбираетъ судей и старшинъ, составляетъ свой бюджетъ, содержитъ школу, церковь и проч. Центральное, то есть, кантональное правительство имѣетъ только право общаго наблюденія за ходомъ дѣлъ въ общинѣ; оно заботится, чтобы общинныя земли не теряли своего назначенія. Но вообще общины самостоятельны.

Эта самостоятельность общинъ, это ихъ значеніе для гражданина отражается въ кантональных конституціяхъ и намекаетъ на федеративное происхожденіе кантона, то есть, что въ старину швейцарскія села, раздѣленные природою, составляли чисто самостоятельныя общины. Въ кантональных конституціяхъ часто встрѣчаются правила: чтобы каждая община, какъ бы она мала ни была, посылала депутата въ кантональный великій совѣтъ, далѣе — при выборѣ членовъ исполнительнаго совѣта, даже трибунала — чтобы каждая община (или группа малыхъ общинъ), имѣла здѣсь своего представителя, чтобы ландаманъ и вице-ландаманъ не были членами одной и той же общины и проч.

До какой степени кантоны сами по себѣ не достаточны, для развитія цивилизаціи, и что высшія начала могутъ приходить къ нимъ только съ усиліемъ федеральнаго правительства, показываютъ наглядно постановленія о религіи. Въ федеральной конституціи сказано, что всѣ швейцарцы одного

изъ христіанскихъ исповѣданій пользуются полными и равными правами, но не дано того же иновѣрцамъ, тогда какъ въ Швейцаріи считается болѣе трехъ тысячъ евреевъ. Съ перваго разу можно было бы упрекнуть федеральную республиканскую конституцію въ этомъ противорѣчій съ великой основой новой цивилизаціи — полной вѣротерпимостью и равенствомъ въ правахъ гражданъ всѣхъ религій, но если разсмотрѣть кантональныя конституціи, то выходитъ, что федеральная слишкомъ либеральна и очень рѣшительно пошла противъ духа многихъ кантоновъ. Во всѣхъ безъ исключенія кантональныхъ конституціяхъ встрѣчается на самомъ видномъ мѣстѣ статья о религіи государства (католической или лютеранской), которой одной оказывается всевозможное покровительство, а другія христіанскія исповѣданія только терпятся; а люцернская конституція 1848 года (ст. 27), объявила даже, что только католики имѣютъ полныя гражданскія права (быть избирателями)! *)

Представляемъ любопытный по духу и стилю, отрывокъ аппенцельской конституціи (Rhodes extérieurs): «Евангелическо-лютеранская вѣра, есть религія отечества. Строго совѣтуется всѣмъ жителямъ прилежно посѣщать божественную литургію и достойно праздновать дни воскресные и праздничные.» — Далѣе ст. 10-я: «Въ кантонѣ состоитъ судъ о нравственности (Ehegäuger) изъ пастора и двухъ капитановъ, (т. е. старость). Онъ имѣетъ попеченіе о добрыхъ правахъ и приличномъ поведеніи, о взаимномъ исполненіи родителями и дѣтьми своихъ обязанностей, отыскиваетъ супруговъ, которые разъѣхались,» и проч.... Это уже переноситъ насъ въ ту до-христіанскую эпоху, когда нравственность и права еще смѣшивались!

Конституціи нѣкоторыхъ кантоновъ переносятъ насъ во времена давно минувшія, когда католицизмъ и протестантизмъ составляли два лагеря, замиренныя общею сдѣлкою. Такъ на примѣръ по 59 ст. ааргауской конституціи половина членовъ верховнаго трибунала кантона должна быть изъ католиковъ,

*) Само собою разумѣется, что эта статья была уничтожена федеральнымъ собраніемъ, какъ противная союзной конституціи.

а другая пзъ протестантовъ! Швейцарскій народъ чувствуетъ, что только усиленіе федеральной власти можетъ избавить его отъ множества несообразностей съ духомъ времени и удовлетворить потребностямъ цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи Швейцарія сдѣлала большой шагъ въ послѣднее время, — а именно федеральное правительство перестало кочевать, и установило свое постоянное мѣстопробываніе въ г. Бернѣ, который поэтому и называется теперь союзнымъ городомъ (Bundesstadt). Это придало ему болѣе твердости; далѣе федеральная конституція ограничила въ существенныхъ вопросахъ, касающихся правъ гражданина и формы правленія, суверенитетъ кантоновъ; она создала швейцарское національное представительство, потому что депутаты въ федеральную палату представителей (великій совѣтъ) избираются по числу населенія и получаютъ жалованье изъ федеральной кассы, а не отъ кантоновъ *); федеральное правительство взяло въ свое распоряженіе армию и ограничило кантоны содержаніемъ самаго ничтожнаго количества войска. Замѣтимъ, что оно получило по конституціи право учредить швейцарскій университетъ и политехническую школу, чѣмъ впрочемъ еще не воспользовалось. Повидному, движеніе это будетъ идти и далѣе, то есть, кантоны, напримѣръ, будутъ ограничены въ отправленіи правосудія учрежденіемъ общаго кассационнаго суда. Произойдетъ единое гражданское и уголовное уложеніе и т. п.

Словомъ, движеніе прогресса, которое во многихъ европейскихъ государствахъ требуетъ ослабленія центра и пріданія большей самостоятельности частямъ государственнаго тѣла, въ Швейцаріи требуетъ обратнаго ослабленія самостоятельности частей и большей силы центра.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

*) Значеніе жалованья не такъ ничтожно въ политическомъ отношеніи, какъ кажется съ перваго взгляда. Вспомнимъ остроумный отвѣтъ Тайлера на Лудовику XVIII. Когда король читалъ ему проектъ конституціи и дошелъ до статьи: «депутаты не получаютъ жалованья,» Тайлеранъ поморщился. — «Вамъ это не нравится, сказалъ король. Но моя цѣль — чтобы эти мѣста были почетныя.» — «Такъ, государь, отвѣчалъ Тайлеранъ, — такъ... но безъ жалованья, безъ жалованья... это будетъ слишкомъ дорого!»

СЪВЕРНОЕ МОРЕ.

(Изъ «Путевыхъ картинъ» Гейне.)

Отъ переводчика.

Отдѣлъ «Путевыхъ картинъ», предлагаемый здѣсь въ переводѣ, раздѣляется на три части. Первая и вторая написаны стихами, третья — прозой. Точно ли вѣрно названіе: стихи, для этихъ кадансированныхъ строкъ безъ опредѣленнаго количества стопъ, или удареній, даже безъ постоянного ритма, не стапу разбирать. Дѣло не въ названіи. Эта форма, получившая еще со времени Гёте право гражданства въ нѣмецкой литературѣ, у насъ очень нова. Были, правда, попытки писать такими стихами; но онѣ какъ-то не принялись. Тѣмъ не менѣе я не считалъ себя въ правѣ своевольничать, переводя такое популярное въ германской литературѣ произведеніе, какъ «Сѣверное море», и удержалъ въ своемъ переводѣ размѣръ или, лучше сказать, форму подлинника. Не знаю, въ какой мѣрѣ удалось мнѣ сохранить характеръ стиховъ Гейне; но считаю не лишнимъ сказать, что за ними въ оригиналѣ признается достоинство стройности, благозвучія и поэзіи. Последнее качество не можетъ совершенно сгладиться и въ самомъ слабомъ переводѣ, какъ скоро онъ хоть немного вѣренъ. Что касается моего перевода, я могу, разумѣется, ручаться только за возможную вѣрность. Впрочемъ въ числѣ этихъ стиховъ, освобождающихъ себя отъ всякихъ законовъ метрики и подчиняющихся единственно музыкальному чувству, попадаются двѣ пьесы, изъ которыхъ

одна цѣликомъ, а другая частью написаны четырехъ-стопнымъ хореемъ безъ рима, любимымъ размѣромъ испанскихъ романсовъ; конечно, этимъ же размѣромъ я и перевелъ ихъ, какъ конецъ пьесы «Ночью въ каютѣ» пятистопнымъ ямбомъ согласно подлиннику. Порядокъ размѣщенія пьесъ въ первыхъ двухъ частяхъ взятъ мною изъ позднѣйшей редакціи ихъ въ «Книгѣ пѣсенъ». «Сѣверное море» написано Гейне въ 1825 — 1826 году.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

К О Р О Н О В А Н І Е .

Пѣсни, вы, добрыя пѣсни мои!
 Вставайте! надѣньте доспѣхи!
 Трубите въ трубы,
 И на щитѣ поднимите
 Мою красавицу!
 Отнынѣ всевластной царицей
 Въ сердцѣ моемъ она будетъ
 Царить и править.

Слава тебѣ, молодая царица!

Отъ солнца далекаго я оторву
 Ключокъ лучезарнаго,
 Багрянаго золота,
 И сотку изъ него
 Вѣнецъ на чело твое царское;
 Отъ тонкой лазурной
 Шелковой ткани небснаго полога,
 Осыпанной яркими
 Алмазами ночи,
 Отрѣжу кусокъ драгоценный,
 И имъ, какъ царской порфирой,
 Одѣну твой царственный станъ.

Я дамъ тебѣ свиту
 Изъ щепетильно-нарядныхъ сонетовъ,
 Терпцнѣ горделивыхъ и вѣжливыхъ стансовъ;
 У тебя скороходами будутъ
 Мои остроты,
 Придворнымъ шутомъ —
 Моя фантазія,
 Герольдомъ, съ смѣющейся слезкой въ щитѣ —
 Мой юморъ;
 А самъ я, царица,
 Самъ я колѣни склоню предъ тобой
 И, присягая тебѣ, поднесу
 На бархатной алой подушкѣ
 Ту малую долю разсудка,
 Что мнѣ изъ жалости
 Оставила прежняя
 Царица моя.

II.

Сумерки.

На блѣдномъ морскомъ берегу
 Сидѣлъ одинокъ я и грустно-задумчивъ.
 Все глубже спускалось солнце, бросая
 Багровый свой свѣтъ полосами
 По водной равнинѣ,
 И бѣглыя, дальнія волны,
 Приливомъ гонимыя,
 Шумно и пѣнясь бѣжали
 Къ берегу ближе и ближе.
 Въ чудномъ ихъ шумѣ
 Слышался шопотъ и свистъ,
 Смѣхъ и роптанье,
 Вздохи и радостный гулъ, и порой
 Тихо-завѣтное,
 Будто надъ дѣтскою люлькою, пѣнье...
 И мнѣ казалось,
 Слышу я голосъ забытыхъ преданій,
 Слышу старинныя чудныя сказки —
 Тѣ, что когда-то ребенкомъ
 Слыхалъ отъ сосѣднихъ дѣтей,

Какъ всѣ мы, бывало,
 Вечеромъ лѣтнимъ тѣснимся
 Послушать тихихъ разсказовъ
 На ступенькахъ крыльца,
 И чутко въ насъ бьется
 Дѣтское сердце,
 И съ любопытствомъ глядятъ
 Умные дѣтскіе глазки;
 А взрослые дѣвушки
 Изъ-за душистыхъ цвѣточныхъ кустовъ
 Глядятъ черезъ улицу въ окна...
 На розовыхъ лицахъ улыбка —
 И мѣсяцъ ихъ облилъ сіяньемъ.

III.

Закатъ солнца.

Огненно красное солнце уходитъ
 Въ далеко волнамъ шумящее,
 Серебромъ окаймленное море;
 Воздушныя тучки, прозрачны и алы,
 Несутся за нимъ; а напротивъ,
 Изъ хмурныхъ осеннихъ облачныхъ грудъ
 Грустнымъ и мертвенно-блѣднымъ лицомъ
 Смотритъ луна; а за нею,
 Словно мелкія пскры,
 Въ дали туманной
 Мерцаютъ звѣзды.

Нѣкогда въ небѣ сіяли,
 Въ брачномъ союзѣ,
 Луна богиня и Солице богъ;
 А вокругъ ихъ роились звѣзды,
 Невинныя дѣти-малютки.

По злымъ языкомъ клевета зашиѣла,
 И раздѣлилась враждебно
 Въ небѣ чета лучезарная.

И нынче днемъ въ одинокомъ величїи
 Ходитъ по небу солнце,
 За гордый свой блескъ.

Много молимо, много воспѣтое
 Гордыми, счастьемъ богатыми смертными.
 А ночью
 По небу бродитъ луна,
 Бѣдная мать,
 Со своими спотками звѣздами,
 Нѣма и печальна...
 И дѣвушки любящимъ сердцемъ
 И кроткой душою поэты
 Ее встрѣчаютъ,
 И ей посвящаютъ
 Слезы и пѣсни.

Женскимъ незлобивымъ сердцемъ
 Все еще любить луна
 Красавца-мужа,
 И подъ-вечеръ часто,
 Дрожащая, блѣдная,
 Глядитъ потихоньку изъ тучекъ прозрачныхъ
 И скорбнымъ взглядомъ своимъ провожаетъ
 Уходящее солнце,
 И, кажется, хочетъ
 Крикнуть ему: «Погоди!
 Дѣти зовутъ тебя!»
 Но упрямое солнце,
 При видѣ богини,
 Вспыхнетъ багровымъ румянцемъ
 Скорби и гнѣва,
 И безпощадно уйдетъ на свое одинокое,
 Влажно-холодное ложе.

Такъ-то шпнящая злоба
 Скорбь и погибель вселенна
 Даже средь вѣчныхъ боговъ,
 И бѣдные боги
 Грустно проходятъ по небу
 Свой путь безутѣшный
 И безконечный,
 И смерти имъ нѣтъ, и влачатъ они вѣчно
 Свое лучезарное горе.

Такъ мнѣ ль — человѣку,
 Низко поставленному,
 Смертью одаренному —
 Мнѣ ли роптать на судьбу?

IV.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ.

Ночь холодна и беззвѣдна;
 Море кипитъ, и надъ моремъ,
 На брюхѣ лежа,
 Неуклюжій сѣверный вѣтеръ
 Таяственнѣйшимъ,
 Прерывисто-хриплымъ.
 Голосомъ съ моремъ болтаетъ,
 Словно брюзгливый старикъ,
 Вдругъ разгулявшійся въ тѣсной бесѣдѣ...
 Много у вѣтра разсказовъ —
 Много безумныхъ исторій,
 Сказокъ богатырскихъ, смѣшныхъ до уморы,
 Норвежскихъ сагъ стародавнихъ...
 Порой средь разсказа,
 Далеко мракъ оглашая,
 Онъ вдругъ захохочетъ,
 Или начнетъ завывать
 Замятѣя изъ Эдды и руны,
 Темно-упорныя, чаро-могучія...
 И моря бѣлыя чада тогда
 Высоко скачутъ изъ волнъ и ликуютъ,
 Хмѣльны разгуломъ.

Межъ-тѣмъ по волной-омоченнымъ пескамъ
 Плоскаго берега
 Проходитъ путникъ,
 И сердце кипитъ въ немъ мятежнѣй
 И волнъ и вѣтра.
 Куда онъ ни ступитъ,
 Сыплются искры, трещатъ
 Пестрыхъ раковинъ кучки...
 И сѣрымъ плащемъ своимъ кутаясь,

Идетъ онъ быстро
 Средь грозной ночи.
 Издали манить его огонекъ,
 Кротко, привѣтно мерца
 Въ одинокой хатѣ рыбацѣй.

На морѣ братъ и отецъ,
 И одна-одинѣшенька въ хатѣ
 Осталась дочь рыбака —
 Чудно-прекрасная дочь рыбака.
 Сидитъ передъ печью она, и внимаеть
 Сладостно-вѣщему,
 Завѣтному пѣнью
 Въ котлѣ кипящей воды,
 И въ пламя бросаетъ
 Трескучій хворостъ,
 И дуетъ на пламя...
 И въ трепетно-красномъ сіяньѣ
 Волшебно-прекрасны
 Цвѣтущее личико
 И нѣжное бѣлое плечико,
 Такъ робко глядящее
 Изъ-подъ грубой сѣрой сорочки,
 И хлопотливая ручка-малютка...
 Ручкой она поправляетъ
 Пеструю юбочку
 На стройныхъ бѣдрахъ.

Но вдругъ распахнулась дверь,
 И въ хижину входитъ
 Ночной скиталецъ.
 Съ любовью онъ смотритъ
 На бѣлую, стройную дѣвушку,
 И дѣвушка трепетно-робко
 Стоитъ передъ нимъ — какъ лилея,
 Отъ вѣтра дрожащая.
 Онъ на земь бросаетъ свой плащъ,
 А самъ смѣется
 И говоритъ:

«Видишь, дитя, какъ я слово держу!
 Вотъ и пришелъ, и со мною пришло»
 Отд. I.

Старое время, какъ боги небесные
 Сходили къ дочерямъ людскимъ,
 И дочерей людскихъ обнимали,
 И съ ними раждали
 Скипетроносныхъ царей и героевъ,
 Землю дивившихъ.
 Впрочемъ, дитя, моему божеству
 Не изумляйся ты много!
 Сдѣлай-ка лучше мнѣ чаю — да съ ромомъ!
 Ночь холодна; а въ такую погоду
 Зябнемъ и мы,
 Вѣчные боги — и ходимъ потомъ
 Съ наибожественнымъ насморкомъ
 И съ кашлемъ безсмертнымъ!»

V.

Поссейдонъ.

Солнце игразо лучами
 Надъ вѣчно-зыблемымъ моремъ;
 Вдали на рейдѣ
 Блестѣлъ корабль, на которомъ
 Домой я ѣхать собрался.
 Да не было вѣтра попутнаго —
 И я еще мирно сидѣлъ
 На бѣлой отмели
 Пустыннаго берега,
 И пѣснь Одиссея читалъ —
 Старую, вѣчно-юную пѣснь...
 И со страницъ ея, моремъ шумящихъ,
 Радостно вѣяло мнѣ
 Дыханьемъ боговъ,
 И свѣтозарной весной человѣка,
 И небомъ Элады цвѣтущимъ.

Благородное сердце мое
 Всюду вѣрно слѣдило
 За сыномъ Лазрта въ скорбяхъ и скитаньяхъ:
 Садилось, печальное, съ нимъ
 За радушный шагъ,

Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
 И лгать, и бѣжать ему помогало
 Изъ объятій нимфъ, пзъ пещерь исполнновъ;
 И въ киммерійскую ночь
 Его провожало;
 Было съ нимъ въ бурю — въ крушенье,
 И несказанное
 Терпѣло горе.

Я вздохнулъ и сказалъ:
 «Злой Поссейдонъ!
 Гнѣвъ твой ужасенъ,
 И самъ я боюсь не вернуться на родину».

Лишь только я молвилъ,
 Запѣнилось море,
 И изъ бѣлыхъ волнъ поднялась
 Осокою вѣнчанная
 Глава владыки морей,
 И онъ воскликнулъ съ насмѣшкой:

«Не бойся, поэтикъ!
 Повѣрь, я не трону твой бѣдный корабликъ,
 И жизнь твою драгоценную
 Не стану смущать опасною качкой.
 Вѣдь ты, поэтикъ,
 Меня никогда не гнѣвилъ; ни единой
 Башенки ты не разрушилъ въ священномъ
 Градѣ Пріама;
 Ни волоска не спалилъ ты въ рѣсницѣ
 Моего Полифема, —
 И никогда не давала
 Мудрыхъ совѣтовъ тебѣ
 Богиня ума, Паллада Аенна».

Молвилъ — и снова
 Въ море нырнулъ Поссейдонъ...
 И надъ грубою шуткой
 Моряка подъ водой засмѣялся
 Амфитрита, нелѣпая женщина-рыба,
 И. глупыя дочки Нерея.

VI.

ПРИЗНАНИЕ.

Тихо съ сумракомъ вечеръ подкрался;
 Грознѣй бушевало море...
 А я сидѣлъ на побережьѣ, глядя
 На бѣлую пляску валовъ,
 И сердце мнѣ страстной тоской охватило —
 Глубокой тоской по тебѣ,
 Прекрасный образъ,
 Всюду мнѣ предстающій,
 Всюду зовущій меня,
 Всюду — всюду —
 Въ шумѣ вѣтра и въ рокотѣ моря
 И въ собственныхъ вздохахъ моихъ.

Легкою тростью я написалъ на песокъ:
 «Агнеса!
 Я люблю тебя!»
 Но злыя волны плеснули
 На нѣжное слово любви,
 И слово то стерли и смыли.

Ломкій тростникъ,
 Зыбкій песокъ и текуція волны!
 Вамъ я больше не вѣрю!
 Темнѣетъ небо — и сердце мятежнѣй во мнѣ...
 Мощной рукою въ норвежскихъ лѣсахъ
 Съ корнемъ я вырву
 Самую гордую ель, и се обмокну
 Въ раскаленное Этны жерло,
 И этимъ огнемъ-напоеннымъ
 Исполинскимъ перомъ напишу
 На темномъ сводѣ небесномъ:
 «Агнеса!
 Я люблю тебя!»

И каждую ночь будутъ въ небѣ
 Неугасимо горѣть письма злотыя,
 И всѣ поколѣнія внуковъ и правнуковъ.

Будутъ ликуя читать
Слова небесныя:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

VII.

Ночью въ каютѣ.

Свои у моря перлы,
Свои у неба звѣзды.
Сердце, сердце мое!
Своя любовь у тебя.

Велики море и небо;
Но сердце мое необъятнѣй...
И краше перловъ и звѣздъ
Сіяетъ и свѣтитъ любовь моя.

Прекрасное дитя!
Прииди ко мнѣ на сердце!
И море и небо и сердце мое
Томятся жаждой любви.

Къ голубой небесной ткани,
Гдѣ такъ чудно блещутъ звѣзды,
Я прижался бы устами
Крѣпко, страстно — бурно плача.

Очи милой — эти звѣзды.
Переливно тамъ играя,
Шлютъ онѣ привѣтъ мнѣ нѣжный
Съ голубой небесной ткани.

Къ голубой небесной ткани,
Къ вамъ, родныя очи милой,
Простираю страстно руки,
И прошу и умоляю:

Звѣзды-очи! кроткимъ миромъ
Осѣните вы мнѣ душу!

Пусть умру — и буду въ небѣ,
Въ вашемъ небѣ, вмѣстѣ съ вами!

Изъ очей небесныхъ льются
Въ сумракъ трепетныя искры,
И душа моя все дальше,
Дальше рвется въ страстной скорби.

Очи неба! ваши слезы
Лейте мнѣ въ больную душу!
Пусть душа моя слезами,
Перепознясь, захлебнется!

Убаюканный волнамъ,
Будто въ думахъ, будто въ грезахъ,
Тихо я лежу въ каютѣ,
Въ уголкѣ, на темной койкѣ.

Въ локъ мнѣ видны небо, звѣзды....
Звѣзды ясны и прекрасны....
Это — радостныя очи
Дорогой, родной и милой.

Эти радостныя очи
Не дремля слѣдятъ за мною
Кроткимъ свѣтомъ и привѣтомъ
Съ голубой, небесной высп.

И гляжу я ненаглядно,
Страстно въ небо голубое...
Только бѣ-вась, родныя очи,
Не подернуло туманомъ!

Въ досчатую стѣну,
Куда я лежу головой,
Грезами полной,
Стучатся волны — буйныя волны.
Онѣ шумятъ и бормочатъ
Мнѣ подъ самое ухо: «Безумный!

Рука у тебя коротка,
 А небо далеко,
 И звѣзды тамъ крѣпко
 Золотыми гвоздями прибиты.
 Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь....
 Уснулъ бы.... право, умнѣй!»

Мнѣ снился тихій дождь въ краю безлюдномъ;
 Какъ саванъ, бѣлый снѣгъ на немъ лежалъ.
 Подъ бѣлымъ снѣгомъ я въ могилѣ спалъ
 Сномъ одинокимъ, мертвымъ, безпробуднымъ.

Но теплились, средь ночи голубой,
 Родныя звѣзды надъ моею могилой.
 Ихъ взоръ горѣлъ побѣдоносной силой,
 Любовью безмятежной и святой.

VIII.

· Б у р я .

Ярится буря
 И хлещетъ волны,
 И волны, въ пѣнѣ и гнѣвной тревогѣ,
 Громоздятся высоко,
 Словно зыбкія, бѣлыя горы,
 И корабликъ на нихъ
 Взбирается съ тяжкимъ трудомъ,
 И вдругъ свергается
 Въ черный, широко разинутый зѣвъ
 Водной пучины.

О море!

Мать красоты, изъ пѣны рожденной!
 Праматерь любви! пощади меня!
 Ужъ чуетъ трупъ и порхаетъ надъ нами
 Бѣлымъ призракомъ чайка,
 И точитъ о мачту свой клювъ,
 И, жадная, алчетъ сердца,
 Что звучитъ хвалою
 Дщери твоей,
 Что взято въ пгрушки плутишкою внукомъ твоимъ.

Мои моленья напрасны!
 Глухнет мой голосъ въ грохотѣ бури,
 Въ дикомъ шумѣ вѣтровъ.
 Что за гамъ и за свистъ! что за ревъ и за вой!
 Словно все море —
 Домъ сумасшедшихъ звуковъ.
 Но межъ звуками тѣми
 Мнѣ слышится внятно
 Чудное арфы бряцанье,
 Страстное, душу влекущее пѣнье —
 Душу влекущее, душу зовущее....
 И узнаю я тотъ голосъ.

Далеко, на темныхъ утесахъ
 Шотландскаго берега,
 Гдѣ гѣнится сѣрымъ гнѣздомъ
 Замокъ надъ гнѣвно-бьющимся моремъ —
 Тамъ, подъ стрѣльчатымъ окномъ,
 Стоитъ прекрасная,
 Больная женщина,
 Нѣжно-прозрачная, мраморно-блѣдная,
 И поетъ и на арфѣ играетъ,
 А вѣтеръ взвѣваетъ ей длинныя кудри,
 И темную пѣсню ея
 Несетъ по широкому, бурному морю.

IX.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

Тишь и солнце! Свѣтъ горячій
 Обнялъ водныя равнины,
 И корабль златую влагу
 Рѣжетъ слѣдомъ пзмурднымъ.

У руля лежитъ на брюхѣ
 И храпитъ усталый боцманъ;
 Парусъ штопая, у мачты
 Приютился грязный юнга.

Щеки пышутъ пзъ-подъ грязи;
 Ротъ широкій, какъ отъ боли,

Стиснуть; кажется, слезами
Брызнуть вдругъ глаза большіе.

Капитанъ его ругаетъ,
Страшно топая ногами....
«Какъ ты смѣлъ — скажи, каналья!
Какъ ты смѣлъ стянуть сеledку?»

Тишь и гладь! Со дна всплываетъ
Рыбка-умница; на солнцѣ
Грѣетъ яркую головку,
И играетъ рѣзвымъ плесомъ.

Но стрѣлой изъ поднебесья
Чайка падаетъ на рыбку —
И съ добычей въ жадномъ клювѣ
Снова въ небѣ исчезаетъ.

X.

Морской призракъ.

А я лежалъ на краю корабля и смотрѣлъ
Дремотнымъ окомъ
Въ зеркально-прозрачную воду,
Все глубже и глубже
Взглядомъ въ нее проникая....
И вотъ въ глубинѣ, на самомъ днѣ моря,
Сначала какъ будто въ туманѣ,
Потомъ все яснѣй и яснѣй,
Показались церковныя главы и башни,
И наконецъ, весь въ сіяніи солнца,
Цѣлый городъ,
Старобытно-фламандскій,
Съ живою толпою народной.
Важные граждане въ черныхъ плащахъ,
Въ бѣлыхъ фрезахъ, въ почетныхъ цѣпяхъ,
Съ длинными шпагами, съ длинными лицами,
Проходятъ по рыночной площади,
Народомъ княпящей,
Къ ратушѣ
Съ высокимъ крыльцомъ,

Гдѣ каменной стражей
 Стоять императоровъ статуи
 Съ мечами и скиптрами.
 Неподалеку, вдоль длиннаго ряда домовъ,
 Гдѣ окна такъ ярко блестятъ,
 Гдѣ пирамидамъ лпы подстрижены,
 Гуляютъ, шелкомъ платьевъ шума,
 Стройныя дѣвушки,
 И ихъ цвѣтуція лица
 Скромно глядятъ изъ-подъ шапочекъ черныхъ
 И изъ-подъ золота пышныхъ волосъ.
 Мимо гордо проходятъ,
 Имъ головою кивая,
 Пестрые франты въ испанскомъ нарядѣ.
 Старыя женщины въ желтыхъ
 Полинявшихъ платьяхъ,
 Со святцами, съ четками,
 Мелкими идутъ шажками къ собору....
 Ужъ съ башенъ благовѣстъ льется,
 А въ церкви органъ загудѣлъ.

И меня самого эти дальніе звуки
 Охватили таинственнымъ трепетомъ....
 Безконечная, страстная грусть
 И глубокая скорбь
 Тихо крадутся въ сердце ко мнѣ —
 Едва исцѣленное сердце....
 И кажется, будто сердечныя раны мои
 Уста любимыя
 Лобзаньями вновь открываютъ,
 И снова кровь изъ нихъ льется —
 Горячими, красными каплями,
 И капли тѣ падаютъ тихо,
 Тихо, одна за другой,
 На старый домъ, въ томъ глубокомъ,
 Подводномъ городѣ,
 На старый, съ высокою кровлею домъ,
 Унылый, пустой и безлюдный....
 Только внизу, подъ окномъ,
 Сидитъ, пригорюнясь, тамъ дѣвушка —
 Словно бѣдный, забытый ребенокъ....

И я знаю тебя, мое бѣдное
Дитя позабытое!

Такъ вотъ куда,
Въ какую глубокую глубь
Отъ меня ты скрылась
Изъ дѣтской прихоти,
И выйти ужъ больше на свѣтъ не могла,
И сидѣла одна, какъ чужая,
Средь чуждыхъ людей,
Межъ-тѣмъ какъ, скорбный душою,
По цѣлой землѣ я искалъ тебя —
Все только искалъ тебя,
Вѣчно-любимая,
Давно-утраченная,
Наконецъ-обрѣтенная!
Да, я нашелъ тебя — и опять
Вижу прекрасное
Лицо твое, вижу глаза,
Умные, преданно-добрые,
Милую вижу улыбку....
И ужъ теперь не разстанусь съ тобой,
И къ тебѣ низойду,
И, раскрывши объятъя,
Припаду на сердце къ тебѣ!

Но во-время тутъ капитанъ
Схватилъ меня за ногу,
И дальше отъ края меня оттащилъ,
И мовилъ, сердито смѣясь:
«Въ умѣ ли вы, докторъ!»

XI.

Очищеніе.

Останься въ морской глубинѣ ты,
Безумная греза,
Ты, нѣкогда много ночей
Мнѣ сердце лживымъ счастьемъ терзавшая,
А нынѣ, призракомъ въ лонѣ морскомъ,
Мнѣ и средь бѣлаго дня угрожающая!

Останься ты въ безднѣ на вѣчные вѣки!
 И я заодно къ тебѣ сброшу
 Всѣ мои скорби и всѣ прегрѣшенія,
 И шапку безумства, звенѣвшую
 Такъ долго надъ жалкой моей головой,
 И гладко-холодную
 Змѣнную кожу
 Лицемерія,
 Что долго такъ душу мою обвивала —
 Душу больную,
 Бога отвергшую, небо отвергшую,
 Окаянную душу!
 Ой-гой! Вѣтеръ крѣпнетъ!
 Вверхъ паруса!... Заплескали они и надулись....
 Вдоль по погибельно-тихой равнинѣ
 Несется корабль —
 И ликуеть душа на свободѣ!

 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

УТРЕННИЙ ПРИВѢТЪ.

Оалатта! Оалатта!
 Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
 Привѣтъ тебѣ десять тысячъ разъ,
 Отъ ликующаго сердца —
 Такой, какъ нѣкогда слышало ты
 Отъ десяти тысячъ
 Сердецъ греческихъ,
 Съ бѣдами боровшихся,
 По отчизнѣ томившихся,
 Всемирно-славныхъ сердецъ!

Вставали волны —
 Вставали, шумѣли,
 И солнце ихъ обливало
 Игривымъ, румянымъ свѣтомъ.

Стаи вспугнутыхъ чаекъ
 Прочь отлетали съ громкими криками;
 Были копытами кони; гремѣли щиты, —
 И разносилось далече кличемъ побѣднымъ:
 Фалатта! Фалатта!

Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
 Роднымъ языкомъ мнѣ шумятъ твои воды;
 Грезы дѣтства встаютъ предо мной
 Надъ твоимъ зыбучимъ просторомъ,
 И сызнова мнѣ повторяетъ
 Старая память былые рассказы
 О всѣхъ дорогихъ и милыхъ игрушкахъ,
 О святочныхъ, пышныхъ подаркахъ,
 О красныхъ деревьяхъ коралловыхъ,
 О злато-чешуйчатыхъ рыбахъ,
 О жемчугѣ желтомъ, о грудахъ
 Раковинъ пестрыхъ,
 Что ты бережливо таишь
 Въ своемъ прозрачномъ,
 Хрустальномъ домѣ.

О! какъ я въ чужбинѣ томился!
 Словно увядшій цвѣтокъ
 Въ жестянкѣ ботаника,
 Лежало въ груди моей сердце.
 Мнѣ кажется,
 Будто я пѣлую, долгую зиму больной
 Былъ запертъ въ темномъ, больничномъ покоѣ,
 И вдругъ неожиданно его покинулъ —
 И мнѣ ослѣпительно блещетъ на встрѣчу
 Весна пзумрудная,
 Солнцемъ пробужденная,
 И молодые цвѣты
 Глядятъ на меня
 Душистыми, пестрыми глазками,
 И все благовоніемъ дышатъ,
 И все гудитъ и живетъ и смѣется,
 И въ небѣ лазурномъ
 Распѣваютъ птицы....
 Фалатта! Фалатта!

О, храброе — и въ отступленіи храброе сердце!
 Какъ часто, какъ горестно-часто
 Тебя тѣснили
 Варварки сѣвера;
 Сыпали жгучія стрѣлы въ тебя
 Изъ большихъ, побѣдительныхъ глазъ;
 Грозили мнѣ грудь раскроить
 Кривыми мечами словъ;
 Гвоздеобразными письмами
 Бѣдный мой, оглушенный
 Мозгъ разбивали...
 Напрасно я крылся щитомъ;
 Стрѣлы свистали, и падалъ ударъ за ударомъ....
 И вотъ оттѣснили меня
 Варварки сѣвера къ самому морю,
 И, полною грудью дыша,
 Я море привѣтствую —
 Спасительно-чудное море....
 Фалатта! Фалатта!

II.

Гроза.

Тяжко нависла надъ моремъ гроза,
 И черную стѣну тучъ
 Зубчатымъ лучемъ прорѣзаетъ
 Молнія, быстро свѣта и быстро
 Исчезая, какъ бѣглая мысль
 На челѣ Кроніона.
 Далече по бурно-пустыннымъ водамъ
 Грохочетъ громъ,
 И скачутъ бѣлые кони-валы,
 Самимъ Бореемъ рожденные
 Отъ чудныхъ кобылицъ Эрихтона,
 И въ жалкомъ испугѣ порхаетъ
 Морская птица,
 Какъ тѣнь у водъ Стикса,
 Харономъ оттолкнутая
 Отъ барки его полуночной.

Бѣдный, рѣзвый корабликъ!
 Пришлось пуститься ему
 Въ опасную пляску!
 Эolz ему выслалъ
 Самыхъ искусныхъ своихъ музыкантовъ:
 Пусть поиграютъ погромче, а онъ веселѣе попляшетъ!
 Одинъ громко свищетъ, другой трубитъ,
 А третій водитъ по струнамъ
 Глухаго баса...
 И корабельщикъ
 Едва стоитъ на ногахъ у руля,
 И смотреть, глазъ не сводя, на компась,
 Дрожащую душу кораблика,
 И руки съ мольбой къ небесамъ простираетъ...
 «Спаси насъ, Касторъ, виновственный всадникъ,
 И ты, кулачный боецъ Полидевкъ!»

III.

Крушеніе.

Любовь и надежда! все погнбло!
 И самъ я, какъ трупъ —
 Выброшенъ моремъ сердитымъ —
 Лежу на пустынномъ,
 Уныломъ берегѣ.
 Передо мной водяная пустыня колышется;
 За мною лишь горе и бѣдствіе;
 А надо мною плывутъ облака,
 Безлично-сѣрыя дочери воздуха,
 Что черпаютъ воду изъ моря
 Туманными ведрами,
 И тащатъ и тащатъ ее черезъ-силу,
 И снова въ море ее проливаютъ...
 Трудъ печальный и скучный —
 И бесполезный, какъ жизнь моя.

Волны рокочутъ; чайки кричатъ...
 Воспомнанья старинныя вѣютъ мнѣ на душу...
 Забытыя грезы, потухшіе образы,
 Мучительно-сладкіе, вновь возникаютъ.

Живетъ на сѣверѣ женщина,
 Прекрасная, царственно-пышная...
 Станъ ея, стройный какъ пальма,
 Страстно охваченъ бѣлой одеждой;
 Темныя, пышныя кудри,
 Словно блаженная ночь,
 Съ увѣнчанной косами
 Головы разливаясь, волшебнo змѣятся
 Вкругъ чуднаго, блѣднаго лика;
 И, величаво-могучи, горять ея очи,
 Словно два черныя солнца.

О черныя солнца! какъ часто —
 Какъ часто восторженно я упивался изъ васъ
 Дикимъ огнемъ вдохновенья,
 И стоялъ, цѣпенѣя,
 Полонъ пламеннымъ хмѣлемъ...
 И тогда голубино-кроткой улыбкой
 Вдругъ оживлялись гордыя губы,
 И съ гордыхъ губъ
 Сливалось слово
 Нѣжнѣе луннаго свѣта,
 Отраднѣ запаха розы,
 И душа ликовала во мнѣ —
 И къ небу орломъ возстала.

Молчите вы, волны и чайки!
 Все миновало! Любовь и надежда —
 Надежда и счастье! Лежу я на берегѣ,
 Одинокій, моремъ ограбленный,
 И къ сырому песку
 Горячимъ лицомъ припадаю.

IV.

На закатѣ.

Прекрасное солнце
 Спокойно склонилось въ море;
 Зыбкія волны окрасила
 Темная ночь,
 И только заря осыпаетъ ихъ

Золотыми лучами;
 И шумная сила прилива
 Бѣлыя волны тѣснить къ берегамъ,
 И волны скачутъ въ поспѣшномъ весельѣ,
 Какъ стада бѣлорунныхъ овецъ,
 Что вечеромъ къ дому
 Гонить пастухъ, распѣвая.

— Какъ солнце прекрасно!
 Сказалъ мнѣ по долгомъ молчаньѣ мой другъ,
 Со мною у моря бродившій...
 И полу-грустно, полу-шутливо
 Онъ сталъ увѣрять меня,
 Будто солнце — прекрасная женщина,
 Которой пришлось поневолѣ
 Выйти замужъ за стараго бога морей...
 И днемъ она радостно по небу ходитъ
 Въ пурпурной одеждѣ,
 Блестая алмазами,
 И всѣ ее любятъ, и всѣ ей дивятся —
 Всѣ земныя созданья,
 И всѣхъ созданий земныхъ утѣшаетъ
 Свѣтъ и тепло ея взгляда;
 А вечеромъ грустно-невольно
 Она возвращается
 Во влажный дворецъ, на холодную грудь
 Сѣдаго мужа.

— Повѣрь мнѣ! прибавилъ мой другъ...
 А самъ смѣялся,
 Потому вздыхалъ — и снова смѣялся...
 — Это одно изъ нѣжнѣйшихъ супружествъ!
 Они или спятъ, или бранятся —
 Такъ бранятся, что море высоко вскипаетъ,
 И въ шумѣ волнъ мореходы
 Слышатъ, какъ старый жену осыпаетъ
 Страшную бранью...
 «Круглая ты потаскушка вселенной!
 Лучеблудница!
 Цѣлый ты день горяча для другихъ;
 А ночью,
 Для меня — холодна ты, устала!»

Отд. I.

Послѣ такихъ увѣщаній постельныхъ, конечно,
 Ударяется въ слезы
 Гордое солнце — и рокъ свой клянетъ....
 Клянетъ такъ долго и горько,
 Что богъ морской
 Съ отчаянья прочь изъ постели кидается
 И поскорѣе наверхъ выплываетъ —
 Воздухомъ свѣжимъ дохнуть, освѣжиться.

«Я самъ его видѣлъ прошедшею ночью:
 По поясъ вынырнулъ онъ изъ воды
 Въ байковой желтой фуфайкѣ,
 Въ бѣломъ, какъ снѣгъ, ночномъ колпакѣ,
 Нависшемъ надъ старымъ
 Истощеннымъ зпцомъ.»

V.

Пѣснь океанидъ.

Меркнетъ вечернее море,
 И одинокъ, со своею одинокой душой,
 Сидитъ человѣкъ на пустомъ берегу,
 И смотритъ холоднымъ,
 Мертвеннымъ взоромъ
 Ввысь, на далекое,
 Холодное, мертвое небо,
 И на широкое море,
 Вознами шумящее.
 И по широкому,
 Вознами шумящему морю,
 Вдаль, какъ пловцы воздушные,
 Несутся вздохи его —
 И къ нему возвращаются грустны;
 Закрытымъ нашли они сердце,
 Куда пристать хотѣли...
 И громко онъ стонетъ, такъ громко,
 Что бѣлыя чайки
 Съ песчаныхъ гнѣздъ поднимаются
 И носятся съ крикомъ надъ нимъ...
 И онъ говоритъ имъ, смѣясь:

«Черноногія птицы!

На бѣлыхъ крыльяхъ надъ моремъ вы носитесь;
 Кривымъ своимъ клювомъ
 Пьете воду морскую;
 Жрете ворвань и мясо тюленье...
 Горька ваша жизнь, какъ и пища!
 А я, счастливецъ, вкушаю лишь сласти:
 Питаюсь сладостнымъ запахомъ розы,
 Соловьиной невѣсты,
 Вскормленной мѣсячнымъ свѣтомъ;
 Питаюсь еще сладчайшими
 Пирожками съ битыми сливками;
 Вкушаю и то, что слаще всего —
 Сладкое счастье любви
 И сладкое счастье взаимности!

«Она любить меня! она любить меня!
 Прекрасная дѣва!
 Теперь она дома, въ свѣтлицѣ своей, у окна,
 И смотритъ въ вечерній сумракъ —
 Вдаль, на большую дорогу,
 И ждетъ, и тоскуетъ по мнѣ — ей Богу!
 Но тщетно и ждетъ, и вздыхаетъ...
 Вздыхая, идетъ она въ садъ,
 Гуляетъ по саду
 Среди ароматовъ, въ сіяньѣ луны,
 Съ цвѣтами ведетъ разговоръ,
 И имъ говоритъ про меня:
 Какъ я — ея милый — хорошъ,
 Какъ милъ и любезенъ — ей Богу!
 Потомъ и въ постели, во снѣ передъ нею,
 Даря ее счастьемъ, мелькаетъ
 Мой милый образъ;
 И даже утромъ, за кофе, она
 На бутербродѣ блестящемъ
 Видитъ мой ликъ дорогой —
 И страстно съѣдаетъ его — ей Богу!»

Такъ онъ хвастаетъ долго,
 И порой раздается надъ нимъ,
 Словно насмѣшливый хохотъ,
 Крикъ порхающихъ чашекъ.

Вотъ наплывають ночные туманы;
 Мѣсяцъ — желтый, какъ осенью листъ —
 Грустно сквозь сизаго облака смотритъ...
 Волны морскія встають и шумять...
 И изъ пучины шумящаго моря,
 Грустно, какъ вѣтра осенняго стонъ,
 Слышится пѣнье.
 Океаниды поють,
 Милосердыя, чудныя дѣвы морскія...
 И слышатъ другихъ голосовъ
 Ласковый голосъ
 Серебро-ногой суируги Целея...
 Океаниды уныло поють:

«Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
 Скорбью истерзанный!
 Убиты надежды твои,
 Игривыя дѣти души,
 И сердце твое, словно сердце Ниобы,
 Окаменѣло отъ горя.
 Сгущается мракъ у тебя въ головѣ,
 И вьются средь этого мрака,
 Какъ молніи, мысли безумныя!
 И хвастаешь ты отъ страданья!
 Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
 Упрямъ ты, какъ древній твой предокъ,
 Высокій титанъ, что похитилъ
 Небесный огонь у боговъ,
 И людямъ принесъ его,
 И коршуномъ лучимый,
 Къ утесу прикованный,
 Олимпу грозилъ, и стоналъ, и ругался,
 Такъ, что мы слышали голосъ его
 Въ зонѣ глубокаго моря,
 И съ утѣшительной пѣснью
 Вышли изъ моря къ нему.
 Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
 Ты вѣдь безсильнѣй его,
 И было бъ умнѣй для тебя
 Влачить терпѣливо
 Тяжелое бремя скорбей —

Влечить его долго, такъ долго,
Пока и Атласъ не утратитъ терпѣнья
И тяжкаго міра не сброситъ съ плеча
Въ ночь безъ разсвѣта!»

Долго такъ пѣли въ пучинѣ
Милосердыя, чудныя дѣвы морскія.
Но зашумѣли грознѣе валы,
Пѣніе ихъ заглушая;
Въ тучахъ спрятался мѣсяцъ; раскрыла
Черную пасть свою ночь,..
Долго сидѣлъ я во мракѣ и плакалъ.

VI.

Боги Греціи.

Полный мѣсяцъ! въ твоемъ сіяньѣ,
Словно текучее золото,
Блещетъ море.
Кажется, будто волшебнымъ сляньемъ
Дня съ полуднчною мглою одѣта
Равнина песчанаго берега.
А по ясно-лазурному,
Беззвѣздному небу
Бѣлой грядою плывутъ облака,
Словно боговъ колоссальныя лики
Изъ блестящаго мрамора.

Не облака это! нѣтъ!
Это сами они —
Боги Эллады,
Нѣкогда радостно міромъ владѣвшіе,
А нынѣ въ изгнаньѣ и въ смертномъ томленьѣ,
Какъ призраки, грустно бродящіе
По небу полночному.
Благоговѣйно, какъ-будто объятый
Странными чарами, я созерцаю
Средь пантеона небеснаго
Безмозвно-торжественный,
Тихій ходъ исполиновъ воздушныхъ.
Вотъ Кроніонтъ, надзвѣздный владыка!

Бѣлы, какъ снѣгъ, его кудри —
 Олимпъ потрясавшія, чудныя кудри;
 Въ десницѣ онъ держитъ погасшій перунъ;
 Скорбь и невзгода
 Видны въ лицѣ у него;
 Но не исчезла и старая гордость.
 Лучше было то время, о Зевсѣ!
 Когда небесно тебя услаждали
 Нимфы и гекатомбы!
 Но не вѣчно и боги царятъ:
 Старыхъ тѣснятъ молодые и гонятъ,
 Какъ нѣкогда самъ ты гналъ и тѣснилъ
 Сѣдаго отца и титановъ,
 Дядей своихъ, Юпитеръ-Паррицида!
 Узнаю и тебя,
 Гордая Гера!
 Не спаслась ты ревнивой тревогой,
 И скипетръ достался другой,
 И ты не царица ужъ въ небѣ;
 И неподвижны твои
 Большія очи,
 И немощны руки ллейныя,
 И месть безсильна твоя...

 Узнаю и тебя, Паллада Аонна!
 Эгидой своей и премудростью
 Спасти не могла ты
 Боговъ отъ погибели.
 И тебя, и тебя узнаю, Афродита!
 Древле золотая! нынѣ серебряная!
 Правда, все такъ же твой поясъ
 Прелестью дивной тебя облакаетъ;
 Но втайнѣ страшусь я твоей красоты,
 И если-бъ меня осчастливить ты вздумала
 Лаской своей благодатной,
 Какъ прежде счастливила
 Иныхъ героевъ, — я-бъ умеръ отъ страха!
 Богиню мертвыхъ мнѣ кажется ты,
 Венера-Либитина!
 Не смотреть ужъ съ прежней любовью

Грозный Арей на тебя.
 Печально глядитъ
 Юноша Февъ-Аполлонъ.
 Молчитъ его зра,
 Весельемъ звенѣвшая
 За ясной трапезой боговъ.
 Еще печальнѣе смотритъ
 Гефестъ хромоногій!
 И точно, ужъ вѣкъ не смѣнять ему Гебы,
 Не разшвать хлопотливо
 Сладостный нектаръ въ собраньѣ небесномъ.
 Давно умолкъ
 Немолчный смѣхъ олимпійскій.

Я никогда не любилъ васъ, боги!
 Противны мнѣ греки,
 И даже римляне мнѣ ненавистны.
 Но состраданье святое и горькая жалость
 Въ сердце ко мнѣ проникаютъ,
 Когда васъ въ небѣ я вижу,
 Забытые боги,
 Мертвыя, ночью бродящія тѣни,
 Туманныя, вѣтромъ гонимыя!...

Старые боги! всегда вы, бывало,
 Въ битвахъ людскихъ принимали
 Сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду.
 Великодушнѣе васъ человѣкъ,
 И въ битвахъ боговъ я беру
 Сторону вашу,
 Побѣжденные боги!

Такъ говорилъ я,
 И покраснѣли замѣтно
 Блѣдные облачные лики,
 И на меня посмотрѣли
 Умирающимъ взоромъ,

Преображенные скорбью,
 И вдругъ исчезли.
 Мѣсяцъ скрылся
 За темной, темною тучей;
 Задвигалось море,
 И просіяли побѣдно на небѣ
 Вѣчныя звѣзды.

VII.

Вопросы.

У моря, пустыннаго моря полночнаго
 Юноша грустный стоитъ.
 Въ груди тревога, сомнѣниемъ полна голова,
 И мрачно волнамъ говоритъ онъ:

«О! разрѣшите мнѣ, волны,
 Загадку жизни —
 Древнюю, полную муки загадку!
 Ужъ много мудрilo надъ нею головъ —
 Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
 Головъ въ чалмахъ и черныхъ, съ перьями, шапкахъ,
 Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
 Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
 Скажите мнѣ волны, что есть человѣкъ?
 Откуда пришелъ онъ? куда пойдетъ?
 И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?»

Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
 Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
 Блещутъ звѣзды безучастно-холодными...
 И ждетъ безумецъ отвѣта!

VIII.

Фениксъ.

Летитъ съ запада птица —
 Летитъ къ востоку,
 Къ восточной отчизнѣ садовъ,
 Гдѣ пряныя травы душисто растутъ
 И пальмы шумятъ

И свѣжестью вѣютъ ручьи...
Чудная птица летитъ и поетъ:

«Она любить его! она любить его!
Образъ его у ней въ сердцѣ живетъ —
Въ маленькомъ сердцѣ,
Въ тайной, завѣтной его глубинѣ,
Самой ей невѣдомо.
Но во снѣ онъ стоитъ передъ нею...
И молить она, и плачетъ,
И руки цалуетъ ему,
И имя его произноситъ,
И съ именьемъ тѣмъ на устахъ
Въ испугѣ вдругъ пробуждается,
И протираетъ себѣ въ изумленнѣ
Прекрасныя очи...
Она любить его! она любить его!»

На палубѣ, къ мачтѣ спиной прислонясь,
Стоялъ я и слушалъ пѣніе птицы.
Какъ черно-зеленыя кони съ серебряной гривой,
Скакали бѣло-кудрявыя волны;
Какъ лебединыя стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гелголандцевъ,
Смѣлыхъ помадовъ полночнаго моря.
Надо мною, въ вѣчной лазурѣ,
Порхали бѣлыя тучки
И вѣчное солнце горѣло,
Роза небесная, пламенно-цвѣтная,
Радостно въ морѣ собою любуясь...
И небо и море и сердце мое
Согласно звучали:
«Она любить его! она любить его!»

IX.

У ПРИСТАНИ.

Счастливъ, кто мирно въ пристань вступилъ,
И за собою оставилъ
Море и бурю,

И тепло и спокойно
 Въ уютномъ сидить погребкѣ
 Въ городѣ Бременѣ.

Какъ пріятно и ясно
 Въ рюмкѣ зеленой весь міръ отражается!
 Какъ отрадно,
 Солнечно грѣя, вливается
 Микрокосмъ струистый
 Въ жаждой-томимое сердце!
 Все въ своей рюмкѣ я вижу:
 Исторію древнихъ и новыхъ народовъ,
 Турокъ и грековъ, Ганса и Гегеля,
 Лимонныя рощи и вахт-парады,
 Берлинъ и Шильду, Тунисъ и Гамбургъ...
 А главное — образъ милой моей...
 Херувимское личико
 Въ золотистомъ сіяньѣ рейнвейна.

О милая! какъ ты прекрасна!
 Какъ ты прекрасна! Ты — роза...
 Только не роза ширасская,
 Гафзомъ воспѣтая,
 Соловью обрученная...
 Не роза шаронская,
 Священно-пурпурная,
 Пророками славимая...
 Не роза ты погребка
 Въ городѣ Бременѣ *)...
 О! это роза изъ розъ!
 Чѣмъ старше она, тѣмъ пышнѣе цвѣтеть,
 И я упоенъ
 Ея ароматомъ небеснымъ —
 Упоенъ — вдохновенъ — охмѣленъ...
 И не схвати меня
 За вихоръ погребщикъ,
 Я навѣрно подъ столъ бы свалился!

Славный малый! Мы вмѣстѣ сидѣли
 И пили какъ братья.

*) Роза — одно изъ названій рейнвейна.

Мы говорили о важныхъ, тайныхъ предметахъ,
 Вдыхали и крѣпко другъ друга
 Сжимали въ объятяхъ,
 И онъ обратилъ меня
 На истинный путь... Я съ нимъ билъ
 За здравіе злѣйшихъ враговъ,
 И всѣмъ плохимъ поэтамъ простилъ,
 Какъ и мнѣ простится со временемъ...
 Я въ умиленіи плакалъ, и вотъ наконецъ
 Передо мною отверзлись
 Врата спасенья...

.....

Слава! слава! Какъ сладостно вѣютъ
 Вокругъ меня пальмы вефилскія!
 Какъ благовонно дышатъ
 Мирры хевронскія!
 Какъ шумитъ священный потокъ
 И кружится отъ радости!
 И самъ я кружусь... и меня
 Выводитъ скорѣе на воздухъ,
 На бѣлый свѣтъ — освѣжиться —
 Мой другъ погребщикъ, гражданинъ
 Города Бремена.

Ахъ, мой другъ погребщикъ! погляди!
 На кровляхъ домовъ все стоятъ
 Малютки крылатые...
 Пьяны они — и поютъ...
 А тамъ — это яркое солнце —
 Не красный ли съ пьяну тѣ носъ...

.....
 И около этого краснаго носа
 Не съ пьяну-ль весь міръ кружится?

Х.

Эпиграфъ.

Какъ на нивѣ колосья,
 Растутъ и волнуются помыслы

Въ душѣ чловѣка; но нѣжные
 Любовныя помыслы ярко
 Цвѣтутъ между ними, какъ между колосьями
 Цвѣты голубые и алыя.

Цвѣты голубые и алыя!
 Жнецъ ворчливый на васъ и не взглянетъ,
 Какъ на траву безполезную;
 Нагло васъ цѣпъ деревянный раздавить...
 Даже прохожій бездомный,
 Вами любясь и тѣшась,
 Головой покачаетъ, и дастъ вамъ
 Названье плевелъ прекрасныхъ.
 Но молодая крестьянка,
 Вѣнокъ завивая,
 Ласково васъ соберетъ и украситъ
 Вами прекрасныя кудри,
 И въ этомъ вѣнкѣ побѣжитъ къ хороводу,
 Гдѣ такъ отрадно поютъ
 Флейты и скрипки,
 Или въ укромную рощу,
 Гдѣ милаго голосъ звучитъ отраднѣй
 И флейтъ и скрипокъ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

На островъ Нордернъ.

..... Туземцы большею частью очень бѣдны и живутъ рыболовствомъ, которое начинается только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ октябрѣ, при бурной погодѣ. Многие изъ этихъ островитянъ служатъ также матросами на иностранныхъ купеческихъ корабляхъ, и цѣлые года живутъ вдалекѣ отъ дома, не посылая о себѣ никакой вѣсти своимъ домашнимъ. Нерѣдко они кончаютъ жизнь въ волнахъ. Я видѣлъ на островѣ нѣсколько бѣдныхъ женщинъ, у которыхъ всѣ мужчины въ семействѣ погибли такимъ образомъ. Это можетъ легко случиться, потому-что обыкновенно отецъ выѣзжаетъ въ море на одномъ кораблѣ со своими сыновьями.

Эти люди находятъ большое наслажденіе въ мореплаваніи; а все-таки, я думаю, дома имъ всего отраднѣе. Если они заѣзжаютъ на корабляхъ своихъ и въ тѣ южныя страны, гдѣ солнце свѣтитъ ярче, а мѣсяцъ романтичнѣе, тамошніе цвѣты все-таки не могутъ залечить имъ сердца, и въ душистой отчизнѣ весны они тоскуютъ по своему песчаномъ островѣ, по своимъ маленькимъ хижинамъ, по пылающему очагу, около котораго сидятъ ихъ домашніе, плотно закутавшись въ шерстяныя фуфайки, и пьютъ чай, только названіемъ отличающійся отъ кипяченой морской воды, и болтаютъ на такомъ языкѣ, что трудно постичь, какъ сами они могутъ понимать его.

Этихъ скромныхъ людей связываетъ такъ тѣсно не столько глубокое, мистическое чувство любви, сколько привычка, естественная потребность жить другъ другомъ, общая всѣмъ имъ непосредственность. Одинаковое умственное развитіе или, лучше сказать, умственное неразвитіе производитъ одинаковыя нужды и одинаковыя стремленія; одинаковые опыты и мнѣнія позволяютъ имъ легко уживаться... И въ добромъ согласіи сидятъ они у огня въ маленькихъ хижинахъ; подвигаются ближе другъ къ другу, когда становится холодно; по глазамъ узнаютъ, что другой думаетъ; по губамъ читаютъ слова, прежде чѣмъ другой произнесетъ ихъ. Они помнятъ житейскія отношенія каждаго, и однимъ звукомъ однимъ выраженіемъ лица, однимъ безмолвнымъ движеніемъ возбуждаютъ столько смѣха, или слезъ, или умиленія, сколько мы можемъ возбудить въ подобныхъ намъ по развитію людей развѣ долгими экспозиціями, экспекторациями и декламациями. Вѣдь мы въ сущности живемъ нравственно-одиноко; особая метода воспитанія или случайно-выбранныя особыя книги даютъ характеру каждаго изъ насъ особое направленіе; каждый изъ насъ, подъ своей нравственной личиною, думаетъ, чувствуетъ и стремится иначе, чѣмъ другіе, и недоразумѣній становится такъ много, и даже въ просторныхъ домахъ жизнь вмѣстѣ становится такъ трудна, и мы такъ всюду стѣснены, такъ всюду чужды другъ другу, такъ всюду на чужбинѣ!

Въ такомъ состояніи равенства мысли и чувства, какое

мы видимъ у нашихъ островитянъ, жили часто цѣлые народы и проживали такъ цѣлые вѣка. Римская доктрина въ средніе вѣки хотѣла можетъ-быть утвердить подобное состояніе въ корпораціяхъ всей Европы, и потому взяла подъ свою опеку всѣ житейскія отношенія, всѣ силы и явленія, всего физическаго и нравственнаго человѣка. Нельзя отрицать, что этимъ путемъ образовалось много спокойнаго счастья, и жизнь цвѣла теплѣе и сосредоточеннѣе, и искусства, какъ тихо распустившіеся цвѣты, проявили эту пышную красоту, которой мы и теперь еще удивляемся и не можемъ достигнуть при всемъ нашемъ безпокойномъ знаніи. Но у духа есть свои вѣчныя права: его нельзя ни сковать уставами, ни убаюкать колокольнымъ звономъ; онъ сокрушилъ свою темницу и оборвалъ желѣзныя помочи, на которыхъ его водили, и въ упоеніи свободы помчался по всей землѣ, то взбираясь на вершины высочайшихъ горъ, то кичливо ликуя, то снова припоминая древнія сомнѣнія, то испытывая чудеса дня, то считая звѣзды ночи. Мы еще не знаемъ числа звѣздъ; не разгадали еще чудесъ дня; старыя сомнѣнія разраслись у насъ въ душѣ, и больше ли теперь въ ней счастья, чѣмъ прежде? Мы знаемъ, что на этотъ вопросъ, если онъ касается большинства, не легко отвѣчать утвердительно; но мы знаемъ зато, что счастье, которымъ мы обязаны жи, не есть истинное счастье, и что человѣкъ въ нѣсколько мимолетныхъ мгновеній болѣе свободнаго, болѣе божественнаго состоянія испытываетъ столько счастья, сколько не испыталъ бы въ долгій вѣкъ, прозябая въ душныхъ, темничныхъ понятіяхъ.

Во всякомъ случаѣ господство этой нравственной опеки было очень печальнымъ гнетомъ. Кто поручится за ея добрыя намѣренія, только-что высказанныя мною? Кто можетъ доказать, что тутъ не примѣшивалось иногда и дурныхъ цѣлей? Риму хотѣлось господствовать вѣчно, и когда пали его легіоны, онъ послалъ по провинціямъ догматы. Громаднымъ паукомъ сидѣлъ Римъ въ средоточіи латинскаго міра, и застилалъ его своей нескончаемой паутиной. Цѣлыя поколѣнія народовъ жили подъ нею спокойною жизнью, принимая за близкое небо то, что было лишь римской тканью.

Только вѣчно стремившійся дальше духъ, проникая взоромъ эту ткань, чувствовалъ себя стѣсненнымъ и заключеннымъ, но лишь только думалъ вырваться изъ-подъ нея, хитрый ткачъ тотчасъ схватывалъ его и высасывалъ дерзкую кровь изъ его сердца.... И не слишкомъ ли дорого покупалось этою кровью воображаемое счастье глупой толпы? Время духовнаго рабства миновало; ослабѣвъ отъ старости, сидитъ среди сломанныхъ аркадъ своего колизея дряхлый паукъ, и все еще шететь старую ткань; но ткань ужъ слаба и гнила, и въ нее попадаютъ лишь бабочки да летучія мыши, но не гордые сѣверные орлы.

.....

Съ извѣстной точки зрѣнія все равно велико и равно мелко, и глядя на мелкую жизнь нашихъ бѣдныхъ островитянъ, я припоминаю великіе европейскіе перевороты. И островитяне эти стоятъ на грани такого же новаго, времени, и ихъ прежній миръ душевный, и ихъ простота нарушаются вслѣдствіе развитія здѣсь морскихъ купаній. Отъ пріѣзжихъ гостей своихъ слышатъ они каждый день что-нибудь новое, чего не умѣютъ согласить съ своимъ традиціоннымъ образомъ жизни. Они стоятъ по вечерамъ передъ освѣщенными окнами вокзала и смотрятъ, какъ ведутъ себя тамъ господа и дамы, видятъ ихъ выразительные взгляды, ихъ жадныя гримасы, ихъ соблазнительные танцы, ихъ веселое бражничанье, ихъ алчную игру и проч., и это не можетъ не имѣть для этихъ людей дурныхъ послѣдствій, которыхъ никогда не искупятъ денежныя выгоды, доставляемыя имъ сѣздомъ на купанья. Этихъ денегъ не достаетъ на вновь возникающія потребности, и жизнь внутренно смущена злымъ соблазномъ и тяжкою скорбью. Когда я былъ ребенкомъ, я чувствовалъ всегда жгучую тоску, когда мимо меня проносили свѣжовспеченные, душистые и непокрытые торты, которыхъ мнѣ не доставалось; позже то же чувство жалитъ меня, когда на гуляньѣ проходятъ мимо меня хорошенькія женщины съ обнаженными по модѣ плечами. Бѣдные островитяне переживаютъ еще дѣтскій возрастъ и, я думаю, имъ часто случается испытывать подобныя чувства, и обладателямъ прекрасныхъ тортовъ и женщинъ не мѣшало бы хоть немножко

ихъ прикрывать. Множество непокрытыхъ сластей, которыми эти люди могутъ услаждать одни лишь глаза, должно очень сильно возбуждать ихъ аппетитъ, и не мудрено, что бѣдныя островитянки во время беременности своей стануть чувствовать разныя сахарныя прихоти, а пожалуй будутъ рожать и дѣтей, похожихъ на заѣзжихъ гостей. Я и не думаю этия намекачь на какія-нибудь безнравственныя отношенія. Добродѣтель островитянокъ пока достаточно защищена ихъ безобразіемъ и особенно ихъ рыбнымъ запахомъ, который по крайней мѣрѣ для меня былъ невыносимъ. Если бъ дѣти ихъ дѣйствительно стали походить лицомъ на пріѣзжихъ, я призналъ бы въ этомъ психологическій феноменъ и объяснилъ бы его себѣ тѣми матеріалистически-мистическими законами, которые Гёте такъ прекрасно развилъ въ своихъ *Wahlverwandschaften*.

Изумительно, какъ много загадочныхъ явленій природы объясняется этими законами! Въ прошломъ году, когда морская буря прибила насъ къ другому восточному фризландскому острову, видѣлъ я тамъ въ одной рыбацкѣй хижинѣ на стѣнѣ плохую гравюру съ подписью: *La tentation du vieillard*. Она представляла старика, котораго прервало въ его ученыхъ занятіяхъ появленіе голой женщины, вынырнувшей изъ облака по самыя бедра.... И странно! у дочери рыбака было точь въ точь такое же похотливое, москьюобразное лицо, какъ у женщины на картинѣ

. Удивительно! и тогда уже Гёте возбуждалъ такой восторгъ, хотя только «наше третье подрастающее поколѣніе» въ состояніи понимать его истинное величіе.

Впрочемъ это поколѣніе произвело и такихъ людей, у которыхъ въ сердцахъ, вмѣсто крови, лишь застывшая гнилая водица и которые оттого желали бы изсушить родинку свѣжей крові и въ сердцахъ другихъ; у этихъ людей притупилась способность наслажденія, и они клеветаютъ на жизнь, и хотѣлось бы имъ отвратить другихъ отъ красотъ этого міра: они представляютъ эти красоты приманкамъ, разставленными лукавымъ лишь ради нашего соблазна, точь въ точь какъ хитрая хозяйка ставитъ въ свое отсутствіе открытую

сахарищу съ пересчитанными кусками сахару, чтобы испытать воздержность служанки. И эти люди собрали вокруг себя добродѣтельную толпу, и проповѣдуютъ ей крестовый походъ противъ великаго язычника и противъ его обнаженныхъ божественныхъ образовъ, которыхъ имъ хотѣлось бы замѣнить своими закутанными глупыми чертями.

Закутывать всѣхъ и все — это ихъ высшая цѣль; божественная нагота для нихъ ненавистна, и у сатира всегда найдется серіозный поводъ надѣть штаны и настаивать, чтобы надѣлъ штаны и Аполлонъ. Эти господа назвали бы его тогда нравственнымъ человѣкомъ, не зная того, что въ клау-реновской улыбкѣ закутаннаго сатира гораздо больше неприличнаго, чѣмъ во всей наготѣ Вольфганга Аполлона, и что въ тѣ времена, когда человѣчество носило широкіе шаровары, на которые требовалось шестьдесятъ аршинъ матеріи, въ тѣ-то именно времена нравы и не отличались особеннымъ приличіемъ сравнительно съ нашими.

Какъ бы впрочемъ не разсердились на меня дамы за то, что я говорю: штаны, а не панталоны? О! что за тонкое чувство у дамъ! Скоро надо будетъ, чтобы для нихъ писали евнухи, и нравственные служители ихъ на западѣ были такъ же безвредны, какъ тѣлохранители ихъ на востокѣ.

Мнѣ пришло на память одно мѣсто изъ дневника Бертольда:

«Какъ поразсудить серіозно, вѣдь всѣ мы голые въ платьѣ, сказалъ докторъ М. одной дамѣ, которая разсердилась на него за нѣсколько грубое выраженіе.»

ГанOVERское дворянство очень недовольно Гёте, и утверждаетъ, что онъ распространяетъ атеизмъ. Случалось мнѣ также нерѣдко слышать въ послѣднее время споры: кто выше, Шиллеръ или Гёте? Недавно я стоялъ за стуломъ одной дамы, на которую довольно было и сзади посмотрѣть, чтобы догадаться о ея шестидесяти четырехъ предкахъ; я стоялъ за ея стуломъ и слышалъ жаркое преніе на эту тему между ею и двумя ганOVERскими нобили, коихъ предки изображены еще на дендерскомъ зодіакѣ. Одинъ изъ нихъ, длинный, худой, пропитанный меркуріемъ юноша, очень похвальной на барометръ, восхвалялъ нравственность и чистоту

Шиллера; другой, тоже долговязый юноша, лепеталъ нѣкоторые стишки изъ «Würde der Frauen» и при этомъ сладостно улыбался, какъ осель, попавшій рыломъ въ кадку съ патокой и потомъ пріятно облизывающійся. Оба юноши безпрестанно усиливали свои мнѣнія восторженнымъ восклицаніемъ: «Онъ все-таки выше, дѣйствительно выше! да! Онъ выше! увѣрю васъ честью, онъ выше!» Дама была такъ милостива, что вовлекла и меня въ этотъ эстетическій разговоръ; она спросила: «Докторъ, что вы думаете о Гёте?» Я скрестилъ на груди руки, благоговѣнно опустилъ голову, и сказалъ: «Ла илла пль Алла, ва Мохаммедъ разуль Алла!»

Дама, сама того не зная, сдѣлала страшно-лукавый вопросъ. Нельзя же прямо спрашивать человѣка: «Что ты думаешь о небѣ и землѣ? Каковы твои взгляды на людей и на жизнь человѣческую? Разумное ты существо или глупый чурбанъ?» А между-тѣмъ всѣ эти щекотливые вопросы заключаются въ простыхъ словахъ: «Что вы думаете о Гёте?» Творенія Гёте у всѣхъ насъ передъ глазами, и мы можемъ быстро сравнивать сужденіе о немъ, выраженное другимъ, съ нашимъ собственнымъ сужденіемъ; такимъ образомъ у насъ является твердый масштабъ, который мы можемъ приложить ко всѣмъ мыслямъ и ко всѣмъ чувствамъ нашего собесѣдника и заставить его безсознательно произнести свой собственный судъ. Гёте, какъ міръ, всѣмъ намъ общій, открытый созерцанію каждаго, становится такимъ-образомъ для насъ лучшимъ средствомъ узнавать людей; въ свою очередь самого Гёте мы можемъ лучше всего узнать изъ его собственныхъ сужденій о предметахъ, лежащихъ у всѣхъ насъ передъ глазами и уже извѣстныхъ намъ изъ взгляда на нихъ замѣчательнѣйшихъ людей. Въ этомъ отношеніи лучше всего указать на путешествіе Гёте по Италіи, которую всѣ мы знаемъ или изъ собственныхъ наблюденій, или черезъ посредство другихъ. Нельзя не замѣтить, что всякой смотрящій на Италію субъективнымъ взглядомъ, одинъ недовольнымъ взглядомъ Архенгольца, подмѣчающимъ одно дурное, другой восторженнымъ глазами Коринны, всюду видящими одно прекрасное; тогда-какъ ясное, греческое око Гёте видитъ все, и темное и свѣтлое, нигдѣ не кладетъ на

предметы колорита своего внутреннего настроенія, и изображаетъ людей и страну вѣрными чертами и истинными красками, точь въ точь какъ ихъ создалъ Богъ.

Эту заслугу Гёте признаютъ лишь послѣдующія поколѣнія; ибо мы, народъ большею-частью больной, слишкомъ связаны своими больными, разстроенными, романтическими чувствами, набранными нами, посредствомъ книгъ, изъ всѣхъ вѣковъ и странъ, и не можемъ непосредственно видѣть, какъ здраво-цѣлостенъ и пластиченъ Гёте въ своихъ произведеніяхъ. Онъ и самъ вовсе этого не замѣчаетъ; въ наивной безсознательности своей мощи онъ удивляется, что ему приписываютъ «объективность мысли», и желая дать намъ свою автобиографіей критическое пособіе для обсужденія своихъ произведеній, все-таки не представляетъ масштаба для критической оцѣнки, а лишь новые факты, по которымъ можно судить о немъ; впрочемъ, это и натурально: не можетъ же птица обогнать самое себя.

Позднѣйшія поколѣнія, кромѣ этой силы пластическаго возрѣнія, чувствованія и мышленія, откроютъ въ Гёте много, чего мы теперь и не подозреваемъ. Творенія духа остаются вѣчно пезыблемы; а критика есть нѣчто измѣняющееся: она рождается изъ возрѣній времени, имѣетъ значеніе лишь для этого времени, и, если не отличается сама художественнымъ достоинствомъ, какъ напримѣръ шлегелева, то со своимъ временемъ и умираетъ. У каждаго вѣка, вмѣстѣ съ новыми идеями, и новый взглядъ, открывающій много новаго въ старыхъ художественныхъ произведеніяхъ. Каконибудь Шубартъ въ наше время видитъ въ Иліадѣ нѣчто иное и нѣчто больше, нежели собраніе александрійскихъ стиховъ; такимъ образомъ явятся со временемъ критики, которыя увидятъ въ Гёте гораздо больше, чѣмъ видитъ Шубартъ.

Я заболтался-таки о Гёте! Впрочемъ подобныя отступленія очень естественны: здѣсь на островѣ непрестанно гулять въ ухахъ шумъ моря и настраиаетъ намъ душу, какъ ея вздувается.

Дуетъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, и у вѣдьмъ охватъ много на умѣ злыхъ умысловъ. Здѣсь, какъ пзвѣстно,

ходятъ чудныя повѣрья о вѣдмахъ, умѣющихъ заклинать бурю; и вообще на всѣхъ сѣверныхъ моряхъ живетъ много предрасудковъ. Моряки утверждаютъ, что нѣкоторые острова состоятъ подъ таинственной властью совершенно особыхъ вѣдьмъ, и пхъ-то злыя козни виной, если плывущему мимо кораблю встрѣчаются разныя неприятели. Въ прошломъ году, будучи нѣсколько времени на морѣ, я слышалъ отъ кормчаго на нашемъ кораблѣ, что вѣдьмы особенно могущественны на островѣ Вайтъ. Онѣ стараются, рассказы-валъ онъ, задерживать до ночной поры каждый корабль, который долженъ бы былъ пройти тамъ днемъ, и потомъ прибываютъ его къ утесамъ или къ самому острову. Тогда эти вѣдьмы начинаютъ такъ громко свистать въ воздухѣ и выть вокругъ корабля, что хлопотунъ держится лишь съ великими усиліями. На вопросъ мой: кто такой этотъ хлопотунъ? рассказчикъ очень серьезно отвѣчалъ: «Это добрый невидимый покровитель кораблей. Онъ старается, чтобы добрымъ и порядочнымъ корабельщикамъ не попасть въ какую бѣду, самъ вездѣ ходить и все осматриваетъ, и заботится также о порядкѣ, какъ и о счастливомъ плаваніи». Бравый кормчій увѣрялъ меня нѣсколько болѣе таинственнымъ голосомъ, что я могу самъ очень хорошо слышать хлопотуна въ трюмѣ, гдѣ онъ любитъ присматривать за грузомъ и поправлять, что неловко поставлено. «Оттого такъ скрипятъ бочки и ящики, когда волнуется море; оттого такъ грохочутъ наши балки и доски». Часто хлопотунъ постукиваетъ будто молоткомъ и съ наружныхъ сторонъ корабля; это знакъ плотнику, что немедленно надо починить гдѣ-нибудь поврежденное мѣсто. Но больше всего любитъ онъ сидѣть на брамселѣ въ знакъ того, что повѣялъ или приближается попутный вѣтеръ. На вопросъ мой: можно ли его видѣть? я получилъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ, видѣть его нельзя, да никто и не желаетъ его видѣть, потому-что онъ лишь тогда показывается, когда нѣтъ больше надежды на спасеніе». Доброму штурману не случилось еще быть самому въ такомъ положеніи, но онъ слышалъ отъ другихъ, что хлопотунъ начинаетъ тогда разговаривать съ брамселя съ подчпшенными ему духами; впрочемъ, если бури ужъ слишкомъ сильна и крушеніе неизбежно, онъ садится

къ рулю, показывается тутъ въ первый разъ и исчезаетъ, сломавъ руль... Тѣ, кому привелось видѣть его въ эту страшную минуту, вслѣдъ затѣмъ находятъ смерть въ волнахъ.

Капитанъ, слушавшій вмѣстѣ со мной этотъ рассказъ, улыбнулся съ такою тонкостью, какой я не ожидалъ отъ его загубѣлаго отъ вѣтра и непогодъ лица. Потомъ онъ увѣрилъ меня, что за сто, за пятьдесятъ лѣтъ моряки такъ сильно вѣрили въ хлонутона, что для него оставляли обыкновенно приборъ за столомъ и откладывали ему на тарелку по лучшему куску отъ каждаго кушанья. Говорятъ, на нѣкоторыхъ корабляхъ это соблюдается и донынѣ....

Часто хожу я здѣсь по берегу и припоминаю эти чудесныя морскія преданія. Лучше всего изъ нихъ исторія о летучемъ голландцѣ, котораго видятъ въ бурю, какъ онъ проpositся съ распущенными парусами. Нерѣдко спускаетъ онъ въ волны лодку для передачи встрѣчнымъ корабельщикамъ разныхъ писемъ, доставить которыя по адресу потомъ очень затруднительно, потому-что они писаны къ давно умершимъ людямъ. Порой приходитъ мнѣ на память и старинная, прелестная сказка о молодомъ рыбацѣ, что подслушалъ на берегу ночной хороводъ морскихъ никсъ (русалокъ) и потомъ ходилъ по всему свѣту со своею скрипкой, и всѣ люди внимали ему какъ околдованные, когда она играла имъ мелодію вальса никсъ. Это преданіе рассказалъ мнѣ одинъ добрый мой пріятель, когда мы слушали въ концертѣ въ Берлинѣ игру такого же дивнаго юноши, Феликса Мендельсона Бартольди.

Особенно пріятно крейсировать вокругъ острова. Надо только, чтобы была хорошая погода и облака принимали необыкновенныя очертанія; тогда надо лечь вверхъ лицомъ на палубу и смотрѣть на небо; хорошо, чтобы и въ сердцѣ была частичка неба. Волны, журча, рассказываютъ много чудныхъ повѣстей, лепечутъ много словъ, съ которыми связаны дорогія воспоминанія, много именъ, отзывающихся сладостнымъ предчувствіемъ у насъ въ сердцѣ... «Эвелпа!» На встрѣчу плывутъ корабли, и пловцы кланяются другъ-другу, словно они могутъ видѣться каждый день. Только ночью есть что-то грозное во встрѣчѣ незнакомыхъ кораблей на

морѣ; но неволѣ кажется тогда, что мимо насъ молча плывутъ наши лучшіе друзья, которыхъ мы много лѣтъ не видали, и что мы на вѣки утрачиваемъ ихъ.

Я люблю море, какъ свою душу.

Часто мнѣ думается даже, что море — сама душа моя; и какъ въ морѣ есть скрытыя водяныя растенія, которыя лишь въ минуту разцвѣтанья всплываютъ на его поверхность и въ минуту отцвѣтанья опять погружаются на дно, такъ порой и изъ глубины души моей всплываютъ чудные цвѣты, и благоухаютъ и блещутъ и снова исчезаютъ... «Эвелина!»

Говорятъ, неподалеку отъ этого острова, гдѣ теперь нѣтъ ничего, кромѣ воды, стояли нѣкогда прекраснѣйшія деревни и города; всѣ ихъ внезапно затопило море, и въ ясную погоду пловцы до сихъ поръ видятъ сверкающіе шпиль потонувшихъ колоколенъ, а нѣкоторые слышали тамъ въ воскресное утро и святой благовѣсть. Этотъ рассказъ справедливъ; вѣдь море — душа моя...

Чудный міръ схороненъ тамъ! На днѣ
Сбереглась развалины святыхъ,
И, какъ искры неба золотыя,
Въ лонѣ грезъ порой мелькаютъ мнѣ! *)

Пробуждаясь, я слышу тогда замирающій звонъ колокола и пѣніе священныхъ голосовъ... «Эвелина!»

Гуляя по берегу, нельзя не любоваться прекраснымъ видомъ мимо-плывущихъ судовъ. Какъ распустятъ они свои ослѣпительно бѣлые паруса, кажется, будто плыветъ стая большихъ лебедей. Особенно прекрасно это зрѣлище, когда солнце закатывается за пронсящимся на парусахъ кораблѣ, и корабль весь осіянь лучами, какъ исполненнымъ ореоломъ.

Говорятъ, большое удовольствіе и поохотиться на берегу. Что касается меня, я не чувствую къ охотѣ особенной любви. Склонность къ благородному, къ красотѣ и добру часто дается человѣку воспитаніемъ; а склонность къ охотѣ у насъ въ крови. Если предки съ незапамятныхъ временъ любили охотиться за дикими козами, и внуку это наслѣд-

*) Стихи В. Мюллера.

ственное занятіе доставляетъ удовольствіе. Но мои предки были не изъ числа охотниковъ, а скорѣе изъ тѣхъ, за которыми охотятся, и у меня душа возмущается стрѣлять въ потомковъ своихъ прежнихъ товарищей. Я по опыту знаю даже, что мнѣ легче, измѣривъ разстояніе, выстрѣлить въ охотника, которому хотѣлось бы возвратить тѣ времена, когда и люди бывали дичью для высокихъ охотъ. Слава Богу, времена эти миновали! Если теперь и приходитъ желаніе такимъ охотникамъ поохотиться на человѣка, то этому человѣку доводится имъ заплатить, какъ напримѣръ и было это со скороходомъ, котораго я видѣлъ два года тому назадъ въ Гёттингенѣ. Бѣдняга добѣгался уже въ душный полуденный зной до изрядной усталости, когда нѣсколько ганноверскихъ дворянчиковъ, изучавшихъ тамъ humanogia, предложили ему два-три галера, чтобы онъ еще разъ пробѣжалъ пройденный имъ путь; и человѣкъ побѣжалъ; онъ былъ блѣденъ какъ смерть и на немъ была красная куртка; а слѣдомъ за нимъ въ столбѣ пыли скакали ушпанные, благородные юноши на горделивыхъ коняхъ, которые задѣвали по временамъ копытами задыхающагося отъ этой травли человѣка, — и это былъ человѣкъ!

Для опыта пошелъ я вчера на охоту: надо же мнѣ приучить свою кровь. Я выстрѣлилъ въ нѣсколькихъ чаекъ, летавшихъ вокругъ меня ужъ черезъ чуръ самоувѣренно, хотя и не знавшихъ заподлинно, что я дурно стрѣляю. Я не желалъ попасть въ нихъ, а хотѣлъ только предостеречь ихъ, чтобы онѣ въ другой разъ опасались людей съ ружьями; но я промахнулся и имѣлъ несчастіе застрѣлить до смерти одну молодую чайку. Хорошо еще, что не старую; что бы случилось тогда съ бѣдными маленькими чаечками, которыя сидятъ еще, неоперившись, въ песчаномъ гнѣздѣ на большой отмели? Онѣ умерли бы съ голоду безъ матери. Я ужъ заранѣе предчувствовалъ, что меня постигнетъ на охотѣ неудача: заяцъ перебѣжалъ мнѣ дорогу.

Какое-то особенно-странное чувство охватываетъ мнѣ душу, когда я брожу въ сумеркахъ одинъ по берегу. За мною — плоскія песчанья отмели; передо мной — волнующееся, неизмѣримое море; падо мною — исполинскій хру-

стальной куполь неба... Я кажусь тогда себѣ такимъ жалкимъ муравьемъ, а между-тѣмъ широко какъ міръ развертывается душа моя. Величавая простота природы, окружающая меня здѣсь, въ одно и то-же время и смиряетъ, и возвышаетъ меня въ сильнѣйшей степени, нежели какая либо другая величественная обстановка. Я не знаю храма, который не былъ бы мнѣ тѣсенъ; душа моя со своею титанической молитвой стремилась выше готическихъ колоннъ и все старалась прорваться сквозь кровлю. На вершинѣ горы Ростраппе колоссальныя скалы произвели на меня на первый взглядъ довольно сильное впечатлѣніе своими смѣлыми массами; но впечатлѣніе это длилось не долго: душа моя была лишь изумлена, а не подавлена, и эти громадныя каменные массы становились мало-по-малу все меньше и меньше въ моихъ глазахъ, и наконецъ представились уже мнѣ ничтожными обломками разрушеннаго гигантскаго дворца, гдѣ душа моя нашла бы можетъ-быть себѣ комфортабельное помѣщеніе.

.....

О! еслибъ можно было, со всевѣдѣніемъ прошедшаго, взглянуть свыше на суету людскую! Когда я брожу ночью у моря и слушаю пѣніе волнъ, и во мнѣ пробуждаются разныя предчувствія и воспоминаія, мнѣ сдается, будто я смотрѣлъ когда-то съ далекихъ высотъ на людей, и у меня закружилась со страху голова и я упалъ на землю; мнѣ кажется тоже, будто глаза мои были такъ телескопически-зорки, что я видѣлъ звѣзды, вращающіяся въ небѣ, въ ихъ настоящую величину, и ослѣпъ отъ этого клубящагося блеска... Словно изъ глубины тысячелѣтій возникаютъ у меня тогда въ умѣ разныя мысли, мысли довременной мудрости; но онѣ такъ туманны, что я не понимаю, чего онѣ хотятъ. Одно я знаю, — что всѣ наши умныя знанія, стремленія и творенія должны духу высшему казаться столь же малымы и ничтожными, какъ казался мнѣ паукъ, котораго я такъ часто наблюдалъ въ геттингенской библіотекѣ. Онъ сидѣлъ и старательно плелъ свою паутину на фоліантахъ всемірной исторіи, и смотрѣлъ съ такимъ философскимъ спокойствіемъ

на свою обстановку, и былъ преполненъ геттингенскаго ученаго высокоумія, и, казалось, очень гордился своими математическими познаніями, своими художественными произведеніями, своимъ одинокимъ размышленіемъ; а все-таки ничего не зналъ о чудесахъ, находившихся въ книгѣ, на которой онъ родился и провелъ всю свою жизнь, и на которой и умереть, если не сгонить его, подкравшись, докторъ Л. *).

Что-то происходило нѣкогда на почвѣ, по которой я теперь брожу? Одинъ археологъ, купавшійся здѣсь, утверждалъ, что тутъ нѣкогда происходило служеніе Гертѣ или, лучше сказать, Форсетѣ, о которомъ такъ таинственно говорятъ Тацитъ. А что, какъ рассказчики, со словъ которыхъ писалъ Тацитъ, ошиблись и приняли купальную карету за священную колесницу богини?

Купальныя кареты, эти дрожки Сѣвернаго моря, подъѣзжаютъ здѣсь лишь къ водѣ. Это большею-частью четырехъугольныя деревянныя клѣтки, обтянутыя жесткимъ холстомъ. Теперь, въ зимнюю пору, онѣ стоятъ въ вокзалѣ и вѣроятно ведутъ тамъ такіе же деревянные и натянуто-холщевые разговоры, какъ и высшее общество, еще недавно господствовавшее тутъ.

Говоря: высшее общество, я не причисляю къ нему добрыхъ гражданъ восточной Фрисландіи, народъ столь же шлокій и трезвый, какъ и почва, на которой онъ живетъ, не умѣющій ни пѣть, ни свистать, но за то обладающій талантомъ получше всякихъ трелей и высвистовъ, талантомъ, благоороживающимъ челоуѣка и возвышающимъ его надъ тѣми пустыми сервильными душами, которыя воображаютъ, что только однѣ онѣ благородны, а именно талантомъ свободы. У кого бьется сердце для свободы, тому такое бленіе сердца замѣняетъ посвященіе въ рыцари, и это знаютъ вольные фризы, и вполне заслуживаютъ свой народный эпитетъ. За исключеніемъ періода вождей, аристократія въ Фрисландіи никогда не преобладала; лишь немногія дворянскія

*) Во французскомъ изданіи *Reisebilder* Гейне, вмѣсто доктора Л., поставилъ стараго бібліотекаря Штупеля. *Переводъ.*

фамиліи жили тамъ, и вліяніе ганOVERскаго дворянства, распространяющееся теперь по странѣ, благодаря тому, что въ его рукахъ и гражданская и военная власть, огорчаетъ не одно вольное Фрисландское сердце, и всюду проявляется сочувствіе къ прежнему прусскому управленію.

Что касается всеобщихъ германскихъ жалобъ на ганOVERскую дворянскую спѣсь, я не могу съ ними безусловно согласиться. ГанOVERское офицерство менѣе всего даетъ поводовъ къ такимъ жалобамъ. Правда, какъ въ Мадагаскарѣ лишь дворяне имѣютъ право быть мясниками, такъ прежде и ганOVERское дворянство пользовалось подобнымъ же правомъ, и лишь дворяне могли достигнуть офицерскаго чина. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ нѣмецкомъ легіонѣ отличилось и возвысилось до офицерскихъ мѣстъ столько мѣщанъ, отмѣнилось и это дурное, обычаемъ утвержденное право. Вообще весь корпусъ нѣмецкаго легіона много способствовалъ къ смягченію многихъ предрасудковъ. Эти люди много разъѣзжали по бѣлому свѣту, а на бѣломъ свѣтѣ есть что посмотреть, особенно въ Англій, и многому они научились, и любо-дорого послушать, какъ примутся они рассказывать о Португаліи, объ Испаніи, о Сициліи, объ Ионическихъ островахъ, объ Ирландіи и о другихъ далекихъ странахъ, гдѣ они сражались и «много людскихъ городовъ увидали и нравовъ узнали!» Это своего рода Одиссея, для которой къ несчастію не сыщется Гомера. Между офицерами этого корпуса осталось также много свободы англійскихъ нравовъ, которые болѣе противорѣчатъ стариннымъ ганOVERскимъ обычаямъ, нежели мы думаемъ въ остальной Германіи, обыкновенно приписывая примѣру Англій большое вліяніе на ГанOVERь. Въ этомъ ГанOVERѣ только и видишь, что родословныя деревья, къ которымъ привязаны лошади, и отъ великаго множества деревьевъ, страна остается во мракѣ и, не смотря на всѣхъ своихъ лошадей, не можетъ двинуться впередъ. Нѣтъ, сквозь этотъ ганOVERскій дворянскій лѣсъ не проникали никогда солнечные лучи британской свободы, и ни одинъ звукъ британской свободы никогда не могъ быть слышимъ посреди топота и ржанья ганOVERскихъ коней.

Всеобщія жалобы на ганOVERскую дворянскую спѣсь от-

носятся преимущественно къ милому юношеству извѣстныхъ семей, управляющихъ или думающихъ непосредственно управлять Ганноверомъ. Но и эти благородные юноши скоро исправились бы отъ недостатковъ своего рода, если бы то-же потерлись немного въ свѣтѣ или получили лучше воспитаніе. Правда, ихъ посылають въ Геттингенъ, но они и тамъ смыкаются въ одинъ кружокъ, и только и говорятъ, что о своихъ собакахъ, лошадяхъ и предкахъ, и мало занимаются новѣйшей исторіей, да если и слушаютъ порой кое-что изъ нея, все же чувства ихъ отуманены видомъ «графскаго стола,» назначеннаго въ достолюбезномъ Геттингенѣ лишь для высокоблагородныхъ студентовъ. Дѣйствительно лучшее воспитаніе молодого ганноверскаго дворянства отвратило бы отъ него много обвиненій. Но молодые идутъ по стопамъ стариковъ. У нихъ то-же заблужденіе, будто они цвѣтъ міра, а мы, другіе, лишь трава; та-же глупость — желать прикрыть заслугами предковъ свое собственное ничтожество; то-же незнаніе проблематичности этихъ заслугъ, ибо никому и въ голову не приходитъ, что великіе міра сего рѣдко награждали своею облагораживающею милостію вѣрнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ слугъ своихъ, и что этой милости очень часто удостоивались сводники, льстецы и тому подобныя мерзавцы-любимцы. Весьма немногіе изъ этихъ гордыхъ своими предками юношей могутъ достовѣрно сказать, что совершили ихъ предки, и показываютъ только, что имя ихъ упоминается въ нюкснеровой «Книгѣ о Турширахъ.» Даже если они могутъ сказать намъ, что эти предки присутствовали въ качествѣ крестовыхъ рыцарей при взятіи Іерусалима, то имъ слѣдовало бы, прежде чѣмъ кичиться этимъ, доказать сначала, что эти рыцари честно участвовали въ битвѣ, что желѣзныя штаны ихъ не были подложены желтой трусостью, и что подъ ихъ краснымъ крестомъ билось сердце честнаго человѣка. Еслибъ, вмѣсто Иліады, намъ остался только именной списокъ героевъ, стоявшихъ передъ Троей, и ихъ имена существовали бы до-сихъ-поръ — какъ надувалась бы генеалогическая спѣсь потомковъ Терсита! Ужъ о чистотѣ крови я и не говорю: у философовъ и коношнихъ на этотъ счетъ странныя идеи!

Порицаніе мое, какъ уже я далъ замѣтить, относится преимущественно къ дурному воспитанію ганноверскаго дворянства и къ глухо вкоренившемуся въ него дикому убѣжденію въ важности нѣкоторыхъ искусственно-привитыхъ формъ. О! какъ часто приходилось мнѣ смѣяться, видя, какую цѣну даютъ этимъ формамъ! Подумаешь, и не вѣсть какъ трудно научиться этимъ поклонамъ, этому шарканью, этой ничега не выражающей улыбкѣ, этимъ фразамъ безъ мысли, и всѣмъ этимъ дворянскимъ искусствамъ, которымъ дивится розиня ротъ, какъ морскимъ чудесамъ, добрый мѣщанинъ, тогда какъ ими каждый французскій танцмейстеръ владѣетъ лучше любаго нѣмецкаго дворянина, которому съ великимъ трудомъ вдалбливаются они въ приглаживающей медвѣдей Лютеціи, и который передаетъ ихъ дома, съ нѣмецкой основательностью и неповоротливостью, своимъ потомкамъ. Невольно припомнишь тутъ басню о медвѣдѣ, что плясалъ на ярмаркахъ, убѣжалъ отъ своего учителя и новодильщика, возвратился въ дѣсь къ собратьямъ своимъ медвѣдямъ и принялся хвастаться передъ ними: какое это трудное искусство — танцовать, и какъ много онъ въ немъ успѣлъ! И дѣйствительно, бѣдные скоты не могли отказать ему въ своемъ удивленіи, глядя на опыты его искусства. Эта нація, какъ называетъ ихъ Вертеръ, составляла высшее общество, блиставшее здѣсь въ нынѣшнемъ году на водѣ и на сушѣ, и это были все славные люди, и всѣ славно играли.

На всѣхъ водахъ, по старому укоренившемуся праву, остающіеся гости обсуживаютъ съ нѣкоторой строгостью уѣхавшихъ. Я остался здѣсь послѣдній, и потому, надѣюсь, смѣлъ вполне воспользоваться этимъ правомъ.

Теперь же на островѣ такъ пусто, что я порой представляю себя Наполеономъ на островѣ св. Елены. Разница лишь въ томъ, что у меня есть здѣсь развлеченіе, котораго у него тамъ не было. Именно самимъ-то великимъ императоромъ я и занимаюсь. Одинъ молодой англичанинъ далъ мнѣ прочесть только что вышедшую книгу Метлаца. Этотъ морякъ рассказываетъ въ подробности, какъ сдался ему На-

полеонъ и какъ велъ себя на «Беллерофонъ,» пока не былъ переведенъ, по распоряженію англійскаго министерства, на «Нортумберландъ.» Изъ этой книги ясно, какъ день, что императоръ, съ романтическимъ довѣріемъ къ британскому великодушію и думая доставить наконецъ міру миръ, ѣхалъ къ англичанамъ скорѣе какъ гость, нежели какъ плѣнникъ. Это былъ промахъ, котораго не сдѣлалъ бы ужъ конечно никто другой, и всего менѣе какой-нибудь Веллингтонъ. Но исторія скажетъ, что этотъ промахъ былъ такъ прекрасенъ, такъ высокъ, такъ доблестенъ, что на него нужно было Наполеону больше великодушія, нежели мы можемъ выказать для всѣхъ нашихъ великихъ дѣлъ.

Причина, побудившая капитана Метланда издать теперь свою книгу, есть повидимому не иное что, какъ нравственная потребность оправдать себя, чувствуемая каждымъ честнымъ человѣкомъ, запутаннымъ непріятнымъ сѣтленіемъ обстоятельствъ въ дурное дѣло. Но и самая книга—безцѣнное приобрѣтеніе для исторіи плѣна Наполеона, который образуетъ послѣдній актъ его жизни, чудно разрѣшаетъ всѣ загадки предшествовавшихъ актовъ и, какъ подобаешь истинной трагедіи, потрясаетъ душу, очищаетъ и примиряетъ. Различіе характеровъ четырехъ главныхъ писателей, сообщившихъ намъ исторію этого плѣна, въ особенности какъ характеры эти проявляются въ слогъ и въ образъ воззрѣнія, можно ясно видѣть лишь изъ сравненія.

Метландъ, остывшій въ буряхъ англійскій морякъ, отмѣчаетъ событія безпристрастно и опредѣленно, словно это явленія природы, заносимыя имъ въ его корабельный журналъ. Ласъ-Казъ, энтузіастическій камергеръ, въ каждой написанной имъ строкѣ, лежитъ у ногъ императора, не какъ рабъ какой-нибудь варварской земли, а какъ свободный французъ, у котораго невольно склоняются колѣни отъ удивленія неслыханному геройскому величію и ослѣпительной славы. Врачъ О'Меара, хоть и родился въ Ирландіи, а все-таки истый англичанинъ: какъ англичанинъ, онъ былъ прежде врагомъ императора, но тутъ признаетъ царственные права несчастія; рассказъ его откровененъ, лишенъ всякихъ прикрасъ, обстоятеленъ; онъ пишетъ почти каменнымъ стилемъ.

Напротивъ, не стилемъ, а какъ будто стилетомъ начертаны колкія и ѣдкія записки французскаго доктора Антомарки, итальянца, сознательно упоеннаго скорбью и поэзіей своей родины.

Объ націи, британцы и французы, представили каждая по два человѣка обыкновеннаго ума, неподкупленныхъ господствующею властью, и эти присяжные судили императора и приговорили его — къ вѣчной жизни, къ вѣчному удивленію людей, къ вѣчному ихъ сожалѣнію.

Уже не мало великихъ людей проходило по нашей землѣ; тамъ и сямъ видимъ мы свѣтящіеся слѣды ихъ ногъ, и въ священныя минуты являются они туманными призраками нашей душѣ. Но то-же великій человѣкъ видитъ своихъ предшественниковъ гораздо яснѣе; изъ отдѣльныхъ искръ ихъ земнаго свѣтлаго слѣда, узнаетъ опъ сокровеннѣйшія ихъ дѣянія; одного оставшагося отъ нихъ слова ему довольно, чтобы разгадать всѣ изгибы ихъ сердца... И живутъ такимъ образомъ, въ таинственномъ общеніи, великіе люди всѣхъ временъ, шлютъ чрезъ тысячелѣтія поклоны одинъ другому, и многозначительно смотрятъ другъ на друга, и взоры ихъ встрѣчаются на могилахъ отшедшихъ поколѣній, тѣснившихся между ними, и понимаютъ они другъ друга и любятъ. Что касается насъ, людей маленькихъ, мы не можемъ стать въ такія близкія сношенія съ великими людьми прошедшаго, мы изрѣдка лишь видимъ ихъ слѣдъ и ихъ туманный образъ, и для насъ въ высшей степени драгоцѣнно — узнать о комъ-нибудь изъ этихъ великихъ столько, чтобы душѣ нашей было легко воспринять его во всей жизненной его цѣлости и чрезъ то расширится. Къ числу такихъ великихъ мужей принадлежитъ Наполеонъ Бонапарте. О немъ, о его жизни и стремленіяхъ знаемъ мы больше, чѣмъ о другихъ исполинахъ нашей земли, и съ каждымъ днемъ узнаемъ мы о немъ все больше и больше. Мы видимъ, какъ мало-по-малу возникаетъ изъ могилы засыпанный землею божескій ликъ, и съ каждою лопатой земли, снимаемой съ него, возрастаетъ наше радостное изумленіе предъ соразмѣрностью и красотой благородныхъ формъ, выступающихъ передъ нами, и мысленные перуны враговъ, хотящихъ сокрушить великій образъ, только

еще ярче озаряютъ его. Такое впечатлѣніе производятъ, на-
примѣръ, слова г-жи Сталь, которая, при всей ѣдкости своей,
говоритъ однакожь не что иное, какъ то, что императоръ
былъ не похожъ на всѣхъ остальныхъ людей, и что къ ге-
нію его нельзя приложить ни одного извѣстнаго намъ масштаба.

На подобный-то геній указываетъ Кантъ, говоря, что
мы можемъ вообразить такой разумъ, который, будучи не
дискурсивнымъ какъ нашъ, а интуитивнымъ, отправляется отъ
синтетически-общаго, то есть отъ созерцанія цѣлаго какъ
цѣлаго, къ единичному, иначе — отъ цѣлаго къ частямъ. Дѣй-
ствительно, то, что мы узнаемъ лишь посредствомъ медлен-
наго аналитическаго разсужденія и длиннаго ряда выводовъ,
этотъ геній сразу видѣлъ и глубоко уразумѣвалъ. Оттого
такъ понималъ онъ свой вѣкъ, такъ умѣлъ угождать его духу,
и никогда не раздражалъ его, и всегда имъ пользовался.

Но такъ какъ духъ этого времени не исключительно ре-
волюціонный, а образовался чрезъ сляніе двухъ началъ, ре-
волюціи и контр-революціи, то Наполеонъ никогда не дѣй-
ствовалъ ни вполне революціонно, ни вполне контр-револю-
ціонно, а постоянно въ смыслѣ обоихъ направленій, обоихъ
принциповъ, обѣихъ тенденцій, которыя соединились въ немъ.
Оттого дѣйствія его были всегда естественны, просты, ве-
лики, безъ судорожной рѣзкости, и полны тихаго спокой-
ствія. Оттого никогда не вдавался онъ въ мелкія интриги, и
удары его направляло его умѣнье понимать и вести массы.
Къ запутанной, медленной интригѣ способны мелкіе, анали-
тическіе умы; напротивъ, синтетическіе, интуитивные умы
умѣютъ такъ чудно-геніально соединять предлагаемыя имъ
временемъ средства, что могутъ быстро пользоваться ими для
своихъ цѣлей. Первые очень часто падаютъ, оттого что ни-
какая человѣческая мудрость не можетъ предвидѣть всѣхъ
случайностей жизни, и жизненные отношенія никогда не оста-
ются долго прочными; напротивъ, послѣднимъ, людямъ ин-
туитивнымъ, легко удаются ихъ предназначенія, потому что
имъ пужно лишь правильно рассчитать то, что есть, и они
дѣйствуютъ съ такою быстротой, что волны житейскія не
успѣваютъ произвести внезапныхъ, непредвидѣнныхъ пере-
мѣнъ въ существующихъ отношеніяхъ.

Счастливному случаю было угодно, чтобы Наполеонъ жилъ именно въ такое время, которое особенно одарено историческимъ смысломъ, какъ для изслѣдованія, такъ и для художественнаго воспроизведенія событій. Вслѣдствіе этого, послѣ записокъ современниковъ, намъ останется мало неизвѣстнаго о Наполеонѣ, и съ каждымъ днемъ увеличивается число историческихъ сочиненій, старающихся изобразить намъ его болѣе или менѣе въ связи съ остальнымъ міромъ. Нельзя не ждать съ живѣйшимъ любопытствомъ одной изъ такихъ книгъ, обѣщанной намъ перомъ Вальтеръ Скотта.

Всѣ поклонники Вальтеръ Скотта должны за него бояться; ибо подобная книга легко можетъ стать русскимъ походомъ для этой славы, которую старательно приобрѣлъ онъ рядомъ историческихъ романовъ, расшевелившихъ всѣ сердца въ Европѣ болѣе своею темой, нежели поэтической силой. Эта тема впрочемъ не только элегической плачь по народномъ величій Шотландіи, мало-по-малу вытѣсненномъ чужими правами, чужимъ владычествомъ и чужими идеями; но глубокая скорбь объ утратѣ національныхъ особенностей, которыя поглащаются всеобщностью новой цивилизаціи, скорбь, сжимающая въ наше время сердца всѣхъ народовъ. Национальныя воспоминавія лежатъ въ груди человѣка глубже, нежели обыкновенно думаютъ. Стоитъ только выкопать изъ земли древнія статуи, и за одну ночь расцвѣтеть и древняя любовь со всѣми своими цвѣтами. Слова мои—не риторическая фигура; это фактъ. Когда Буллокъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выкопалъ въ Мексикѣ одну древнюю языческую статую, ее въ ту-же ночь увѣнчали цвѣтами; а еще Испанія разрушала огнемъ и мечемъ старую вѣру мексиканцевъ, и въ теченіи трехъ столѣтій крѣпко вспахивала и взборанивала имъ умы, и засѣвала ихъ новыми идеями. Но такіе цвѣты цвѣтутъ и въ произведеніяхъ Вальтеръ Скотта; эти произведенія будятъ въ насъ сами старыя чувства, и какъ нѣкогда въ Гренадѣ мужчины и женщины съ воплемъ отчаянія выбѣгали изъ домовъ, когда раздавалась на улицахъ пѣсня о вѣздѣ мавританскаго короля, которую поэтому должны были запретить пѣть подъ смертною казнью: такъ точно тонъ, господствующій въ романахъ Вальтеръ Скотта, скорбно

потрепъ весь міръ. Этотъ тонъ отзывается въ сердцахъ нашего дворянства, видящаго упадокъ своихъ замковъ и гербовъ; онъ отзывается въ сердцѣ мѣщанина, уютно-тѣсная, старобытная жизнь котораго вытѣсняется просторною, неопытною современностью; онъ отзывается въ католическихъ соборахъ, откуда отлетѣло благоговѣніе, и въ раввинскихъ синагогахъ, откуда разбѣгаются правовѣрные; онъ отзывается по всей землѣ — до банановыхъ лѣсовъ Индустана, гдѣ вздыхающій браминъ провидитъ смерть своихъ боговъ, гибель ихъ довременнаго міроваго порядка, и полную побѣду англичанъ.

Но этотъ тонъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ, какіе умѣетъ шотландскій бардъ извлекать изъ своей гигантской арфы, пойдетъ къ императорской пѣсни о Наполеонѣ, новомъ мужѣ, мужѣ новаго времени, мужѣ, въ которомъ это новое время отражается такъ ярко, что мы чуть не слѣпнемъ отъ его блеска, и намъ вовсе не приходитъ въ голову забытое прошедшее съ его поблекшею прелестью. Можно предполагать, что Скоттъ, вѣрный своему пристрастію, уловить преимущественно вышеупомянутый консервативный элементъ въ характерѣ Наполеона, контр-революціонную сторону его генія, какъ другіе писатели видятъ въ немъ лишь революціонное начало. Съ этой послѣдней стороны изобразилъ бы его Байронъ, который всѣми качествами своего генія представляетъ полный контрастъ Скотту, и не только не сѣтовалъ, подобно ему, объ утратѣ старыхъ формъ, но чувствовалъ себя стѣсненнымъ даже и тѣми, которыя остались еще неприкосновенными, и старался убить ихъ революціоннымъ смѣхомъ и зубоскальствомъ. Въ этомъ негодovanіи онъ обливалъ своимъ мелодическимъ ядомъ самыя завѣтные цвѣты жизни, и какъ помѣшанный арлекинъ ударялъ себя ножомъ въ сердце, чтобы обрызгать, забавы ради, зрителей и зрительницъ, хлынувшею изъ сердца черною кровью.

Въ эту минуту я очень живо чувствую, что я вовсе не послѣдователь Байрона или лучше сказать не наслѣдникъ его беззаконій; кровь моя не такъ черна отъ сплина; виной горечи моей — орѣшки моихъ чернилъ, и если во мнѣ есть ядъ, то этотъ ядъ не что иное, какъ противоядіе — про-

тивоядіе тѣмъ змѣямъ, что гнѣзятся въ развалинахъ старыхъ церквей и замковъ. Изъ всѣмъ великихъ писателей именно Байронъ производитъ на меня самое неприятое впечатлѣніе: напротивъ, каждое произведеніе Скотта радуетъ, успокоиваетъ и ободряетъ мнѣ сердце. Мнѣ нравятся даже подражанія ему, какъ напримѣръ у Виллибальда Алексанъ, Брониковскаго и Купера. Первый изъ названныхъ писателей, въ своемъ пролическомъ Валладмурѣ, болѣе всѣхъ приближается къ свдему образцу, да и въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній своихъ обличилъ такое богатство образовъ и мыслей, что вѣроятно былъ бы въ состояніи, съ поэтической искомностью, способной проявиться лишь въ скоттовской формѣ, воскресить передъ нашей душой лучшіе моменты германской исторіи въ рядѣ историческихъ повѣстей.

Но можно ли указывать опредѣленный путь истинному гению? Пути эти лежатъ внѣ всякихъ критическихъ соображеній, и всякой назоветъ пустымъ разглагольствіемъ высказываемое мною предубѣжденіе относительно Вальтеръ Скоттовой исторіи Наполеона. Я говорю: «предубѣжденіе», въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Одно можно сказать навѣрное: книгу будутъ читать отъ востока солнца до запада, а мы, нѣмцы, станемъ переводить ее.

Мы перевели и Сегюра. Не правда ли, это прекрасная эпическая поэма? Мы, нѣмцы, тоже пишемъ героическія поэмы, но герои ихъ существуютъ лишь у насъ въ головѣ. Напротивъ, герои французскаго эпоса — дѣйствительные герои, и совершенные ими подвиги и испытанныя ими скорби такъ велики, что мы и вообразить ихъ не можемъ на своихъ чердачкахъ. А между тѣмъ у насъ еще много фантазін, а у французовъ мало. Можетъ быть за это судьба вознаградила французовъ инымъ. Имъ стоитъ только вѣрно рассказать, что они видѣли и совершили въ послѣднія тридцать лѣтъ, и у нихъ будетъ литература, какой не бывало еще ни у одного народа и ни въ одномъ вѣкѣ. Эти мемуары государственныхъ людей, солдатъ и благородныхъ дамъ, ежедневно появляющіеся во Франціи, образуютъ цѣль сказаній, въ которомъ потомство найдетъ не мало предметовъ для

мыслей и для пѣсенъ, и въ средоточіи котораго исполненнымъ деревомъ возвышается жизнь великаго императора. Сегюрова исторія русскаго похода есть пѣсня, французская народная пѣсня, принадлежащая къ этому циклу сказаній; и тою же и содержаніемъ своимъ она стоитъ на равнѣ съ эпическими поэмами всѣхъ временъ. Героическая поэма, возникшая на почвѣ Франціи, прошла, какъ триумфальная процессія, упоенная славой и ведомая самимъ богомъ славы, по земному шару, испуганному и пораженному. Наконецъ начинается бурная военная пляска на леденыхъ поляхъ сѣвера; ледъ подламывается и сыны огня и свободы гибнутъ

Подобныя описанія и предреченія гибели цѣлаго героическаго міра составляютъ главный характеръ и содержаніе эпическихъ поэмъ всѣхъ народовъ. На утесахъ Элоры и другихъ индійскихъ священныхъ гротовъ врѣзаны исполненными іероглифами такія же эпическія катастрофы, и ключа къ нимъ слѣдуетъ искать въ Махабартѣ. Такими же каменными словами увѣковѣчилъ сѣверъ, въ своей Эддѣ, эту гибель боговъ. Пѣснь о Нибелунгахъ воспѣваетъ ту же трагическую гибель, и притомъ заключіе ея представляетъ особенное сходство съ сегюровымъ описаніемъ московскаго пожара. Пѣснь Роланда о битвѣ при Ронсевалѣ, слова которой прозвучали, но сказаніе еще живетъ и еще недавно волшебено возсоздано однимъ изъ величайшихъ поэтовъ Германіи, Иммерманомъ, эта пѣснь — все тотъ же старый эпосъ бѣдствій. Даже самая пѣснь объ Иліонѣ, прекраснѣе всѣхъ другихъ поэмъ развивающая древнюю тему, не величавѣе и не грустнѣе французской народной пѣсни, въ которой Сегюръ воспѣлъ гибель родныхъ героев. Да! это настоящій эпосъ! героическое юношество Франціи — прекрасный герой, который гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ Бальдуръ, Зигфридъ, Роландъ и Ахиллъ, павшіе тоже несчастіемъ и измѣной. И тѣхъ героевъ, которымъ мы дивились въ Иліадѣ, встрѣчаемъ мы опять въ сегюровой пѣсни; мы видимъ ихъ совѣты, споры и битвы, какъ нѣкогда у скейскихъ воротъ, и какъ и современно-пестра куртка неаполитанскаго короля, а воинское мужество и отвага его стоятъ удалства Целіда. Гек-

торомъ по кротости и храбрости представляется принцъ Евгеній, благородный рыцарь; Ней бьется какъ Аяксъ; Бертье — Несторъ безъ несторовой мудрости; Даву, Дарю, Коленкуръ и т. д.... въ нихъ живутъ души Менелая, Одиссея, Диомеда .. лишь императору нѣтъ равныхъ; домъ его — это Олимпъ поэмы, и если внѣшній видъ великаго героя напоминаетъ миѣ Агамемнона, то лишь потому, что его, какъ и большую часть его чудныхъ воинвъ-сподвижниковъ, ждала трагическая участь, и что еще живъ его Орестъ.

Тонъ сегюрова эпоса, какъ и тонъ романовъ Вальтеръ Скотта, покоряетъ намъ сердце. Но тонъ этотъ возбуждаетъ въ насъ не любовь къ давно-минувшимъ временамъ; нѣтъ, онъ отголосекъ настоящаго и одушевляетъ насъ любовью къ этому настоящему.

Мы, нѣмцы, право настоящіе Петры Шлемили! мы тоже въ послѣднее время много видѣли, много вынесли, напримѣръ, военный постой и дворянскую спѣсь; и мы жертвовали чистѣйшею своею кровью, напримѣръ, Англии, которой до сихъ поръ приходится ежегодно платить порядочную сумму за отстрѣляныя нѣмецкія руки и ноги ихъ прежнимъ владѣльцамъ; и мы по мелочамъ сдѣлали столько великаго, что если бы все зачестъ въ одно, вышли бы величайшія дѣянія, напримѣръ, въ Тиролѣ; и мы много потеряли, напримѣръ, нашу тѣнь, титло милой, святой, римской имперіи; а между тѣмъ, при всѣхъ нашихъ потеряхъ, жертвахъ, лишеніяхъ, невзгодахъ и великихъ дѣлахъ, въ литературѣ у насъ нѣтъ ни одинаго такого памятника славы, какіе чуть не каждый день, подобно вѣчнымъ трофеямъ, являются у нашихъ сосѣдей. Нашимъ лейпцигскимъ ярмаркамъ было мало проку отъ сраженія подъ Лейпцигомъ. Я слышалъ, впрочемъ, что одинъ житель Готы еще хочетъ воспѣть его въ эпической формѣ; но такъ какъ онъ еще не знаетъ, принадлежитъ ли онъ къ числу 100,000 душъ, достающихся Гильдбургаузену, или къ числу 150,000, достающихся Мейнингену, или къ числу 160,000, достающихся Альтенбургу, то и не можетъ еще начать своего эпоса. Не начать же такъ: «Воспой, бессмертная душа, гильдбургаузенская душа, мейнингская душа или альтенбургская — все равно, воспой грѣшной Германіи

искупленіе!» Это барышничанье душами въ сердцѣ отечества и кровавая раздробленность родной земли не позволяютъ возшкннуть гордому духу, а тѣмъ менѣе гордому слову. Лучшія дѣла наши становятся смѣшны отъ глупыхъ послѣдствій, и пока мы въ негодованіи завертываемся въ пурпурную мантию германскаго героизма, является какой нибудь полптическій шутникъ, и насаживаетъ намъ на голову дурацкій колпакъ со звонками

ПРИЛОЖЕНІЕ.

«Предшествующія страницы», говорятъ Гейне во французскомъ изданіи своихъ сочиненій: «написаны въ 1826 году, а въ слѣдующемъ напечатаны во второмъ томѣ нѣмецкаго изданія Reisebilder. Въ 1828 году вышла Вальтеръ Скотта исторія Наполеона Бонапарте и я, къ великому прискорбію, увидалъ, что пророчество мое относительно этой книги сбылось; она потерпѣла полное fiasco, и послѣ этого печальнаго событія померкла литературная звѣзда великаго неизвѣстнаго. Непосильные труды, которыми онъ обременилъ себя чтобы раздѣлаться со своими кредиторами, подорвали здоровье Вальтеръ Скотта; тѣмъ не менѣе онъ попытался написать нѣсколько скучныхъ, почти невыносимыхъ романовъ и вскорѣ потомъ умеръ. Въ то время, какъ явилась его книга о Наполеонѣ, эта пасквиль въ двѣнадцати томахъ, я былъ въ Мюнхенѣ, гдѣ издавалъ ежемѣсячный журналъ подъ главіемъ *Политическія лѣтописи*; для этого-то журнала написана мною слѣдующая статья или, лучше сказать, очеркъ, который впоследствии, въ 1830 году, явился въ Reisebilder, въ числѣ *Отрывковъ объ Англій.*»

Во французскомъ изданіи Гейне далъ этому очерку болѣе приличное мѣсто, вслѣдъ за статьею о Нордернеѣ, и мы послѣдовали примѣру автора. Вотъ судъ Гейне надъ «the Life of Napoleon Buonaparte, by Walter Scott»:

Бѣдный Вальтеръ Скоттъ! Будь ты богатъ, ты не написалъ бы этой книги, и не былъ бы бѣднымъ Вальтеръ Скоттомъ! Но собрались кураторы комстэблева банкротства, принялись считать и расчитывать, и послѣ долгихъ вычитаній и дѣленій покачали головами.... Бѣдному Вальтеръ Скотту не осталось ничего, кромѣ лавровъ и долговъ. Тутъ случилось нѣчто необыкновенное: пѣвецъ великихъ дѣлъ вздумалъ и самъ попробовать себя въ героизмѣ; онъ рѣшился на sessio bonorum; лавръ великаго неизвѣстнаго оцѣнили для покрытiя великихъ извѣстныхъ долговъ, — и такимъ образомъ произошла, въ голодной поспѣшности, при обанкротившемся вдохновенiи, «Жизнь Наполеона», книга, обѣщавшая хорошия деньги отъ любопытной публики вообще и отъ англійскаго министерства въ особенности.

Хвалите его, добрые граждане! хвалите его, филистеры всего шара земнаго! хвали его, любезная добродѣтель лавочниковъ, жертвующая всѣмъ, лишь бы уплатить вексели въ срокъ.... Не требуйте только, что бы я хвалилъ его!

Удивительное дѣло! Покойный императоръ и въ могилѣ грозенъ англичанамъ: онъ отнял лавръ у величайшаго изъ новыхъ британскихъ поэтовъ.

Это былъ дѣйствительно величайшiй британскiй поэтъ, что противъ этого ни говори! Правда, критики его романовъ пощипывали-таки его величiе, и упрекали его, что онъ ужъ черезъ-чуръ растягиваетъ, черезъ-чуръ плодитъ подробности, что великiе образы свои составляетъ онъ лишь изъ свода множества мелкихъ чертъ, что ему нужно безчисленное множество околпчностей для произведенiя сильныхъ эффектовъ... Но, говоря правду, онъ въ этомъ случаѣ, былъ похожъ на миллионера, у котораго все состоянiе его хранится въ мелкой размѣнной монетѣ, и которому приходится всякой разъ нагружать три-четыре воза грошами и пфеннигами, когда надо заплатить большую сумму. Тѣмъ, кому не нравится этотъ родъ уплаты, и кто жалуется на трудъ перетаскиванья и пересчитыванья, миллионеръ можетъ вполне справедливо возразить, что, какъ бы то ни было, а онъ выплачиваетъ сполна требуемую сумму, стало быть въ сущности все-таки человекъ состоятельный, и не бѣднѣе тѣхъ, у

кого все богатство въ чистыхъ золотыхъ слиткахъ; да притомъ тутъ и та выгода, что облегчается обращеніе. На зеленомъ рынкѣ ничего не сдѣлаешь съ большими золотыми слитками, которые тамъ не ходятъ; за то каждая торговка подставитъ пригоршни, если вы приметесь отсчитывать гроши да пфениги. Этому популярному богатству британскаго поэта пришелъ теперь конецъ, и онъ, чья монета такъ хорошо ходила, что ее съ равнымъ удовольствіемъ, принимали и герцогини, и простыя бабы, онъ сталъ теперь бѣднымъ Вальтеръ Скоттомъ! Судьба его напоминаетъ сказку о горныхъ эльфахъ, съ капризной щедростью дарившихъ бѣднымъ людямъ деньги, которые отлично ходили, пока употреблялись на дѣло, но превращались въ рукахъ въ пыль и прахъ, какъ скоро ихъ хотѣли пустить на какую-нибудь недостойную затѣю. Одинъ за другимъ развязываемъ мы мѣшки, привезенные новымъ обозомъ Вальтеръ Скотта, и что же? вмѣсто блестящихъ улыбающихся грошиковъ находимъ лишь пыль и прахъ, пыль и прахъ! Его наказали горныя эльфы Парнаса, музы, которыя, какъ всѣ благородно-мыслящія женщины, страстныя наполеонистки, и потому были вдвойнѣ возмущены дурнымъ употребленіемъ выданнаго ими умственнаго капитала.

Достоинство и направленіе Вальтеръ Скоттовой книги были оцѣнены во всѣхъ европейскихъ журналахъ. Не только раздраженные французы, но и изумленные земляки автора произнесли надъ нею смертный приговоръ; къ этому всеобщему, всемірному неудовольствію должны были пристать и нѣмцы. Съ трудно-сдержаннымъ пламеннымъ негодованіемъ выразилась штутгартская «Литературная газета»; съ холоднымъ спокойствіемъ высказали свое мнѣніе берлинскія «Лѣтописи ученой критики», и рецензентъ, которому тѣмъ легче было оставаться холодно-спокойнымъ, что герой книги вовсе ему не дорогъ, характеризуетъ ее слѣдующими меткими словами:

«Въ этомъ повѣствованіи нѣтъ ни содержанія, ни красокъ, ни стройности, ни жизни. Могучій предметъ теряется въ запутанности, и притомъ запутанности не глубокой, а поверхностной, и тянется вяло, невѣрно и шатко, безъ характер-

стическихъ подробностей. Ни одно событіе не является въ опредѣленныхъ чертахъ; нигдѣ не видно выдающихся точекъ; ни одинъ фактъ не уясненъ, ни одинъ не выступаетъ въ своей необходимости; связь лишь внѣшняя; нигдѣ нѣтъ пониманія сущности и значенія событій. При такомъ изложеніи свѣтъ исторіи угасаетъ, и она становится не чудесной даже, а пустой сказкой. Разсужденія и взгляды, не разъ попадающіеся въ книгѣ, такого же свойства. Читающая наша публика давно переросла такіе жалостные философскіе начатки. Узкая мораль, цѣпляющаяся за отдѣльные факты, никого не удовлетворитъ....»

Эти и еще бѣльшіе недостатки, указанныя пронизательнымъ берлинскимъ рецензентомъ, Фарнгагеномъ фонъ Энзе, я бы еще простилъ Вальтеръ Скотту. Всѣ мы люди, и лучший изъ насъ можетъ иной разъ написать плохую книгу. Скажутъ, что книга ниже всякой критки, и дѣло съ концемъ. Удивительно то, что въ этомъ повомъ произведеніи Вальтеръ Скотта мы не находимъ даже прекраснаго его стиля. Напрасно пересыпаетъ онъ мѣстами безцвѣтную, будничную рѣчь красными, голубыми и зелеными словами, напрасно прикрываетъ прозаическую наготу блестящими клочками изъ поэтовъ, напрасно обираетъ онъ поевъ ковчегъ ради бестіальныхъ сравненій, напрасно даже приводитъ тексты, чтобы замаскировать глупыя мысли. Еще удивительнѣе то, что Вальтеръ Скотту не удалось даже выказать своего врожденнаго таланта рисовать образы, не удалось представить и внѣшности Наполеона. Вальтеръ Скоттъ не почерпнулъ ничего изъ прекрасныхъ картинъ, изображающихъ императора въ средѣ его генераловъ и сановниковъ, тогда какъ всякой, безъ предубѣжденія подходящій къ этимъ картинамъ, глубоко поражается трагическимъ спокойствіемъ и античной стройностью чертъ этого лица, которое представляетъ такой разительный контрастъ современно-подвижнымъ, живописнымъ лицамъ, и обличаетъ какъ-будто олимпійское происхождение. Ужъ если шотландскій поэтъ не умѣлъ изобразить фигуры императора, нечего отъ него и требовать пониманія его характера. Я готовъ простить ему хуленіе бога, котораго онъ не знаетъ. Надо простить ему и то, что онъ считаетъ богомъ своего

Веллингтона и, при апоэозѣ его, приходитъ въ такое благоговѣніе, что не знаетъ, съ чѣмъ и сравнить его, не смотря на умѣнье свое брать сравненія изъ царства животныхъ.

Какъ ни велика моя терпимость относительно Вальтеръ Скотта — я готовъ простить ему пустоту, ошибки, клеветы и глупости его книги, готовъ простить даже скуку, припчненную мнѣ ею, но никакъ не прошу ему ея направленія. Направленіе это ни больше ни меньше, какъ оправданіе англійскаго министерства въ отношеніи преступленія на св. Еленѣ. «Въ этомъ процессѣ англійскаго министерства съ общественнымъ мнѣніемъ», какъ выражается берлинскій рецензентъ: «Вальтеръ Скоттъ играетъ роль адвоката.» Онъ присоединяетъ къ своему поэтическому таланту адвокатскія уловки, чтобы извратить факты и исторію, и кліенты его, кои въ то-же время и его патроны, могли бы, кажется, сверхъ договорной платы, сунуть ему въ руку и кое-что на водку.

Англичане только умертвили императора, а Вальтеръ Скоттъ продалъ его. Это настоящая шотландская штука, настоящая національная шотландская штучка; видно, шотландская алчность осталась старою, грязною алчностью, и не очень-то измѣнилась со временъ Нэзби, когда шотландцы продали своего короля, ввѣрившагося ихъ защитѣ, за четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, его англійскимъ палачамъ. Этотъ король былъ тотъ самый Карлъ Стюартъ, котораго такъ громко воспѣваютъ теперь каледонскіе барды. Англичанинъ убиваетъ, а шотландецъ продаетъ и воспѣваетъ.

Англійское министерство открыло съ этою цѣлью своему адвокату архивъ foreign office, и въ девятомъ томѣ своего произведенія онъ ловко воспользовался актами, которые могли бросить пріятный свѣтъ на его партію и непріятную тѣнь на ея противниковъ. Вслѣдствіе этого девятый томъ представляетъ нѣкоторый интересъ, при всей своей эстетической ничтожности, въ которой ни чуть не уступаетъ предшествующимъ томамъ: ожидаешь значительныхъ актовъ, и, не находя ихъ, видишь въ этомъ доказательство, что таковыхъ и вовсе не имѣется въ пользу англійскихъ министровъ. Это отрицательное содержаніе книги — важный результатъ.

Богатства, извлеченныя изъ англійскаго архива, ограничиваются нѣсколькими достовѣрными сообщеніями благороднаго сэра Годсона-Ло и его мирмидоновъ, и нѣсколькими свидѣтельствами генерала Гургò, который, если только свидѣтельства эти дѣйствительно принадлежать ему, заслуживаетъ равномѣрнаго вѣроятія, какъ безстыдный измѣнникъ своего императора и благодѣтеля. Я не хочу изслѣдовать сущности этихъ свидѣтельствъ; можетъ быть они и вѣрны, такъ какъ ихъ утвердилъ и баронъ Штюрмеръ, одинъ изъ трехъ статистовъ великой трагедіи. Но и въ такомъ случаѣ они доказываютъ только, что сэръ Годсонъ-Ло былъ не единственный мерзавецъ на островѣ св. Елены. Съ подобнаго-то рода пособіями и жалостными доносами приступаетъ Вальтеръ Скоттъ къ описанію заключенія Наполеона, и старается убѣдить насъ, что эксъ-императоръ (такъ называетъ его эксъ-поэтъ) не могъ сдѣлать ничего умнѣе, какъ передаться англичанамъ; хотя и долженъ былъ заранѣе знать, что его увезутъ на островъ св. Елены; что тамъ съ нимъ превосходно обращались, давали ему вдоволь и ѣсть и пить, и что онъ, наконецъ, въ полномъ цвѣтѣ и здоровьи, и какъ истинный христіанинъ, умеръ отъ рака въ желудкѣ.

Заставляя такимъ образомъ Наполеона предвидѣть, какъ далеко будетъ простираться великодушіе англичанъ, а именно до острова св. Елены, Вальтеръ Скоттъ снимаетъ съ него обычный упрекъ, будто трагическое величіе его несчастія такъ его вдохновило, что онъ прінялъ цивилизованныхъ англичанъ за персидскихъ варваровъ, а бифтексную кухню Сен-Джемса за домъ великаго короля — и сдѣлалъ героическую глупость. Вальтеръ Скоттъ производитъ императора и въ величайшіе поэты, какіе когда либо жили на свѣтѣ; ибо онъ серіозно утверждаетъ, что достопамятныя творенія, сообщающія намъ о страданіяхъ Наполеона на св. Еленѣ, писаны всѣ подъ его диктовку.

Не могу при этомъ не замѣтить, что эта часть Вальтеръ Скоттовой книги, равно какъ и сочиненія, о которыхъ онъ говоритъ тутъ, въ особенности записки О'Меары и рассказъ капитана Метланда, напоминаютъ мнѣ подчасъ уморительнѣйшую исторію, и горькое душевное негодованіе мое готово

перейти вдругъ поневоля въ веселый смѣхъ. Исторія эта впрочемъ не что иное, какъ «Похожденія Гуливера», книга, такъ много смѣшившая меня въ дѣтствѣ своими забавными рассказами о томъ, какъ маленькіе лиллипуты не знали, что имъ дѣлать со своимъ большимъ плѣнникомъ, какъ они всячески лезли на него и связывали его безчисленнымъ множествомъ тонкихъ волосковъ, какъ они съ великими успѣхами воздвигли для него особенный большой домъ, какъ жаловались на огромное количество жизненныхъ припасовъ, потребляемыхъ ежедневно великаномъ, какъ они чернили его въ государственномъ совѣтѣ и постоянно плакались, что онъ слишкомъ дорого стоитъ странѣ, какъ имъ хотѣлось убить его, но они боялись его и послѣ смерти, ибо трупъ его могъ произвести заразу, какъ наконецъ рѣшились они прославиться великодушіемъ, оставить ему его титулъ, и только выколотъ глаза и т. д. Конечно, лиллипуты вездѣ, гдѣ является великій человѣкъ среди мелкихъ людей: они безустанно и самымъ мелочнымъ образомъ мучатъ его, и сами отъ него терпятъ много горя и безпокойства; но напиши Свифтъ свою книгу въ наше время, въ ней, какъ въ ясномъ зеркалѣ, всѣ увидели бы не что иное, какъ исторію наполеонова плѣна, и узнали бы по всему, даже по цвѣту платья и лица, мучившихъ его пигмеевъ.

Только конецъ сказки на св. Еленѣ иной; императоръ умираетъ отъ рака въ желудкѣ, и Вальтеръ Скоттъ увѣряетъ, что это единственная причина его смерти. Я не хочу спорить съ нимъ объ этомъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго. Очень можетъ случиться, что человѣкъ, привязанный къ орудію пытки, вдругъ совершенно естественно умереть отъ апоплексическаго удара. Но злой свѣтъ станетъ говорить, что его убили истязатели. Злой свѣтъ забралъ ужъ разъ себѣ въ голову — смотрѣть на дѣло совсѣмъ иначе, нежели добрый Вальтеръ Скоттъ. Этотъ добрый человѣкъ, столь твердый въ Библии, охотно приводящій священные тексты, видятъ въ этомъ бунтъ стихій, въ этомъ ураганѣ, начавшемся при смерти Наполеона, ни больше ни меньше, какъ событіе равносильное тому, что случилось при смерти Кромвеля; но иначе смотреть на это свѣтъ. Онъ видитъ въ смерти Напо-

леона вопиющее злодѣйство; закипающее въ сердцѣ чувство состраданія превращается въ поклоненіе; тщетно старается ораторствовать, какъ *advocatus diavoli*, Вальтеръ Скоттъ: всѣ благородныя сердца принимаютъ сторону покойнаго императора; всѣ благородныя сердца въ Европѣ презираютъ его маленькихъ палачей и великаго барда, ставшаго въ ихъ сообщество; музы вдохновятъ лучшихъ пѣвцовъ на прославленіе своего любимца, а смолкнутъ люди, провѣщаютъ камни, и грозно подымется изъ морскихъ волнъ мученическая скала св. Елены и расскажетъ грядущимъ тысячелѣтіямъ его трагическую исторію.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ДЕНЬЩИКЪ.

Изъ моего прошлаго.

Давно, не въ наши благословенныя времена, а слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, смѣнилъ я корпусные погоны на прапорщичьи эполеты *** скаго пѣхотнаго полка. Вышелъ я изъ корпуса круглымъ сиротою — безъ родныхъ, безъ знакомыхъ: некому было ни помочь мнѣ, ни направить на путь истинный; — въ какіе-нибудь восемнадцать-девятнадцать лѣтъ отъ роду я былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. Богъ-вѣсть чѣмъ и какъ бы пришлось мнѣ существовать, если бы не маленькая деревенька, которая досталась мнѣ отъ отца; при ней я еще могъ кос-какъ перебиваться. Приѣхавъ въ полкъ, я, какъ водится, перезнакомился со всѣми офицерами; тотчасъ же, разумѣется, образовался у меня свой кружокъ, членовъ котораго я титуловалъ своими пріятелями, хотя это и были пріятели только по той исключительной жизни, въ которую поставила меня судьба, по тѣмъ шумнымъ сборищамъ, носившимъ названіе *офицерскихъ баловъ*, гдѣ главную роль играли вино, карты и, такъ называемые, *добрыя малыя* — названіе весьма лаконическое. Я этимъ отнюдь не думаю хулить моихъ бывшихъ сотоварищей; да и за что хулить ихъ? — многіе изъ нихъ преспокойно уже отправились себѣ на тотъ свѣтъ, иныхъ забросило Богъ-вѣсть въ какую глушь, гдѣ живутъ они, шикъмъ незнаемые; есть правда, и такіе, которые достигли

степеней извѣстныхъ, ранга генеральскаго и мѣсть значныхъ и прохладныхъ,—короче, здѣсь, какъ и во всякомъ обществѣ, были разнаго рода люди: и дурные, и хорошіе, и такъ себѣ—ни-то ни-се: ни дурные, ни хорошіе; я хочу сказать только, что между ними я не нашелъ себѣ человѣка по душѣ, которымъ могъ бы подѣлиться чѣмъ-нибудь, получше полковыхъ пррушекъ да рассказовъ о какихъ-нибудь мелкихъ интрижкахъ, бобровыхъ воротникахъ и картючнаго долга. Да впрочемъ, мудроно сказать, могло-ли и быть это иначе?... Недостатокъ средствъ, обязанности, исключавшія почти всякую возможность умственной дѣятельности, непривычка къ истинному труду, поверхностное воспитаніе, наконецъ, какалято замкнутость тогдашняго военнаго сословія, едва ли не оправдывали подобный образъ жизни. Не знаю, что сдѣлала бы изъ меня эта мелкая жизнь, если бы судьба, по какой-то особенной милости, не заблагоразсудила позаботиться обо мнѣ. По какому-то особенно странному стеченію обстоятельствъ, корпусное воспитаніе не убило еще во мнѣ нѣкоторыхъ хорошихъ началъ и человѣчныхъ стремленій. Я какъ-то не успѣлъ еще совсѣмъ окунуться въ омутъ пошлой полковой жизни, и именно, вслѣдствіе этихъ-то не совсѣмъ еще заглохшихъ человѣчныхъ началъ, которыя поддерживались во мнѣ нѣкоторыми, повидному, весьма мало-важными обстоятельствами.

Въ то время открылись военныя дѣйствія въ Турціи, куда назначено было двинуться нашему полку. Мнѣ понадобился деньщикъ. До-тѣхъ-поръ я держалъ паѣмнаго человѣка, но предстоящія трудности похода, боевой жизни, вынудили меня, по неволѣ, прибѣгнуть къ услугамъ этого особаго, свойственнаго одной русской натурѣ, рода людей.

Кто знакомъ съ военнымъ бытомъ, тотъ конечно согласится со мной, что тридцать лѣтъ тому назадъ, деньщикъ, развѣ за весьма немногими исключеніями, представлялъ, (да отчасти и теперь представляеть), какое-то жалкое, тупое, болѣею частію, грязное подобіе человѣка. Меня всегда занимали причины подобнаго состоянія этихъ людей; странное дѣло: вѣдь не составляютъ же они какой-нибудь особенной касты, вѣдь не рождаются же они прямо деньщиками, вѣдь были

же и они когда-то славными, расторопными парнями — отчего-жъ такая разительная перемена? Богъ вѣсть! вѣрнѣе, что это является уже слѣдствіемъ обстоятельствъ, встречающихъ новобранца при поступленіи на службу; а еще чаще того противозаконное превышеніе власти, подъ которую попадаетъ бѣдный рекрутъ, назначенный въ деньщики, дѣлаетъ изъ него подобнаго человѣка: офицеръ въ отношеніи его является уже полнымъ *бариномъ*, неограниченнымъ владыкой.

Что касается до меня, въ присланномъ мнѣ деньщикѣ я нашелъ не только честнаго и добросовѣстнаго слугу, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнаго попечителя и руководителя во всемъ добромъ, что только могло относиться ко мнѣ.

Это былъ малый лѣтъ сорока, не большаго роста, невзрачный, угловатой наружности: одинъ усъ его былъ какъ то длиннѣе своего собрата, правая бакенбарда рыжѣе и выше лѣвой, на головѣ щетинились короткіе волосы и въ добавокъ вся эта фizioномія весьма непритязательно украшалась продѣтою въ ухо мѣдную серьгою съ крестикомъ. Трудно было подмѣтить въ его безцвѣтно неопредѣленномъ лицѣ какое-нибудь выраженіе, такъ наприимѣръ, невозможно было угадать собирается ли онъ смѣяться или плакать; только небольшіе зеленовато-сѣрые глаза нѣсколько еще оживляли эту мрачную фizioномію.

Одѣтъ онъ былъ въ какой-то страннаго покроя истертый сюртукъ, не то военный, не то партикулярный, по бортамъ котораго красовались двѣ мѣдныя пуговицы, весьма солидно пристегнутыя въ петлю (остальныя десять вѣролтво не пощадилась временемъ); сюртукъ этотъ когда-то былъ подбитъ краснымъ стамедомъ, что несомнѣнно обличало его барское происхожденіе. Этотъ нарядъ довершали: коростенькіе брюки съ краснымъ кантомъ и заплатами на колѣняхъ, не совсѣмъ надежные сапоги и дырявыя замшевыя перчатки на рукахъ. Бронзовая медаль, висѣвшая, для прочности, вмѣсто ленточки на такъ называемой *жестянкѣ*, выкрашенной масляною краскою, украшала замасляную грудь.

Не смотря на ветхость и фантастичность этого костюма, было замѣтно, что обладатель его употребилъ полное ста-

раніе, чтобъ явиться къ новому барину въ возможно опрятномъ видѣ. Сапоги, напримѣръ, не смотря на свою сомнительность, блестѣли какъ зеркало, перчатки безъ пальцевъ и туго накрахмаленная манишка, съ выставленными изъ подъ галстука воротничками, были чисто вымыты.

Впослѣдствіи я увидѣлъ, что любовь къ порядку и бережливость были, такъ сказать, слабостью Никанора (такъ звали моего денщика), — слабостью составляющей странное и рѣдкое исключеніе въ сферѣ денщичьяго быта.

Бережливость эта, не смотря на свои довольно частые благіе результаты, иногда даже бѣсила меня. Для него все было дорого, за каждую мелочью онъ готовъ былъ лучше пробѣжать пять-десять лишнихъ верстъ, чѣмъ передать какой-нибудь лишній грошъ. Случалось за частую, что приказаніе мое купить что-нибудь лишнее, выходящее изъ ряда всеневныхъ расходовъ, просто не исполнялось. Въ такихъ случаяхъ Никаноръ обыкновенно отдѣлывался дороговизной, только и услышишь отъ него, бывало, тогда: «намъ съ вами грѣшно эдакъ-то дѣлать, развѣ отъ смерти можно такъ покупать», и такимъ-то образомъ онъ окончательно, по неволѣ, убѣждалъ меня.

Любопытно было взглянуть на квартиру моего ментора, или лучше сказать, на уголь, занимаемый имъ въ кухнѣ, — за просторомъ онъ не гонялся, но уютъ былъ полный. Тутъ стояло и какое-то подобіе кровати, подобіе весьма узенькое и коротенькое, и сундукъ, и столикъ, съ помѣщавшимся на немъ кусочкомъ зеркальца, обклееннаго въ цвѣтную бумажку и назначавшагося исключительно для бритья, — Никаноръ только въ этомъ критическомъ обстоятельстве и смотрѣлся въ зеркало. Вѣроятно въ видѣ украшенія, на столѣ лежали и стояли въ самомъ симметрическомъ порядкѣ: сапожныя щетки, бритва, баночка съ ваксой, обломанный перочинный ножикъ, огромные ножницы, карточный иѣлокъ, пуговица, блюдечко съ кусочкомъ мыла, что-то въ родѣ грески, гипсовая голая женщина безъ головы, доставшаяся ему по наслѣдству отъ одного изъ бывшихъ господъ, и чайная чашка съ надписью: «въ знакъ удоблетворенія» — быть можетъ воспоминаніе молодости.... Впослѣдствіи прибавилось

ко всему этому и еще одно новое украшеніе, обнаружившее прогрессивное направленіе Никанора — именно баночка помады, à la rose, съ запахомъ корицы.

Главное же украшеніе его кабинета состояло въ живописи: въ углу помѣщались образа, съ лампадкою и воткнутою подъ ними вербою; и по сторонамъ ихъ, и внизу, обѣ стѣны были обклеены картинами самаго разнообразнаго содержанія; тутъ находилось и изображеніе страшнаго суда, видъ какой-то обители стоящей на горѣ—похожей на кучу, и кусочки обоевъ, и сраженіе, и конфетныя бумажки; прощаніе съ милой, Иосифъ у жены Пентефрія, разукрашенное объявленіе о какой-то продажѣ, портретъ съ подиумомъ: «генералъ всѣхъ войскъ европейскихъ и азіатскихъ», и прочее....

Остальное имущество Никанора, при поступленіи его къ намъ, все заключалось въ двухъ рубахахъ, такомъ же числѣ исподняго платья и трехъ манишкахъ; помѣщалось оно въ огромномъ сундукѣ, крышка котораго, по примѣру стѣнъ, была обклеена картинками и цвѣтными бумажками. Имущество это помѣщалось на днѣ сундука, остальное же его пространство было завалено всевозможнымъ хламомъ; тутъ попадались и голенище отъ сапога, и кусокъ подковы, и порожняя бутылка, и такая вещь, которой и названія не придумаешь, такъ обломокъ чего-то, а чего — невѣстно, и Путь въ царствіе небесное и старья, замасляныя карты, и Богъ знаетъ чего тутъ только не было.

Кромѣ бережливости, по характеру своему Никаноръ не отличался никакою особенно рѣзкою чертою; былъ онъ добръ, пабожець, терпѣливъ, не слово-охотливъ и безукоризненно честенъ. Во всемъ, что касалось достоинствъ его собственной особы онъ былъ удивительно скромнъ, но ужъ за то хвастунъ непомѣрный во всемъ, что касалось его барина. Въ бесѣдахъ своихъ съ прочими деньщиками онъ или упорно умалчивалъ о барскихъ недостаткахъ или давалъ имъ видъ достоинствъ; хорошія же качества разукрашивались имъ до нельзя и обращались такимъ образомъ въ какіе-то геронческіе подвиги. Если же кто изъ другихъ деньщиковъ, увлекшись его примѣромъ, начиналъ, въ свою очередь, пѣть подобный же пангирикъ своему господину, Никаноръ угрюмо

молчалъ, дѣлалъ видъ что не обращаетъ никакого вниманія, что все, дескать, твое противъ нашего дрянъ: выгѣдемаго яйца не стоитъ, или совсѣмъ оставлялъ собраніе и махнувъ рукой, уходилъ во-свояси.

Всѣ интересы Никанора заключались въ интересахъ его барина; если я, напримѣръ, получалъ замѣчаніе по службѣ, Никаноръ оставался недоволенъ начальствомъ, и начиналъ философствовать, выражая то либеральное убѣжденіе, что оно хоть и начальство, а ошибаться всегда-таки можетъ. Вообще жилъ онъ не собственною жизнію, а барскою, даже единственное я замѣнялось у него множественнымъ *мы*; напримѣръ: «мы были въ гостяхъ, эта рубашка наша», не значило, что баринъ ѣздилъ въ гости или носилъ одну общую рубашку съ деньщикомъ; *мы*, говорилось только для большаго *шику*, по силѣ привычки и изъ убѣжденія, что деньщикъ есть нераздѣльное существо съ его бариномъ, чуть ли не часть барскаго тѣла.

Никаноръ, прослужившій деньщикомъ уже пятнадцать лѣтъ у разныхъ офицеровъ, обладалъ и всѣми деньщицкими особенностями. На первыхъ порахъ барина своего какъ-то дичился, смотрѣлъ тупо, на все отвѣчалъ: не могу знать-съ, слушаю-съ, какъ прикажете, на каждое приказаніе летѣлъ стремглавъ, безсознательно, сломя голову, сморкался съ помощію двухъ пальцевъ, отнюдь не стѣсняясь господскимъ присутствіемъ, и вообще во всемъ обнаруживалъ какую-то неловкость, одичалость, недоступность и боязнь къ барину. Впоследствии, мало-по-малу, всѣ эти угловатости сгладились сами собой и мѣсто ихъ заступила откровенность, сознательное усердіе и полная, безкорыстная привязанность ко мнѣ. Быть можетъ, походное время помогло этому сближенію, а быть можетъ и другія какія-нибудь причины, не знаю.... но перерожденіе къ лучшему, развитіе были явны.

Боевая жизнь искони уже сопряжена съ извѣстнаго рода лишеніями и недостатками для каждаго, на комъ только лежить ея тяжесть, но замѣвъ этихъ лишеній, каждый въ свою очередь разсчитываетъ и на приобрѣтеніе соразмѣрныхъ имъ выгодъ; офицеръ думаетъ отличиться въ кругу своей дѣятельности; солдатъ — въ своей, а деньщикъ — тотъ

же солдатъ, на какія выгоды онъ разсчитываетъ? вознаграждается ли хотя нѣсколько трудъ его? Правда, благосостояніе его заключается въ благосостояніи его барина, отсюда истекають и выгоды; но вѣдь вотъ вопросъ: всегда ли это такъ бываетъ? развѣ можно принять произволь за непреложный законъ?... каковъ баринъ, какова его воля!

А между тѣмъ кто поручится, что трудъ его легче прямиого солдатскаго; правда, онъ не такъ громокъ, не такъ блестящъ, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ уваженія и опредѣленной закономъ признательности.

Нужно было видѣть, съ какимъ самоотверженіемъ работалъ Никаноръ во все время похода; онъ словно и устали не зналъ: баринъ его отдыхалъ за него, и ужъ не вѣдалъ никакихъ заботъ, исключая чисто служебныхъ обязанностей. Онъ и разбудить, бывало, въ свое время, и самоваръ поставить, достанетъ провизію, и обѣдъ изготавить, вещи разберетъ и уложитъ, бѣлье перемоеетъ и заштопаетъ, а заболѣешь неравно — ухаживаетъ, лѣчитъ — все тотъ же Никаноръ. Онъ лакей, поваръ, онъ и нянька, и прачка, и портной, онъ же, наконецъ, и сестра милосердія, — все что хотите. Не разъ случалось, что по недостатку подводъ, тотъ же Никаноръ замѣнялъ обозную лошадь, таща, по нѣсколько верстъ, на своихъ плечахъ барскіе пожитки, и хоть бы слово ропота! какъ будто такъ и должно быть; утретъ только потъ съ лица, выпьетъ свѣжей водицы и опять свѣжъ и бодръ, и снова готовъ уже въ путь.

Разъ, на одномъ ночлегѣ, случилось со мной довольно грустное обстоятельство: я забылъ небольшой чубукъ съ трубкой, изъ котораго привыкъ уже постоянно курить въ походѣ. Вернуться было невозможно, а Никаноръ отправился съ обозомъ впередъ. Придя на мѣсто, я сообщилъ ему о своей утратѣ, онъ въ отвѣтъ на это покачалъ головой, пожалъ о ея двухъ рублевомъ достоинствѣ и, разсуждая о чемъ-то самъ съ собой, отправился хлопотать объ обѣдѣ. Пообѣдавъ, я заснулъ богатырскимъ сномъ, и спалъ, кажется, часа четыре, если не больше. Проснулся и гляжу — вѣтъ, по обыкновенію, ни самовара на столѣ, ни Никанора, который въ это время всегда ужъ разбирался въ чемоданѣ.

Я всталъ, кликнулъ его — не откликается, на улицѣ, гляжу, нѣтъ; спрашиваю хозяйна — не знаетъ. Что за чудо! Прошло часа два такимъ образомъ; мнѣ ужъ становилось досадно, какъ вдругъ, вижу, бѣжитъ мой камердянеръ.... Я только что намѣревался намылить ему голову, какъ онъ ужъ предупредилъ меня:

— Что мало почивали сегодня, я запоздалъ; значить, въ Сташево бѣгалъ.

— Какъ въ Сташево?

— Да чубукъ вашъ принесъ, не пропадать же ему.

Здѣсь нужно замѣтить, что до Сташева было пятнадцать верстъ, слѣдовательно, туда и обратно тридцать; приложивъ сюда еще пятнадцать верстъ сдѣланныхъ походомъ, выйдетъ сорокъ пять верстъ въ одинъ день, безъ отдыха, вмѣстѣ съ прочей работой. Право, вѣдь и это своего рода подвигъ! правда, безразсчетный, негласный, но за то полный того безграничнаго усердія, которое можно встрѣтить только въ преданномъ деньщикѣ.

И такихъ подвиговъ не одинъ, и не два было!...

Когда я раненый лежалъ въ деревенской хатѣ, Никаноръ спасъ мою жизнь, и опять-таки не громкимъ подвигомъ, не вынесъ онъ меня изъ огня, не вытаскилъ изъ воды, нѣтъ, а просто, своимъ неусыннымъ попеченіемъ. Стоя, по цѣлымъ ночамъ, у изголовья моей кровати, онъ выслушивалъ бредъ мой, раздѣляя самъ мои страданія, онъ облегчалъ ихъ, какъ только могъ, утѣшалъ какъ ребенка, наблюдалъ за малѣйшимъ моимъ дыханіемъ и почти воскресилъ меня.

Мирно, тихо, словно какъ съ роднымъ, а не со слугой прожилъ я двадцать пять лѣтъ съ этимъ человѣкомъ и въ это время узналъ его, какъ самого себя. Опъ уже давно отслужилъ срокъ своей деньщицкой службы и оставался у меня изъ преданности, да иначе и не могло быть: куда было идти ему? Въ деревню, на родину, — онъ, было, и побывалъ на ней, да родина забыла его, и самъ ужъ онъ отвыкъ отъ деревенской жизни; другимъ бы въ тягость былъ онъ тамъ и себѣ на посрамленіе. Искать мѣста? То-же какое выдаться!... работать много и не подъ силу ужъ, а даромъ кормить никто не станетъ, такъ и приходится на старости

лѣтъ слонялся изъ дома въ домъ. Подумалъ Никаноръ, да и остался на старомъ пепелищѣ; по прежнему старался работать, ворчалъ, когда другіе его дѣло дѣлали, возился съ моими ребятишками и умеръ на моихъ рукахъ, на своей постелѣ, въ своемъ кабинетѣ, который въ послѣднее время еще болѣе украсился картинами, завѣщавъ изъ скопленныхъ имъ ста рублей, половину отдать на церковь, а другую отослать въ деревню, чтобъ на родной сторонѣ помянули за упокой его грѣшную душу.

Познакомивъ читателя съ личностію моего Никанора, я хочу передать собственный разсказъ этого человѣка о поступленіи его на службу, и объ его деньщицкомъ житіѣ-бытіѣ до опредѣленія ко мнѣ въ услуженіе.

«Такъ дѣло, по лѣтней порѣ было, подъ Илью подходило, взяли меня въ рекруты, очередь дошла. Какимъ это порядкомъ дѣлается нечего разсказывать, сами позвольте знать, ваше благородіе; привели подводу съ отдатчикомъ, привезли въ присутствіе, лѣкаръ осмотрѣлъ, нѣтъ ли, значить, болѣзней какихъ, ростъ смѣрили, лобъ забрили, пригнали рекрутскую одежду и дѣлу конецъ; церемонія небольшая, не Богъ знаетъ кто—мужикъ! Оно извѣстно, теперича статья прошлая, а въ ту пору хватало за душу, крѣпко щемило сердце; да какъ и не щемить! Родился ты себѣ въ деревнѣ, выросъ въ ней, то есть, и къ копотѣ-то мужицкой привыкъ, жияь до двадцати годовъ при отцѣ да при матери, одно слово, родители, да и прочіе всѣ деревенскіе не чужіе тебѣ, кто сродственники, кто просто пріатели, который кумъ, который свать, который братъ крестовый, одна тетка простая, другая крестовая; а тутъ парни, дѣвки; можетъ иная и по сердцу пришлась тебѣ и совсѣмъ этимъ значить на вѣки вѣчные проститься слѣдуетъ, то есть, никогда на семь свѣтѣ и свидѣться не придется. Угонять на службу далеко, въ такое мѣсто, что ты и не слыхивалъ, и радъ бы на родимую сторонку сбѣгать, да бѣжать-то долго, опять же и законъ потерпѣть; пожалуй, или ты ноги протянешь или они по-

мрутъ, вѣдь на все воля Господня, двадцать пять лѣтъ не недѣля — полжизни человѣческой. Ну, а тутъ и страхъ одолеваетъ, потому главное дѣло свычка; зналъ ты въ деревнѣ свою работу не хитрую, когда косить, когда пахать, когда землю орать, ну и прочее все, какъ есть мужицкое, а то и на печи валяться или съ дѣвками балагурить да на балабайкѣ выстреливать, а служба, извѣстно, этаго дѣла нетерпитъ, своихъ порядковъ требуетъ. Оно точно, выходитъ, по простотѣ и невѣдѣнію больше боишься, потому какъ ничего ты не видалъ, окромя деревенскаго дыма ничего не нюхалъ, ничего, значить, не знаешь и понимать не можешь, а послужишь годика два-три, оботрешься, надлежащую снаровку возьмешь и самъ увидишь, что глушь былъ.

Такимъ-то манеромъ попрощался я съ родными, родители благословили, снабдили кой-чѣмъ, по силѣ возможности, и деньжонки дали, извѣстно, хоть и простые люди, одно слово, мужики, а сердце то-же свое имѣютъ. Взвалилъ я котомку за плечи, помолился предъ иконами, поклонился на всѣ четыре стороны, то есть, и людямъ, и избамъ, и полямъ, и лѣсамъ, — всему родному да знакомому, да и съ Богомъ! Повезли это насъ по деревнѣ, такъ что реву-то было, описать невозможно, и бабы голосають и малые ребятишки пищать, собаки и тѣ таково жалобно лають, ровно прощаются, страсти да и только, словно покойника выносятъ; оно и то правду сказать, встрѣтиться развѣ на томъ свѣтѣ придется, значить, тотъ же покойникъ, только что живой.

Погнали далече насъ, шли, шли мы, долго шли. Утромъ это на зоринкѣ разбудятъ, походъ зайграютъ, ну и шагаешь. Дорогой, ничего, весело было, смѣхъ, пѣсни, извѣстно рекрутики все, народъ молодой, шутливый, у всякаго кой-какія деньжонки водились, тутъ на дневку придешь, роздыхъ дадутъ, идти можно. Въ городъ пришли, распредѣлили насъ, то есть, кому въ какомъ войскѣ быть, мнѣ въ пѣхоту досталось, въ М—ій полкъ; пятьдесятъ человѣкъ туда назначили, такъ и я съ ними попалъ. Принялъ насъ офицеръ, изъ полка нарочно пріѣхавши былъ, осмотрѣлъ какъ слѣдуетъ, опросилъ, все ли дескать получили, по списку провѣрилъ, далъ день роздыху, а тамъ чуть свѣтъ въ походъ, то есть,

прямо на мѣсто служенія, на третьи сутки мы и къ полку прибыли.

Представили это насъ, какъ водится, по начальству, генералъ пришелъ, каждаго имя спросилъ, губерніи какой, разсчитали по ротамъ, въ ротахъ, какъ слѣдуетъ, на отдѣленія да капральства, значить, у каждаго, чтобъ свой ближайшій начальникъ былъ; ему ты долженъ во всемъ покорствовать, всякій примѣръ съ него брать, за всякой нуждой, все значить, къ ближайшему начальнику обращаешься, а эти офицеры—такъ нужды имъ до тебя мало, а тебѣ до нихъ далеко, ну и не сходишься. Дали это намъ маленько пооглядѣться, порасправиться, во вкусъ войти, что называется, мужицкую грязь смыть, а тамъ и учить зачали.

Много я тутъ, ваше благородіе, въ эту пору надъ собой бѣдъ увидѣлъ, и далеко ушло, а не хорошо вспомнить! Учили, учили меня, вытягивали, вытягивали, а проку все мало; кто ихъ знаетъ, по рожденію что-ли я такой выдался, кости ли срослись, и самъ не вѣдаю, а только много грѣха было; какія средства не принимали, ничто не беретъ. И самъ-то радъ бы радехонекъ сдѣлать какъ слѣдуетъ, иной разъ стараешься, стараешься, до поту лица дойдешь, натужишься весь такъ, что еле не лопнешь, кажись вотъ одна минуточка и тресну, а глядишь хуже того выйдетъ. Даже злость на себя беретъ, потому изъ этакаго кажись пустякаго дѣла ты всякое претерпѣніе имѣешь; опять же обидно, жаль ты себѣ въ деревнѣ, такъ не то что ходилъ, а и всякую работу справлялъ какъ слѣдуетъ, лѣнностью да неумѣньемъ никто не попрекалъ, а тутъ тебѣ говорятъ: и ходить-то ты не умѣешь, и стоять не умѣешь, и глядѣть не умѣешь, ровно звѣрь лѣсной. Пуще всего правый бокъ у меня подгулялъ да плечо лѣвое, никакъ я, значить, не могъ эти части промежъ себя въ порядокъ привести; бокъ выставлю — плечо опущу, бокъ завалю — плечо выставлю, оказія да и только! И чего это не дѣлали со мной, всякія, то есть, затѣи выдумывали, и ружья то на плечо клали и мѣшки съ пескомъ, чтобъ значить ослѣ оно, не подается что хошь!

Я въ третьей ротѣ состоялъ, унтеръ-офицеръ у меня былъ, Иванъ Трофимычъ прозывался, бѣдовый такой, что не при-

веди Господи, одно слово — лютый человекъ; а пуще всего меня не любилъ, значить опять за одиночку все, потому велъ я себя какъ слѣдуетъ, ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ. Извѣстно, унтеръ-офицеръ въ ротѣ власть имѣеть великую; ротный командиръ побываетъ разъ въ день, обойдетъ, съ нашимъ братомъ поздоровается, пищу пригубить, провинился кто слышимъ — на счетъ взысканія распорядится, да и шабашъ, дѣло свое справилъ; а у унтеръ-офицера ты всегда на глазахъ, такъ ему и допекать-то тебя способно: не такъ прошелъ, не такъ взглянулъ, ну и виновать значить, отдувайся на свой коштъ, одно слово — спла.

Бывало стоишь ты себѣ на учени, кажись все на тебѣ въ порядкѣ какъ слѣдуетъ, хоша бы какое начальство прѣшло ничего замѣтить не можетъ, а придетъ Иванъ Трофимичъ безпремѣнно какое ни на есть упущеніе отыщетъ; то носокъ не такъ глядитъ, то пуговица покосилась, то лицо не на мѣстѣ, ну и молчишь, слушаешь, потому резоновъ никакихъ не принималъ и на все въ своей рукѣ отвѣтъ имѣлъ. Пуще всего онъ маршировку любилъ, самое-то есть радостное сго дѣло былъ, скомандуетъ: «тихимъ учебнымъ шагомъ въ три прѣма!» такъ даже глаза засверкаютъ. — Извольте знать, ваше благородіе, это значить: на одной ногѣ ты стой, а другую подымай, подынешь — на вѣсу держи, пока не скомандуетъ: «разъ!» скомандовалъ — на обѣ встань. Такъ вотъ такимъ-то манеромъ, бывало, Иванъ Трофимичъ на одной ногѣ и держитъ, держитъ, а самъ ухмыляется, ужъ и видать что ему по душѣ это, «носокъ!» покрикиваетъ, да только посматриваетъ, который, то есть, подался на сторону такъ онъ кулакомъ въ скулу и подпретъ, отвѣсно поставитъ, опрокинулся на другую сторону, ну и тамъ то-же поддержка. Большую спорѳку по этой части имѣлъ. Театръ у насъ въ ротѣ играли, такъ онъ всегда генераловъ представлялъ, какъ это разкричится гдѣ слѣдуетъ, пойдетъ нагоняи задавать, такъ ровно и взаправду генераль. То-же фельдфебель у насъ въ ротѣ былъ, тотъ больше любилъ форсу задать, въ халатѣ ходилъ, всякое свое хозяйство держалъ, чай всегда пилъ, курилъ жуковскій изъ чубука длиннаго, ну и гости то-же къ нему ѣзжали. Теперича въ имянины его или въ

ротный праздникъ гостей соберется много, кадраль танцуютъ, который изъ нашего брата въ большей милости находится, тотъ, значить, чай, кофій разноситъ, угощеніе разное. Важно себя держалъ, по господски, да пожалуй, что другому господину и не удастся такъ, а только ничего, солдатика безъ нужды не трогалъ. Иванъ Трофимычъ завсегда съ нимъ компанію водили, вмѣстѣ въ три листа поигрывали, такъ и пушую силу имѣли.

Учили меня, такимъ манеромъ, безъ малаго что полтора года, оно бы и больше прошло да захворалъ я, крѣпко бокъ ломить зачало. Отправили въ госпиталь. Признатся, я бы и радъ былъ, по крайности хошъ отдохнулъ бы маленько, покрѣпъ, да болѣзнь-то ужъ оченно одолѣла, пролежалъ три мѣсяца, сильно хворалъ, даже въ безпамятствѣ находился, да видно рано помирать было, на тотъ свѣтъ не приняли, пособилъ Господь — поправился, только что больно слабъ сталъ, пуще всего ноги да руки совсѣмъ развинтились, словно отрѣзанныя, даже ружье не держится. Зачали это опять меня вытягивать, хуже прежняго пошло, Богъ вѣдаетъ чѣмъ бы и кончилось, да видно ужъ мнѣ на роду своя линия была написана. Перевели Иванъ Трофимыча въ другую роту, съ новымъ унтеръ-офицеромъ я поладилъ, шибко выпить любилъ, купилъ ему разъ-другой по полштофу, такъ и все ладно. Тутъ спасбо ротный командиръ увидалъ, фельдфебель то-же подоспѣлъ; «слабъ, говоритъ совсѣмъ во фронтъ не способенъ», взяли да и перечислили въ нестроевые, неспособнымъ второго разряда прозываются, отсюда значить и въ деньщики берутъ.

Радовался я въ ту пору не мало, думаю по крайности отъ каторги избавился, своей срамоты не увижу больше. Оно извѣстно, и денщикъкая служба то-же не фортуна какая, званіе небольшое, вѣкъ имъ и будешь, а главная причина къ какому барину попадешь, все значить отъ господъ зависить. Генеральскій деньщикъ въ часахъ съ цѣпочкой ходить, полковничій свою силу имѣеть, капитанскій — тоже по своей части, ну а просто офицерскій, что грѣха таять, сами изволите знать, послѣдняя статья, самое, то есть, ничтожество! Капитанскому, темерича, деньщику фельдфебель завсегда руку

подаеть, по имени по отчеству величаетъ, чай вмѣстѣ пьютъ, потому нельзя, человѣкъ нужный, всѣ порядки своего барина знаетъ. Опять то-же какой баринъ по характеру выдастся, иной добрый, а другой хуже Ивана Трофимыча, одинъ богатъ, а у другаго только что эполеты блестятъ, а самъ то-же на солдатскомъ продовольствіи состоитъ, всякихъ бываетъ!

Оно точно, ваше благородіе, двадцать пять лѣтъ прослужить не поле перейти, навидался я всего, и худого, и хорошаго, и просто средственнаго, у многихъ господъ служилъ и за всѣхъ Бога молю, иной разъ и круто приходилось, да что дѣлать, горькаго не попробуешь — сладкаго не узнаешь, извѣстно человѣкъ безъ грѣха не живетъ.

Поступилъ это я для начала вѣстовымъ на капитанскую кухню; ужъ такой порядокъ заведенъ былъ, что при ихней кухнѣ, для всякой надобности, завсегда двое вѣстовыхъ состояло; настоящей прислуги то-же двое было, деньщикъ да дѣвушка, потому капитанъ были женатый и дѣтей имѣли; деньщикъ на кухнѣ да при баринѣ, ну а дѣвушка, Феклой звали, та значитъ по своей части. Нашему брату работа извѣстно какая: дровъ наколотъ, воды принести, печки затопить, сбѣгать куда пошлютъ, вотъ и все, ну и пособить тоже гдѣ слѣдуетъ, когда кострюльки вычистить, когда посуду перемыть, когда другое что. Я же сапожное мастерство смекалъ, такъ иной разъ баринѣ на башмачки гдѣ заплаточку положишь, гдѣ подметку подкинешь.

Ихъ высокоблагородія оба не то что бы, какъ есть, нѣмцы были, а шведы, жили они промежъ себя въ согласіи, какъ слѣдуетъ мужу съ женой, и нашего брата, грѣхъ сказать, не обижали, безъ нужды не взыскивали. Главная причина, что во всемъ большой порядокъ заведенъ былъ. Встануть это утромъ часовъ въ семь, напьются со всей семьей чаю, кофею, капитанъ на службу пойдутъ, барыня по хозяйству начнутъ, что сами сдѣлаютъ, что прикажутъ, работы не мало, потому хозяйственно жили; и на кухню надо заглянуть, и въ погребъ понавѣдаться, и то, и другое, и третье. Извѣстно достатки не Богъ знаетъ какіе, а расходовъ много; вотъ только что хлѣбъ да говядину завсегда артельщикъ поставлялъ, а прочее все то-же денегъ требуетъ, такъ оно безъ своего

глазу и нельзя; опять же и коровенку держали, куръ, такъ оно обо всемъ навѣдаться слѣдуетъ. Тамъ дѣтей учить сядутъ, каждый Божій день по два часа учились, отучились — гулять, тутъ капитанъ придуть, обѣдаютъ, отобѣдали — отдыхаютъ, вечеромъ разговариваютъ, книжку читаютъ, а не то баринъ трубку покуриваетъ, барыня за какой ни есть работой сидитъ, рукодѣльемъ занимается, иной разъ и въ гости придетъ кто, свои офицеры мало жаловали а больше изъ стороннихъ, шведы то-же, посидятъ, побалагурятъ, чаю напьются и разойдутся; тутъ значить ужъ весь домъ на покой. И вся, то есть, жизнь такъ, день ко дню ровно пригнана, вотъ только что по воскресеньямъ въ ихнюю церковь ѣздили, киркой прозывается. Больно сноровисто жили, лишняго пятака нигдѣ не передадутъ, тотому и деньги завсегда водились, въ долгъ не брали а на чистоту все, не то что у другихъ, сегодня все тащи, а завтра зубы на полку клади, не было богатства да и нужды не видали. Дѣти одѣты чисто, сама барыня то-же, въ комнатахъ ни пылинки, каждая вещь свое мѣсто знаетъ, и цвѣты на окнахъ, и зановѣсочки, и картинки висятъ, и мебель какъ слѣдуетъ, свои же мастеровые работали, домашними, то есть, средствами, такъ оно и не дорого и красиво.

Пробылъ я, вѣше благородіе, у капитана безъ малаго что годъ, пожалуй и долъше бы остался, да мѣсто выискалось. Прибылъ въ нашъ полкъ офицеръ новый, только что значить изъ корпуса выпущенъ былъ, потребовалъ деньщика, меня и назначили. Не больно хотѣлось мнѣ съ старымъ житьемъ разставаться, къ капитанской-то кухнѣ я и попривыкъ, ну а тутъ, извѣстное дѣло, мѣсто новое и порядки новые, опять же боишься, думаешь каковъ-то еще баринъ будетъ; да объ этомъ нашего брата не спрашиваютъ, супротивъ воли начальства не пойдешь.

Помолился это я Богу, да и началъ такимъ манеромъ свою деньщицкую службу.

Барина моего Семеномъ Николаичемъ звали, и фамилія ему была Ситкинъ. Молодой такой, цзъ себя красивый, тоненькій претоненькій, тихій да скромный, словно красная дѣвушка, и характеръ значить такой мягкій имѣли, не то что чего дру-

гого, а п грубаго слова отъ нихъ не слыхалъ, бывало иначе и не говорятъ: «пожалуйста Никаноръ то-то сдѣлай,» или «пожалуйста туда-то сходи», ужъ такая ихъ добродѣтельная душа была, вотъ только что порядковъ службы не зналъ и никакъ, то есть, къ этому дѣлу принаровиться не могъ, по нежеланію-ли или можетъ въ корпусѣ не обучали этого я не могу сказать, а только на ученьи, теперпча, все это перепутаетъ, въ караулъ-ли, на дежурство-ли пойдетъ, завсегда замѣчаніе получить, потому и начальство не очень любило ихъ.

Начали жить мы съ баринномъ, вижу ничего — жить можно; мнѣ значитъ пару платья справилъ, ну и прочее все, извѣстно, деньщцкое, сапоги тамъ, бѣльишко кое-какое, по силѣ возможности, даже другіе деньщики завпдовали. Опять же у самого все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ быть, одежда съ штучки, чемоданчикъ съ бѣльемъ, сапогъ три пары, часы, окромя того всякое хозяйство, что въ домѣ требуется, хоша и по маленьку всего, а на первыхъ порахъ есть, за подсвѣчникомъ или за ложкой въ чужой домъ не побѣжишь, однихъ чайныхъ ложекъ никакъ полдюжины было, да столовыхъ штуки четыре, значитъ про насъ съ баринномъ хватить. Деньжонки то-же водились, родители по началу снабдили. Я и кушанье готовилъ, на капитанской-то кухнѣ поприглядѣлся, такъ оно и сподручно было, ничего выходило, ѣсть можно; обѣдъ какъ слѣдуетъ — офицерскій; когда супъ, когда щи, котлетки срубишь — подъ соусомъ пустишь, когда блинчики, кашу заваришь, не муреное дѣло.

Живемъ мы такимъ манеромъ хоть куда, значитъ и своему званію прилично и другимъ не въ обиду. Гостей позвали, своихъ же офицеровъ, баринъ какъ въ новѣ были, потому познакомиться желали, дѣло не худое, пироги справили. Ну, извѣстно, гости какъ гости, свои люди, народъ молодой, холстой, чинится да ломается нечего, вина въ достачу было, значитъ весело. Кто охмѣлѣлъ, а кто только въ куражъ вошелъ, опять и такіе случались, что ничего не пьютъ; сами позволте знать, ваше благородіе, человекъ не ровень, всякихъ людей на свѣтѣ есть, и пьющихъ, и не пьющихъ. Тутъ кто въ карты сѣлъ играть, кто пѣсни поетъ, кто такъ себѣ балагурить,

снѣхъ, говоръ, шные цѣлуются, обнимаются, значить во хмѣлю такіе ласковые, рюмочные пріатели. Баринъ мой то-же къ картишкамъ присѣлъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ сначала, а въ головѣ хмѣль бродить, захоочиваетъ, храбрости поддаетъ, не вытерпѣлъ, самъ играть зачалъ.

Такая это у нихъ игра была, штосомъ прозывается, которая карта значить куда упадетъ, направо или налево, въ томъ и хитрость вся. И диковинное дѣло, не то чтобы денегъ много водилось, вотъ только что ротные командиры да казначей, тѣ опять свои средства имѣютъ, а эти субалтерни такъ гроша за душой нѣтъ, у другаго и деньщикъ-то въ такой одежѣ ходить, что только одно званіе имѣетъ, у самого одинъ мундиришка на плечахъ, а играютъ, и деньги на столѣ лежать; ужъ это значить натура такая, то есть, противустоятъ ей никакъ невозможно, что карта, что рюмка, такъ и тянетъ, послѣднее выложить. Иной бываетъ и выигрываетъ, тутъ гдѣ бы пріостановится, деньгу приберечь аль употребить на что путное, такъ нѣтъ, спустить, то есть, кажись бы и не на что, а безпремѣнно спустить. Извѣстно, легко наживешь, а проживешь еще легче, игра такая бѣсовская! Теперича, денегъ нѣтъ, такъ на всякую вещь играютъ: часы, шкатулка, бритва, собака, шинель, что подъ руку попадется. Адъютантскій коверъ такъ у десятерыхъ господъ перебивалъ, такъ квартирьеромъ и прозывался. А не то такъ до трети, до жалованья, значить казначей платить. Пуще всего эта игра водилась какъ жалованье раздадутъ, потому все кой-какія деньги есть, опять же другой получить безъ малаго что ничего, такъ поднятся думаетъ, ну и играютъ, пачнутъ шутя, съ мелочи, а кончатъ ассигнаціями.

Долго въ этотъ вечеръ играли у насъ господа, къ утру кончили; проиграли Семень Николаичъ, не могу сказать доподлинно сколько, а только проиграли. Разошлись это гости, гляжу, баринъ мой деньги считаетъ, а у самого на лицѣ только что слезъ нѣтъ; «ступай, говоритъ, Никаноръ, я самъ раздѣнусь.» Ушелъ я. Оно точно, ваше благородіе, что другому и проигрывать и выигрывать дѣло привычное, сидитъ себѣ да только кулакомъ по столу постукиваетъ, бита-дапа, бита-дана, извѣстно третій кулакъ, а Семень Николаичъ,

статься можетъ, въ первый разъ въ своей жизни и карты въ руки взяли, такъ по неопытности имъ куда тяжело было денегъ лишиться. Пришелъ это я утромъ комнату убирать, вижу на полу соръ, пепель, карты, бутылки валяются, баринъ спитъ еще, да самъ-то такой блѣдный, дышетъ тяжело такъ, такъ меня даже злость взяла, думаю себѣ: зачѣмъ мы это гостей-то звали? удивить никого не удивили, а только ровно чорта въ домъ пустили. Собственно не денегъ жаль, Богъ съ ними, все одно что потерялъ аль ограбили, махнулъ бы рукой да и шабашъ, а куда жаль барина было, потому со-всѣмъ онъ съ этого вечера перемѣнился, какъ другимъ чело-вѣкомъ сталъ. Всѣмъ это недоволенъ, то не такъ, другое не такъ, служить хуже прежняго зачалъ, дома ему не сидится, присталъ къ адъютанту да къ нему и ходилъ все въ карты играть. Извѣстно, сначала отыгратъ хотѣлось, а тамъ и втянулся, отстать-то и трудно, то есть, и радъ бы, да только что силы не хватаетъ. Пробовалъ было я ему говорить: такъ и такъ, не хорошо молъ дѣлаете, такъ онъ же на меня и вскинулся, послѣ-то ему и совѣстно стало, потому правда глаза колетъ, а на первыхъ порахъ огрѣлъ. Бывало только что пообѣдаетъ, такъ и наровитъ какъ бы поскорѣй изъ дому улизнуть, вернется къ утру, проспигъ часу до перваго, встанетъ какъ шальной ходитъ, скучно это ему, тоска беретъ; прежде писалъ, книжку читалъ, а тутъ ужъ какое дѣло, въ головѣ не то, да опять же и время нѣтъ. Который вечеръ дома, такъ и принялся за что не знаетъ, начнетъ писать — броситъ, книжку возьметъ — заспитъ. Ни порядку, ничего нѣтъ. Прежде бывало всякая вещь свое мѣсто знала, на столѣ письменномъ завсегда самъ прибиралъ; гдѣ слѣдуетъ лежать ножичку — тутъ и лежитъ, гдѣ карандашъ — тутъ и есть, тамъ перушки, здѣсь чернильница, подсвѣчники, все какъ пришито было, а тутъ кто ихъ знаетъ, опротивѣло имъ что-ли все, а только ты убереешь какъ слѣдуетъ, глядишь къ вечеру ровно домовою гулялъ, что на полу, что на окошкѣ, что на стулѣ валяется, даже смотрѣть не хорошо. Вижу я это разъ часовъ у барина нѣтъ, хотѣлъ спросить ихъ, а не спросилъ только, потому думаю коли пошелъ по этому пути, такъ ужъ нашего брата не послушается,

выходить зачѣмъ разтравлять понапрасну, стало быть судьба такая. Покачалъ я это головой, да съ тѣмъ же и остался; сказывали люди, что у адъютанта часы видѣли, а только и тамъ не долго были, кто ихъ знаетъ!

Съ полгода, ваше благородіе, тянулись мы; и не хорошо а жилось, безъ хлѣба еще не сидѣли, извѣстно, не все же проигрывать, иной разъ и выиграеть. Только гляжу, баринъ мой зачалъ все больше дома сидѣть, съ недѣлю мѣста никуда носу не показываетъ, а самъ все думаетъ о чемъ-то и такой печальный, препечальный; въ ту пору глядя на него и у меня сердце надрывалось. Жалость беретъ, думаешь, и молодой и красивый такой, и душу добрую имѣеть, только бы жить да благоденствовать, а выходить челоуѣкъ самъ себѣ виной. Какъ теперь помню, прихожу это я къ нему разъ поутру денегъ просить на расходъ, «пожалуйте молю, Семень Николаичъ, денегъ на обѣдъ»; ничего не сказалъ, молчить; гляжу открылъ одинъ ящикъ, шарилъ, шарилъ — пятакъ вынулъ, другой — гривну нашелъ, по карманамъ пошелъ, собралъ копеекъ тридцать да и даетъ, «на, говоритъ, чего не достанетъ потомъ отдамъ, мѣнять не хочется». Взялъ это я деньги а самъ и думаю: размѣнялъ бы ты безпремѣнно, да мѣнять то нечего, вымѣнено все. Унизиться-то ему предомной не хотѣлось. Плохо, вижу, и барина-то жалъ да и самому не весело; извѣстно, барину хорошо и деньщику лучше, все перепадетъ кое-что, а тутъ платышко-то у меня обносилось да и сапоги то-же худы стали, что дѣлать. Жалованье было впередъ забрано, значить съ этой стороны выжмешь не много, это мнѣ казначейскій писарь сказывалъ. Пробовали занимать — не даютъ, потому и у прочихъ господъ то-же карманы не туги, да опять же если и займешь такъ отдавать нечемъ; прислалъ адъютантъ красенькую, ну а это, извѣстно, какія деньги, съ одного конца тронулъ а другаго и нѣтъ. Лавочникъ то-же пересталъ вѣрить, значить куда не оглянись, вездѣ бѣды!

Жили и дожили мы съ баринѣмъ до того, что и обѣда не на что изготовить. Оно другимъ господамъ бываетъ и это съ родни, потому главное и достатки не большіе да опять же и никакого расчета не знаютъ; заводутся деньги — ничего

не жалѣютъ, а нѣтъ и такъ пробавляются; ну, а Семень Николаичъ вновѣ были, ничего такого не пробовалъ, потому жилъ себѣ при родителяхъ, значить, никакой заботы не зналъ, въ корпусѣ то-же хлѣба казенные, вотъ, оно съ непривычки и трудно, и обидно, и другихъ совѣстно. Я-то изъ роты харчился, ну а баринъ то-же амбицію имѣли, этого не дѣлали; бываютъ другіе господа, что окромья солдатской пищи другой и не знаютъ, да ужъ что за господа это, и не глядѣлъ бы! Извѣстно, хорошее ли дѣло съ деньщикомъ изъ одной чашки хлебать?

Серебро жиду заложили, прожили и эти деньги. Сахаръ да чай въ долгъ вѣрили, булочникъ то-же на книжку отпускалъ, ладикалонъ безъ денегъ давали; такъ мы вмѣсто обѣда все чай пили, а замѣсто свѣчъ когда ладикалонъ жгли, а когда и потемками обходились. Занялъ я это время, кума тутъ у меня жила, у ней цѣлковый, да такъ съ той поры и не отдавъ, ужъ больно жалъ барина было.

И пошла это, ваше благородіе, не жизнь, а сущее бѣдствіе. Иной разъ родители кое-какія деньжонки пришлютъ или что изъ жалованьяшка прихватимъ, сюда отдашь, туда приплатишь, того другаго успокоишь, какъ говорится, денегъ и не увидишь, такъ по рукамъ и разойдутся; оно, извѣстно, не тысячи какія, удоблетишь кого слѣдуетъ, такъ на всѣ затѣи одна мелочь и останется. Больше все въ долгъ перебывались, много никто не вѣрилъ а по маленькому все; ну, а это какая жизнь, ставятъ тебѣ все въ три-дорога, счета знай подають, а тамъ плати чѣмъ хочешь. Играть баринъ почти что перестали, потому, первое дѣло, не на что было, да опять же и надоѣла имъ эта коммерція; тутъ съ адъютантомъ они не поладили что-то да такъ на этомъ и кончили, опосля не играли. А все же разорила насъ карта, поправиться куда трудно было, оно бы, пожалуй, и можно да только не такому человѣку какъ Семень Николаичъ, потому очень добрую душу имѣли. Теперича заведутся деньжонки, поѣдетъ это купить что, не торгуется, гдѣ гривну заплатить слѣдуетъ — онъ двѣ, малый ребенокъ и тотъ его проведетъ да надуетъ. Помню это разъ баба ягодъ принесла, оно извѣстно пустое дѣло, плевка не стоитъ, а только деньга счетъ лю-

бить; запросила это она, не помню сколько, для примѣра хоть десять копеекъ положимъ, за пятакъ бы отдала, а онъ возьми да и дай ей двугривенникъ, вотъ и все такъ; бывало, купить чего на четвертакъ а полтинникъ проѣздить, какая же экономія тутъ. Всякому то-же на водку даетъ, за дѣло не за дѣло, ему все равно; разъ писарь приказъ принесъ, на лишнее дежурство нарядили, ну, кажись, какая тутъ радость, такъ нѣтъ — онъ и тому на водку. Такая ужъ ихъ ватура была, никому значить отказать не могли. Съ господами пойдутъ куда, опять не мало денегъ оставятъ, послѣднія выложить а себя не уронить, свое неимущество не выкажетъ. Въ гости придетъ кто, то-же давай закуску, чтобъ все какъ слѣдуетъ было. На свою потребу я денегъ почитай что никогда не просилъ, потому знаешь — есть такъ и самъ дастъ, а нѣтъ — нечего и спрашивать, проси не проси все одно. Да опять же какъ и надоѣдать человѣку, видишь что нѣтъ, ну и молчишь себѣ объ чсмъ можно, перебиваешься, кое-какъ Господь Богъ хранитъ.

Маетная жпзнь была, ваше благородіе, куда трудная да требовательная! Богатому человѣку и служится иначе, а безъ денегъ истинно что одна жалость только. И одѣнься, и прокормись, и званіе свое не урони, и порядки соблюди, и себя покажи гдѣ слѣдуетъ, да что я говорить, сами знаете, извѣстно офицерское дѣло, въ дырявомъ сюртучишкѣ да въ плохихъ сапогахъ на улицу не выйдешь, а требуется чтобъ лоскъ да блескъ былъ; въ харчевню то-же не пойдешь, потому званіе не позволяетъ, пальцемъ покажутъ, а наровишь куда по-чище, въ трактиръ аль растаранъ какой; тютюну то-же не покуришь, а подавай турецкаго аль жуковскаго; другой бы и радъ былъ, да только эполеты на плечахъ мѣшаютъ, треба то, то есть, барскія — да средства мѣщанскія, такъ вотъ оно одно съ другимъ и не сходится, извѣстно, какъ въ солдатской пѣснѣ поется: «по три денежки на день, куда хочешь туда дѣнь». А тутъ къ тому же и кровь молодая, до всего значить охочь больно, такъ оно и куда трудно, то есть, не приведи Господи, иной разъ пожалѣешь, что и родился ты въ барскомъ званіи.

И кому мы только не задолжали это время, видимо не

видимо; и лавочнику, и булочнику, прачкѣ, извозчикамъ, сапожнику, портному, въ погребѣ, въ трактирѣ, своимъ офицерамъ; то есть, это кажись которые только люди въ городѣ торговали или какимъ промысломъ занимались, всѣмъ должны. Оно извѣстно и по немногу, кому рубль, кому гривну, а только въ купѣ-то больше тысячи было, на ассигнаціи тогда считали. Опять же каждый хоть и алтынъ свой терять не хочетъ — кричить, выходить еще хуже; по крайности одному бы человѣку были должны такъ ужъ его и знай, а тутъ и молва не хорошая и каждого ты за всякое пустящее одолженіе уасливай да упрашивай; иной разъ ругаютъ тебя, можно сказать, до безчестія, а ты стоишь только да глазами хлопаешь, ровно и взаправду долженъ такія слова слушать; потому извѣстно говорить нечего, да опять же изъ вѣры вышелъ.

Тянулись мы съ барининомъ такимъ-то манеромъ года съ три. Родители ихъ это время померли, такъ мы и остальные достатки потеряли, не знаю чѣмъ бы и кончилось, только тутъ другой оборотъ случился, фортуна барину вышла.

Чиновникъ въ городѣ жилъ съ племянницей, Настасьей Васильевной звали, то-же бѣдность, а только все насъ богаче. Барышня-то была сирота, такъ на попеченіи у своего дяди находилась, а только куда ловкая да прыткая, опять и изъ себя ничего, то-же по французскому знала, на фортепянѣ играла, книжки читала, одно слово господская дѣвица, значить, окромя денегъ все есть. Познакомился этта Семенъ Николанчъ, ходитъ къ нимъ зачалъ, пошелъ разъ, другой, третій, а тамъ все чаще да чаще, почитай что каждый вечеръ, а не то и утро все у чиновника сидитъ. Въ воскресенье да въ праздники и обѣдать ходилъ. Такъ съ три мѣсяца прошло. Я по молодости своей въ ту пору глупъ былъ, думаю себѣ: пушай ходитъ, вѣдь не въ худой домъ, чѣмъ бы молодецъ не тѣшился, лишь бы не плакалъ. Только, извѣстно слухомъ земля полнится, начали поговаривать про барыню, толки пошли, женихомъ называть стали, горничная у барышни жила, такъ тая трещала много.

Какъ провѣдалъ я такое дѣло, такъ даже понятіе въ себѣ

потерялъ, потому у самого окромя долговъ ничего вѣтъ, Настасья Васильевна по богатству то-же въ родныя сестры годятся, самимъ ѣсть нечего, а тутъ значитъ жену на безкормицу беремъ; чудеса Господни да и только, ума не приложу!

Пошелъ я это въ церковь, части за барское здравіе вынулъ, чудотворцу Миколѣ свѣчу поставилъ, думаю авось моими грѣховными молитвами угодникъ Божій отрѣшитъ барина. Помолился я, такъ и взаправду видишь, что тотъ же ты человекъ да только чувствіе въ тебѣ другое, потому всю надежду свою на святыхъ мужей возлагаешь, не поустыятъ они худу быть. Домой иду, да такъ промежъ себя все раздумываю. И дорога-то мнѣ была мимо дома Настасьи Васильевны, прохожу это я, въ окна гляжу, вижу сидитъ баринъ съ барышней у окна и ручку у ней цѣлуетъ. Такъ я, ваше благородіе, вѣрите Богу, остановился это супротивъ ихъ и стою какъ вкопанный, ошалѣлъ словно дуракъ какой. Семень Николаичъ даже отвернуться изволили и прочь отошли; одежда-то на мнѣ больно плоха была, такъ они, значитъ, признать меня не желали. Постоялъ, постоялъ я, опаматовался, домой пришелъ, такъ горе взяло, даже слеза прошибаетъ, и жаль-то барина и опять сердце на него беретъ, думаешь вотъ и сказалъ бы ему, урезонилъ, авось послушается, да и не смѣешь то-же, потому солдатъ, супротивъ своей линіи не пойдешь.

Помню, приходитъ это баринъ домой, веселый развеселый такой, ходитъ по комнатѣ, поетъ все, да ровню сказать что-то хочетъ. Кошка у насъ была, такъ и тую ласкать зачал. Меня даже злость беретъ, выразить-то ее не можешь, значитъ еще хуже. Ходилъ, ходилъ, меня позвалъ. Прихожу. Посмотрѣлъ это онъ на меня, отвернулся да смѣется самъ съ собой. — Что, говоритъ, Никаноръ, я думаю тебѣ платье нужно? — Какъ, говорю, Семень Николаичъ не нужно, вотъ хошь бы сертучишка вашъ старенькій, опять же и сапоги, только что лоскъ есть, а все на своей подошвѣ бѣгаешь. — Сходи, говоритъ, завтра къ портному, пусть сюда придетъ и мѣрку съ тебя сниметъ, да кстати и шанель съ басономъ, зиврею нужно сдѣлать, долгъ, говоритъ,

я ему отдамъ и за новое заплачу. — Стою это я, ваше благородіе, и самъ себѣ не вѣрю, оставилъ глаза въ спину барина да думаю: изъ этакой-то одежды, что даже запахъ противенъ тебѣ, вдругъ шинель съ басономъ! Стою я, молчу, потому и говорить что не знаешь, совсѣмъ всякое соображеніе потерялъ. Гляжу вынулъ Семенъ Николаичъ сивенькую, «на, говоритъ, на сапога, да нужно будетъ намъ квартиру принскать, эта мала больно, комнаты три, четыре надо. Я, говоритъ, Никаноръ вотъ что.... я, видишь ты, женюсь, слышишь? — Слышу, говорю, добрые люди давно толкуютъ, на все это воля ваша, коли такая надобность пришла, мнѣ перечить не приходится, значить, говорю, такъ Господу Богу угодно, а только собственно по ранней младости вашей не ушло бы, то есть, такое дѣло, невѣсть впереди много, повременить бы да выбрать, товаръ-то это такой, что покупай его да оглядывайся, потому назадъ не берутъ; опять же долги ужъ очень одолѣли, всѣ своихъ денегъ требуютъ, прачка приходила, говоритъ больше стирать не буду, вы съ бариномъ, говоритъ, чужой хлѣбъ заѣдаете. Что-жь, Семенъ Николаичъ, за что такую срамоту терпѣть? оно точно что безъ одежды нельзя ходить, а только я бы изъ старенькаго сюртучка вашей милости, опять же и басоны, шинель, пожалуй можно и безъ нее справиться, въ лавочку, аль куда я и на легкѣ сбѣгаю». Ничего, молчить. Глядитъ въ окно да смѣется промежь себя. — Ладно, говоритъ, Никаноръ, Богъ дастъ все устроимъ, долги я заплачу, барыня у тебя будетъ хорошая, добрая, только служи усердно. — Радъ, говорю, стараться вашей милости, за- всегда за ваше счастье Бога молю, только чтобъ опосля не каются.

Поговорили мы съ баринномъ такимъ-то манеромъ, заказалъ это опъ мнѣ одежду: сюртучную пару, жилетку, шинель съ басономъ, портному всѣ деньги сполна отдалъ, тотъ даже ровно и братъ не хотѣлъ, такъ это ему, значить, въ дяковину было, съ прочими долгами то-же расплатился, всѣхъ удоблетворилъ. Другую квартиру нанялъ, мебели закупилъ, горничную завелъ, все какъ слѣдуетъ, то есть. на удивленіе всѣмъ.

Зажали мы съ бариномъ ровно въ раю какомъ, бывало даже смотришь на все это и глазамъ не вѣришь, полагаешь что собственныя очи тебя обманываютъ. И ужъ куда весело въ ту пору-то было! хлопотъ много, а ничего, бѣгаешь это съ утра до вечера, извѣстно свадебное дѣло, а даже и усталости не чувствуешь, и за барина-то радъ да и за себя то-же. Примѣрилъ это я новое платье, шинель съ басономъ надѣлъ, взглянулъ въ зеркало, такъ даже самому на себя только смѣшно стало. Что и говорить, радостное время было; тутъ и невѣстину приданое привезли и баринъ съ своей стороны то-же, выходитъ и разговоръ другой, только значить на себя воздосадовалъ, потому въ сумлѣніи ты находился, на милость Божию не понадѣялся, возропталъ грѣховно.

Свадьбу назначили, гостей позвали, нашъ генералъ и посаженымъ отцемъ у барина были. Ну свадьба, извѣстно, какъ у господъ водится, самп извольте знать. Въ церковь я тогда не ѣздилъ, потому какъ свой человекъ на квартирѣ оставался, то есть, за всѣмъ присмотрѣть, распорядиться, чтобъ значить упущенія какого не вышло. И полковничьи деньщики то-же для прислуги были взяты, а только главнымъ все же я оставался. Отпразновали мы свадьбу хорошо; всего въ достачѣ и избыткѣ было.

Начали жить можно сказать сълзнова, потому прежде какая жизнь была, только что прозывалась такъ, а по истинѣ каторга; опять же одиночество — скука! уйдеть это баринъ на цѣлый день, дѣлать тебѣ нечего, ну и лежишь себѣ, иной разъ даже одурь возьметъ; а тутъ дѣло семейное, значить статья особая, работы больше а и веселѣе какъ-то, на сердцѣ радостиѣ, чувствуешь что и ты то-же зачѣмъ нибудь на свѣтѣ живешь, потому съ людьми, тутъ и горничная, и вѣстовой для порядку, по крайности есть съ кѣмъ душу отвести, извѣстно, при людяхъ человекъ и смерть красна. Я опять кушанье господамъ зачалъ готовить, барыня-то вновь были, такъ и стараешься, значить, чтобъ ей по вкусу выходило. Гости то-же иной разъ къ намъ собирались, сами тенерича ѣздять, такъ нужно и къ себѣ звать, честь соблюсти.

Жили баринъ съ барыней промежь себя согласно, да опять же не за что было и ссору подымать, оба такіе кроткіе да тихіе, что называется воды не замутиять. Черезъ годъ у нихъ и дочка родилась, благословилъ Господь; много радости опять тутъ было, да не на долго только, бѣды наши!

Зачалъ объ эту пору баринъ что-то больно задумываться, начнутъ говорить съ супругой, долго говорятъ, даже до спору у нихъ доходило. Барыня иной разъ и плакала, ну а тутъ видимое дѣло, отъ добра слезы не побѣгутъ. Задумалъ Семень Николаичъ службу мѣнять, гдѣ, то есть, выгодище; оно бы и ничего, извѣстно, всякій ищетъ гдѣ тебѣ лучше, а то значить не хорошо, какъ я узналъ это послѣ, что баринъ взялъ за Настасей Васильевной восемь тысячъ на ассигнаціи, да деньги-то съ краю и прожиялъ: что на долги пошло, а остачу на басоны, на мебель, да на разныя тряпки перевелъ. Жить-то опять выходитъ не чѣмъ; прежде одинъ былъ, такъ оно хошъ иной разъ и воздухомъ проицается, все тебѣ въ глаза никто не тычетъ, рукъ не протягиваетъ да хлѣба не просить; ну а тутъ жена да ребенокъ малый, то-же кушать хотять, такъ и совѣсть мучить и жалость беретъ. И вспомнилъ я это, ваше благородіе, какъ угоднику Миколѣ свѣчу ставилъ, чтобы, то есть, отрѣшилъ барина отъ женидбы; и взаправду лучше бы было, въ гибели жили и жаль барина было, а тутъ и пуще того сердце надрывается, потому не одинъ, и правый и виноватый страдаетъ; младенецъ Божій, и тотъ гибнетъ!

Страдное это время пришло, хорошаго-то какъ во снѣ отвѣдалъ, такъ и пуще того тягостище. Барыня день денской плачетъ, баринъ ровно шальной ходитъ, ребенокъ, такъ и тотъ словно тоскуетъ; пошли это опять и вещи въ закладъ, и долги; у барыни разная одежда была понадѣлана, такъ и тая не устояла; потому поневолѣ ѣсть нечего, такъ извѣстно себя самого заложить радъ. Тутъ на бѣду въ походъ приходилось идти, съ деньгами оно бы и ничего, вездѣ хорошо, ну а безъ денегъ ни туда ни сюда, ни впередъ ни назадъ, ни вправо ни влѣво; жену взять съ собой не съ чѣмъ, оставить то-же не съ чѣмъ, жалованье, если раскусить

его на двѣ части, такъ ни въ той ни въ другой и понюхать нечего, дядя къ себѣ не беретъ, у меня говорить у самого достатки не большіе, а ты теперпча мужняя жена, что дѣлать!

Тутъ барину случай вышелъ, въ комиссаріатскую службу перешелъ. Продали это они всѣ вещи, выручили кой-какія деньжонки, да такъ на нихъ и уѣхали; меня съ собой не взяли, не то чтобъ я имъ не по праву пришелся или не нуженъ былъ, а собственно себя облегчить хотѣли, потому денегъ въ обрѣзъ было, да опять же сами не вѣдали какъ имъ жить придется.

Прощался это баринъ со мной такъ прослезился даже, подарилъ свое платьишко старое, два рубля денегъ далъ, «прощай, говоритъ, Никаноръ, не поминай лихомъ», а самъ плачетъ; да оно и взаправду не весело было, вотъ двадцать лѣтъ прошло, а вспомнишь да раздумаешься, такъ словно за сердце захватить что; добрый былъ, а только въ пагубу ему доброта стала, не къ доброму повела!

Не долго Семень Николаевичъ и по комиссаріату оставался, начеть что-ли на него вышелъ, подъ судъ попалъ. Докторскій деньщикъ и хуже того сказывалъ, въ ту пору я плюнулъ да перекрестился, а оно и взаправду вышло. Самъ себя погубилъ человѣкъ! Не снесъ онъ тяготы-то своей, руки на себя наложилъ, тѣмъ и кончилъ! Настасья Васильевна опосля пріѣхали было къ дядѣ, тотъ ее и не признаетъ ровно, «ступай, говоритъ, куда хочешь», а куда съ малымъ ребенкомъ дѣнешься? Поплакала, погоревала она, послонялась по чужимъ домамъ, а тамъ.... Эхъ, ваше благородіе, лучше бы и не вспоминать, не на хорошую то-же дорогу попала.... извѣстно, нужда заставила!

Передалъ это меня баринъ поручику изъ нѣмцевъ, то-же въ нашемъ полку состоялъ, фамилія ему такая мудреная была и не припомню теперь. Прежде они по экономіи своей деньщика не держали, ну, а тутъ, какъ походъ объявили, такъ безъ человѣка и невозможно, потому трудностей много.

Про это время рассказывать нечего; походъ такъ извѣстно походъ и есть, дѣло и хлопотливое и стоящее, для

нашего брата куда разорительное; непріятеля мы и не видали, а такъ, то есть, на всякій случай на готовѣ были, прошли это верстѣ семь сотѣ, постояли на одномъ мѣстѣ, долго отдыхали, даже одурѣ взяла. Извѣстно хошъ и на мѣстѣ стоишь, а все никакого значить порядку завести не можешь, думаешь не сегодня такъ завтра опять погонять, ну и живешь словно на привалѣ. Тѣмъ дѣло и кончили, сапоги стоптали, карманы поразтрясли, да и домой вернулись.

Пробылъ я у нѣмецкаго барина почти что два года, а сказывать про него много не приходится. Крѣпкій былъ человекъ, грошевый, во истину нѣмецъ; много я всякпхъ господъ видалъ, а такого, почестъ, что не встрѣчалъ больше. И не то, чтобъ совсѣмъ худой баринъ былъ, поглядѣть на него съ одной стороны такъ и пожаловаться не на что; нашего брата по напрасну не трогалъ, по службѣ исправенъ, себя содержалъ то-же какъ слѣдуетъ, въ чистотѣ, а только и хорошаго ничего не было, потому главная причина жплъ ужъ очень копотно. Извѣстное дѣло, всякъ человекъ не безъ слабости, свое, то есть, стремленіе имѣеть, а этотъ ровно изъ камня выточенъ былъ, одно слово— скудящій человекъ.

Службу свою исполнялъ въ строгости несказанной, то есть, этого чтобъ опоздать или просрочить такъ и не вѣдалъ. Бывало ученъ назначено ранымъ ранехонько, другаго барина такъ еле добудишься, толкаешь, толкаешь, за ноги стащишь, тогда только въ чувствіе придетъ; а этого и будить не смѣй, завсегда самъ встанетъ, ужъ такую сноровку взялъ, что ему, есть ученъ, нѣтъ-ли, все одно—не спитъ. Въ караулѣ, теперича, другіе господа, если мѣсто покойное, опасаться, то есть, нечего, вечеркомъ и на боковую себѣ — спать; а нѣмецкій баринъ, такъ его и солдатики всѣ прозывали, не то чтобы лечь, это Боже сохрани, а и чешуйки у кивера не растегнетъ, ходитъ себѣ цѣлую ночь изъ угла въ уголъ, ровно и взаправду дѣло дѣлаетъ, только себя тревожить да и солдатика безъ нужды изморить, потому начальство бодрствуетъ значить, и нашъ братъ хочешь не хочешь, а подражай.

Не жаловали барина прочіе господа, ходячимъ уставомъ звалъ, за то начальство любило очень, поощряло завсегда,

потому исполнительный офицеръ былъ. Извѣстно одинъ рабъ двумъ господамъ не служить, выбирай, значить, любое, или съ начальствомъ водись или съ своимъ братомъ ровней, а такъ чтобъ въ ту и другую сторону, такъ этого почестъ что и не бываетъ.

Разъ, не помню за что именно, а только провинился мой барчнъ, можетъ и не по своей винѣ а попался, слѣдовало подъ арестъ посадить, да генералъ помиловалъ, потому прежде ни въ чемъ замѣченъ не былъ. Другому бы и понутру это, то есть, благодареніе Богу, значить отдѣлался, а этотъ самъ себя арестовалъ. Одѣлся въ форму, шарфъ надѣлъ, киверъ, чешуйки застегнулъ, одно слово — въ полномъ парадѣ, полусаблю въ шкапъ спряталъ, заперся въ комнатѣ, да такъ не ѣвши, не пивши цѣлыя сутки и просидѣлъ. Служба чело-вѣкъ былъ, ну и вознесся значить, теперича самъ полкомъ командуетъ, до генерала дошелъ!

И всю, то есть, жизнь то-же куда форменную велъ, какъ часы заведенные или машина какая. Все это у него значить расписано, когда встать, когда какое дѣла дѣлать, когда обѣдать, чай пить, когда спать лечь, минуты не упустить, развѣ что служба помѣшаетъ. Въ гости, опять, никуда не ходилъ, а послѣ обѣда гулялъ только. Кушанье что готовить, такъ и на тое положеніе имѣлъ; въ воскресенье да въ среду лапшу молочную, такъ лапша и есть, на цѣлые два года и пошла. Такое ужъ распisanіе у него было и каждому блюду своя цѣна выставлена, противъ ее значить ячого не прибавить, тридцать копеекъ на обѣдъ отпустить и справляйся какъ хошь, только что въ праздники лишній пятакъ отпускалъ; «у меня, говоритъ, рассчитано, тутъ какъ разъ на все хватить», ну и точно хватало, потому размѣряешь, какъ велѣно, такъ и дѣлаешь.

И во всемъ-то такой умѣренный былъ; не курилъ, хмѣльнаго, теперича, ничего въ ротъ не бралъ, картъ и въ руки не умѣлъ взять, вотъ только что чай больно любилъ, да и то бывало какъ сахаръ класть, такъ смотрѣть смѣхъ: ужъ онъ кусочикъ-то выбираетъ, выбираетъ, что ни на есть аккуратнѣе выберетъ, да и тотъ великъ покажется, отломить и на прикуску отложить; потому стаканъ завсегда въ на-

кладку пилъ, а остальные такъ въ волю, извѣстно напштокъ выходить не дорогой, угрызнетъ на зубъ — сладости мало, а званіе все же есть, значить и дешево и красиво.

Господа это разъ надъ нимъ подшутить желали, на чай къ нему собрались, трое пришли, ужъ они пили, пили, до невозможности, то есть, я три самовара наставилъ; такъ баринъ послѣ этого цѣлую недѣлю чаю и не пробовалъ, то есть, точно отродясь не зналъ его, даже шкатулку въ комодъ заперъ, чтобъ значить соблазну не имѣть. Великую власть пріобрѣлъ надъ собой, то есть, противъ положенія, хошъ ты тресни, ничего не сдѣлаешь.

Молодой, изъ себя красивый да крѣпкій, а младости только ровно не зналъ. Къ женскому полу, теперича, не то чтобъ пристрастіе какое имѣлъ, а скорѣе боялся. Стояли это мы на квартирѣ, дочь у хозяйки была, Авдотьей Семеновной звали, важная дѣвка, кровь съ молокомъ, то есть, и искать такой такъ не скоро найдешь; — другой бы баринъ поэтому предмету всякое стараніе приложилъ, а нашъ куда тебѣ, даже носъ воротить. И диви бы хлопотъ было много или опасался чего, такъ нѣтъ, дѣвка, то есть, сама забѣгаетъ, пожелай только, да ничто не брало; какъ крикнетъ это онъ разъ на нее, и за что самъ не знаетъ, значить за чѣмъ вотъ на глаза попадается, такъ тая сердечная спужалась да и непоказывалась больше, познакомилась съ другимъ нашимъ офицеромъ, да вмѣстѣ съ нимъ и смѣялась надъ нѣмецкимъ бариномъ.

Точно забавный человекъ былъ, и велъ-то себя не по господски совсѣмъ, всякое, то есть, не касающееся до него дѣло, все самъ справлялъ; вотъ только что кушанье не готовилъ, а это самъ и въ комнатѣ уберетъ, пылъ вытретъ, сахару наколетъ, самъ и платье вычиститъ, одѣвается и не подступайся къ нему, воротникъ теперича застегиваетъ, такъ не возьметъ просто руками а бумажкой захватить, чтобъ кантъ дискать не замарать. Раздѣвается то-же самъ, платье это, такъ ужъ онъ укладываетъ, укладываетъ и бумагой-то переложить и салфеткой укутаетъ, ровно годъ надѣвать не придется. Починить что нужно, пуговицу пришить, все самъ, возьметъ это иголку, нитку полчаса вдѣваетъ, контитъ, жоп-

тутъ, даже смотрѣть жалко, а мнѣ не даетъ, «ты говоришь, своими руками только перепачкаешь», точно у меня руки не чисты, даже не слушалъ бы, махнешь рукой да и прочь пойдешь, пуцай убивается коли самъ желаетъ!

И всегда это у него какое ни наестъ дѣло найдется: то картинки обклеиваетъ, то какую коробочку, теперича изъ календарей царскіе патреты вырѣзывалъ, вставить это въ рамку и на стѣну повѣсить, много накопилъ; то киверъ мѣломъ потретъ, то перчатки моетъ, въ пальцахъ то-же вышивалъ; купилъ это разъ новаго ситцу на мебель, всю самъ околотилъ, ровню обучался мастерству этому; срамъ сказать, носки такъ и тѣп самъ штопалъ.

Копотно жилъ, такъ ужъ копотно, что не приведи Госноди, а только и бѣдствій не видалъ, долговъ теперича никакихъ, на чистоту все, жалованья впередъ не бралъ, а получить это какъ слѣдуетъ въ свое время треть, рассчитаетъ, значитъ, на мѣсяцы, а тамъ что хошь, супротивъ своего положенія не проживетъ, остатки останутся, спрячетъ. Была у него этакая кружка заведена, вотъ что на церковь собираютъ, только что махонькая, и печать къ ней приложена, такъ это онъ туда остаточныя деньги спускалъ, прочіе господа экономической суммой ее прозвали.

Такъ вотъ, ваше благородіе, какой форменный человекъ былъ, тутъ и деньщику какая жизнь, ничего, то есть, ты себѣ ни худаго, ни хорошаго не видишь, такъ одна тягота только. Переѣхалъ это онъ на другую квартиру, со столомъ нанялъ, ну и меня отпустилъ, потому, извѣстно, была одна работа лашшу варить, а теперича, значитъ, и той не стало.

Пошелъ я тутъ по мыгартствамъ гулять, все, то есть, съ мѣста на мѣсто слонялся, жилъ у многихъ господъ, почитай, что у трехъ или четырехъ, а только не по долгу все; кто, значитъ, въ отставку вышелъ, кто перешелъ, а кому и просто не нуженъ оказался, такая ужъ перемѣнная линія вышла. Это то-же для нашего брата не подъ ладъ, потому не усвѣешь ты одну сноровку взять, глядишь и другой требуется, что у одного барина хорошо, у другаго не годятся, всякій, то есть, по своей части. Одинъ все спитъ, другой дома не живетъ, одинъ къ сапогамъ пристрастіе имѣетъ, лучше безъ

хлѣба просидить, только чтобъ сапоги блестяли какъ зеркало, другой все помады разныя покупаетъ, цѣлый день чешется да завивается, одинъ баринъ у деньщика на рукахъ, самъ, то есть, ничего не знаетъ ни одѣться, ни обуться, а другой окромя своей и деньщицкую службу справляетъ, одинъ ретивый, другой лѣнивый, одинъ простъ, другой гордъ; извѣстно, у каждаго человѣка своя струна есть, а ты къ ней, значить, принаравливайся, какъ она гудѣть будетъ, такъ и ты поступай.

Теперича маіоръ былъ у насъ въ полку, такъ тотъ; кажись, безъ худаго слова и жить не могъ, такъ его худострунной балалайкой и прозвали. Руками не обижалъ и не злой человѣкъ былъ, а безъ худаго слова ни лечь, ни встать, ни за хлѣбъ за соль принятся, ничего не могъ; такая ужъ у него привычка взята была, что ругаетъ ли онъ тебя, хвалить ли, приказываетъ ли, солдатъ ли учить, всегда съ худымъ словомъ. Ну и солдатики любили его, потому манеру эту провѣдали; онъ цѣлый батальионъ обзываетъ, соловьемъ заливается, а имъ смѣшно только. Опять же не только нижняго чина величалъ такъ, а и съ прочими господами все одно, безпремѣнно родителей помянетъ; тѣи и не обижались на него, потому извѣстно у человѣка къ языку этакое слово пришито, можетъ съ колыбели далось ему, такъ и не радъ, а спустить.

Это я для примѣра говорю, что разные господа бываютъ. Теперича докторъ нашъ, даромъ что докторъ, а куда больно водку любилъ; какъ это десять часовъ поутру стукнетъ, такъ и кричитъ деньщику своему: «Иванъ! фрухту!» ну, Иванъ ужъ и знаетъ, что фрухтомъ рѣдка прозывается, тащить. Съ утра начнетъ, а къ ночи полуштофа глядишь и нѣтъ, въ одиночку и осушить, а хмѣленъ не бывалъ, такъ ужъ закрѣпилъ себя. Бывало господа спросятъ его: «Что моль вчера дѣлали, Иванъ Алексѣичъ?» «Да ничего, отвѣчаетъ, въ четверомъ полуштофъ выпили; Иванъ Алексѣичъ зашелъ, Полигонинъ былъ, докторъ да я, вотъ мы, говорить, и осушили.» А выходитъ, ваше благородіе, что все это одинъ человѣкъ, тотъ же докторъ, потому звали его Иванъ Алексѣичъ, а фамилія ему Полигонинъ была.

Опять же не то, что человекъ, а и скотина и тая то-же привычку имѣть, свой домъ знаетъ; а тутъ ровно цыганъ какой шатаешься, ничего, то есть, настоящаго у тебя нѣтъ. И у хорошаго господина служишь, а только, кажись, и на дурнаго бы промѣнялъ, только бы знать, что тутъ дескать твое и есть мѣсто, а не то, что перекладная какая-нибудь.

Попалъ я это на время къ нашему казначею; кучеръ у него заболѣлъ, то-же изъ деньщиковъ былъ, такъ онъ за мѣсто его меня въ кучера произвелъ; въ армякъ нарядилъ, бороду привязалъ, волоса въ кружокъ выстригъ, затылокъ подбрилъ, какъ слѣдуетъ, мужикомъ сдѣлалъ. Такая ужъ это наша служба пестрая, что, значить, всякое дѣло отъ тебя требуется, неумѣнъ не отговаривайся, а на все свои способы долженъ имѣть; сказано, теперича, поваромъ быть — поваръ и есть, камердиномъ — камердинъ, сапожникомъ — такъ сапожникъ, кучеромъ — кучеръ, хоша бы, кажись, и бабѣ какое дѣло отъ тебя потребовалось и тое исполнить долженъ, и прачка, и судомойка, и горничная все ты, одинъ человекъ да только десять рукъ у тебя, одно слово — казенный деньщикъ.

Казначей своихъ лошадей не держали, а отпускались имъ, значить, казенныя, кормъ то-же шелъ, дрожки да сани старенькія генеральскія подарены были, такъ оно ѣздить-то и сподручно. Бывало день-деньской съ утра до вечера все катаемся, когда по дѣлу, а когда отъ бездѣлья, для форсу только, запряжешь въ пристяжку и дуешь себѣ — значить, казначейскую даму везешь. Это въ полку такъ ее прозвали, потому казначей холостой были, а жила у нихъ этакая, не то что барыня настоящая, не то что нашему брату ровная, а такъ середка на половинѣ — нѣмка. Злющая баба была, куда шибкая да бойкая и изъ себя не красивая, ничего, то есть, въ ней и хорошаго-то не было, а власть большую имѣла, всѣмъ заправляла; казначей, теперича, только на счетахъ знай постукиваетъ, а она это и шумить и гудить, всякое дѣло рѣшаетъ, въ служебную часть и въ тую мѣшается. Взаправду сказать, такъ настоящій казначей она была, вотъ только что за приѣмкой развѣ не ѣздила, а то всякое распоряженіе все отъ нее выходило. Другіе господа

то-же, кому теперича надобность впередъ изъ жалованья взять, завсегда къ казначейской дамѣ обращался, потому пожелаетъ она, такъ и деньги будутъ, а нѣтъ такъ ужъ какъ не майся, ничего не выжмешь. Привыкъ что ли казначей къ такому порядку, боялся ли свою Каролину Ивановну, кто ихъ знаетъ—не разберешь. Сказывали люди, что она генераломъ ему была передана; а только завѣрно не знаю.

И дивн бы по молодости да неопытности такую слабость имѣть, такъ куда тебѣ, голову сѣдымъ волосомъ подернуло: потому изъ солдатскаго званія выслужился, такъ тутъ скоро не развѣдешься, а жилъ словно ребенокъ. Теперича, хошь бы до нашего брата, угодилъ ты этой дамѣ, такъ и хорошъ значить, а нѣтъ, сказала одно слово, а тамъ расправа извѣстная, правъ ли, виноватъ ли, разбирать не стануть.

Недолго я оставался на этомъ мѣстѣ, скоро и отошелъ, настоящій ихъ кучеръ выздоровѣлъ. Оно и то хорошо, что по крайности безъ обиды убрался, потому я по своей должности мало, значить, касался нѣмки, а другой деньщикъ былъ, что въ комнатахъ находился, тотъ всякое претерпѣніе имѣлъ.

Извѣстно, ваше благородіе, выходитъ и пуще того обиднѣе, потому, кабы ты отъ барина страдалъ, такъ на то баринъ и есть, такое ужъ его званіе, и не хорошо, а терпишь, а тутъ баба, да и баба-то еще какая сомнительная. Опосля казначей и женился на ней — сила была!

Состоялъ у насъ поручикъ въ полку — лютый человекъ, звали его Иванъ Савичъ, а фамилія ему была Ежець; солдатки его фертомъ прозвали, потому изъ себя онъ былъ такой ломаный, надувной, да опять же и форсу любилъ задавать. Заболѣлъ деньщикъ у него, грудью заслабъ, сказывали забить былъ, такъ онъ его отправилъ въ госпиталь да меня къ себѣ и потребовалъ.

Ужъ тутъ, ваше благородіе, извѣстное дѣло, радости было немного къ такому человекѣ поступить, котораго, то есть, никто въ полку хорошимъ словомъ не помянетъ, ни солдатки, ни прочіе господа, никто не любитъ. Крѣпко не

хотѣлось, кажись, вотъ лучше бы ты въ могилу легъ, думалъ, думалъ, иначе все же долженъ былъ превозмочь себя, потому такая ужъ это наша служба, — законъ велитъ, ну и конечно, разговаривать нечего.

Пообчистился я маленько, въ баню сходилъ, перекрестился да и явился къ новому барину. Вхожу — вижу сидеть на диванѣ поджавши ноги, трубку курить, халатъ на немъ такой важный, бархатный, ермолка на головѣ шитая, ну и вокругъ себя, въ комнатѣ, все, то есть, какъ слѣдуетъ. Посмотрѣлъ это онъ на меня ровно царь какой, такое значить лицо сдѣлалъ, что и не подступайся къ нему. «Ты, говоритъ, что?» — «Къ вашему, говорю, благородію въ деньщики назначенъ, такъ вотъ, молъ, явиться пришелъ.» Какъ крикнетъ это онъ, такъ у меня даже ноги подкосились... «Осель! съ начальствомъ говорить не умѣешь, вѣрно били мало: имѣю счастье явиться, долженъ сказать; ты, говорить, какой губернія?» — «Такой-то.» — «Зовутъ какъ?» — «Никаноромъ», говорю. — «И кличка-то какая дурацкая. Служить, говорить, мнѣ исправно, понимаешь, а чуть что, такъ я съ вашей братьей — скотомъ разговаривать много не стану; первое дѣло, безъ доклада никого не принимать, кушанье мнѣ готовить не нужно, обѣдаю я не дома, содержать все въ чистотѣ и порядкѣ, ну, и дѣлать все что прикажутъ, безъ разсужденія — живо, чтобъ горѣло все.... Одежда у тебя есть?» — «Есть, говорю, сертучишка, вотъ что на мнѣ изволите видѣть, а только сорочки всего двѣ, да и тѣи плохи.» — «Небось, говоритъ, проишлъ все; ужъ это народъ такой, безъ палки ничего не сдѣлаетъ. У меня тамъ фракъ есть, такъ ты его изволь надѣвать каждый день съ двѣнадцати до четырехъ часовъ, потому ко мнѣ господя ѣздить, понимаешь? да носить бережно, а то вамъ скотамъ только дай что-нибудь. Волосы чтобъ всегда завиты были, морда вымыта, сапоги и руки вычищены. Пошелъ, говоритъ, на лѣво кругомъ, маршъ!» Тѣмъ разговоръ и кончился.

Ушелъ это я къ себѣ на кухню, такъ такая, то есть, меня тоска одолѣла, ровно за сердце что гложетъ, кажись, руки бы на себя наложилъ; думаю себѣ: Господи Боже мой, та-

кой же ты человѣкъ, образъ и подобіе Божіе на себѣ носишь, а и лица то у тебя нѣтъ, а есть морда какая-то, ровно у скотинны, не успѣлъ ты носу показать, такъ не то что ласковое слово аль привѣтъ встрѣтилъ, а и обругали тебя, и заступы-то у тебя нѣтъ, и самъ сказать ничего не можешь — молчишь; собаку, тую тронь и та отгрызнется, значитъ послѣдняя тварь ты на свѣтѣ, только что званіе человѣка имѣешь! Горе да и только, опять же и смѣхъ беретъ. Ни сорочки, ни сапогъ у тебя нѣтъ, а тутъ во фракъ рядись, волосы завивай, тамъ кучеромъ былъ, а тутъ въ французы попалъ — камердиномъ сталъ. Имя не хорошо, точно самъ я его выдумалъ, родители нарекли во святомъ крещеніи, тридцать съ лишнимъ лѣтъ прозывался имъ, а тутъ, вишь, не хорошо стало, какимъ-то Нерономъ прозывать зачалъ, на посмѣяніе ему досталось. Показываетъ это другимъ господамъ, словно, обезьяну какую, «Вотъ, говоритъ, у меня римскій императоръ служить;» только, бывало, плюнешь про себя, извѣстно, надъ слабымъ человѣкомъ надругаться легко, было бы только желаніе. Думалъ я сказать ему: не могу, дескать, такъ прозываться, явите, молю, Божескую милость, да не сказалъ только, потому расправа-то его больно коротка была.

Потосковалъ я такимъ манеромъ, разсудилъ, то есть, самъ съ собой и вижу, дѣлать нечего, хныканьемъ да оханьемъ ничего не возьмешь, служить зачалъ, во фракъ каждый день рядиться.

Иванъ Савичъ то-же бѣдность были, своихъ достатковъ ипкакыхъ не имѣли, только что на словахъ все, а на дѣлѣ — дымъ! Оно извѣстно, посторонняго человѣка обмануть да отуманить можно, ну, а нашего брата не надуешь, потому всякую мелочь знаетъ. Ъздилъ, теперича, завсегда на ляха-чахъ, одѣнется это, духовъ на себя нальетъ, такъ всякая питка на немъ, кажись, особымъ манеромъ пригната, на другихъ господахъ хоть и новѣе что, да виду того не имѣетъ, значитъ сноровки той нѣтъ. Все это блеститъ, бряцптъ, въ глазу стекло вставлено, сабля отлетѣла на сажень; одно не хорошо въ домѣ, все на записочку; и диковинное дѣло, много баринъ долженъ былъ, платилъ мало, а только всѣ

вѣрили ему, такъ это онъ, значить, показать себя умѣлъ, что каждый къ нему ровно почтеніе какое-то чувствовалъ. Теперяча хошь бы портной иль сапожникъ придетъ денегъ просить, онъ ему когда руку пожметъ, когда замѣчаніе сдѣлаешь, когда пивомъ попотчуетъ — урезонить, ну, и терпѣть. Взглянетъ, бывало, мимо пройдетъ, съ солдатикомъ поздоровается, такъ фу ты Господи, кажись и простая вещь, ходитъ да глядѣтъ всякій умѣетъ, а только другому и въ жизнь такъ не сдѣлать, одно слово — величіе, да и все тутъ!

Иной разъ безъ обѣда просидитъ, и тяжело, животъ подводитъ, радъ бы солдатскими щами позанимствоваться, да форсъ-то значить не позволяетъ, ужъ характеръ такой имѣли, себя не уронить, скажется нездоровымъ и лежить, или корку чернаго хлѣба погложетъ, а спроси что обѣдалъ, такихъ соусовъ наскажетъ, что только слушай да облизывайся.

Пуще всего не любилъ, когда къ нему кто безъ доклада войдетъ, боялся, значить, чтобъ его ничтожности не раскрыди, ну, а тутъ какой докладъ: хоромы не Богъ знаетъ какія, гостиная и спальня и кабинетъ все одна комната, да другая передняя, не успѣешь и доложить какъ глядишь и гость вошелъ, вотъ и отвѣтствуй; при чужомъ тебѣ ничего не скажетъ, а только звѣремъ посмотреть, ну и знаешь, что раздѣлка послѣдуетъ.

Разъ это забылъ я двери на лѣстницу запереть, и самъ не знаю, какимъ манеромъ, а только забылъ. Приѣхалъ какой-то баринъ, видитъ двери не заперты, взялъ да и вошелъ втихомолку, идетъ прямо къ Ивану Савичу. А Иванъ Савичъ, ваше благородіе, въ это самое время на сухомъ удовольствіи состояли. Положилъ это онъ предъ собой ломоточникъ хлѣбца чернаго, сидятъ преспокойно да уплетаютъ, набѣлъ за обѣ щски, только на зубахъ хруститъ. Халатъ на немъ старый, худенькій, сорочка то-же грязная, значить ужъ какой тутъ пріемъ, на дырахъ да на хлѣбѣ форсу не покажешь. Какъ увидѣлъ это онъ гостя, такъ даже сробѣлъ совсѣмъ, не знаетъ, за что и приняться, и халатомъ-то захватывается, и руку протягиваетъ, и хлѣбъ это проглотить нужно, справиться не можетъ, торопится, а тутъ и того

хуже выходить, потому во рту много, давится, слезы на глазах выступили. Оно, теперича, и смѣшно вспомнить, а въ ту пору много я пострадалъ за этотъ случай, во всю свою деньщицкую службу ничего такого не испытывалъ. Ужъ какъ надругался надо мной Иванъ Савичъ, такъ и сказать нельзя, на всякія, то есть, манеры; такъ тяжело пришлось, что я, значить, до сей поры ничего въ ротъ хмѣльнаго не бралъ, а тутъ только и облегченіе, что въ кошушкѣ нашель.

Оно извѣстно, пьянство послѣднее дѣло, а только иной разъ человѣкъ самъ въ себѣ не воленъ, горе одолѣеть, потому, знаешь, за одно погибать. И какъ подумаешь, такъ все Господь Богъ къ лучшему дѣлаеть, потому не попади я на эту линію, Иванъ Савичъ можетъ и долго бы продержалъ меня; ну, а тутъ, видитъ, испивать началъ, выходить услуга плохал, наказалъ разъ, другой, третій, жестоко наказалъ, нейметса, хуже пошло, махнулъ рукой да и прочь прогналъ; а попалъ это я на новую жизнь, такъ и пить пересталъ.

Главная причина — какъ повести человѣка, ты прежде укрась да окуражь его, примѣръ подай, да и требуй всего хорошаго, за бездѣлье — взыщи, за дѣло — награди, а ругательствомъ да побоями не много возьмешь, ужъ это послѣдняя статья. Ударилъ человѣка разъ, такъ и больно, и стыдно ему, и въ глазахъ потемнѣеть, и по сердцу ровно мурашки забѣгаютъ, ударилъ второй и не хорошо, а ужъ ибтъ того чувствія, третій — еще легче, а это десятый, двадцатый, такъ только почешешься да и прочь пойдешь, ровно и слѣдуетъ такъ, потому то-же ко всему свычка.

И куда требовательный человѣкъ былъ Иванъ Савичъ, отговорокъ, то есть, никакихъ не принималъ, иной разъ и невозможное дѣло, а исполнить долженъ, хошь украдь а достань да выложи, потому, знаешь, собственнымъ тѣломъ отвѣчать придется, такъ на все пойдешь.

Собрались это разъ вечеромъ гости къ нему, и всего-то два человѣка, а все же угостить нужно, потому не свои господа — посторонніе, такъ себя показать слѣдуетъ; значить, деньги требуются, а ихъ-то у насъ въ ту пору какъ на зло не было. Выходить это баринъ ко мнѣ: «такъ и такъ, до-

стать, говорить, бутылку вина, деньги за мной останутся.» Я и отвѣчаю ему, «погребщикъ, молъ, не вѣрять, старый долъ требуетъ. — Осель! говорить, сказано достать, чтобъ было! Дурацкая, говорить, морда, ты думаешь, что сапоги умѣешь чистить такъ и хорошъ, ты долженъ умѣть для барина все сдѣлать, понимаешь, болванъ, изъ ничего все, родить если нужно, пошелъ!» — Что ты будешь дѣлать. Постоялъ я, подумалъ, подумалъ, вижу ничего не выдумаешь, не на воровство же въ самомъ дѣлѣ идти; было у меня тутъ своихъ денегъ три красненькихъ скоплено, взялъ изъ нихъ да и купилъ, думаю себѣ отдасть, зажилить у деньщика все одно, что нишаго ограбить, а вышло такъ, что я же и пострадалъ за свою доброту, можно сказать. Пришло это время расплатится съ погребщикомъ, я барину и напомнилъ, что вотъ-молъ такъ и такъ, тогда-то и тогда на свои деньги купилъ, такъ вѣрите ли Богу, онъ же и обругалъ меня: да тебя, говорить, кто просилъ, да какъ ты смѣлъ, да ты меня обсытывать вздумалъ, обворовывать, такой сякой, подлець да мошейникъ, да и отхлесталъ еще. Такъ какъ же тутъ было воздержаться, ваше благородіе, ни пить, то есть, вѣдь не денегъ жалко, пропадай онѣ, не разживется двумя рублями, на гробъ пригодятся, а жаль себя, потому видишь — гибнать ты понапрасну, нѣтъ тебѣ на свѣтѣ никакой радости, бьютъ какъ собаку негодную, за твое же одолженіе мошейникомъ величаютъ, такъ поневогѣ остается у тебя одно утѣшеніе, что сивухой нагружишься, покрайности на время свою муку мученическую позабудешь!

Опять же не то что съ нашимъ братомъ, а и съ прочими господами офицерами Иванъ Савичъ куда неуживчивъ былъ; со всѣми это перессорится, перебранится, потомъ опять сойдутся, квартиру — и тую по десяти разъ въ годъ мѣняли, то то не по вкусу придется, то другое, потому нравъ крутой очень имѣли, къ тому же и важности, спѣси-то много; оно извѣстно, передъ нашимъ братомъ это легко, ну а господа статья особая, бары такіе же, такъ имъ и не по нутру приходилось. И диковинное дѣло, вѣдь не то чтобъ сердце у барина такое каменное да злое было, нѣтъ, собака у нихъ околѣла, такъ онъ еле не плакалъ, а собственно къ подчинен-

нымъ такъ расположилъ себя, значить, ихъ хуже скота считалъ. Опять же не только что съ своимъ деньщикомъ, или солдатикомъ такое обращеніе имѣлъ, а и постороннему никому не спустить; толкнётъ ли мужикъ на улицѣ нечаянно, писарь-ли фуражки не сниметъ, съ половымъ-ли въ трактирѣ не поладить, извозчикъ-ли повезетъ тихо, все одно, такъ и наровить какъ бы въ морду съѣздить, руки у нихъ надо быть такъ устроены были, что безъ этой работы и жить не могли.

Кажись бы такому человѣку, который, то есть, къ другимъ состраданія не имѣетъ и самому счастья ни въ чемъ не было, а только выходило иначе, на это Иванъ Савичъ не могъ пожаловаться. По службѣ они были очень исправны, значить и начальство ихъ жаловало, отличало всегда, чинъ штабсъ-капитана получилъ, потомъ орденъ дали, такъ важности пуще того прибавилось, все хорошо шло, только вотъ въ деньгахъ иногда недостача была, да и то не какъ у другихъ, потому больно споровистъ былъ, изворотиться умѣлъ, ну и подѣхать когда къ кому нужно то-же его дѣло было, на всѣ руки мастеръ; такимъ манеромъ и жилъ, когда займетъ, когда свое получить, когда Богъ его вѣдаетъ откуда достанетъ, кажись никакихъ средствъ нѣтъ, а онъ выроетъ, а то и вѣтеръ въ карманѣ свиститъ, а онъ тебѣ тысячами ворочаетъ, пыль въ глаза пушаетъ, такъ не то что другихъ и самъ себя обманетъ, сидитъ это надувшись, подбоченясь, ровно королевичъ какой, богачъ да и только! Боекъ былъ, куда прытокъ да ловокъ, корчилъ, корчилъ богатаго, да и взаправду разбогатѣлъ; видно ужъ на роду ему было написано такъ.

Купецъ это у насъ въ городѣ жилъ, богатѣйшій человѣкъ, такъ они дочку его влюбили въ себя, да и женились. Отецъ-то было заломался, заартачился, не хотѣлъ отдавать дочь за барина, то-же старикъ крѣпкій былъ, такъ Иванъ Савичъ по начальству дѣйствовалъ. Генералъ уломалъ, такъ и отдалъ. Въ эту самую пору баринъ и отпустилъ меня, потому, какъ я ужъ докладывалъ вашему благородію, зачалъ я тутъ крѣпко къ косушкѣ придерживаться, а какъ имъ не до того было, хлопотъ безъ того много, такъ они наказали

меня, то есть, въ послѣдній разъ, чтобъ память была, да и прочь прогнали.

Была тутъ ихъ свадьба, гостей почитай что со всего города нагнали, пировали господа цѣлую недѣлю, даже всѣ ученья по этому случаю отмѣнены были, а тамъ вскорости и старикъ отецъ померъ, богатство оставилъ все дочери, потому одна была. Иванъ Савичъ и тутъ не промахнулся, перевелъ это все на себя, прожилъ съ супругой годика три, сказывали то-же въ страхѣ держалъ, а тамъ поминай какъ звали, бросилъ ее, перешелъ въ гусары, да и былъ таковъ.

Въ эту самую пору перевелъ и меня въ другой полкъ, тамъ къ вашему благородію назначили, а дальше нечего рассказывать, сами изволите знать.»

А. В. СКІЙ.

20 апрѣля 1859 г.

Изъ Гейне.

I.

Я любилъ прежде солнышко, лилія, птичекъ и розы,
Я любилъ прежде лѣса веселую ткань изумрудную;
Но теперь я люблю, такъ что въ сердцѣ и радость и слезы,
Лишь ее, мою милую, нѣжную, ясную, чудную.
Къ ней одной обратилась моя вся любовь и привычка;
Мнѣ одна лишь она — роза, лилія, солнце и птичка.

II.

Я тебя на крыльяхъ пѣсни
Отнесу, моя краса,
На далекій берегъ Ганга,
Подъ чужія небеса.

Тамъ сады благоухаютъ,
Луннымъ свѣтомъ облиты,
И къ себѣ сестру ждетъ лотусъ,
Распустивъ свои листы.

Тамъ смѣются гіацинты,
И другъ другу въ забытыи
Розы тихо шепчуть сказки
Ароматныя свои.

И газель, тотъ шопоть слыша,
Прыгать вдругъ перестаетъ;
И шумитъ священный Гангесъ
Вѣчнымъ шумомъ вѣчныхъ водъ.

Тамъ подъ пальмою мы ляжемъ,
И въ сіяніи луны,
Будемъ пить любовь, и будемъ
Золотые видѣть сны.

III.

Въ голубыя волны Рейна,
Полнь церквей и колокольнъ,
Со святымъ своимъ соборомъ
Нашъ святой глядятся Кельнъ.

Въ томъ соборѣ есть икона,
Вся на фонѣ золотомъ.
Долго шелъ я въ степи жизни,
Освѣщенъ ея лучомъ.

Вкругъ нея цвѣты живые,
И народъ тѣснится къ ней....

.....
.....

IV.

Отчего такъ блѣдны розы?
О, скажи мнѣ, отчего?
Отчего въ травѣ фіалки
Не лепечуть ничего?

Отчего поютъ всѣ птички,
Болю сердце шевеля?
Отчего, полна цвѣтами,
Трупомъ пахнетъ вся земля?

Отчего роса на солнцѣ
Такъ печальна и мрачна?
Отчего, скажи, природа
Какъ могла убрана?

Отчего я самъ такъ боленъ,
Что конца не вижу дня? —
Для чего, скажи мнѣ, другъ мой,
Ты покинула меня?

V.

Покрывались цвѣтомъ липы,
 Пѣли въ рощахъ соловьи, —
 И меня лобзали нѣжно
 Губки милыя твои.

А потомъ желтѣли липы,
 Каркала воронъ на соснѣ;
 И простилась ты со мною,
 Кникъ съ холодный сдѣлавъ мнѣ.

VI.

Дитя мое, мы были дѣти,
 Росли и играли вдвоемъ,
 Вдвоемъ заползали въ курятникъ,
 И весело прятались въ немъ.

Кричали мы тамъ по пѣтушью,
 И люди ходили вокругъ:
 «Кукуреку!» — Они думали,
 Что это точно пѣтухъ.

Въ зарѣ, на дворѣ у насъ бывшемъ,
 Убравъ его разнымъ тряпьемъ,
 Мы вмѣстѣ рѣзвились и жили —
 И это былъ знатный нашъ домъ.

И старая кошка сосѣдей
 Къ намъ въ гости ходила, и ей,
 Съ поклонами, мы говорили
 Такъ много пріятныхъ вещей:

Всегда о здоровьи спѣшили
 Спросить у ней съ жаромъ такимъ! —
 Все это потомъ расточали
 Мы старымъ кошкамъ другимъ.

Разумно, какъ старые люди,
 Мы часто вели разговоръ
 О томъ, какъ въ нашъ вѣкъ было лучше,
 Какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ.

Какъ вѣры все менѣе въ мірѣ.
 Какъ вѣрность рѣдка и любовь;
 Какъ кофе и чай дорожаютъ,
 И сколькихъ все просить трудовъ.

Исчезли тѣ дѣтскія игры,
 Исчезъ ужъ и многому слѣдъ:
 Любовь измѣнила, и время,
 И вѣры, и вѣрности нѣтъ.

VII.

Мнѣ снилось, что мѣсяцъ такъ грустно свѣтилъ,
 И звѣзды такъ грустно свѣтили;
 И былъ унесенъ я въ тотъ градъ, гдѣ любилъ,
 За многія тысячи милей.

И къ дому любезной моей приведенъ,
 Крыльца цѣловалъ я ступени,
 Которыхъ краями касался хитонъ,
 Ея покрывавшій колѣни.

И хладъ того камня мнѣ въ душу проникъ,
 И долго я видѣлъ, смущенный,
 Въ открытомъ окнѣ предъ собой блѣдный ликъ,
 Сіяньемъ луны освѣщенный.

VIII.

Они меня мучили много
 И сдѣлали смерти блѣднѣй —
 Одни — своею любовью,
 Другіе — злобой своей.

Они мнѣ питье отравляли,
 Ядъ къ пищѣ мѣшали моей —
 Одни — своею любовью,
 Другіе — злобой своей.

Но кто меня больше всѣхъ мучилъ,
 Кто больше меня отравилъ,
 Такъ тотъ не питалъ ко мнѣ злобы,
 Меня никогда не любилъ.

IX.

Мнѣ снилось снова, что царская дочь,
 Полна непонятной тоскою,
 Со мною подъ липой сидѣла всю ночь,
 Безумно обнявшись со мною.

«Не нужно мнѣ трона отца твоего,
 Не нужно его самовластья,
 Ни тяжелой короны, ни скиптра его —
 Мнѣ нужно тебя, мое счастье!»

— «Лежу я въ могилѣ; нельзя тому быть;
 И крѣпко мой гробъ заколоченъ;
 Но буду я ночью къ тебѣ приходить —
 Затѣмъ, что люблю тебя очень.»

X.

Какъ можешь ты спать спокойно
 И зная, что я живу? —
 Проснется мой гнѣвъ позабытый —
 Я цѣни свои разорву.

Не знаешь ты старую пѣсню,
 Какъ въ мертвомъ проснулась любовь,
 И дѣвушку ночью унесъ онъ
 Въ могилу, въ двѣнадцать часовъ?

О ты, несравненная, вѣрь мнѣ,
 Ты, горе всей жизни моей —
 Живу я, и все-таки въ жизни
 Я мертвыхъ страшнѣй и сильнѣй.

XI.

Никакъ я забыть не умѣю,
 Ревнивой тоскою томимъ,
 Что ты была прежде моею —
 Душою и тѣломъ своимъ.

То тѣло — уста и занты —
 Понынѣ мнѣ жизни милѣй;

А душу свою скорони ты;
Довольно съ меня и моею.

Я ей подѣлюся съ тобою,
И въ знойный свиданія часъ
Пусть выйдетъ съ единой душою
Единое тѣло изъ насъ.

XII.

Лѣтнимъ утромъ въ садъ я выпшегъ —
Солнце, мошки, блескъ и шумъ;
Все пестрѣетъ и лепечетъ,
Я лишь блѣдень и угрюмъ.

И цвѣты, склонивъ головки,
Тихо шепчутъ вслѣдъ за мной:
«Не вини сестрицу нашу,
Ты, убитый и больной».

XIII.

Всѣхъ самоубійць хоронять
На распутьи, межъ дорогъ;
Тамъ растетъ цвѣтокъ унылый —
Блѣдный, проклятый цвѣтокъ.

Я на томъ распутьи ночью
Плакалъ, сердцемъ изнемогъ....
Въ лунномъ свѣтѣ колебался,
Блѣдный, проклятый цвѣтокъ.

XIV.

Пѣсни старыя и злыя,
Сны, рожденные тоской,
Скоронить хочу я нынче —
Гробъ мнѣ надобно большой.

Не скажу, я, что еще въ немъ
Я хочу похоронить,
Только гробъ тотъ больше бочки
Гейдельбергской долженъ быть.

И носилки принесите
 Изъ надежныхъ мнѣ досокъ —
 Моста майнцаго длиннѣе —
 Чтобы гробъ стоялъ въ нихъ могъ.

И двѣнадцать велпкановъ
 Приведите пзъ-за горъ —

.....

Пусть возьмутъ и въ море кинуть
 Гробъ большой тотъ, оттого,
 Что нужна большая также
 И могилы для него.

Но зачѣмъ такой великій
 Нуженъ гробъ мнѣ? — Я свою
 Схороню любовь въ немъ тоже
 И страданья схороню.

XV.

На Брокенѣ.

Ужъ свѣтлѣетъ на востокъ,
 Выходитъ солнце золотое,
 И далекихъ горъ вершины
 Освѣтились, въ нихъ покоѣ.

Сапоги-бы самоходы,
 И тогда-бъ, какъ вѣтеръ дикій,
 Полетѣлъ я къ той вершинѣ,
 Гдѣ ея спитъ домикъ тихій.

Осторожно-бъ у постели
 Разодвинулъ я гардины,
 Тихо лобъ поцѣловалъ-бы,
 Тихо — устъ ея рубины.

И еще-бы тише въ ухо
 Ей шепнулъ я, безъ печали:
 Грезь во снѣ, что мы другъ друга
 Никогда не покидали.

П. И. КУСКОВЪ.

ИЗЪ ЯПОНИИ.

Хакодате, на островѣ Матсмаѣ, 15 іюня 1859 года.

При входѣ въ Хакодатскій заливъ, какъ только мы успѣли поравняться съ горой, заслоняющей городъ съ моря, — на встрѣчу намъ выѣхала шлюпка подѣ японскимъ флагомъ, (желтый шаръ на бѣломъ полѣ). Это были лоцманы, которые вводятъ въ заливъ и указываютъ якорное мѣсто. Лодка была биткомъ набита народомъ, полунагіе гребцы работали веслами изо-всей мочи, вытянувъ ихъ вдоль бортовъ лодки и буровыя лопасти воду весьма проворно. Эта система гребли подвигаетъ лодку впередъ по тому же закону, по которому судно движется впередъ отъ вращенія архимедова винта. На пароходѣ остановили машину, лодка пристала къ борту и къ намъ на палубу ввалилась цѣлая толпа босой и полунагой публики съ бритыми лысинами, съ связанными въ пучокъ волосами, положенными вдоль бритой головы съ затылка почти до самого лба, въ видѣ мышиннаго хвостика. Нашъ французскій путешественникъ разразился хохотомъ, увидя эту прическу.

«Посмотрите, у нихъ какой-то руль на головѣ,» сказалъ онъ мнѣ..... Это были первые японцы, которыхъ мы увидели въ Японіи.

Одинъ изъ лоцмановъ снялъ повѣшенную у него чрезъ плечо сумочку, билетную изъ спурковъ, вытащилъ изъ нее деревянный ящичекъ, а изъ послѣдняго толстую бумагу, на которой было написано на англійскомъ языкѣ съ одной стороны свидѣтельство, что это лоцманъ и что ему за вводъ

судна слѣдуетъ платить по пяти долларовъ, а на другой форма квитанціи, которую слѣдуетъ ему дать въ томъ, что онъ провель судно благополучно. Этого лодмана поставили на кожухъ парохода и подъ его руководствомъ мы направились въ заливъ. Входъ здѣсь не труденъ и весьма широкъ: только отъ западнаго конца города тянется рифъ, который надобно огибать по срединѣ залива и затѣмъ становиться на якорь близко къ берегу все-таки нельзя. Впрочемъ, на концѣ этого рифа, на пяти-саженной глубинѣ, поставлена нашимъ клиперомъ «Джигитъ» — вѣха, такъ что входитъ въ заливъ и отбить входную банку весьма не трудно, и потому лодмана здѣсь почти лишніе. Судну, побывавшему въ Хакодатскомъ заливѣ, весьма не трудно входитъ другой разъ уже безъ лодмана, особенно при пособіи довольно подробной карты этого залива, составленной офицерами фрегата Діана въ 1854 году и напечатанной гидрографическимъ департаментомъ морскаго министерства въ 1856 году.

Наконецъ изъ-за высотъ начали показываться передъ нами строенія и крѣпость, поставленная на западномъ концѣ города, передъ входнымъ рифомъ. Крѣпость обложена сѣрымъ камнемъ, такъ что съ залива исходящій уголъ ея имѣетъ видъ одного изъ бастіоновъ петропавловской крѣпости въ С. Петербургѣ. Обогнувъ оконечность рифа, мы повернули къ городу, который открылся предъ нами вполнѣ и зданія котораго протянулись не широкою лентою вдоль берега залива, по скатамъ сосѣднихъ высотъ. Въ глубинѣ залива видно было до семидесяти пяти джонокъ, двѣ японскія шкуны и нашъ клиперъ «Джигитъ». Солнцѣ уже сѣло и потому салюта съ клипера не было; мы подходили все ближе къ берегу и, поравнявшись съ японскими шкунами, бросили якорь на глубинѣ пяти саженъ.

Были уже сумерки, но мы все еще стояли на палубѣ и верхней площадкѣ, рассматривая раскинувшійся предъ нами городъ, сѣрыя и темныя кровли котораго рѣзко выступали изъ густой зелени окружавшихъ ихъ садовъ. Между зданіями города мы успѣли примѣтить флагъ русскаго консула, развѣвающійся вблизи широкой крыши большаго храма. Вскорѣ пріѣхалъ командиръ клипера, за нимъ прибыли члены на-

шего консульства. Оказалось, что мы застали всѣхъ ихъ въ расплохъ, потому что корветъ «Воевода», посланный за три дня до нашего выхода изъ Кастри, чтобы извѣстить о нашемъ прибытіи, — еще не приходилъ въ Хакодате. Вслѣдъ за этимъ отъ берега показалась лодка, освѣщенная бумажными фонарями, разрисованными различными фигурами и іероглифами. Гребцы были большею частію нагіе, и работали веслами изъ-всей мочи. Лодка пристала къ борту парохода, изъ нея налѣзла на палубу толпа японцевъ, съ своими уморительными прическами въ видѣ мышинныхъ хвостиковъ, положенныхъ вдоль бритой лысины, въ короткихъ мантильяхъ или кофтахъ съ широкими рукавами, съ двумя саблями прицѣпленными у лѣваго бедра. Одна изъ сабель по короче и повидному имѣетъ назначеніе нашего кинжала, а другая — шашка, такъ что вооруженіе японцевъ можно въ этомъ отношеніи сравнить съ нашимъ кавказскимъ, но никакъ нельзя утверждать, что они носятъ по двѣ сабли, потому что эти два оружія весьма не похожи другъ на друга. На бокахъ ихъ распашныхъ мантилій было по бѣлому круглому значку и такой же на спинѣ, — что, какъ намъ послѣ объяснили, служить знакомъ каждаго состоящаго на государственной службѣ. Ранѣ этого у японскаго лоцмана мы замѣтили на бортахъ его кофты по два японскихъ іероглифа, которые по его объясненію означали «Хакодате».

Приѣхавшіе японцы были чиновники — буніосы, — которые обратились къ намъ съ вопросами откуда пришелъ пароходъ, кто на немъ приѣхалъ, сколько команды, какъ называется судно, какъ фамилія капитана и проч. Нашъ консулъ, г. Гошкевичъ, изъясняющійся свободно по японски, далъ имъ на всё удовлетворительные отвѣты, причемъ довольно долго пришлось объяснять имъ титулъ графа и значеніе каждаго слова этого титула. Буніосы все записывали, многое переспрашивали по нѣсколько разъ и, услышавъ въ первый разъ титулъ *графъ Амурскій*, самодовольно оскалили свои бѣлые зубы. Наконецъ эта публика отправилась обратно, передавъ поздравленіе хакодатскихъ губернаторовъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

Было уже совершенно темно и мы положили отложить

осмотръ города до завтра. Графъ между тѣмъ отправился на берегъ къ консулу и, пробывъ у него не долго, воротился на пароходъ. На другой день, при подъемѣ флага, клиперъ салютовалъ генераль-губернатору пятнадцать выстрѣлами, у насъ съ «Америки» отвѣчали ему девятью. Пушечные выстрѣлы привлекли вниманіе японцевъ, но какъ замѣтно было, не подняли весь городъ: видно, что японцы быстро цивилизуются и уже привыкли даже и къ иностраннымъ выстрѣламъ. При началѣ салюта на ближней къ намъ шкунѣ подняли японскій флагъ. Утромъ же графъ отправилъ четверыхъ изъ насъ, — въ томъ числѣ и меня, къ губернатору благодарить за вчерашнѣ поздравленіе. Мы одѣлись въ парадные мундиры и отправились къ пристани, которая была обдѣлана большими гранитными кусками въ видѣ лѣстницы. Первое зданіе у пристани — таможня, но таможня къ счастью не дѣйствующая, потому что правильная торговля въ Хакодате съ иностранцами открывается только съ перваго іюля настоящаго года. На пристани, около таможни, стояло нѣсколько буніосовъ, которые не сдѣлали намъ ни одного вопроса, а только внимательно осматривали нашу форму. Отъ пристани въ гору идетъ узкая поперечная улица, которая теперь называется *русскою*, потому что упирается другимъ концомъ въ храмъ, въ которомъ помѣщается русскій консулъ. Мы направились по этой улицѣ къ дому консула и хотя были сопровождаемы толпою любопытныхъ, но нельзя сказать, чтобы толпа эта была велика: здѣсь уже присмотрѣлись къ иностранцамъ и не очень удивляются ихъ одеждѣ и военной формѣ.

Чрезъ нѣсколько шаговъ русская улица пересѣкалась другою, изгибающейся параллельно морскому берегу и наполненною лавками всякихъ предметовъ. Это главная улица Хакодате, называемая *большою*. Далѣе, параллельно ей, идетъ еще подобная же улица, и, наконецъ еще болѣе поднявшись въ гору, третья параллельная первымъ двумъ называется *консульской*. На послѣдней улицѣ, прямо противъ конца русской, — мы вошли въ большія ворота храма, ведущія на внутренний дворъ. На дворѣ, прямо противъ входа, стоитъ большое зданіе главнаго храма, на лѣво отъ него два малыхъ

храма. Направо отъ большихъ воротъ поставлена временная русская церковь, нѣсколько далѣе на этой же сторонѣ пристройка къ главному храму, въ которой помѣщается нашъ консуль. Японскія строенія вообще состоятъ изъ столбовъ и поперечныхъ связей, поддерживающихъ потолокъ и крышу: стѣны же замѣняются легкими щитами, которые по произволу раздвигаются въ обѣ стороны, или даже вовсе вынимаются, когда нужно соединить нѣсколько комнатъ въ одно общее помѣщеніе. Глухія стѣны дѣлаются изъ деревянныхъ щитовъ, внутреннія перегородки изъ деревянныхъ рѣшетокъ, оклеенныхъ разрисованной бумагой; эти же рѣшетчатые щиты, оклеенные тонкой прозрачной бумагой, замѣняютъ окна. Къ такому роду построекъ относится и настоящее жилище нашего консула. Одни щиты отдѣляютъ его отъ храма, другіе раздѣляютъ внутреннее помѣщеніе на нѣсколько комнатъ. Стеклянная стѣна ведетъ изъ главной комнаты на галерею, выходящую въ прехорошенькій садикъ, въ которомъ на небольшомъ пространствѣ выраженъ вполне характеръ тѣхъ миниатюрныхъ японскихъ и китайскихъ садиковъ, которыя до сего времени мнѣ приходилось встрѣчать только въ описаніяхъ. Здѣсь на трехъ шагахъ, встрѣчались и горки, и большія камни, и озерко, и затѣйливо подстриженныя растенія, и кусты различныхъ цвѣтовъ, и вся эта живая и пестрая зелень осынилась большими деревьями, пріютившимися тамъ и сямъ, между этихъ причудливыхъ фантазій. Миниатюрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо. Свѣжая и яркая зелень, перемѣшанная съ клумбами пестрыхъ цвѣтовъ, свѣсившихся въ воду между сѣрыхъ камней, покрытыхъ мохомъ, какъ-то особенно пріятно поражаетъ зрѣніе, — не то что безконечные, запущенные сады и парки нашихъ помѣщиковъ. Видно, что въ Японіи народу много, а удобной земли мало, а потому если позволяютъ себѣ роскошь или прихоть имѣть садъ не для выгоды, а для одной только красоты, то стараются отнять для него какъ можно менѣе удобной и воздѣланной почвы, и взамѣнъ этого на маломъ пространствѣ сосредоточить по возможности все разнообразіе мѣстности и растительности.

Пока мы разсматривали жилище и садикъ нашего консула,

вблизи раздавался постоянный звукъ барабана. Мы спросили что это значить, и узнали что въ сосѣдномъ храмѣ, посѣщаемомъ, и преимущественно, женщинами, этимъ звукомъ сопровождаются ихъ молитвы и что это удовольствіе продолжается по цѣлымъ днямъ, а иногда и поздно вечеромъ. Мы зашли въ этотъ храмъ. На полу, покрытомъ мягкими циновками, сидѣло нѣсколько женщинъ, которыя хоромъ, на распѣвъ, повторяли одно и то-же слово, сопровождая свое завыванье ударами въ барабанъ. Слово это не выражаетъ молитвы, а есть названіе какой-нибудь пѣснѣ молитвенныхъ книгъ, которую выбираютъ по произволу, и повторяя ее имя до изнеможенія, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ акомпаниментомъ барабана, считаютъ, что это все равно, что если бы онѣ читали эту книгу или молились по ней, — другими словами, что въ это время сама книга за нихъ молится тѣми словами, которыя въ ней написаны.

Консулъ послалъ предупредить губернатора о нашемъ посѣщеніи, и вскорѣ явился японскій чиновникъ съ отвѣтомъ, что губернаторъ готовъ насъ принять. Мы отправились въ сопровожденіи этого же чиновника, по консульской улицѣ, къ восточному краю города. Улица шла по окраинѣ крутаго ската, такъ что правая половина ея ширины была врѣзана въ горѣ. При этомъ скрытая отлогость была весьма красиво обдѣлана внизу крупнымъ камнемъ, плоско обтесаннымъ, а сверху обложена дерномъ. На верхней террасѣ, поддерживаемой этимъ крутымъ откосомъ, видны были сады, съ развѣсистую зеленью, бросавшею густую тѣнь на всю улицу, что придавало ей видъ красивой дорожки нашихъ парковъ. И тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, видна была порядочность японцевъ, — всюду зелень, всюду чистота, даже самая задняя улица вымощена камнемъ, и содержится въ постоянной чистотѣ владѣльцами домовъ и лавокъ...

Наконецъ мы подошли къ отвореннымъ воротамъ, у которыхъ стояло нѣсколько чиновниковъ. Нашъ проводникъ побѣжалъ впередъ извѣстить о нашемъ приходѣ, а мы, пройдя ворота, вступили въ широкую прямую аллею, бока которой были обсажены густымъ лѣсомъ, а въ концѣ виднѣлся губернаторскій домъ. Не далеко отъ него по бокамъ аллеи стояли

два навѣса, подъ которыми стояло по два мѣдныхъ орудія на полевыхъ лафетахъ. Подъ лѣвымъ навѣсомъ лафеты стояли безъ орудій, которыхъ не было видно и около ихъ. По фигурѣ орудій я полагалъ, что они американскія, но послѣ узналъ что они японскаго издѣлія, также какъ и лафеты. Взглянувъ на орудія, мы поднялись на ступени крыльца и вошли въ сѣни, задняя стѣна которыхъ, противоположная входу, была обвѣшана разнымъ оружіемъ какъ будто на показъ. У входа толпилось нѣсколько чиновниковъ и солдатъ, вѣроятно составлявшихъ стражу, такъ что эти сѣни имѣли видъ нашей гауптвахты. Здѣсь мы оставили свои пальто и насъ ввели въ длинную залу, родъ галлерей, въ которой наружная стѣна была раздвинута и завѣшена тонкою тканью. На противоположной стѣнѣ были поставлены четыре кресла, а напротивъ ихъ другой рядъ кресель, спинками къ галлерей. Насъ просили на плохомъ англійскомъ языкѣ обождать нѣкоторое время, говоря что переводчикъ еще не пришелъ и что губернаторъ скоро будетъ. Въ ожиданіи этого мы усѣлись на приготовленные кресла, предъ которыми между тѣмъ поставили низенькія скамейки и покрыли ихъ толстымъ краснымъ сукномъ. Наконецъ явился и переводчикъ, а вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ боковой двери и самъ губернаторъ въ своей парадной формѣ, а за нимъ нѣсколько чиновниковъ. Онъ раскланялся съ нами по европейски, сталъ у крайняго кресла, но не садился до тѣхъ-поръ пока мы не сѣли, споразумывая это такъ, чтобы сѣсть въ одно время съ нами. Съ правой руки у него на полу усѣлся секретарь съ мягкой бумагой, кистью и тушью или особаго рода составомъ въ изящной чернильницѣ; рядомъ съ секретаремъ, въ другихъ креслахъ, помѣстился помощникъ губернатора и подлѣ него еще нѣсколько чиновниковъ то-же всѣ на креслахъ. На нашей сторонѣ первымъ съ краю, — напротивъ губернатора, сѣлъ адъютантъ графа, князь Д., рядомъ съ нимъ я, подлѣ меня, секретарь графа — Б. и послѣднимъ флагъ-офицеръ Л. Видно, что японскія власти много уже измѣнили свои обыкновения и привычки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ принимали европейцевъ сидя на полу, потому для европейцевъ стали ставить стулья, наконецъ теперь онѣ сидятъ въ тѣхъ

же креслахъ, какъ и европейцы, и даже покупаютъ для этого кресла у американцевъ *)

Прислуга поставила предъ каждымъ изъ насъ лакированные подносы, на которыхъ стояли такіе же стаканы съ табакомъ, горячими углями, и рядомъ лежали маленькія трубки. Губернаторъ чрезъ переводчика просилъ насъ начать курить, а мы въ свою очередь начали объяснять цѣль нашего визита. Б. и Л. передали переводчику по англійски, что мы присланы графомъ благодарить отъ его имени губернатора за вчерашнее поздравленіе съ пріѣздомъ, и узнать о его здоровьи. Губернаторъ, въ свою очередь, благодарилъ насъ и передалъ, что хотя здѣшнее мѣсто небольшое и небогатое, но если мы въ чемъ-нибудь нуждаемся, то, чтобы обращались къ нимъ, и они готовы пособить всѣмъ — чѣмъ въ состояніи. Потомъ губернаторъ спросилъ наши фамиліи, званія и чины; переводчику написали по англійски фамиліи князя и мою, сказали наши званія, онъ все это перековеркалъ японскими буквами на свой ладъ, съ трудомъ сладилъ съ фамиліею князя и передалъ бумажку губернатору, который, прочтя ее, кивнулъ слегка головою. Фамиліи и званія остальныхъ двухъ нашихъ товарищей японцы не спрашивали, принявъ ихъ вѣроятно за обыкновенныхъ переводчиковъ. Между тѣмъ секретарь губернатора, сидѣвшій на полу, внимательно записывалъ весь нашъ разговоръ.

Объясненія, производившіяся такимъ порядкомъ, шли весьма медленно. Переводчику иногда нужно было говорить одно и то-же по два раза, потому что онъ, уразумѣвъ смыслъ рѣчи, медленно подходилъ къ губернатору и начиналъ плавно и съ

*) Губернаторъ былъ человекъ высокаго роста, пожилыхъ лѣтъ, съ весьма умнымъ выраженіемъ лица, но странная прическа и особенный непривычный нашему глазу костюмъ, придавали ему какой-то смѣшной видъ. Казалось, что вотъ только бы надѣтъ на эту фигуру чепчикъ, такъ и вышелъ бы портретъ какой-нибудь старухи-приживалки или экономки, какія встрѣчаются въ нашихъ помѣщичьихъ домахъ. Секретарь, сидѣвшій на полу между губернаторомъ и его помощникомъ, все время неутомимо записывалъ весь нашъ разговоръ. Для переводчика не было креселъ и онъ все время стоялъ на ногахъ, переходя по очереди съ нашей стороны на японскую и обратно. Предъ губернаторомъ былъ отдѣльный маленькій столикъ; его помощникъ и свита сидѣла въ креслахъ за особымъ столомъ.

разстановкой передавать ему это по японски, постепенно понижая голосъ, такъ что послѣднія слова рѣчи говорились почти шопотомъ. Мы съ любопытствомъ слѣдили за этими тонкостями японскаго этикета, а между тѣмъ среди этихъ разговоровъ подали чай, весьма скверный, жидкій и безъ сахару, — въ фарфоровыхъ чашкахъ поставленныхъ на высокихъ лакированныхъ подставкахъ и закрытыхъ такими же крышками. До чаю никто изъ насъ не дотрогивался, не смотря на приглашеніе губернатора и на соблазнительные ломтики бѣлаго хлѣба, — повидимому прекраснаго, — который былъ поданъ вмѣстѣ съ этимъ.

Оригинальная и вѣроятно еще никогда невиданная японцами черкеская форма князя, вынудила у нихъ вопросъ къ какому войску онъ принадлежитъ. Имъ рассказали всѣ подробности и количество этого войска въ Россіи и въ Сибири. Наканунѣ консулъ сообщилъ графу, что японскіе инженеры обращались къ нему съ просьбою дать имъ какое-нибудь руководство по фортификаціи, и что онъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать. Основываясь на этомъ, графъ приказалъ намъ передать губернатору, что если ему, или его офицерамъ, нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія по инженерной части, то что они могутъ во все время его пребыванія въ Хакодате обращаться за всѣмъ къ находящемуся при немъ инженеру. Когда это было передано губернатору съ прибавленіемъ, что если онъ желаетъ, то я могу осмотрѣть ихъ работы и тамъ сдѣлать свои замѣчанія, то онъ просилъ благодарить графа за сго предложеніе и сказалъ, что если встрѣтится надобность, то онъ пришлетъ своихъ офицеровъ учиться у меня. За этимъ слѣдовала передача взаимныхъ вѣжливостей и любезностей, между которыми японцы собирали дополнительныя свѣдѣнія о званіи нашего генераль-губернатора, о мѣстѣ имъ занимаемомъ, объ его власти, значеніи и проч. Мы хвалили ихъ шкуны, видѣнныя на рейдѣ, и спрашивали гдѣ стоятъ ихъ военныя вѣштовыя суда. Они отвѣчали что въ Иедо.

На замѣчаніе наше, что вѣроятно скоро Японія будетъ имѣть большой вѣштовой флотъ, губернаторъ отвѣчалъ, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Наконецъ, переговоривъ обо всемъ, просидѣвъ здѣсь около часу и узнавъ отъ губерна-

тора, что его помощникъ или вице-губернаторъ теперь же посѣтитъ графа на пароходѣ, мы пожелали губернатору здоровья, раскланялись и тѣмъ же порядкомъ вернулись обратно.

По возвращеніи нашемъ на пароходъ, вскорѣ прибылъ туда помощникъ губернатора на большой японской лодкѣ, буксируемой другой, гдѣ всѣ гребцы были голые и работали веслами повидимому изъ всѣхъ силъ, привскакивая съ своихъ мѣстъ. Въмѣстѣ съ этимъ, вѣроятно для услажденія слуха вице-губернатора, они все время тянули какую-то пѣсню, что-то въ родѣ завыванья съ носовыми звуками. Вице-губернаторъ вышелъ на палубу парохода съ нѣсколькими человѣками своей свиты. Его усадили на верху за столикъ, подали чай, варенья, ликеръ, — и черезъ того же переводчика вели обыкновенный разговоръ, некасаясь серьезныхъ предметовъ. Ликеръ замѣтно нравился японцамъ, они не заставляли себя долго просить выпить еще рюмку и съ видимымъ удовольствіемъ хвалили другъ другу этотъ напитокъ. Въ это же время съ лодки вынесли и положили на палубу нѣсколько связокъ зелени, которую прислалъ губернаторъ намъ въ подарокъ. Просидѣвъ на палубѣ около часа, вице-губернаторъ уѣхалъ на берегъ.

Наконецъ оффиціальныя визиты и поздравленія были кончены и мы успѣшили отправиться въ городъ. Повернувъ съ русской улицы на большую, мы сначала пошли къ крѣпости, строящейся на западномъ концѣ города у входа въ заливъ. Крѣпость имѣла очертаніе многоугольнаго форта, и состояла изъ высокаго землянаго вала облицованнаго снаружи камнемъ. Работа еще продолжалась: валъ былъ и безъ того уже слишкомъ высокъ, но замѣтно было, что японскіе инженеры намѣрены возвысить его еще болѣе. Черезъ это выстрѣлы съ крѣпости будутъ достигать залива, только на дальнемъ расстояніи отъ нея, а попадать въ суда, близко подошедшія къ форту будетъ невозможно, потому что нельзя будетъ склонять такъ низко орудія. Со стороны города фортъ отдѣляется глубокимъ и слишкомъ уже широкимъ ровомъ. Мы спустились въ него: толпа полунагихъ, оборваныхъ японцевъ ковыряла каменный грунтъ; одни насыпали въ плетушки отрытую мокрую землю и крупныя камни, дру-

гѣ вваливали эти плетушки на спину и тащили ихъ вверху на валъ по крутымъ деревяннымъ спускамъ. Тамъ къ каменной стѣнѣ приваливали крупный булыжникъ, за нимъ насыпали крупный щебень, а за тѣмъ уже слѣдовала насыпь земли съ камешками. Наружная стѣна состояла изъ большихъ камней, притесанныхъ кромками одинъ къ другому и только съ лица обтесанныхъ довольно гладко. Углы стѣны были сложены правильной кладкой изъ камней обдѣланныхъ и обтесанныхъ правильными фигурами. Лицевыя кромки этихъ камней были стесаны накосъ, что придавало всей кладкѣ видъ рустиковъ. Впрочемъ вся эта стѣна была сложена насухо, безъ всякаго раствора и скрѣпленія между камнями: мѣстами, въ пустоты между швами, были забиты снаружи мелкіе камешки, такъ что вообще весьма не много стоитъ труда и времени, чтобы разбить и обрушить эту каменную облицовку выстрѣлами съ судовъ. А между тѣмъ сколько труда, сколько усилій и сколько времени пропадаетъ по напрасну на эту младенческую постройку! Въ крѣпостныхъ воротахъ видишь вереницу лошадей и воловъ, которые возятъ землю на насыпку вала изъ-за города. Съ боковъ этихъ животныхъ болтаются небольшія корзинки, въ которыя насыпается земля; при двухъ-трехъ лошадяхъ идетъ понутивъ голову погонщикъ, — иногда женщина, — и весь этотъ караванъ тянется безконечною нитью въ два ряда въ воротахъ и внутри крѣпости. Говорятъ, что эти работы производятся по найму, но судя по ходу дѣла и по выраженію физиономій работающихъ, не трудно угадать, что главное основаніе этихъ работъ составляетъ обязательный трудъ, въ родѣ нашей земской повинности. Здѣсь не видно ни машинъ, ни какихъ приспособленій; облегчающихъ трудъ чело-вѣка; даже перевозка земли производится самымъ допотопнымъ образомъ. — на выюкахъ. Впрочемъ, у одного конца рва поставлены водоотливныя машинки, — но какъ устроены эти машинки? Маленькое колесо съ прямыми лопатками, по которымъ ходитъ голый чело-вѣкъ, отчего колесо вертится; лопатки зачерпываютъ воду, и выплескиваютъ ее въ маленькій бассейнъ, въ родѣ лужи. Этимъ колесомъ вода поднимается на высоту не болѣе полутора фута, по этому въ верх-

немъ бассейнѣ стоитъ другое такое же игрушечное колесо, которымъ вода поднимается на новые полтора фута въ сѣдующій бассейнъ и т. д. Все это до нельзя дѣтски и показывается въ какомъ еще младенществѣ находятся у японцевъ механическія приспособленія и вообще инженерное искусство. Глядя на эти работы не разъ пожалѣешь: сколько усилий и труда расходуется по напрасно и даже въ ущербъ успѣху дѣла.

Отъ крѣпости мы снова направились по главной улицѣ, заходя во многія лавки, которыя находятся въ каждомъ домѣ по обѣимъ сторонамъ, на право и на лѣво. Передняя стѣна каждаго дома днемъ раскрывается и образуетъ свободный и широкій входъ въ лавку. Между столбами наружной стѣны иногда есть прилавки, на которыхъ выставлены товары, въ родѣ того, какъ въ нашихъ магазинахъ. Въ лавкахъ шелковыхъ и другихъ матерій, раскрытая лицевая стѣна завѣшена обрывками разныхъ грубыхъ тканей, которыя въ одно время служатъ и вывѣскою лавки и защитою ея отъ солнца.

Здѣшняя дешевизна поражаетъ всѣхъ, особенно насъ, прибывшихъ изъ Сибири и съ Амура. По этому всѣ накупились на японскіе товары и купили пропасть вещей совершенно не нужныхъ, только для того, чтобы привести что нибудь изъ Японіи. Вечеромъ на пароходѣ сдѣлалась совершенная лавка: каютъ-компанію завалили товарами, всякій показывалъ что онъ купилъ и хвастался что заплатилъ такъ дешево, что трудно было устоять отъ соблазна и не купить. Весь вечеръ только и слышно было: я заплатилъ столько долларовъ, а я столько-то коцебу (ицы-бу, японская монета). Но ненужная вещь есть всегда самая дорогая, какъ сказалъ когда-то какой-то мудрецъ. Въ этомъ обыкновенно убѣждаешься тогда, когда уже истратишь порядочную сумму денегъ на дешевые, ненужные товары, какъ это и было со многими изъ нашей компаніи. Особенно вводятъ въ искушеніе шелковыя матеріи. Нельзя похвалить ихъ качества, нельзя найти въ лавкахъ большаго выбора, но при всемъ томъ эти матеріи такъ дешевы, что и не нужно, да покупаешь. Напримѣръ кусокъ бѣлой тонкой матеріи, изъ чистаго шелку, длиною до двадцати аршинъ, шириною до полу-

тора аршина, стоитъ три рубля серебромъ. Изъ такого куска выйдетъ слишкомъ двѣ рубашки, слѣдовательно здѣсь вы можете купить шелковую матерію, тонкую какъ батистъ, за одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ на рубашку, — спрашивается: какой ткани можно купить у насъ за эту цѣну? Развѣ коленкору, да и то не высокаго сорта. Плотная матерія изъ крученаго шелку, съ весьма мелкими черными и синими клѣточками, стоитъ здѣсь двѣнадцать рублей серебромъ на платье, совсѣми нынѣшними оборками и отдѣлками. Конечно платье это не щегольское, не для выѣздовъ, но кто носитъ домашнія платья изъ ситца, выгодноѣ спать за ту-же цѣну шелковое платье изъ здѣшнихъ матерій. Клѣтчатая шелковая матерія въ родѣ нашего гясе или пудесуа, но невысокаго достоинства, стоитъ восемь рублей на платье. Въ такую цѣну у насъ обойдется ситецъ, который послѣ мытья ливлетъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бросается, — такъ что, опять повторю, для домашнихъ и для не богатыхъ платьевъ здѣшнія матеріи выйдутъ и прочиѣе и дешевле нашихъ ситцевыхъ. О лакированныхъ ящичкахъ, подносахъ, шкатулкахъ и говорить нечего. Все это дешево до такой степени, что на двадцать пять рублей можно запасти ихъ цѣлую груду. Напримѣръ, прекрасный рабочій столикъ на рѣзныхъ ножкахъ, со множествомъ внутреннихъ ящичковъ и перегородокъ, внутри весь лакированный, а снаружи кромѣ того разрисованный самыми великолѣпными ипкрузаціями цвѣтовъ и птицъ, стоитъ двадцать два рубля другой еще больше и великолѣпнѣе двадцать восемь рублей. За эту цѣну въ С. Петербургѣ нельзя купить даже самый простой рабочій столикъ краснаго дерева. Провизія то-же отличается дешевизною: пудъ рису напримѣръ стоитъ девяносто копеекъ въ то время какъ гречневая крупа въ Николаевскѣ обходится по одному рублю двадцати пяти копеекъ. Рогатый скотъ по двадцати четыре рубля за штуку, фрукты и различныя сласти рѣшительно иппочемъ, напримѣръ ящикъ крупныхъ грушъ, болѣе тридцати штукъ, стоитъ одинъ ипцубу (сорокъ шесть копеекъ), большая банка сухихъ сластей, въ родѣ нашего цуката или мармелада, стоитъ то-же одинъ ипцубу, — прекрасный бѣлый хлѣбъ изъ рисовой муки въ

родѣ нашихъ коврижекъ, однаѣ ицыбу. Конечно всѣмъ этимъ мы запаслись вдоволь, и въ нашей каютѣ-компаніи различныя угощенія не сходили со стола цѣлый день: то сласти, то фрукты, то сладкій бѣлый хлѣбъ къ чаю, о которомъ многіе вначалѣ говорили, что онъ пріѣтся. Въ послѣдствіи онъ дѣйствительно пріѣлся, потому что мы кончили всѣ запасы его очень скоро, чему много способствовало его свойство не черствѣть впродолженіе нѣсколькихъ дней.

Дешевизна многіихъ предметовъ въ Хакодате заставляетъ предполагать, что ихъ можно было бы съ большою выгодною сбывать въ нашихъ предѣлахъ. Вотъ если бы якутскіе и вообще сибирскіе купцы, вмѣсто того, чтобы пускаться въ нескончаемыя разсужденія о пользѣ или о вредѣ открытія плаванія по Амуру, объ удобствахъ или недостаткахъ амурскаго житья-бытья и проч., поднялся бы съ своихъ тепленькихъ мѣстечекъ, измѣнили бы своему устарѣлому патриархальному правилу вести дѣла какъ вели ихъ отцы и дѣды наши, — отбросили бы нелѣпую поговорку что-де старики-то не глупѣ насъ были, а сплыли бы по Амуру до Николаевска, а оттуда на попутномъ суднѣ побывали бы въ Японіи, такъ они можетъ быть заговорили бы иначе, а главное высмотрѣли бы, что выгодно и что невыгодно вывозить къ намъ на Амуръ и въ Сибирь. А тамъ была бы добрая воля, да желаніе получать умѣренный, но вѣрный процентъ на свой капиталъ, такъ не трудно было бы найти и судно для перевозки товара. Многое можно отправить и на американскихъ судахъ, заходящихъ въ Хакодате на пути къ устью Амура; можно было бы также зафрахтовать для этой цѣли иностранное судно, уже разгрузившееся въ Николаевскѣ и отправляющееся въ обратный путь. Можно было бы, пожалуй, и завести свое небольшое судно, купивъ его въ Финляндіи или гдѣ окажется выгоднѣе. Но въ этомъ случаѣ на сибирскихъ купцовъ кажется надежда плоха! Говорятъ, что они все еще думаютъ, да высматриваютъ какъ удобнѣе и выгоднѣе начать торговлю по Амуру. А между тѣмъ продолжаютъ упражняться въ томъ способѣ наживанія денегъ, на который благословили ихъ родители, довольствуясь при этомъ сущою бездѣлянскою, какими-нибудь тридцатью процентами. А пора бы русскимъ

купцамъ подумать о японской торговлѣ, тѣмъ болѣе, что японцы ожидаютъ русскихъ кораблей съ товарами и уже спрашиваютъ скоро-ли они придутъ, предполагая, что если мы добивались открытія Японіи и заключили съ нею торговый трактатъ, то вѣроятно имѣли въ виду производить съ ними торговлю! Но кажется, что скорѣе японцы начнутъ ходить къ намъ, чѣмъ мы къ нимъ. Будемъ надѣяться, по крайней мѣрѣ, что амурская компанія, начинающая свои дѣйствія въ обширныхъ размѣрахъ, обратитъ вниманіе на этотъ—непечатой еще—источникъ богатства и вѣрной прибыли и внимательно изслѣдуетъ все условія торговли съ нашей ближней сосѣдкой Японіей. Будемъ надѣяться, что суда амурской компаніи, идя изъ Европы вокругъ свѣта къ устью Амура, хотя мимоходомъ будутъ забирать въ японскихъ портахъ все то, что дешево, и въ чемъ нуждаются на Амурѣ и отчего не откажутся въ Сибири. Пока говоримъ только, что будемъ надѣяться, потому что ничего другаго сказать не вправѣ, такъ какъ амурская компанія до-сихъ-поръ не открывала еще своихъ дѣйствій на Амурѣ, если не принимать въ расчетъ купленныхъ и выстроенныхъ ею въ разныхъ мѣстахъ домовъ съ комиссіонерами, съ прикащиками, съ довѣренными, съ повѣренными, и съ пустыми пока магазинами и лавками. Будемъ надѣяться... а если надежды наши не сбудутся,—тѣмъ хуже для самой амурской компаніи. Она упуститъ обширное поле дѣйствій, выгодное и удобное особенно по близкому своему сосѣдству съ Амуромъ, и ея мѣсто скоро замѣнятъ другія лица, другія компаніи, другіе капиталы, которые непременно явятся при такихъ выгодныхъ обстоятельствахъ торговли, при такой огромной разницѣ въ цѣнностяхъ однихъ и тѣхъ же предметовъ въ Японіи и въ Сибири. Мы при этомъ не различаемъ личностей и капиталовъ; мы не раздѣляемъ того высоко-патріотическаго правила, что амурская торговля должна производиться только русскимъ купечествомъ, на русскіе капиталы. Для насъ все равно, кто привезъ и кто продастъ товаръ въ Благовѣщенскѣ или Иркутскѣ: Петръ или Иванъ, сибирякъ или американецъ, амурская или хошконская компаніи? Мы только отъ души желаемъ, чтобы все удобства жизни сдѣлались де-

шевль какъ можно больше, неразбирая какимъ путемъ и откуда ни явилась бы эта дешевизна. Мы желаемъ, чтобы для служащихъ не богатыхъ чиновниковъ явилась наконецъ физическая возможность содержать прилично и съ пѣкоторымъ комфортомъ себя и свое семейство, однимъ только жалованьемъ, а не истрачивать на это отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей серебромъ ежегодно, какъ это въ настоящее время совершенно необходимо и въ Иркутскѣ, и въ Благовѣщенскѣ, и въ Николаевскѣ. Всѣ эти надежды мы заключаемъ тѣмъ, что если уже теперь амурская торговля начинается и развивается на началахъ свободныхъ, то въ будущемъ вѣроятно и подавно вредныя сѣмена монополіи нпкогда не коснутся амурской почвы, такъ что будетъ наконецъ хотя одна страна въ пространнѣйшей россійской имперіи, которую милосердый Творецъ спасетъ и защититъ отъ нашествія откуповъ, таможенъ, становыхъ, станціонныхъ смотрителей, голубыхъ мундировъ, крѣпостнаго состоянія одряхлѣвшей общины, земской повинности и прочая, и прочая и прочая...

Въ Хакодате все дешево, но люди бывалые рассказываютъ, что въ Нагассаки еще дешевле... Причины дешевизны понятны: народу много, народъ хочетъ ѣсть, а земли мало; вся уже обработана до нельзя, исключая горъ и утесовъ... Кромѣ того народъ ѣсть мало, одѣвается просто, и часто ходитъ голый. Всѣ условія для дешевизны. Взять наприимѣръ хотя лакированные издѣлія: какъ это всё хорошо, отчетливо и чисто отдѣлано, самый строгій глазъ не найдетъ никакой придирки... и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ это всё дешево. Наприимѣръ, есть круглыя чашки, плотно складывающіяся краями одна съ другою: снаружи на нихъ вырѣзаны чрезвычайно тонкіе узоры, или нарисованы золотомъ цвѣты, птицы, звѣри. Всѣ это легко, блестяще и изящно. А какъ вы думаете, что это стоитъ? двѣнадцать коп. сер.! — Конечно за такую цѣну въ Москвѣ токарь не выточитъ такіа чашки даже изъ простой сосны, не говоря уже объ отдѣлкѣ. Но отчетливость и аккуратность японцевъ простираются далѣе этого. Каждая лакированная вещьца обертывается въ тонкую бумагу, приготовленную изъ хлопчатой бумаги, и укладывается въ отдѣльный ящи-

чекъ, который въ свою очередь сдѣланъ такъ легко, чисто и аккуратно, что самъ по себѣ уже заслуживаетъ вниманія. Ну когда же русскій купецъ дойдетъ до подобной степени изящества, при отпускѣ своихъ товаровъ? Конечно никогда; далеко намъ еще даже и до японцевъ.

Японцы носятъ при себѣ курительныя трубочки, въ родѣ гапзу нашихъ амурскихъ маньчжуровъ, и мѣшечекъ съ табакомъ самой мелкой крошки. Всѣ эти снадобья, нанизываются на спурокъ, къ концу котораго привязана какая-нибудь пуговица, которой онъ затыкается за поясъ. вмѣсто этихъ пуговицъ употребляются мелкія вещицы изъ дерева или кости, самой изящной рѣзбы и отдѣлки. Есть фигурки людей въ различныхъ положеніяхъ и за различной работой, есть вѣрныя копія звѣрей, насѣкомыхъ, улитокъ, грибовъ, растеній, цвѣтовъ, фруктовъ и проч. Напримѣръ, есть группа фруктовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отъ спѣлости лопнули: внутри ихъ самой тончайшей рѣзбой выполнены сѣмечки и мясо фрукта, напримѣръ, дыни или арбуза. Хороши также два гриба сросшіеся другъ съ другомъ; на одномъ изъ нихъ сидитъ козявка. Все это до такой степени поразительно вѣрно съ натурой, такъ изящно и отчетливо сдѣлано, что не любишь. Есть маленькія металлическія коробочки открывающіяся какъ часы: въ одной половинѣ сдѣланъ японской компасъ, въ другой солнечные часы. Эта бездѣлушка въ высшей степени оригинальная и красивая, стоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ всего только одинъ ицибу. Я отобралъ себѣ лучшихъ изъ этихъ bijouterie двѣнадцать штукъ, и заплатилъ около двѣнадцати рублей. У насъ имъ цѣны нѣтъ; привезти въ Петербургъ да выставить у Дарзанса или въ косметическомъ магазинѣ, то на расхватъ разберутъ по двадцати пяти и по пятидесяти рублей за вещицу. Нашъ французъ ходитъ весь день по лавкамъ и ахаетъ отъ удивленія и дешевизны. Онъ говоритъ, что и въ Парижѣ есть магазинъ японскихъ лакированныхъ вещей, но тамъ онѣ продаются чуть не на вѣсъ золота. Круглый столикъ съ инкрустациями, который здѣсь стоитъ двѣнадцать рублей, въ Парижѣ, по словамъ нашего француза, надобно заплатить до 1000 франковъ. Нашъ Андрей Тимофенчъ *) накупилъ

*) Такъ мы прозвали нашего француза.

себѣ лакированныхъ вещей на пятнадцать рублей и не знаетъ куда съ ними дѣваться: такъ ихъ много. Хочетъ изъ Шанхая отправить ихъ по почтѣ въ Парижъ.

Впрочемъ, всѣ эти покунки весьма сильно утомляютъ насъ, не привыкшихъ долго толковать о всякомъ товарѣ. Когда спрашиваешь купца, что это стоитъ: онъ сначала смотритъ на ярлыкъ, привязанный къ каждой вещи, и начинаетъ работать своими длинными счетами въ родѣ фортепьяно, съ своего рода дѣзами и бемолями. Проморивши довольно долго, купецъ скажетъ цѣну, которую чрезъ минуту онъ уже забылъ, такъ что при вторичномъ вопросѣ онъ снова начинаетъ играть на своихъ счетахъ. Съ матеріями исторія еще длиннѣе: японецъ начинаетъ сначала выщипывать мѣру куска, потомъ множить ее на цѣну одного фута, такъ что вы должны употребить не мало времени и вынести не мало скуки, чтобы купить одинъ кусокъ матеріи, или сосчитать цѣну нѣсколькихъ бездѣлушекъ.

Вся продажа здѣсь совершается на серебро. Золото нипочемъ, принимается неохотно и ходитъ съ большой потерей. Японцы знаютъ преимущественно мексиканскіе доллары и всѣ цѣны назначаютъ или на нихъ, или на свою монету. Когда намъ приходилось рассчитывать русскою серебряною монетою, то ее свѣшивали съ мексиканскими долларамъ, не принимая въ соображеніе пробы металла, въ которой японцы повидимому мало смыслятъ. Японская серебряная монета имѣетъ видъ продолговатаго четырехугольника, съ іероглифами на обѣихъ сторонахъ, и называется *ицы-бу*, т. е., одинъ *бу*: мы прозвали ее просто *коцебу*. — Мелкая монета такого же вида, составляющая $\frac{1}{4}$ часть *ицыбу*, называется *исю*; еще меньшая монетка, но вызолоченная, составляетъ $\frac{1}{2}$ *ицыбу* и называется *ни-сю*, т. е., *два сю*. Достоинство и цѣнность этой монеты высчитывается по мелкой мѣдной и желѣзной монетѣ круглаго вида, съ дырочкой въ срединѣ. Она совершенно сходна съ маньчжурскою и отпускается также связками, въ видѣ колбасы или валдайскихъ баранокъ. По японски эта мелкая монета называется *монъ*, но въ употребленіи американское ея названіе *кашъ*. Въ *ицыбу* находится 1700 *кашъ*; при размѣнѣ иностранной монеты русскій рубль серебромъ, за

вычетомъ 2%, принимается въ 3660 кашъ, американскій долларъ съ такимъ же вычетомъ въ 4980 кашъ. По этому разсчету въ русской копейкѣ содержится тридцать шесть съ половиною кашъ, а ицѣбу составляетъ сорокъ шесть съ половиною копейекъ серебромъ. Кроиѣ того въ Японіи еще золотая монета *рю*, составляющая четыре ицѣбу, но ея нѣтъ въ Хакодате. Мѣдные и желѣзные каши одинаковой цѣнности, но первые предпочитаютъ, потому что ихъ меньше въ обращеніи чѣмъ желѣзныхъ. Въ лавкахъ продажа производится только на японскую монету, кто же желаетъ заплатить иностранною, то товаръ несется въ контору, нарочно учрежденную для этой цѣли. Тамъ монета взвѣшивается и размѣнивается продавцу на японскія деньги. Контора эта называется базаромъ, потому что въ нее сносятся на продажу всякій товаръ изъ разныхъ лавокъ. Иностранцы, покупающіе на свою монету, идутъ прямо сюда, выбираютъ вещи и платятъ серебромъ, которое потомъ раздается изъ конторы хозяевамъ товара японской монетою. Впрочемъ съ 1-го іюля откроется во всѣхъ лавкахъ продажа на иностранную монету.

Кромѣ лавокъ, на улицахъ Хакодате видны кондитерскія или пекарни, гдѣ пекутъ изъ рисовой муки отличные хлѣбы, расписанные пряники, дѣлають что-то въ родѣ нашихъ конфектъ и другія сласти. Черезъ раскрытую стѣну одного дома мы увидали машину, въ родѣ нашей толчен, и зашли туда. Рисъ былъ насыпанъ въ ямки въ родѣ нашихъ ступъ, песты были вдѣланы въ концѣ коромыселъ, качающихся на горизонтальной оси. У противоположныхъ концовъ этихъ коромыселъ стояло по человѣку, которые, наипрѣямъ по-очередно то одной то другой ногой на концы, поднимали песты и, отнимая ногу, пускали ихъ внизъ въ ступы. Это процессъ очищенія риса отъ сора, но какъ все это дѣтски устроено, какъ замѣтно во всемъ этомъ младенческое состояніе механическаго искусства.

Мѣстами у лавокъ останавливаются бѣдные, которые не просятъ милостыни, а бьютъ палочкой въ звонкій колоколь до-тѣхъ-поръ пока имъ что-нибудь не подадутъ. Но это не пащѣ: это или сборщики въ пользу храмовъ и монастырей, или родъ нашихъ юродивыхъ и блаженныхъ. Замѣчательно,

что въ Японіи вовсе нѣтъ нищихъ, не смотря на огромное населеніе и недостатокъ земли. Вообще здѣсь нѣтъ той отвратительной нищеты, грязи и вони, какая встрѣчается на улицахъ большихъ городовъ Китая. Японцы очень чисто-плотны: на русской улицѣ въ Хакодате есть баня, общал для мужчинъ и женщинъ. Входъ въ нее завѣшенъ съ улицы занавѣской, но часто проходя мимо, мы всегда слышали въ ней постоянный шумъ, значить всегда были посѣтители, которые, и мужчины и женщины, вовсе не считаютъ предосудительнымъ мыться въ одной комнатѣ и купаться въ одномъ бассейнѣ. Бритыя головы то-же способствуютъ чистоплотности. Вообще все мужчины брѣютъ только верхъ головы отъ макушки до лба, а остальные волосы собираютъ назадъ въ пучекъ, который, примазанный и насаленный, кладется вдоль головы отъ макушки ко лбу. Вѣроятно эту моду выдумалъ въ Японіи какой-нибудь плѣшивый философъ или императоръ; при ней все кажутся лысыми, особенно если держать себя чисто и подбривать лысину каждый день. Можетъ быть также, что это лучшее врачебное средство для укрѣпленія волосъ. Небритая голова и отрощенные на ней волосы у мужчины есть признакъ траура; бонзы брѣютъ всю голову сплошь. Шапокъ и вообще головныхъ уборовъ японцы вовсе не носятъ, но иногда для удобства мужчины повязываютъ голову платками; въ солнечный день все ходятъ съ большими дождевыми зонтиками, а бонзы носятъ шляпу въ видѣ большаго зонтика, или вѣрифе, въ родѣ нашихъ крестьянскихъ деревянныхъ чашекъ, опрокинутыхъ вверхъ дномъ. Японки носятъ длинные волосы и собираютъ ихъ на верху головы весьма высокой прической, удерживаемой гребенкой и украшенной нѣсколькими крупными булавками, сдѣланными изъ роговой кости.

Въ Хакодате нѣтъ ни трактировъ, ни кофейнь, гдѣ бы можно было собираться, попить, поѣсть и потолковать между собою. Но за то есть чайный домъ, устроенный для иностранцевъ и получившій выѣстъ съ тѣмъ названіе краснаго дома, потому что выкрашенъ красной краской. Но какъ объяснить, что это такое? Это не кондитерская, не трактиръ и не клубъ; онъ всегда стоитъ пустой, пока не зайдетъ въ него компа-

ня иностранцевъ. Тогда безъ всякаго требованія является горячій уголь въ глиняныхъ горшкахъ для закуриванія трубокъ и сигаръ, а потомъ, по требованію, приносятъ огромный подносъ съ нѣсколькими тарелками закусокъ и сластей и маленькимъ кувшиномъ саки, японской водки. Наша компанія и еще съ другаго нашего судна, согласились провести въ красномъ домѣ вечеръ съ подобающимъ угощеніемъ и при этомъ послушать японскую музыку и посмотрѣть японскихъ танцовщицъ. Красный домъ есть большое трехъ-этажное зданіе, съ раздвижными стѣнами и переборками; всѣ щиты наружныхъ стѣнъ оклеены бѣлой прозрачной бумагой, такъ что внутри дома весьма свѣтло. Комнаты низки, и благодаря раздвижнымъ дверямъ, весьма легко могутъ быть обращены въ одну общую залу. Полы всѣ уложены мягкими циновками, стѣны расписаны яркими красками и узорами. Вообще все содержится въ чистотѣ, такъ что это едва ли не лучший домъ въ Хакодате. Рассказываютъ, что американскій докторъ, прибывъ сюда, прямо поселился въ красномъ домѣ, и жилъ въ немъ до-тѣхъ-поръ покуда ему не отвели квартиру. Въ условленный часъ всѣ мы собрались въ третьемъ этажѣ, гдѣ три комнаты были обращены въ длинную залу. Въ одномъ концѣ ея поставлены были два низенькихъ столика, заставленные рюмками, стаканами, европейскимъ и японскимъ угощеніями. Возлѣ стояли три или четыре скамейки, покрытыя краснымъ сукномъ и собранныя со всего дома, потому что въ японскихъ домахъ мебели не полагается. Вдоль стѣнъ залы по обѣимъ ея сторонамъ, сидѣли на полу пѣвицы и танцовщицы, предъ ними стояли высокіе деревянные подсвѣчники съ сальными свѣчами, составлявшіе японскую иллюминацію. Пѣвицы настроили свои бандуры, похожія на наши балалайки, ударили по ихъ струнамъ какою-то рукояткою изъ кости или изъ рога, и виѣстѣ съ этими аккордами затанули не въ ладь и не въ тонъ какою-то гнусливѣйшую мелодію, примѣшивая къ ней самые невыносимые носовые звуки и трели; къ этому присоединился барабанъ, и изъ всего этого вышла такая музыка, что хотя зажимай уши, да вонъ бѣги. Но пасъ была цѣлая компанія, а на людяхъ, говорятъ, и смерть красна; мы не убѣжали, а остались

прослушать эту ужаснѣйшую музыку до конца. Рукоятки, которыми пѣвцы бречать по струнамъ, на концѣ имѣютъ видъ топора: однимъ угломъ его проводятъ по струнамъ, другимъ, по окончаніи аккорда, бьютъ очень ловко въ тактъ по дереву бандуры, такъ что ужасные звуки сопровождаются еще деревяннымъ стукомъ и гуломъ барабана. Подъ эти звуки выходитъ на средину одна изъ пѣвицъ и начинаетъ кривляться и ломаться во всѣ стороны и корпусомъ, и руками, и ногами, иногда весьма искусно, весьма рѣдко граціозно и большею частію противно и совершенно не понятно. По окончаніи танца, она бросается на колѣни и кланяется публикѣ черезъ-чуръ уже низко, упряясь руками въ полъ и касаясь лбомъ до земли. Болѣе насъ пробывшіе въ Японіи объяснили намъ, впрочемъ, одну сцену. Вышла молоденькая танцовщица съ весьма недурнымъ личикомъ, съ горящими какъ угольки глазами, съ весьма округленными формами. Она одѣта была въ костюмъ весьма короткій, даже можетъ быть уже слишкомъ короткій, особенно взявъ въ соображеніе, что до Японіи еще не дошло обыкновеніе напихъ танцовщицъ надѣвать на себя трико и проч. Оказалось, что она представляетъ солдата отправляющагося въ походъ. Публика съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми движеніями этой юной примадонны, называвшейся Тагаса. За недостаткомъ мебели офицерство разсѣлось по цыновкамъ на полу, кто около своихъ, кто около пѣвицъ и танцовщицъ, кто гдѣ попало. Б. сѣлъ по ерединѣ зала, взявъ барабанъ и началъ на немъ аккомпанировать и дирижировать всѣмъ оркестромъ съ самыми уморительными жестами, поощряемыми общимъ взрывомъ хохота, рукоплесканій и криками bravo. Я помѣстился на другомъ концѣ зала и съ особеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ. Было что-то особенное, что-то фантастическое во всемъ, что вертѣлось и мелькало у меня предъ глазами. Въ самомъ дѣлѣ какъ-то странно, даже отчасти какъ бы сверхъестественно было, чрезъ два мѣсяца послѣ выѣзда изъ Петербурга попасть въ Хакодате, и послѣ свѣжихъ еще впечатлѣній италіанской оперы и величественныхъ концертовъ, очутиться на японскомъ музыкальномъ вечерѣ въ красномъ домѣ. По сторонамъ оригинальныя

фигуры пѣвицъ въ ихъ разноцвѣтныхъ и яркихъ костюмахъ, около нихъ группы офицерства въ полусидячемъ, полужа-чемъ положеніи, въ глубинѣ зала тѣсный кружокъ вокругъ стола съ скаканими, все это, при тускломъ свѣтѣ сальныхъ огарковъ, походило на какой-то цыганскій таборъ, на сценѣ большаго театра, все это вмѣстѣ съ шумомъ, гамомъ и раздрающей слухъ музыкой имѣло въ себѣ какую-то дикую, но оригинальную особенность. Вотъ они «Русскіе въ Японіи,» въ лицахъ, думалъ я и очень досадовалъ, что нашъ артистъ У. не захватилъ съ собой карандашъ и бумагу, чтобы набросать этотъ весьма оригинальный и совершенно необыкновенный концертъ съ его фантастической обстановкой. Подъ такимъ рисункомъ дѣйствительно можно было бы ограничиться только одной лаконической подписью «Русскіе въ Японіи;» остальные подробности объяснились бы самимъ рисункомъ.

Группа пѣвицъ и танцовщицъ содержится, — какъ рассказываютъ — здѣшнимъ губернаторомъ, который вообще пользуется большими пошлинами отъ многихъ предметовъ торговли. Пѣвицамъ и танцовщицамъ обыкновенно платится за вечеръ около шестнадцати долларовъ, но изъ этой суммы — какъ рассказываютъ — выдается имъ только весьма малая часть, чтобы онѣ могли кормиться и одѣваться, — остальное идетъ въ пользу губернатора. За подобную сумму танцовщицы увеселяютъ цѣлый вечеръ, пока скажутъ довольно, послѣ чего онѣ угощаются закуской и отправляются домой. И только! Далѣе этого удовольствія не простираются. Японскія пѣвицы составляютъ достояніе правительства и поэтому, — а можетъ быть и по другому, — неприступны. Костюмъ ихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ халатовъ — повидному изъ трехъ — изъ которыхъ верхній бываетъ изъ крепу или изъ шелковой матеріи, — у дѣвицъ пестрыхъ и яркихъ цвѣтовъ, у замужнихъ изъ матерій болѣе темныхъ. Замужнія женщины различаются здѣсь отъ дѣвушекъ тѣмъ, что чернятъ зубы, тогда какъ у послѣднихъ они совершенно бѣлые. Эта мода до крайности отвратительна, и говорятъ, что нѣкоторые японки, зная, что она не нравится русскимъ, будто бы стираютъ краску

съ своихъ зубовъ, какъ только русскіе появляются въ Хакодате.

На другой день у насъ было торжество другаго рода. День этотъ былъ воскресный и мы собрались къ обѣднѣ въ нашу церковь. Церковь устроена пока еще временная, маленькая, низенькая, стѣны сколочены изъ досокъ, подъ потолкомъ небольшія окна. Образа иконостаса у царскихъ дверей рисованы нашими морскими офицерами. Снаружи это строеніе не имѣетъ ничего общаго съ нашими церквями; это невысокій досчатый баракъ съ плоской крышей, на которой поставленъ крестъ. Церковь эта стоитъ возлѣ дома консула на дворѣ японскаго храма, — обѣдно служилъ нашъ архимандритъ, на клиросѣ пѣли нѣсколько человекъ изъ среды насъ. По тѣснотѣ церкви въ ней могли помѣститься только наши офицеры, чиновники и матросы, — по у раздвинутыхъ наружныхъ дверей стояла толпа японцевъ, съ любопытствомъ смотрѣвшая на христіанское богослуженіе.

Было что-то особенно торжественное въ этой странной обстановкѣ: православное пѣніе смѣшавшееся съ звуками барабана, раздававшимися изъ сосѣдняго языческаго храма, — толпа язычниковъ, стоявшая у раскрытыхъ дверей и внимательно наблюдавшая христіанское богослуженіе, — наконецъ самая церковь убогая и тѣсная.... Всѣ это какъ нельзя больше переносило къ первымъ временамъ христіанства на Востокѣ и напоминало слова Св. Писанія, что евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ. Къ чему послужили мученія и казни первыхъ христіанъ и изгнаніе первыхъ миссіонеровъ изъ Японіи! Прошло двѣсти лѣтъ и снова христіанскій крестъ водружается на японской почвѣ, и въ этотъ разъ уже православная церковь основывается здѣсь первою предъ всѣми прочими христіанскими исповѣданіями. Не даромъ я назвалъ наше настоящее богослуженіе торжествомъ: — дѣйствительно это есть торжество христіанства надъ язычествомъ, и торжество неизмѣнное, потому что на этотъ разъ христіанская Церковь водворяется въ Японіи путемъ болѣе прочнымъ, — путемъ мира, сначала какъ бы только въ видѣ добавочной статьи торговаго

трактата! Но рано или поздно, а время всегда возьметъ свое! Недавно еще Японія казалась намъ странюю совершенно замкнутою, недоступною ни для какихъ покушеній иностранцевъ. Но пришло время, когда японское правительство наконецъ убѣдилось, что сила цивилизаціи такъ велика, что нѣтъ никакихъ средствъ противиться ей, — что если Японія добровольно не подчинится европеизму, то европеизмъ рано или поздно покорить ее! И вотъ мы наконецъ дожили до того, что Японія совершенно неожиданно открылась для иностранцевъ, что европейцы свободно прогуливаются по ея портамъ: и я самъ это чувствую, самъ это испытываю, самъ вижу, что попалъ въ Японію, о которой всегда создавалъ себѣ понятіе какъ о самой замкнутой и недоступной странѣ цѣлаго міра. Но хотя въ наше время ничему никто ни удивляется, — ибо ничто не ново подъ луною, — но при всемъ томъ для меня казалось чѣмъ то сверхъестественнымъ послѣ воскресной обѣдни исакіевскаго собора, чрезъ два мѣсяца, слушать ее въ скромной и тѣсной православной церквѣ въ Хакодате!

Но первая русская церковь въ Хакодате временная, — также какъ и помѣщенія всѣхъ чиновъ нашего консульства. Японцы не дозволяютъ жителямъ отдавать свои дома въ наемъ иностранцамъ, и не дозволяютъ послѣднимъ покупать мѣста въ Хакодате. Поэтому членамъ нашего и американскаго консульствъ и отведены для жительства не частные дома, а пристройки къ храмамъ. Наши передѣляли эти квартиры по возможности на свой ладъ, поставили желѣзныя печи, столы, диваны, стулья, а нѣкоторые, пользуясь дешевизной, обтянули всѣ свои стѣны шелковыми матеріями. Но мѣсто для нашего консульства уже отведено на горѣ, выше городскихъ зданій. Теперь оно выравнивается и на немъ будутъ построены: православная церковь, домъ для консула, госпиталь для нашихъ приходящихъ судовъ и для японцевъ, вмѣстѣ со школою, и четыре дома для служащихъ. Площадь, выпрошенная для нашего консульства у японцевъ не велика: всего пятьдесятъ сажень длины и сорокъ ширины и потому на ней трудно будетъ устроить новые дома со всѣми хозяйственнымъ удобствами,

и помѣстить православный храмъ съ должнымъ приличіемъ. Кромѣ того, мѣсто это далеко отъ берега залива и отъ пристани, почему консуль проситъ у японцевъ еще другаго мѣста на самомъ берегу. Съ западной стороны мѣсто русскаго консульства закрывается большою рощею, которая будетъ служить славнымъ мѣстомъ для прогулки. Зданія этой русской колоніи будутъ хорошо видны съ залива, потому что они командуютъ всѣмъ берегомъ; но для того, чтобы наша новая церковь имѣла достойный видъ съ моря, надобно ее сдѣлать такъ высоко, чтобы куполъ былъ выше деревьевъ сосѣдней рощи. Всѣ новыя зданія нашего консульства, не исключая и церкви, предполагено выстроить въ русскомъ стилѣ, что было бы весьма оригинально и конечно произвело бы своего рода исключительное впечатлѣніе на японцевъ, — но не знаю такъ ли это предположеніе исполнится на самомъ дѣлѣ. Смотри на искусную работу здѣшнихъ рѣщиковъ, можно заранѣе надѣяться, что такіе артисты превосходно выполнили бы всѣ рѣзные рисунки, необходимые для строеній въ русскомъ вкусѣ. Нельзя не пожелать полного осуществленія этой прекрасной идеи, тѣмъ болѣе, что тогда русская колонія не будетъ плохимъ подражаніемъ зданіямъ прочихъ иностранныхъ консульствъ, и поэтому, кромѣ своей оригинальности, русскій стиль въ этомъ случаѣ будетъ служить лучшимъ доводомъ предъ японцами въ томъ, что наши зданія выстроены не съ такимъ великолѣпіемъ, и роскошью какъ другихъ консульствъ, напримѣръ, англійскаго или французскаго.

Выше мѣста русскаго консульства скаты горъ дѣлаются все круче и круче и наконецъ оканчиваются тремя пиками, обрывающимися почти отвѣсно къ сторонѣ пролива. Ниже мѣста русскаго консульства покатошь дѣлается постепенно отложе и наконецъ почти ровною площадью оканчивается на берегу залива, вдавагося обширной впадиной въ южный берегъ Сангарскаго пролива. Съ юга эта впадина защищена группою высотъ, у подошвы которыхъ расположенъ городъ и которая на востокъ соединена съ материкомъ узкимъ и низменнымъ перешейкомъ. Такимъ образомъ заливъ Хакодатскій закрытъ съ моря однимъ изъ тѣхъ полуострововъ,

которые весьма часто встрѣчаются у здѣшнихъ береговъ, напримѣръ, въ заливѣ де-Кастри, Императорскомъ, св. Владимира, Посѣта и прочіе. Высота средняго пика горной группы этого полуострова, на картѣ гидрографическаго департамента 1856 года, пазначена 11,440 футовъ, но при первомъ взглядѣ на эту высоту видно что это ошибка: въ дѣйствительности же должно быть 1,440 футовъ. Высота западнаго пика показана въ 870 футовъ, и оба эти пзмѣренія сдѣланы фрегатомъ «Діана» во время описи Хакодатскаго залива.

Городъ Хакодате расположенъ у подошвы крутыхъ скаговъ, поэтому строенія тянутся болѣе въ длину по берегу залива, и распространяются даже по низменному перешейку. На западномъ углу города строятся фортъ, о которомъ было помянуто выше, а на другой оконечности, посреди узкой части перешейка, расположено еще укрѣпленіе, съ котораго можно обстрѣливать часть залива и моря. Кроме того, на сѣверномъ берегу залива существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ батарей, назначенныхъ вѣроятно для обстрѣливанія внутренности залива, но вообще всѣ эти укрѣпленія выстроены на такихъ устарѣлыхъ основаніяхъ, что незаслуживаютъ никакого вниманія; поэтому портъ и городъ Хакодате можно считать почти неукрѣпленнымъ. Всѣ дома построены изъ дерева, нѣкоторыя стѣны ихъ обмазываются глиняною штукатуркою весьма прочною, и только магазины штукатурятся снаружи и внутри, какъ видно для предохраненія отъ пожара. Штукатуренныя стѣны выбѣливаются известью, выжженою изъ устричныхъ раковинъ.

Магазины и храмы кроются желобчатою черепицею, по видимому весьма прочною и хорошо выжженою; крыши же на деревянныхъ домахъ бываютъ весьма пологи и состоятъ большею частію изъ мелкихъ деревянныхъ дощечекъ, въ родѣ нашего гонта, поверхъ которыхъ насыпанъ мелкій булыжвый камень, вѣроятно для того, чтобы вѣтромъ немогло разнести эти мелкія дощечки. Впрочемъ подобная предосторожность вѣроятно бываетъ не лишнею и при землетрясеніяхъ, которыя бываютъ въ Хакодате ежемѣсячно. Мартъ нынѣшняго года составлялъ исключеніе: втеченіе его земле-

трясений не было, — а бывшее за тѣмъ въ апрѣлѣ продолжалось семь съ половиною минутъ. Впрочемъ они бываютъ вообще не сильны, такъ что частныя зданія повреждаются весьма рѣдко, а храмы никогда, потому что они выстроены весьма прочно. По рассказамъ японцевъ, когда землетрясеніе случалось при крѣпкомъ юго-западномъ вѣтрѣ и при сильномъ волненіи, то дѣйствіе ихъ было гораздо замѣтнѣе, такъ что многіе маленькія домишки распадались.

Въ городѣ считается около пяти тысячъ жителей, не считая скорняковъ, выдѣлывающихъ шкуры и занимающихся очищеніемъ нечистотъ, которые находятся въ такомъ презрѣніи, что даже не считаются и людьми, а потому не входятъ въ счетъ числа жителей. Повидимому вѣротерпимость развита и въ японскомъ правительствѣ и въ народѣ, потому что въ городѣ нѣсколько храмовъ различныхъ сектъ. Нѣкоторые изъ нихъ весьма обширны, хотя не такъ изящно и величественно отдѣланы, какъ китайскія кумирни въ Маймачеиѣ. Въ каждомъ изъ нихъ посреднѣ задней стѣны находится возвышеніе, уставленное истуканами, подсвѣчниками, разными украшеніями, такъ что пестрота цвѣтовъ и тщательность отдѣлки весьма оригинальны и невольно бросаются въ глаза. Предъ возвышеніемъ поставлены табуретки для бонзъ, барабанъ и другія принадлежности служенія. Въ нѣкоторыхъ, по сторонамъ главной средней части, есть боковыя отдѣленія, уставленные также истуканами и дощечками съ именами умершихъ, которыя здѣсь остаются сорокъ дней послѣ смерти. Это какъ будто имѣетъ что-то общее съ нашимъ обрядомъ подавать записки или книжки о поминаніи усопшихъ. Тѣла умершихъ укладываются въ бочку и сжигаются съ приличною похоронною церемоніею. Но такъ какъ тѣло чрезъ нѣкоторое время послѣ смерти окоченѣетъ, то, чтобы придать ему гибкость, необходимую для укладки въ бочку, бонзы кладутъ въ ухо умершаго какой то секретный порошокъ, называемый *дозиа*. вмѣстѣ съ тѣмъ они начинаютъ растирать послѣдовательно всѣ составы умершаго, начиная съ пальца руки, до тѣхъ-поръ, пока они получаютъ гибкость, и увѣряютъ, что эта гибкость въ окоченѣвшемъ тѣлѣ произошла единственно отъ магической силы ихъ порошка. Но конечно не трудно дога-

даться, что все это производится механическимъ дѣйствиємъ растрепанія.

Самый обширный храмъ въ Хакодате есть тотъ, на дворѣ котораго помѣщается американскій консулъ. Зайдя въ него, мы увидѣли, что въ боковомъ отдѣленіи былъ устроенъ канатный заводъ, гдѣ приготовлялись снасти изъ особенной травы, для вновь спущенной здѣсь японцами военной шкуны. Все производство было ручное, нисколько механическаго приспособленія: канаты выходили весьма грубы и неровны. Утверждаютъ, что если бы привести сюда нашихъ пеньковыхъ веревокъ и канатовъ, то они бы пошли здѣсь дорогою цѣною и на-расхватъ. Людямъ коммерческимъ, да напримѣръ и нашей амурской компаніи, весьма полезно бы было изслѣдовать этотъ вопросъ по внимательнѣе, и попробовать не могутъ ли дѣйствительно наши канаты, веревки и парусина составить предметъ выгоднаго отпуска къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ въ Тихомъ океанѣ. Русская парусина, кажется, въ особенности высоко цѣнится въ здѣшнихъ странахъ, и можетъ быть, будетъ требоваться въ немаломъ количествѣ въ Японію, при развитіи ея военнаго флота.

Торговля хакодатскаго порта еще не установилась правильнымъ образомъ, и потому по настоящему состоянію нельзя вывести объ ней никакого заключенія. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго годовъ сюда заходили наши военные клиппера «Джигитъ» и «Пластунъ». Съ 26-го февраля по 30-е мая сюда заходило до двадцати восьми китобойныхъ судовъ, изъ которыхъ одно было французское, а остальные американскія, большею частію съ Сандвичевыхъ острововъ, а два зимовавшихъ въ Нагасаки. Въ маѣ зашли сюда американскія суда Левисъ Перри и Мелита, шедшія съ грузомъ товаровъ въ Николаевскъ и голландскій военный корветъ на пути изъ Канагавы въ Нигату. Вообще можно считать, что въ хакодатскій портъ заходитъ до пятидесяти судовъ въ годъ, но всѣ они не производятъ здѣсь никакой торговли, а заходятъ только по пути, для освѣженія команды или закупки провизіи и разныхъ товаровъ только для собственнаго своего употребленія. Вывозъ рису, лакированныхъ вещей и другихъ бездѣлушекъ къ намъ въ Николаевскъ также не великъ, и

производится только по пути идущими въ устье Амура американскими судами.

Предметы народнаго продовольствія, въ томъ числѣ и рисъ, запрещены къ вывозу изъ Японіи: ихъ можно только получать для собственныхъ запасовъ судовъ. Но если это запрещеніе будетъ снято, то японскій рисъ можетъ составить важный предметъ для вывоза въ приамурскій край и внутрь Сибири. Цѣна его здѣсь девяносто копеекъ за пудъ, тогда какъ пудъ гречневой крупы въ Николаевскѣ обходится по рублю двадцати пяти копеекъ, поэтому съ нашей эскадрой будетъ доставлено въ Николаевскъ нѣсколько мѣшковъ рису, для замѣна имъ, въ видѣ опыта, гречневой крупы при продовольствіи военныхъ командъ. Кромѣ рису, говорятъ, что изъ Хакодате могутъ вывозиться аптекарскія травы и разные металлы, потому что по сосѣдству есть богатые рудники свинцовые, мѣдные, есть золото, серебро и каменный уголь. Послѣдній уже и теперь составляетъ важный предметъ торговли, придающій хакодатскому порту нѣкоторое значеніе. Уголь этотъ изъ породы бурыхъ углей весьма дурнаго качества, на топку пароходовъ его идетъ отъ одного съ половиною до двухъ разъ болѣе противъ нашего сахалинскаго угля. Кромѣ того имъ нельзя поднять пары до надлежащаго числа градусовъ, на примѣръ на пароходѣ «Америка» этимъ углемъ можно было довести упругость паровъ среднимъ числомъ только до пятнадцати фунтовъ, между тѣмъ какъ при топкѣ сахалинскимъ углемъ пары всегда держались отъ двадцати до двадцати двухъ фунтовъ. Но несмотря на эти дурныя качества хакодатскаго угля и на его дороговизну, нужда заставляетъ прибѣгать и къ нему, потому что другаго угля по сосѣдству нигдѣ нѣтъ. Мы платили за него въ Хакодате восемь долларовъ за топкъ, т. е., около семнадцати копеекъ за пудъ. Кромѣ Хакодате, японскій каменный уголь добывается еще въ окрестностяхъ Нагасаки, который качествомъ хотя и нѣсколько лучше хакодатскаго, но заключаетъ въ себѣ много и сѣры,—и послѣ него остается много несгораемыхъ веществъ. Онъ продается тамъ по одиннадцати долларовъ за топкъ, т. е., около двадцати четырехъ копеекъ за пудъ. Каменный уголь, добываемый въ окрестностяхъ Пекина, гораздо лучше японскаго, онъ смо-

лтъ, спекается въ огнѣ и отдѣляетъ много пламени и дыму. Цѣна хорошаго угля въ Пекинѣ около семнадцати копеекъ за пудъ, т. е., около восьми долларовъ за тоннъ *). Часть его доставляется къ берегу Печелійскаго залива, но не распространяется далѣе, напримѣръ, въ Шанхай, куда свозится европейскій и американскій каменный уголь, продающійся тамъ до двадцати долларовъ за тоннъ, т. е., около сорока четырехъ копеекъ за пудъ.

Такимъ образомъ нашъ сахалинскій каменный уголь, добываемый близъ залива Жонкьеръ, въ шестидесяти миляхъ къ юго-востоку отъ залива де-Кастри, оказывается лучшимъ противъ всѣхъ исчисленныхъ сортовъ этого топлива въ Японіи и Китаѣ. Наши, такъ называемые *ученые путешественники*, Дитмаръ и Шренкъ, осматривавшіе мѣсторожденіе каменнаго угля на Сахалинѣ, рѣшили, что онъ самаго низкаго достоинства, изъ породы лигнитовъ, или бурьихъ углей (Braunkohle). Привезенные ими въ Петербургъ образцы этого угля подтверждаютъ какъ нельзя болѣе ихъ мнѣніе. Мнѣ самому случалось встрѣчать нашихъ ученыхъ мужей, академиковъ и специалистовъ горнаго дѣла, которыхъ никакъ нельзя было убѣдить, что нашъ сахалинскій уголь хорошъ, что по этому онъ постоянно употребляется на топку всѣхъ нашихъ паровыхъ судовъ, и что на него постоянно повторяются требованія для судовъ россійской-американской компаніи, для новой компаніи пароходства отъ Америки до Китая и для банкирскаго дома Росселя и К^о въ Шанхаѣ. Наконецъ я приводилъ въ доказательство свидѣтельство нашего извѣстнаго моряка, В. А. Римскаго-Корсакова, который самъ испыталъ свойства сахалинскаго угля во время командованія винтовою шкуною «Востокъ», и напечаталъ о достоинствахъ этого угля въ «Морскомъ Сборникѣ». Но этихъ высокоученыхъ мужей нельзя было убѣдить никакими доказательствами, никакими авторитетами. Они вѣрятъ только родственнымъ авторитетамъ, которыхъ достоинство состоитъ прежде всего въ ихъ нѣмецкомъ происхожденіи, въ томъ счастьи, которымъ не суждено пользоваться въ русской землѣ русскому

*) Семеновъ. Землевѣдѣніе Азіи, т. I, стр. 374.

человѣку. Они не могутъ и допустить себѣ идеи, чтобы такіе *ученые* путешественники какъ Дитмаръ и Шренкъ, могли ошибиться и привести образцы угля, можетъ быть и дѣйствительно взятые на Сахалинѣ, но взятые изъ наружныхъ вывѣтрившихся пластовъ, по которымъ нельзя никакъ сдѣлать оцѣнку нынѣшняго угля, добываемаго на глубинѣ нѣсколькихъ сажень. Но тѣмъ лучше: сахалинскій уголь нѣсколько отъ того не потеряетъ, что господа петербургско-нѣмецкіе ученые и академики будутъ имѣть объ немъ фальшивое мнѣніе; только этимъ господамъ придется также пріятно разочароваться, какъ разочаровались они напримѣръ въ то время, когда было доказано, что хотя Крузенштернъ былъ и ученый, да къ тому же и нѣмецкаго происхожденія, — но тѣмъ неменѣе созданные его дальновиднымъ воображеніемъ сахалинскій *полуостровъ* есть *островъ*, татарскій *заливъ* есть *проливъ*, и на мѣстѣ перешейка, *соединяющаго* по его мнѣнію Сахалинъ съ материкомъ, въ дѣйствительности существуетъ проливъ въ пять сажень глубиною, *отдѣляющій* Сахалинъ отъ материка. И вѣроятно это пріятное разочарованіе петербургско-нѣмецкихъ ученыхъ наступитъ скоро, потому что уже появилась въ одномъ заграничномъ *нѣмецкомъ* же журналѣ, и на *нѣмецкомъ* же языкѣ статья, гдѣ сказано, что одинъ англійскій химикъ разлагалъ сахалинскій уголь и нашелъ его хорошаго достоинства.

Что касается до насъ, то мы смотримъ всегда на предметъ съ практической стороны, не пускаясь въ высокопарныя ученныя диссертациі. Мы видимъ, что сахалинскій уголь хорошо горитъ и въ каминѣ, и въ кухнѣ, и въ паровомъ котлѣ, — при этомъ даетъ много пару, — значитъ силъ хорошъ. Такими же глазами смотрягъ на этотъ предметъ и всѣ практическіе люди; домъ Россели и К^о просятъ доставлять къ нему въ Шанхай сахалинскій уголь, предсказывая, что онъ отлично пойдетъ съ рукъ. Американская компанія, составляющаяся для учрежденія пароходства между С. Франциско, Нагасаки, Шанхаемъ, Хакодате и С. Франциско, просятъ позволенія покупать нашъ уголь изъ сахалинскихъ копей, чѣмъ доказываетъ, что она предпочитаетъ этотъ уголь и хакодатскому, и нагасакскому, и китайскому. Россійско-

американская компанія постоянно беретъ на свои суда сахалинскій уголь по двѣнадцати рублей за тоннѣ. Амурская компанія проситъ дозволенія разрабатывать сахалинскій уголь для продажн. Вотъ факты, которые по нашему мнѣнiю лучше всякихъ нѣмецкихъ диссертацій и химическихъ разложенiй доказываютъ, что сахалинскій уголь хорошъ, въ чемъ, впрочемъ, никто въ здѣшнемъ краю и не сомнѣвается.

Такимъ образомъ торговля Хакодате будетъ имѣть значенiе только въ будущемъ, теперь же она весьма ничтожна. Всѣ товары, обращающiеся въ продажѣ въ Хакодате, привозятся съ острова Нипона, и по этому естественно, что тамъ они должны быть еще дешевле, чѣмъ здѣсь. Близъ города существуетъ, впрочемъ, заводъ, выдѣлывающiй плохую фарфоровую посуду. Окрестности же города, и вообще весь островъ Матсмай, весьма мало населенъ японцами, и потому сравнительно съ прочими японскими островами весьма мало обработанъ. Поэтому, кромѣ минеральныхъ богатствъ, даже и рисъ будетъ вывозиться изъ Хакодате, вѣроятно, въ ограниченномъ количествѣ. Для насъ Хакодате важенъ только какъ ближайшiй къ устью Амура японскiй портъ, открытый для иностранцевъ, откуда Николаевскъ можетъ снабжаться живымъ скотомъ, курами и другою живностью и съѣстными припасами и удобнѣе и дешевле чѣмъ изъ Забайкалья. Кромѣ того, онъ стоитъ на главномъ пути отъ устья Амура въ С. Франциско и къ другимъ пунктамъ восточнаго берега Америки, — по этому представляетъ удобную станцію для судовъ, занимающихся амурскою торговлей. Сангарскiй проливъ, въ которомъ лежитъ Хакодате, есть первый отъ сѣвера, который ведетъ изъ Японскаго моря и отъ устья Амура прямо въ Тихiй океанъ, минуя Охотское море; — онъ всегда открытъ для плаванiя и льды въ него никогда не заходятъ. Между тѣмъ, не говоря уже о Татарскомъ проливѣ, ведущемъ съ сѣвера Японскаго моря въ Охотское, проливъ Лаперуза, отдѣляющiй Сахалинъ отъ Матсмай, часто зимою и весною затирается льдами изъ Охотскаго моря, такъ что суда, идущiя изъ Японскаго моря въ океанъ, принуждены бывать или ожидать, пока проливъ Лаперуза очистится отъ льдовъ, или направляться на югъ къ Сангарскому про-

ливу и чрезъ него проходить въ океанъ. Вмѣстѣ съ этимъ заливъ Хакодатскій никогда не замерзаетъ, и нынѣшній годъ зимою морозъ здѣсь не превосходилъ 9° Реом.

Островъ Матсмай составляетъ частныя владѣнія нѣсколькихъ отдѣльныхъ князей, распоряжающихся здѣсь по своему усмотрѣнiю. Одинъ только Хакодате, находящiйся на южномъ его берегу, составляетъ принадлежность правительства, и здѣсь находится постоянно одинъ губернаторъ, наблюдающiй за всѣмъ островомъ. Другой губернаторъ Матсмая живетъ въ Иедо. Мы пришли въ Хакодате во время смѣны губернаторовъ: прибывшiй изъ Иедо вступилъ уже въ должность, а старый отпралялся на военной шкунѣ осматривать островъ Матсмай, что должно было продолжаться полгода, и послѣ чего онъ долженъ былъ отправиться съ донесенiями въ Иедо. Островъ Матсмай, равно какъ и послѣднiе острова Кукаширъ и Утурунь, всегда принадлежалъ къ Курильской грядѣ и какимъ-то страннымъ образомъ попалъ въ зависимость японцевъ. Капитанъ Головинъ рассказываетъ, что за четыре вѣка передъ симъ одинъ японскiй князь купилъ часть югозападнаго берега Матсмая у природныхъ жителей сего острова, которая и по сіе время называется японскою землею, и на всемъ ея пространствѣ между множествомъ японскихъ селенiй нѣтъ ни одной хижины, принадлежащей кому-либо изъ природныхъ жителей. Остальную же часть острова японцы именуютъ Айну-Кфуни, то есть, земля Аиковъ, — такъ называютъ себя жители Матсмая. Между тѣмъ извѣстно, что земля аиковъ была занята нашими казаками и промышленниками, подъ именемъ Курильскихъ острововъ, еще въ прошломъ столѣтiи; а такъ какъ Матсмай есть двадцать второй островъ этой гряды, то онъ по всѣмъ правамъ долженъ бы былъ принадлежать Россiи, тѣмъ болѣе, что покупка японскимъ княземъ земли на Матсмай, имѣетъ характеръ простой частной сдѣлки частнаго лица съ мѣстными жителями, на которой японское правительство никогда не могло основывать своихъ правъ на завладѣнiе цѣлымъ островомъ.

Кромѣ всего сказаннаго, Хакодате извѣстенъ какъ мѣсто заключенiя и освобожденiя капитана Головинна съ товарищами,

захваченныхъ японцами въ 1811 году на островѣ Кунаширѣ. Записки капитана Головинна до-сихъ-поръ служатъ лучшимъ источникомъ свѣдѣній о Японіи и въ-особенности объ островѣ Матсмаѣ и портѣ Хакодате. Въ-особенности интересно прочитать ихъ здѣсь на самомъ театрѣ ихъ дѣйствій. Въ японцахъ встрѣчаешь именно тотъ самый, умный, дѣятельный, трудолюбивый и порядочный народъ, какимъ его выставляетъ капитанъ Головинъ. Все у нихъ до послѣдней мелочи отдѣлано отчетливо, чисто, прочно, такъ что вездѣ видна порядочность народа. Напримѣръ, улицы въ Хакодате всѣ вымощены мелкимъ камнемъ, и содержатся въ величайшей чистотѣ; каждый владѣлецъ дома, всякій вечеръ подметаетъ мостовую противъ своего дома или лавки. Но этого мало. Мы пошли на дачу вблизи города. Дорога была не широка, но совершенно исправна: и здѣсь владѣльцы сосѣдней земли содержатъ и исправляютъ то протяженіе дороги, которое она пролегаетъ по ихъ участку. На спускахъ и изгибахъ по крутымъ покатолямъ горъ дорога была съ обѣихъ сторонъ обрыта, обсажена кустами и деревьями, — словомъ все это до невозможности не похоже на наши дороги внутри Россіи, и что-то подобное я видѣлъ только въ окрестностяхъ Севастополя, сдѣланное трудами англійскихъ и французскихъ войскъ. Подходя къ дачѣ, дорога спускается къ морю и налѣво, внизу крутыхъ обрывовъ, видны домики, пріютившіеся среди зелени, огороды, тщательно изрытые, ключи отведенные въ бассейны для орошенія полей... и все это замыкается вдали широкой синевой океана. Самая дача состоитъ изъ небольшого японскаго домика съ раздвижными стѣнами и галлереями, прислоненнаго къ крутому обрыву горнаго ската. Предъ нимъ два небольшихъ бассейна или пруда обложенныхъ крупными камнями, кругомъ ихъ дорожки, аллен, — все это окружено густой зеленью деревьевъ, кустарниковъ, цвѣтовъ, самыхъ разнообразныхъ видовъ и возрастовъ, — все это хотя очень миниатюрно, но вмѣстѣ съ открывающимся отсюда видомъ на море, — такъ хорошо, что и не вышелъ бы изъ этого японскаго Петергофа. Какъ все это не похоже на насъ русскихъ, подумаешь по-неволѣ. Русскій человѣкъ въ какой бы благословенной странѣ ни поселился, всегда начинаеть съ

того, что окружаетъ себя пустыней: — вырубаетъ до неистовства вѣковые лѣса, уничтожаетъ всякую растительность, не потому, чтобы ему это было полезно, а потому что онъ чуждъ всякихъ красотъ природы, врагъ всякаго изящества въ своихъ произведеніяхъ. Иногда одно-два деревца, — оставленные на пристойномъ мѣстѣ, способны придать живописный видъ цѣлому поселенію, но у насъ все это губится безъ всякаго расчета, безъ всякой нужды, губится вездѣ, не исключая даже и многихъ русскихъ заселеній на Амурѣ.

Жители Хакодате, повидимому, расположены къ русскимъ и не отказываются отъ сближенія съ нами. Купцы видятъ въ этомъ прямую свою выгоду, жители не могутъ быть довольны своимъ начальствомъ, чрезъ руки котораго проходятъ всѣ торговые обороты съ иностранцами. Губернаторъ скупаетъ у жителей за безцѣнокъ рогатый скотъ, рисъ и другіе продукты, и потомъ дорогою цѣною продаетъ все иностранцамъ. Многіе японцы и даже купцы съ особеннымъ стараніемъ учатся по русски у членовъ нашего консульства, но англійскій языкъ уже успѣлъ и здѣсь распространиться раньше прочихъ европейскихъ языковъ. Теперь даже дипломатическія сношенія съ высшимъ японскимъ правительствомъ производятся на англійскомъ языкѣ. Но все-таки жители, какъ видно, болѣе расположены къ русскимъ, чѣмъ къ американцамъ. И не мудрено! Послѣдніе появляются у нихъ въ видѣ торгашей, желающихъ выгодно продать или купить что-нибудь, а при случаѣ и надуть кого-нибудь, — между тѣмъ какъ изъ русскихъ они видятъ пока только однихъ нашихъ офицеровъ, покупающихъ у нихъ все честно и уплачивающихъ за все щедро. Вотъ когда японцы увидятъ нашихъ купцовъ, и узнаютъ ихъ по бляхе, тогда можетъ быть измѣнить свое мнѣніе о русскихъ.

Вообще сближеніе японцевъ съ иностранцами идетъ впередъ быстрыми шагами, и прогрессъ ихъ на поприщѣ цивилизаціи едва ли не замѣтнѣе прогресса нашего благословеннаго отечества. Японцы разомъ отбросили старинную постройку своихъ судовъ, начали строить военныя шкуны, здѣсь въ Хакодате сняли чертежъ съ нашего винтоваго клипера «Джигитъ», и намѣрены по нему заложить свое судно.

Съ здѣшной верфи недавно спущена новая парусная шкуна, и двѣ ихъ, вооруженныхъ, стоятъ здѣсь на рейдѣ. Кромѣ винтовыхъ судовъ, подаренныхъ голландскимъ правительствомъ, японцы заказали еще нѣсколько такихъ же судовъ въ Англіи и Голландіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что въ настоящее время всѣ механики, машинисты, командиры и офицеры японскихъ винтовыхъ судовъ набраны изъ японцевъ, которые совершенно изучили и отлично исполняютъ свои обязанности. По-неволѣ при этомъ вспомнишь слова нашего Головнина (на 19 страницѣ 3-ей части его Записокъ), что если надъ симъ многочисленнымъ, умнымъ, тонкимъ, перемчивымъ, терпѣливымъ, трудолюбивымъ и ко всему способнымъ народомъ будетъ царствовать государь подобный великому нашему Петру, то съ пособіями и секретицами, которыя Японія имѣетъ въ нѣдрахъ своихъ, онъ приведетъ ее въ состояніе чрезъ малое число лѣтъ владычествовать надъ всѣмъ Восточнымъ океаномъ! И чтобы тогда было съ приморскими областями на востокѣ Азіи и на западѣ Америки, столь отдаленными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать?... Часть пророчества Головнина уже сбывается: японцы быстро цивилизуются, заводятъ паровые флоты, учреждаютъ верфи и механическія заведенія, — можетъ быть скоро исполнится и остальная половина этого предсказанія... Въ такомъ случаѣ для насъ, русскихъ, остается только одно утѣшеніе, о которомъ упоминаетъ тотъ же капитанъ Головнинъ въ своихъ Запискахъ, утверждая что у японцевъ издревлѣ есть преданіе: «Наступитъ время, когда придетъ народъ отъ сѣвера и покоритъ Японію».

Д. РОМАНОВЪ.

ОПРИЧНИКЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
Князь Аонасій Вяземскій }
Алексѣй Басмановъ. } совѣтники въ опричнѣ.
Малюта Скуратовъ. }
Василій Грязный. }
Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ, кравчій, любимецъ царскій.
Елисей Бомелій, врачъ царя, голландецъ.
Князь Осипъ Гвоздевъ, царскій шутъ.
Андрей Морозовъ, сынъ земскаго боярина.
Прасковья Морозова, мать его.
Князь Иванъ Жемчужный, бояринъ изъ земщины.
Наталья, дочь его.
Молчанъ Семеновичъ Митьковъ. }
Иванъ Петровичъ Федоровъ. } бояре земскіе.
Иванъ Михайловичъ Висковатовъ. }
Захарьявна, мамка Натальи Жемчужной.
Подсѣдина, дякъ.
Сваха.
Два слѣпца, сказочники.
Два гостя.
Два сидѣльца.
Дворецкій. }
Кравчій • } князя Жемчужнаго.
Чашникъ }
Посажена мать Натальи Жемчужной.
Дѣвицы боярскія.
Жены опричниковъ.
Боярыни земскія.
Мальчики.
Стрѣльцы.
Мошенникъ.
Опричники.

Дѣйствіе въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.**ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.**

Садъ. Въ немъ яблони, кусты смородинные, березки и подсолнечники. Въ сторонѣ видны за деревьями хоромы боярскія, вдали Кремль. Вечеръ.

Андрей Морозовъ и Захарьевна, входятъ въ садъ.

Андрей Морозовъ (*изъ-за куста, за которыми онъ прятался*).

Что, мамушка моя, что, золотая,
Какія вѣсти?

Захарьевна.

Я ли, мой родной,
Не пораждю для тебя!... И духъ
Захватываетъ, будто вихорь встрѣчный;
Деревья и земля вертятся, словно,
Прости Господь! какое навожденье
Лукавый напустилъ на насъ.... Охъ, охъ!
Того гляди, бояринъ насъ подмѣтитъ
И разомъ голову мою снесетъ!...
Да за тебя, мой птепчикъ дорогой,
Мое ты наливное яблочко,
Охотно въ полямя пойду....

Морозовъ.

Спасибо,

Захарьевна, спасибо, золотая;
Твое добро вѣкъ помнить буду!... Чтожъ
Наталиа Иваповна?...

Захарьевна.

Вѣдь я

Тебя, голубчика, еще допрежъ Наташи
Выняпъчила; отъ самой колыбелки
Ты росъ и выросъ на рукахъ моихъ.
За то самъ взыскивалъ меня добромъ:
То черевичками дарилъ, то чолкой.

А ласки? а любовь?... глаза пескомъ
Засыплють, развѣ ихъ тогда забуду.
И твой родитель, царствіе ему
Небесное! хоть волоскомъ бы тронулъ
Меня, пока жила у васъ. Бывало,
Все жаловалъ съ боярскаго стола....
Не то, что нынче!

Морозовъ.

Службу намъ твою
Грѣшно забыть. Да ты не говорила
Мнѣ ничего, о чемъ просилъ тебя.

Захарьевна.

Сказать велѣла «будетъ» мой родной!
Сначала гдѣ! руками и ногами!...
Лишь молвила ей, такъ и затряслася
Сердечная, какъ будто молонья
Березу молодую охватила;
Бѣлѣ стала моего *убруса*.
Дѣвицѣ вѣдь куда зазорно съ парнемъ
До честнаго вѣнца тайкомъ видаться!
Дѣвица славою своей красна:
Уронитъ, будто въ воду золотое
Кольцо, ужъ не поймаетъ никогда.
«Мнѣ милъ онъ, нечего грѣха таить»,
Вздыхаючи, такъ молвила она,
«Когда-бъ на мигъ мнѣ волю развязали,
Безъ крылышекъ къ нему бы полетѣла,
Съ нимъ перемолвилась бы тайнымъ словомъ,
Не вѣдали-бъ того словечка люди;
Его-бъ и буйный вѣтръ не перенялъ:
Лишь вѣдали бы Богъ, да душики наши.
Когда-бъ мнѣ волюшка своя, да воля,
Ножомъ бы распорола бѣлу грудь:
Пускай тамъ смотритъ, какъ люблю его!»

Морозовъ.

И будто бы такъ молвила она?

Захарьевна.

Какъ святъ Господь, словечка не прибавлю!

Разумница она у насъ такая:
Иной разъ говорить, читаетъ будто
По книгѣ дьякъ ученый.

Морозовъ.

Этихъ словъ

Мнѣ не забыть до гробовой доски!

Захарьевна.

«А какъ теперь пойду къ нему?... И люди,
И Богъ, и стыдъ дѣвичій не велятъ.
Ну, какъ увидитъ батюшка родимый,
Да какъ подстерегутъ сосѣди злые,
Да какъ свои дворчане подглядятъ,
Уиру на мѣстѣ отъ стыда!» Я ну
Ее умаливать и увѣщать
И тѣмъ и сѣмъ, и поклялась божбою,
Что не увидитъ и собачій глазъ,
Не только что людской. Сдалась голубка!
Да вотъ она сама.... У бѣдной ножки
Какъ будто спутаны травой густою.
Смотри, родной, побереги ты насъ.
А я пойду, да стану на сторожкѣ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Княжна Наталья Жемчужная и прежніе.

(Морозовъ хочетъ выйти изъ за куста).

Наталья (въ испугъ, даетъ ему знакъ,
чтобы онъ остался).

Постой!... не выходи ты, ради Бога!... Слышишь?
Калиткой кто-то стукнулъ....

Морозовъ (прислушиваясь).

Ничего!

Такъ тихо, будто въ кельѣ.... Только слышно,
Какъ вешній вѣтерокъ листы тревожить,
Какъ стонетъ надъ цвѣткомъ пчела.... Тебѣ
Почудилось (выходитъ изъ-за куста). Безцѣнная моя!
Жемчужина моя ты дорогая!

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ жалости въ тебѣ, неугомонный!
 Когда-бъ ты зналъ да вѣдалъ, сколько страху
 Я приняла, какъ по пятамъ моимъ
 Бѣжалъ нечистый духъ, какъ подо мной
 Горѣла мурава, ты-бъ не помыслилъ
 Со мною видѣться. Вотъ и теперъ
 Какъ будто сердце хочетъ выскочить.

МОРОЗОВЪ.

Прости ты мнѣ, душа моя, Наталья
 Ивановна, прости моей любви!
 Не въ мочь мнѣ долѣе была разлука.
 Ты вспомни, цѣлый годъ мы не видались.
 Чего я въ этотъ годъ не натерпѣлся!
 Крыжатика широкой мечъ едва
 Меня не перебросилъ въ мѣръ другой,
 Едва я кровью не изошеть,
 Но и тогда, какъ отъ очей бѣжала
 Прекрасная Господняя земля,
 Не съ Божьей красною землею, не съ жизнью
 Разстаться было жаль, съ тобой одной!
 А ты... ты вспоминала ли меня?

НАТАЛЬЯ.

За чѣмъ и спрашивать?... Кабы забыла,
 Пришла-бъ ли я сюда? И день и ночь
 Лампаду жгла передъ святой иконой,
 Чтобъ Божьи ангелы тебя хранили
 Отъ вражьяго меча; и въ ночь вставала,
 Чтобъ помолиться о тебѣ тайкомъ.
 Забуду развѣ я тебя, Андрюша....
 Ахъ! что со мной? что вымолвила я?...
 Какая глупая! все забываю,
 Что мы не дѣти болѣе, не вмѣстѣ
 Живемъ, какъ братъ съ сестрой.... ужъ не деремъ
 Изъ бабочки....

МОРОЗОВЪ.

И не дѣтей, бывало....

А какъ давно? не болѣе двухъ лѣтъ....

Не только ссорилась съ своимъ Андрюшей,
Изъ-за чего, не помню хорошенько,
Но берегла ему и подѣлуй на миръ.

Наталья.

Пора тебѣ забыть, Андрей Петровичъ!

Морозовъ.

Когда-бъ твое мнѣ милое словечко
Предвѣстемъ было сладкихъ словъ другихъ!
Когда-бъ пророчило, что болѣ намъ
Ужъ врознь не жить, что скоро въ Божьемъ храмѣ
Мы обручимся!...

Наталья.

О! для этихъ дней

Я берегу на днѣ своей души
Такія имена, какихъ уста
Мои не говорили никогда
И никому, кромѣ тебя, не скажутъ!

Морозовъ.

И поклянешься ты?

Наталья.

Безъ клятвы могъ бы

Повѣрить мнѣ! Но я клянуся страшнымъ
Господнимъ ликомъ, Матерью Его Пречистой,
Что никому тѣхъ задушевныхъ словъ,
Кромѣ тебя, я не скажу.

Морозовъ.

Но вмѣстѣ

Ты поклянешься-ль мнѣ, что подъ вѣнецъ
Ни съ кѣмъ ты не пойдешь?

Наталья.

Не поклянусь;

Отецъ велить — пойду.

Морозовъ.

Любовь твоя

Что же послѣ этого?

Наталья.

Сама не знаю.

Не преступлю во вѣкъ отцовской воли:

Велить, и за не милаго пойду;
 А тамъ.... (плачетъ) не долго мнѣ пожить придется:
 Вѣнецъ другой надѣнуть на меня.

Морозовъ.

Нѣтъ, радость ты моя! нѣтъ дорогая!
 Клянусь я также страшнымъ Божьимъ ликомъ,
 Иконой Матери Его Пречистой,
 Что никому тебя я не отдамъ.
 Не даромъ обручили насъ отцы,
 Когда мы и любви не понимали;
 Росла она не даромъ вмѣстѣ съ нами;
 Не понапрасну-жъ завѣщаль отецъ
 Мой, умирая, чтобъ ни за кого,
 Кромѣ меня, тебя не отдавать.
 И твой отецъ, во имя давней дружбы,
 Во имя Господа то обѣщаль,
 И страшный крестъ на томъ поцѣловаль.
 Ужли на вѣтеръ были тѣ слова,
 То обѣщаніе передъ открытымъ гробомъ,
 Въ присутствіи Спасителя Христа?...
 Не можетъ быть!... Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю слухамъ...

Наталья.

Какимъ?

Морозовъ.

По околodку по всему
 Звонять, что сватаеть тебя надежно
 Молчанъ Семенычъ Митьковъ.

Наталья.

Въ первый разъ

Я слышу отъ тебя. Вдовець... ужъ и старикъ...
 Вѣдь онъ мнѣ только въ батюшки годится!
 Покойная жена его меня любила,
 Какъ дочь свою... Съ ума развѣ сошелъ!...
 Иль надъ тобой хотѣли посмѣяться!

Морозовъ.

Какихъ на свѣтѣ нѣтъ причудъ! Вотъ нашъ
 Иванъ Васильевичъ, кажись, не молодъ,
 А женится ужъ чуть ли не на пятой.

НАТАЛЬЯ.

Вѣдь, говорятъ, въ опричинѣ другой
Законъ: тамъ, слышно, Елисей Нѣмчинъ
На всякій тяжкій грѣхъ ихъ разрѣшаетъ.

МОРОЗОВЪ.

Молчанъ Семенычъ — добрый человекъ,
Отцу былъ душевный другъ, но тутъ...
Я кланяюсь! переступлю дорогу,
Хоть былъ бы онъ семи пядей во лбу,
Хоть самъ бы царь Иванъ Васильевичъ на ней
Съ жезломъ своимъ кровавымъ сталъ!... Поклялся
Я страшною божбой, и никому
Тебя не уступлю!... По утра-жь завтра
Прийду я съ сватовствомъ, съ собою мать
Старушку приведу... Все за меня,
Порода, молодость, богатство, клятвы...
А сердце что-то сильно замираетъ!

НАТАЛЬЯ.

Богъ не оставитъ насъ.

ЗАХАРЬЕВНА.

Сюда, Наташа!

Скорѣй!... скорѣй!...

НАТАЛЬЯ.

Прости!

МОРОЗОВЪ.

Прости, мой свѣтъ!

Молился, чтобъ Господь благополучно
Судьбу нашу рѣшилъ... Прости еще! (*скрывается за кустами*).

НАТАЛЬЯ (*подходя къ мамкѣ*).

Какъ жаль его, голубчика, мнѣ стало!...

Ужли вѣщуешь сердце намъ бѣду?

ЗАХАРЬЕВНА (*отворяя каминку*).

Ахъ, батюшки! какъ нуха привязалась!

Скажи, вишь, ей: да что за Божія коровка?

Да почему коровкою зовутъ?

Спроси, кто по умѣй, да въ книги смотреть (*уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Гридня въ домъ князя Жемчужнаго. Съ одной стороны изразцовая печь съ узорными украшеніями: съ другой столъ, накрытый скатертью; кругомъ стола скамьи, съ суконными полавочниками. Утро.

Князь Жемчужный и дьякъ Подсѣдина (*входятъ въ-стѣ. Князь запираетъ дверь задвижку*).

Дьякъ Подсѣдина (*стряхивая пыль съ платья*).

Во - первыхъ , праха отрясеніе ; во - вторыхъ (*творитъ крестъ*), святымъ иконамъ поклоненіе, а въ-третьихъ, честной маковкѣ дома, хозяину, поздравленіе (*кланяется низко*).

Князь Жемчужный.

Спасибо, господинъ дьякъ! спасибо моему милостивцу! Сядемъ-ка и посмотримъ, исправно ли ты смастерилъ подпись.

Дьякъ Подсѣдина.

Если бы Морозовъ всталъ изъ домовища, побожился бы, что самъ подписалъ духовную запись. Да... на всякій случай... ты вѣдаешь самъ: дѣльце смастери, и возьми благодареніе за труды, а все-таки дѣлежку припаси... печатнику, намѣстнику...

Вѣдь эта лѣстница идетъ высоко! Нынче ужъ времена такія: живемъ по притчѣ евангельской: «другъ друга тяготы носи».

Князь Жемчужный.

И вѣдомо такъ, господине!

Дьякъ Подсѣдина.

Бываетъ, и подлинно самъ покойникъ своеручно расписался, а живые спорятъ: рука, дескать, не его!... Такъ на всякій случай, надо эту ручку позолотить изъ кладовой же покойника: тогда живые и мертвые присягу дадутъ.

Князь Жемчужный.

Любыя стопы возьми. Только все ли такъ расписалъ, какъ говорено? И домъ каменный съ кладовыми, и что въ кладовыхъ найдется и пятьдесятъ дворовъ крестьянскихъ за незаконное владѣніе дѣдомъ и отцомъ...

Дьякъ Подсѣдина.

Еще на похороны сто рублей, на поминъ души двѣсти,

вкладу въ Печоры десять рублей, долгу за освобожденіе изъ плѣну татарскаго сто угорскихъ золотыхъ... все, все до послѣдней пулы! Обѣщалъ, да уговорился, такъ надо и грѣхъ знать. Охъ, охъ! не для одного міра сего живемъ!.. Вотъ, станется, *молодой* дьякъ изъ опричины оставилъ бы пробѣлъ; а мы вѣдь земщина, не *средніе*, а *старые*, да еще были дьяками у Елены Глинской, когда Василій Ивановичъ... мпръ ему въ селеніяхъ небесныхъ!... Подъ нашу работку иголки не подпустишь!

Князь Жемчужный.

Такъ покажи, милостивецъ. (*Дьякъ вынимаетъ изъ выдолбленнаго дерева листъ бумаги, разворачиваетъ его и показываетъ князю, не выпуская изъ рукъ. Князь пробѣгаетъ бумагу изъ-за руки его*). Ничего не пропущено... А подпись... я самъ бы побожился, что рука Морозова! Такъ теперь пожалуй мнѣ...

Дьякъ Подсѣдина.

Оно такъ; да надо бережно, господине, надѣвши рукавички: не замарать бы подписи. Не взыщи!

Князь Жемчужный.

Понимаю, понимаю (*вынимаетъ изъ-за пазухи кису съ деньгами и даетъ ему*). Уговорное. Теперь можно?

Дьякъ Подсѣдина.

Благословясь, возьми (*отдаетъ бумагу и беретъ кису*). Что у тебя, голубчика, такъ руки-то трясутся?... Видно не привыченъ. На наше-бъ дѣло не годился. И то примолвить, покойникъ былъ тебѣ задушевный.

Князь Жемчужный.

Беру только свое назадъ. Вѣдь ты же самъ писалъ: дѣдъ Морозова завладѣлъ у моего дѣда десять дворовъ.

Дьякъ Подсѣдина.

Ну, что объ этомъ! (*прлчетъ кису за пазуху*). Чай, вѣрно?

Князь Жемчужный.

Вотъ тебѣ свидѣтель! (*показываетъ на небо*). А подлинная духовная запись?

Дьякъ Подсѣдина.

Ахти, я, худородный! память стариковская оставила дома... Ну, да кстатп, на запись-то и сочтемъ твою вѣрность... Тутъ

же кстати принесешь и стовочки двѣ серебряныя. Такъ мы тебѣ и остатками Морозова будемъ кланяться. (*Слышатъ стукъ у дверей*). Кто-то стучится.

Князь Жемчужный (*прячетъ бумаги въ столъ и отворяетъ дверь*).

Кто тамъ?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Дворецкій.

Дворецкій (*поклонившись въ поясъ*).

Бояринъ Молчанъ Семенычъ Митьковъ чувствуетъ тебя, господине, и прошаетъ видѣть твои ясныя очи.

Князь Жемчужный (*радостно*).

(*Про себя*.) А! съ сватовствомъ! Кстати кончилъ съ дьякомъ. (*Дворецкому*.) Просимъ жаловать. Да вели кравчему подать оловяникъ меду и стопъ. Чтобъ въ меду, какъ на небѣ въ морозную ночь, прыгали звѣзды отъ холоду!

(*Дворецкій, поклонившись, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Князь Жемчужный и дьякъ Подсъдина.

Князь Жемчужный.

Мы съ тобой простимся, покуда. Вечеркомъ на закатѣ солнышка, зайду къ тебѣ, мой милостивецъ.

Дьякъ Подсъдина (*беретъ шапку*).

Яко золотое солнце кончаетъ свой щедролубивый путь и рассчитывается съ землею, такъ и мы съ тобою повершимъ свое дѣльце, обильное щедрыми дарами. (*У дверей про себя*.) Молчанъ Семенычъ Митьковъ?... О! съ этимъ вытяземъ не дай Богъ повстрѣчаться на путяхъ неправды! Какое чаше, изломаетъ тебя, какъ медвѣдь (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Князь Жемчужный (*одино*).

Грызетъ червякъ... да это съ непривычки.

Обѣтами, пирами заморимъ.

Бояться нечего: законъ скрѣпилъ!

Живыхъ обманемъ, мертвые не встанутъ.

Отдай, вишь, я Морозову Наталью:
 Такъ съ нею и добро ея отдай!
 Съ чѣмъ я останусь? Въ мѣръ итти съ сумой?...
 Нѣтъ! будь, какъ сдѣлано. За Митькова отдамъ:
 Старикъ и безъ приданаго возьметъ.
 Богатый, я и самъ на молодой
 Женюсь. Кому не хочется пожить
 Богато съ молодой женой?... Напрасно,
 Червякъ, грызешь! беру назадъ свое....
 Вольно же было дѣду оплошать!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Князь Жемчужный и Молчанъ Митьковъ.

Митьковъ.

Здорово, князь! съ весеннимъ краснымъ днемъ
 Господь тепло и милость посылаетъ.

Князь Жемчужный.

Кто милость Божию приноситъ въ домъ,
 Тотъ и въ осенній день гость свѣтлый. Просимъ,
 Садись поближе, здѣсь. *(Красчій приноситъ оловяникъ и сто-*
лы, ставитъ на столъ и уходитъ).

Чай, жарко? Путь далекъ.

Митьковъ.

Порядкомъ!

Князь Жемчужный.

На тебя стопа любая
 Умильно такъ глядеть! Янтарный медъ
 Ей-ей, и прямо съ пылу ледника!

Митьковъ *(взлѣзши столу).*

Будь здоровемъ свѣжъ, хозяйнѣ дорогой,
 И съ дочкою своею еднородной,
 Какъ добръ и свѣжъ твой искрометный медъ! *(Вѣтисаетъ).*

Князь Жемчужный.

Благодарю, Молчанъ Семеновичъ!
 Ну, что скажи, какъ милуетъ Господь?

Митьковъ.

Пока живу подъ щедрой благодатью
 Его.

Князь Жемчужный.

Что дѣется богатымъ вамъ!

Митьковъ.

Вѣдь я сказалъ пока. Ты знаешь самъ:
Кто въ наше время силенъ и богатъ?
Мы земщикъ съ тобой принадлежимъ,
И въ этотъ часъ, какъ говорю съ тобой,
Быть можетъ, въ этотъ самый мнѣ лукавый
Опричники ворвались въ кладовыя
Твои.

Князь Жемчужный.

Мои?... О Господи, помилуй
Насъ отъ бѣды!... Ты радостный вѣдь гость,
Молчанъ Семеновичъ, не вѣщій вранъ....
Мои?... Опричникамъ плачу исправно
По силѣ дань. Да что объ этомъ говорить!
Бѣда чужая — не смола, не льнетъ.
Пока намъ хорошо живется, поживемъ!

(Подаетъ стопу и кланяется).

Прошу еще прикусать на здоровье!

Митьковъ *(откланивается)*.

Уволь, князь. Медь твой крѣпокъ, мутитъ разумъ
И распложаетъ рѣчь, а мнѣ теперь
Словечко уронить не кстати, будто
Невѣстѣ выронить изъ ожерелья
Жемчужину, иль яхонтъ дорогой.
Пришелъ къ тебѣ я, князь Иванъ, не даромъ,
И потому я рѣчи не намѣренъ
Теперь мутить въ обманчивой стопѣ.

Князь Жемчужный.

На волю отдаю твою. Ты гость желанный
Нашъ былъ всегда, и въ Божій часъ святой,
Когда пустынную вели бесѣду
О суетахъ мірскихъ, — и на пиру,
Когда намъ было море по колено.
И на какихъ пирахъ мы не бывали
Съ тобой!... Не вмѣстѣ-ль подъ Казанью стопу
Кровавую испить намъ подносили?

Въ Ливоніи не дружно ли изъ рукъ
Крыжатииковъ мы чары осушали?...
А брага та — не то, что брага наша:
Шибала больно въ голову!

Митьковъ.

Тогда

Одинъ былъ болѣе съ тобою не разлученъ:
Отважный, упилъ на смертномъ пирѣ
И опочилъ на вѣкъ въ землѣ чужой....
Морозовъ....

Князь Жемчужный.

Мертвыхъ сонъ зачѣмъ тревожить?

Пришелъ сюда ты развѣ на поминки!
Не зналъ я этого, а то бы клиръ
Духовный въ черныхъ рясахъ пригласилъ.

Митьковъ.

Прости!... Морозовъ былъ нашъ общій другъ.
Я мыслилъ, кстати помянуть вездѣ,
Во всякій часъ, и витязя и брата,
Котораго душа была чиста,
Какъ храмъ святой, — который умеръ честно
За родину свою въ кровавой сѣчѣ, —
Все также впору, словно крестъ творить!
Тѣмъ болѣе въ часъ этотъ роковой,
Когда готовлюся открыть тебѣ
Я тайну задушевную, не вспомнить
Какъ миѣ Морозова? Онъ снялъ бы бремя
И съ языка и съ сердца; онъ межъ насъ
Посредникомъ бы сталъ, и до размолвки
Меня бъ не допустилъ....

Князь Жемчужный.

Размолвки? Полно,

Молчанъ Семеновичъ!... Смутили нашу
Рѣчь два, три слова: экая бѣда!...
Не все-ль равно, что злоба вешнихъ водъ?
Нечистый илъ онѣ съ полей вогнала
Въ истокъ рѣки, питающей другую:
День, два, и дружный путь ихъ, чистый, ровный,

По прежнему течеть. А въ знакъ того,
 Что крохи зла противъ тебя не помню,
 И какъ мнѣ дорога твоя любовь,
 Со всею радостью готовъ я тайну
 Твою принять. Какъ брату, какъ отцу
 Открой ее.

Митьковъ (*оставъ и кланяясь*).

Такъ выслушай меня
 Отчески, и не взыщи, что просто
 Безъ темнаго обходу, какъ душа моя,
 Безъ сватовъ подкушнѣхъ и безъ засьма,
 Самъ за себя ходатаемъ пришелъ.

Князь Жемчужный.

Гдѣ прямо въ теремъ входъ, зачѣмъ ступени?
 И потому, какъ давній другъ, какъ свать,
 И... что загадки смыслъ гать лукаво!...
 Какъ дорогой женихъ, садись, и прямо
 Свое желаніе отдай мнѣ въ руки.

Митьковъ.

Ты началъ ласково, такъ и дослушай.
 Есть у тебя сокровище въ дому:
 Не бархатъ золотой, слѣпить что очи;
 Не камень самоцвѣтъ съ лучемъ огнистымъ;
 Но передъ нимъ и жаркій *оксамитъ*,
 И царской ризницы всѣ самоцвѣты —
 Какъ передъ Божиимъ солнышкомъ свѣча!
 Я знаю, нѣтъ ему цѣны; но я...
 Прости, князь, дерзости моей великой...
 Хочу я быть его купцомъ. Не серебро,
 Не злато за него я предлагаю,
 Но самаго себя... коль непротивенъ.

Князь Жемчужный.

Ты правду говоришь, гость дорогой:
 Есть у меня сокровище въ дому.
 Разстаться съ нимъ какъ бы съ душой разстаться;
 Но вѣчно хоронить его нельзя.
 Кто знаетъ! нынѣ времена лукавы:
 Ловцы какъ **разъ** провѣдаютъ объ немъ:

Не съ честью доброму кунцу отдашь
Въ дому Пречистой Матери.... (Озирается по сторонамъ).

Митьковъ.

Уташутъ

Кромѣшники подѣ воровской полой....
Ты знаешь, счетъ давно ужъ потеряли
Дѣвицамъ честнымъ и женамъ боярскимъ,
Которыя нашли позоръ и смерть
Въ проклятой слободѣ.... *).

Князь Жемчужный (тихо).

Остерегись,

Молчанъ Семеновичъ!... дворчане наши
Всѣ куплены: словечко не впопадъ, —
И можетъ повести тебя на плаху!...

Митьковъ.

Да я забылъ, что нынѣ стѣны слышать **),
Не только что чужихъ, боишься кровныхъ;
Въ семьѣ своей предателя ты ждешь ...
Когда извѣчные бояре наши
Торгуютъ совѣстью, въ слугахъ подавно
Какъ намъ измѣнниковъ не ожидать?
Вездѣ насъ сторожить метла ловцовъ;
А душу христіанскую смести
Ей въ тьму кромѣшную — что соръ поганый!...
Но мы объ агнцѣ чистомъ говорили
И въ стадо волчье зашли!

Князь Жемчужный.

Подалъ,

Подалъ, мой родной, чтобъ не попасть
На волчій зубъ!... Да гдѣ-жъ, признайся мнѣ,
Ты видѣлъ дочь мою, и почему
Тебѣ моя Наталья приглянулась?

Митьковъ.

Видалъ ее я дважды въ храмѣ Божьемъ....

*) См. Истор. Госуд. Росс. Карамзина, томъ VI, стр. 107, 108 и 275.

**) См. Истор. Госуд. Росс. Карамзина, томъ VI, стр. 24.

Вдовцомъ ужъ былъ.... Повѣришь ли, не разъ,
 Когда она, творя широкой крестъ,
 Съ любовію приподнимала очи
 На свѣтлый ликъ Спасителя-Младенца,
 Смущала мысль нечистая меня,
 И долго я молиться не дерзала.
 Съ тѣхъ поръ вездѣ за мною эти очи
 И грезами мутятъ тревожный сонъ.
 Ты видишь, стыдъ покрылъ лицо румянцемъ....
 Мнѣ бъ не пристало рѣчь вести такую
 Въ мои лѣта.... Напрасно ихъ скрывать:
 Предатель, бѣлый волосъ, обличаетъ.
 Я знаю, дочь твоя не ровня мнѣ;
 Скорѣ могъ бы я отцемъ ей быть:
 Все это часто мнѣ твердитъ разсудокъ;
 Но слыше.... что?... какъ и назвать, не знаю....
 Велитъ грѣхъ помысловъ вѣнцомъ покрыть.
 Вотъ я пришелъ съ повпной головой
 Къ тебѣ. Будь мнѣ совѣтникъ, другъ, отецъ;
 Скажи: «Не дѣльное затѣялъ ты,
 Молчанъ Семенычъ; брось свои затѣи:
 Не по годамъ онѣ: осталось намъ
 Съ тобой молиться....»

Князь Дѣмчужный.

Нѣтъ, я этой рѣчи
 Съ тобой не поведу. И въ наши лѣта
 Куда какъ не добро одну быть!
 Не молодъ ты, но въ схваткѣ боевой
 Ты удалю и молодаго пристыдишь.
 Не молодъ?... Тѣмъ надежнѣй для жены!
 Не по лозѣ кудрявій вьется хмѣль:
 Себѣ надежнѣе опоры ищетъ.
 Ты славу сдѣлалъ ужъ свою; тебѣ
 Ни что не измѣнить; а молодаго....
 Узнаешь ли, что будетъ изъ него?
 Въ опричники пойдетъ еще пожалуй!...
 Увѣрешь, какъ зеницу ока, будешь
 Беречь жену.

Митьковъ.

Какъ жизнь свою, какъ душу!

Она хозяйкой полной будетъ въ домѣ;
 Не только словомъ оскорбить, и гнѣвно
 Дохнуть я не посмѣю на нее!

Князь Жемчужный.

Я знаю хорошо тебя, и вѣрю:
 Слова твои и дѣло — все равно.
 Тебѣ отдать сокровище мое,
 Красу ея и счастье убережь
 И я бѣ не прочь; но.... видишь.... есть помѣха....

Митьковъ.

Какая?... можетъ, слово далъ другому?...
 Въ отлучкѣ столько лѣтъ я былъ: дѣла
 Московскія теперь мнѣ не знакомы.

Князь Жемчужный.

Совсѣмъ не то. Признаться ли тебѣ?
 Я не могу приданаго ей дать
 Богатаго.... Худыя времена,
 Война, пожаръ....

Митьковъ.

Мнѣ ничего не надо,

Кромѣ ея самой. Беру въ чемъ есть.
 Я унижу ее окатымъ жемчугомъ,
 Въ парчу и золото ее одѣну;
 Подъ ноги постелю ей аксамитъ
 И полкъ кунцовъ приплю къ ея услугамъ:
 Лишь только слово дай!...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Дворецкій.

Дворецкій.

Ужъ третій разъ

Морозовъ съ матерью приходятъ.

Князь Жемчужный.

Чтожь?

Ты имъ, небось, сказалъ, что у меня

Молчанъ Семеновичъ, что мнѣ нельзя
Ихъ видѣть?...

Дворецкій.

Говорилъ. «Молчанъ Семеновичъ
Былъ мужу другъ, старушка говоритъ,
И не помѣха намъ.» Сынъ рвется силой.

Митьковъ.

Проси ихъ, князь. Пускай жена и сынъ
Морозова въ моеиъ благополучьи
Участье примуть.

Князь Жемчужный.

Нѣтъ, я не хочу,

Чтобы ты споровъ нашихъ былъ свидѣтель.

Съ Морозовой есть счеты у меня,

И потому прошу оставить насъ

Однихъ. Ужъ рѣшено: твоя Наталья — *(Даетъ знакъ дворец-
кому, чтобы звалъ Морозовыхъ. Дворецкій уходитъ)*

И вотъ рука моя!... Свидѣтель Богъ!

Митьковъ.

Отецъ родной!... я вовсе безъ ума

Отъ радости.... Теперь иду въ часовню

Молебень благодарный отслужить;

А тамъ дней на десять, не болѣ,

Поѣду въ отчины свои: хочу на славу

И диво всей Москвы устроить свадьбу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, Морозовъ и Морозова *(входятъ при послѣднихъ
словахъ Митькова)*.

Князь Жемчужный *(Митькову громко)*.

А мы пока невѣсту приготовимъ.

Прощай, зять дорогой!

Морозовъ *(у дверей)*.

А!... кончено!...

Ты слышала; «невѣсту»?... зятемъ звать?...

Семенычъ весель, какъ женихъ, а тотъ

Трясется, словно въ лихорадкѣ злой....

Теперь другое сватовство пойдетъ!...

Митьковъ (*остервенясь Морозова при
входь*).

Здорово, крестничежъ!

Морозовъ (*иронически*).

Здорово, крестный!

Митьковъ.

Давно ли изъ Литвы?

Морозовъ.

Кажись, я нынче

Я въ вражемъ станѣ.... Толковать не время!

Иди своей дорогою, бояринъ!

Митьковъ.

Что больно такъ спѣсивъ? Всегда, какъ сына,
Тебя любилъ.

Морозовъ.

Помилуй!... молодець

Такой.... усь только пробиваетъ.... въ братцы

Годишься мнѣ!... Ступай же, братецъ, съ Богомъ.

Митьковъ.

Не понимаю!... знать съ ума ряхнулся!...

Пока въ отлучкѣ буду, можетъ статья,

Ты образумишься. Хоть ты, кума, прости!

Морозова (*сухо*).

Прощай!

Митьковъ (*въ раздумьи выходя*).

Темна вода во облацѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Князь Жемчужный, Морозовъ и Морозова.

Князь Жемчужный.

Ну что тебѣ, старушка, надо?

Морозовъ (*подвигая матери ска-
мейку*).

Прежде

Садись. Не просить онъ тебя садиться!

Морозова (*садясь*).

Старушка?... Не безродная какая!

Кажись, у Морозовой есть имя

И отчество. Мой мужъ и мѣстомъ
 Былъ старѣ тебя.

Князь Жемчужный.

Бѣда какая!

Пожалуй, хотъ Прасковья Ниловна,
 И Ниловна еще, для старшинства.
 Зачѣмъ же посѣтила ты меня?

Морозова.

А вотъ зачѣмъ, мой батюшка: есть счетцы
 У насъ съ тобой.

Князь Жемчужный.

Есть, и давнобъ пора

Покончить ихъ.

Морозова.

Давно? Ты знаешь самъ,
 Андрюша былъ въ Литвѣ, а я въ Печоры
 Поплакаты ѣздила надъ той землицей,
 Гдѣ мужъ лежитъ, и помянуть его.

Князь Жемчужный.

Ужъ я творилъ богатыя поминки.

Морозова.

Богатыя?... (*Махнувъ рукой*). Пускай! зачѣмъ тревожить
 Изъ этого покойника!... Спрось будетъ
 Когда-нибудь. (*Показываетъ на небо*).

Морозовъ.

Еще не мертвыхъ часъ:

Живыхъ!... Наступить скоро, и тогда
 Одѣньтесь, кости, въ плоть, и станьте здѣсь
 Лицомъ къ лицу: да будетъ судъ изъ гроба!

(*Обращаясь къ матери*).

Теперь ты повѣсть поведи сначала.

Морозова.

Такъ слушай же ее, Жемчужный князь!

Князь Жемчужный.

Я слушаю.

Морозова.

Ты помнишь ли, когда
 Татары, будто волки жадные въ овчарню,

Въ Москву ворвались, и почти до тла
Огнемъ и полымемъ ее спалили?

Князь Жемчужный.

Давно ужъ этому.

Морозова.

Лѣтъ десять и съ хвостомъ.

Но въ память ли тебѣ, какъ съ пепелища
Ты въ этотъ самый домъ къ намъ прибѣжалъ?...

Онъ уцѣлѣлъ, благодаренье Богу!...

Едва ль не въ эту грдню, гдѣ теперь

Съ тобой считается, бояринъ гордый,

Ты прибѣжалъ въ лохмотьяхъ обгорѣлыхъ,

Весь въ язвахъ.... на тебѣ лица живаго

И образа людскаго не было.... какъ звѣрь

Израненный, стоналъ ты и метался.

Захарьевна моя еле-живую

Наташу на рукахъ своихъ несли,

И наготу ея своимъ убрусомъ

Прикрыла.... Послѣ всѣхъ сюда внесли

Твою покойницу; она была

Ужъ мертвая; но страшными очами

Искала будто бы кого.... на вѣрно

Свое дитя. Здѣсь гробъ ея стоялъ,

На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоишь.

Не говорю, кто бросилъ землю на нее,

Кто проводилъ ее, кто помянулъ,

Кто приютилъ бездомныхъ: ужъ и то

Довольно, слишкомъ много, я сказала!

Не я, кровь говоритъ. Ты самъ меня

На этотъ грѣхъ навелъ.

Князь Жемчужный.

Я заплатилъ

За все, за все съ покойникомъ разсчелся.

Морозовъ.

Какъ будто деньгами за это платять?

Морозова.

Потомъ ты обжился у насъ, какъ дома,

И скоро двѣ семьи одною стали.

Не знали мы, что наше, что твое.
 Не только что добра, не различали
 Дѣтей: вотъ этого ты сыномъ называлъ,
 А я Наташу, будто кровь свою,
 Любила. Положили мы тогда же
 Ихъ обвинчать, когда пора придетъ;
 И стали съ тѣхъ часовъ ихъ звать въ дому
 Невѣстою и женихомъ. Не правда ль?

Князь Жемчужный.

Да мало ли что въ шутку говорится!

Морозова.

Шутилъ бы ты съ холопами своими!
 Бояринъ смѣхомъ слово дастъ, исполнить,
 Хоть умереть!... Безстыжему другое дѣло!

Морозовъ.

Есть шутки — плачутъ кровію отъ нихъ.

Князь Жемчужный.

Потомъ, боярыня?

Морозова.

Потомъ, бояринъ,

Когда сожителъ мой построилъ рядомъ
 Другой домъ, этотъ уступили мы тебѣ.
 Побожнисья ль, что деньги заплатилъ?

Князь Жемчужный.

Духовная вамъ запись все откроетъ.

Твой мужъ не такъ, какъ ты, умѣлъ быть благодарнымъ.

Морозова.

Посмотримъ!... Съ той разстались мы поры.
 Потомъ нашла война... кличъ стали кликать....
 Покойника не утерпѣло ретивое:
 Послышалъ ворога, выиграли очи,
 И тотчасъ онъ велѣлъ коней сѣдлатъ.
 Тогда Андрей и ты съ нимъ сварились.
 Годъ миновалъ тому, а словно совершилось
 Теперь въ очахъ моихъ. Ты помнишь, здѣсь
 Прощались мы; я плакала на взрыдъ,
 Какъ будто чуяла, что онъ не будетъ
 Назадъ. «Не плачь», сказалъ онъ мнѣ, прощаясь:

«Я возвращусь, какъ прежде, съ доброй славой;
 «А если Богъ пошлетъ кончину съ честью
 «За домъ Пречистыя, такъ вотъ тебѣ
 «Родной и сыну нашему отецъ».

Тутъ указалъ онъ на тебя, и свѣту
 Не взвидѣла я Божьяго; лишь помню,
 Когда очулась, конь его любимый
 Заржалъ такъ звонко, вѣда въ сердцѣ отдалось.
 Хотѣла воротить голубчика...

Простыль и слѣдъ! не воротился болѣ!
 Хотъ бы коня-то привели ко мнѣ:
 Ужъ какъ бы холить стала я его! *(Рыдаеть.)*
 Теперь, Андрюша, очередь твоя.

Князь Жемчужный.

Длинненька повѣсть, да къ тому-жъ знакома:
 Не скучно говорить, такъ скучно слушать!
 Разскащикамъ пора и со двора:
 Вѣдь надо знать и честь!

Морозовъ.

Сейчасъ конецъ.

(Кланяется.) Бояринъ! не взыщи: старушка говорила —
 Скучненько было.... Эй! Морозовъ молодой!
 Для милости его повеселѣе,
 Потѣшишнѣй что-нибудь!... Отца сюда!
 Отца подайте намъ!... Вѣдь онъ былъ весельчакъ
 Такой!... Вотъ онъ прпшелъ съ послѣдней шуткой.
 Передъ тобой онъ; изъ глубокой раны
 Сочится кровь.... смотри!... и взялъ онъ руку
 Твою.... *(Береть князя за руку.)* Что, холодна рука его?

Князь Жемчужный.

Какъ ледъ!

Морозовъ.

И говорить: «Другъ, мы съ тобой крестами
 «Когда-то помѣнялись.... Цѣль ли крестъ?»

(Ощупываетъ на груди его.)

Князь Жемчужный.

Цѣль!

Морозовъ.

Цѣль! Онъ самый.... ты сберегъ.... спасибо!
И твой на мнѣ безъ пятнышка.... гляди!

(Открываетъ грудь.)

Лишь кровь на немъ за родину святую.
Я сыну твой залогъ передаю;
На немъ, молю тебя, Андрею будь
Отцомъ. Мы братьями съ тобой вѣдь жили.
Ты обѣщаль ему Наталью: крестъ
На томъ цѣлуй! Отдай ему Наталью!
И ты.... ты страшный крестъ поцѣловаль!...
Теперь я съ сватовствомъ пришелъ, бояринъ!
Не свахъ къ тебѣ привель, отца изъ гроба,
И сталъ Господь свидѣтелемъ у насъ.
Отдай Наталью мнѣ: она моя
По праву Божьихъ и людскихъ законовъ;
Отдай, и кровнаго грѣха на душу
Не положи.

Морозова.

О! Господи помилуй!

Князь Жемчужный.

Отдалъ бы я.... божусь.... да поздно!
Когда бъ по-рапѣй!... Митькову сосваталь,
Ты слышалъ.

Морозовъ.

Слышалъ прежде клятву
У смертнаго одра. Еще словечко,
Послѣднее. Когда ты цѣлованье
Креста Спасителя, обѣтъ священный
И благодѣтелю и брату позабылъ,
Такъ знай: твоя Наталья любить
Меня, мы свыклись съ ней отъ малыхъ лѣтъ;
Мы съ ней давно душами обручились,
И про любовь свою сказали Богу.
Какъ будто воздухомъ, привыкли мы
Любовью этою питаться. Дочь
Свою — одна и есть — не погуби.
Еще бы отдавалъ за молодого,

За ровню ей: а то старикъ, вдовець....
 Оплакивать ее ты скоро будешь.
 Хоть дочь-то пожалѣй!

Князь Жемчужный.

Я не могу

Вѣрь Богу, не могу! Погубить Митьковъ.

Морозова.

О Господи! прости намъ прегрѣшенья!

Морозовъ *(на ухо князю.)*

Такъ я тебѣ шенну: поклялся
 Я страшною божбой, что никому
 Наталью не отдамъ, хоть годову снести!
 Изъ храма Божьяго, изъ-подъ вѣнца,
 Со свадебнаго пира вырву жертву,
 И посрамлю тебя!

Князь Жемчужный.

Жаль, не могу!...

Что бы тебѣ по-ранѣе прийдти!

Морозовъ.

Отступникъ!... послѣ этой гнусной рѣчи
 Не смѣй отца ты другомъ называть!
 Забудь, что ты имъ былъ когда-то! помни,
 Изъ гроба онъ отрекся отъ тебя,
 Какъ ты, предатель, отъ него отрекся!...
 Подай... подай залогъ его!... Какъ онъ *(шарить на груди его)*
 Не раскаплся на груди твоей!

Князь Жемчужный.

Разбой!... разбой!... Дворчане!... помогите!...

(Входятъ слуги.)

Едва не задушилъ!... хотѣлъ ограбить!...
 За *приставомъ* сейчасъ!... Свяжите мать
 И сына!

Морозовъ *(загораживая мать.)*

Только троньте! Разу недохнетъ,
 Кто палець хоть одинъ на мать мою
 Посмѣетъ наложить. *(Слуги отступаютъ.)*

Морозова *(грозя пальцемъ.)*

Безъ насъ ты былъ бы нищій!

Князь Жемчужный.

Возьмите сами вы клюку съ сумой,
Да съ Богомъ въ путь!

Морозовъ.

Не трать съ христапродавцемъ словъ:
Дышать съ нимъ воздухомъ однимъ — такъ смрадно.
*(Уводитъ мать свою посреди слугъ,
которые отъ нихъ разступаются.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Князь Жемчужный, одинъ.

Пожалуй, ссора эта доведетъ до бѣды!...
Морозовы на слово крѣпки.... Экой рьяной!...
Ужъ лучше бы по-старому оставить!...
Охъ, охъ! не знаетъ человѣкъ, гдѣ пасть,
Гдѣ встать.... И то примолвить: что жъ Морозовъ
Безъ денегъ сдѣлаетъ? Безъ денегъ щипче
И прихлебнуть водицы не дадутъ.
Не отказать же Митькову: возиться
И съ этимъ грознымъ вптяземъ не легче....
Но будь, что будетъ! Эй! позвать Наталью!
(Отворяетъ боковую дверь. Садится спиною къ этой двери.)
Не этотъ ей женихъ по праву, знаемъ!
Но дѣвкѣ послѣ слобится съ богатымъ:
Вѣдь и онѣ на золото и зерна
Идутъ, какъ рыба на приманку!
Что зернышко бурмитское, то ласка;
Такъ по немногу выжется любовь.
Бывальщина!...

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Князь Жемчужный, Наталья и Захарьевна.

Наталья *(блѣдная и дрожащая
останавливается у дверей)*.

Дай руку, няня.... страшно!...

Не вижу свѣта.... все идетъ кругомъ....

Захарьевна *(поддерживая ее, тихо)*.

Смотри, не срѣжь головушки.... сама

Ты слышала содомъ, а я тебѣ
 Не молвила словечка.... Ну, смѣлѣй!
 Лишь знай, тверди, какъ я тебя учила.

НАТАЛЬЯ.

«Я Божья, да твоя! я Божья, да твоя.»

ЗАХАРЬЕВНА (*приведя ее на середину
 кридитъ, громко*).

Ступай же, павушка! Чего робѣть?
 Вѣдь онъ родимый твой, не съѣстъ тебя.

Князь Жемчужный (*не оборачиваясь*).

Наталья, ты?... (*Наталья молчитъ*.) Что голосу не дашь?...
 А?...

НАТАЛЬЯ (*слабымъ голосомъ*).

Божья, да твоя! (*Падаеть.*)

Князь Жемчужный (*вскочивъ, бро-
 сается къ дочери*).

О Господи! что съ нею сдѣлалось?...

Захарьевна, воды!

ЗАХАРЬЕВНА (*припавъ къ князю и
 оццувывая ее*).

Какой воды!

Ужъ холоднехонька, моя голубка!

Ахти, головушка!... убилъ ее!

Добилъ-таки сердечную, злодѣй! (*Причитываетъ съ воплемъ.*)

Снарядимъ невѣсту

Не подъ здѣшній вѣнецъ:

Подвѣчное платье

Парчевой ей конецъ.

Не «отъ камня честна»

Пропоемъ-то мы ей;

А съ слезами завопимъ:

«Упокой Ты рабу!»

Князь Жемчужный.

Молчи, хрычовка!... разомъ духъ бы вонъ,

Когда-бъ не жаль на душу класть грѣха!...

(*Кладеть руку на сердце Натальи.*)

Жива!... забилось сердце.... слава Богу!

Наташа! свѣтъ ты мой!... промолви слово!...

НАТАЛЬЯ.

Я Божья да твоя! Лишь дайте мнѣ
Покой.

Князь Жемчужный.

Эй, вѣдьма! помоги свести
Ее въ опочивальню. *(На ухо мамкѣ.)* Скоро, скоро
Морозова духъ выкурю изъ дому! *(Уводятъ княжну.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

*Торговая площадь въ Китай-городѣ. Съ лѣвой стороны церковь
Василія Блаженнаго и часть Кремля; съ правой деревянныя
лавки съ навѣсами; посреди лобное мѣсто. Разнаго званія и
пола люди то проходятъ черезъ площадь, то заходятъ въ лавки
для покупокъ.*

БОЯРЕ ВИСКОВАТОВЪ и ФЕДОРОВЪ, ГОСТИ, СИДЬЛЬЦЫ
и народъ.

Сидѣлецъ *(проходящему боярину,
скинувъ шапку.)*

Пожалуй къ намъ, честной бояринъ! Что прикажешь?
что въ угоду? Шапки горлатныя, соболы сибирскіе, сапожки
казанскіе.... По ножкамъ вижу, сапоги надо.... На-взглядъ
подберу, будто на-заказъ....

Другой сидѣлецъ *(не давъ тому до-
говорить).*

Бояринъ у насъ покупать изволить. По соболынымъ бро-
вямъ, по молодецкому взгляду узнаешь тотчасъ....

Третій сидѣлецъ.

Бархатъ бурской, камка мисюрская, обьярь фрижская,
сукна нѣмецкія, ковры кизылбашскіе.... У насъ вся земщина
покупаешь.... Пожалуй къ намъ, бояринъ, съ убыткомъ для
почину отдадншь.... ради легкой ручки.

Бояринъ Висковатовъ.

Полноте лаять, собачонки! Самъ знаю, гдѣ и что купить.

Второй сидѣлецъ.

Отстаньте отъ него: знать, кису про опричниковъ, на черный день, бережетъ.

Третій сидѣлецъ

Видно, колоколь во сто пудовъ у носящихъ покупаетъ!

Гость (*грозя изъ лавки*).

Я васъ, зубоскалы! Развѣ не узнали царскаго совѣтника, Ивана Михайловнча Висковатова?

Висковатовъ (*махнувъ рукой*).

Бывалаго совѣтника! Нынче въ опричнѣ совѣтъ — метла да сѣкира (*Подходя къ лавкѣ другаго гостя*). Здравствуйешь ли пріятель?

Другой гость.

Вашими молитвами, бояринъ.

Висковатовъ.

Есть алая камка, саженая дробницами?

Второй гость.

Есть. Просимъ садиться (*бояринъ садится на скамью у лавки*). Видно, твоя милость для Митькова покупаетъ? (*показываетъ камку*).

Висковатовъ.

Да, женишокъ уѣхалъ въ свои помѣстья, а миѣ навязалъ снаряжать его невѣсту. Охъ! охъ! неохотно и для пріятеля хлопчешь по этому дѣлу. Вмѣшалась тутъ нечистая сила... (*Разглядѣвъ товаръ*). Камка пригожа; а о цѣнѣ и спросу нѣтъ; уложи-ка весь кусочекъ.

Бояринъ Федоровъ (*вслушавшись въ рѣчь ихъ, подходитъ къ лавкѣ и раскланивается съ Висковатыми и гостями*).

И подлинно, нечистая сила толкнула старика отбить чужую суженую: словно въ опричнѣ побывалъ. Да у какого молодца отбилъ! Этакой женихъ каждому боярскому дому золотая маковка. Старикамъ почетъ, — рѣчь разумная, — ни кого не обидитъ словно красная дѣвица; а когда его за живое затронуть, такъ пойдетъ одинъ на стѣну удалцовъ. Сказываютъ, и войску православному краса.

Первый гость.

А добра у него по-больше Митькова... Чай, въ кладовыхъ мѣшки съ серебромъ валяются.

Второй гость.

Бывало, отецъ нищихъ одѣлялъ, да въ забытїи, вмѣсто пунъ, раздаетъ рублевки.

Федоровъ.

А нынче вдову и сына этого богача выгнали изъ дому родпгельскаго; и унесли-то они, горемычные, добра что на плечахъ своихъ. Если бы не родной, такъ ночевать бы имъ безъ крыши.

Оба гостя.

Какимъ это побытомъ?

Федоровъ.

Видишь, покойникъ, какъ отѣзжалъ на войну, не распрядлся добромъ, а тутъ, самъ вѣдаешь, думка за моремъ, а смерть за плечами; въ бусурманской землѣ, передъ смертнымъ часомъ, сдѣлалъ духовную запись, и все отказалъ Жемчужному, а вдову и сына оставилъ нищими.

Второй гость.

Статочное ли дѣло! мы знавали покойника: въ женѣ и сынѣ души не чаялъ. На малость этакихъ сердобольныхъ, честныхъ людей: такъ пошелъ ли-бы въ смертный часъ на кровь свою!

Федоровъ.

Не всякому слуху вѣрь, а тутъ по неволѣ повѣршь... Говорятъ, — а говорятъ-то подъячїе большаго приказа, — если, дескать, не лукавый, прости Господи, смастерилъ духовную запись, такъ на вѣрное дьякъ Подсѣдина.

Второй гость.

А что бы боярину довести намѣстнику?

Федоровъ.

Сунься-ка! разомъ потянуть на дыбы!.. Вѣдь такія дѣла подъ золотой покрывшккой дѣлаются. Да и то примолвить: гдѣ-жъ правый судъ сѣищешь? куда итти съ жалобой? въ Александровскую слободу, что ли? Тамъ тебѣ разомъ медвѣди судъ дадутъ!...

Висковатовъ (прерывая его).

Вотъ и самъ Морозовъ идетъ мимо Василья Блаженнаго, а Жемчужный только что отошелъ.... Разошлись двѣ черныя тучи! (Въ это время князь Жемчужный, выходя изъ церкви, старается избѣгнуть встрѣчи съ Морозовымъ, который подходитъ къ церкви. Пока сближеніе обоихъ бояръ устремлено на нихъ, мошенникъ бросаетъ что-то въ лавку втораго гостя и, незаметный, скрывается въ народъ).

Второй гость.

Идетъ, повѣся голову... У какого сокола подрѣзали крылья! (Висковатовъ, взявъ покупку, раскланивается съ гостемъ и удаляется, за нимъ и Федоровъ; оба иногда останавливаются, чтобы посмотреть на Морозова, и толкуютъ что-то между собой).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣжъ и Морозовъ.

Морозовъ (въ сторону, про себя).

Ходилъ молиться!... Бога-ль обмануть

Ему поклоняли, мольбой нечистой!

И не сковалъ Господь уста злодѣя,

Когда святое имя призывалъ!

Руки не отнялъ у него, когда

Онъ собирался крестъ творить;

И стѣны не обрушились святыя!

Стоять, и дань его, свѣча горитъ

Предъ образомъ Небеснаго Владыки!

О, слишкомъ милостивъ до насъ Господь! (Нелюбо поюдя.)

Вездѣ ходилъ, обѣгалъ всѣ приказы,

Челомъ билъ малымъ и большимъ судьямъ;

Вездѣ одно и то же: нѣтъ суда!

Свидѣтели... и сколько? ровно семь!...

Всѣ до едина померли. На подишь

Миѣ не дали взглянуть порядкомъ... Подишь

Какъ-будто бы отца... Не можетъ быть:

Онъ насъ такъ горячо любилъ! Онъ насъ

И на одрѣ лишь-только было рѣчи!

Когда подъ Юрьевымъ я принужденъ

Оставить былъ его на попеченье
Жемчужнаго, мнѣ помнится, была
Другая запись. (*Задумывается*).

Все, все до послѣдней нитки!...

Мать, бѣдная мать!... Гдѣ теперь старушка
Укроетъ голову?... Въ чужомъ дому!
И хлѣбъ чужой слезами обольетъ!

(Вдали слышны крики: «Гойда! Гойда!» Народъ бѣжитъ въ разсыпную; лавки запираются, всеобщая суматоха, только два гостя, говорившіе съ боярами, остаются въ своихъ лавкахъ).

Опричники?... Потѣха скоро будетъ!
Идетъ такъ, видно, въ свѣтѣ круговая:
Наскочитъ сильный — слабаго души!

(Издали появляются опричники верхомъ, съ стѣкирами въ рукахъ и съ метлами за спиною и опять скрываются; у лошадей висятъ собачьи головы. Они буйствуютъ: то давятъ прохожихъ, то срываютъ съ женщинъ головные уборы).

Крики (*изъ толпы народной*):

Ай! батюшки! помилуй!

Опричники,
Гойда! Гойда!

Мегите Земщину!.. грызи ее!..

Морозовъ.

Ого! быть жаркой травлѣ!.. красный звѣрь
Бѣжитъ... Потѣха, да и только!.. Гойда! (*немного погодя*).

Два молодца остались въ лавкахъ... Любо
Глядѣть на нихъ: гроза имъ прямо въ очи
Бѣжить, и ломитъ сила частый лѣсъ;
А имъ... хоть пасть, да побороться съ нею!

Опасность только придаетъ отваги.

Не удержать имъ головы на плечахъ!

Дай, въ случаѣ невзгоды, къ нимъ пристану:

Обиженный мнѣ всякой нынче — братъ!

(Подходитъ къ лавкамъ перваго и втораго гостя).

Чтожъ вы, честные гости, не бѣжите?

Гроза нахлынетъ и на васъ.

Первый гость.

Ужъ полно

Подъ первый ножъ протягивать намъ шею;
Не овцы-жъ мы!

Второй гость.

Довольно и того,

Что насъ татары грабили и жгли:
Неужто и своимъ давать повадку?
Пожалуй, такъ и дѣти малыя
Пойдутъ насъ воевать!

Морозовъ.

Васъ только двое.

Второй гость.

Еще сидѣльцевъ двое: на дозорѣ
Они стоятъ. Мы Спаса образу молились,
И станеть Батюшка за насъ!

Первый гость (*показываетъ дубинку,
убитую воздьями*).

Вотъ эта

Кума уложить спать порядокъ цѣлый!

Морозовъ.

Когда бы молодцовъ такихъ побольше,
Не смѣли бы опричники буяннить.
И я къ вамъ примыкаю! Нѣтъ ли мнѣ
Желѣзнаго товару?

Второй гость (*отыскавъ въ лавкѣ бо-
гатый мечъ и отдавая Морозову*).

Есть по васъ. Въ закладѣ.

Пусть честный воинъ выручить его!
Теперь съ Морозовымъ на цѣлую ватагу
Кромѣшниковъ пойдемъ!

Морозовъ.

Такъ вы меня

Спознали?

Оба гостя.

Стыдно-бъ намъ тебя не знать!

Сидяльцы (*бьются, вооруженные топорами*).

Идутъ! идутъ!

Первый гость.

Пускай!

Второй гость.

Мы встрѣтимъ хлѣбомъ съ солью!

(*Оба выходятъ изъ лавки и становятся подлѣ сидяльцевъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Василій Грязный, Морозовъ, два гостя, два сидяльца, мошенникъ и нѣсколько опричникѣвъ.

Грязный (*подходя ко второму гостю, показываетъ на мошенника*).

Доказываетъ онъ, что ты купилъ
У вора ножъ мой, въ серебро оправленъ.
Не серебромъ онъ дорогъ: царскій даръ!

Второй гость.

Не покупалъ и не видалъ ножа.

Грязный.

А если въ лавкѣ мы твоей найдемъ?

Второй гость.

Въ отвѣтъ голова. (*Даетъ знакъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ въ лавкѣ*).

Грязный (*заглядывая въ лавку*).

А это что? (*Поднимаетъ ножъ*).

Второй гость.

Ни тѣломъ, ни душой не виновать!

Первый гость.

Мошенникъ — доказатель!... Онъ кругомъ
Все давеча шнырялъ, и самъ подкинулъ....

Грязный.

Какъ смѣешь ты его такъ называть?

Опричникамъ онъ служить!

Первый гость.

Хоть бы князю

Великому служилъ, по шерсти клѣчка!

Продѣлки эти ужъ не новы: знаемъ васъ!

Грязный (*Опричникама*).

Свяжите-ка обоихъ, да и лавки

Сметите до чиста! (*Опричники колеблются*).

Второй гость (*показывал дубишку*).

Гостей незваныхъ

Мы выметемъ вотъ этою метлой!

Сидельцы (*поднимая топоры*).

Мы не дадимъ хозяина въ обиду!

Первый гость.

Живые не дадимся!... ляжемъ,

Но подъ собой постелемъ вашу братью!

Грязный (*Морозову*).

Не честно ты связался съ торгашами!

Морозовъ.

А честно ты въ разбойники пошелъ?

Грязный.

Напраслина! по царскому указу

Ловлю крамольниковъ, воровъ....

Морозовъ.

Грѣшно

Великое тутъ имя вамъ мѣшать,

Борамъ отъ васъ вездѣ потворство, честныхъ

Вы давите, гдѣ лишь рука хватила.

Совѣтъ мой, съ миромъ отойди отсюда.

Старый опричникъ.

Тутъ надо помощь.

Грязный (*свищетъ*).

Помощь!... гойда!

Другіе опричники (*повторяютъ*).

Помощь!

(*Прибываетъ множество опричниковъ, Василій Грязный даетъ имъ приказанія. Въ это время показывается издали молодой Басмановъ.*)

Грязный.

Да вотъ и молодой Басмановъ!... этотъ

Своей и царскою рукою прикроетъ.

(*Начинается боевая схватка*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. "

Тѣ же и молодой Басмановъ.

Басмановъ (*увидѣвъ Морозова*).

Стой; братцы, стой!... Кто руку лишь подниметь
Съ ослушника я голову снесу.

(*Бросается обнимать Морозова. Бой прекращается*).

Морозовъ!... другъ!... сердечный!... ты ли?...

Морозовъ.

Видишь!

Басмановъ.

Какъ въ схватку эту ты попался?

Морозовъ.

Прежде

Вели своей ватагѣ отойти; а тамъ
Поговоримъ.

Басмановъ (*опричникама*).

Пора и по избамъ!

Ступайте, молодцы!

Опричники.

Идемъ!... тутъ взятки гладки.

Грязный (*вслухъ*).

Оно бы такъ, да надо напередъ
Двухъ этихъ молодцовъ схватить. Одинъ,
(*показывая на втораго гостя*).

Вотъ крайній, пойманъ въ воровствѣ, а этотъ
Ругалъ Ивана Вас.....

Морозовъ.

Ложь! клевета!...

Я, я за нихъ порукой!

Басмановъ.

Прочь, ребята!

(*Опричники удаляются, кромѣ Грязнаго*).

Василій Грязный, отойди! меня

Ты знаешь. Помни: мною ты стоишь!

Грязный (*отходя, съ неудоволь-
ствіемъ про себя*).

Стою.... да сдержишь долго ли меня!

(*Опричникама, догнавъ ихъ*).

Чуръ помнить братцы, сдѣлали тревогу
 Совѣтникъ бывшій царскій Висковатовъ,
 Да съ нимъ конюшій Федоровъ, они
 Народъ противъ опричниковъ мутили
 Пора ихъ за воротъ: богаты стали!
 Вѣдь серебро лопатами гребуть!

(Уходитъ, за нимъ опричники).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Морозовъ и молодой Басмановъ.

Басмановъ.

Давненько не видались! ровно съ той поры,
 Какъ выручилъ ты голову мою
 Изъ-подъ мечей крыжатииковъ удалыхъ.
 Когда-бъ не ты, мнѣ-бъ не гулять теперь
 По свѣту бѣлому. Тебѣ порядкомъ
 Досталось за меня!

Морозовъ.

Я только свѣдалъ,
 Какъ злость растеть, когда увидишь кровь
 Свою. Придетъ пора, съ тобой сочтемся.

Басмановъ.

Покуда, помню, у тебя въ долгу:
 Ну, расскажи-ка мнѣ, какъ поживаешь?

Морозовъ.

Такъ хорошо, хоть со свѣту бѣжать!

Басмановъ.

Отъ злой, развѣ, жены? Вѣдь ты женатъ?

Морозовъ.

На комъ, спросить позволишь?

Басмановъ.

На Жемчужной.

Ужъ, вѣдомо! Не самъ ли все твердилъ.

Что красоты ея ни написать

Перомъ, ни въ сказкахъ рассказать? Отцами

Сосватаны едвакъ не въ колыбели?

Морозовъ.

Не только что друзья, того гляди,

Княжною этой бабы и ребята
 Прийдуть меня дразнить.... А что, скажи,
 Князь Осипъ Гвоздевъ здравствуетъ?

БАСМАНОВЪ.

Вопросъ

Къ чему объ скоморохѣ?

МОРОЗОВЪ.

Знать хотѣлось,

Шута не опросталось ли мѣсто
 У васъ. Нельзя-ль меня, коль милость будетъ?

(кланяется)

Тогда и съ долгомъ простъ. Лишь объ одномъ
 Прошу: бубенчиковъ какъ-можно болѣ
 И платье поцвѣтнѣй. Раздолье будетъ!
 Вѣдь царскаго шута ужъ не обидятъ!

БАСМАНОВЪ.

Не понимаю я тебя.

МОРОЗОВЪ.

Поймешь,

Сей часъ поймешь. Да, другъ! я опозорень....
 Обиженъ... съ грязью смѣшанъ.... Легче-бъ,
 Когда-бъ меня передъ отцовскимъ домомъ
 Татаринъ привязалъ къ хвосту коня!
 Ты знаешь.... нечего таять!... любилъ
 Какъ я княжну, и душу за нее
 Готовъ былъ положить. Мнѣ самъ отецъ
 Ее сулилъ: свидѣтель былъ Господь!
 И что-жъ теперь? что-жъ? Старичишка Митьковъ
 Изъ-подъ руки моей ее схватилъ!...
 Въ добавокъ надо мною насмѣялся!...

БАСМАНОВЪ.

Отца и женуха вкопалъ бы въ землю:
 Послушалъ бы ихъ смѣха!... Вотъ рука
 Моя, оплатимъ съ лихвою. Да будетъ
 Передъ тобой мнѣ стыдно, если я солгу.
 А, до поры, княжну изъ мыслей выброшу:
 Объ этой мелочи и сокрушаться
 Не стоитъ. Приѣзжай къ намъ въ слободу;

У насъ табуцъ красавицъ: выбирай
Любую. Хочешь, что ли, черноокихъ?
Какъ въ ночь летучая звѣзда, лобзаній
Огнемъ падеть на грудь!... Иль съ новолокою
Глаза, и съ русою косою до пять?
Русалкой зашекететь сердце, будто
Волной морскою, ласками заплещеть.
Что ночь — красавица, что день — то ширь:
Житье у насъ, и умпрать не надо!

Морозовъ.

Нѣтъ, другъ, поклонъ красавицамъ твоимъ,
Поклонъ твоимъ ширамъ. Мнѣ ширъ одинъ:
Кровавую обиду смыть. Паталя —
Одна мнѣ обрученница до гробу;
Ее изъ сердца, изъ ума не вырвать,
Какъ остріе коныя, что мѣтко врагъ
Оставилъ въ ранѣ, надломивъ копье.
Поклялся я ужасною божбою,
Что никому не уступлю ея.
Добыть, иль душу сатанѣ отдать:
Вотъ мой обѣтъ!

Басмановъ.

Такъ что же?... хочешь ли, добудемъ?

Морозовъ.

Легко сказать?

Басмановъ.

Все также, какъ и сдѣлать.

Морозовъ.

Такъ научи.

Басмановъ.

Въ опричники идти.

Морозовъ.

Въ разбойники, сказать хотѣлъ, конечно?

Басмановъ.

Пожалуй, мало ли къ чему такое
Название можно приплести!... За то
Чего не сдѣлаемъ тогда!

Морозовъ (*подумавъ*):

А что?...

Опричники такъ страшны, такъ могучи,
Какъ слухи носятся объ нихъ?

Басмаповъ.

Морочишь,

Пріятель!... Знаешь самъ, они
Опора Грознаго: съ тебя довольно!

Морозовъ.

Чай, можно... легче имъ, и за обиду
Не здѣшнимъ... этакъ... смѣхомъ посмѣяться,
Чтобы заплакалъ кровію обидчикъ?

Басмановъ.

Ручаюсь головой!

Морозовъ.

И можно будетъ

Намъ, на сговорномъ пирѣ, среди
Разгара жаркаго подблюдныхъ пѣсенъ
И поцѣлуевъ жениха съ невѣстой,
Нагрязнуть молодцамъ, и пасть на нихъ,
Какъ молнія, какъ Божія гроза,
И разомъ вырвать жертву изъ толпы
Испуганныхъ дѣвицъ, въ глазахъ отца
И жениха?

Басмановъ.

Ужъ сколько разъ потѣхой
Такою потѣшались! счетъ ужъ потеряли!

Морозовъ.

А что?... забавно будетъ, въ самомъ дѣлѣ,
Коль я въ опричники пойду!... всего
Забавнѣй, чай, тебѣ, Жемчужный князь!
(*Подумавъ*). Да почему же и не такъ?

Басмановъ.

Рѣшайся.

Морозовъ.

Иду!... и вотъ рука моя!

Басмановъ.

Ты нашъ,

И завтра же отправимся къ царю.

Морозовъ.

Одно забылъ... одно... благословенье!...

(Покачавъ головой). На это мать не дастъ благословенья!

Какъ скажешь ей?...

Басмановъ.

Такъ скрой.

Морозовъ.

Скажу, что ѣду

къ царю искать суда, а тамъ... что дастъ

Господь!...

Басмановъ.

Суда?... да на кого-жь?

Морозовъ.

Забылъ

сказать, какъ мой отецъ согрѣлъ у сердца

Змѣю, когда Жемчужнаго укрылъ

въ дому своемъ, когда съ нимъ всѣмъ дѣлился;

Я не сказалъ, какъ онъ ограбилъ насъ

и выгналъ изъ дому. Чужаго крова

и хлѣба съ матерью должны искать...

Но въ Александровской когда-нибудь

на это рѣчь сведемъ.

Басмановъ (*вынимая кису изъ-за па-
зухи*).

Теперь возьми

что есть со-мной. Отдашь мнѣ скоро, знаю;

Опричники безъ денегъ не бываютъ.

Морозовъ (*взявъ кису*).

Беру займы, для матери, отъ друга.

Басмановъ.

Ну, братъ, теперь ее ты успокоишь;

въ довольствѣ будетъ жить, и сладко ѣсть

и сладко спать: чего-жь старушкѣ болѣ?

Морозовъ.

Не такова она: ей сына честь

Всего дороже... Но дано ужь слово,
И смерть одна лишь можетъ взять назадъ
До завтраго, опричникъ-братъ, прощай! (*расходятся*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Изба.

Морозова (*одна*).

Какъ ни гадай, ужь плохо жить приходится!
Когда бы не позоръ, ужь такъ и-быть
Прикрыла-бъ камышкомъ на сердцѣ нужду;
А то и глазъ-то некуда дѣвать!
Иной, бывало, гадъ ползеть и вьется,
А нынче будто съ голубятни смотреть,
Иль сожалѣючи поклонъ натянетъ.
Ужь и просвирия, увидавъ меня,
Носъ отвернула; въ церкви и дьячокъ
Мнѣ мѣсто указалъ по-ниже... Горько!
Сама-бъ стерпѣла, жаль Андриюшу пуще
Всего: не вынести ему позора!
Кровь молодая, бьетъ ключемъ горячимъ...
(*Входитъ Морозовъ*).

Да вотъ, голубчикъ на помпѣ легокъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Морозова и Морозовъ.

Морозовъ.

Кручина все, родная?... Полно, брось
Кручину во дремучій, темный лѣсъ:
Пускай слѣдовъ ея Жемчужный ищетъ!...
Никто, какъ Богъ? И вотъ на первый случай
Тебѣ (*кладетъ кису на столъ*).

Морозова.

Откуда?

Морозовъ (*показывая на небо*).

Онъ послать... Кто-жь больше?

Морозова.

Вѣстимо, черезъ Божьи руки шло.

Да съ неба, дитятко, дождь серебромъ
Не падаетъ.

Морозовъ.

Слыхала-ль ты когда

О молодомъ Басмановѣ, что кравчимъ
У самого царя?

Морозова.

Сынъ Алексѣя, Федоръ?

Какъ не слыхать, родной! какъ не слыхать!
Полна ихъ славой русская земля,
Да малыхъ, чай, дѣтей пугаютъ ими.
Отецъ въ опричинѣ съ Малютой, съ Грязнымъ
И съ Вяземскимъ сидятъ, да бирку держать
Въ рукахъ, да кровью братьевъ отмѣчаютъ,
Чью голову на утро снести;
А сынъ, любимецъ и потѣшникъ царскій,
Одежду носить съ одного плеча,
И изъ одной съ нимъ чаши пьеть.
Да подъ одеждой этой парчевою
Грѣха, грѣха схоронено — не сместъ
Метлой кромешниковъ! Да въ этой чашѣ
Намѣшано слезъ больше, чѣмъ вина!...
Не взялъ ли отъ кого изъ нихъ? Кровь, кровь
На этихъ деньгахъ запеклась!... развѣ
Слезами матерей онѣ обмыты!

Морозовъ.

Да, отъ Басманова я взялъ.

Морозова.

Отдай,

Отдай скорѣй, родной! лукавый ночью
Не дастъ заснуть, креста не сотворишь
Безъ помысла нечистаго.

Морозовъ (*про себя*).

Солгу...

Вѣдь для ея-жъ добра! Не то обиды
Не оторвать отъ сердца, какъ змѣи!

Морозова.

Что шепчешь тамъ ты про себя?

Морозовъ.

Хотѣлось

Сказать, да побоялся... Такъ и быть
 Скажу. Когда-бъ на деньгахъ клали шѣтки,
 За что и отъ кого онѣ идутъ,
 Тогда-бъ и въ церковь ихъ не стали брать.
 А я отъ Федора ихъ получилъ,
 Какъ старый долгъ... Клянется, что отецъ
 Мой далъ займы, какъ воевали вмѣстѣ
 Въ землѣ крыжатиковъ. Повѣрилъ клятвѣ:
 Не всѣ Жемчужные.

Морозова.

Ужъ если такъ,

Возьму. Ахъ! чаялъ ли сердечный другъ,
 Черезъ какія руки получу
 Твое наслѣдство!... Только и осталось!

Морозовъ.

Не всякимъ слухамъ вѣрь. Удаля Басмановъ,
 Вино и разныя потѣхи любить;
 Но не укоръ такому молодцу
 Такая была. Когда-бъ отца спросили,
 Сказалъ бы онъ, что первую красой
 Басмановъ въ русскомъ войскѣ; онъ велѣлъ
 За то мнѣ братомъ называть его.
 Въ кровавыхъ сѣчахъ шлемъ его всегда
 Мнѣ былъ вожатаемъ.

Морозова.

Пожалуй, въ войскѣ,

Какъ хочешь, какъ велѣлъ отецъ, будь братъ
 Ему; а здѣсь, на сторонѣ родной,
 Не братайся ты съ нимъ: помутить душу,
 Приучить къ зеленому вину; а тамъ,
 Пожалуй, онъ въ опричники тебя
 Введетъ. Не пережить тогда позора!

Морозовъ.

Мнѣ безъ Басманова нельзя ни шагу...
 Нельзя мнѣ отступить отъ него.
 Онъ въ силѣ при царѣ; онъ обѣщаль

Мнѣ судъ на нашего врага. Съ нимъ нынче-же
Хотѣлъ я въ слободу.

Морозова.
Ужъ сердце слышитъ,

Мнѣ потерять тебя.

Морозовъ.

Пожалуй, я

Останусь. Слово далъ... была надежда
Смыть кровную обиду, кости успокоить
Отца и честно помянуть его.
Эхъ! нужды нѣтъ, останусь!... притчей городской...
Пойдемъ бродить, мать съ сыномъ, ужъ конечно,
Гдѣ по-люднѣй, и Лазаря споемъ
По-жалобнѣй изъ нашего житья —
Бытья: авось, разжалобимъ прохожихъ!
«Вотъ, скажутъ, дитятко боярина
Морозова бредеть, съ нимъ мать. Бѣдняжка!
Жемчужнаго сосваталъ было дочь;
Да юродивый, зная, какой: поклонъ,
И насмѣялся! Изъ дому родоваго
Холопы выгнали обихъ. Жаль!
Обиды-бъ этой не стерпѣлъ покойникъ,
А имъ какъ будто-бы орѣхи въ стѣну...
Легло безславые на его могилу!»

Морозова (*рыдая, бросается на
шею сыну*).

Андрюша!... перестань. Прости ты мнѣ!...
Самъ знаешь, сердце женское... Сынъ мой!
Ступай, куда указываетъ долгъ:
На все тебѣ мое благословенье!
Лишь кости успокой отца въ могилѣ
И честью помяни его. Не дай
И мнѣ въ позорѣ умереть.

Морозовъ.

Теперь

Я слышу голосъ матери моей!
Когда бы мертвые намъ подавали слово,
Отецъ сказалъ бы за тобою тоже.

Родная! свѣтъ очей моихъ! ты снова
 Богата; снова горсти серебра
 Посыплешь на сиротъ и нищихъ; снова
 Почетъ тебѣ дадутъ и въ храмѣ Божьемъ
 И за боярскою бесѣдой... И Жемчужный
 Съ повинной головой къ тебѣ придетъ
 И будетъ милостей твоихъ просить.

(Входитъ Захарьевна и останавливается у дверей.)

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ-же и ЗАХАРЬЕВНА.

ЗАХАРЬЕВНА.

Знать, милости Господь послалъ на нихъ.

МОРОЗОВЪ.

Захарьевна!...

МОРОЗОВА.

Какъ очутилась здѣсь?

ЗАХАРЬЕВНА.

Охъ! охъ!... Злодѣй-то опозорилъ, выгналъ:
 Морозовыхъ чтобъ духу у него
 Въ дому не пахло... Батюшки, родные!
 Прикройте сирую и пріютите
 «На черную ночь отъ грозы и волковъ,
 На бѣлый-то день отъ смерти голодной.»

МОРОЗОВА.

Самъ Богъ, Захарьевна, къ намъ посылаетъ
 Тебя. Андрюша ѣдетъ въ слободу
 Къ царю; я остаюсь одна: какой же
 Помощницы искать мнѣ лучше? Вѣрно
 Ты намъ служила не одинъ десятокъ лѣтъ.

МОРОЗОВЪ *(подойдя къ мамкѣ)*.

Ну, что тамъ дѣлають?... Наталья что?...

ЗАХАРЬЕВНА.

Послышала лишь только, что отецъ
 За Митькова сосваталъ, Богу душики
 Чуть-чуть не отдала: самъ нида онъ
 Перепугался... «Свѣтъ ты мой, Наташа!
 Открой хоть глазки, вымолви хоть слово!...

Я не злодѣй какой... любаго выбрай!»
 И плакалъ онъ п руки-то ломалъ.
 Оправлась Наташа, все опять забыто,
 Опять за Мптькова велѣлъ рядиться.
 Купцовъ, портныхъ домъ полонъ, и дѣвичникъ
 Готовягъ.

Морозовъ.

Скоро?

Захарьевна.

Скоро. Поспѣшаютъ.

Черезъ недѣлку...

Морозовъ (*про себя*).

Поспѣшимъ и мы.

(*Отведл Захарьевну въ сторону.*)

Не проронила-ль слова обо мнѣ,
 Такъ, невзначай?...

Захарьевна.

Лишь объ тебѣ одномъ

И было у нея рѣчей со мной; а рѣчи
 Все обливала горючьми слезами;
 И слезъ-то ужъ не стало. Руки наложить
 Хотѣла на себя, да побоялась
 Грѣха великаго, «Тогда, пожалуй,
 На свѣтѣ томъ намъ свидѣться откажутъ!»
 А какъ со мной просталася, повпсла
 На шеѣ у меня, и молвила,
 Рыдаючи: «скажи ему, не вынуть
 Его изъ сердца и ножомъ, пока
 Есть свѣтъ въ очахъ; смотри скажи,
 Чтобы поплакать на мою могилку
 Пришелъ.»

Морозовъ.

Черезъ недѣлю?... Поспѣшимъ!...

Иду!... Прощай, благослови, родная!
 Захарьевна, прощай, ухаживай
 За матушкою хорошенько; береги
 Ее ты пуще глазу.

Отд. I.

ЗАХАРЬЕВНА.

Будь здоровъ, голубчикъ,
А ужъ объ матушкѣ съ покоемъ оставайся.

МОРОЗОВА.

Да будетъ надъ тобою милость Божья!
Прости, мой свѣтъ, прости, Андриуша!

(Рыдая обнимаетъ его и потомъ провожаетъ до дверей.)

Этакъ

Рыдало сердце и тогда...

ЗАХАРЬЕВНА *(указывая на кису)*.

Недобрый,

Пожалуй, человекъ войдетъ: не худо
Прибрать ихъ, матушка. Чай счотомъ?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Варьская улица. Посреди площадка, и на ней церковь.

МОРОЗОВА, ЗАХАРЬЕВНА, ГОСТЬ, ДВѢ БОЯРЫНИ И МАЛЬЧИКИ. *(Морозова съ Захарьевной, вышедши изъ церкви, пробираются по одной сторонѣ улицы. Гость стоитъ у воротъ своего дома.)*

Нѣсколько мальчиковъ *(вслѣдъ за Морозовой)*.

Собачья голова!

Собачья голова!

Метла кромѣшная!

МОРОЗОВА.

Что лаютъ тамъ пострѣлы. Не дослышу.

ЗАХАРЬЕВНА.

Не въ разумѣнье, матушка. Кричатъ:
«Собачья голова»; а такъ зовутъ
Опричникковъ.

МАЛЬЧИКИ.

Опричница поганая!

Гость (*погрозивъ имъ кулакомъ*).

Я васъ, озорники!... прочь, бѣсенята!

(*Мальчики разсымаются*).

Морозова (*проходя мимо гостя*).

Спасибо, мой родной! Съ чего ругать
Имъ вздумалось? Со мною на роду позора
Такова не бывало.

Захарьевна.

Знать тебя

За Юрьевну сочли. Ты на неѣ
Сшибаешь личикомъ и ростомъ.

Морозова.

Боже

Меня оборони!... (*Увидѣвъ на другой сторонѣ улицы двухъ про-
хожихъ боярынь*).

Панкратьевна!

Постой-ка, лапушка! Словечко молвить
Съ тобою нужда есть.

Боярыня.

Уйдемъ скорѣй!

Опричница, пожалуй, сглазить насъ. (*Убѣгаютъ*).

Морозова.

И слово-то промолвить не хотятъ!
Какъ будто съ черной немочью! Неужто?...
Помыслить только, пробираетъ дрожь!

(*Удаляется, за нею Захарьевна*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Бояре Висковатовъ, Ѳедоровъ и Гость.

Висковатовъ.

Здравствуй, честный гость! (*Рысканиваются*). Не прохо-
дилъ ли бояринъ Митьковъ къ своимъ хоромамъ?

Гость.

Я давно стою здѣсь: не видалъ.

Ѳедоровъ.

Погонялись не мало за нимъ.... Ногъ подъ собой не слы-
шимъ. Дозволь отдохнуть у себя на прилавочкѣ; кстати по-
сторожимъ здѣсь пріятеля.

Гость.

Милости просимъ. (*Бояре садятся.*) А видѣлъ я сейчасъ диво дивное: сожительницу именитаго боярина Морозова обижали ребятышки, да поносили опричницей. Что за причта?

Висковатовъ.

Слышишь, Иванъ Петровичъ? Не даромъ говорятъ «хоршая слава лежитъ, а дурная бѣжитъ.»

Гость.

Ужъ не пошелъ ли съ горя сынокъ....

Висковатовъ.

Охъ! охъ!... Не всякому слуху вѣрь. Да вотъ Молчанъ Семенычъ. Прощай, добрый человѣкъ! (*Гость входитъ въ калитку; бояре спѣшатъ на встрѣчу Митькову, который идетъ въ раздуми.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Висковатовъ, Ѳедоровъ и Митьковъ.

Висковатовъ.

Молчанъ Семенычъ! На два слова, братецъ, Остановись.

Митьковъ.

Какъ испугалъ меня!

Висковатовъ (*беретъ его за руки и отводитъ къ сторонѣ церкви; за ними слѣдуетъ Ѳедоровъ*).

Что больно робокъ сталъ! Иль на душѣ Нечисто?

Митьковъ.

Какъ, нечисто? Взяли вы Съ чего меня такъ обижать напрасно!

Висковатовъ.

А вотъ съ чего, пріятель дорогой. Ты по грѣхамъ моимъ мнѣ навязалъ Приданое скупать....

Митьковъ.

Такъ чтожь? Послугой Такой я готовъ бы отплатить.

Висковатовъ (кланяясь).

Спасибо вашей милости. Еще съ ума
Я не ряхнулся, чтобъ въ мои года
Себя такимъ позорищемъ ославить.

Митьковъ.

Не въ бровь, а прямо въ глазъ!

Висковатовъ.

Когда дружить,

Такъ правду безъ оглядки говорить :

Когда помочь лѣкарка хочетъ,

Такъ зелье лютое она даетъ.

Да, братецъ, грѣхъ, и неокупный грѣхъ :

Заѣсть чужой вѣкъ; маковъ красный цвѣтъ,

Что утромъ лишь расцвѣлъ во славу Божью,

На утѣшенье міра, истоптать

Въ похмѣліи нечистою стопой!

Приданое готовимъ мы съ тобою :

Зачѣмъ?... Готовь-ка лучше ты покровъ

Богатый для своей невѣсты; дьякамъ

Вели за упокой спѣть по крюкамъ,

Не пѣсни дѣвкамъ голосистымъ.

Митьковъ.

Развѣ

Неволей за меня Жемчужная идетъ?

Висковатовъ.

Открой ему глаза, Иванъ Петровичъ :

Его лукавый вовсе ослѣпилъ.

Федоровъ.

Отъ малыхъ лѣтъ Морозову она

Обѣщана, съ нимъ свыллася душою,

И думала вѣкъ въ радости прожить.

Митьковъ (про себя).

Такъ вотъ причина, почему Морозовъ

Со мной, какъ туча съ тучею, сошелся!

Федоровъ.

Стань на одну съ нимъ доску, и сравни,

Кто красной дѣвицѣ изъ васъ пригоднѣй :

Онъ — кудри черныя, кровь съ молокомъ,

Соколий взглядъ, и молодъ и пригожь;
А ты хоть бы въ стекло рѣчное посмотрѣлся!

Митьковъ.

Когда бы зналъ!... мнѣ-ль съ молодцомъ такимъ
Тягаться! Князь Жемчужный утаилъ
Все это отъ меня.

Федоровъ.

Какъ не таять!

Не только дочь, себя бы обвинчалъ
Съ твоимъ добромъ грабитель, тать дневной
Морозова наслѣдія. Онъ продалъ
Тебѣ родную дочь, а сына друга
И благодѣтели пустилъ съ сумой.
Кто этого теперь въ Москвѣ не знаетъ,
Кромѣ тебя!... И мало, что добро
Земное отнял у Морозова:
Онъ душу погубилъ его на вѣкъ.
Одно дитя у матери и было,
Одна утѣха въ мірѣ; имъ гордилась
Она передъ другими матерями
И, правда, было чѣмъ гордиться ей!
Отважный въ схваткѣ боевой... ему
Сѣдые войны почетъ давали....
И ласковъ съ малыми и гордъ съ гордыней,
И словомъ крѣпокъ, будто полоса
Желѣза, что ни молотъ не беретъ,
Ни гнѣвная рука бойца не ломитъ;
И чистъ душою, какъ гремучій ключъ,
Въ которомъ камышекъ на днѣ усмотришь:
И это все у матери Жемчужный отнял!
И ты въ грабительствѣ сообщникъ былъ,
Ты вмѣстѣ душегубство совершилъ!

Митьковъ.

О Господи! за что напраслина такая!
Вы знаете меня, друзья: могу ли
Я посягнуть на черныя дѣла!

Висковатовъ.

Когда-бъ не вѣдалъ, мы тратить словъ

Не вздумали-бъ съ тобой. Не ты, лукавый
Тобой все это совершилъ. Такъ знай:
Морозовъ, потерявъ невѣсту,
И выгнанный изъ дому родоваго,
И опозоренный передъ слугами,
Съ тоски и отъ стыда въ опричники
Пошелъ.

Митьковъ.

Въ опричники?... Морозовъ?
Сынъ друга моего?... Не можетъ статья!
До этого и мать не допустила-бъ;
И сынъ не захотѣлъ бы мать свою
Убить такимъ позоромъ.

Висковатовъ.

Можетъ быть, мы въ силахъ
Еще спасти его.

Митьковъ.

Спасемъ, друзья!

Чего-бъ ни стоило, казны моей
Иль головы, спасемъ! и не допустимъ,
Чтобъ именитаго боярина сынъ честный
Въ позорный плѣнъ кромѣшниковъ попалъ.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ не ляжетъ на душѣ
Моей. Я отъ невѣсты отступаюсь.
Родныхъ нѣтъ кровныхъ у меня; Андрей
Морозовъ мнѣ крестный сынъ: хочу
Его своей копейкой надѣлать,
И за него самъ сватомъ буду. Ёдемъ
Сейчасъ мы въ слободу, и на порогѣ
Кромѣшной тьмы ему заставимъ путь.
Но прежде слово: отъ кого-жъ узнаи,
Что онъ въ опричники идетъ?

Висковатовъ.

Васпій Грязный,
Совѣтникъ слободской, вездѣ звонилъ.

Федоровъ.

У *Разтани* *) я видѣлъ самъ, какъ онъ

*) Мѣсто у троицкой заставы въ Москвѣ.

Въ толпѣ опричниковъ стоялъ, печаленъ
 Одинъ въ толпѣ веселой; съ похоронъ,
 Казалось, только что пришелъ. Рукою
 Я сдѣлалъ знакъ ему, чтобъ подошелъ
 Ко мнѣ; но гнѣвно онъ отворотился.
 Тутъ подлетѣлъ ко мнѣ опричникъ съ крикомъ:
 «Эй! убирайся поскорѣй! не *вашъ* онъ болѣ!»
 Не *нашъ*, я повторилъ, на узника взглянувъ,
 И слезы горькія меня прошибли.

Митьковъ (*утирая глаза рукою*).

Давно ли это было?

Федоровъ.

Въ прошлый четвертокъ.

Митьковъ.

Вѣдь молодцы, которыхъ принимаютъ
 Въ опричники, живутъ и по недѣлѣ
 Въ слободкѣ, что *Неволею* слыветъ:
 Они тамъ ходятъ подъ искусомъ строгимъ.

Федоровъ.

Морозовъ поскакалъ съ любимцемъ царскимъ,
 Басмановымъ: такъ диво ли, когда
 Могучею и удалой рукою
 Тотчасъ перемахнетъ его къ царю?
 И если онъ въ опричники ужъ принять?

Митьковъ.

Такъ мы возьмемъ съ собой старушку мать
 Морозова, и съ нею въ ноги упадемъ
 Царю, и вымолимъ ей честь и сына.

Висковатовъ.

Мы и безъ того съ пріятелемъ сбѣрались
 Отъ града стольнаго царю челомъ
 Ударить: горько, горько на святую Русь,
 Какъ на вдовлицу сирую, смотрѣть!
 Покинулъ, видно, насъ совсѣмъ державный!

Федоровъ.

Мы правду выскажемъ царю-отцу,
 Какъ вѣрные сыны; а тамъ... готовы
 За край родной и голову сложить!

Митьковъ.

Такъ въ путь, друзья, скорѣе!

Федоровъ.

Прежде

Сподобимся Святыхъ Таинъ приобщиться:

Кто ѣдетъ въ слободу, тотъ къ смерти будь готовъ.

(Лишь только хотятъ они идти, слышны рѣдкіе удары въ колоколъ; они останавливаются и взглядываютъ другъ на друга).

Висковатовъ.

Что это за звонъ?

Федоровъ *(печально)*.Знать, священникъ умираетъ. *(Крестятся)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Трапеза въ царскихъ хоромахъ, въ Александровской слободѣ. Къ одной сторонѣ столъ, покрытый скатертью и уставленный разными серебряными сосудами; къ другой кресла, и передъ ними столикъ, на которомъ лежитъ книга. По стѣнѣ деревянныя гвозди для вѣшанія платья. Слышны рѣдкіе удары колокола. Служители, поставивъ блюда на столъ, удаляются.

Грозный, Афанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ, Алексѣй Басмановъ, князь Осипъ Гвоздевъ и нѣсколько другихъ опричниковъ, въ тафьяхъ и темныхъ мантияхъ, входятъ по одиночкѣ, опустивъ голову и скрестивши руки на груди. Когда Грозный останавливается посреди трапезной, опричники становятся передъ нимъ въ рядъ.

Грозный.

Довольно, братья, потрудились Богу.

Мы человѣки: созданы изъ духа

И плоти. Духомъ поработали;

Молитвами и тяжкимъ воздыханьемъ

И пѣньемъ сокрушили грудь свою;

Поклонами земными безъ числа

Смели мы прахъ церковнаго помоста;

Довольно изнурили плоть: пора

И пищу ей. Садитесь и вкушайте.

Алексѣй Басмановъ.

А ты, отецъ? Ты болѣ всѣхъ трудился;
Усердья тяжкаго ты на челѣ
Несешь печать: тебѣ и подобаеть
Вкусить всѣхъ прежде отъ плодовъ земныхъ.

Грозный.

Какъ мнѣ? Поставленный всѣхъ выше васъ,
Всѣхъ болѣе пріявшій власть отъ Бога
Добро и зло творить здѣсь на землѣ,
И потому всѣхъ болѣ согрѣшившій,
Не на равнѣ же съ вами долженъ бремя
Раскаянья нести. Хочу еще
Работать Богу духомъ сокрушенья;
А вы за трапезу садитесь, братья!
Небесной пищею земную вамъ приправлю.

(Всѣ опричники, сдѣлавъ поклономъ Грозному, вѣшаютъ по стѣнкѣ свои тарфы и мантіи, и являются въ богатыхъ кафтанахъ, блестящихъ золотомъ и опушенныхъ соболями; они садятся за столъ и потомъ усердно пьютъ и бражничаютъ).

Грозный *(береть книгу со столика и, стоя, читаетъ вслухъ изъ «Слова о Даниилѣ Заточникѣ».*

«Вострубимъ, братья, яко въ златокованныя трубы, въ уста сердца и разума своего. Возстани, душа моя, возстани въ псалтири и гусяхъ.... Да разверзу въ притчахъ поученіе мое.... Но боюсь, Господи, похуленія Твоего на мя: азъ бо есть, яко она смоковница проклятая, не носящая плода покаянія: имѣю бо сердце, подобно лицу безъ очю, и бысть умъ мой—ночной вранъ на нырици. И покрыла мя нищета грѣховная, аки Чермное море Фараона, и въ страхъ бѣгу я отъ лица свѣтлаго, аки Агарь рабыня отъ Саары. Но Ты многомилостивъ, Господь: Ты не оставилъ меня. Зрю Твое око, на мя обращенное, и притекохъ къ Твоей обычной любви.» *(Слезы мльшаютъ ему читать далье; онъ кладетъ книжку на столъ, садится въ кресла, и, облокотясь на столъ, закрываетъ глаза руками. Тарфы его, надаютъ съ головы.*

Алексѣй Басмановъ (*Вяземскому*).

Что-жь ты не пьешь?

Вяземскій (*тихо указывая на Грознаго*),

Смотри.... гроза нагрянетъ!

Гвоздевъ.

Не въ первый разъ вамъ съ головы своей
Да на чужую отводить удары.

Вяземскій.

И впрямь!

(*Шепчется съ Басмановымъ и потомъ говоритъ громко*).

Изъ этихъ стопъ лувавый

Меня все дразнить.

Алексѣй Басмановъ.

Мудрено-ль, одна стопа —

Отъ Висковатова поднось царю,
Другая Ѳедорова даръ.... Напрасно
Хотятъ посеребрить души коварство:
Сквозь серебро и золото сквозить.

Грозный (*вслушавшись въ послѣднюю
речь, приподнимаетъ голову*).

И я вѣдь не слѣпецъ!... Не вижу, что ли,
Ихъ замысловъ лукавыхъ на меня?
Не вѣдаю ихъ злыхъ ухищреній?
Одни-ль они? Вся земщина кругомъ —
Измѣнники, коль не дѣлами, мыслью;
И если голова моя цѣла,
Такъ потому, что за свою боятся.
Но я вѣдь въ Александровской, не въ стольномъ градѣ!
Хочу я — милую; хочу — караю!
Адашевыхъ, Силвестровъ нѣтъ со мной,
Нѣтъ болѣ пѣстуновъ моей свободы!

(*Разрываетъ на себѣ мантію. При этомъ дви-
женіи всѣ встаютъ изъ-за стола*).

Мнѣ широко, мнѣ вольно здѣсь; раздолье
Душѣ моей!... Разгуливай себѣ,
Какъ Божій огонь — небесъ въ степи широкой!
Кто путы принесетъ? Давайте ихъ!

Заброшу съ ними удалца туда,
Куда костей и воронъ не заноситъ!

Вяземскій.

Мы — слуги вѣрные, мы присягали
Отъ злыхъ людей тебя остерегать,
Отъ новаго нашествія боярской власти
Беречь цареву...

Грозный.

Развѣ слухи есть?...

Вяземскій.

Нѣмчинъ Бомелій изъ Москвы пріѣхалъ
И много кой-чего поразказалъ.
Когда бы не Басмановъ Ѳедоръ, жарко-бъ
Твоимъ слугамъ отъ земщины пришлось.

Грозный.

Бомелія ко мнѣ!

Вяземскій (*уходитъ*).

Моимъ слугамъ?...

Моимъ?... Кто? Земскіе?... Перстомъ обиду
Свинцовой палицей имъ отпичу;
Дохну грозой, и срю избы ихъ,
И мелкимъ прахомъ размечу по вѣтру!

(*Вяземскій возвращается съ Бомеліемъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Елисей Бомелій *).

Грозный (*Бомелію*).

Разсказывай, что было, какъ въ Москвѣ?

Бомелій.

Народца русска, нѣтъ чего сказать, —
Звѣрь настояща; чувства никакова....
Корми, пошалуста, все смотритъ лѣсъ.

Князь Гвоздевъ.

Прибавь, голоднаго неразумѣть сытый.
Не ты ли кормишь, Елисей Нѣмчинъ?

*) О характерѣ Бомелія см. Исторію Государства Россійскаго, томъ IX, стр. 140 и 190.

Бомелій.

Не я, сіятельна забавникъ, нѣтъ,
А каспадинъ нашъ Іоаннъ великій:
Какъ съ неба солнышка, онъ посылай
На злой и добрый милости своя.

Князь Гвоздевъ.

Пригрѣеть солнышко заморскихъ гадовъ,
И выползуть изъ норъ, чтобы кусать.

Грозный.

Молчи! не то, языкъ на стѣнку гвоздемъ!

Князь Гвоздевъ.

И выйдетъ Осппъ Гвоздевъ на гвоздѣ:
Свой своему вѣдь поневолѣ братъ!

Грозный.

Впередъ, впередъ, мой добрый Елисей!

Бомелій.

Пріѣхалъ мой въ Москва. Кто отъ царя,
Того бѣгай, какъ будто черна язва.
Вездѣ народъ собираяся въ кружокъ
И съ ними завсегда одна боярнпъ,
И каварить: «Пришла худая время
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ Адашевъ нашъ въ совѣтъ.
Народъ опричника на откупъ отданъ:
Рвутъ клѣба пзо рта, пьютъ наша кровь.
Кто править нами, нашъ не знаетъ.

Грозный.

Скоро

Провѣдаютъ, кто править ими! Скоро
Ишь зарублю еіо кровавой мѣтой!
Вина румянаго напьюсь въ твоихъ
Объятіяхъ, красавица Москва!

Бомелій.

Кадилъ мой разъ на торгъ, и гдѣ мой взглянетъ,
Въ народа, въ лавка, у церква, вездѣ
Бояре земская, да понемножка
Вездѣ ядъ остра сынай съ языка
Противъ тебя.

Грозный.

А кто бояре были?

Узналъ?

Бомелій.

Мой? преданна твой слугъ, твой рабъ,
И не узнай!... Одна былъ Висковатой,
А Ѳедоровъ другая. О! какъ подлю
Противъ отца.... Опричника твоя
Ругали, какъ сапожникъ!... хуже!
Они разбойникъ, ты ихъ атаманъ.
Гляжу: опричникъ ѣдутъ, съ ними Грязный,
Такъ смирна, какъ барашка. А народъ
На нихъ; кто лаеъ, какъ собакъ, кто камень
Пускай въ нихъ; даже баба и мальчишка
Показывай имъ языка.

Грозный.

Языкъ вамъ вытяну до слободы!

Бомелій.

Не вытерпѣла тутъ солдатъ твоя,
И началась сраженье. Кровь лилась
По улицѣ, какъ ручей, и долго-бъ, сильно-бъ
Еще лилась, когда-бъ не подошла
Басмановъ твой любима, да еще
Одна его пріятель молодая,
Морозовъ. Онъ въ опричника идетъ.
И побѣжала все отъ нихъ, какъ зайца
Отъ удалой собакъ.

Грозный.

Ѳедюша мой

Ужъ не ударить въ грязь лицомъ; и шапка
На мнѣ не загорится отъ стыда
Нигдѣ, гдѣ смѣютъ имя господина
Его при немъ позору отдавать.

Алексѣй Басмановъ (*смотря въ окно*).

Два молодца во весь опоръ несутся....
За ними клубомъ пыль валить... Одинъ
Мой сынъ; лицо другаго незнакомо.

Бомелій (*смотря въ окно изъ-за
Басманова*).

Тотъ сама, что въ опричника идетъ.
И рыцарства своя ужъ заслужилъ
Такъ славна.

Алексѣй Басмановъ.

Кто-жь за ними?... удалецъ
Какой-то... на моемъ аргамакѣ... несется,
Какъ вранъ за молодыми ястребами...
Лихой наѣздникъ, онъ прилипъ къ коню,
Какъ будто вмѣстѣ выросъ.

Вяземскій (*посмотрѣвъ въ окно*).

Мудрено-ль?

Старикъ веревкамъ къ сѣдлу привязанъ.
Да это, Господи прости, самъ дьякъ
Подсѣдина. Клещомъ надулся, градомъ потъ....
Не перышкомъ, звать, грамотку скоблить!

Алексѣй Басмановъ.

Вотъ у крыльца... отдѣлали коней!..

Грозный.

Для Федора любимыхъ съ моею конюшней!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже и молодой Басмановъ.

Грозный.

Дай въ маковку себя поцѣловать. (*Молодой Басмановъ на-
клоняется. Грозный цѣлуетъ его въ голову*).

Бомелій все мнѣ рассказалъ... Поспѣетъ
На всякій пиръ мой кравчій дорогой:
Меня онъ сладкимъ медомъ веселитъ
И вмѣстѣ земщину опохмѣляетъ.
Скажи, чѣмъ жаловать тебя? Стопа-ль
Умилно на тебя когда взглянула?
Бери! Мой терликъ перваго наряда
Тебѣ не приглянулся-ль? Съ плечъ моихъ
Надѣну на твои! Любая дѣвка
На всей Руси твоя, лишь пожелай.

Молодой Басмановъ.

По милости твоей, добромъ я этимъ
Богатъ: другой наградою меня
Пожалуй.

Грозный.

Развѣ сокола попросишь,
Что съ тучею бѣжить по поднебесью,
Не дамъ тебѣ; а на землѣ что хочешь,
Проси.

Молодой Басмановъ.

Есть у меня крестовый братъ;
Пригожъ, какъ дѣвка красная, и статенъ,
Какъ рьяный конь, что вставиши на дыбы,
Широкой грудью на копье летить.
Свинецъ не тяжелѣй его удара;
Пойдетъ одишъ на стѣну удалцовъ.
Въ бою подъ Юрьевымъ, когда зарница
Мечей нѣмецкихъ сильно разыгралась
Надъ головой моею, онъ, мой братъ,
Меня отъ смерти и позора спасъ.
Въ долгу я тяжкомъ у него, ты видишь.
Теперь онъ просится въ опричники:
Своею милостью взыщи его!

Грозный.

Давайте молодцовъ такихъ по болѣ.
Крѣпка ограда, гдѣ тычны крѣпки.
Прозваніе его?

Молодой Басмановъ.

Андрей Морозовъ.

Грозный.

Съ тобою онъ?

Молодой Басмановъ.

Здѣсь у крыльца. Но прежде,
Чѣмъ очи ясныя свои увидѣтъ
Позволишь, судъ и милость сотвори
Ему. Обиженъ земщиной онъ крѣпко.

Грозный.

Отъ земщины нигдѣ и никому

Проходу нѣтъ! Какъ соловей разбойникъ,
Гнѣздо себѣ свила. Но скоро и съ птенцами,
Я разнесу его въ концы земли.
Повѣдай, какъ и отъ кого обида?

Молодой Басмановъ.

Жемчужный князь — обидчикъ въ этомъ дѣлѣ.

Грозный (*обращаясь къ Вяземскому*).

Красотка дочка у него, не такъ ли?

Вяземскій.

Заподлинно такъ, господине: краше
Ея во всей подсолнечной не сыщешь.

Молодой Басмановъ.

За Митькова за старика хотять
Отдать.

Грозный.

Садится не въ свои онъ сани!

Молодой Басмановъ.

Морозова была невѣста....

Грозный.

Свадьбу

Сыиграемъ въ слободѣ и зададимъ
Веселый пиръ на удивленье міру.
Да мы съ красавицей и судъ забыли.
Ну, что же князь Жемчужный?

Молодой Басмановъ.

Подмѣнилъ

Морозова духовную онъ запись.
Тутъ дьякъ Подсѣдина работалъ ловко;
Всѣ подписи поддѣлалъ такъ исправно,
Что судъ приговорилъ Морозова добро
Жемчужному отдать все, безъ остатку.

Грозный.

Здѣсь дьякъ, ~~казали~~ указали мнѣ?.. Сюда его!

Молодой Басмановъ (*отворивъ дверь*).

Къ царю пожалуй, милостивецъ дьякъ!

Отд. I.

Князь Гвоздевъ.

Судья покончить судъ безъ проволочки,
Кабы на всѣхъ крючковъ гроза такая!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣже и дьякъ Подсѣдина,
Грозный.

Ты краснописецъ?

Подсѣдина (*упадалъ въ ноги, показываетъ на свое ухо*).

Не дослышу.... правымъ....

Веллкій господине всяя Русп!

Грозный.

Что правымъ не дослышишь, знаемъ!

Медвѣдю на ухо велю спросить.

Отвѣть, пока я глазомъ не мигнулъ.

Подсѣдина.

Не краснописецъ, нѣтъ, а земскій дьякъ,

По милости родителей твоихъ:

Дай Богъ имъ царствіе небесное!

Грозный.

Ты не тая художества. Перо

И лстѣ бумагп!

(Молодой Басмановъ приноситъ и кладетъ то и другое на столъ; дьякъ встаетъ).

Подпиши подъ руку

Морозова.... котораго, ты знаешь —

Отца: чтобъ подпись сынъ родной призналъ!

Подсѣдина.

Куда мнѣ, солнце красное! куда

Молпмъ окостенѣвшимъ пальцамъ дѣло

Такое совершить!

Грозный.

Такъ за тебя

Медвѣдь подпишетъ на твоей спицѣ.

Сюда стервятника, лпхова!

Подсѣдина (*падая на колѣни*).

Виновать!

Попуталъ грѣхъ лукавый!... соблазнили
Рублевиновъ предательскія очи!
Чужимъ добромъ владѣеть князь Жемчужный
По милости моей: я смастерилъ
Духовную сначала до конца.

Грозный.

Повинной не сѣкутъ, не рубятъ:
За то и головой дарю тебя.
Но чтобъ рука твоя не соблазняла
Тебя впередъ (*обращаясь къ Скуратову*), клеймо положи на ней,
Малюта!

(*Два опричника хотѣвъ увести дѣлка.*)

Постой!.. Онъ *худородный* дьякъ!.. Всегда
Царю и царству нужны грамотѣи;
Крамолы не куютъ противъ меня!...
Простить его... (*Дьякъ бросается въ ноги Иоанну: по движенію
Грознаго, его отводятъ.*)

Бомелій.

Вотъ нова Соломонъ!

Грозный.

Теперь мы примемся за новобранца.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тѣже, кромѣ Малюты, Подсѣдины и Бомелія, и Морозовъ.

Грозный (*Алексию Басманову*).

Не даромъ братался съ нимъ Федоръ твой:
И станомъ и лицомъ, какъ братья, схожи. (*Морозову*).
Ты, молодець, въ опричники желаешь:
Неволя гонить, или просить воля?

Морозовъ.

Какъ передъ Господомъ, передъ тобою
Души не постыжу грѣхомъ обмана.
Неволею иду, но той неволи
Не купишь золотомъ своей казны,
Всею силою земныхъ князей не свяжешь.

Она — не здѣшняя; въ недобрый часъ
 Во мнѣ, какъ духъ нечистый, поселилась,
 И не смогу ее ни заклинаньемъ,
 Ни силой крестною изгнать. Она
 Меня покрыла язвами позора,
 А до того, какъ персей дѣвы чистой,
 Души моей обида не касалась.
 Она-то привела меня сюда.

Но, господине, знай, неволя эта
 Дарить опричникамъ слугу вѣрнѣе
 Всѣхъ псовъ твоихъ, сѣкирь твоихъ надежнѣй.

(При этомъ словъ возвращается Малюта Скуратовъ).

Грозный.

Люблю рѣчь умную и удалую:
 Какъ полоса меча, блестить и рубить!
 Даю охотно этой рѣчи вѣру,
 И съ радостью въ опричники беру
 Тебя. Какихъ же слугъ желать мнѣ лучше?
 Любимца моего ты братъ крестовый,
 И земщицѣ заклятый врагъ душой.
 Но для тебя опричины законъ
 Не властенъ я перемѣнить: ты долженъ
 На вѣрность намъ присягу *нашу* дать.

Морозовъ.

Готовъ.

Грозный.

И я не постыжусь души
 Грѣхомъ обмана. Знаешь ли, что если
 Обѣтъ нарушишь, съ головой протись?
 Не выручатъ ни други, ни заслуги;
 Не скроешься ни подъ полой моей,
 Ни въ храмъ Божьемъ не найдешь защиты.

Морозовъ.

Все знаю, и на все рѣшился.

Грозный.

Братья!

Пока даетъ обѣтъ свой повобранецъ,
 Прикройте голову его ножами,

Въ залогъ того, что не задумается мечъ
 Снести ее, лишь-только мысль измѣны
 Родится въ ней. *(Вся опричники составляютъ около Морозова
 полукругъ, всѣхъ ближе къ нему становится молодой
 Басмановъ, и держатъ надъ головою его ножи).*

А ты, Андрей Морозовъ,
 Во имя Господа и страшныхъ силъ
 Его, клянись за мной.

Опричникъ.
 Клянись!

Морозовъ.
 Клянусь!

Грозный *).

Не только дѣломъ, самому, иль словомъ,
 Но даже стороной, черезъ другихъ,
 Не помня хлѣба-соли, ни родства,
 Ни выручки, не разбирая пола
 И лѣтъ, кому бы ни было изъ земскихъ
 Во вѣки не служить и не дружить.

Морозовъ *(про себя)*.

А мать моя?... мать?... а Наталья?...
 Неужели и отъ нихъ мнѣ отступиться?
 Для нихъ лишь только я сюда пришелъ....
 Но я вѣдь съ земщиной ихъ разлучаю
 Собою, съ собой въ опричину вожу!

Грозный.

Что-жь ты задумался?

Морозовъ.
 Клянусь!

Грозный **).

Не только

Во всякой часъ на лиходѣевъ нашихъ
 Усердно доносить, какое зло
 Они противу нашихъ замышляютъ,

*) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, томъ IX, стр. 87 и 88.

**) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, томъ IX, стр. 24.

Иль словомъ намъ наносятъ оскорбленье,
 Гдѣ-бъ ни было, на площади, во храмѣ,
 За дружеской бесѣдой, на пиру,
 Въ семьѣ родной, не только доносить —
 Вездѣ подслушивать, подстергать,
 Не скажутъ ли объ замыслахъ лукавыхъ
 И мрачный лѣсъ и вѣтеръ полуночный,
 И своды погреба и тайна кельи,
 И подѣлуй любовницы безумный,
 И наставленья матери родной.

Морозовъ *(про себя)*.

О Господи! оставилъ ты меня!... *(Плачетъ.)*

Молодой Басмановъ *(тихо Морозову)*.

Опомнись!... слышишь голосъ!... самъ отецъ
 Тебя изъ гроба къ мщенью призываетъ.

Морозовъ *(про себя)*.

Такъ — пропадай душа! *(Вслухъ.)* Клянусь!

Вяземскій.

Онъ плачетъ:

Худой опричникъ будетъ!

Грозный.

Наконецъ

Ты долженъ отъ отца отречься....

Морозовъ.

Мертвыхъ

Не трогай, господине!...

Грозный.

Дѣло! Мертвыхъ

Зачѣмъ въ полицную съ живыми ставить!

Но мать жива.... Отъ матери отречься

Ты долженъ.

Морозовъ *(молчитъ)*.

Грозный.

Что-жь?... клянись!

Опричники.

Клянись!

Морозовъ *(молчитъ)*.

Грозный.

Еще я повторяю!...

Морозовъ (молчитъ).

Молодой Басмановъ (изъ-за него).

Отрекаюсь.

Морозовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! то не былъ голосъ мой!... Нѣтъ, дьяволь
 Самъ за меня сказалъ, не человекъ!
 Отъ матери отречься?... Нѣтъ! не вѣрю,
 Чтобы нашлось чудовище такое,
 Кто-бъ могъ отъ матери, его родившей,
 Питавшей грудію его, отречься!
 Въ причинѣ такого нѣтъ закона;
 Его нѣтъ даже у звѣрей самихъ!
 Не можетъ быть.... ты надо мною, господине,
 Хотѣлъ лишь подшутить....

Грозный.

Когда шучу

Такими шутками, то головы летать.
 Не скоморохъ же я, Андрей Морозовъ!

Морозовъ.

Когда такой законъ безчеловѣчный есть,
 Закону этому не покоряюсь:
 Вели меня въ сей мигъ ножами всѣмъ этимъ,
 Что надо мною подняты, хоть разомъ
 На сквозь пронзить!

(Молодой Басмановъ падаетъ на колѣнки.)

Грозный (молодому Басманову, не-
 много поодаль).

Не бойся за него,

Крестовый братъ! Безстрашенъ онъ, я вижу;
 Онъ постоитъ за насъ и за себя.
 Люблю я молодцовъ такихъ: намъ нужны
 Они. По взгляду моему, я знаю,
 Пойдетъ одинъ на стаю лиходѣевъ. (Морозову.)
 За то я матерью тебя дарю....

И новому опричнику привѣтъ!

Стопу мнѣ фряжскаго!

(Молодой Басмановъ наливаетъ и подаетъ ему стопу.)

За мною, братья!

(Всѣ, кромѣ Морозова, наливаютъ стопы и поднимаютъ ихъ.)

За здравіе твое, слуга нашъ повый! *(Вытываетъ стопу.)*

Опричники.

За здравіе твое, нашъ новый братъ!

(Дѣлаютъ тоже. По знаку Грознаго, одинъ изъ опричниковъ подаетъ стопу Морозову.)

Морозовъ *(поднимая стопу.)*

Жить долги вѣки господину Русь

И царствовать ему во страхъ врагамъ! *(Вытываетъ.)*

Грозный *(Морозову.)*

Теперь, опричникъ нашъ, съ Жемчужнымъ можешь

Развѣдаться: самъ дьякъ признался

Въ подлогѣ записи духовной. Поспѣшай

Въ Москву, и забирай свое добро,

Гдѣ только ты его найдешь. По праву-ль

Тебѣ еще прійдется что въ дому,

Моею властію бери.

Молодой Басмановъ.

Невѣста

Тамъ у него.

Грозный.

Вези сюда голубку;

Мы свадебку сыиграемъ въ слободѣ

И позовемъ отца попить.

Морозовъ.

Отъ милостей твоихъ я бѣлый свѣтъ увидѣлъ.

Вели, и за тебя сложу охотно

Я голову свою!

Грозный.

Увидимъ, братъ!

Молодой Басмановъ.

Дозволь и мнѣ къ Жемчужному на ловъ:

Дѣвичникъ у него на дняхъ....

Грозный.

На земскихъ

По-шире только неводъ запускайте.
 Не рыбы дороги, а дорого,
 Чтобъ воды въ берегахъ своихъ смирились.
 Покажемъ этой земщинѣ поганой,
 Что, кромѣ Бога, насъ никто не вяжетъ.
 Спросить однакоже, на всякой случай,
 Какой же путь возьмете вы?

Морозовъ.

Прямой.

Въ лѣсахъ глубокихъ мы сейчасъ потонемъ,
 И вынырнемъ подъ самую Москвой.

Грозный.

Вы въ путь на ловлю рыбокъ золотыхъ,
 А мы пойдемъ съ Малютою смотрѣть
 Кулачный бой медвѣдя съ человѣкомъ *),
 Добро-бъ съ простымъ, а то съ бояриномъ, да съ земскимъ.
 Не видывалъ!...

(Уходятъ; за ними всѣ опричники, кромѣ Морозова.)

Морозовъ.

Наталья! ты моя!

О! дорого ты достаемся мнѣ!...
 Прости же, воля, воля сладкая!
 Прости! я продалъ душу сатанѣ! *(Немного погодя.)*
 За то позоръ я смылъ съ души моей!
 За то потѣшусь надъ тобой, Жемчужный!

*) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, томъ IX, стр. 91 и 92.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.**ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.**

(Теремъ въ домъ князя Жемчужнаго. Дѣвчичникъ.)

НАТАЛЯ ЖЕМЧУЖНАЯ, ДѢВИЦЫ И СВАХА.

Наталья, печальная, сидитъ на скамейкѣ. Нѣсколько дѣвчатъ заплетаютъ ей косу; другія водятъ хороводы и поютъ; иныя раздѣлились на группы и пары; кто занимается беспядою, кто рѣзвится. Сваха, во время пѣнія, нѣсколько разъ подходитъ къ полу-растворенной боковой двери и, сквозь нее, переговаривается съ княземъ Жемчужнымъ.

Дѣвицы (поютъ).

Скачетъ груздочекъ по ельничку:

Слава!

Ищетъ груздочекъ бѣляночки:

Слава!

Не груздочекъ скачетъ, боярской сынъ:

Слава!

Не бѣляночки ищетъ, боярышни:

Слава!

НАТАЛЯ.

Зачѣмъ веселыя поете пѣсни,

Подруги милыя? Онѣ не ладятъ

Съ тоской моею. (Немногу поюдя.) Ахъ! спойте лучше мнѣ

Ту пѣснь, что наша Машенька любила.

Одна изъ дѣвицъ.

Какая Машенька?

НАТАЛЯ

Сосѣдка наша....

Ну, та, что выдала за старика.

Другая дѣвица.

И умерла потомъ?

Третья дѣвица.

Что за охота?

Первая дѣвица.

Бѣда какая! пѣсня — не пророкъ;
Мы дѣвицы — не воронья: споемъ!

Дѣвицы (*поютъ*).

Поднялась ногодка —
Съ сѣвера налетъ:
Разъигралась рѣчка
Въ берегахъ крутыхъ;

Гонить безъ оглядки
За волной волну;
Путь себѣ дорожку
Стелеть широко.

Ты куда такъ, рѣчка,
Безъ ума бѣжишь?
Въ морѣ хоть раздоле,
Въ морѣ пропадешь.

«Ахъ! не я широкой
Дели той хочю:
Гонить зля погодка
Съ сѣвера налетъ.»

Ты куда такъ, дѣвица,
Снаряжаешься!
Ты куда такъ, красная,
Убираешься?

Не спѣши развязывать
Русую косу:
Подъ повязкой бархатной
Часто слезы льютъ.

«Ахъ! не я подруженьки,
Долг той хочю:
Гонить слово батюшки,
Божія гроза.

Кабы воля-волюшка
Мнѣ была своя,
Ужъ не той бы долюшки
Пожелала я!

НАТАЛЬЯ (*посторяеть*).

Ужь не той бы долюшки
Пожелала я. (*Плачетъ.*)

СВАХА.

О чемъ тужить, красавица моя?
Надежнѣй, право, старый молодого.
Старикъ окутаетъ тебя въ парчу,
Унижетъ лаломъ, жемчугомъ окатитъ,
Твоею красотой не наглядится,
Пылинокъ на тебя не дастъ упасть;
А молодой.... кто вѣдаетъ? въ пирушкахъ;
Да въ схваткахъ удалыхъ, тебя забудеть;
За зернь добро твое же промѣняетъ,
И вѣкъ твой, будто молонья, спалитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и князь Жемчужный.

Князь Жемчужный.

Что правда, сватенька, то правда. Разумъ
Когда-бъ имѣла, плакать перестала-бъ.

(Кланяется дѣвицамъ, а тѣ откланиваются ему.)

Спасибо, красныя, спасибо вамъ,
Что дочки проводить дѣвичью долю
Пришли.

СВАХА.

Ну, спойте что-нибудь, дѣвицы!

*Дѣвицы (поютъ, перешептавшись
между собою).*

Смогли роци голосисты,
Притаились рѣчки,
Запорхалъ снѣжокъ пушистый
И покрылъ все бѣлымъ платомъ.

Выѣзжалъ князь со княгиней
Тѣшиться охотой:
Будто крикомъ лебединой
Вереницы, островъ дрогнулъ.

Гонитъ жарко гончихъ стая
 Вострую лисичку;
 Душегрѣйка дорогая
 Будеть!... Но гадали рано....

Гнали красную лисицу,
 А попалъ волкъ сѣрый;
 Окружать тебя, дѣвицу,
 Съ старымъ и постылымъ мужемъ.

Князь Жемчужный.

Не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Сваха (*обходя съ княземъ дѣвицу*).
 Кривѣй не будешь!

Разглядывай, которая по нраву,
 Да намъ скажи; а мы тебѣ поможемъ:
 Насъ только не забудь.

Князь Жемчужный (*указывая на одну
изъ дѣвицъ*).

Вотъ эта чья?

Вторая съ краю?

Сваха.

Съ бойкимъ глазомъ? будто
 Слѣдъ огневой, куда посмотреть, сынлетъ?...

Князь Жемчужный.

Да, да.

Сваха.

Боярина Серебрянаго.... сладимъ!

(*Слышенъ шумъ на дворъ*).

Князь Жемчужный (*въ испугъ*).

Что?... что такое?... Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и дворецкій.

Дворецкій.

Со всѣхъ сторонъ

Опричники дворъ осадили, лѣзутъ
 Черезъ тыны, долой ворота съ петель.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И КРАВЧІЙ.

КРАВЧІЙ (*прибѣгая*).

Все ломать на повалъ, шумять, кричать,
И чернымъ роемъ въ домъ влетѣли....

(*Слышны крики: Гойда! гойда!*)

Князь ЖЕМЧУЖНЫЙ.

Опричники!... Прощай, моя казна!

(*Дѣвцы разсытаются съ крикомъ и бѣгутъ къ дверямъ, но, увидѣвъ, что всѣ exits замѣтны опричниками, возвращаются. Кто изъ нихъ падаетъ отъ страху, въ томъ числѣ и княжна; кто собирается около нее въ кружокъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ-ЖЕ, МОЛОДОЙ БАСМАНОВЪ, МОРОЗОВЪ, ТОЛПА
ОПРИЧНИКОВЪ И ДѢЯКЪ ПОДСѢДИНА.

(*Подѣлдица останавливается у дверей*).

МОЛОДОЙ БАСМАНОВЪ.

Кто съ мѣста только тронется, въ окно
Велю я сбросить!... Впору мы, какъ видно,
Пришли: дѣвичникъ только что въ разгарѣ.
Опричники догадливы, и женишка
Съ собою привезли. (*Жемчужному, указывая на Морозова*).

Вотъ онъ, хозяинъ —

По государеву указу.

МОРОЗОВЪ.

Здравствуй,

Тесть дорогой!... Не ждалъ!... Что, слову, вѣреть,
Небось, Морозовъ?...

МОЛОДОЙ БАСМАНОВЪ.

Эй, дворецкій! слушай.

И передай Жемчужнаго дворчанамъ,
Что всѣ они, и домъ, и дворъ, и въ домѣ
Что въ этотъ мигъ найдется на лицо,
Морозову принадлежитъ. За цѣлость
Всего ты отвѣчаешь головой.

Дворецкій (кланяясь).

Повиненъ вышолнить царя указъ.

(Уходитъ; за нимъ красчій).

Князь Жемчужный.

Помилуй! всѣмъ владѣю по закону.

Молодой Басмановъ.

Дьякъ, говори!

Подсѣдина (подойдя къ князю).

Во всемъ признался

Я окаянный: запись смастерили

Мы ложную съ тобой: въ винѣ своей

Покаялся и Богу и Царю....

Князь Жемчужный (падая на колѣни).

Не дайте умереть безъ покаянія!

Морозовъ.

Что? грянула гроза? Гроза-то Божья!

Ее изъ гробу вымолилъ отецъ,

И выплакала мать кровавыми слезами;

Теперь ты молишься подъ черной тучей?

Теперь ты крестишься, когда гремитъ?

А помнишь ли, князекъ снѣсывый, чванный,

Изъ дому этого ты выгналъ насъ съ сумой?

А помнишь ли, велѣлъ своимъ дворчанамъ

Насъ съ матерью вязать?... Забылъ тогда,

Что это мать Морозова!... Теперь

За мною очередь пришла; теперь

Снѣшно и мнѣ.... У ногъ моихъ, поскудный!

Просилъ я честью дочь твою; не отдашь:

Нельзя — за Митькова давно сосваталъ;

Нельзя — отцу его крестъ цѣловалъ!

Князь Жемчужный.

Вѣдь время не ушло. Не помни зла;

Возьми теперь съ мопъ благословеньемъ.

Морозовъ.

Когда ты ползаешь у ногъ моихъ?...

Ты отдаешь, когда другой отецъ,

Что ходитъ по небу съ огнемъ и бурей,

Мнѣ отдашь безъ тебя? когда мнѣ свать

Самъ царь Иванъ, что ходитъ по землѣ
 Съ такою же грозой? Ты отдаешь?...
 Да кто согласья твоего просилъ?...
 И безъ того она моя! Твое согласье
 Мнѣ все равно, что нитка паука!
 Она моя!

(Бросается къ Натальѣ; дѣвицы предъ нимъ разступаются).

Не даромъ я божился!

Молодой Басмановъ.

Встань, князь Жемчужный! *(Опричникамъ)* Поднимите
 Его, опричники! *(Опричники поджимаютъ князя).*

Почетъ ему! подъ ручки!

Онъ брата нашего вѣдь тесть!...
 Поѣдетъ свадьбу въ слободѣ играть!

Морозовъ *(схвативъ руку Натальи).*

Наталія Ивановна! опомнись!...

Жемчужина моя ты дорогая!

Промолви слово, свѣтъ очей моихъ!

Наталія *(пришедъ въ себя).*

Кто звалъ?... Андрей Петровичъ! не во снѣ ли вижу?
 Андрюша!... это ты?... Твой голосъ? Какъ же
 Пробрался ты сюда?... У насъ дѣвичникъ.
 Ты развѣ этого не зналъ? Проститесь
 Въ послѣдній, видно, разъ пришелъ!... Прощай!
 Прощай, душа моя!... Бѣги скорѣе!
 Что станется, когда отецъ увидитъ!

Морозовъ.

Опомнись; я твой суженый, пріѣхалъ
 Тебя къ вѣнцу везти.... Благословенье
 Мы получили.... Ѣдемъ въ Божій храмъ!

Наталія.

Съ тобою?... въ Божій храмъ?... Ахъ! дайте мнѣ
 Собраться съ разумомъ; не понимаю,
 Гдѣ я. *(Озирается)* Подруги!... мой отецъ!... опричники
 Кругомъ!... о Господи! и ты опричникъ!...

(Закрываетъ глаза руками).

Прочь, прочь! Я отрекаюсь отъ тебя!
 Кромѣшника любить я не могу!

Морозовъ.

Да, я опричникъ: только для тебя пошелъ!...
 За чѣмъ же я клялся ужасною божбою?...
 За чѣмъ же я прошелъ сквозь огонь и воду?...
 Коней, друзья! коней! Мы не купцы:
 Не торговаться мы сюда пришли!
 Что наше, то беремъ, какъ ни пошло!

(Схватываетъ княжну въ охапку).

Молодой Басмановъ.

Люблю! по нашему!

Нѣсколько опричниковъ.

Вотъ молодецъ!

Морозовъ.

Спасибо, братцы, вамъ! Моя казна
 И погреба къ услугамъ вашимъ!... Ёдемъ!

(Уноситъ княжну; опричники помогаютъ).

Молодой Басмановъ *(осмотрѣвъ двѣрицы
 и потомъ взглянувъ на Наталью).*

При этомъ солнышкѣ померкли звѣзды.

Не стоитъ ни одна коня морить!

(Опричникамъ, указывая на князя Жемчужнаго).

Смотрите, братцы, не забудьте гуся!

(Уходитъ. Опричники выводятъ князя и удаляются. Двери остаются на своихъ мѣстахъ какъ будто окаменѣлыя).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гридня въ царскихъ хоромахъ, въ Александровской слободѣ.
 Съ правой стороны широкая скамья въ видѣ кровати, покры-
 тая персидскимъ ковромъ; въ изголовьи шелковая подушка; у
 скамьи два складныя стула; подлѣ одного изъ нихъ стоятъ
 пуси. Съ лѣвой стороны одинъ стулъ съ высокою спинкою, уз-
 рочно вызолоченною, и нѣсколько складныхъ стульевъ полууру-
 юмъ. На столѣ нѣсколько серебряныхъ стопъ и кувшины.
 Грозный, князь Аѳанасій Вяземскій, Алексѣй Бас-
 мановъ, Малюта Скуратовъ и Бомелій. Въ сидятъ
 кромѣ Бомелія.

Грозный.

Спасибо, Елисей! спасибо!... люблю

Отд. I.

22

Мнѣ слушать о странахъ пныхъ, гдѣ разумъ
 Творитъ такія чудныя дѣла;
 Гдѣ человекъ — подобье Божіе, не звѣрь;
 Гдѣ царство — тѣло стройное, бояре —
 О благѣ и красѣ роднаго края мыслить:
 Не то, что наши земскіе — лишь имъ
 Свои кисы набить, да сѣсть за столъ
 На мѣсто старшее, да зломъ упиться!
 И я когда-то помышлялъ страну
 Свою на образецъ пныхъ устроить;
 И я въ себѣ на то довольно слышалъ воли:
 Какой-то духъ во мнѣ могучій говорилъ. —
 Судебникъ и Казань его зачатки —
 Но этотъ духъ, измученный жестоко,
 Борьбой затронутой, лукавой старины,
 Возсталъ не на созданіе, на смерть,
 На разрушеніе.... и не падеть,
 Пока въ борьбѣ врага не одолѣеть!

(Не много погодя).

А если изнеможетъ *(печально)*, Елисавета,
 Сестра по разуму, мнѣ уголь дастъ
 Тогда въ странѣ своей благословенной.
 Спасибо, Елисей! ступай на отдыхъ.

(Бомелій, раскланявшись уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, кромѣ Бомелія и Василия Грязный.

Василій Грязный.

Бояре земскіе, совѣтникъ Висковатовъ,
 Да Федоровъ, бывшій конюшій царскій,
 Да Митьковъ, очи ясныя твои
 Желаютъ видѣть.

Грозный.

Все бывые и бывые!

Все сердобольцы о своихъ мѣстахъ,
 Печальники о старинѣ своей,
 Когда была имъ воля широка!

За чѣмъ они пришли? Имъ мало казней
Въ Москвѣ?... Зови сюда!

(Василій Грязный выходитъ).

Малюта мой,

Чай, не усталъ!... Напрашиваются сами!

(Василій Грязный возвращается съ боярами).

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ *).

Тѣже, Висковатовъ, Ѳедоровъ и Митьковъ.

(Пришедшіе бояре падаютъ Грозному въ ноги).

Грозный.

За чѣмъ пожаловали?... Встаньте!

Митьковъ.

Заблудилась

Изъ стада нашего овца; попала

Она....

Грозный *(перебивая его)*.

Къ волкамъ, хотите вы сказать?...

Не къ намъ ли, агнцы смиренные по шерсти?

Сюда, что ли, великопостные бояре?

Митьковъ.

Сюда привелъ злой путь, не въ стадо волчье;

Но въ стаю.... можетъ быть, и вѣрныхъ псовъ.

Грозный.

О комъ же говоришь?... Яснѣй, бояринъ!

Митьковъ.

Къ тебѣ въ опричники Андрей Морозовъ

Пошелъ.

Грозный.

Въ слуги къ Царю!

Митьковъ.

Служать онъ можетъ

Тебѣ и въ войскѣ, какъ досель служилъ.

Однѣ онъ сынъ у матери, одна

Опора и утѣха ей. Отецъ!

Будь милостивъ, отдай его старушкѣ?

*) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, томъ V, стр. 161.

Опричникъ по душѣ худой онъ*будеть.

И безъ того ихъ много у тебя.

Дай матери закрыть глаза съ той мыслью,
Что сынъ ничѣмъ свой родъ не опозорилъ.

Грозный

Ничѣмъ не опозорилъ?... А опричникъ развѣ
У васъ слыветь безчестнымъ?...

Митьковъ.

Виновать,

Великой господине всея Руси!

Зовутъ ихъ удалцами и ворами,

Которымъ голову сложить, свою

Или чужую — все равно.

Грозный (*смыется*).

Мнѣ то и надо!

А вы хотѣли бы, чтобы овцами

Я вашими животъ свой охранялъ?...

Морозова, коль хочеть земскимъ быть

Опять, я не вяжу: пускай мнѣ скажеть!

Доволенъ ли?

Митьковъ.

Пошли тебѣ Господь

И долгій вѣкъ и отъ сыновъ утѣху!

Грозный.

Не нужно мнѣ благословенья земскихъ:

Живу досель и подъ проклятемъ вашимъ.

А вы чего хотите?

Висковатовъ.

Господине

Великій всея Руси! положишь

На сердце намъ Владыка нашъ небесный

Прійти сюда и повѣсть рассказать

Тебѣ о сиротствѣ твоей земли.

Ты, можетъ быть, ея еще не знаешь:

То будетъ повѣсть скорбная, не прогнѣвись.

Грозный.

Да что, послы вы отъ народа, что ли?

Висковатовъ.

Что скажемъ мы, народъ то говоритъ :
 Ты въ голосъ моему его услышишь голосъ ;
 Въ моихъ слезахъ дѣтей своихъ увидишь слезы.

Грозный.

Разсказывай ; но уговоръ — не плакать !

Висковатовъ.

Покинулъ ты совѣтъ, державный, насъ,
 Покинулъ насъ, отецъ ! Безъ пастыря какъ стадо,
 Добыча легкая волковъ несытыхъ,
 Такъ бродимъ мы, конца бѣдамъ не зная.
 Татаре жгли насъ и плѣняли ;
 Татарскій плѣнъ былъ легче : съ нами былъ
 Нашъ царь, съ дѣтьми отецъ ихъ былъ, и слезы
 Онъ осушалъ любви пріятнымъ взглядомъ,
 И раны словомъ изцѣлялъ однимъ.

Федоровъ.

Намъ памятни нашествія Орды ;
 То нехристи, то злые басурмане !
 Прийдутъ, и гонятъ ихъ Господень лкъ,
 Какъ слѣдъ кровавый, уносимый вѣтромъ.
 Но легче ли опричниковъ твоихъ
 Набѣги, братьевъ, одновѣрцевъ нашихъ ?
 Что часъ, мы ожидаемъ ихъ съ бѣдами,
 Съ грозой, съ навѣтами и грабежомъ,
 И съ плѣномъ нашихъ дочерей и съ казною.
 Съкира и метла не отдыхаютъ...
 И эти вороги — родные намъ !
 Ихъ ненавидишь... проклинать не можешь !
 И это зло къ намъ прижилось, какъ червь,
 Что въ сердцевиѣ яблока засѣлъ ;
 И этимъ бѣдствіямъ конца не будетъ,
 Пока не сжалишься, отецъ надъ нами !

Грозный.

Я вашу повѣсть слушалъ до конца.
 Спасибо вамъ на добромъ словѣ ! Жестко
 Немножко, братцы, да за то правдиво !
 Терпѣть пришлось : народъ вѣдь говоритъ !...

И я васъ повѣстью потѣшу. Не взыщите,
 Когда ѡближетесь полынью, а не медомъ.
 Такъ искони: долгъ красенъ платежомъ.
 Вы повѣсть отъ народа говорили,
 А я свою народу говорю.
 Кто, спрашиваю васъ, виною этихъ
 Бѣдъ, этихъ казней, этого раздѣла
 Отца съ дѣтьми? кто, спрашиваю васъ?
 Не вы ли сами, честные бояре?
 Едва отъ груди матери меня отняли,
 Вы подмѣнили кровью молоко;
 Лишь только я умѣлъ владѣть руками,
 Вы приучили ихъ рубить и сѣчь:
 Младенца игры были только казни!
 Вы тѣшились, когда собакъ и кошекъ
 Съ крыльца высокаго о камни разбивалъ;
 Вы тѣшились и славилъ меня,
 Когда державный отрокъ, будущій властитель,
 Среди дѣтей — опричниковъ удалыхъ,
 Конемъ пародъ свой будущій давилъ.
 Все это вы, бояре, пѣстуны мои!

Висковатовъ.

Но чистый токъ твоей души не скоро
 Совѣтъ рабовъ лукавыхъ помутилъ;
 Не вдругъ ты измѣнился. Вспомни:
 Когда съ своей супругой первой жилъ,
 Два ангела тогда ходили по землѣ,
 И провожали ихъ вездѣ благословенья.

Грозный.

Да, было время!... Можетъ статья, Грозный
 Безъ васъ, еще и былъ бы добрый царь. (*Задумывается.*)
 Тогда я правилъ милостью одною,
 Въ совѣтѣ и любви я жилъ съ народомъ;
 Но вы и тутъ пришли насъ раздѣлить.
 Былъ день... ужасный день... объ немъ какъ вспомню,
 Такъ дыбомъ волосы встають!... Забыли,
 Когда на смертномъ я одрѣ лежалъ?
 Безъ силъ лежалъ, закрыты были очи;

Но чувствъ и памяти я не лишился.
 О Господи! зачѣмъ не отнялъ ихъ тогда?...
 И слышалъ я, какъ вѣрные бояре,
 Друзья мои, еще живаго ризы
 На мнѣ дѣлили, надъ моимъ завѣтомъ,
 Что только приняли изъ устъ моихъ,
 Ругались!... На крестѣ ихъ лобызанья,
 Еще ихъ клятвы не остыли, а они
 Ужъ клятвы крестныя въ ногахъ топтали!
 И при одрѣ моемъ — все слышалъ я —
 Роднаго сына, кровь мою, вѣнцомъ,
 Не ими, Богомъ даннымъ, обходили.
 О! еслибъ силы я тогда имѣлъ,
 Васъ всѣхъ бы я обнялъ и задушилъ бы разомъ!...
 Вы этотъ день забыли, и теперь,
 Крамольники, пришли меня судить
 За то, что памяти я не лишился.
 Тотъ день былъ *вашъ*, и много было *вашихъ* дней;
 Теперь пришли *мои*... Малюта! съ глазъ
 Долой рабовъ, которые къ суду
 Владыку своего призывали! съ глазъ долой!
 И чтобы не ходили по моей землѣ!

Висковатовъ.

Опомнись, господине, развѣ мы
 Участники въ крамолахъ этихъ были?
 Виновные ужъ казнены давно
 И заслужили казнь. Достойному
 Достойное твори.

Грозный.

Одно вы тѣло,
 Одня вы духъ: по рѣчи вашей вижу!
 Не поднялись ли и теперь вы на меня?...
 Я знаю васъ: лишь зло вы сѣете на нивахъ!

Федоровъ.

Пришелъ часъ воли Божьей: покоримся!
 За истину мы рады умереть.
 Награда за нее насъ ждетъ пня!
 Вели казнить дѣтей твоихъ, но помни:

Есть судъ и надъ тобой! Придетъ тотъ судъ,
 Придетъ великій часъ, и въ нашей крови,
 И въ крови неповинной тьмы людей,
 Ты дашь отвѣтъ.

Висковатовъ.

Послѣдняя молитва

Твоихъ сыновъ, чтобъ сердце обратилъ
 Твое Господь на милость и добро.
 Лишь въ этомъ случаѣ тебѣ желаемъ
 И долгихъ и счастливыхъ дней.

Грозный (*указывая на бояръ*).

Малюта!

Скуратовъ.

За мной!

Висковатовъ и Федоровъ.

Идемъ.

Висковатовъ (*Митькову*).

Прощай, другъ честный!

Митьковъ.

Развѣ

Отстану я отъ васъ?... Что вы сказали
 Теперь царю, и я то повторяю.

(*Малюта уводитъ за собою Федорова и Висковатова.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Грозный, Алексѣй Басмановъ, Вяземскій, Грязный
 и Митьковъ.

Грозный.

Ошибся! будешь жить! Еще ты нуженъ мнѣ!

На разставанье выпьемъ-ка за упокой

Рабовъ, бояръ смиренныхъ... (*Въ смущеніи остается.*)

Митьковъ.

Иоанна, —

И Иоанна *), хочешь ты сказать?

Грозный.

Мы знаемъ, на кого ты намекаешь.

*) Ивана Висковатова и Ивана Федорова.

Но очередь *того* для васъ же пришла...

Скорѣе круговую чару намъ.

(Алексѣй Басмановъ наливаетъ стопу и подаетъ ее Грозному. Грозный откидываетъ изъ ней и передаетъ Вяземскому и такъ dalje доходитъ она до Митькова.)

Пей, очередь твоя!

Митьковъ.

Не пью! Изъ этой чары
Кровь братьевъ черезъ край бѣжнть *).

Грозный *(ударяя его жезломъ).*

Такъ пей ты съ ними чашу смертную!

Митьковъ *(зажимая рукой рану).*

Охъ! вѣренъ твой ударъ... Прощай, свѣтъ Божій!

(Становится на колѣни.)

Благодарю тебя, Отецъ небесный!

Сподобилъ мя... за правду умереть...

А ты земной владыка, рабъ Господень!

Будь вѣренъ слову своему... отдай

Морозова старушкѣ матери... За те

Я тамъ... молиться буду за тебя! *(Падаетъ.)*

Грозный *(отвращаясь).*

Смердитъ отъ трупа... Прочь его скорѣй!

(Алексѣй Басмановъ и Василій Грязный выносятъ Митькова.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Грозный и Вяземскій.

Вяземскій.

А что? я говорилъ, Морозовъ

Худой опричникъ будетъ по душѣ?

Его печальникъ самъ сказалъ...

Грозный.

Да, слышалъ...

Вяземскій.

Отъ матери не отрекался, плакалъ!...

И клятва-то насильная была!...

Онъ земскаго боярина вѣдъ сынъ... *(Грозный задумывается.)*

*) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, томъ IX, стр. 169.

(*Про себя.*) Пожалуй, молодецъ насъ отобьетъ:
Лиха бѣда ему втереться въ милость.

Грозный.

Морозова старушка здѣсь?

Вяземскій.

Въ *Неволя* *).

Грозный.

По-крѣпче запереть, пока скажу дать волю.

Когда прїѣдетъ сынъ, сказать ему,

Что воротилась въ столичный градъ. Объ казни

Бояръ молчать до времени. Аюня!

Съиграй умненько это... Испытаемъ!

Усталъ я, спать хочу! Слѣпцовъ ко мнѣ! (*Вяземскій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Грозный (*одинъ, стоитъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, потомъ падаетъ на колѣни и молится, ударяя себя въ грудь.*)

О Господи! вынь душу грѣшную изъ тѣла:

Хотѣлъ бы выплакать ее, да не смогу.

(*Услышавъ приходъ слѣпцовъ, крадется къ скамейкѣ и ложится на нее.*)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Грозный и два слѣпца.

Первый слѣпецъ.

Будь намъ вожатаемъ, Господь!

Второй слѣпецъ.

Онъ умудряетъ и слѣпцовъ.

(*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, хватается себя за голову.*)

Паукъ на темя мнѣ упалъ. Къ добру!

Первый слѣпецъ.

Ты, братецъ, безъ того меня счастливѣй:

Тебѣ всегда копейку лишнюю даютъ.

*) Слобода близъ Александровской.

Грозный.

Всѣ таковы! Господь очей лишилъ,
А тутъ изъ паука готовы въ драку!

(Слѣпцы садятся около него, у скамейки.)

Первый слѣпецъ.

Какую-жъ говорить?

Грозный.

Какую хочешь,
Лишь бы на этотъ мѣръ похожа не была.

Первый слѣпецъ.

«Жарь-птицу» я тебѣ вчера не досказалъ.

Грозный.

Мнѣ сказка эта не по-праву.
Разсказывай другой.

Второй слѣпецъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а имени ему нѣтъ и конца ему нѣтъ, жилъ былъ царь Вахромя, а было у того царя два лика: однимъ все бы встрѣчалъ солнышко съ восхода, другимъ все бы провожалъ на ночлегъ; а ѣдалъ онъ не калачи пшеничные, не блины заварные; что ни день приносили ему, Вахрому, по младенцу отъ груди матери: все были его родныя дѣти. Проглачивалъ ихъ словно горошенку, да похваливалъ, да брюшко поглаживалъ. А запивалъ онъ свой кусъ не виномъ заморскимъ, не медами сладкими, а кровью человѣческой...

Грозный.

И эта сказка не по-праву мнѣ.

Все кровь, да кровь: довольно и не въ сказкѣ!

(Печально.) Съиграй-ка лучше на гусяхъ;

Давыдову мнѣ пѣснь съиграй — авось засну.

(Второй слѣпецъ садится за гусли и играетъ духовную пѣснь; Грозный засыпаетъ.)

Первый слѣпецъ *(прислушиваясь, толкаетъ второго кляукой.)*

Заснулъ...

(Оба встаютъ, берутъ другъ друга за руку и удаляются.)

Второй слѣпецъ.

Спи подъ мечомъ небесныхъ силъ!
Хоть на часокъ бы отдохнулъ народъ! (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Въ Александровской слободѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Влево часть царскихъ хоромъ съ крытыми узорочными переходами, изъ которыхъ сходитъ лѣстница. Направо разныя строенія. Далѣе караульня, и отъ нея рогатка поперекъ дороги: при ней стражею — стрѣльцы. Вдали поле и слободка Невоя.

Морозовъ (*прохаживаясь у крыльца.*)

Велѣлъ дожидаться здѣсь, пока
Князь Вяземскій прійдетъ... Долга же пѣсня! (*Немного погодя.*)
Досталъ ее!... и что же? на душѣ
Не легче: тотъ же камень, только что
Перевалилъ на сторону другую.
Какими страшными путями добылъ! будто
Самъ сатана работалъ для меня! (*Немного погодя.*)
Чего мнѣ стоило беречь дорогой,
Чтобъ рѣчь иль взглядъ не осквернили
Мое сокровище, мой ненаглядный цвѣтъ!
Бывало, робкихъ словъ любви краснѣла;
А тутъ.... Едва до драки не дошло
Изъ-за нея.... Противно даже имя ей
Опричника.... а я опричникъ самъ!
Съ вѣнцомъ ей это имя навяжу,
Во цвѣтѣ лѣтъ убью ее позоромъ,
Иль сѣмя злое съ ней размножу на Руси!...
О Господи! когда бы всталъ изъ гроба
Отецъ мой, и теперь меня увидѣлъ!
Что скажетъ мать?... Проклятье, можетъ быть!

Князь Гвоздевъ (*проходитъ мимо Ма-
розова*).

Держи остро ты ухо.... берегись! (*Уходитъ*).

Морозовъ (*про себя*).

Беречь? Хоть шутъ, слова его не мимо идутъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Морозовъ и Вяземскій.

Вяземскій.

Здорово.... братъ, сказать еще не смѣю.

Морозовъ.

А почему жъ?

Вяземскій.

Ну мало ли какія

Дѣла творятся въ мірѣ!... Каково

Ты съѣздила?

Морозовъ.

Хорошо.

Вяземскій.

Привезъ ли ты

Невѣсту, спрашивать не надо:

Зачѣмъ поѣдетъ *нашъ*, то и добудетъ.

Морозовъ.

Привезъ. А ты не знаешь ли, гдѣ мать

Моя находится?

Вяземскій.

Ты шутишь?

Морозовъ.

Какія шутки!

Вяземскій.

Развѣ съ ней нягдѣ

Не повстрѣчался?

Морозовъ.

Нѣтъ.

Вяземскій.

Чуть зоренька

Вчера зардѣлась, въ одноколѣкѣ чудной

Помчали мать твою.... гнѣдые кони, съ бѣлой
Отмѣтиной на лбу?

Морозовъ.

Нѣтъ, не видалъ.

Куда жъ?

Вяземскій.

Къ тебѣ навстрѣчу. Митьковъ,
Молчанъ Семенычъ, съ ней сидѣлъ.

Морозовъ (*про себя*).

Зачѣмъ же Митьковъ?...

Ума не приложу!

Вяземскій.

Они лѣсами

Поѣхали.

Морозовъ.

А мы, какъ на бѣду,
Большой дорогою.... Басмановъ вздумалъ!...

Вяземскій.

Вы, словно, съ ней играете въ гулячки!
Она сюда дорогой Троицкой, а ты
Въ Москву окольную; она лѣсами
Нырнула въ стольный, ты махнулъ полями.
Не обошелъ ли васъ ужъ лѣсовникъ?

Морозовъ.

Что дѣлала здѣсь? что говорила?
Здорова ли?

Вяземскій.

Такъ весела сударка,
Хоть руки въ боки!

Морозовъ.

Отчего же?... Развѣ

Иванъ Васильевичъ дозволилъ ей
Увидѣть очи царскія своя?

Вяземскій.

Нѣтъ, Митьковъ отъ нея и отъ себя
Челомъ ему ударилъ.... хочешь знать

О чемъ? (*У окна показывается Грозный и, незамѣченный Мо-
розовымъ, вскорь скрывается*).

Морозовъ.

Прошу тебя, скажи.

Вяземскій.

Нѣтъ, братецъ,

Все будешь знать, состаришься скоренько!

Покуда это тайна.

Морозовъ.

Я — опричникъ,

И ты не долженъ отъ меня тайть.

Вяземскій.

Опричникъ?... Да на долго ли еще?

Богъ знаетъ!

Морозовъ.

Ради Бога, не томи!

Ума лишишься отъ твоей загадки....

Вяземскій.

Языкъ мнѣ Грозный привязалъ.... Спрошу

Я только: если-бъ кто тебя присягу

Опричникамъ нарушить поневолилъ?

Морозовъ.

Я клятву далъ.... хоть сатанѣ бы далъ,

Подъ острыми мечами не нарушу.

Вяземскій.

Но если-бъ разрѣшилъ тебя самъ царь?

(Грозный показывается въ переходахъ невидимо для Морозова).

Морозовъ.

О! дѣло то иное!... съ радостью!

Вяземскій.

Могу еще промолвить.... чуръ меня не выдать!...

Морозовъ.

Клянусь!

Вяземскій *(озираясь)*.

Просила мать твоя уволить

Тебя изъ братства нашего....

Морозовъ.

Кого?

Вяземскій.

Царя, вѣстимо! черезъ Митькова.

Морозовъ.

Что-жь царь?

Вяземскій.

Веселая въ Москву мать поскакала....

Ни слова болѣе! Онъ скажетъ самъ.

Морозовъ (*внѣ себя*).

Когда бы такъ!... Когда бь Господь услышалъ

Молитву матери!... Наталья, мать моя!...

Опять я буду вашъ! опять всѣ братья мнѣ!

Въ землѣ отца возрадуются кости!

Опять мнѣ волей сладкою дышать!

Жемчужный! и тебя прижму тогда

Я къ сердцу своему!... (*Вяземскому*). Но я безумецъ,

Какъ малое дитя, тебѣ повѣрилъ!

Ты, можеть быть, хотѣлъ меня извѣдать,

Хотѣлъ лишь посмѣяться надо мной?

Смотри же! не пройдетъ смѣхъ даромъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Грозный.

Грозный.

Нѣтъ,

Морозовъ! (*При этомъ словѣ Морозовъ блѣднѣетъ и дрожитъ*).

Смѣху нѣтъ тутъ никакого!

Когда опричникомъ тебѣ остаться

По праву не пришлось, тебя я разрѣшаю

Отъ клятвы: слово царское я далъ

Ужь Митькову и матери твоей,

И слово царское здѣсь повторяю. (*Сходитъ на мѣтлицу*).Морозовъ (*упадалъ ему въ ноги*).

Не за себя, за мать благодарю!

Воздастъ тебѣ на небесахъ Отецъ.

Вели, и брошусь за тебя въ огонь!... Нѣтъ жертвы,

Которой не принесъ бы я тебѣ....

Грозный (*смѣется*).

Давно я это слышалъ, и не разъ!

Твои слова — рѣчь дѣтская. Заутро....
 Что говорю, заутро?... не приспѣетъ
 Еще полночи часъ, иное скажешь,
 Голубчикъ!... Мы, однакожь, испытаемъ!
 Опричникомъ ты добывалъ невѣсту:
 Опричникомъ веди ее къ вѣнцу.
 Хочу, чтобъ нынче свадьбу здѣсь сыграли,
 Покуда ты еще мой слободской слуга:
 А тамъ идти на всѣ четыре волея! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Морозовъ и Вяземскій.

Вяземскій.

Ну, что, солгаль?

Морозовъ.

Дай мнѣ опомниться....

Когда бы солнышко поворотилось
 Назадъ, меня бы такъ не одурило!
 Чѣмъ мнѣ благодарить тебя? Проси
 Казны моей.

Вяземскій.

Не надо намъ.... Казной

Мы царскою богаты. Не все изъ корысти!
 Хотѣлъ лишь услужить....

Морозовъ.

Спасибо, другъ!

Пойду, обрадую Наталью. (*Про себя*). Только
 Смотри, не забывать, Морозовъ! нынче
 Еще опричникъ ты!... (*Вслухъ*). О Господи!
 Во снѣ иль на яву все это вижу? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Вяземскій (*одинъ*).

Вотъ простыни! стели на ней что хочешь!
 Отпущенъ молодець.... Не знаетъ развѣ ояъ,
 Опричника лишь смерть уволить можетъ?
 И то сказать, для Грознаго закона нѣтъ!
 Чѣмъ кончатся затѣи.... поглядимъ. (*Уходитъ*).

Отд. I.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Гридня въ одной изъ царскихъ хоромъ.

Морозовъ, Наталья Морозова (бывшая княжна Жемчужная), князь Жемчужный, Алексѣй Басмановъ, князь Анастасій Вяземскій, нѣсколько окричниковъ съ женами, составляющія свадебный поѣздъ, въ томъ числѣ мать посаженная Наталья и чашникъ. Весь свадебный поѣздъ сидитъ за столомъ; на столѣ огромный каравай; пудовая свѣча стоитъ въ кадкѣ съ ячменемъ у конца стола. Пированье только въ началѣ. Чашникъ обходитъ гостей по свадебному чину.

Князь Жемчужный.

Но кто, какъ не Господь!... Простите, дѣти,
И зла не помните на старикѣ,
Что выжилъ изъ ума.

Морозовъ (встаетъ и обнимаетъ его).

Ужъ въ храмѣ Божьемъ

Забыто все! Будь намъ теперь отецъ,
А въ насъ найдешь дѣтей и добрыхъ и покорныхъ.

(Наталья бросается въ ноги отцу.)

Князь Жемчужный *(поднимая ее)*.

Нѣтъ, къ сердцу, милый другъ, Наташничка!

(Цѣлуетъ ее, послѣ чего всѣ трое садятся опять за столъ.)

Вяземскій.

Проводимъ старую печаль слезами.

(Чашникъ подноситъ ему стопу.)

И встрѣтимъ радость новую виномъ!

(Взявъ стопу.) Жить въ здравіи и счастья новобрачной
Четъ, и свадьбу внуковъ ей увидѣть!

(Чашнику.) Не полно налилъ, чашникъ, доливай:
А то благополучіе не полно. *(Чашникъ доликаетъ).*

Морозовъ.

И такъ мое благополучіе не полно:

Нѣтъ матери со мной, и мнѣ благословенья

Не достаешь!.. еще нѣтъ одного,

Кто радости моей виновникъ первый:

И этихъ двухъ отлучниковъ довольно,
Чтобы нашъ праздникъ не совсѣмъ былъ свѣтелъ.

Алексѣй Басмановъ.

Андрей Петровичъ, не взыщи: едва
Изъ стремени сынъ вынулъ ногу, царь
Потребовалъ его къ себѣ, и съ тайнымъ словомъ
Послалъ куда-то.

Вяземскій.

Фряжское, кажись,

Вино изъ царскихъ погребовъ, а горьковато
Не худо подсластить.

(Выпиваетъ; между тѣмъ новобрачные цѣлуются).

Морозовъ *(тихо Натальи).*

Когда же

Тѣ задушевныя слова мнѣ скажешь,
Что обѣщала?

Наталья. *(пожимая ему руку тихо).*

Подожди, мой свѣтъ!

Алексѣй Басмановъ *(принимая стопу отъ
чашки).*

Не старѣйтесь бы вамъ сто лѣтъ, да столько-жъ;
Цвѣтнымъ бы платьямъ вашимъ не носиться;
Конямъ бы добрымъ устали не знать,
И бочкамъ въ погребахъ не осушаться!
Жемчугъ бы вамъ лукошками считать
И серебро лопатой загрѣбать! *(Выпиваетъ).*

Вино хулить нельзя, а, воля ваша,
Горчить на днѣ. *(Новобрачные цѣлуются).*

Морозовъ *(Натальи тихо).*

Пускай бы отравили

Полыню цѣлый погребъ, сотомъ губъ твоихъ
Могла бы подсластить!

Наталья *(тихо).*

Когда бъ ты вѣдалъ,

Что у меня въ душѣ!... Горитъ такъ жарко,
Какъ будто солнышко играетъ въ ней!

Морозовъ. *(тихо).*

Скорѣй, скорѣй конецъ бы пируванью!

Скорѣй послѣднія бы сбросить пути!...
О! не дождусь конца обрядамъ этимъ!...

Старый опричникъ.

Да что сыръ молодой на блюдѣ,
Да что медъ сладкой съ кардамономъ,
Что зелено вино съ шафраномъ,
Вамъ жить да поживать въ совѣтѣ и любви. (*Пѣтъ*).

Молодой опричникъ.

Роди ты сына сокола,
Что-бъ личкомъ онъ былъ въ тебѣ,
Отвагою и разумомъ въ отца!
Дай Богъ опричника намъ удалца!

Наталья (*тихо*).

О Господи! помилуй отъ бѣды! (*прижимаясь къ мужу*).
Ты не опричникъ, нѣтъ? Скажи еще.

Морозовъ (*тихо*).

Лишь пированье кончится, я воленъ,
Какъ птица вольная на небѣ — улетимъ
Съ тобой въ свои края. Самъ царь сказалъ;
А слово царское не мимо идетъ,
Что Божіе.

Наталья (*тихо*).

Я жду и не дождусь
Конца твоей неволи. И теперь
Еще не вѣрю счастью своему.

Одинъ изъ опричниковъ (*оттнвъ изъ сто-
ны*).

И это пужно подсластить.

Морозовъ.

Слынишь? (*цѣлуетъ Наталью*).

Такъ поцѣлую этому повѣрь.

(*Вяземскій, вслушавшись въ послѣднюю рѣчь, опроки-
дываетъ солоницу*).

Алексѣй Басмановъ.

Ахти! что сдѣлать ты, князь Аванасій?

Вяземскій.

Бѣда какая! солоницу опрокинулъ.

ЖЕНЫ ОПРИЧНИКОВЪ.

Ахти!.. ахти! Попуталь грѣхъ лукавый!..

Не миновать бѣды!.. О Господи!

Лишь обойди ты насъ!... Меня помилуй!

Наталья (*Морозову*),

Лишь на тебя не пала-бъ черна доля!

А я теперь довольно пожила.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣже и Молодой Басмановъ.

Морозовъ (*увидѣвъ Басманова*).

На счастье, не на бѣду проруха!

Молодой Басмановъ (*схвативъ его за руку и увлекая изъ-за стола, въ сторону*).

Ты пьешь и прохлаждаешься, дружокъ,

И безъ ума отъ поцѣлуевъ сладкихъ;

А надъ собой грозы не чаешь вовсе?

Сбирается! Страшнѣ эта

Всѣхъ грозъ, которыя ты испыталъ.

И ты, ты, не разумный, самъ ее накликалъ.

Морозовъ.

Я?.. чѣмъ?.. не понимаю.

Наталья (*отцу*).

Не дослышу,

Что страшно такъ онъ говорить. Лицо

Его ужасно... поблѣднѣлъ Андрей Петровичъ.

Молодой Басмановъ.

Какъ малое дитя, лукавому повѣрилъ,

А тотъ подвелъ тебя въ тенета прямо....

Все слышалъ царь, что ты ни говорилъ.

Морозовъ.

Я знаю самъ.... и шибко испугался,

Когда царя увидѣлъ надъ собой.

Очами грозными сожжетъ, я думалъ;

Напротивъ, милостью меня взыскалъ.

Мнѣ изъ опричниковъ даетъ свободу.

(*Молодой Басмановъ озирается и отводитъ его далѣе*).

Алексѣй Басмановъ.

Дрожить мой сынъ.... не даромъ этотъ задрожить:
Бѣда не малая грозитъ кому-то.

Вяземскій (гордо).

Я знаю лишь про то, да знаетъ царь,

Алексѣй Басмановъ.

Но, видно, сынъ тебя поболѣ знаетъ.

Молодой Басмановъ.

Ты съ радостью отрекся?... Неразумный!
Хоть полукавилъ бы немного! Нѣтъ,
Ты клятву только что сказалъ царю:
Служить опричникомъ и ей не измѣнять;
Опричники тебѣ лишь только возвратили
Твое добро, невѣсту, честь: ты въ мигъ
Одинъ все это по забылъ!... И не таковъ,
Какъ Грозный нашъ, будь я на мѣстѣ этомъ,
Тебя-бъ не пощадилъ!... Но царь щадить....
Не спрашивай за что.... довольно, что щадить.
И голова твоя еще на плечахъ!
Но слушай, слушай.... слово роковое.
Оно послѣднее; въ немъ жизнь и смерть
Твоя. И говорить тебѣ его
Басмановъ.... помни, тотъ, кого ты спасъ
Отъ плѣна и позора.

Морозовъ.

Говори.

Что можно сдѣлать, сдѣлаю; обиды
Лишь чести не было-бъ ни чьей. Ты знаешь
Меня.

Молодой Басмановъ.

Эхъ! случаи бываютъ въ жизни:
Казаться можетъ сгоряча обидой
И то, что сущій вздоръ.... Иной разъ ѣдешь
Лугами по зарѣ, и путь коню,
Разлившись широко, заставилъ токъ:
Подъѣдешь ближе — паръ туманный!

Морозовъ.

Говори.

Молодой Басмановъ.

Послушайся меня!... Опричникъ ты еще,
Опричникъ, связанный и клятвой грозной,
И благодарностью, и царской волей:
Такъ покорись!... Яснѣе говорить
Тебѣ не смѣю.... Сдѣлалъ я свое,
А тамъ.... свое твори! Ты не дитя!

(Громко). Теперь и я примусь за пированье!

*(Садится за столъ на мѣсто, которое ему даютъ
Вяземскій и Алексѣй Басмановъ. Морозовъ въ раз-
думьи садится на сзое).*

Скорѣе, чашникъ, мнѣ стопу такую,
Чтобы въ ней помѣстилось все вино,
Что нынче выпито у васъ. ●

(Чашникъ подаетъ ему огромную стопу).

Вяземскій.

Одинъ....

Два.... три.... четыре.... десять.... и тринадцать!
Теперь тринадцать насъ сидитъ!

Алексѣй Басмановъ.

Тринадцать?...

Нѣсколько голосовъ.

Ровнехонько!... тринадцать!... Быть бѣдѣ!... ●

Вяземскій.

На чью-то голову падеть?

Молодой Басмановъ.

Такъ на свою

Накликалъ, вѣщій воронъ!

(Выкидываетъ его изъ за стола черезъ скамейку).

Вяземскій *(вставая)*.

Берегись,

Чтобы на голову не пало шептуна.

*(Всѣ въ страхъ встаютъ изъ-за стола, кромя Моро-
зова и Натальи; она крѣпко прижимается къ нему).*

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ТѢЖЕ И ВАСИЛІЙ ГРЯЗНЫЙ.

ВАСИЛІЙ ГРЯЗНЫЙ (*кланяясь на три
стороны*).

Бесѣдѣ честной низко кланяюсь;
А повобрачнымъ трижды три поклона.
Имъ долго жить и дѣтокъ народить,
Чтобы въ хоромнахъ тѣсенько было
И шумно, словно въ ульѣ матеромъ.

Морозовъ.

Благодарю, неожиданный гость! На пирь,
Или по дѣлу къ намъ пожаловалъ?

Василій Грязный.

По дѣлу,

Андрей Петровичъ, отъ царя. Ему сказали
О красотѣ супружницы твоей:
Ее онъ хочетъ видѣть.

Морозовъ.

Да такой

Она во снѣ не ждала благодати!...
Мать съ гордостью о томъ дѣтямъ раскажетъ.
Когда жъ?

Василій Грязный.

Сейчасъ, со мной.

Морозовъ (*беретъ Наталью за руку*).

Пойдемъ.

Василій Грязный.

Одну ее онъ хочетъ видѣть.

Морозовъ.

Безъ меня?...

Василій Грязный.

Одну, лишь съ посаженной матерью.

Морозовъ.

Одну?... Не въ басурманской мы живемъ землѣ!...
Одну?... И я иду: Богъ сочеталъ,
Не разлучаетъ человѣкъ!

ВАСИЛІЙ ГРЯЗНЫЙ.
Тебѣ

Не приказалъ.

МОРОЗОВЪ.

Не слушаю!

МОЛОДОЙ БАСМАНОВЪ (*отводя его въ сторону*).

Останься;

Онъ только хочетъ испытать тебя.

Послушайся меня ты, ради Бога!

(*Морозовъ задумывается*).

ПОСАЖЕНАЯ МАТЬ (*Наталья*).

Что-жь ты, голубушка?... Вѣдь не простой зовешь!

НАТАЛЬЯ.

Андрей Петровичъ, не оставь меня;

Ты знаешь самъ опричниковъ законъ.

МОРОЗОВЪ (*возвратившись къ Наталье*).

Всѣ.... други, не други.... всѣ въ заговорѣ!

Хотя бы мать пришла и запрещала

Идти, идемъ!

НАТАЛЬЯ.

Съ тобою — хоть на смерть!

МОРОЗОВЪ.

Такъ пусть велятъ насъ разлучить мечамъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢЖЕ, МОРОЗОВА И ЗАХАРЬЕВЦА.

МОРОЗОВА.

Гдѣ жъ онъ?...

Андрюша!... Ты ль родной?... Охъ ты опричникъ!

(*Падаетъ безъ чувствъ въ объятія сына; между тѣмъ Грязный, Влазжскій и другіе опричники уносятъ Наталью; свадебный поѣздъ расходится.*)

НАТАЛЬЯ.

А!... помоги!... спаси, Андрей Петровичъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Морозовъ, Морозова, Захарьевна и Князь Жемчужный.

Морозовъ.

О Господи! не умерла ль она?

(Съ помощію Жемчужнаго, кладетъ мать на скамейку къ столу, и старается привести ее въ чувство.)

Захарьевна.

Была все въ заключеніи, лишь теперь,
По милости своей, Басмановъ молодой
Освободилъ. Вѣдь не пила, не ѣла
Ужъ сколько сутокъ!.. Можетъ быть, съ того
И приключилось ей...

Морозовъ *(плачетъ надъ матерью, потомъ, прійдя въ себя, озарается).*

Чей крикъ я слышалъ?

Просила помощи?... Наталья гдѣ?...

Мать умираетъ! увели Наталью!...

Иду! *(Жемчужному)*. Передаю тебѣ ее,

Живую или мертвую. Прощай!

Во всякомъ случаѣ, въ родной землѣ,

Въ святой Москвѣ насъ схорони!..

Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Морозова.

Князь Жемчужный *(прикладывая руку къ вискамъ и сердцу Морозовой).*

Ужъ, кажется, не оживетъ голубка!

Дай, унесемъ ее въ опочивальню.

(Уноситъ съ Захарьевной Морозову).

(Про себя). Не вижу никакой бѣды!... Все блажь?

Чтобы послушаться насъ, стариковъ!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

(Царскія хоромы съ крытыми переходами, изъ которыхъ сходятъ лѣстница. Вдали церковь. Ночь; полная луна и нѣсколько фонарей въ рукахъ опричниковъ освѣщаютъ предметы.)

Грозный, Вяземскій, оба Басманова, Скуратовъ, Василий Грязный, Наталья, посаженная мать и нѣсколько опричниковъ.

(Наталью Морозову несутъ Вяземскій, Василий Грязный и опричникъ, они останавливаются у крыльца при видѣ Грознаго.)

Грозный,

Остановитесь здѣсь!.. Голубкѣ сизой
На время, братья, развяжите крылья. *(Оглядываетъ Морозову.)*
Такой

Красавицы въ свой вѣкъ не видѣль...
Какъ будто слѣплена изъ первоснѣга
И облита зарею Божьей!... Жаль!...
Не брачныя утѣхи ждутъ ее;
Не припадетъ дитя къ ея груди —
Увянуть суждено въ пустынной кельѣ!
Парчу и шелкъ замѣнить власяница,
Сбѣжить румянецъ съ щекъ, потухнетъ взглядъ
И на устахъ, какъ макъ пунцовый нынѣ,
Земля могильная наляжетъ вкорѣ

Наталья Морозова.

Что Господомъ моимъ мнѣ суждено,
Того и ты, владыка, не измѣнишь.

Грозный.

И дыкъ не лучше бы тебя сказалъ!...
Теперь Морозова ко мнѣ подайте.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ И ПОСЛѢДНѢЕ.

Тѣже и Морозовъ.

Морозовъ.

Я самъ иду на судъ твой, господине!

Грозный.

Не я, законъ разсудитъ насъ съ тобой!

Ты помнишь ли, когда сюда пришелъ,
Вязалъ ли я тебя, тебя ль неволилъ,
Служить опричинѣ я-ль вынуждалъ?

Морозовъ.

Я самъ пришелъ и клятву добровольно
Въ безумьи произнесъ. — Могу-ль забыть?
До гробовой доски клеймомъ позорнымъ
На сердцѣ выжжена она!...

Грозный.

Но прежде, чѣмъ

Ты поклялся во имя Господа
И страшныхъ силъ Его, грѣхомъ обмана
Я-ль душу постыдилъ свою? — Коль можешь,
Такъ уличи меня!

Морозовъ.

Противъ тебя

Ни сердце, ни уста упрека не находятъ.

Грозный.

Что я сказалъ тогда тебѣ?

Морозовъ.

Что если

Обѣтъ нарушу, съ головой прощусь;
Не выручатъ ни други, ни заслуги,
Не скроюся ни подъ полой твоей,
Ни въ храмѣ Божьемъ не найду защиты.

Грозный.

Такъ вѣрно помнишь ты мои слова,
Какъ будто бы читалъ: помилуй, Боже!
Потомъ?..

Морозовъ.

Пока давалъ обѣтъ я, братья
Прикрыли голову мою ножами
Въ залогъ того, что не задумается мечъ
Снести ее, лишь только мысль измѣны
Родится въ ней.

Грозный.

Что жъ далѣе?

МОРОЗОВЪ.
Вели

Снести ее!...

Грозный.

Не я, ты самъ свой судъ

Изрекъ.

МОРОЗОВЪ.

Приспѣлъ мой часъ; прощай, Наталья!

У Бога свидимся... Причины — тамъ нѣтъ!

(Обнимаетъ Наталью.)

Грозный.

Опричники! еще не прокричалъ намъ пѣтель
Часа полночнаго, а онъ — измѣнникъ дважды!

Вы видѣли, двухъ малыхъ испытаній,
И тѣхъ не снесъ: какой же онъ опричникъ?..

Вы слышали? надъ вамъ посмѣялся

И бросилъ мнѣ въ лицо, владыки своему,

Обидное, и равному, сомнѣнье...

Теперь съ нимъ вольны дѣлать по закону!... *(Уходитъ.)*

*(Маюта Скуратовъ, Вяземскій, Грязный, Алексѣй
Басмановъ и прочіе опричники, кромѣ молодаго Бас-
манова, бросаясь на Морозова, поражаютъ его ножами.)*

Измѣнникъ онъ!... Умри!... Умри, измѣнникъ!

Молодой Басмановъ *(стоитъ въ отда-
леніи закрывъ глаза руками).*

Наталья Морозова *(бросается къ мужу,
и попадаетъ подъ ножъ Грязнаго).*

Нѣтъ, не разстанусь я съ тобой!

Грязный.

Злодѣйка!

Сама подъ ножъ какъ ловко подвернулась!...

Наталья Морозова.

Благодарю. Господь!... ты сочеталъ

Насъ на землѣ... и тамъ...

МОРОЗОВЪ.

Прими... обоихъ вмѣстѣ!

И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Спалъ я средь думы тяжелой, мучительной,
Вдругъ оковахъ меня сонъ,
Сонъ необычный, глубокий, томительный,
Смерти подобенъ былъ онъ.
Духъ мой, свободный, тѣлеснаго бремени,
Плоти тяжелыхъ оковъ,
Узы расторгнулъ пространства и времени,
Рѣялъ въ пучинѣ вѣковъ,
Вольною птицей парилъ въ безконечности.
Полный невиданныхъ силъ,
Духъ безтѣлесный, пыталъ я у вѣчности,
Тайнъ бытія и могилъ.
Въ быстромъ полетѣ исчезло значеніе,
Память о часѣхъ и днѣхъ;
Жизнь человѣчества, въ чудномъ видѣніи
Снова свершалась при мнѣ.
Стройной толпою неслися событія,
Были забытыхъ временъ.
Вижу я, вижу исходъ и развитіе
Жизни различныхъ племенъ,
Родъ человѣческій въ вѣчномъ стремленіи
Къ цѣлямъ безвѣстнымъ Творца,
Подвиги доблести, тьму заблужденія,
Вижу я споръ безъ конца
Съ грубой матеріей духа безплотнаго,
Вѣчно живую борьбу
Права и разума съ силой животною,
Ихъ роковую судьбу.

Въ темномъ ущельи Кавказа громаднаго
Вижу я кровь на землѣ.
Жертва насилья и гнѣва нещаднаго,
Кто-то прикованъ къ скалѣ.

Тайно свершилося дѣло ужасное,
 Тайно, вдали отъ людей.
 Цѣпи желѣзныя въ тѣло несчастнаго
 Въѣлись до самыхъ костей.
 Низкій прислужникъ позорнаго мщенія,
 Грудь его коршунъ терзалъ;
 Но не сломило страдальца мученіе,
 Молча герой умиралъ.
 Взоръ не утратилъ возвышенной твердости,
 Мнилось, еще онъ грозилъ;
 Столько въ немъ было убійственной гордости,
 Столько отваги и силъ!
 Столько въ немъ было презрѣнья къ насилию,
 Къ злобѣ могучихъ враговъ!
 Плакать былъ долженъ палачъ отъ безсилія
 Съ скрежетомъ ярымъ зубовъ.

Вижу я башни Шалима высокаго
 Храмомъ увѣнчанъ Сионъ.
 Вижу на темѣ холма недалекаго
 Кто-то къ кресту пригвожденъ.
 Страшно распятаго было страданіе,
 Кровью лицо затекло,
 Тѣло, въ недавнихъ слѣдахъ поруганія,
 Тяжестью къ низу влекло.
 Съ дикимъ довольствомъ толпа безтолковая
 Глупо зѣвала на крестъ,
 Злая насмѣшка или слово суровое
 Слышались часомъ окрестъ.
 Было, однакоже, что-то угрюмое
 Въ этой толпѣ предъ крестомъ;
 Каждый, казалось, занять былъ думою,
 Мыслью тяжелой о томъ,
 Какъ и за что осужденъ на пропятіе
 Этотъ цѣлитель слѣпыхъ,
 Онъ, возвѣстившій, что люди всѣ братія,
 Чуждый стяжаній земныхъ.
 Только одни фарисей лукавые,
 Жадно тѣсняся впередъ,
 Нагло плевалъ на раны кровавыя,
 Къ мести вызывая народъ:

Радуйтесь, людіе, казни хулителя,
 Кѣмъ оскорбленъ былъ Сіонъ:
 Вотъ онъ, не вѣрившій вашимъ учителямъ,
 Между воровъ пригвожденъ;
 Вотъ онъ, цѣлившій въ субботу болящаго,
 Вотъ онъ, защитникъ блудницъ,
 Бойтеса, люди, Иеговы разящаго,
 Нѣтъ его мести границъ.
 И на страдальца толпа уstraшенная
 Глухо роптала кругомъ.
 Тихо склонилъ онъ чело измозженное
 Жгущимъ терновымъ вѣнцомъ;
 Но и въ предсмертной истомѣ мученія,
 Въ кроткихъ страдальца очахъ,
 Было такъ много любви и прощенія,
 Слезъ о своихъ палачахъ!...

Вотъ она, доля ихъ, доля жестокая,
 Доля великая ихъ,
 Чудныхъ пришельцевъ изъ міра далекаго,
 Правды пророковъ святыхъ.
 Нѣтъ вамъ пощады до крова могопльнаго,
 Истины вѣчной сыны,
 Низостью слабago мщенію сильнаго
 Будете вы преданы!
 Божьяго свѣта и правды вонтели,
 Въ мірѣ наспій и зла,
 Ждетъ васъ, избранники, крестъ Искушителя
 Иль Прометеея сказа!

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

АВСТРІЯ СО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

Статья первая.

Конгрессомъ 1815 года Австрія была возведена на степень первенствующихъ европейскихъ державъ, съ правомъ предсѣдательства на сеймѣ германскаго союза. Изъ послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ ли сдѣлать заключеніе, что государство это содержитъ въ себѣ чисто германскій элементъ, что ядро его населенія, какъ напримѣръ въ Россіи, Франціи, Англіи беретъ перевѣсъ надъ прочими народностями, входящими въ его составъ? На это можно отвѣчать утвердительно только тогда, когда примемъ во вниманіе чисто германское правительство Австріи и династію его представляющую. Здѣсь преданіе, направленіе и языкъ — чисто германскаго начала и развитія. Но разсматривая австрійскую имперію со стороны элементовъ, ее составляющихъ, если сравнить число жителей германскаго происхожденія, съ прочими племенами, входящими въ ея составъ, и такъ судорожно порывающимися заявить свои національныя права, если вникнуть въ смыслъ того лихорадочнаго движенія, которое искони бредило въ отдѣльныхъ народностяхъ Австріи, и еще такъ недавно пожарнымъ заревомъ разливалось во время переворота 1848 года, — то всѣ эти обстоятельства естественно приведутъ насъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ относительно матеріальнаго пе-

ревѣса чисто германскаго элемента въ обширныхъ предѣлахъ австрійской имперіи. Нельзя не отдать всей справедливости изворотливому дипломатизму, холодно-расчетливому уму австрійской политики и администраціи, которыми она умѣла утвердить и поддержать владычество свое надъ племенами въ шестеро многочисленнѣйшими, нежели ея господствующій элементъ. Доказательство ея моральнаго превосходства заключается въ самомъ фактѣ ея владычества. Между тѣмъ племена, признававшія до позднѣйшаго времени преобладаніе надъ собой собственно такъ называемой Австріи, безсильныя противодѣйствовать ей открыто, вдругъ выступили на сцену дѣйствій, и движимыя сознаниемъ своихъ силъ, вдохновенныя идеями вѣка, одни изъ нихъ съ твердостью протестуютъ противъ ея ненормальнаго владычества, другія отказываются служить и развиваться подъ ея знаменемъ. Племена эти, долгое время игравшія роль автоматовъ, страдательно и безответно подчиненныя безусловной ея власти, какъ бы по волшебному мановенію сознали свое племенное значеніе, и германское население Австріи вдругъ увидѣло себя окруженнымъ шестью различными народностями, готовыми оспоривать у ней политическое первенство, готовыми объявить ей свои притязанія или на безусловную независимость, или на равенство отдѣльных племенъ, обитающихъ въ ея границахъ. Эта протестанція вынудила австрійское правительство обнародовать извѣстный законъ — *der Gleichberechtigung*, — законъ о равенствѣ всѣхъ племенъ имперіи, который однакожъ только временно могъ успокоить ея народы.

Трудно, почти невозможно прослѣдить и представить прагматически исторію австрійской имперіи въ какой-бы то нибыло ея эпохѣ. Если, какъ обыкновенно говорятъ, настоящее, объясняется прошедшимъ, то нигдѣ это прошедшее не было такъ намѣренно искажено, представлено въ совершенно ложномъ видѣ, какъ въ Австріи. Исторія этого государства извѣстна гораздо менѣе, чѣмъ исторія другихъ народовъ. Иезуиты, бывшіе долгое время исключительными властелинами Австріи, въ-особенности при Фердинандѣ II, и при Леопольдѣ, съ какою-то непонятной дерзостью, несмы-

ханнымъ безстыдствомъ искажали смыслъ событій до того, что баронъ Гормайеръ, бывшій въ двадцатыхъ годахъ директоромъ вѣнскихъ архивовъ, называетъ предшествующую исторію Австріи *заказнымъ трудомъ, условленною баснею*. Подлогъ и обманъ не изводились на верхнемъ Дунаѣ. Государи, не довольствуясь тѣмъ что управляли этой странной хитростью и грубою силой, хотѣли ввести также въ заблужденіе и будущія поколѣнія тѣмъ, что часто обнародывали подложные акты. Ни одинъ историкъ не могъ пользоваться государственнымъ бумагами даже посредственной важности. Архивы, будто недоступные гробы усоншихъ, находились подъ нарушимою печатью.

«Подлоги — говоритъ Гормайеръ въ своихъ *Anemomen*, — распространенные вѣками, подобно ископаемымъ костямъ, содѣлались какъ бы неизбежны въ исторіи Австріи. Большинство, взросшее на данныхъ фактахъ, не зная ничего болѣе, удивляется, приходитъ даже въ раздраженіе, если хотятъ исправить давнопрошедшія ошибки. Имъ кажется, что хотятъ измѣнить истину, исказить событія собственно изъ страсти къ нововведеніямъ, изъ слѣпаго и враждебнаго увлеченія». — И далѣе онъ сравниваетъ оффиціальныя лѣтописи Австріи съ фабрикой фальшивыхъ монетъ. Если-бъ я явился желающій проникнуть въ этотъ добровольный мракъ бытописаній и разсѣять эти систематическія ошибки, то немолчимый *damnatur* австрійской цензуры, сковавшей всякую благородную мысль, остановилъ бы её въ самомъ началѣ ея проявленія.

Было время, когда это таинственное государство вовсе или мало обращало на себя вниманіе историковъ. Исторія тридцатилѣтней войны знаменитаго поэта, проявившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія (1791), первая обратила вниманіе на Австрію, а драма егo *Валленштейнъ* усилила любопытство, возбужденное уже предшествовавшимъ ей историческимъ трудомъ. Труды Вилльяма Кокса, ¹⁾ *записки графа Никло*, ²⁾ и

1) Исторія австрійскаго дома, 1807 года.

2) *Mémoires du comte Betlem Niclos*, напечатаны въ VI томѣ *Histoire des révolutions de Hongrie*. A La Haye. 1739.

общезвѣстная и болѣе бывшая въ ходу *Исторія революцій въ Венгріи*, ¹⁾ вовсе неудовлетворяютъ тѣмъ потребностямъ, которыя такъ необходимы для познанія исторіи Австріи. При томъ труды эти слишкомъ поверхностны, и преобладаніе въ нихъ анекдотическаго разсказа покрываетъ другой, существеннѣйшій недостатокъ, — историко-политическую судьбу Австріи. Не говоря уже у томъ, что этимъ писателямъ и думать нельзя было проникнуть въ тайники вѣнскихъ архивовъ, имъ не была извѣстна, напримѣръ, книга кардинала Караффы, бывшаго апостольскаго нунція въ Германіи при Фердинандѣ II, этомъ страшномъ гонителѣ протестантовъ, ужасѣ несчастной Чехіи, которая въ вѣсколько лѣтъ потеряла вслѣдствіе его релігіознаго фанатизма, лучшій цвѣтъ своей націи. Книга Караффы, *Germania sacra restaurata*, появившаяся во Франкфуртѣ въ 1641 году, содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ и драгоцѣнныхъ открытій, относящихся къ австрійской политикѣ. Фанатическій Караффа, съ какою-то наивною откровенностію описываетъ ужасныя сцены и пстязанія, производимыя надъ *схизматиками*, и историкъ найдетъ въ его книгѣ множество любопытныхъ данныхъ объ инквизиціонной управѣ Австріи въ несчастныхъ земляхъ славянскихъ и въ Венгріи.

Но совершенно другаго рода извѣстія, взятыя изъ вѣнскихъ архивовъ. Историкъ Ранке въ сочиненіи своемъ объ *Исторіи Германіи во время Реформаціи* пользовался, но только отчасти, и то съ величайшими ограниченіями, извѣстіями этихъ архивовъ. Никто однакожь не принесъ въ этомъ отношеніи столько пользы исторической наукѣ, какъ баронъ Гормайеръ. Назначенный въ 1803 году директоромъ государственныхъ и дворцовыхъ архивовъ династіи Габсбурговъ, онъ, управляя ими втеченіе двадцати пяти лѣтъ, имѣлъ полную возможность узнать настоящую исторію своей родины. Въ 1828 году Людвикъ, король баварскій, предложилъ ему, въ слѣдствіе возникшихъ между имъ и вѣнскимъ дворомъ непріятностей, оставить Австрію и переселиться въ Мюнхенъ. Гормайеръ переѣхалъ границу, но не одинъ: онъ

1) Histoire des révolutions de Hongrie. A La Haye.

перевезъ съ собою какъ страшное, обличительное оружіе своего врага, множество замѣчаній, выписокъ и драгоценныхъ актовъ, списанныхъ съ оригиналовъ, хранившихся въ архивахъ, бывшихъ подъ его вѣдѣніемъ. Часть этихъ документовъ была напечатана имъ въ *Карманной книжъ для отечественной исторіи*, ¹⁾ издававшейся втеченіе почти сорока лѣтъ. Другіе акты были изданы имъ въ его *Анемопен* ²⁾, въ *Lebensbilder aus dem Befreiungskriege* ³⁾, и въ не большомъ отрывкѣ, напечатанномъ послѣ его смерти: *Францъ и Меттернихъ* ⁴⁾. Громадныя изысканія Гормайера, его рѣдкая проницательность, изумительная историческая ученость и начитанность, ставятъ въ непремѣнную необходимость всякаго историка, занимающагося бытописаніемъ австрійской монархіи, прибѣгать къ его изданіямъ не только какъ къ пособію, но и какъ къ непремѣнному источнику. Безъ его содѣйствія, не только исторія Австріи, но и исторія Германіи невозможна.

Историческая изобличительность въ отношеніи къ Австріи, такъ смѣло поднятая Гормайеромъ, нашла себѣ достойнаго подражателя въ дрезденскомъ архивариусѣ, докторѣ *Феезе*. Въ своей *Исторіи германскихъ дворовъ* ⁵⁾ онъ собралъ множество весьма любопытныхъ и дотолѣ неизвѣстныхъ документовъ, которые значительно пополняютъ данныя, представленные Гормайеромъ. Нельзя не упомянуть также о панегриствѣ габсбургскаго дома, знаменитомъ Гуртерѣ. Въ его исторіи о Фердинандѣ II ⁶⁾ онъ невольно коснулся такихъ событій, подтвердивъ ихъ документами, что раскрылъ ими факты невѣроятныхъ истязаній, преступныхъ замысловъ и

1) Taschenbuch für vaterländische Geschichte. Штутгартъ, съ 1830 г.

2) Четыре части, въ Ленѣ, съ 1845—1847 годъ.

3) Въ трехъ частяхъ.

4) Чтобы пополнить списокъ сочиненій и изданій Гормайера упомянемъ еще объ его *Исторіи Вльы, Австрійскомъ Плутархъ* въ двадцати частяхъ, *Историческіе архивы* съ 1810—1823 г., *Исторія Тироля и Всеобщая исторія новѣйшихъ временъ*.

5) Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation. Hamburg. 1851. *Исторія австрійскаго двора и дворянства и австрійской дипломатіи*, называется съ седьмаго тома.

6) Geschichte Kaiser Ferdinands II und seiner Eltern. Schaffhausen. 1857.

возмутительнаго произвола Габсбурговъ, не смотря на то, что сочинитель старается всячески оправдать ихъ дѣйствія. Изъ совокупности этихъ данныхъ, мы будемъ имѣть ниже случай коснуться традиціональной политики Австріи въ отношеніи румынскихъ господарствъ Молдавіи и Валахіи, которыя она, во время занятія ихъ въ 1854 году, всячески старалась удержать за собою.

Изъ ежедневныхъ извѣстій мы видимъ, что современная Австрія вовсе не измѣнила своей исконной политикѣ; но проникнуть въ тайныя ея дѣйствія возможно будетъ только тогда, когда второй Гормайеръ раскроетъ затаенныя пружины, движущія ея частною и общественною жизнью. Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами о достовѣрности исторической австрийской монархіи, достаточно указываютъ въ какой мѣрѣ слѣдуетъ принимать ея стремленіе къ возрожденію народностей, живущихъ въ ея предѣлахъ. Изъ послѣдующаго разсказа неоднократно можно будетъ видѣть, что либеральная вспышка ея послѣ переворота 1848 года, была новымъ расчетомъ — сильнѣе сдавить народности ея подданныхъ и всевозможными средствами сгладить ихъ подъ однимъ господствующимъ германизмомъ.

I.

Въ чемъ и изъ чего состоитъ эта имперія и изъ какихъ живыхъ элементовъ составлено ея цѣлое? Народонаселеніе Австріи простирается до 39 милліоновъ ¹⁾, населяющихъ 12,122 географическихъ квадратныхъ мили. Не смотря на то, что до новѣйшихъ ревизій въ администраціи Австріи не доставало единства дѣйствій въ ревизионномъ контролѣ

1) По официальной цифрѣ 1854 года 39,411,309 душъ.

имперіи, вышеозначенную цифру можно однакожъ принять если не безусловно, по крайней мѣрѣ приблизительно. Обыкновенно австрійская статистика, приступая къ обревизованію государства, старалась выставлять количество народонаселенія по провинціямъ и областямъ и по вѣроисповѣданіямъ, всячески избѣгая показывать наличную силу народностей. Причина этому очевидно заключается въ намѣреніи, устранить всякую возможность сравненія между числомъ нѣмцевъ и количествомъ другихъ народовъ. Но если случалось, что правительство вносило въ статическія вѣдомости числовыя показанія отдѣльныхъ народовъ обитающихъ въ Австріи, то оно постоянно находило средства до такой степени раздѣлять и подраздѣлять на мелкія части эти народности, что совокупность ихъ цѣлаго теряла всякую значительность чрезъ это раздробленіе. Такъ на примѣръ, статистика Австріи изобрѣла въ Галиціи двѣ народности единственно потому, что въ этой области господствуютъ двѣ религіи, смясь увѣрить червоноруссовъ, что они не могутъ имѣть ничего общаго въ племенномъ отношеніи съ поляками, единственно потому, что эти послѣдніе исповѣданія католическаго, а тѣ православнаго. Ту-же уловку правительство употребляетъ и въ отношеніи юго-западныхъ славянъ: иллирійское племя подраздѣляется у него на славянъ или вендовъ, а кроаты отдѣлены совершенно отъ сербовъ. Кто знаетъ, — быть можетъ находчивость австрійскихъ статистиковъ изобрѣтеть и внести въ свои оффиціальныя вѣдомости новый отдѣлъ — военной границы, которой населеніе, простираясь отъ Адриатики до Землина, принадлежитъ къ племени чисто-иллирическому или сербскому. Наконецъ, слѣдуя все-таки способу австрійской ревизіи, въ чехахъ, мор авахъ и словакахъ можно будетъ видѣть три совершенно отдѣльныя племена, и два въ ломбардахъ и венеціанахъ.

Только съ 1848 года оффиціальная статистика Австріи начала обращать серьезное вниманіе на племенной вопросъ имперіи. Впрочемъ правительство нашло уже готовые матеріалы, потому что, разные народы, обитающіе въ Австріи, озаботились гораздо прежде представить наличный составъ своихъ населеній, а также и производительность каждой

области. Само правительство незамедлительно обнародовать статистическія данныя, изъ которыхъ число нѣмцевъ, населяющихъ австрійскую имперію простирается до 7,980,920 ¹⁾. По тѣмъ же самымъ даннымъ славянское население Австріи простирается до 15,170,602. Это население является въ трехъ главныхъ группахъ: польской въ Галиціи, чешской въ Богеміи, Моравіи и сѣверной Венгріи (словаки), и наконецъ иллирійской или южно-славянской, къ которой отчислены штирійцы, карніольцы, каринтіицы, далматы, кроаты, словенцы и сирміицы. Итальянское население Ломбардо-Венеціи представляетъ цифру въ 5,063,575 душъ; но въ это число не входятъ жители Фріуля, перемѣшанные почти на половину съ славянскимъ племенемъ, и которыхъ число простирается до 393,954 душъ. Румынское племя, обитающее въ карпатскихъ альпахъ, составляетъ почти исключительное население Трансильваніи, Буковины и отчасти Баната и представляетъ массу народа въ 2,686,492 душъ. Мадырское или венгерское население, вмѣстѣ съ секлерами, восходитъ до 5,418,773. Остальное население австрійской имперіи составляютъ жидаы въ числѣ 747,891, незначительное количество армянъ, албанцевъ, грековъ и болгаръ, которыхъ цифра не вполне извѣстна, и наконецъ цыгане, не превышающіе 100,000 душъ.

Каждое изъ этихъ племенъ рѣзко отмѣчено своеобычностью и особенностями. Одно только славянское племя, растянутое сплошною массой отъ устья Котора до предѣловъ червонорусскихъ не смотря на мѣстныя подраздѣленія, обладаетъ самымъ существеннѣйшимъ даннмъ междуплеменнаго сближенія. Остальные же племена не связаны никакими узамп. Между итальянцами и мадырами, а также между нѣмцами и румынами не существуетъ ни историческихъ, ни традиціональныхъ связей, и въ недавнее еще время ломбардо-венеціане узнали, что на восточныхъ предѣлахъ имперіи

1) Въ это самое число вошло также 1,156,400 душъ нѣмцевъ, живущихъ въ Венгріи, 1,727,950 обитающихъ въ Богеміи и до двухъ милліоновъ разселенныхъ по Штирии, Каринтіи, по набережью Адриатическаго моря, въ Галиціи, Трансильваніи и отчасти на Военной границѣ. Но надобно замѣтить, что изъ нихъ только живущіе по городамъ отдѣльными общинами, сохранили чисто-нѣмецкую свою національность.

существуетъ народъ, близкій по языку къ Италиі, и имеющей себя румынами.

Если династія Габсбурговъ чисто нѣмецкаго происхожденія, то она особенно въ послѣднее время пыталась, или принимала на себя видъ попытки отдѣлиться отъ анти-нѣмецкихъ направленій правительства и администраціи. Среди многочисленныхъ членовъ этого семейства, каждый изъ нихъ игралъ до переворота 1848 года отдѣльную, самостоятельную роль въ отношеніи различныхъ народовъ имперіи, и главнѣйшее ихъ значеніе было — сочувствовать съ виду потребностямъ этихъ народовъ, входить въ разбирательство ихъ требованій относительно поправленныхъ правъ, и употреблять всѣ усилія къ сохраненію ихъ уваженія и покорности къ царствующей династіи. Въ то время, когда на Меттерниха со всѣхъ сторонъ сыпались явныя и тайныя обвиненія недовольныхъ, эрцгерцоги и императоръ не переставали пользоваться популярностью или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Для доказательства вспомнимъ, какое значеніе имѣлъ, какимъ почетомъ былъ окруженъ въ Венгріи эрцгерцогъ Иосифъ, и послѣ него сынъ его, эрцгерцогъ Стефанъ. Оба они одинъ за другимъ, управляли Венгріей. Преданность къ эрцгерцогу Стефану доходила до того, что тѣ самые венгры, которые такъ не удачно и не расчитанно подняли оружіе противъ императора, готовы были положить жизнь свою за Стефана, о которомъ отзывались съ любовью и безграничнымъ почетомъ.

Домъ Габсбурговъ неоднократно подвергался испытаніямъ и ударамъ судьбы, особенно со времени Маріи-Терезіи. Въ эпоху Наполеона I, приведшаго, рядомъ побѣдъ, къ окончательному разрушенію германскій союзъ, Австрія сама явилась на краю гибели. Но никогда Габсбурги не были окружены столь существенными опасностями, какъ въ 1848 и 1849 годахъ. Императоръ Фердинандъ, котораго такъ выхваляли честность, сдержанность и правоту, не былъ въ силахъ бороться съ возставшей бурей. Убѣжавъ изъ возмущеннейшей столицы, онъ рѣшился сложить съ себя государственное бремя. Первая мысль этого отреченія, какъ увѣ-

ряютъ, пришла императрица Маріанѣ, женщиной богомольной и благочестивой, но слабой и безхарактерной, для которой императорскій вѣнецъ не имѣлъ особеннаго честолюбиваго значенія. У Фердинанда и Маріаны не было дѣтей, и вѣнецъ имперіи, по наследственному праву, долженствовали перейти къ брату его, эрцгерцогу Францу-Карлу, который въ свою очередь отказался отъ правленія, по причинѣ старости. При этихъ обстоятельствахъ на престолъ Австріи возвели юношу, котораго молодость, какъ надѣялись, могла бы искупить черствую, одервенѣлую рутину старыхъ Габсбурговъ и возродить Австрію на новыхъ началахъ, какъ политическихъ, такъ и административныхъ. Мысль эта, какъ увѣряютъ, принадлежитъ эрцгерцогинѣ Софіи, супругѣ Франца-Карла, которая добровольно принесла ей въ жертву императорскую корону. Софію поддерживали впрочемъ и главнѣйшіе представители Австріи, собранные по этому случаю на верховный совѣтъ, и между ними болѣе всѣхъ отличился банъ Йеллачичъ, думая, что новое правительство станетъ содѣйствовать всѣми мѣрами къ нравственному возрожденію имперіи, къ которому и самъ онъ стремился. Въ то самое время, когда императоръ Фердинандъ слагалъ съ себя корону въ пользу брата своего Франца-Карла, этотъ послѣдній уступалъ въ свою очередь права на имперію сыну своему, Францу-Йосифу, имѣвшему въ то время не болѣе восемнадцати лѣтъ. Избраніе это обнародовано было 2-го декабря 1848 года въ Ольмюцѣ, гдѣ въ то время находился дворъ, въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, которыя позволили бы ему возвратиться въ Вѣну.

Новое царствованіе, начатое среди революціоннаго разгара, во время итальянской войны, предшествуемое только не многими днями возстанію венгровъ, было принято болѣею частію имперіи, какъ знаменательное событіе новой эры. Францъ-Йосифъ, руководимый ловкими политиками, успѣвши выступить на встрѣчу всеобщихъ желаній, послѣдшилъ провозгласить знаменитый законъ племеннаго равенства, — *Gesetz der Gleichberechtigung*, во имя котораго многочисленнѣйшая часть Австріи, славяне, единодушно приняли сторону своихъ поработителей и массою возстали противъ

венгровъ. Увидимъ чѣмъ возблагодарила ихъ съ своей стороны спасенная ими Австрія.

Манифестъ Франца-Иосифа, обнародованный 2-го декабря, принять былъ съ восторгомъ славянскими народами Австріи. Въ немъ они видѣли наконецъ осуществленіе своихъ душевныхъ мыслей и надеждъ. «Полагая въ основаніе нашего царствованія свободу, — говорилъ молодой императоръ, — принимая начало равенства правъ всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ нашей имперіи, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, признавая права представителей народа, призванныхъ на помощь нашему правленію, — отечество наше незамедлитъ обрѣсти древнюю свою славу. Зданіе, которое станемъ воздвигать при подобномъ содѣйствіи, не убоится бурь нашего, столь труднаго времени, и подобно обширному, шатру пріютитъ подѣ покровительствомъ нашего прародительскаго скипетра различные народы, которыми управлять мы гордимся.» Такъ говорилъ юный императоръ народамъ, нетерпѣливо ожидавшимъ узнать, чѣмъ онъ возблагодаритъ ихъ вѣрность. Что касается Италіи, очевидно было, что только военная сила въ состояніи возстановитъ связи, которыя приковывали ее къ Австріи. Венгрія же могла въ свою очередь успокоиться однимъ присоединеніемъ къ ней Трансильваніи и Кроаціи. Племенное равенство раздражало еще болѣе венгровъ и усилило ихъ ненависть къ имперіи; но съ другой стороны оно привело, какъ мы сказали, въ восторгъ пятнадцать милліоновъ славянъ, стремившихся къ уравниенію своихъ правъ, съ правами нѣмцевъ.

Закрытіе кремсіерскаго сѣзда, и дарованіе новой конституціи ¹⁾ на мѣсто той, которая долженствовала быть предложенною въ мартѣ 1849 года, охладил нѣсколько восторгъ, возбужденный началомъ новаго царствованія. Само правительство не безъ ужаса увидѣло, что централизація должна рушиться, и что провинциализмъ, долженствовавшій быть основой совѣщательнаго сѣзда въ Кремсіерѣ, возбудитъ съ большею силой и въ большей мѣрѣ мѣстный патриотизмъ

1) Конституція 4-го марта.

областей. Эта мѣра правительства, устранявшая дальнѣйшее развитіе новой конституціи, ближе всего касалась славянъ и румыновъ, которые, ставъ въ защиту габсбургскаго дома, въ правѣ были ожидать благодарности новаго правительства. Уныніе овладѣло этими племенами, поднявшими оружіе противъ мадарскаго возстанія. Это самое уныніе было отчасти причиной временнаго успѣха венгерскаго оружія. Выпнувъ однакожь нѣсколько въ смыслъ новой конституціи, ясно можно видѣть, что если ея буквальный смыслъ могъ быть примѣненъ къ гражданской жизни славяно-румыновъ, эти послѣдніе все таки остались бы въ выигрышѣ ¹⁾. Притомъ же два эти народа, видя устраненіе давліющаго преобладанія венгровъ, обнадеживали себя тѣмъ, что Австрія не останется неблагодарною къ заслугамъ, которыя они ей оказали. Но не смотря на это, слѣдовало еще разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ будетъ примѣнена конституція 4-го марта? Само правительство не менѣе племень ему подвластныхъ, было озабочено этою мыслию, и положеніе его въ этомъ случаѣ было въ высшей степени загадочнымъ. Тогда вся мысль, все направленіе австрійскаго кабинета олицетворялись въ человѣкѣ твердаго характера и воли, въ князѣ Шварценбергѣ, министрѣ иностранныхъ дѣлъ и председателѣ государственнаго совѣта. При содѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ, Баха, и юстиціи, Шмерлинга, Феликсъ Шварценбергъ болѣе всего старался упрочить за нѣмецкимъ племенемъ первенство въ новомъ преобразованіи австрійской имперіи, и слѣдуя этой мысли, онъ всѣми силами приготовился къ борьбѣ съ провинціализмомъ. Впрочемъ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что стремленіе князя Шварценберга было возстановить во всей силѣ безусловную власть императора въ прежней ея формѣ; напротивъ, намѣреніе его было признать буквальный смыслъ конституціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ, чтобы эта конституція, вмѣсто того, чтобы развивать идею провинціализма, облегчила централизацію. Шварценбергъ отнюдь не отвергалъ конституціоннаго

1) Конституція 4-го марта 1849 года обѣщала разнымъ племенамъ, обитающимъ въ Австріи, провинціальную свободу.

начала, но былъ той мысли, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало приступать къ его примѣненію пока административное единство не скрѣпитъ отдѣльныя области, и такимъ образомъ не обезпечить имперію отъ могущихъ произойти неурядиць. Онъ полагалъ утвердить сначала централизацію и затѣмъ ввести конституціонное правленіе. Новое министерство начало съ того, что стало примѣнять конституцію 4-го марта въ области гражданскаго права, имѣя въ виду установить новый порядокъ судопроизводства, вмѣсто существовавшаго дотолѣ хаоса феодальныхъ законовъ.

Со времени возмущенія въ 1846 году крестьянъ въ Галліціи, взаимныя отношенія ихъ и помѣщиковъ содѣлались предметомъ особеннаго вниманія со стороны правительства. Не смотря на это, окончательное рѣшеніе освободить крестьянъ, съ надѣломъ земель, было принято только съ 1848 года. Освобожденіе крестьянъ не повлекло однакожъ за собою окончательнаго уничтоженія барщины и десятины. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, Дублгофъ, предложилъ законъ вознагражденія или выкупа, что вполне соответствовало смыслу конституціи 4-го марта 1849 года. Это былъ первый шагъ, сдѣланный правительствомъ къ введенію единства въ законодательствѣ, потому что областныя законоположенія, оставшіяся во всей силѣ съ 1848 года естественно истекали изъ поземельной организаціи каждой области отдѣльно. Феодальное начало господствовало болѣе или менѣе въ этихъ областяхъ, за исключеніемъ Ломбардо-Венеціи, гдѣ временное французское владычество, можно сказать, искоренило всякое поземельное владѣніе на правѣ феодальной ленности. Но съ другой стороны отдѣльныя австрійскія провинціи имѣли свои общіе законы. Переворотъ 1849 года, давшій министерству возможность и даже силу устранить разнообразіе областныхъ узаконеній, былъ для него, такъ сказать, неожиданной находкой. Отъ него зависѣло уничтожить весь существовавшій дотолѣ порядокъ и съизнова поднять административное зданіе имперіи на новыхъ началахъ, предписанныхъ конституціей.

Въ то время, когда министерство приступило къ обнародованію провинціальныхъ уложеній, партія федералистовъ,

видя что ея надежды исчезали, начала въ свою очередь сильно волюноваться. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей Чехіи, игравшій важную роль на вѣнскомъ сеймѣ, исторіографъ Богеміи Францъ Палацкій, былъ авторомъ проекта относительно предполагаемой федерализаціи австрійскихъ областей. «Что было для чеховъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ религиозное чувство», — говорилъ Палацкій, — «то самое составляетъ для нихъ въ настоящее время чувство народности. Чтобы ни предпринимали для того, чтобы остановить это направленіе, оно остановится только тогда, когда достигнетъ своей цѣли. Начало племеннаго равенства восторжествуетъ во всѣхъ движеніяхъ общественной жизни. Два вѣка тому назадъ, народы почти цѣлой Европы выдержали долголѣтнюю и упорную борьбу, чтобы пріобрѣсти равенство правъ между различными вѣроисповѣданіями; неужели правительство желаетъ, чтобы идея свободнаго развитія народностей возобновила въ наше время ужасное кровопролитіе, вызванное въ тридцатилѣтнюю войну религиозными распрями? Печальный примѣръ тому мы видѣли въ 1848 году, и надѣемся, что кровавая прелюдія остановится на этомъ, но остановится тогда, когда будетъ утверждено и признано равенство правъ между народами. Для этого необходимо, чтобы ни одинъ народъ австрійской имперіи не имѣлъ исключительнаго преимущества надъ другимъ. Всякое преимущество какой-либо области или народа должно быть разсматриваемо какъ формальная несправедливость, какъ нарушеніе правъ. Слѣдовательно, всякая гегемонія нѣмца надъ славянномъ излишня и не должна входить въ область мѣръ государственныхъ. Централизація для Австріи неумѣстна, неразумна, она поведетъ къ деспотизму, къ войнѣ.»

Палацкій не ограничился этимъ. Онъ предложилъ проектъ, котораго примѣненіе было бы полнѣйшимъ осуществленіемъ федеративныхъ идей, и слѣдовательно, было бы совершеннымъ противорѣчіемъ намѣреніямъ новаго министерства. Онъ требовалъ, чтобы правительство предоставило каждому народу права, которыя сходились бы и не разнорѣчали съ общими правами имперіи, на чемъ упрочилось бы единство послѣдней. Что же касается центральной власти, то ей пре-

доставлялись высшія инстанціи отдѣльныхъ вѣдомствъ, какъ-то: министерство финансовъ, военное, морское, иностранныхъ дѣлъ и коммерціи. Палацкій предлагалъ также, чтобы министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и просвѣщенія были бы, если неполнѣ отмѣнены и закрыты, по крайней мѣрѣ, значительно ограничены въ кругѣ своихъ дѣйствій и замѣнены развитіемъ относительныхъ имъ вѣдомствъ въ каждой націи, входившей въ составъ Австріи, т. е., чтобы власти исполнительная, административная и мѣры народнаго образованія были бы предоставлены отдѣльнымъ областямъ имперіи. Число этихъ отдѣльныхъ министерствъ соотвѣтствовало числу народностей Австріи, т. е., для нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ, мадаръ, румыновъ, иллирійцевъ или южныхъ славянъ и итальянцевъ. Каждый изъ министровъ долженствовалъ имѣть свое мѣстопробываніе въ областномъ городѣ съ правомъ собирать мѣстный сеймъ и имѣть въ своемъ вѣдѣніи кассационный судъ. Это предложеніе Палацкаго вызвало самыя жаркіе споры со стороны федеративной партіи. Органъ кроатской народности, *Славянский южъ* рѣзко протестовалъ въ пользу первенства славянскаго племени, и слѣдующія его строки съ жадностью читались въ свое время иллирійскимъ населеніемъ: «нѣмцы удивляются, говоритъ этотъ журналъ, видя, какъ эти славянскіе дикари — diese slavische Wildlinge, — требуютъ правъ. Они возражаютъ намъ, что мы еще не созрѣли для гражданской свободы, что для насъ необходима опека нѣмцевъ. Мы отвѣчаемъ, что напротивъ, славяне призваны принять на себя опеку надъ нѣмецкимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ Австріи, потому что одни славяне подняли и въ состояніи поддерживать скипетръ Габсбурговъ, и только подъ тѣмъ условіемъ будутъ продолжать поддерживать его, если Австрія устранитъ всякое преобладаніе одного племени надъ другимъ. Славянинъ никогда не подчинится стремленію пангерманизма, и если эти стремленія будутъ приведены въ дѣйствіе, то возбуждать собою тотъ панславизмъ, который такъ страшенъ не только для Австріи, но и для Германіи. Эта послѣдняя громко кричитъ о восстановленіи одной цѣлой Германіи; почему же отнимать у насъ право желать одной цѣлой федераціи славянской? Каждый

народъ спасаетъ себя отъ гибели всевозможными средствами, а въ Австріи единственный признакъ жизни, которымъ она еще дышетъ, это духъ славянскихъ народностей, самый живучій элементъ въ ея владѣніяхъ. Чѣмъ болѣе Австрія дѣлается германскою, тѣмъ болѣе торопитъ славягъ къ панславизму. Стремленіе Австріи къ централизаціи влечетъ къ онѣмеченію, а это послѣднее насиліе племень не можетъ быть принято славянами, какъ не было принято ими преобладаніе мадарскаго элемента. Безъ сомнѣнія, если бы въ минуту ихъ торжества, славяне слѣдовали эгонистической политикѣ, то они не замедлили бы образовать въ Австріи славянскую централизацію. Но этотъ способъ преобладанія одного племени надъ другимъ не въ духѣ славянства. Славянинъ не ищетъ подчинить слабого сильному, не ищетъ вышатайся надъ развалинами побѣжденныхъ. Онъ желаетъ всѣмъ свободы. Поэтому централизація въ Австріи несомнѣтна съ подобнаго рода свободой. Примѣръ еще свѣжъ: мадаре погибли и погубили свою родину потому только, что хотѣли насъ омадарить. Если вѣнскій кабинетъ станетъ упорствовать въ намѣреніи своемъ онѣмечить славянскіе народы, то гибель Австріи сдѣлается неизбежною.»

Смѣлый голосъ югославянскихъ публицистовъ заставилъ австрійское министерство на минуту усомниться въ успѣхѣ своего предпріятія. Очевидно, что эта демонстрація была не безъ вліянія на установленіе провинціальныхъ учреждений въ Крoаціи; но идеи централизаціи явно высказывались также въ этомъ областномъ устройствѣ, послѣдовавшемъ въ январѣ и февралѣ 1850 года. Нельзя отрицать, чтобы провинціальное законодательство, которое Австрія хотѣла ввести въ свои области, не было бы въ сущности своей либеральнымъ. Каждой провинці назначалось особенное народное собраніе, въ составъ котораго входили представители всѣхъ сословій общества, депутаты, какъ дворянства, такъ и купчества и ремесленниковъ.

Партія федералистовъ требовала, чтобы Австрія была раздѣлена на семь отдѣльныхъ администрацій, соотвѣтственныхъ семи различнымъ народамъ, входящимъ въ ея составъ,

на что новое министерство не только что изъявило свое согласіе, но даже предложило увеличить число областныхъ администрацій и тѣмъ еще болѣе подраздѣлить бывшее до-толѣ раздѣленіе Австріи. Собственно австрійское эрцгерцогство осталось раздѣленнымъ въ прежнемъ своемъ видѣ, то есть, на верхне-энискую Австрію, имѣющую столицей Вѣну, и нижне-энискую. Зальцбургъ, Тироль и Форальбергъ составили двѣ провинціи, которыя вмѣстѣ съ эрцгерцогствомъ должны были представить ядро германской части австрійской имперіи. Партія федералистовъ, состоявшая въ началѣ исключительно изъ славянъ, протестовала противъ рѣшенія министерства раздѣлить въ административномъ отношеніи Штирію, Каринтію, Карніолію и Истрію. Чисто славянское населеніе этихъ провинцій изъявляло желаніе принять общее имя *славянъ*; они желали, кромѣ того, составить одну провинцію, съ Кроаціей, Далмаціей, Славоніей и сербской Воеводиной и слѣдовательно подчинить ихъ однимъ формамъ правленія. Эта мысль округленія юго-славянскаго племени въ Австріи, совпадаетъ съ 1848 годомъ. Что же касается Чехи, которую правительство постоянно держало въ разъединеніи отъ Моравіи и Силезіи, и еще болѣе отъ словаковъ, то эта область, окончательно разочаровалась въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. Конституція эрцгерцогства австрійскаго подписана была 7 января 1850; чешская же 12 февраля того же года.

Оставалось устроить провинціи, которыхъ организація требовала болѣе осторожности и предусмотрительности, именно: Ломбардо-Венецію, Кроацію, Венгрію, Трансильванію и, наконецъ, Галицію. Кроація, вмѣстѣ съ Славоніей, получила свою отдѣльную конституцію 12 іюля 1850. Конституція эта ограничилась приведеніемъ въ порядокъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались уже обѣ области. Далмація осталась внѣ этой организаціи, не смотря на то, что кроатскій сеймъ, какъ было упомянуто выше, еще съ 1848 года выразилъ желаніе присоединить Далмацію къ Кроаціи. Сербскіе округа, расположенные по Дунаю, и первые поднявшіе оружіе противъ венгерскаго возмущенія, получили особую организацію подъ именемъ Воеводины (18 поября 1849). Эта

область осталась также отдѣльною отъ Крoаціи, не смотря на выраженныя ею желанія присоединиться къ ней и составить одно цѣлое. Устройство Трансильваніи послѣдовало въ концѣ сентября 1849 и администрація ея была отдѣлена отъ Венгріи, къ которой мадьяре насильно присоединили это нѣкогда независимое княжество. Нельзя не замѣтить, какія затрудненія встрѣчались при внутреннемъ устройствѣ этой области. Главное и многочислѣннѣйшее ея населеніе состоитъ изъ румыновъ; но между ними обитаютъ въ отдѣльныхъ округахъ секлеры, племя мадарское и седмиградскіе саксы, которыхъ ния указываетъ на ихъ германскую народность. Соединивъ эти три народа подъ одно провинціальное управленіе, правительство объявило, что Трансильванія будетъ раздѣлена на отдѣльныя части по племенному происхожденію ея обитателей. Племя румыновъ, находившееся дотолѣ подъ двойнымъ гнетомъ — мадаръ и саксоновъ, не могло радоваться этой новой организаціи, которая далеко впрочемъ не соотвѣтствовала ихъ задушевнымъ желаніямъ. Восточная Венгрія, называемая обыкновенно Темешкимъ банатомъ, населена также румынами. Желаніе трансильванскихъ румыновъ было — соединиться съ единоплеменниками своими, обитающими въ Венгріи. Даже Буковина, которую многіе почитаютъ частію Галиціи, долженствовала быть, поэтому, присоединена къ прочимъ областямъ, обитаемымъ румынами. Но правительство осталось вѣрнымъ своему принципу и не отступило отъ прежняго разграниченія областей. Что же касается Галиціи, то страна эта никогда не была въ милости у вѣнскаго двора и его правительства. Она осталась почти при тѣхъ административныхъ и гражданскихъ условіяхъ, при которыхъ находилась и прежде, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, вошедшихъ въ ея провинціальное уложеніе.

Изъ всѣхъ этихъ административныхъ мѣръ, выжатыхъ, такъ сказать, у австрійскаго правительства его угнетенными областями, наиболѣе любопытны тѣ, которыя касались военныхъ поселеній, расположенныхъ по границѣ Турціи, отъ Адриатическаго моря до горъ Карпатскихъ. Конституція, данная этимъ граничарамъ (7 мая 1850 года), тѣмъ болѣе

замѣчательна, что эти поселенія, подчиненныя отдѣльному воинскому уставу, не пользовались дотолѣ никакими правами. Услуги, оказанныя ими въ началѣ царствованія Франца-Иосифа, заслуживали вознагражденіе, и банъ Теллачичъ употребилъ все свое стараніе, чтобы исходатайствовать для нихъ новое уложеніе. Въ силу закона, военныя поселенія граничаръ приобрѣли отдѣльное управленіе и свое провинціальное собраніе представителей. Что касается воинской службы, поселенія эти оставались въ зависимости отъ исполнительной власти имперіи; но они на столько могли пользоваться всѣми правами, предоставленными прочимъ областямъ конституціей 4 марта, на сколько это совмѣстно съ требованіями исполненія ихъ воинскихъ обязанностей. Нѣмецкій языкъ по прежнему остается языкомъ команды; языкамъ же этихъ граничаръ, какъ-то: илирійскому, малярскому, румынскому было усвоено право, подтвержденное закономъ, быть преподаваемыми въ училищахъ, употребляемыми въ судебныхъ пресіяхъ и на областныхъ сеймахъ. Что же касается воинскихъ преступленій, то военный уставъ оставался въ прежней силѣ; прочія же преступленія подчинялись общимъ законамъ имперіи. Наконецъ, подчиненные военнымъ обязанностямъ, лежащимъ на нихъ наследственно, граничаре получили въ собственное владѣніе тѣ участки земель, которыми они дотолѣ владѣли на правѣ посессіонномъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ 1850 года большая часть австрійскихъ провинцій были надѣлены учрежденіями, которыя, не взирая на то, что раздробили страну на мелкія администраціи, доставили отдѣльнымъ областямъ свободныя начала, бывшія имъ дотолѣ чуждыми. Но задача конституціонной организаціи Ломбардо-Венеціи оставалась все-таки не рѣшеною. Министерство колебалось. Въ Вѣну были приглашены на совѣщаніе представители обѣихъ итальянскихъ областей, но дѣло не шло впередъ и при каждомъ засѣданіи возникали непреодолимые препятствія. Вѣнскіе бюрократы постоянно выѣзжали на томъ, что только безусловная автократія можетъ удержать въ повиновеніи итальянцевъ и маляръ, неуспокоенныхъ еще недавнимъ ихъ пораженіемъ. Но какимъ образомъ отказать этимъ областямъ въ томъ, что было да-

ровано другимъ народамъ? Въ отношеніи Ломбардіи, привыкшей издавна къ центральному управленію, и для которой либеральная администрація была бы новостію, затрудненія не казались слишкомъ велики, между тѣмъ какъ Венгрія, страна издревле конституціонная, гдѣ богатая и могущественная аристократія искони была представительницею и двигателемъ мѣстныхъ интересовъ, представляла министерству множество важныхъ затрудненій. Притомъ, во время венгерскаго возстанія, не вся Венгрія принимала участіе въ борьбѣ съ австрійскимъ владычествомъ. Не смотря на то, что раздробленіе этой страны составляло существенную выгоду министерства, это послѣднее не могло однакожъ не пощадить ее, и такъ уже наказанную отдѣленіемъ отъ нея славянъ и румыновъ. Наконецъ, Венгрія пользовалась особеннымъ конституціоннымъ уложеніемъ, упроченнымъ за ней вѣками и неоднократно подтверждаемымъ договорами. Слѣдовательно, было ли возможно отказать этой странѣ въ учрежденіяхъ, которыя дарованы были прочимъ областямъ австрійской монархіи? Вопросъ этотъ возбуждалъ тѣмъ большія затрудненія, что тотчасъ послѣ венгерскаго пораженія, консервативная партія мадаръ, не принимавшая никакого участія въ войнѣ, явилась въ Вѣну ходатайствовать о помилованіи возмутившейся части Венгрии. Министерство, желавшее съ одной стороны централизаціи, и думая съ другой, что, ведя ее параллельно съ гражданской свободой, успѣшнѣе можетъ достигнуть своей цѣли, не всегда обращало вниманіе на требованія партіи мадаръ, не бывшей въ открытой враждѣ съ правительствомъ. Эта партія, сильная еще фамилными связями и своимъ личнымъ значеніемъ, какъ представительница обширной области, была не безъ вліянія на высшую аристократію Вѣны, на правительственныя лица и на самый дворъ, такъ что министерство находилось въ сильномъ затрудненіи, не зная на что рѣшиться. Для проволочки времени оно приступило къ новому разграниченію комитатовъ, а въ отношеніи Ломбардіи, рѣшилось даровать ей статутъ, не удовлетворившій никакимъ требованіямъ этой страны.

Если правительство и имѣло въ виду откладывать политическую организацію Венгрии и Ломбардіи, то съ другой стороны и не отказывалось предоставить имъ уложенія на

тѣхъ основаніяхъ, которыя были уже признаны имъ въ конституціи 4 марта. Во всѣхъ областяхъ Австріи, вновь устроенныхъ, равенство правъ не отми́няло централизаціи и служило ей, такъ сказать, подспорьемъ въ ея дѣйствіяхъ. Равенство это вызвало не только новый законъ общинъ и судебного порядка, но служило также поводомъ къ новой организаціи поземельнаго налога и подати, которому не были подчинены дотоѣ владѣтели общирныхъ имѣній въ Венгріи. Пытались также провести это равенство и въ новыя мѣры, предприятия относительно народнаго образованія. Вопросъ о послѣднемъ былъ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ, съ которымъ выступили отдѣльныя народности Австріи, въ совѣщательныхъ преніяхъ своихъ съ правительствомъ въ 1850 году. Желаніе Австріи было сохранить за нѣмецкимъ языкомъ первенство въ преподаваніи не только въ эрцгерцогствѣ и другихъ населенныхъ нѣмцами мѣстахъ имперіи, но также и въ тѣхъ провинціяхъ, которыя Австрія выдаетъ за ои́мечившіяся, какъ-то: Штирію, Карніолію, Каринтію, Истрію и до самаго Пресбурга. Этотъ конституціонный городъ Венгріи, сохранилъ тройственную свою физиогномію по тремъ элементамъ, въ немъ господствующимъ — мадарскому, славянскому и нѣмецкому. Но энергическій протестъ со стороны народностей заставилъ правительство уважить языкъ каждаго народа. Такимъ образомъ оно видѣло и ежегодно встрѣчало непреодолимыя затрудненія въ самыхъ элементахъ, изъ которыхъ состоитъ государство, и если идея централизаціи могла даже дойти до того, чтобы подчинить австрійскіе народы однообразію политическихъ и гражданскихъ законовъ, еслибъ она и достигла цѣли ослабить силу провинцій новымъ ихъ раздробленіемъ, то все-таки была бы не въ состояніи пересилить ни народы, ни ихъ языки и должна была уступить ихъ племенной силѣ.

Не надобно упускать изъ виду то обстоятельство, что федерализмъ въ Австріи вовсе не заключаетъ въ себѣ революціонныхъ элементовъ. Федеративная система присуща самому составу имперіи, и ея идея не есть исключительная принадлежность ученыхъ и публицистовъ, постоянно развивавшихъ и развивающихъ ее со стороны сохраненія и раз-

вѣтія народностей, на своеобразныхъ началахъ ихъ частной и общественной жизни. Эта идея племеннаго равенства еще не давно играла крайне консервативную роль во время послѣдней австрійской революціи и въ началѣ этого переворота; если вспомнимъ, она постоянно была, въ лицѣ бана Іеллачича, главною защитницею имперіи. Іеллачичъ явился предводителемъ, верховнымъ вождемъ австрійскихъ славянъ. Извѣстно съ какою преданностію посвятилъ онъ себя императору и мѣстнымъ интересамъ Кроаціи, куда онъ былъ назначенъ баномъ (въ мартѣ 1848). Стремленіе мадаръ растворить, если можно такъ выразиться, народность кроатскую въ венгерской, поставило бана Кроаціи въ печальную необходимость искать себѣ поддержку въ австрійскомъ правительствѣ, которое поспѣшило съ жадностію принять союзъ, предложенный ему предводителемъ храбрыхъ кроатовъ.

Мы упомянули, что мадаре имѣли могущественныхъ друзей не только въ аристократическихъ кругахъ, но и въ партіи либераловъ, и было время, когда перевѣсъ склонился на ихъ сторону, а банъ кроатскій едва не лишился своего высокаго поста. Іеллачичъ не устранился приближавшейся грозы, и увѣренный въ своей необходимости относительно поддержки тайныхъ желаній вѣнскаго правительства, отказался покориться временнымъ требованіямъ министерства. Онъ предпринялъ спасти правительство собственными средствами. Этимъ можно объяснить начало и развитіе венгерской кампаніи, имѣвшей столько важныхъ послѣдствій для народовъ австрійской имперіи, успѣвшей устранить также тѣ великія препятствія, которыя стояли камнемъ предковенія на пути новой организаціи Австріи. Отсюда объясняется также и тотъ не предвидѣнный, неожиданный фактъ, когда славяне, въ минуту опасности, сплошною массою стали вокругъ престола Габсбурговъ, столько разъ поправшаго въ прахъ ихъ права и немплосердно топтавшаго ихъ народность, вѣру и преданіе. Іеллачичъ успѣлъ привлечь на сторону императора не только южныхъ славянъ (иллрійцевъ), которыхъ былъ онъ верховнымъ вождемъ, но и славянъ Венгріи, Моравіи, Чехіи и даже отчасти Галиціи. Эти славяне видѣли въ немъ осуществленіе своихъ задушевныхъ мыслей и стремленій. Они были

увѣрены, что кроатскій банъ содѣляется ихъ твердымъ ходоцею у высшаго правительства, защитникомъ ихъ народныхъ интересовъ, и ему-то Крoація и военная граница обязаны тѣми правами и преимуществами, которыя они получили на первыхъ порахъ.

Внутреннее устройство, которымъ Австрія была занята втеченіе трехъ лѣтъ (1848—1850), составляетъ любопытнѣйшую сторону ея исторіи. Но она не ограничилась однимъ этимъ устройствомъ, и обстоятельства, вызвавшія ее вмѣшаться, при содѣйствіи Россіи, въ дѣла Италіи и Германіи, снова дали ей возможность играть одну изъ первенствующихъ ролей въ европейской политикѣ. Въ Италіи, послѣ новарской битвы, несчастной для Піемонта, мы видимъ какъ австрійскіе полки врываются въ Парму, Модену, Тоскану и папскія владѣнія. Въ 1848 году владычество Австріи, какъ извѣстно, пошатнулось было въ равнинахъ Ломбардіи, но въ послѣдующихъ двухъ годахъ она возвратила прежнее вліяніе и съ большей противу прежняго силой налегла на эту область. Втеченіе девяти послѣдующихъ затѣмъ лѣтъ, владычество ея непереставало тяготѣть надъ этой страной. Ей недоставало покоренія Рима, чтобы вполне содѣлаться властительницею всей Италіи. Правда, что въ Италіи она сдѣлала папской власти большія уступки (въ апрѣлѣ 1850) уничтоженіемъ всѣхъ препятствій, мѣшавшихъ общенію австрійской католической церкви съ римскимъ престоломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитымъ впослѣдствіи конкордатомъ, о которомъ ниже мы будемъ говорить подробнѣе; но тѣмъ не менѣе вліяніе ея на дѣла Рима было довольно значительно. Не менѣе смѣлымъ было и положеніе Австріи предъ германскимъ союзомъ. Устраненная на нѣкоторое время отъ дѣлъ союза франкфуртскимъ парламентомъ, Австрія снова выступила на сцену и приняла прежнее свое значеніе въ дѣлахъ Германіи. При общемъ содѣйствіи съ Пруссіей, она устанавливаетъ временное правленіе — *interim* — викаріатъ имперіи, и въ то время, когда срокъ этого *interim* приходитъ къ концу, она является довольно сильною, чтобы возстановить франкфуртскій сеймъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться изворотливости и дипломатизму Австріи и тѣмъ успѣхамъ, которыя

она въ одно и то-же время пріобрѣтала и въ Италиі и въ Германіи. Руководителемъ новой политики былъ Шварценбергъ, но онъ не ограничился этимъ, онъ хотѣлъ довести австрійское вмѣшательство до послѣднихъ предѣловъ; онъ хотѣлъ ввести въ германскій союзъ и скрѣпить съ его интересами всѣ народы, входящіе въ составъ австрійской имперіи, и этимъ путемъ достигнуть древняго имперскаго значенія, когда австрійскій императоръ былъ въ то-же время и нѣмецкимъ. Но державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, воспротивились этому новому проявленію честолюбія Габсбурговъ. Послѣднее обстоятельство, въ мнѣніи вѣнскаго кабинета, было естественнымъ слѣдствіемъ централизаціи, внесенной въ правительственный организмъ имперіи конституціей 4-го марта. Не говоря уже, что введеніе австрійскихъ народовъ въ германскую конфедерацію, является въ высшей степени страннымъ и натянутымъ фактомъ, оно произвело бы въ самой Австріи переворотъ самый неожиданный. Это сближеніе разрушило бы надежды племенъ не-германскаго происхожденія, и, давши итальянскимъ народамъ новый предлогъ къ возстанію, возбудило бы мадаръ и славянъ къ сильнѣйшему, быть можетъ, вооруженному протесту. Австрійскіе славяне, только подъ условіемъ сохраненія своего языка и своей національности, могутъ желать сохраненія цѣлости самой имперіи. Въ противномъ случаѣ, — и это они отнюдь не скрывали, напротивъ того громко и печатано говорили, — если Австрія сдѣлаетъ покушеніе на ихъ народность, языкъ и права, они обратятся за помощію къ Россіи, державѣ не чуждой имъ ни въ отношеніи языка, ни въ отношеніи племеннаго единства.

Кому не извѣстно вліяніе, какое пріобрѣла Россія на Дунаѣ во время венгерской войны? Извѣстна также защита, какую оказалъ русскій кабинетъ мадарамъ по случаю жестокихъ истязаній, понесенныхъ ими отъ австрійскаго правительства, употребившаго для этого орудіемъ фельдцейгмейстера Гайнау. Но съ того времени, когда Гѣрги склонилъ Венгрію къ стопамъ русскаго царя, какъ это было выражено оффиціально, она болѣе не покушалась поднять свое оружіе противъ Австріи.

II.

Плоды новой политики не замедлили появиться. Въ 1850 году Австрія значительно наверстала уступки свои предшествовавшихъ двухъ лѣтъ и могла возгордиться своимъ скороспѣшнымъ возрожденіемъ. Уроки кардинала Караффы, примѣры Фердинанда II, Маріи-Терезіи, Леопольда, не пропадали для нея даромъ, и счастье, слѣпое счастье не менѣе прежняго содѣйствовало Габсбургамъ, принявшимъ надмѣнный девизъ — *Austriae est imperare orbi Universo!* Мы сейчасъ увидимъ примѣръ этому непонятно-слѣпому счастью. Австрійская имперія въ 1848 году неожиданно встрѣтилась лицомъ къ лицу съ такими опасностями, которыя привели бы ее на край гибели, если бы дѣйствія возставшихъ народностей были одновременны и совокупны. Опасности эти были: возмущеніе Италіи, возстаніе венгровъ и революціонное движеніе Германіи, поддерживаемое и направляемое кровнымъ врагомъ Австріи — Пруссіей. Избавившись, но не безъ значительныхъ жертвований, отъ первыхъ двухъ, вѣнскій кабинетъ со всею энергіей, приданной ему опасностями, обратился къ Пруссіи. Война дипломатовъ должна была уступить мѣсто кровопролитію. Нѣсколько выстрѣловъ раздалось было въ Фульдѣ, когда вдругъ князь Шварценбергъ получилъ въ Ольмюцѣ изъ рукъ Мантейфеля капитуляцію Пруссіи и этотъ историческій моментъ можетъ почитаться торжествомъ австрійской политики со времени 1848 года.

Какимъ образомъ могла Австрія такъ неожиданно и съ такою смѣлостью вознестись надъ очевидными опасностями, ей угрожавшими? Какимъ образомъ положеніе ея, быстро поворотившее къ разъединенію, къ паденію имперіи, обратилось въ рукахъ ея государственныхъ людей въ рычагъ, которымъ они развернули новыя административныя и политическія силы въ этомъ государствѣ? Вѣрить ли тѣмъ, которые причину этого переворота видятъ въ томъ составѣ новаго министерства и государственныхъ людей, которые

около юнаго императора, и будто разорвали всякую связь съ прежнимъ, съ исконнымъ преданіемъ политики Габсбурговъ? Десять лѣтъ правленія новаго императора, при новомъ порядкѣ вещей, даютъ возможность строго и безпристрастно обсудить его дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать рѣшительное слово, что онъ далеко не оправдалъ надежды своихъ народовъ. Древняя Греція и Римъ.... но мы возьмемъ примѣръ ближе, Россія, на примѣръ, совокупляя въ одно государственное цѣлое удѣльные княжества, Малороссію, часть Польши, совокупляла вмѣстѣ съ тѣмъ элементы однородные, централизовала, такъ сказать, народы, связанные съ ней или вѣрою, или историческими преданіями, не говоря уже о племенномъ ихъ единствѣ и духовно-религіозномъ общеніи. Ни завоеванія, ни добровольное присоединеніе не могутъ оправдать супрематіи эрцгерцогства австрійскаго надъ разнородными племенами, насильственно стянутыми подъ его скипетръ. Развитие этихъ племенъ въ частной и общественной ихъ жизни, чисто отрицательное, и звенья, соединяющія ихъ съ народомъ властелиномъ, съ каждымъ днемъ слабѣютъ, разрываются при малѣйшемъ потрясеніи.

Мы видѣли что Францъ-Иосифъ взошелъ на престолъ по случаю отреченія дяди его Фердинанда I и отказа эрцгерцога Франца-Карла, его отца. Когда юный императоръ принималъ въ 1848 году бразды правленія, ему было не болѣе восемнадцати лѣтъ, поэтому онъ не могъ обладать тѣмъ прямымъ и свѣтлымъ умомъ, который дается человѣку временемъ и главное опытностію. Почти одновременно съ нимъ возвысился и сталъ его сподручникомъ и руководителемъ человѣкъ, игравшій чрезвычайно важную роль въ Австріи въ минуту внутреннихъ смутъ и виѣшнихъ не благопріятныхъ обстоятельствъ. Мы говоримъ о князѣ Шварценбергѣ. Велики были услуги, оказанныя имъ императорскому дому. Почти на своихъ плечахъ вынесъ онъ Австрію изъ опасности, и можно сказать, конечной гибели. Къ концу 1850 года ольмюцкій договоръ вознесъ его еще выше, давши ему возможность восторжествовать надъ политикой Пруссіи. Перевѣсъ надъ Австріей, къ которому стремилась эта держава, перевѣсъ въ германскомъ союзѣ, заставилъ габсбургскій

домъ стремиться всѣми силами къ достиженію того-же. Еще въ мартѣ 1848 года, когда Фридрихъ-Вильгельмъ привѣтствовалъ революціонное движеніе словами: *Preussen muss in Deutschland aufgehen*, — Пруссія должна раствориться въ Германіи, — заставили Австрію повторить на дрезденскомъ конгрессѣ то-же притязаніе, только въ свою пользу, а въ рѣчи, произнесенной княземъ Шварцбергомъ при открытіи конгресса (въ декабрѣ 1850 года), это желаніе Австріи ясно высказалось. Смысль рѣчи Шварценберга былъ тотъ, что имперія желаетъ и должна соединиться съ германскимъ союзомъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній подчинился исключительно ея вліянію.

Австрія въ своемъ составѣ распадается на двѣ различныя части. Первую изъ нихъ составляютъ области чисто германскаго населенія или уже значительно огерманизованныя. Вторая часть ея діаметрально противоположна первой, въ ея народномъ составѣ. Къ первой относятся эрцгерцогства австрійское, Тироль, Форалбергъ, Иллирія, Штирія, Силезія, Моравія, Богемія; ко второй Ломбардо-Венеція, Венгрія, Трансильванія, Кроація и наконецъ Червоная Русь или Галиція. Ни одинъ народъ второй категоріи не принадлежитъ къ германскому племени, а въ первой не всѣ области населены чисто нѣмцами, потому что, какъ выше видѣли, Богемія, Моравія, Силезія, Иллирія и часть Штирин, составляютъ отдѣльныя вѣтви одного славянскаго корня. Не смотря на это, области сѣв., на которыя Австрія указываетъ, какъ на наслѣдственныя коронѣ Габсбурговъ, были постоянно управляемы центральною властію, въ то время, когда области второй категоріи, имѣли, или вѣрнѣе, только для формы имѣли свои мѣстныя уложенія, свою независимую администрацію, и могли, подобно Венгрии, Трансильваніи и Кроаціи составить нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, въ которомъ императоръ сохранялъ себѣ только титулъ короля или князя. Разницу эту въ областяхъ Австріи мы привели для того, чтобы показать вмѣстѣ съ тѣмъ и разницу отношеній ихъ къ германскому союзу. Наслѣдственныя области австрійской короны, не смотря на преобладаніе въ нихъ славянскаго элемента, однѣ только и были

членами германскаго союза, между тѣмъ какъ остальные не входили въ его составъ.

Рядомъ съ Пруссіей, противоборствовавшей вліянію Австріи въ германскомъ союзѣ, явилась другая держава, бывшая нѣкогда ея союзницей, но обратившая теперь противъ нея орудіе своей политики. Держава эта Англія, которая неограничилась однимъ косвеннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла вѣнскаго кабинета касательно его видовъ на Италію и Германію, но перенесла въ самое сердце имперіи дипломатическую борьбу, съ жаромъ принявъ на себя вмѣшательство въ венгерскомъ вопросѣ. Мадяре, не смотря на географическое пространство, раздѣляющее ихъ отъ Англіи, постоянно смотрѣли на эту послѣднюю, какъ на державу, болѣе другихъ сочувствующую ихъ положенію. Эта симпатія мадаръ къ Англіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Начиная съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, исторія Великобританіи была постояннымъ идеаломъ для государственныхъ людей Венгріи и ея публицистовъ. Есть разительное сближеніе даже между характерами конституціи этихъ двухъ народовъ. Не меньшее сближеніе представляется и въ судьбѣ племенъ находящихся подъ владычествомъ Англіи и живущихъ въ предѣлахъ Венгріи. Такъ на примѣръ, славянское населеніе Кроаціи можетъ безъ большой натяжки быть сравнено съ Шотландіей, а трансильванскіе румыны, покрытые рубищемъ не напоминаютъ ли Ирландію съ ея нищенскимъ населеніемъ? Неоднократно и сами мадяре высказывали это сближеніе, лаская себя надеждою возбудить этимъ путемъ сочувствіе къ себѣ свободной націи. Нѣтъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія, что англійское правительство, вмѣшиваясь въ дѣла Венгріи, имѣло въ виду совершенно другую цѣль, нежели романическую симпатію между народнаго соотношенія. Извѣстно, что политика Англіи чужда не только сентиментальности, но и всякой гуманности; однакожъ независимо отъ этого, политическія страсти не совсѣмъ чужды и Англіи. Венгерское возстаніе нигдѣ не было принято съ такимъ привѣтомъ, какъ въ Англіи, и политика ея видѣла въ этомъ возстаніи отпоръ тому славянскому движенію, которое, начавшись въ Австріи, могло бы обнять со-

бою весь славянскій міръ юго-востока, что, въ глазахъ Англіи, могло бы нарушить равновѣсіе Европы. Опасенія Англіи пошли далѣе: она видѣла уже, что Россія, какъ держава единоплеменная южнымъ и западнымъ славянамъ, ставъ въ главѣ этого движенія, начнеть оспаривать у ней владычество на моряхъ, по опасенія эти были напрасны и вскорѣ она сама увидѣла свою ошибку. Нужно сказать, что Англія, привѣтствуя, какъ мы отозвались выше, возстаніе мадаръ, думала обратитъ ихъ въ орудіе противъ славянъ Австріи, чтобъ остановить развитіе панславизма, принимавшаго только въ ея воображеніи, небывалые размѣры. Вскорѣ однакожь, она увидѣла, что возстаніе мадаръ не имѣло особенныхъ между народныхъ послѣдствій, напротивъ, вызвало вмѣшательство Россіи, предъ полками которой мадаре принуждены были сложить свое оружіе. Не смотря на этотъ урокъ, Англія не переставала оказывать особенное покровительство мадарской эмиграціи, и не обратила никакого вниманія на протестъ Австріи въ Константинополь (въ іюль и августъ 1851 года), когда эта держава изъявила ей свое неудовольствіе, по случаю торжественнаго приема, оказаннаго въ Лондонѣ Кошуту.

Касательно Венгріи слѣдовало разрѣшить другой вопросъ, относившійся къ примѣненію въ этой странѣ конституціи 4-го марта. Мадаре не могли не замѣтить, что въ пресловутомъ равенствѣ правъ, предоставленномъ народностямъ новымъ австрійскимъ министерствомъ, заключался зародышъ новыхъ раздоровъ. Болѣе всего не нравился имъ парламентскій духъ новой хартіи. Они обращались къ императору съ просьбой возвратитъ имъ прежнюю ихъ конституцію, двинули впередъ всѣхъ публицистовъ Венгріи, чтобы только скорѣй избавиться отъ новаго уложенія, навязаннаго имъ вѣнскимъ кабинетомъ. Жалобы славянъ были умѣреннѣе. При новомъ порядкѣ племена эти не рисковали, подобно мадарамъ, потерять свое политическое значеніе. Австрійскіе славяне, равняющіеся своею массою почти половинѣ прочаго населенія имперіи, и явившійся главною опорою центральной власти, могли всегда имѣть перевѣсъ предъ партіей мадаръ; но не смотря на это, недовѣріе, которое и они оказыва-

ли въ конституціи 4-го марта, пронстекало изъ того индивидуализма, который ясно отдѣлялъ чеха отъ иллирійца и поляка отъ руссина. По смыслу этой конституціи, различіе языковъ и преданія, было сильнѣе племеннаго свойства славянъ, которое, не смотря на усилія нѣкоторыхъ писателей, доказывавшихъ необходимость федеративнаго сближенія, ясно разъединялось въ новомъ уложеніи. Не менѣе важенъ былъ этотъ конституціонный вопросъ и въ Ломбардо-Венеціи. Области эти, казались, однакожъ равнодушными ко всему, что происходило въ Вѣнѣ и въ прочихъ провинціяхъ имперіи. Онѣ, повидному, рѣшились не имѣть никакихъ связей, никакихъ сношеній ни съ нѣмцами, ни съ славянами, мадярами и румынами. Примѣръ этой апатіи явно высказался въ 1848 и 1849 годахъ. Они даже пренебрегли случаемъ во время венгерскаго возстанія, и казалось едва ли имъ были извѣстны, какіе кромѣ ихъ народы обитаютъ подъ властію одной и той же державы. Революціонная дѣятельность сѣверной Италіи, отдѣленная отъ мадярскаго населенія, отъ поляковъ и румыновъ, племенемъ иллирійскихъ славянъ, не подумала преступать этой живой грани для открытія себѣ союзниковъ, стремившихся къ одной съ ними цѣли. Это отчужденіе Ломбардо-Венеціи отъ прочихъ частей австрійской имперіи простиралось и на новую конституцію. Не смотря на то, что итальянскія области не выразили объ ней своего мнѣнія, видно было однакожъ, что и для нихъ конституція 4-го марта не была находкой.

Оказалось, что новая организація имперіи была явленіемъ не только несвоевременнымъ, но и чуждымъ духу народностей Австріи. Вотъ почему примѣненіе ея сдѣлалось невозможнымъ. Само правительство не могло убѣдиться въ этомъ, принявъ во вниманіе послѣднюю, съ какою была составлена эта конституція или проектъ ея въ 1849 году. Дѣйствительно, въ виду угрожавшихъ опасностей, государственнымъ людямъ Австріи, и въ главѣ ихъ, князю Шварценбергу было нѣкогда изучить мѣстныя потребности каждой области имперіи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе положить прочное начало новой ихъ организаціи. Самая же конституція 4-го марта есть нечто иное, какъ общія мѣста изъ конституціонныхъ учреж-

деній другихъ европейскихъ державъ. вмѣстѣ съ возстановленіемъ общаго спокойствія и установленіемъ порядка, увидѣли ясно невозможность привести въ дѣйствіе новый уставъ, котораго насильственное примѣненіе могло бы возбудить только что устраненные беспорядки. При этихъ обстоятельствахъ Францъ-Іосифъ счелъ наилучшимъ уничтожить, вмѣстѣ съ неудобствомъ новой организаціи государства и самую идею конституціоннаго правленія. Революціонное броженіе было остановлено, чтожъ легче, какъ не возвратиться снова къ абсолютному правленію? Этой мысли былъ также и Несторъ австрійской политики, князь Меттернихъ. Изгнанный въ 1848 году революціей, онъ нашелъ сначала убѣжище въ Англіи, и затѣмъ, возвратившись послѣ усмиренія Германіи въ свое прирейнское имѣніе Іоганнисбергъ, былъ официально вызванъ оттуда въ Вѣну собственноручнымъ письмомъ императора. Князь Меттернихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не такъ строго судили политическія перемены новѣйшаго времени. Ему были близко извѣстны всѣ недостатки старой администраціи отжившаго австрійскаго общества. Онъ по собственному опыту зналъ, какъ трудно было приступать къ преобразованіямъ въ Австріи, въ-особенности въ такое время, какъ въ эпоху переворота 1848 года. Однимъ словомъ, ему легко было понять всю выгоду положенія, какъ государства, такъ и верховной его власти, каковую могли они извлечь изъ предстоявшаго обновленія административной и соціальной части австрійской имперіи. Возвращая въ Вѣну стараго министра, изгнаннаго торжествующей революціей, императоръ хотѣлъ, въ видѣ моральнаго вознагражденія, воспользоваться его совѣтами и опытностію, и съ этой собственно минуты началась реакція въ области австрійской политики.

Эта новая перемена была принята областями съ какимъ-то недоумѣніемъ. Ясно видѣли, что избѣгнувъ централизацию, находящейся въ основаніи конституціи 4-го марта, народы Австріи должны были снова подчиниться безусловной власти. Одни маляре, опасавшіеся, какъ видѣли выше, конституціи 1849 года, обрадовались этой переменѣ. Они надѣялись видѣть у себя возстановленіе прежнихъ законовъ, а отмѣненіе

военной администраціи и назначеніе къ нимъ въ правители эрцгерцога Алберта, утвердили ихъ въ этой мысли. Ни одна изъ австрійскихъ провинцій не удостоилась имѣть правителемъ члена императорской фамилии. Хотя принцъ Албертъ и не былъ облеченъ въ званіе вице-короля Венгрии, придававшее этой странѣ почти полунезависимое значеніе, тѣмъ не менѣе однакожъ его личное достоинство было въ глазахъ венгровъ особеннымъ знакомъ отличія и благоволенія. Они видѣли въ этомъ назначеніи шагъ впередъ, приблизившій ихъ къ утраченнымъ льготамъ и вольностямъ. Приѣздъ новаго правителя въ Венгрію былъ отпразднованъ съ большею торжественностію, какъ событіе народное, долженствовавшее пробудить довѣріе всего народа. Гордость мадаръ, не образумленная недавнимъ урокомъ, уже рисовала въ ихъ воображеніи не только возстановленіе прежней конституціи страны, но и присоединеніе къ ней Кроаціи съ Славоніей, даже Воеводины и Трансильваніи.

Видя, что система централизаціи, замышленная правительствомъ въ 1849 году была оставлена, славянское и румынское населеніе Австріи было обрадовано не менѣе венгерскаго. Но въ свою очередь, славяне и румыны не могли равнодушно смотрѣть на стремленіе венгровъ возвратиться къ своимъ прежнимъ привилегіямъ, потому что въ такомъ случаѣ славяне и румыны снова были бы унижены передъ мадярами, какъ это было до 1848 года. Поддерживая съ одной стороны надежды мадаръ, правительство силилось съ другой успокоить также славянъ и румыновъ, которымъ неоднократно изъявляло искреннее свое желаніе строго соблюдать начало племеннаго равенства, какъ въ отношеніи ихъ къ верховной власти, такъ и въ отношеніи гражданской ихъ свободы. Рѣшившись окончательно отмѣнить конституцію 4-го марта, оно, казалось, болѣе, нежели когда-либо настаивало на исполненіе своихъ либеральныхъ направлений; но крайней мѣрѣ, начала, обнародованныя въ видѣ общей программы новаго уложенія, не посягали на произвольное раздѣленіе территоріи и на взаимныя отношенія племенъ имперіи. На этомъ основаніи былъ обнародованъ въ концѣ декабря 1851 года декретъ, котораго главными положеніями были — ра-

венство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ, отмѣненіе барщины и десятины, взаѣмъ которыхъ устанавливалась законная плата. Далѣе было сказано: «чтобы положить начало учрежденіямъ, могущимъ удовлетворить нуждамъ нашихъ народовъ и обезпечить благосостояніе всѣхъ сословій общества, для этого будутъ призваны въ помощь опытность, а глубокое изученіе всѣхъ обстоятельствъ въ частной и общественной жизни племенъ, будетъ основой новыхъ органическихъ законовъ имперіи.» Одновременно съ этимъ постановленіемъ было обнаружено и другое, относительно гарантій различныхъ вѣроисповѣданій.

Что же касается взаимно-враждебныхъ отношеній племенъ Австріи, правительство умѣло поставить себя такъ, что племена эти, преимущественно славяне и румыны, смотрѣли на него съ возрастающею надеждою. Не смотря на это, одни мадьяре оставались въ постоянномъ волненіи относительно племеннаго вопроса. Они не только держались постоянной мысли преобладанія надъ словаками, но стремились также къ подчиненію себѣ и сербской Воеводины и трансильванскихъ румыновъ. Мысль этого преобладанія такъ сильно вкоренилась въ природу мадьяра, что даже самъ Кошутъ, выходя иногда изъ границъ либерализма и становясь демагогомъ, болѣе другихъ проповѣдывалъ въ высшей степени несправедливое и противонсторическое преобладаніе мадьяръ надъ племенемъ румыно-славянскимъ. Онъ самъ сознается, что если бы новый переворотъ вызвалъ его снова къ дѣятельности и власти, то первой непремѣнной заботой его было бы поднять мадьярскій элементъ націи и возвести его на степень владычества и побѣды надъ другими племенами. Мысль эту Кошутъ высказалъ уже въ изгнаніи, въ небольшой брошюрѣ, изданной въ Лондонѣ въ ноябрѣ 1851 года, подъ заглавіемъ *Начала будущей организаціи Венгріи*. Мысль эта проглядываетъ также и въ новѣйшемъ его сочиненіи о *вопросѣ національностей* (Question des nationalités. L'Europe, l'Autriche et la Hongrie. Bruxelles 1859), гдѣ онъ, подъ видомъ примиренія, вопреки исторіи прочитъ Венгріи безусловное преобладаніе надъ славяно-румынскимъ племенемъ. Натянутыя притязанія мадьяръ въ отношеніи этихъ

племень прослѣжены у Кошута совѣмъ упорствомъ слѣпаго фанатизма. Въ своихъ доказательствахъ онъ болѣе всего опирается на разграниченіе территорій, занимаемыхъ этими племенами, забывая, что это-то самое разграниченіе и есть причина ихъ постоянныхъ распрей.

Паденіе Венгріи ясно показало настоящее положеніе Австріи. До революціи 1848 года, государство это представляло собою какой-то хаосъ побѣдителей и побѣжденныхъ, постоянно ослаблявшихъ другъ друга въ ихъ политическихъ и гражданскихъ столкновеніяхъ. Чтобы установить между ими единство, порядокъ и свободу, слѣдовало разбить ту тѣсную и старую раму, въ которую исторія заключила семь различныхъ народностей. Ни одна изъ этихъ народностей не осталась въ положительномъ выигрышѣ, а Венгрія болѣе другихъ утратила свою самобытность. Припомнимъ здѣсь, что иллирійское населеніе Кроаціи и Славоніи возмущилось для того, чтобы утвердить у себя мѣстную независимость и успѣло освободить себя отъ невыносимаго господства Венгріи. Банатскіе сербы, бывшіе дотолѣ въ зависимости отъ венгерской администраціи, воспользовались случаемъ отдѣлиться и составить отдѣльную область подъ именемъ Воеводины. Наконецъ различныя племена Трансильваніи, которыя революціонное правительство рѣшило въ 1848 году насильственно присоединить къ Венгріи, въ свою очередь были обезпечены въ своей независимости, еще до марта 1849 года, организаціей, которая, не смотря на многіе недостатки, утвердила за ними нѣкотораго рода независимость. Неукротимость и заносчивость мадарь послужила имъ же во вредъ. Территорія ихъ власти откинута была на востокъ къ Карпатамъ и Трансильваніи, на югъ къ Дравѣ, на западъ къ Штирии, эрцгерцогству австрійскому и Моравіи, и наконецъ на сѣверъ къ границамъ Галиціи. Если бы въ предѣлахъ этой новой Венгріи населеніе было часто мадарское, то племенной споръ ихъ съ румынами и славянами незамедлил бы прекратиться. Къ несчастію, разграниченіе это неудовлетворяло ни ту, ни другую сторону. Въ пограничныхъ мѣстахъ юго-востока Трансильваніи, въ сѣдствѣ седмиградскихъ саксовъ, какъ разъ въ среднѣ населенія румыновъ австрій-

скихъ и румыновъ Валахіи, живутъ общины секлеровъ, которыя сохранили въ себѣ болѣе мадарской самобытности, нежели остальное населеніе венгровъ. Общины эти, вмѣстившись въ карпатскихъ кручахъ и дебряхъ, выдаютъ себя за прямыхъ потомковъ Аттилы и его сподвижниковъ. Съ этой мыслию у нихъ связаны въ высшей степени воинственныя преданія, и во время возстанія 1849 года, храбрость ихъ и приверженность къ мадарскому движенію, оправдали въ глазахъ ихъ родичей громкое происхожденіе отъ воинственныхъ завоевателей. Нѣтъ никакой возможности присоединить клочки земли, ими занимаемой, къ остальной Венгріи. Географическая связь для нихъ не существуетъ, потому что они отдѣлены отъ главнаго населенія мадаръ обширнымъ пространствомъ долинъ и лѣсистыхъ горъ. Эта разъединенность ставитъ мадаръ въ необходимость, въ случаѣ народнаго движенія, терять всякое содѣйствіе со стороны секлеровъ, которые, уединившись среди враждебныхъ имъ румыновъ, чувствуютъ себя связанными во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Съ другой стороны, мадаре имѣютъ большое преимущество передъ славянами, изъ которыхъ часть, почти въ два слишкомъ миліона, именно словаки, находится въ самой Венгріи. Южные славяне, въ-особенности тѣ, которые обитаютъ въ Славоніи и Кроаціи, географически совершенно отдѣлены отъ мадаръ рѣкою Дравой, вливающей свои воды въ Дунай. Населеніе обоихъ береговъ этой рѣки совершенно различно другъ отъ друга. Правый берегъ ея обитаемъ мадарскимъ племенемъ, лѣвый — славянскимъ. Если мысленно провести линію между сербами и венграми вплоть до сербскихъ населеній въ южной Венгріи, то въ такомъ случаѣ этнографу представилась бы новыя затрудненія. Тамъ, гдѣ соприкасаются населенія обоихъ племенъ, нѣтъ никакихъ природныхъ границъ, которыя положительно могли бы опредѣлить, до какого именно пункта та или другая народность въ правѣ простираетъ свои территоріальныя притязанія. Еще затруднительнѣе провести границу между племенемъ румынскимъ и мадарскимъ, т. е., между Трансильваніей и Венгріей. Извѣстно, что первоначальною гранью этихъ племенъ была рѣка Тисса, но извѣстно также, что по сю сторону этой рѣки образованы

были впоследствии нѣсколько венгерскихъ комитатовъ, куда издавна переселялись мадьяре изъ-за Тиссы. Дебрецинъ, на примѣръ, мадярскій городъ и центръ инсurreкціоннаго правительства во время венгерскаго возстанія, расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ Тиссы, а румынское населеніе начинаетъ появляться у Гроссварадина, не вдалекѣ отъ Дебрецина.

Если представляется столько затрудненій къ обозначенію границъ между племенемъ румынскимъ и мадярскимъ, то почти невозможно провести границъ между этими послѣдними и населеніями словаковъ, не задѣвая въ тоже время выгоды одной или другой стороны. Страна, обитаемая словаками заключается въ томъ обширномъ пространствѣ лѣсовъ, горъ и тѣхъ плодоносныхъ угорій, которыя тянутся въ сосѣдствѣ эрцгерцогства австрійскаго, вдоль Моравіи и Галиціи, до самой Трансильваніи. Пространство это, дикое и дѣбристое съ виду, но богатое и плодоносное, заключающее въ себѣ золотыя руды въ Кремницѣ и Хемницѣ, дающее лучшее вино, царь-вино, какъ называютъ мадьяре знаменитое токайское, — обитаемо племенемъ славянъ чешской вѣтви, перемежающимся населеніемъ мадярскимъ. Здѣсь высшее дворянство состоитъ изъ мадяръ, поселяне же всѣ словаки. Какимъ же образомъ провести между этими двумя племенами границу? Большинство земель остается за словаками, такъ что въ случаѣ племеннаго разграниченія, мадярское дворянство лишится всей или почти всей поземельной собственности. Австрійское правительство не рѣшалось прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ, и словаки не могли простить ему эту уступчивость въ отношеніи мадяръ. Извѣстно, что славяне и румыны охотно предложили вѣнскому кабинету свое содѣйствіе къ уничтоженію въ самомъ началѣ вспыхнувшаго возстанія мадяризма, вслѣдствіе чего вѣнское правительство не могло не признать за ними законности ихъ общественныхъ интересовъ. Оно не замедлило внести различныя преобразования въ ихъ гражданской жизни, въ устройствѣ судовъ, однимъ словомъ во всей мѣстной администраціи и въ особенности тамъ, гдѣ еще во всей силѣ дѣйствовала старая анархія феодализма, не только въ Венгріи, но и въ

Трансильваніи, и въ землѣ Кроатовъ. Въ эти три года, съ 1848 по 1850 годъ, Австрія пережила, можно сказать, политическій и общественный переворотъ, подготовленный въ ея нѣдрахъ вѣками. Но этотъ переворотъ заключалъ въ себѣ зародышъ другихъ волненій, гораздо болѣе живучихъ, которыя ждутъ еще разрѣшенія своего въ будущемъ, это вопросъ о народностяхъ, не разрывно связанный съ разграниченіемъ отдѣльныхъ областей Австріи. Нѣкоторыя государства, какъ на примѣръ Франція, Россія, замѣняя областной раздѣлъ государства раздѣломъ по провинціямъ, или губерніямъ, имѣли преимущественно въ виду сгладить мѣстные, индивидуальныя преданія отдѣльныхъ населеній и слить послѣднія въ одну массу, въ одно ядро государственнаго населенія. Совершенно противное явленіе представляетъ австрійская имперія: здѣсь различныя народности стремятся къ образованію отдѣльныхъ областей съ мѣстными, другъ отъ друга независимыми, учрежденіями. Такимъ образомъ, по предложенію Палацкаго, эрцгерцогство австрійское съ Тиролемъ и Зальцбургомъ составило бы одну нѣмецкую область; Ломбардо-Венеція вторую; Карніолія, Каринтія, Штирія вмѣстѣ съ Истріей, Кроацией, Славоніей и Воеводиною третью; Буковина, присоединенная къ Трансильваніи — четвертую; Венгрія — пятую; словаки вмѣстѣ съ моравами и чехами — шестую, и наконецъ Силезія съ Галиціей составили бы седьмую область возрожденной Австріи. Правительство испугалось этого новаго движенія. Вопросъ о народностяхъ засталъ его въ-расплохъ, но и тутъ вѣнскій кабинетъ только на время извернулся тѣмъ, что, какъ показали мы выше, безконечнымъ провинціальнымъ раздробленіемъ онъ думалъ остановить идею развитія національностей.

III.

Положеніе австрійской имперіи, значительно измѣнилось со времени венгерской революціи. Едва только успѣло правительство восторжествовать надъ венгерскимъ движеніемъ, съ неожиданной смѣлостью принялось, какъ мы видѣли, за новую систему правленія. Волненія, которыя австрійское правительство вынуждено было подавить оружіемъ, не были возбуждены возстаніемъ всенароднымъ, какъ это часто представляетъ намъ исторія разныхъ народовъ, слѣдовательно, они не имѣли характера демократическаго. Напротивъ, въ Венгріи, въ Галиціи, въ Ломбардіи во главѣ возстанія мы видимъ высшее дворянство, аристократію, связующую свои выгоды съ интересами народа. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ характеръ возстанія былъ совершенно иной. Такъ, напримѣръ, на кремсіерскомъ сеймѣ польскіе крестьяне взяли сторону правительства и явились твердыми защитниками консервативныхъ идей. Эта небольшая партія правительственныхъ приверженцевъ постоянно подавала голосъ въ пользу вѣнскаго кабинета. Однимъ словомъ, возстаніе не вездѣ имѣло одинъ и тотъ же характеръ. Высшее дворянство, явившись въ одной области консервативнымъ, въ другой было чисто революціоннымъ, а народъ бывшій часто послушнымъ орудіемъ возстанія, явился въ Австріи главною опорою верховной власти.

Правительство поняло это положеніе и въ усиліяхъ своихъ, которыя оно употребляло для возстановленія порядка, ни на минуту не упускало его изъ виду. Оно видѣло свою выгоду, сознавало даже своимъ долгомъ улучшение низшихъ классовъ народа, и предприняло новое преобразование государства въ широкихъ размѣрахъ. Но въ то время, когда оно привело къ концу преобразованія въ области гражданской жизни, оно весьма ловко нанесло ударъ началамъ, которыя были для многихъ важнѣе и дороже всякаго гражданскаго равенства, а именно началамъ областной свободы

и народности. Аристократія была представительницею той административной независимости провинцій, на которую народы, обитающіе въ Австріи, смотрятъ какъ на свою естественную защиту и охраненіе, т. е., на тѣ мѣстныя, областныя права, историческія конституціи, которыя были главной причиною венгерскаго возстанія. Австрійское правительство воспользовалось своимъ преимуществомъ, бывшимъ слѣдствіемъ двухъ поражений, нанесенныхъ имъ въ одно и то-же время итальянцамъ и венгерцамъ, чтобъ внести въ административную дѣятельность духъ равенства и централизаціи, частію уже внесенный въ сферу гражданскаго вѣдомства. Высшему же дворянству предоставлены были права, не противорѣчившія духу централизаціи. Изъ этого произошло то, что если Австрія при новыхъ государственныхъ мѣрахъ и представляетъ болѣе элементовъ равенства, нежели сколько было ихъ до 1848 года, за то государство лишено всякой политической свободы. Такъ, напримеръ, провинціальныя сеймы верхней и нижней Австріи, Чехіи, Штиріи и Тироля болѣе не существуютъ. Нѣтъ болѣе съѣздовъ въ Кроаціи и Трансильваніи. Нѣтъ болѣе венгерской конституціи. Эти народныя собранія должны были замѣниться вновь учрежденными комитетами; но они не могли имѣть никакого значенія въ судьбѣ народа. Ясно, что правительство взяло вездѣ верхъ, сдѣлалось снова безусловнымъ властелиномъ и продолжало управлять по своему.

Мы видѣли, что представителемъ духа централизаціи былъ князь Шварценбергъ, который съ самого начала новаго царствованія и въ-особенности со времени паденія Венгрии, не переставалъ направлять къ этой цѣли всѣ силы австрійской администраціи. Но Шварценбергъ приближался къ концу своей жизни. Истощенный неутомимой и непрерывной дѣятельностію, онъ не безъ самодовольствія видѣлъ приближающуюся смерть свою, потому что самообольщеніе этого государственнаго мужа было такъ велико, что только при его содѣйствіи, какъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ, Австрія могла спасти себя среди ужасныхъ бурь, которыя потрясли ее въ самомъ основаніи. Князь Фелпксъ Шварценбергъ принадлежалъ къ древнѣйшей чешской фамилии Черногора, издавна

онѣмеченной въ Шварценберговъ и тѣсно связанной съ судьбой австрійскаго эрцгерцогства. Онъ былъ сыномъ Шварценберга, бывшаго въ Парижѣ посланникомъ во время женитьбы Наполеона I съ Марією-Луизой *). Съ молодыхъ лѣтъ Феликсъ Шварценбергъ посвятилъ себя дипломатической службѣ, и первые шаги его на этомъ поприщѣ не предвѣщали ничего, кромѣ горячности и заносчивости въ характерѣ, отличавшихъ его и впослѣдствіи. Только съ 1848 года выказался въ немъ весь изворотливый дипломатизмъ, характеризующій австрійскую политику. Вынужденный оставить свое мѣсто посланника въ Неаполѣ, вслѣдствіе оскорбленій, нанесенныхъ ему со стороны народа, онъ поспѣшилъ укрыться тамъ, гдѣ сосредоточена была тогда настоящая Австрія, т. е., въ арміи Радецкаго. Имѣя чинъ генерала, хотя онъ никогда не былъ дотогѣ въ дѣйствующей арміи и вѣнной службѣ, Шварценбергъ нашелся въ необходимости переслать всякое предубѣжденіе и показать на дѣлѣ, что онъ достоинъ званія, которое пришлось ему принять въ арміи стараго фельдмаршала. Посланный Радецкимъ въ Инспрукъ, чтобы ободрить императорскую фамилію, находившуюся здѣсь въ изгнаніи, онъ успѣлъ обратитъ на себя особенное вниманіе императора и эрцгерцоговъ, такъ что послѣ октябрскаго переворота, когда положено было ввести новое преобразование въ имперіи, трудное это дѣло было поручено князю Шварценбергу. Вотъ путь, по которому шелъ онъ и достигъ высшаго поста въ государствѣ. Изъ предъидущаго мы видѣли какимъ образомъ исполнилъ онъ возложенную на него обязанность преобразования австрійской имперіи, а далѣе увидимъ и плоды, приписанные этимъ преобразованиемъ. Смерть его была почти мгновенна. Въ началѣ апрѣля 1852 года, приготовляясь однажды отправиться на обѣдъ къ своему брату, онъ вдругъ упалъ безъ чувствъ въ своей уборной. Усилія докторовъ оказались бесполезными; чрезъ полчаса его не стало. Когда императоръ поспѣшилъ, чтобы сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ своему ми-

1) Во время бала, бывшаго по этому случаю въ домѣ австрійскаго посольства, случился пожаръ, въ которомъ погибла мать Ф. Шварценберга.

мистру, то нашелъ одинъ бездушный трутъ. Францъ-Иосифъ былъ сильно оцѣленъ смертію министра, который такъ энергически пережилъ переворотъ, отличившій первые два года его царствованія. Въ рескриптѣ своемъ къ Адольфу Шварценбергу, брату покойнаго, онъ выразилъ публично, какъ чувствительна была для него эта потеря.

Вопросъ о томъ, кто долженствовалъ занять мѣсто перваго министра, сильно занималъ умы всего государства, втеченіе первыхъ дней, до новаго назначенія. Носились слухи, что императоръ, не надѣясь найти человѣка, который въ состояннн былъ бы сосредоточить въ одномъ себѣ столь обширную власть, хотѣлъ раздѣлить ее и поручить одну часть барону Кюбеку, предсѣдателю государственнаго совѣта, другую же графу Рехбергу, бывшему въ то время интернунціемъ въ Константинополь, или графу Буоло-Шауенштейну, посланнику въ Лондонѣ. Слухи эти оправдались, но только отчасти: министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Буоль. Что же касается предсѣдательства въ совѣтѣ министерства, то должность эта была упразднена. Взамѣнъ этого императоръ объявилъ, что всѣ государственные дѣла будутъ обсуживаемы коллегіально подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, а въ случаѣ его отсутствія, мѣсто его долженствовалъ занимать министръ внутреннихъ дѣлъ, Бахъ, какъ старшій членъ кабинета. Очевидно было, что принявъ такое рѣшеніе, императоръ хотѣлъ устранить то неограниченное вліяніе на дѣла, какое было связано съ властію умершаго министра. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ сосредоточить въ своей особѣ всю безусловную власть въ государствѣ. Что же касается личной обстановки г. Баха, то мы должны сказать, что мѣра, принятая императоромъ, имѣла также свое особенное значеніе. Этотъ министръ, имѣя множество враговъ, только одной дружбѣ князя Шварценберга былъ обязанъ своимъ присутствіемъ въ министерствѣ. Думали, что со смертію его покровителя, Бахъ въ свою очередь лишится занимаемаго имъ мѣста, а между тѣмъ вмѣсто немилости со стороны императора, онъ вдругъ получилъ въ помянутомъ назначеннн новый знакъ его высокаго довѣрія. Это обстоятельство ясно показало, что система его предшественника не-

чуть не будетъ оставлена. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней Бахъ показалъ, что онъ твердо рѣшился идти по стопамъ князя Шварценберга. Касательно внутренней политики, Бахъ, подобно Шварценбергу, стремился къ централизаціи. Въ дѣлахъ внѣшнихъ сношеній, графъ Буоль, находясь посломъ въ Лондонѣ, ни въ чемъ не противорѣчилъ старому князю. Вскорѣ оба эти министра дѣйствуя, рука объ руку, показали, что остаются вѣрными мысли своего предшественника. Въ началѣ 1852 года введены были двѣ административныя мѣры, явно клонившіяся къ усилению единства и централизаціи. Это были примѣненіе уголовного уложенія во всѣхъ областяхъ имперіи и законъ о книгопечатаніи.

Кодексъ австрійскихъ уголовныхъ законовъ былъ первоначально введенъ въ 1803 году. Второе его изданіе, пересмотрѣнное и исправленное, появилось подъ вліяніемъ идей, внесенныхъ въ гражданское законодательство со времени 1848 года. Декретомъ же 29 мая 1852 г. постановлялось, что новое уголовное уложеніе имѣетъ войти въ силу во всѣхъ областяхъ имперіи съ 1 сентября того же года. Уложеніе 1803 года было примѣнено только къ эрцгерцогству австрійскому, въ Чехіи и Италіи. Что же касается новаго уложенія, то оно долженствовало войти въ силу въ Венгріи, Кроаціи, Трансильваніи и въ Воеводинѣ.

Въ одно и то-же время былъ изданъ и законъ о книгопечатаніи. Правительство не возстановляя цензуру, тѣмъ не менѣе ввело предупредительную мѣру относительно газетъ и другихъ сочиненій. Эта мѣра заключалась въ предварительномъ представленіи изданій въ особую комиссію, за часъ времени до появленія, не выпуская ихъ изъ типографіи, такъ что въ случаѣ запрещенія, все изданіе могло быть конфисковано въ одну минуту.

Важнѣйшая часть государственнаго благоустройства, на которую было обращено болѣе всего вниманіе новаго австрійскаго правительства, это была часть финансовая. Со времени волненій 1848 и 1849 годовъ она ослабла до того, что требовала самыхъ дѣятельныхъ мѣръ и радикальныхъ преобразованій, чтобы поправить ошибки и возстановить

нормальный бюджет государственныхъ доходовъ и расходовъ. Министръ финансовъ, Баумгартенъ, желалъ рѣшительнымъ переворотомъ выйти изъ этого кризиса, и намѣревался представить финансовымъ людямъ и капиталистамъ настоящее положеніе дѣлъ, не скрывая отъ нихъ всѣхъ недостатковъ и жалкаго положенія финансовъ; вслѣдствіе чего въ *Вльнской газетѣ* явилась статья, хотя и безъ подписи автора, но единогласно приписываемая самому министру. Въ статьѣ этой финансовый кризисъ Австріи прослѣженъ былъ во всемъ своемъ развитіи, начиная съ 1845 года, на который авторъ указываетъ, какъ на исходный пунктъ до постепеннаго упадка австрійской финансовой системы. Въ этомъ году государственный доходъ восходилъ до ста шестидесяти одного милліона гульденовъ съ восемью милліонами дефицита. Въ слѣдующемъ 1846 году безпорядки, возникшіе въ Галиціи вынудили усиленный наборъ и вооруженіе, которыя грозили серьезною опасностію бюджету имперіи, а событія 1847 — 1849 годовъ разстроили его совершенно. Втеченіе этихъ трехъ послѣднихъ годовъ, дефицитъ постепенно возрасталъ отъ семи до сорока пяти милліоновъ, и дошелъ наконецъ до ста двадцати пяти милліоновъ гульденовъ. Параллельно съ увеличеніемъ расходовъ, уменьшались и доходы почти въ одинаковой пропорціи. Въ 1850 году, не смотря на то, что съ возстановленіемъ спокойствія увеличились и доходы государства до ста восьмидесяти милліоновъ, необходимость однакожъ, въ какой была Австрія держать свою армию въ полномъ военномъ составѣ, потребовала до двухъ сотъ пятидесяти одного милліона гульденовъ, такъ что и въ этомъ году дефицитъ представилъ болѣе семидесяти милліоновъ. Впродолженіе четырехъ лѣтъ весь дефицитъ Австріи возросъ до огромной суммы въ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ гульденовъ, или сто пятьдесятъ милліоновъ рублей серебромъ. Правительство, чтобы отклонить приближавшійся въ столь страшныхъ размѣрахъ кризисъ, допустило выдачу банковыхъ суммъ, и кромѣ того прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству — бумажнымъ деньгамъ съ усиленнымъ курсомъ. Средство это имѣло послѣдствіемъ то, что вся звонкая монета почти мгновенно исчезла. Въ такихъ

обстоятельствахъ, чтобы уменьшить обращеніе бумажныхъ денегъ, правительство прибѣгло къ первому займу; но сумма, приобрѣтенная отъ этого займа не была обращена къ предположенной цѣли, а послужила для погашенія части дефицита. Министерство убѣдилось наконецъ, что только по заключеніи мира и по уменьшеніи расходовъ, можно будетъ предпринять что-либо рѣшительное для поправленія финансовъ имперіи. Въ 1852 году правительство думало, что обстоятельства позволяли ему наконецъ предпринять рѣшительную мѣру, въ основѣ которой все-таки лежалъ планъ займа, который предназначался къ покрытію существовавшего еще дефицита, къ выкупу ассигнацій, бывшихъ еще въ обращеніи и къ уплатѣ банковыхъ облигацій. Обнародовавъ мѣры, посредствомъ которыхъ министръ Баумгартенъ имѣлъ намѣреніе пополнить пустоту государственныхъ кассъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отчаявался раскрыть въ самомъ государствѣ новыя производительныя силы и тѣмъ обезпечить его будущность. По этимъ даннымъ, предположенные доходы на 1852 годъ должны были возвыситься до двѣсти двадцати пяти милліоновъ гульденовъ, что составило бы цифру двадцатью милліонами болѣе той, которая была въ 1851 году, сорока милліонами болѣе дохода 1850 года и шестидесятью милліонами болѣе 1845 года. Чтобы достигнуть этой цѣли, министръ финансовъ объявилъ, что онъ не намѣревался прибѣгать ни къ какимъ усиленнымъ мѣрамъ, ни къ возвышенію податей и налоговъ, а напротивъ, онъ надѣялся, что самое общественное благосостояніе будетъ тѣмъ источникомъ, отъ котораго произойдетъ финансовое возрожденіе имперіи. Этой новой мѣрѣ не менѣе содѣйствовали также внутренній заемъ и распушеніе большей части арміи. Еще предшественникъ Баумгартена, Краусъ, имѣлъ намѣреніе уменьшить расходы, и чтобы достигнуть этой экономической цѣли, онъ первый возымѣлъ мысль отдать въ залогъ желѣзныя дороги австрійской имперіи. Хотя мѣра эта и не принесла желанныхъ выгодъ, однакожь Баумгартенъ рѣшился снова пустить ее въ ходъ, такъ что, прежде нежели *Вѣнская газета* опубликовала новый планъ для усиленія финансовыхъ средствъ Австріи, императоръ уже утвердилъ до-

кладъ министра, по которому новый заемъ обеспечивался залогомъ всѣхъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя были проектированы и утверждены, и которыя простирались на четыреста нѣмецкихъ миль, представляя въ сложной цѣнности двѣсти милліоновъ гульденовъ. Заемъ долженствовалъ производиться въ продолженіе десяти лѣтъ, по двадцати милліоновъ ежегодно; казна же съ своей стороны намѣревалась въ то-же время пустить въ обращеніе пяти-процентныя облигаціи, которыя должны были уплачены съ погашеніемъ долга въ 1862 году, въ эпоху, когда предполагалось окончить всѣ недостроенныя желѣзныя дороги Австріи.

Каковы бы ни были усилія залѣчить раны государства, ему предстояло еще много труда, быть можетъ невозможныхъ попытокъ, возродить государственный организмъ тамъ, гдѣ самые элементы способствовали уже къ его разложенію. На первомъ планѣ внутренняго зла были, какъ и всегда, только что усмиренные народы Италіи и Венгріи. Со времени революцій въ этихъ странахъ, положеніе ихъ жителей было въ высшей степени не надежнымъ, такъ что вѣнское правительство относительно Италіи рѣшилось продлить военное занятіе, а что касается Венгріи, окончательно отказать въ возвращеніи ей древней ея конституціи. Чтобы убѣдиться въ какой мѣрѣ необходимы преобразованія въ этихъ странахъ, императоръ рѣшился лично осмотрѣть тѣ провинціи, которыя болѣе всего пострадали во время войны 1848—1849 года. Весной 1852 года Францъ-Іосифъ отправился въ Ломбардію. Современныя газеты оповѣстили тогда, что путешествіе это, хотя и не принесло никакихъ существенныхъ пользъ странѣ, совершенно опустошенной послѣдней войной, по милости императора, оставили по себѣ нѣкоторую надежду въ сердцахъ его итальянскихъ подданныхъ. Въ іюнѣ Францъ-Іосифъ отправился въ Венгрію.

Можно ли было повѣрить, что послѣ столькихъ неудавшихся попытокъ мадьяръ, возвратитъ себѣ прежнія права, послѣ столькихъ рѣшительныхъ отказовъ со стороны правительства предоставить Венгріи прежнее ея значеніе и пре-

имущество надъ народностями обитающими на ея почвѣ, путешествіе императора не вызвало бы какой-либо демонстраціи со стороны недовольнаго населенія? Мысль эта не была чужда и самому Францу-Иосифу и лицамъ, его окружавшимъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, возбуждала нѣкоторыя опасенія и нужно было употребить уловку, которая расположила бы къ восторженной встрѣчѣ императора, если не высшее дворянство, то, по крайней мѣрѣ, довѣрчивую толпу низшихъ классовъ народа. Если въ Ломбардіи населеніе не показало явнаго недовольствія, то какая-то мрачная безропотность и безучастность явно проглядывала въ народѣ. Но въ совершенно другихъ условіяхъ находилась Венгрія, недавно еще шумная, гордившаяся своей минутной свободой, полная горькихъ воспоминаній о своемъ пораженіи. Поэтому правительство, хотя и не имѣло еще явныхъ, осязательныхъ причинъ беспокоиться, завсѣмъ тѣмъ хотѣло особою мѣрою расположить хотя народъ къ приему своего императора. Вслѣдствіе этого, правительство предпослало посѣщенію Франца-Иосифа объявленіе, въ которомъ путешествіе императора по Венгріи имѣло особенною цѣлью *освидѣтельствовать на мѣстѣ нужды страны и народа*. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ объясняется это путешествіе въ полуофициальной австрійской газетѣ—*Oesterreichische Correspondenz*: «Предстоящее свиданіе императора съ его подданными Венгріи, предпринято съ тою цѣлію, чтобы доставить населеніямъ этой прекрасной страны, случай, изъяснить своему государю покорность, любовь и почтеніе, который съ своей стороны, всегда готовый милостиво принять разумно-выраженныя желанія, конечно не упуститъ случая, чтобы не обезпечить за Венгріей гарантіи прочнаго ея благосостоянія. Путешествіе это сгладитъ печальныя воспоминанія послѣднихъ годовъ и будущія поколѣнія благословятъ день, въ который была отпразднована взаимная любовь наследственнаго государя и его венгерскаго народа». Слова эти были тѣмъ болѣе замѣчательны, что, хотя и не ясно, все-таки однакожь обѣщали венграмъ возстановленіе прежняго порядка вещей и пробудили въ нихъ нѣкоторую надежду.

Восторженная натура мадырскаго племени легко поддается первому впечатлѣнію, въ-особенности, если съумѣтъ польстить

ея національной гордости. Такъ случилось и теперь. Увидѣвъ въ своей средѣ императора, народъ не усомнился, что онъ несетъ съ собою и ихъ прежнія вольности и преобладаніе надъ кроатами и румынами, къ чему они такъ жадно стремились. Францъ-Иосифъ, сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ всеобщій восторгъ особенно въ Пестѣ, и восторгъ этотъ, какъ мы сказали, легко можетъ объясниться изъ страстной натуры мадьяра. Въ противоположность народной радости, высшая аристократія нѣкоторыхъ комитатовъ и особенно пестскаго выказала весьма замѣтную холодность. Нужно сказать, что обиды и гоненія, понесенныя высшей аристократіей венгерской совершенно другаго рода нежели тѣ, которымъ подвергалось остальное дворянство имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, лишая дворянство феодальныхъ его правъ надъ крестьянами, уничтожая его провинціальныя вольности, правительство озаботилось однакожь, въ особенной жалованной грамотѣ отъ 31 декабря 1851 года, обеспечить за нимъ нѣкоторыя привилегіи, такъ, напримѣръ, установленіе маіоратовъ и фидеи-коммисы, равно и исключеніе большихъ владѣльческихъ имѣній изъ обыкновеннаго общиннаго росписанія. Въ той-же грамотѣ объявлено также о составленіи особеннаго положенія, въ которомъ опредѣлены будутъ привилегіи наследственнаго дворянства. Преимущества эти могли быть достаточны и удовлетворительны для провинціального дворянства, которое, до 1848 года, не имѣло особенныхъ политическихъ правъ. Но какимъ образомъ удовлетворить дворянство Венгріи? Магнаты этого королевства, низведеннаго на степень простой провинціи, не смотря на то, что оно сохранило свое историческое названіе, не могли безъ глубокаго сожалѣнія вспоминать о тѣхъ потеряхъ, которыя понесли они въ послѣднее время, и хотя правительство старалось обнадежить ихъ, они все-таки не могли ожидать полнаго возстановленія своихъ прежнихъ правъ. Какъ бы то ни было, путешествіе Франца Іосифа по Венгріи въ правительственномъ отношеніи было исполнѣе удовлетворительнымъ. Правительство пришло къ тому убѣжденію, что съ небольшими пожертвованіями, разумѣется на однихъ словахъ, могло не только успокоить народъ и среднее сословіе, но и привлечь его на свою сторону.

Совершивъ это путешествіе по Венгріи, и возвратившись въ Вѣну, Францъ-Иосифъ хотѣлъ предпринять другое, именно, — онъ желалъ посѣтить своихъ, какъ онъ выражался, *сърмыль* и храбрыхъ кроатовъ. Путешествіе это не представляло никакихъ предубѣжденій, никакихъ недоразумѣній, и вѣнскій дворъ, на основаніи предъидущаго образа дѣйствій кроатовъ, въ правѣ былъ ожидать со стороны этого народа самаго лестнаго приѣма. Не было никакого сомнѣнія, чтобы народъ, пролившій, въ 1848 и 1849 годахъ, кровь свою за имперію, не будетъ готовъ встрѣтить своего молодого императора; восшествію котораго на престолъ онъ такъ мощно содѣйствовалъ, съ знаками живѣйшей любви и сочувствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать, если судить о чувствахъ кроатовъ къ новому правительству по вышеизложеннымъ причинамъ. На дѣлѣ однакожь было иначе: австрійскіе славяне и въ-особенности кроаты, взявъ сторону правительства во время венгерской революціи, проливали кровь свою не для того только, чтобы спасти имперію и вмѣстѣ съ нею Габсбурговъ; у нихъ была своя затаенная мысль, и мы видѣли, что именно ихъ побуждало такъ усердно ратовать за вѣнскій престолъ. Они не менѣе итальянцевъ, не менѣе мадяровъ сгарили желаніемъ сохранить свою національность, и если, вопреки всякому ожиданію, стали подъ знамя германизма, то единственно потому, что думали и видѣли въ этомъ торжество своихъ провинціальныхъ правъ и привилегій. Принявъ сторону нѣмцевъ, кроаты не только избавлялись отъ преобладанія мадяръ, которыхъ владычество было такъ для нихъ невыносимо, но полагаясь на обѣщанія вѣнскаго кабинета, съ которымъ прямыя сношенія ведены были баномъ Іеллачичемъ, они надѣялись послѣ побѣды пользоваться особенными милостями императора. Самыя блестящія надежды поддерживали кроатовъ во время борьбы ихъ съ венграми. Но вскорѣ они не могли не разочароваться, когда увидѣли, что вмѣсто областной свободы, они должны были подчиниться централизаціи, связавшей ихъ не менѣе мадярскаго владычества. Кроація рассчитывала на независимую администрацію, подобную той, какою пользовалась Венгрія до 1848 года. Но вслѣдствіе началъ, изложенныхъ въ конституціи 4-го марта 1849 г.,

и поздвѣе — въ жалованной грамотѣ 31-го декабря 1851 года, они должны были отказаться отъ всякой надежды, и не скрывали болѣе своего неудовольствія. Когда Францъ-Иосифъ прибылъ въ Кроацію, то ему не былъ оказанъ приѣмъ, встрѣтившій его въ Венгріи. Не смотря на всѣ усилія гражданскихъ и военныхъ властей скрыть отъ вниманія императора холодность населенія цѣлой области, императоръ однакожь не могъ не замѣтить ея, и поспѣшилъ выѣхать въ Вѣну. Убѣдился ли онъ, что борьба централизаціи съ историческими преданіями и племеннымъ вопросомъ, составляетъ, и долго еще будетъ составлять исключительный характеръ внутренняго состоянія австрійской монархіи?

Если Австрія, какъ показано было выше, успѣла восстановить свое вліяніе въ итальянскихъ областяхъ, которое имѣла она тамъ до 1848 года, то нельзя сказать, чтобы это вліяніе не вызвало никакого сопротивленія правительственнымъ ея видамъ. Доказательствомъ этому служатъ смуты, которыя возникли вскорѣ послѣ того въ Ломбардіи. 6-го февраля 1853 года возмущеніе вспыхнуло въ Миланѣ. Изъ разныхъ концовъ города бросился народъ на гауптвахту и другіе военные посты, и началъ воздвигать баррикады. Многіе ворвались въ замокъ, причемъ было убито и ранено нѣсколько офицеровъ. Но вскорѣ подоспѣвшіе полки, окруживъ мятежниковъ, успѣли потушить и самое возстаніе. За исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ, убитыхъ на улицахъ, попытка этого возстанія не имѣла болѣе серьезнаго значенія. Правительство не знало, что движеніе это было возбуждено Мадзини. Прокламація, подписанная имъ, Саффи, Квадрио, Агостини и назначенная для ломбардскаго населенія, не ограничивалась однимъ только возгласами. Она указывала также на планъ дѣйствій, направляя ихъ на слабыя стороны непріятеля.

Въ одно время съ этой прокламаціей Мадзини, послѣдовала и другая, подписанная Кошутомъ, *отъ имени венгерской націи солдатамъ, находящимся въ Италіи*. Легко было узнать въ ней мадярскаго трибуна по его гиперболическимъ выраженіямъ, какъ легко можно было узнать и Мадзини по

его гуманному мистицизму. Чтобы возбудить большее сочувствіе въ итальянцахъ, воззваніе Кошута выѣзжало на возгласахъ, подобныхъ слѣдующимъ: что ни одинъ народъ не чувствуетъ мадярамъ такъ сильно, какъ итальянцы; что Венгрія составляла правое крыло арміи Кошута, а Италия лѣвое; что въ тотъ день, когда было поднято знамя міровой свободы, итальянскій солдатъ въ Венгрії и мадярскій воинъ въ Италіи должны были соединиться, чтобъ поддержать правое дѣло итальянскихъ братій. — Прокламація эта, какъ мы сказали, была приписана Кошуту, а между тѣмъ, вскорѣ послѣ ея появленія, онъ помѣстилъ въ англійскихъ журналахъ письмо, въ которомъ объявлялъ, что съ негодованіемъ узналъ объ обнародованіи отъ его имени воззванія по случаю миланскихъ смуть 6 февраля, въ которомъ призывалъ венгровъ принять участіе въ неудавшейся попыткѣ ломбардцевъ. Изъ этого письма Кошута ясно было видно, что онъ, хотя и не отказывался отъ роли агитатора, тѣмъ не менѣе находилъ, что время еще не настало для возбужденія Венгрії, и что онъ не принялъ никакого участія въ вспышкѣ 6 февраля.

Но послѣ этого, какимъ образомъ объяснить прокламацію, распространенную подъ его именемъ? Не была ли она уловкою Мадзини? Обстоятельство это не замедлило вскорѣ объясниться и объясненіе далъ самъ Мадзини. Прокламація была дѣйствительно написана Кошутомъ, но гораздо прежде миланскаго возмущенія, на всякій случай. Мадзини, безъ вѣдома Кошута, думалъ, что настало время пустить её въ ходъ, и измѣнивъ нѣсколько словъ, выставивъ февраль 1853 года, думалъ этимъ приписать себѣ счастливыя послѣдствія возмущенія. Но если Кошутъ рѣшился отказаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ 6 февраля, онъ не могъ однакожь отвергнуть подлинности воззванія, носившаго его подпись. Послѣ этой, такъ сказать, домашней расправы, оба трибуна кончили тѣмъ, что помирились, продолжая восхвалять другъ друга, въ журналахъ. Не одинъ Кошутъ протестовалъ противъ злоупотребленія своего имени. Цезарь Агостини, имя котораго было, какъ мы видѣли, подписано рядомъ съ именемъ Мадзини подъ итальянской прокламаціей, въ свою оче-

редь объявилъ, что онъ рѣшительно не принималъ участія во всемъ этомъ дѣтски затѣянномъ дѣлѣ. И вотъ люди, считавшіеся передовыми дѣятелями на пути возрожденія своего отечества!

Эта несчастная вспышка въ Миланѣ, — иначе и назвать ее нельзя, — навлекла на Ломбардію новыя строгости. Низкая попытка убить императора, случившаяся въ Вѣнѣ, почти одновременно съ безумнымъ предпріятіемъ Мадзини, еще болѣе долженствовала усилить мѣры строгости, въ которыхъ правительство не имѣло недостатка. Ломбардія, и въ-особенности Миланъ, были объявлены въ строжайшемъ военномъ положеніи. Лучше всего можетъ объяснить это положеніе прокламація фельдмаршала Радецкаго отъ 11 февраля того же года, въ которой онъ объявляетъ жителямъ ломбардо-венеціанскихъ областей, что при малѣйшемъ признакѣ, при малѣйшемъ подозрѣніи въ какой бы ни было попыткѣ ихъ противъ мѣстныхъ властей, онъ немедленно употребитъ для ихъ усмиренія не только всю строгость законовъ, но и самую неограниченную жестокость, разрѣшенную ему императоромъ. Кромѣ того были приняты мѣры къ конфискаціи недвижимостей итальянскихъ эмигрантовъ, что подало поводъ къ обмѣну между туринскимъ и вѣнскимъ кабинетомъ нѣсколькихъ довольно энергическихъ нотъ, потому что, между конфискованными имуществами были и такія, которыя принадлежали піэмонтскимъ подданнымъ.

Миланское возмущеніе породило также нѣкоторыя неудовольствія между Австріей и швейцарскимъ союзомъ. И прежде этого обстоятельства неоднократно происходили между двумя правительствами непріязненные столкновенія, по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ относившихся къ международному праву. Такъ, на примѣръ, въ августѣ 1852 года, Австрія, по случаю принятыхъ тессинскимъ совѣтомъ мѣръ относительно управленія семинарій въ Поледжіо и Асконѣ, потребовала, чтобы управленіе ихъ вошло снова въ юрисдикцію миланскаго архіепископа. Швейцарское правительство отклонило отъ себя положительный отвѣтъ, который дало только въ маѣ слѣдующаго года. Затѣмъ произошли новыя

неудовольствія и новыя столкновенія между вѣнскимъ кабинетомъ и Швейцаріей по случаю настоятельнаго требованія Австріи изгнать изъ тессинскаго кантона иностранныхъ капудиновъ. Къ этимъ затруднительнымъ спорамъ присоединилось и миланское возстаніе. Австрійское правительство, избличая тессинскій кантонъ въ покровительствѣ итальянскимъ заговорщикамъ, объявило его въ осадномъ положеніи. Съ февраля мѣсяца правительство швейцарскаго союза и графъ Карницкій, уполномоченный со стороны Австріи, вели по этому случаю довольно живые переговоры. Карницкій объявилъ притязанія Австріи относительно тайныхъ сношеній тессинскаго кантона съ Ломбардіей. Онъ упрекалъ этотъ кантонъ въ его поступкахъ, *не соответствовавшихъ ему, какъ доброму сосѣду*. Въ глазахъ Австріи преступленіе *согда* было явно: онъ, принявъ и пріютивъ у себя государственныхъ преступниковъ австрійской имперіи. Этимъ не ограничились нападки Карницкаго; онъ вмѣнилъ тессинцамъ въ преступленіе и то обстоятельство, что они, независимо отъ гостепрѣимства, даннаго ломбардцамъ, приняли даже нѣкоторыхъ изъ нихъ въ число своихъ гражданъ и доставили имъ случай отправлять общественныя должности. Изъ тессинскихъ типографій выходило также множество возмутительныхъ брошюръ, которыя распространялись въ Ломбардіи посредствомъ контрабанды и поддерживали въ народѣ тревожный духъ революцій. Въ 1848 году тессинскіе волонтеры, снабженные оружіемъ и снарядами изъ общаго арсенала, явились на помощь къ ломбардцамъ. Швейцарское знамя, развѣвавшееся тогда въ Миланѣ, служило неопровержимымъ доказательствомъ тессинскому вмѣшательству. Въ Венеціи швейцарскіе кондотіери, до самой капитуляціи не переставали поддерживать въ народѣ духъ сопротивленія. Далѣе, въ 1849 году, во время перемирія, тессинскіе волонтеры, предводимые Раймондомъ Каммоцо, ворвавшись чрезъ швейцарскую границу въ Ломбардію, пытались возмутить Комо, Бергамо, Брешию и Валентину. Правду сказать, между Австріей и швейцарскимъ союзомъ былъ заключенъ особый договоръ, по которому союзъ обязывался не держать въ своихъ предѣлахъ людей, обвиненныхъ въ государственной

измѣнѣ Австріи; но швейцарцы подъ разными предлогами постоянно уклонялись отъ исполненія этого договора. Графъ Карницкій доказывалъ также, что въ тессинскомъ кантонѣ заблаговременно знали уже о предстоящемъ возмущеніи 6 февраля, и указывалъ на швейцарскія газеты, которыя еще 4 февраля, упоминая о предстоявшемъ движеніи, предлагали не принимать въ немъ никакого участія. Въ подобныхъ случаяхъ не слѣдовало ли тессинскому правительству, *какъ доброму сосѣду*, тотчасъ извѣстить ломбардскія власти о приближавшейся опасности? Все это было изложено графомъ Карницкимъ въ особой нотѣ отъ 15 марта швейцарскому союзу, который, получивъ въ свою очередь донесеніе отъ посланнаго въ тессинскій округъ чиновника, для изслѣдованія на мѣстѣ притязаній австрійскаго кабинета, отвѣчалъ послѣднему въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что резидентъ австрійскаго двора, находившійся въ Бернѣ, получилъ приказаніе временно оставить свой постъ. Не смотря на это, формальнаго разрыва не послѣдовало. Швейцарскій союзъ послалъ съ своей стороны приказаніе повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ прекратить всякія сношенія съ императорскимъ правительствомъ. Графъ Буоль успѣшилъ успокоить его тѣмъ, что, вызывая, какъ онъ говорилъ, изъерна графа Карницкаго, вѣнскій кабинетъ вовсе не имѣлъ въ виду разрыва съ союзомъ и что сношенія между обоими правительствами по прежнему остаются тѣже. Это объясненіе заставило союзъ отмѣнить намѣреніе относительно отзыва изъ Вѣны своего повѣреннаго въ дѣлахъ.

Вліяніе Австріи въ дѣлахъ внѣшней ея политики были гораздо успѣшнѣе на Востокѣ, куда былъ посланъ графъ Лейнингенъ. Два важныя обстоятельства вызвали вмѣшательство Австріи на этомъ поприщѣ и въ обоихъ случаяхъ изворотливый дипломатизмъ ея торжествовалъ побѣду. Смуты въ Черногоріи, которой сторону такъ неожиданно приняла Австрія, и еще болѣе важный вопросъ относительно святыхъ мѣстъ, поднятый Россіей, были причиной поѣздки графа Лейнингена въ Константинополь. Успѣшное окончаніе черногорскихъ дѣлъ объясняется тѣмъ, что австрійское правительство не могло равнодушно смотрѣть на возраставшее

вліяніе Россіи между православными племенами юго-востока Европы. Не предчувствовала ли она готовившееся тогда посольство въ Константинополь относительно религіозныхъ дѣлъ Востока? Какъ бы то ни было, графъ Лейнингенъ, прибывъ въ Константинополь 20 января 1853 года съ собственноручнымъ письмомъ императора къ султану, на другой же день отправился къ великому визирю и къ министру иностранныхъ дѣлъ. Представившись за тѣмъ султану на особой аудіенціи, Лейнингенъ сообщилъ портѣ ноту, въ которой главный вопросъ касался дѣлъ черногорскихъ. Австрійскій посолъ объявилъ, что мѣры, принятыя султаномъ въ отношеніи черногорцевъ, должны были быть приведены въ дѣйствіе по предварительномъ согласіи съ вѣнскимъ кабинетомъ, чего порта съ своей стороны не сдѣлала. Австрія тѣмъ болѣе доказывала свое удивленіе и неудовольствіе, что распря Турціи съ Черногоріей принимала характеръ священной войны, почему и требовала категорическаго объясненія, съ какою цѣлію ведется эта война. Другая, не менѣе важная причина посольства Лейнингена, изложенная въ нотѣ, поданной дивану, была присутствіе въ войскѣ и штабѣ Омеръ-паши венгерскихъ эмигрантовъ, которыхъ удаленія онъ требовалъ немедленно и настоятельно. Далѣе черезполосныя земли, на которыхъ стоятъ Клякъ и Сотторино, находящіяся во власти Турціи и раздѣляющія въ двухъ мѣстахъ Далмацію, были также предметомъ искательства со стороны графа Лейнингена. Онъ объявилъ, что австрійское правительство настойчиво требуетъ самаго положительнаго разрѣшенія со стороны высокой порты всѣхъ этихъ затрудненій. Отвѣтъ послѣдовалъ чрезъ нѣсколько дней. Порта объявила, что она удивляется почему австрійское правительство придало столько важности военнымъ дѣйствіямъ противъ Черногоріи. Если бы усмиреніе этой страны могло быть достигнуто съ меньшими силами противъ тѣхъ, которыя въ настоящее время тамъ стянуты, то она и не подумала бы увеличить число своихъ войскъ на черногорской границѣ. Но съ другой стороны турецкое правительство увеличило это число единственно съ тою цѣлію, чтобы устранивъ христіанское населеніе и предотвратить всякое кро-

вопролитіе. Такъ какъ эти распоряженія не могли причинить какого-либо безпокойства столь сильному государству, какова Австрія, то Порты и не думала, чтобы вѣнскій дворъ могъ питать въ этомъ отношеніи малѣйшее подозрѣніе. Кромѣ того военныя движенія были предварительно сообщены въ особой запискѣ австрійскому посольству въ Константинополь, когда извѣщали его о блокадѣ береговъ Скорды. Если бы австрійскій уполномоченный пожелалъ ранѣе узнать причину этихъ передвиженій, то порта не замедлила бы дать самое удовлетворительное объясненіе. Какъ бы то ни было, турецкое правительство и теперь не отказывается объявить, что никогда, ни въ какихъ случаяхъ не имѣло намѣренія чѣмъ-либо огорчить австрійскій кабинетъ. Даже въ инструкціи, врученной предводителю военныхъ силъ, направленныхъ противъ Черногоріи, настоятельно требовалось всячески уважать границы Австріи. Что же касается мнимаго значенія настоящей войны, поднятой будто бы мусульманами въ видѣ священной противъ христіанъ, то подобная мысль, какъ доказывалъ Фуадъ-Эффенди, не могла быть допущена въ правленіе султана, который неоднократно давалъ самыя явныя доказательства, съ какимъ попеченіемъ старается онъ о благоденствіи всѣхъ своихъ подданныхъ безъ исключенія. «Правительство султана, продолжалъ Фуадъ-Эффенди, съ негодованіемъ отклоняетъ отъ себя подобныя нареканія. Ему не трудно доказать самыя ясныя доводами, что всѣ эти обвиненія не имѣютъ никакого основанія. Но самое положительное оправданіе, какое можетъ привести Порты, это то, что большая часть иррегулярнаго войска, находящаяся теперь въ походѣ, состоитъ изъ волонтеровъ, христіанскихъ подданныхъ султана.» Послѣ этого оправданія въ отношеніи Черногоріи, слѣдовалъ отвѣтъ Порты на второе притязаніе Австріи, относительно венгерскихъ эмигрантовъ, преимущественно офицеровъ, находившихся въ арміи Омеръ-паши. Дѣйствительно, Порты не отказывалась признаться, что эмигранты точно находятся въ дѣйствующей ея арміи, но чтобы дать новое доказательство своихъ искреннихъ и дружественныхъ отношеній къ австрійскому кабинету, она готова немедленно отправить приказъ выслать всѣхъ офицеровъ-вы-

ходцевъ, во внутрь турецкой имперіи. Что же касается вопроса относительно портовъ Клэка и Сотторино, министр иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-Эффенди отвѣчалъ, что права на нихъ Порты не подлежали никакому сомнѣнію, и что она изстари владѣла ими. Еще во время посольства барона Оттенфельса, въ 1832 году, Австрія признала оба эти пункта за оттоманскую Портой. Напомявъ этотъ случай, турецкое правительство выразило желаніе войти съ Австріей въ новые переговоры по этому предмету.

Австрійскій посолъ не былъ вполнѣ удовлетворенъ отвѣтами высокой Порты. Онъ предложилъ проектъ ноты, требуя, чтобы втеченіе трехъ дней диванъ согласился принять его, въ противномъ случаѣ угрожалъ разрывомъ. Смыслъ предложеннаго проекта ноты былъ слѣдующій: Порты должна была объявить, не нарушая своихъ владѣтельныхъ правъ на Черногорію, что она не имѣла никакого намѣренія отступить отъ *statu quo ante bellum*, и что она немедленно оттянетъ свои войска отъ предѣловъ Черногоріи. Далѣе Порты должна была обязаться назначить комиссію для изслѣдованія, точно ли мѣстныя начальства не возбуждали религіозный фанатизмъ турокъ противъ христіанъ. Что же касается портовъ Клэка и Сотторино, то диванъ, въ надеждѣ на дружественное соглашеніе по этому предмету, какъ и самъ предлагалъ, не станеть предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ даже въ такомъ случаѣ, если представится по этому предмету какое-либо недоразумѣніе между двумя правительствами. Наконецъ, Порты обязывалась внести въ австрійскую интернунціатуру 200,000 гульденовъ въ вознагражденіе убытковъ австрійскихъ подданныхъ, которыхъ контракты для рубки лѣса въ Босніи, были противузаконно уничтожены по приказанію Омеръ-паши. Таковы были требованія австрійскаго посла, и Порты, сознавая справедливость нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшилась окончить ихъ полюбовно, чтобы отклонить угрожавшій ей разрывъ съ Австріей, котораго послѣдствія могли бы быть для нея невыгодными. Не смотря на это, она не рѣшилась принять безусловно проектъ ноты, такъ нецеремонно продиктованный графомъ Лейнингеномъ. Соглашаясь на предложеніе относительно Черно-

ріи, Кляка и Сотторино, Порта рѣшила однакожь, чтобы права ея относительно этихъ мѣстъ, были бы вполнѣ обезпечены и не подлежали бы никакому сомнѣнію. «Высокая Порта, сказано было между прочимъ въ турецкой нотѣ, признавая за собою всѣ права, которыя имѣетъ надъ Черногоріей, объявляетъ, что она вовсе не имѣетъ намѣренія покуситься на какія-бы то ни было измѣненія въ этой странѣ, ни относительно ея внутренней администраціи, ни въ отношеніи измѣненія ея территоріи. Вслѣдствіе чего, оттоманское правительство немедленно сдѣлаетъ нужное распоряженіе, чтобы войска его отступили отъ границъ этой области.» Подобно этому и остальные требованія австрійскаго правительства были немедленно удовлетворены, вслѣдствіе чего графъ Лейнингенъ отправился изъ Константинополя 14 февраля и чрезъ Каттаро прибылъ въ Вѣну, окончивъ свое порученіе съ полнымъ успѣхомъ.

Не много времени спустя послѣ отъѣзда графа Лейнингена прибылъ въ Константинополь князь Меншиковъ. Посольство его было такъ неожиданно, что Австрія пришла въ сильное недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что въ Константинополѣ интернунціатура ея не была никѣмъ замѣщена. Со времени военнаго вмѣшательства Россіи въ 1849 году, Австрія уже начинала тяготиться своею признательностію къ этой державѣ. Малѣйшее дипломатическое движеніе къ югу, малѣйшее вниманіе, обращенное Россіей на внутреннія дѣла Турціи относительно христіанскаго ея населенія, хотя бы и простое напоминаніе дивану объ исполненіи его обязательствъ по договорамъ, уже достаточно было, чтобы возбудить въ австрійскотъ дворѣ самыя нелѣпыя подозрѣнія, относительно разширенія предѣловъ Россіи къ Дунаю. Ниже мы будемъ имѣть случай привести систематическое подготовленіе самой Австріи со времени Маріи-Терезіи, къ обладанію дунайскими княжествами, и непомерное честолюбіе этой державы постоянно рисовало напуганному ея воображенію походы русскихъ полковъ за Прутъ и къ Дунаю. Послѣднее занятіе княжествъ въ 1854 году, казалось, было торжествомъ преслѣдуемой австрійскимъ дворомъ мысли относительно Молдавіи и Валахіи, но разочарованіе долженствовало неминуемо

послѣдовать. Находясь постоянно подъ этою господствующею мыслию преобладанія на нижнемъ Дунаѣ, могла ли Австрія оставаться спокойною сосѣдствомъ Россіи, державы, къ которой дунайскіе народы и по племенному единству и по вѣрѣ чувствуютъ болѣе нежели къ ней естественное влеченіе. Разрывъ, вызванный посольствомъ князя Меншикова, поставилъ Австрію между двумя огнями. Съ одной стороны благодарность къ Россіи, съ другой угрозы западныхъ державъ, принявшихъ сторону Турціи. Но личный ея интересъ, — а время показало, какъ невѣрно былъ разсчитанъ этотъ интересъ, — взялъ верхъ, и Австрія *удивила міръ своею неблагодарностію.*

Н И Щ А Я.

(Изъ Беранже.)

Посвящается Марья Александровна Георгиевской.

Снѣгъ хлопьями валить! На площади соборной
Въ лохмотья нищая молитвы къ Небу шлетъ,
— А стужа между тѣмъ часъ отъ часу упорнѣй, —
Дрожа, окоченѣвъ, старушка хлѣба ждетъ.
И глѣтомъ и зимой къ преддверію собора
Бредетъ она одна, съ молитвою своей:
Увы! Она слѣпа! Какая скорбь и горе!
О! подадимъ же милостыню ей!

Но въ жизни и у ней есть свѣтлая страница,
Разгонимъ же, друзья, прошедшаго туманъ:
Та нищая была красавица-пѣвица, —
Предметъ всеобщаго восторга парижанъ.
Являлась ли она съ улыбкой или слезою, —
Восторженный партеръ души не слышалъ въ ней;
Всѣ грезили ея блестящей красотою:
О! подадимъ же милостыню ей!

Кончался лишь спектакль, — не разъ она, бывало, —
Летитъ къ себѣ домой на быстрыхъ лошадяхъ,
Толпа поклонниковъ кумиръ свой провожала,
И «браво!» на бѣгу кричала въ торопяхъ.
Чтобъ съ колесницы снявъ у свѣтлаго чертога,
Покою сладкому предать её скорѣй, —
Вчастую молодежь толпилась у порога:
О! подадимъ же милостыню ей!

Въ тѣ дни, когда вѣнки сплеталъ ей добрый геній,
 Въ дни роскоши — она имѣла свой дворецъ:
 О! сколько бронзъ, статуй, хрустальныхъ украшеній
 Принесено любви отъ любящихъ сердецъ!
 И музы къ ней на ниръ слетались толпою,
 Трапезѣ и вину, одна другой вѣрнѣй, —
 Такъ гнѣзда и въ дворцахъ вьютъ ласточки весною:
 О! подадимъ же милостыню ей!

Но вотъ переворотъ! Съ болѣзнію жестокой —
 Въ ней голосъ вдругъ исчезъ, въ глазахъ померкнулъ свѣтъ, —
 И въ слѣдъ за тѣмъ ея — сироткой одинокой,
 Ходящей по-миру — я вижу двадцать лѣтъ.
 Кто могъ — подобно ей — творить благодѣянья
 И сыпать золото для счастья людей?.....
 И вотъ она сама ждетъ робко подаянья:
 О! подадимъ же милостыню ей!

Удвоился морозъ! Всѣ члены онѣмѣли,
 И четки ужъ у ней не держатся въ рукахъ:
 Межъ тѣмъ, какъ нѣкогда на четки — въ самомъ дѣлѣ —
 Взглянула бы она съ улыбкой на устахъ.
 И если сердце въ ней, подъ гнетомъ испытаній,
 Стремится къ небесамъ въ минуты тяжкихъ дней, —
 Чтобъ не лишитъ его послѣднихъ упованій, —
 О! подадимъ же милостыню ей!

Н. ЛУГОВСКОЙ.

К Р И Т И К А.

Дворянское гнѣздо. И. С. Тургенева. Москва. Изданіе книгопродавца Глазунова. 1859. Въ типографіи Каткова и К°. 320 стр., in-8°.

Послѣ Пушкина мы не знаемъ писателя, который бы пользовался такою любовію нашей публики, какъ г. Тургеневъ. Въ чемъ же заключается тайна этой любви, которой дорожитъ каждый писатель? Посмотримъ, что говоритъ объ этой завидной любви одинъ изъ гениальнѣйшихъ нашихъ поэтовъ. Подавленный мрачными, отвратительными образами, которые суждено было творить его фантазіи, Гоголь съ увлеченіемъ восклицаетъ: «Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностію, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство чело­вѣка, который, изъ великаго омота ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ, и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурнулъ упол­тельнымъ куревымъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго чело­вѣка. Все, рукоплещая, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за тор­жественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ имену­ютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими гсініями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ мизодья пылкія сердца,

отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!...» (Мертвыя Души, изд. второе, стр. 252).

Намъ понятенъ этотъ вопль болящей души, но на подобныхъ сентенціяхъ мы не можемъ успокоиться. Во взглядѣ на счастливаго писателя Гоголь былъ слишкомъ одностороненъ, объясняя противоположный ему родъ поэтической дѣятельности лестію. Иронія, и здѣсь высказанная Гоголемъ, не выдерживаетъ критики: быть поэтомъ съ положительнымъ воззрѣніемъ на жизнь еще не значитъ быть великимъ всемірнымъ поэтомъ, парящимъ орломъ, и прекрасное въ жизни не составляетъ только не многихъ исключеній. Въ блестящую эпоху дѣятельности Гоголя эстетическое воззрѣніе его безусловно было принято всемі, впрочемъ, по причинамъ совершенно понятнымъ, историческимъ. Теперь, въ наше время, когда на горизонтѣ яркимъ блескомъ засвѣтилась заря иной, лучшей жизни, когда благіе дары свободы будутъ вскорѣ удѣломъ не нѣкоторыхъ только, но всѣхъ, мы, воздавая должную дань уваженія великому художнику, трудившемуся въ иное время, страдавшему за это иное-время, можемъ смотрѣть спокойнѣе и любовнѣе на жизнь. И это не оптимизмъ, а вытекаетъ изъ самой жизни: гдѣ жизнь — тамъ и прекрасное, тамъ и поэзія! Но въ характеристикѣ Гоголя останавливаетъ насъ одна, по обыкновенію, мѣтко сказанная имъ фраза, которою мы здѣсь и воспользуемся для нашей цѣли, хотя авторъ Мертвыхъ Душъ даетъ этой фразѣ свой смыслъ — лестіи человѣческой природѣ.

Счастливый писатель, по словамъ Гоголя, окуриваетъ употребительнымъ куревомъ людскія очи — поэтическое выраженіе, превосходно объясняющее тайну любви публики къ писателю! Что же это за *успоительное курево*? Его другой великій художникъ, которому оно было такъ знакомо по опыту, называетъ просто *упоеніемъ*:

«Есть, говорить онъ:
Упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!»

(Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. IV, стр. 419).

Итакъ, *успоительное курево* Гоголя совершенно объясняется упоеніемъ Пушкина: и то и другое выражаетъ понятіе о *поэтическомъ, прекрасномъ*.

Что же такое это поэтическое, прекрасное, поэзия? Старый, давнишний, но тѣмъ не менѣе никогда не теряющій своей знаменательности вопросъ, который нельзя обойти при разборѣ писателя, подобнаго Тургеневу.

Не боясь наскучить читателейъ, мы рѣшаемся поднять его вновь. Прежде всего слѣшимъ оговориться, что мы отдѣляемъ понятія поэтическое, прекрасное, поэзія (въ обще-употребительномъ смыслѣ) отъ понятія о поэзи, какъ объ искусствѣ вообще, имѣющемъ цѣлю художественное изображеніе жизни, или, выражаясь словами Вильгельма Гумбольдта, представленія жизни не такую, какова она на самомъ дѣлѣ (въ чемъ состоитъ задача прозы), а такую, какою она можетъ, или должна быть.

Это *упоительное курево*, это *упоеніе* разлито повсюду, какъ въ жизни физической природы, такъ и въ природѣ человѣка. Гдѣ жизнь, тамъ и упоеніе. Не его ли вы слышите въ шумѣ и говорѣ листьевъ, въ жужжаніи насѣкомыхъ, въ этомъ мірѣ чудесъ, который охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, когда вы вступаете въ таинственную сѣнь лѣса въ прекрасный майскій день? Не оно ли звенитъ громкими трелями соловья, стонетъ въ жалобномъ завываніи вѣтра и ведетъ съ вами понятную, но непереводимую рѣчь? Не его ли вы обоняете въ запахѣ розы и ландыша? Не оно ли манитъ васъ къ себѣ въ поле, въ безбрежную степь, на обширную равнину водъ, на высоту горъ, на низовья долинъ? Не оно ли будитъ васъ отъ умственного сна, когда вы, положительный человѣкъ, давно отказавшійся отъ ребяческихъ бредней, оживаетесь при одномъ воспоминаніи о томъ, какъ и какія чувства возбудила въ васъ когда-то та или другая картина физической природы? Не оно ли, наконецъ, заставляетъ сильно биться въ груди вашей сердце, не оно ли гонитъ изъ очей вашихъ докучныя слезы при взглядѣ на тѣ предметы, которые напоминаютъ вамъ многое — дѣтство, юность, погибшее счастье? Но что же оно такое — это *упоительное курево*? Попробуйте анализировать, что такое пѣніе соловья, что такое майское утро, запахъ розы и ландыша! но анализъ ни къ чему не приведетъ васъ. Не приведетъ ни къ чему философское опредѣленіе прекраснаго, поэтическаго, *упоительнаго*. Дѣло въ томъ, что оно не понимается, а чувствуется, видится, слышится, обоняется. Это сама жизнь, духъ, парящій во всемъ Божьемъ мірѣ, *дыханіе бурно*, вѣчно носящееся, вѣчно волнуемое. Схватить и воплотить его въ чувственномъ образѣ — дѣло, превышающее слабыя силы человѣка. Но искусство не отказы-

пается отъ этой задачи и возможности ее осуществлять; это осуществленіе удастся живописи, музыкѣ и преимущественно лирической поэзии. Но не зависимо отъ физической природы, въ которой такъ видимо, даже для прозаическаго ума, царитъ поэтическое упоеніе, въ самой натурѣ человѣка разлита благодатная его сила. «Вездѣ», говоритъ Гоголь, «гдѣ-бы ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопытно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опытныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленіе, не похожее на все то, что случилось ему видѣть дотошѣ, которое хоть разъ *пробудитъ* въ немъ *чувство*, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперегъ какимъ-бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится *блестящая радость*, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки....» (Мертвыя Души, второе изд., стр. 170—171).

Это свидѣтельство поэта, горячо защищающаго избранное имъ направленіе искусства и съ проніей отзывающагося о поэтѣ — любимцѣ публики, очень замѣчательно. Впрочемъ, Гоголь, какъ истинный художникъ (великій образецъ для объективнаго представленія жизни), часто бросалъ свою мучительную работу и любилъ освѣщать мрачныя свои картины блескомъ, повидимому, не свойственнаго имъ свѣта. Съ такою цѣлю, по нашему мнѣнію, писались имъ лирическія мѣста незабвенной его поэмы. Вспомните то мѣсто въ Мертвыхъ Душахъ, когда поэтъ, неподражаемо изобразивъ дѣятельность Чичикова, переходитъ къ его біографіи. Повидимому, къ чему этотъ біографическій очеркъ? Мрачная картина и безъ того изображена слишкомъ яркими красками, печальный образъ героя и безъ того ужасенъ. Но герой вѣдь человѣкъ, а Гоголь — великій художникъ, который не могъ не страдать за человѣческую природу, который не могъ не найти нѣчто примиряющаго съ нею, нѣчто утешительнаго. И вотъ ему понадобилась біографія Чичикова и понадобилась для того, чтобы объяснить его возмутительную дѣятельность вліяніемъ какой-то высокой, невидимой идеи, чтобы сказать: «И, быть можетъ, въ семь же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на ко-

лѣни челоуѣка предъ мудростію Небесъ.» (Мертвыя Души, изд. второе, стр. 462).

Припомните, какъ Пушкинъ оправдываетъ убійцу Алеко, желая смягчить ужасъ, овладѣвшій душою читателя:

Востокъ денницей озаренный
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшнѣ былъ лицемъ;
Цыганы робко окружили
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбною чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печалю;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно кладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Припомните, какъ поэтъ оправдывается въ этой сценѣ предъ своими критиками. Что же все это доказываетъ? То, что великіе художники глубоко понимаютъ жизнь, что они умѣютъ найдти на днѣ самой порочной души то, что свойственно вообще челоуѣческой природѣ и безъ чего она не мыслима, — то, что мы назвали, выражаясь словами одного изъ нихъ, *упоительнымъ курсомъ*, то, наконецъ, что составляетъ прекрасное, поэтическое.

Слишкомъ бы было горько жить на свѣтѣ, если бы челоуѣкъ только поклонялся золотому тельцу, или лежалъ, спящій не пробудно, на лонѣ ничтожества, нищеты духа, сухаго прозаизма. Не радостна и такая жизнь, которая, удовлетворяя одной сторонѣ даже высшей нашей природы, не обращала бы вниманія на остальные. Но, къ счастью, полнота нашей духовной природы громко обнаруживается, если не въ направленіи цѣлыхъ обществъ, то отдѣльныхъ личностей, тѣхъ немногихъ праведниковъ, безъ которыхъ не было бы спасенія повѣишимъ Насевіямъ.

Жизнь человѣческая не полна, если *не пробуждается въ ней чувство, не похожее на другія, если ни разу не промчится въ ней блистающая радость, если нѣтъ въ ней поэтическаго*. Въ чемъ же обнаруживается это поэтическое въ духовной нашей природѣ? Оно обнаруживается во всемъ томъ, что возвышаетъ нашу духовную дѣятельность, что пробуждаетъ насъ отъ нравственнаго усыпленія, что громко говорить о присутствіи въ насъ божественнаго начала во всемъ томъ, гдѣ проявляется борьба духа съ матеріей, гдѣ человѣкъ, хотя на мгновеніе, является героемъ, во всемъ томъ, наконецъ, что составляетъ нравственно-высокое, трагическое. Въ высокомъ и трагическомъ воплѣ проявляется поэтическое человѣческой природы. Оно свойственно всѣмъ людямъ, и только природы испорченныя или не нормально развитыя лишены его присутствія. Самое поэтическое физической природы существуетъ и понимается нами на столько, на сколько въ насъ присутствуетъ этотъ антропо-поэтический элементъ: въ неразумной природѣ собственно нѣтъ ничего поэтическаго и высокаго. Уловить это — поэтическое, воплотить его въ живой образъ — вотъ задача истиннаго художника. И тотъ, кто успѣваетъ рѣшить эту задачу, дѣйствительно, выражаясь словами Гоголя, *окуриваетъ упоительнымъ куревомъ людскія очи*. Но не всякому писателю удастся это: одному потому не удастся, что онъ избралъ себѣ въ искусствѣ совѣмъ иную цѣль, другому потому, что онъ иначе смотритъ на жизнь, третьему потому, что, при всемъ желаніи выразить поэтическое жизни, онъ не въ силахъ этого сдѣлать, не въ силахъ потому именно, что собственной натурѣ его чуждо необходимое для созданія произведенія, исполненнаго благаго воззрѣнія на жизнь, поэзіи.

Къ числу немногихъ писателей, которымъ такъ удается окуривать людскія очи упоеніемъ, принадлежитъ у насъ Тургеневъ. Вотъ объясненіе тайны, почему авторъ *Дворянскаго Гильда* пользуется такою любовью публики, почему онъ такъ благотворно на нее дѣйствуетъ, почему онъ стоитъ во главѣ современныхъ писателей. Конечно, нѣтъ надобности доказывать, что гоголевское курево съ нашей точки зрѣнія не совмѣстно съ утѣченіемъ, какъ понималъ его авторъ *Мертвыхъ Душъ*. Изобразить поэтическое въ художественномъ произведеніи еще не значитъ польстить людямъ, иначе пришлось бы великаго Шиллера называть величайшимъ изъ льстецовъ. Но если бы кому и вздумалось называть этимъ именемъ германскаго поэта, нашъ русскій писатель уже никакъ не можетъ подвергнуться подобному упре-

ку: г. Тургеневъ стоитъ на одной только русской почвѣ, благодушно обоарѣваетъ несущуюся мимо его жизнь, рисуетъ еѣ безъ всякихъ прикрасъ и только съ особенною любовію схватываетъ ея поэтическое проявленіе. Г. Тургенева давно назвали поэтомъ, конечно въ смыслѣ художника, мастерски умѣющаго изображать поэтическое. Если поэтическое (какъ понятіе) отличается отъ поэзіи (какъ отъ искусства); то, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ отличать поэта въ общепринятомъ смыслѣ слова отъ писателя-художника: если установилось это различіе во мнѣніи образованнаго большинства, то нѣтъ причины не ввести его въ эстетику.

Собственно говоря, ни одно поэтическое произведеніе, къ какому бы роду поэзіи ни относилось оно, не должно бы быть безъ элемента обще-поэтическаго: вотъ причина, почему эстетика такъ упорно держится за цѣльность понятія о поэзіи, не дѣлая того раздѣленія, на которое мы указали.

Но на дѣлѣ этого не бываетъ. Не говоря уже о томъ, что художники неравномѣрно разливаютъ поэтической элементъ въ своихъ произведеніяхъ, по причинамъ, объясненнымъ выше, нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы намѣренно, обходятъ его вовсе. Таковыя задачу искусства видятъ въ одной компоновкѣ, въ сочиненіи, въ объективности воспроизведенія дѣйствительной жизни. Конечно, если надъ ихъ созданіемъ парить животворящая идея, то оно, согрѣтое лучами ея, и при недостаткѣ поэтическаго элемента, въ высокой степени намъ нравится. Но если задачей художника бываетъ одно воспроизведеніе дѣйствительности, если и есть идея, но идея тощая, мертвящая, то хотя такія произведенія, относительно объективнаго представленія, выходятъ безупречны, но и только: они напоминаютъ академическія работы, исполненныя на заданную тему, по предписаннымъ, заученнымъ правиламъ. Эти произведенія бываютъ, правда, хороши, но отъ нихъ вѣетъ холодомъ, атмосферою студій и кабинетовъ. Ни обширный талантъ, ни глубокое знаніе жизни не придадутъ имъ того, что намъ такъ нравится въ искусствѣ, что собственно и составляетъ истинную его задачу.

Да! и обширный талантъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, преднамѣренно или безъ намѣренія, иногда обходитъ поэтической элементъ, и тогда, горе ему! «Ему не собрать народныхъ рукописекъ, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на-встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся го-

ловою и героическимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяннѣ имъ же исторгнутыхъ звуковъ.» (Мертвыя Души, изд. второе, стр. 253).

Поэтическій элементъ, т. е., высокое и трагическое, необходимо и въ лирической пѣснѣ, если она изливается при созерцаніи человѣческой жизни, и въ романѣ и повѣсти, и въ драмѣ и комедіи (въ послѣдней, само собою разумѣется, отрицательно). Самые роды поэзіи завязать какъ отъ большаго или меньшаго преобладанія поэтическаго элемента, такъ равно и отъ того, въ какой моментъ развитія взять онъ въ данной личности.

Безъ него, повторяемъ, нѣтъ спасенія ни одному поэтическому произведенію, ни одному поэту, если для послѣдняго не пустыя народныя рукоплесканія и признательныя слезы. Современные художники выражаютъ поэтическое, кромѣ лирическихъ произведеній (вотъ причина, почему послѣднія въ мнѣніи незнакомою съ эстетическими тонкостями публики только называются поэтическими, а авторы ихъ — поэтами), всего болѣе въ произведеніяхъ драматическихъ (собственно драмѣ и трагедіи), всего менѣе въ повѣсти и романѣ. Понимая отношеніе между повѣстью и романомъ въ той же степени, какъе существуетъ между частью и цѣлымъ, между эпизодомъ и событіемъ, къ которому онъ относится, мы на первый разъ будемъ говорить о томъ и о другомъ, какъ о понятіяхъ, совершенно тождественныхъ. Не смотря на то, что романъ считается *незаконнымъ чадомъ* поэзіи и прозы, *одичалымъ эпосомъ*, *гермафродитомъ*, какъ выражается о немъ новѣйшій эстетикъ *Теодоръ Фишеръ*, *) обращающій слишкомъ большое вниманіе на историческую часть изящныхъ искусствъ и слишкомъ малое на субстанціальное ихъ значеніе, не смотря ни на какіе враждебные возгласы, романъ получилъ въ современной литературѣ такое видное мѣсто, что вооружаться противъ него было бы самымъ запоздалымъ анахронизмомъ, тѣмъ болѣе, что форма въ искусствѣ дѣло второстепенное. Конечно, со временемъ, въ будущемъ, хотя можетъ быть и отдаленномъ, предстанетъ необходимость въ созданіи новой формы для поэзіи; но идея изящнаго, но законы искусства будутъ вѣчно одни и тѣ-же, непреложные и неизмѣнчивые. Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ современнаго преобладанія романа передъ другими формами поэзіи; для нашей цѣли достаточно замѣтить, что романъ состоитъ изъ трехъ элемен-

*) *Aesthetik*, dritter Theil, Die Dichtkunst; S. 1309.

товъ: 1) историческаго, 2) искусственнаго или художественнаго и 3) поэтическаго, въ нашемъ значеніи этого слова. Историческій элементъ — это пнтрига, ходъ событія, положенія и отношенія дѣйствующихъ лицъ. Художественный элементъ — это концепція характеровъ и воспроизведеніе жизни. Поэтическій элементъ, послѣ того, что мы сказали о немъ, не требуетъ объясненія. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что романъ пишется прозою, что стихотворная форма поэзіи во всякомъ случаѣ выше прозаической — обстоятельство, заставляющее многихъ считать романъ произведеніемъ прозаическимъ. Преимущественное преобладаніе одного изъ этихъ элементовъ вредитъ воиолнѣ художественному роману. Преобладаніе историческаго элемента не всегда бываетъ удѣломъ одной бездарности: имъ увлекаются часто и талантливые романисты. О преобладаніи художественнаго элемента, о заботѣ о творчествѣ, какъ творчествѣ, во что бы то ни стало, уже достаточно сказано. Конечно, эта художественность — дѣло высокой важности во всякомъ поэтическомъ произведеніи, но безъ присутствія элемента поэтическаго, она еще не все значитъ въ области искусства. Конечно, для проведенія поэтическаго элемента въ какомъ бы ни было художественномъ произведеніи не достаточно одной доброй воли, одного желанія, точно такъ, какъ не достаточно ихъ для элемента художественнаго: и въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, нуженъ талантъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что и самый талантъ состоитъ изъ двухъ элементовъ — творчески-художественнаго и поэтическаго. Болѣе или менѣе равномерное ихъ развитіе, и притомъ въ высшей степени, образуетъ великое многостороннее дарованіе: таковъ былъ у насъ Пушкинъ! И счастливъ писатель, въ талантѣ котораго гармонически развиты оба эти элемента! Не менѣе счастливъ и тотъ, въ которомъ если и не замѣчаемъ этой гармоніи, за то видимъ преобладающее развитіе элемента поэтическаго! Счастливъ потому, что онъ собираетъ народныя рукоплесканія, видитъ признательныя слезы и единодушный восторгъ. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ Тургеневъ, къ которому мы теперь и обращаемся.

Талантъ г. Тургенева чисто-поэтический. Поэтический элементъ преобладаетъ во всѣхъ произведеніяхъ автора *Записокъ Охотника* и *Дворянскаго Гильда*. Въ этомъ отношеніи судьба надѣлила его не меньше Пушкина. Никто изъ современныхъ писателей не можетъ сравниться съ нимъ въ этой особенноти его дарованія;

всѣхъ ближе подходитъ къ нему Гончаровъ. Мы не говоримъ о поэтахъ — стихотворцахъ, какъ поэтахъ лирическихъ: путь лирической поэзіи далеко не возможно въ такой полнотѣ выразить поэтическое, какъ въ эпической или драматической. Но признавая въ Тургеневѣ высоту поэтического таланта, мы должны вѣстѣ съ тѣмъ сказать, что другой элементъ его дарованія, художественный, сравнительно слабъ. Въ этомъ отношеніи онъ не только уступаетъ Гончарову, но даже г. Писемскому, мастеру на объективное представленіе жизни, о чемъ мы говорили въ мартовской книжкѣ Русской Бесѣды.

Г. Тургеневъ во всѣхъ отношеніяхъ не подражаемъ въ особенномъ родѣ эпической поэзіи — повѣсти. Таковы его несравненныя *Записки Охотника!* Романъ не его сфера: въ романѣ слишкомъ медленно идетъ дѣйствіе, слишкомъ много бываетъ постороннихъ лицъ, требующихъ бѣльшей или меньшей отдѣлки.

Не то представляетъ повѣсть. Для таланта, подобнаго тургеневскому, она имѣетъ всѣ удобства: дѣйствіе бѣжитъ шибко, высокое и трагическое болѣе уловимо, потому что берется въ послѣднемъ моментѣ своего проявленія, слѣдовательно не требуется особенной отдѣлки въ созданіи характеровъ и не угрожается ни чѣмъ постороннимъ; дѣйствующихъ лицъ немного и не каждое требуетъ особенной отдѣлки. Сверхъ того, поэтической талантъ г. Тургенева есть талантъ лирической, для дѣятельности котораго повѣсть представляетъ наибольшія удобства. Если мы замѣтили въ Тургеневѣ недостатокъ художественнаго дарованія, то изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы созданныя имъ лица были блѣдны: кто не помнитъ его мальчиковъ, стерегущихъ табунъ, его пѣвцовъ, его женщинъ, Рудина? Недостатокъ художественнаго элемента Тургеневъ восполняетъ избыткомъ поэтического, придавая своимъ героямъ ту поэтическую прозрачность, о которой мы говорили въ иномъ мѣстѣ *). При концепціи характеровъ авторъ *Записокъ Охотника* поступаетъ точно также, какъ всякій поэтъ поступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда берется за одно дѣло съ живописцемъ: разными поэтическими приемами, къ числу которыхъ надо отнести созданіе постороннихъ картинъ и образовъ, болѣе или менѣе относящихся къ главной идеи, часто удается поэту быть достойнымъ соперникомъ живописца. Сказанное подтвердимъ примѣромъ. Возьмемъ образъ, надъ отдѣлкою котораго, какъ замѣтно, авторъ болѣе всего тру-

*) Русская Бесѣда, кн. II, отдѣлъ критики.

дился — образъ Рудина. Этотъ образъ, какъ живой, предстоить передъ вами. Но какимъ путемъ довелъ его авторъ до этой живости?

Рудинъ дѣйствуетъ, какъ живое лицо, только въ первой половинѣ повѣсти, когда читатель видитъ его лицомъ къ лицу съ *Наташей*. Въ остальной половинѣ онъ даже мало говоритъ; за него говорятъ другіе: *Лезневъ*, *Басистовъ*.

Задумавъ изобразить эту личность въ широкихъ размѣрахъ, авторъ не нашелъ подъ рукою готоваго матеріала для художественнаго ея воплощенія. Но припомните, какъ хороши его лирическія описанія и какъ выкупаютъ они художественныя недостатки! Припомните сцену на большой дорогѣ, представляющую Рудина, уже посѣдѣвшаго, Рудина въ изношенномъ платьѣ, плетущагося въ дрянной кибитчонкѣ, Рудина, въ согнутой фигурѣ котораго «было что-то безпомощное и грустно-покорное»; припомните заключительную сцену въ С—омъ трактирѣ! Тутъ вы присутствуете при послѣднемъ актѣ трагедіи; вы видите сраженнаго бойца, хотя и не были зрителемъ послѣдней, самой мучительной, борьбы его.

Все, сказанное нами до-сихъ-поръ, необходимо для оцѣнки послѣдняго произведенія г. Тургенева, въ которомъ ярче другихъ выступаютъ какъ достоинства, такъ и недостатки его дарованія.

Мы считаемъ совершенно лишнимъ пересказывать содержаніе *Дворянскаго Гильда*. Думаемъ, что большинству читателей оно извѣстно, да притомъ въ критической статьѣ содержаніе разбираемаго произведенія — дѣло второстепенное. Повѣсть открывается рядомъ сценъ, на которыя выводятся слѣдующія лица: *Марья Дмитріевна Калитина*, тетка ея *Марья Тимоѣевна Пестова*, *Геденовскій*, нѣчто въ родѣ паразита, *Папшинъ*, нѣчто въ родѣ Калиновича, *Лиза*, дочь Марьи Дмитріевны, героиня романа, *Леммъ*, нѣмецъ — музыкантъ, и *Лаврецкій*, герой романа, дальній родственникъ Пестовыхъ. Дѣйствіе идетъ необыкновенно шибко. Читатель сильно заинтересованъ Марею Тимоѣевной, Леммомъ и Лаврецкимъ. Героиня романа пока остается въ туманѣ, на заднемъ планѣ. Впрочемъ, это обыкновенный приемъ г. Тургенева — сберегать, такъ сказать, силы главнаго лица до поры до времени, приемъ, вѣрно рассчитанный. По обыкновенію, всѣ герои Тургенева ведутъ трагическую борьбу. И хотя борьба эта бываетъ не одинаковой степени, но въ рѣшительный моментъ ея

непреренно слѣдуетъ сберечь герою достаточный запасъ силъ — иначе не будетъ борьбы, а слѣдовательно и поэзіи. Познакомивъ нѣсколько читателей съ своими героями, авторъ прерываетъ дѣйствіе и ведетъ въ продолженіе девяти главъ разсказъ о фамиліи Лаврецкихъ, съ исторіею которыхъ отчасти связывается и исторія Пестовыхъ. Вѣроятно, эта семейная хроника навела автора на мысль дать метафорическое названіе своей повѣсти, впрочемъ, вовсе не удачное. Исторія дома Лаврецкихъ не лишена интереса: авторъ мѣткими чертами изобразилъ членовъ этой фамиліи, на сколько возможно изобразеніе лицъ, стоящихъ на заднемъ планѣ. Но этотъ эпизодъ совершенно лишній и вмѣстѣ съ нѣсколькими главами, въ которыхъ является *Варвара Павловна*, жена Лаврецаго, только бесполезно удлиняющій повѣсть и ослабляющій силу впечатлѣнія, производимаго быстро развивающеюся трагедіей. Жаль, если авторъ съ намѣреніемъ сдѣлалъ это удлинненіе, желая чтобы сочиненіе его вышло романомъ, жаль потому, что намѣреніе это не осуществилось: *Дворянское Гильдо* все-таки повѣсть, а не романъ: повѣсть потому, что представляемая имъ драма, правда, кипящая жизнью и трагическимъ элементомъ, немногосложна и не продолжительна; ее никакъ не хватило бы на обширное поэтическое прозведеніе, каковы романъ и собственно драма. И г. Тургеневъ, по нашему мнѣнію, наслууетъ свой талантъ, прибѣгая къ различнымъ средствамъ, сдѣлать *Дворянское Гильдо* во что бы то ни стало романомъ.

Съ этою цѣлію онъ съ особеннымъ тщаніемъ занялся отдѣлкою личности Варвары Павловны. Напрасно! Конечно, личность вышла хороша; правда и то, что личность прикосновенна къ дѣлу, но она заставляетъ читателя слишкомъ долго на себя останавливаться, въ ущербъ цѣлостности впечатлѣнія, производимаго трагедіей. Если уже пришлось говорить о недостаткахъ новаго произведенія г. Тургенева, то кстати скажемъ о нихъ разомъ. Самый крупный, бросающійся въ глаза недостатокъ — двойственность характера *Лаврецаго*: Лаврецкій по исторіи его фамиліи, Лаврецкій, такъ сказать, закулисный, и Лаврецкій въ дѣйствиіи, передъ глазами читателей — два лица, мало имѣющія между собою общаго. Федоръ Ивановичъ Лаврецкій былъ сынъ Ивана Петровича, англomана и либерала, и Маланья Сергѣевна, крѣпостной его дѣда, Петра Андреевича. Разлученный въ дѣтствѣ съ матерью, онъ находился сначала на рукахъ тетки Глафиры Петровны, а потомъ отца, рѣшившагося, по возвращеніи своемъ изъ Англіи, сдѣлать изъ сына спартапца. Но вся польза англо-

манія ограничилась только физическимъ укрѣпленіемъ здоровья мальчика. Либерализмъ Ивана Петровича оказался самаго дешеваго свойства, а потому только ослабилъ нравственныя силы сына. Уже двадцати трехъ лѣтъ поступилъ Ѳеодоръ Ивановичъ въ московскій университетъ, а двадцати шести лѣтъ, не кончивъ курса, женился на Варварѣ Павловнѣ, женщинѣ самаго сомнительнаго свойства и самыхъ чувственныхъ замашекъ. Года два пробыли они въ Петербургѣ, а потомъ жили въ Парижѣ; и тамъ и здѣсь Варвара Павловна кружилась и вѣтренничала въ вихрѣ свѣта, а Ѳеодоръ Ивановичъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, жилъ анахоретомъ, занимаясь собственнымъ воспитаніемъ. Измѣна жены заставила его возвратиться въ отечество. Въ Лаврецкомъ вы видите передъ собою добродушнѣйшее созданіе, румяное, полное, симпатичное, повидимому, не способное къ глубокому страданію. Такимъ является образъ Лаврецкаго въ рассказѣ автора, прежде чѣмъ выступаетъ передъ читателемъ, какъ дѣйствующее лицо. Но Лаврецкій въ трагедіи, т. е., въ самомъ дѣйствиіи повѣсти, совершенно иной: притомъ же добродушии и симпатичности, онъ способенъ къ глубокому страданію (о чемъ подробнѣ ниже), котораго читатель никакъ бы не предполагалъ отъ Лаврецкаго перваго. Авторъ, правда, безпрестанно наводитъ насъ на мысль, что, не смотря ни на что, натура Лаврецкаго еще сохранила, послѣ испытанныхъ имъ ударовъ, свои здоровыя силы: онъ, видите ли, научился пахать землю, сдѣлался отличнѣйшимъ хозяиномъ. Но, кто вникнулъ глубже въ характеръ борьбы, выдержанной Лаврецкимъ, тотъ увидитъ, что авторъ сдѣлалъ тутъ неудачную натяжку: подобная борьба такого свойства, что ни съ чѣмъ не миритъ, ничего не оставляетъ: весь человѣкъ падаетъ въ изнеможеніи подъ ея ударами. Этотъ недостатокъ, эта замѣтная двойственность въ характерѣ Лаврецкаго объясняются свойствомъ по преимуществу поэтическаго таланта автора: Тургеневъ взялъ Лаврецкаго слишкомъ рано, далеко до начала трагической борьбы, на что нашъ авторъ великій мастеръ, и не нашелъ достаточно матеріаловъ для его воплощенія, а потому и личность вышла блѣдна.

Лаврецкій является дѣйствующимъ лицомъ, героемъ повѣсти, уже тридцати пяти лѣтнимъ человѣкомъ. Утомленный жизнью, онъ ищетъ на родинѣ только покоя. Да и чего больше искать ему, столько пережившему? Крестьянинъ по матери, плебей по натурѣ, Лаврецкій глубоко понималъ поэзію родной земли и отъ всего сердца любилъ простаго русскаго человѣка. Обхватившая

его со всѣхъ сторонъ жизнь была въ состояніи успокоить и умиротворить каждую болящую душу. Вотъ какъ описываетъ авторъ среду, въ которой очутился Лаврецкій:

«На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла не много, но даже не отошла отъ своей кануры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпѣненіе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда попалъ я на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подѣ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивою кто-то напѣваетъ тонкимъ — тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телега, на деревнѣ скрипятъ ворота. «Чего?» задремезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ ты мой сударикъ», говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвочки, которую нянчить на рукахъ. «Квасъ неси», повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевелитъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ; «кто входитъ въ ея кругъ — покорайся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подѣ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицины слезки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и шпрится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій; «пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоить меня, подготовить къ тому, чтобы

я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.» И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то-же время какъ-будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ: кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь таже жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ всеннѣйшій снѣгъ, — и страшное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.» (Дворянское Гнѣздо, глава XX). «На женскую любовь ушли мои лучшіе годы!» итакъ вотъ источникъ недуга, которымъ страдаетъ герой повѣсти. А самовоспитаніе? Лаврецкій не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить другихъ важнѣйшихъ причинъ своего страданія. За него высказываетъ ихъ Михалевищъ, бывшій университетскій товарищъ, посѣтившій его въ деревнѣ. «Ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты — байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего; — а ты мыслящій человѣкъ — и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать и ничего не дѣлаешь.... А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, — начитанные байбаки. Вы знаете на какую ножку нѣмецъ хромаетъ; знаете что плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, гнѣвъ вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнустное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я молъ вотъ умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопчутъ. Да! А то есть у насъ такіе господа, которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то мѣнни скуки.... О, это мѣнни скуки — гибель русскихъ людей!» (Современникъ, стр. 76). И такъ *байбачество* и *мѣнни скуки* составляютъ отличительныя черты характера Лаврецкаго. Подумаешь, что этотъ горькій упрекъ высказываетъ ему человѣкъ практическій, съ сильной волей; ни чуть не бывало! *Михалевищъ* — обратная сторона той же самой медали: тотъ же байбакъ, но только страшный энтузіастъ и поэтъ въ душѣ. Слѣдующими стихами онъ вполне опредѣляетъ свой характеръ:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
 Какъ ребенокъ душою я сталъ:
 И я сжегъ все, чему поклонялся,
 Поклонился всему, что сжигалъ.

Кто знакомъ съ произведеніями Тургенева, тотъ сей часъ же замѣтитъ, что личность Лаврецкаго не новая. Она сильно напоминаетъ другихъ героевъ нашего автора: Лаврецкій — это *лишний человекъ* въ Божьемъ мірѣ, одинъ изъ тѣхъ *надломанныхъ* характеровъ, судьбу которыхъ такъ любить изображать авторъ *Записокъ Охотника*. Что Лаврецкій личность не новая — это капитальный недостатокъ *Дворянскаго Гильзда*: поэту слѣдовало бы разомъ (или много въ два-три приема) отдѣлаться отъ преслѣдующей его идеи, чѣмъ пѣть на одну и ту-же тему постоянно. Впрочемъ, этотъ капитальный недостатокъ повѣсти опять-таки объясняется недостаточностію художественнаго элемента въ нашемъ авторѣ. Жаль, что г. Тургеневъ беретъ своихъ *лишнихъ людей*, своихъ *байбаковъ* уже готовыми лишними людьми и байбаками, нигдѣ не развивая художественно процесса байбачества.

Но жалѣть ли объ обстоятельстве, которое, какъ мы замѣтили, не по силамъ поэта, и которое вполне и окончательно развито предоставляется не намъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ, а иному времени, будущимъ художникамъ? Лаврецкій те-же взять для трагедіи уже готовымъ байбакомъ, измученнымъ человекомъ. Но, странное дѣло! съ какою симпатіей мы встрѣчаемся каждый разъ съ тургеневскими байбаками! Идея *байбачества* глубоко-національная идея: *байбачество* составляетъ отличительную черту — въ характерѣ образованныхъ русскихъ людей прошлаго и нынѣшняго столѣтія, т. е., образованныхъ истинно и гуманно. Нѣкоторые объясняютъ причину происхожденія нашего байбачества положеніемъ образованнаго человека среди невѣжественнаго общества. Объясненіе не совсѣмъ вѣрное: одно невѣжество не поражаетъ его. Невѣжество массы, народа всегда отличается благодушнымъ характеромъ и не такъ упорно уступаетъ, какъ вообще думаютъ, успію истиннаго прогресса. *Байбачество* поражается вообще тѣми условіями общественнаго быта, которыя парализируютъ истинно-благодѣтельную и гуманную дѣятельность, не оставляя пораженному субъекту ничего, кромѣ *малыя скуки*. Есть нѣчто глубоко трагическое въ этомъ нас-спивномъ положеніи, въ этой горькой необходимости лежать на боку! Литературный нашъ байбакъ также не новый: его затро-

нуль еще Карамзинъ, обрабатывали Пушкинъ и Лермонтовъ, авторъ *Кто виноватъ*, Майковъ въ *Двухъ Судьбахъ*, Гоголь въ *Тентетниковъ*. Но одни изъ нашихъ литературныхъ байбаковъ нечто иное, какъ *Москвичи въ гарольдовыхъ плащахъ*, другіе слишкомъ абстрактны, отзываются сочиненіемъ на заданную тему. *Байбачество* г. Тургенева, хотя нигдѣ не удалось ему воплотить его въ глубоко-художественный образъ, отличается необыкновенною искренностію, народностію. Искренность (т. е., прямо выхваченное изъ жизни, а не сочиненное, выдуманное) и народность мы считаемъ понятіями синонимическими. Въ искусствѣ слѣдуетъ отличать поэтическую народность отъ бытовой; послѣдняя для писателей нашего времени камень преткновенія.

Какъ истинный художникъ, Тургеневъ преднамѣренно ее обходитъ. Но за то въ изображеніи народности поэтической (т. е., въ изображеніи поэтическаго, свойственнаго народу,) авторъ *Дворянскаго Гильда* — единственный у насъ мастеръ. Проглядите мысленно галерею тургеневскихъ байбаковъ, — и вы увидите, что это истинно-русскіе люди, хотя далекіе, по образу жизни и по идеямъ, отъ народа, но близкіе къ нему по душѣ и чувствамъ, это — не Казиновичи и Паншины. Всѣхъ народнѣе, всѣхъ искреннѣе Лаврецкій, сынъ бѣдной крестьянки. Нельзя не полюбить эту добродушную, плебейскую натуру, измученную жизнью, пришедшую отдохнуть на днѣ русской рѣки. Но отдыхъ былъ не продолжителенъ. Начинается живая, кипучая драма. Лаврецкій страстно полюбилъ Лизу; слухъ о смерти жены пробудилъ отрадные надежды въ душѣ его; Лиза отвѣтила ему взаимностію. Лаврецкій ожилъ: онъ, по собственному признанію, говоря стихами Михалевича:

Сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Возвращеніе пѣз-за границы Варвары Павловны, жены его, разомъ разрушило надежды на счастье. Лиза ушла въ монастырь. Лаврецкій, выдержавъ жестокую борьбу, еще остался жильцомъ этого міра. Вотъ основа, на которой выткалъ авторъ-превосходную лирическую драму. Сраженный еще прежде судьбою, Лаврецкій выступаетъ на арену дѣйствія уже не съ свѣжими силами, уже помятый. Авторъ глубоко сочувствуетъ такимъ пораженнымъ героямъ, и его теплое сочувствіе неволью сообщается читателю. Изъ всѣхъ героевъ Тургенева въ подобномъ родѣ мы не знаемъ личности, болѣе симпатичной. Ни въ одномъ поэтическій элементъ не вырываетъ его такъ блистательно

изъ бѣды, происходящей отъ недостаточности художественной композиціи: роскошныя поэтическія картины, лирическія мѣста, превосходныя положенія помогаютъ ему и въ очертаніи характеровъ и въ драматическомъ ходѣ дѣйствія; самая блѣдная личность Лаврецкаго выясняется изъ тумана и вырастаетъ до трагическаго величія. Выписанная нами XX глава повѣсти достаточно знакомитъ читателя съ прелестію поэтическихъ картинъ, рисуемыхъ авторомъ. Но не можемъ не указать на слѣдующія, которыя только по обширности своей не могутъ быть внесены въ статью нашу: 1) Поѣздка въ Васильевское съ Леммомъ (глава XXII); 2) ночь, проведенная Лаврецкимъ вѣстѣ съ Михаиловичемъ (глава XXV); ночь, въ которую провожалъ Лаврецкій семейство Калитиныхъ изъ своей деревни, гдѣ оно навѣстило его, въ городъ (глава XXVII); ночь, въ которую Лаврецкій имѣлъ объясненіе съ Лизой и потомъ провелъ у Лемма; свиданіе Лаврецкаго съ Лизой въ комнатѣ Марѣи Тимофеевны (личность послѣдней и Лемма самыя лучшія по художественной отдѣлкѣ) (глава XLII); встрѣча Лаврецкаго съ Лизой по выходѣ изъ церкви, послѣ ранней обѣдни (глава XLIV); разговоръ Лизы съ Марѣей Тимофеевной, во время котораго первая объявляетъ о неизмѣнномъ своемъ намѣреніи идти въ монастырь..... А эта сцена, когда уже все было покончено, когда дѣйствующія лица сошли съ арены, когда новое, быть можетъ, болѣе здоровое и счастливое поколѣніе, заняло мѣсто ихъ, когда въ домѣ Калитиныхъ, черезъ восемь лѣтъ, является опять одинъ изъ сраженныхъ бойцовъ, все тотъ же Лаврецкій!..... Читатель! если вы русскій въ душѣ, если вы привыкли все подвергать неумолимому анализу, если вы не холодный эгоистъ, которому ни до чего и ни до кого нѣтъ дѣла, — вы не можете оставаться хладнокровнымъ зрителемъ при созерцаніи этой превосходной, поэтической картины, слушая эту лебединую пѣснь Лаврецкаго, этотъ заключительный монологъ хора, пропѣтый надъ могилою трагическихъ героев!

Распрощавшись съ молодыми Калитиными, Лаврецкій снова очутился въ саду, на томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда онъ впервые высказалъ любовь свою Лизѣ: «и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицемъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденія, — онъ, одинокій бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія, — оглянулся на свою жизнь.

Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы,» думалъ онъ, и не было горечи въ его думкахъ: — жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить, вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословенія нашего брата старика будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!» (Современникъ, стр. 159). Что прибавить къ сказанному поэтомъ? Да! счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностію, приближается къ характерамъ, являющимъ высшее достоинство человѣка!

Указанныя нами поэтическія картины *Дворянскаго Гильзда* такого свойства, что онѣ, вмѣстѣ съ подобными имъ сценами пѣз другихъ произведеній разбираемаго нами автора, могли бы дать богатый матеріалъ для поэтической хрестоматіи, въ которой наша педагогическая литература крайне нуждается, о чемъ, впрочемъ, мы не разъ говорили. Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что языкъ Тургенева превосходенъ; вмѣстѣ съ незабвеннымъ, и по поэтическому таланту родственнымъ ему, авторомъ Семейной Хроники, Тургеневъ не имѣлъ и не имѣетъ въ этомъ отношеніи соперниковъ. Оно и не удивительно: художественность языка безусловно зависитъ отъ степени поэтическаго таланта.

Нашъ критическій очеркъ *Дворянскаго Гильзда*, ~~бываетъ~~ не полюнъ, если мы не скажемъ ни слова о личности, ~~всѣмъ~~ вокруг которой вертится вся драма, которая составляетъ ея душу, — о *Лизѣ*. Г. Тургеневъ — поэтъ природы, свѣтлыхъ сторонъ жизни и женщинъ. Можно составить цѣлую галерею тургеневскихъ женщинъ; — это доставило бы богатый матеріалъ для таланта, бойко владѣющаго кистью или карандашомъ, и любопытную задачу для психологическихъ изслѣдованій. Образы *Марьи Павловны* (въ «*Затмишь*»), *Наташи* (въ *Рудинѣ*) *Веры* (въ *Фаустѣ*) *Аси* (въ повѣсти того же имени), *Лизы*, (въ *Дворянской Гильздѣ*), обличаютъ въ авторѣ *Записокъ Охотника*

глубокаго знатока женской природы: какая воздушность (если можно такъ выразиться) въ очертаніи лицъ! какая нѣжность кисти! Самые приемы нашего автора въ композиціи образовъ (поэтическія описанія и лирическія мѣста), не совсѣмъ удобные для художественнаго творчества, при концепціи мужскихъ характеровъ, для женскихъ лицъ — превосходны: нѣжная природа женщины не требуетъ для своего воспроизведенія такихъ сильныхъ взмаховъ кисти, такого рѣзкаго удара рѣзца, какъ наша грубая натура. И что намъ особенно нравится въ Тургеневѣ, — это, такъ сказать, экономія въ краскахъ: у него женскій образъ большею частію только набрасывается, рѣдко отдѣливается; но не смотря на это, въ воображеніи читателя онъ всегда вырастаетъ до истинно-художественной оконченности. — Еще Бѣлинскій провозгласилъ, что художественный образъ русской женщины созданъ у насъ только Пушкинымъ въ лицѣ *Татьяны*, — мнѣніе глубоко справедливое. Много было и есть въ нашей литературѣ сочиненныхъ женскихъ характеровъ, даже, пожалуй, есть характеры и не сочиненные, но не русскіе; но такихъ, чтобы прямо были схвачены изъ жизни, чтобы пропитаны были русскимъ духомъ, дѣйствительно, послѣ *Татьяны* Пушкина, не было. Татьяна не только художественное созданіе, но и вполне-русская женщина: тонкими, но замѣчательными нитями связывается все духовное существо ея съ роднымъ міромъ, съ родною почвой. Недавно образъ русской женщины явился передъ нами въ произведеніи г-жи Кохановской «*Посль обѣда въ гостяхъ*», не смотря на несчастную форму повѣсти. Были и есть у насъ женщины-писательницы, анатомически, ученымъ образомъ изслѣдующія природу женщины, но не давшія намъ ни одного художественнаго идеала.

Вотъ то-то и вредитъ повѣствовательной формѣ поэзіи (роману и повѣсти), что ее страшно наводняютъ прозою и втискиваютъ въ чужеродныя рамки что угодно. Женщины Тургенева замѣчательны и просто какъ женщины вообще, и какъ русскія женщины въ-особенности. Во всѣхъ произведеніяхъ нашего автора поражаетъ то особенно, что об-бокъ съ его *надломанными* и *лишними* героями идетъ здоровая, не помятая жизнью женская личность, что громко говорятъ о народности поэта, глубоко понимающаго жизнь. Миръ женщины тѣсенъ, но овятъ. Любовь, любовь какъ подруги въ жизни другаго, любовь какъ матери, — стихія ея жизни. Семейство, домашняя жизнь — ея царство. Въ этого круга женщина не мыслима, если только не смотрѣть

сквозь пальцы на недостатокъ женственности, на мужское огрубленіе ея чувствъ. Не смотря на незлѣное воспитаніе, которое получаетъ наша женщина (разумѣется, такъ называемаго высшаго класса), все-таки арена ея дѣятельности, по самой тѣснотѣ своей, менѣе представляетъ такихъ преградъ, такихъ толчковъ на каждомъ шагу, какъ поприще для дѣятельности мужчпны. Естественно, что натура ея не такъ *надламывается*, не такъ портится, какъ лучшихъ представителей нашего пола. Этотъ контрастъ, мастерски подмѣченный Тургеневымъ, проводится почти во всѣхъ его сочиненіяхъ. Онъ не маловажную роль играетъ и въ *Дворянскомъ Гильдѣ*.

Лиза замѣчательна и какъ женщина вообще, и какъ русская женщина въ-особенности. Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, она выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни *Агаѳи Власьевны*, женщины вполне русской. *Агаѳья* невольно напоминаетъ *Акима*, героя *Постоллаю Двора*: и въ ней и въ немъ развито до экзальтаціи религіозное чувство. Въ характерѣ русскаго человѣка глубоко замѣчательна черта *само-наказанія*, этого добровольнаго мученичества, на которое осуждаетъ себя человѣкъ за немногія радости, испытанныя имъ въ жизни, между тѣмъ какъ онъ, по природѣ своей, имѣетъ всѣ права на счастье. На это покаяніе осуждаютъ себя всегда люди даровитые, претерпѣвшіе всевозможный гнетъ судьбы, а чаще отдѣльныхъ лицъ; вмѣсто того, чтобы ожесточаться, раздражаться воплями и проклятіями, они распинаютъ самихъ себя. Повторяемъ, глубоко знаменательна эта печальная черта въ характерѣ простаго русскаго человѣка! Къ числу такихъ людей принадлежала и *Агаѳья*: за свою красоту, за свою добрую, любящую натуру, за свои права на счастье она *наказалась*: результатомъ этого самонаказанія было добровольно-принятый крестъ терпѣнія безконечнаго; самоуничтоженія добровольнаго. Подобная личность, немногими чертами, но мастерски очерченная поэтомъ, не могла не произвести, и дѣйствительно произвела на *Лизу* громадное вліяніе: религіозная восторженность, сдержанность натуры, какая-то величавая важность сообщилась *Лизѣ* вслѣдствіе вліянія няни. «Въ каждомъ ея движеніи», говоритъ авторъ, «высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало пріятельную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтвшимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ

долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ-особенности (конечно, до знакомства съ Лаврецкимъ), она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно.» (Современникъ, стр. 113).

Намъ необыкновенно нравится этотъ величавый, святой образъ женщины, типъ совершенно новый въ нашей литературѣ, художественно созданный поэтомъ. Лиза не безсердечное, сухое существо: припомните ея наивное, но горячее желаніе принять Лаврецкаго съ женою, припомните ея борьбу самой съ собою, когда она убѣдилась въ любви къ нему и ея объясненіе съ Марей Тимофеевной по поводу все той же любви. Лиза не резонерка, а живая, русская женщина. Передъ нею какъ-то мелькаетъ разбитый образъ Лаврецкаго. Она настоящій герой драмы: на нее, слабое созданіе, сильнѣе падаютъ удары рока, на ея плечахъ легла вся тяжесть трагедіи. Невозможно видѣть безъ сердечнаго трепета, какъ выносить эту тяжесть бѣдная дѣвушка!

Послѣ совершившейся катастрофы, послѣ тѣхъ нравственныхъ потрясеній, которыя переноситъ Лиза съ истиннымъ героизмомъ, съ болью и воплями, хотя подавленными, но ужасными, ей остается одно — умереть; но это мало!... Ей, какъ русской женщинѣ, какъ воспитанницѣ Агаѣи, нужно еще наказать себя, — и она *наказуется*: «Все кончено», говоритъ она Марѣ Тимофеевнѣ, «кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастіе ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо» (Современникъ, стр. 152).

Ни одинъ женскій образъ не рисовалъ г. Тургеневъ съ такою любовію, какъ образъ Лизы, и ни одинъ не выходилъ изъ-подъ пера егѣ такимъ окончаннымъ.

Да! еще разъ скажемъ словами Гоголя: *счастливы писатели, который приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человека, который окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи!*

МИХАИЛЬ ДЕ-ПУЛЕ.

Воронежъ. Май 1859 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Шиллеръ, въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію *Н. В. Гербеля*, т. I — VI. Спб. 1859 г.

Давно собирались мы поговорить съ читателями «Русскаго Слова» о полезномъ и добросовѣстномъ предпріятіи г. Гербеля. Пользуемся недавнимъ выходомъ шестаго тома этого изданія, чтобы сказать о немъ свое мнѣніе.

Польза и важное значеніе переводовъ великихъ чужеземныхъ писателей всѣми сознается. Сознается вѣроятно и нашею публикой, которая приняла съ такимъ сочувствіемъ предпріятіе г. Гербеля. Это сочувствіе свидѣтельствуетъ о развитіи художественныхъ потребностей нашихъ читателей въ послѣднее время. Дѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ полный переводъ Шиллера едва ли бы имѣлъ успѣхъ. Два три предпріятія въ этомъ родѣ, рассчитанныя на эстетическую воспримчивость русской публики, не нашли оправданія своимъ расчетамъ, и должны были прекратиться въ самомъ началѣ. Такъ прекрасное изданіе романовъ Вальтеръ Скотта остановилось на первыхъ томахъ, переводъ Тимковскаго лучшихъ произведеній испанскаго театра — на первыхъ выпускахъ. Ясно было, что въ Вальтеръ Скоттѣ русскіе читатели цѣнили больше всего внѣшній интересъ, и имъ довольно было старыхъ драмныхъ переводовъ автора Ваверлея, сдѣланныхъ еще при томъ болшемъ частію не съ водлинника, а съ французскаго перевода, для знакомства съ великимъ романистомъ. Что касается Кальдероновъ, Ломе и Тирэе, русскій читатель о нихъ и знать не хотѣлъ. Мы упоминаемъ лишь о дѣйствительно дѣльныхъ и добросовѣстныхъ предпріятіяхъ, не

имѣвшихъ успѣха. Было, наприимѣръ, у насъ затѣяно и изданіе въ русскомъ переводѣ всѣхъ сочиненій Гёте; но въ этомъ случаѣ публика была права, что встрѣтила его полнымъ равнодушіемъ. Изданіе было начато безъ всякаго плана, безъ всякаго разбора; первые выпуски словно на смѣхъ заключали въ себѣ именно тѣ произведенія Гёте, которыя слѣдовало перевести развѣ послѣ всего, если только слѣдовало переводить ихъ вообще. Впрочемъ, едва ли равнодушіе читателей къ этому плохому переводу Гёте происходило отъ ихъ критическаго такта. Вѣрнѣе, что плохой переводъ не имѣлъ успѣха потому же, почему не имѣли успѣха и очень хорошіе переводы. Единственное исключеніе изъ этихъ неудавшихся попытокъ составляетъ переводъ драматическихъ сочиненій Шекспира, предпринятый г. Кетчеромъ. Не смотря на сравнительно очень высокую цѣну, онъ совершенно исчезъ изъ книжной торговли; но, сколько намъ извѣстно, его печаталось очень ограниченное число экземпляровъ, и это число разошлось въ нѣсколько лѣтъ, тогда какъ во всякой другой литературѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ понадобилось бы новое изданіе такого прекраснаго труда.

Видя такое равнодушіе русской публики къ великимъ писателямъ просвѣщеннаго міра, читаемымъ и перечитываемымъ постоянно на всѣхъ европейскихъ языкахъ въ сотняхъ переводовъ, надо было вооружиться большимъ самоотверженіемъ для новой попытки. Въ такомъ самоотверженіи никто не откажетъ г. Гербелю. Принимаясь за изданіе всего Шиллера въ русскомъ переводѣ, г. Гербель не могъ рассчитывать не только на большій, но и на посредственный успѣхъ. Правда, первые томы не вдругъ встрѣтили сочувствіе, но по мѣрѣ того, какъ изданіе подвигалось, все больше и больше обращалась къ нему публика, и первые томы Шиллера почти совсѣмъ уже исчезли изъ продажи. Настойчивость и добросовѣстныя старанія издателя значили въ этомъ случаѣ очень много; но нельзя не признать наконецъ и большую степень зрѣлости въ русской публикѣ. Изданіе г. Гербеля и его успѣхъ доказываютъ, что и у насъ начинаютъ цѣнить великихъ иностранныхъ писателей, знакомыхъ въ Европѣ каждому грамотному человѣку, и что сочувствіе большинства нашихъ читателей обращается уже не исключительно къ фабричнымъ изданіямъ французской беллетристики.

Предпринимая свое изданіе, г. Гербель не имѣлъ да и не могъ имѣть въ виду дать русской литературѣ переводъ Шиллера, послѣ котораго ничего уже не остается для знакомства

нашего съ величайшимъ по гуманности поэтомъ послѣдняго времени. Такіе поэты, какъ Шиллеръ, будутъ постоянно переводиться, и каждый новый переводъ будетъ болѣе и болѣе давать чувствовать красоты подлинника. Истинно классическій, превосходный переводъ Шекспира, сдѣланный Шлегелемъ и Тикомъ, составилъ эпоху въ нѣмецкой литературѣ, признанъ и англійскою критикой скорѣе соперничествомъ, чѣмъ переводомъ поэта Ромео и Макбета; но не исключилъ дальнѣйшихъ работъ надъ Шекспиромъ въ Германіи. Каждый вѣкъ откроетъ въ Шекспирѣ что-нибудь новое, что не поддавалось или ускользало отъ пониманія предшествовавшаго вѣка, и каждый вѣкъ будетъ съ новою энергіей, съ новою любовью обращаться къ изученію Шекспира, и иностранныя литературы будутъ нескончаемо обогащаться новыми его переводами. Послѣ плохого, но для своего времени очень важнаго перевода «Гамлета» Полеваго, явилось на русскомъ языкѣ два добросовѣстныхъ и вѣрныхъ перевода Вронченки и Кронеберга. Критика оцѣнила ихъ по достоинству, и за ними всѣ знатоки англійской литературы и великаго британскаго поэта признали и прекрасное пониманіе и прекрасную передачу подлинника. Но слѣдуетъ ли считать оконченнымъ наше знакомство съ Гамлетомъ? Если переводчики наши еще не возвратились къ нему, и не представили еще новаго перевода, то только потому вѣроятно, что нѣкоторыхъ драмъ Шекспира въ русскомъ переводѣ до-сихъ-поръ вовсе нѣтъ, а потому онѣ и привлекаютъ на себя преимущественное вниманіе людей, трудящихся надъ переводами. Переводы Вронченки и Кронеберга, при всемъ ихъ высокомъ достоинствѣ, ужъ не вполне удовлетворяютъ насъ. Стихъ русскій выработался съ тѣхъ поръ до большой степени гибкости и изящества, самый языкъ двинулся впередъ; буквальная вѣрность не исключаетъ возможности поэтической вѣрности, а вотъ именно послѣднее-то качество и находится лишь въ слабой степени у обоихъ переводчиковъ «Гамлета»; въ первомъ переводѣ, впрочемъ, больше внутренней вѣрности, нежели внѣшней, которою отличается второй переводъ: Вронченко былъ гораздо больше поэтъ, чѣмъ старательный Кронебергъ. Насъ никто не обвинитъ въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что въ теченіе будущихъ пятидесяти лѣтъ вѣроятно явится не менѣе десяти новыхъ переводовъ «Гамлета», а не »Гамлета», такъ той или другой изъ остальныхъ трагедій Шекспира. Но и этимъ дѣло не кончится: работать надъ Шекспиромъ будутъ и позднѣйшіе наши потомки.

Томе, хотя въ нѣсколько меньшей степени, можно сказать и о Шиллерѣ. Нѣкоторое охлажденіе къ нему германской критики въ послѣднее время было лишь слѣдствіемъ фальшиваго и анти-поэтическаго направленія, не надолго овладѣвшаго умами отъ чисто внѣшнихъ, постороннихъ искусству, а стало быть и жизни теорій. Это охлажденіе скоро смѣнилось тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ мы обязаны благороднѣйшему, чистѣйшему поэту нашего времени, одному изъ тѣхъ немногихъ вѣчныхъ наставниковъ и руководителей человѣчества, съ которыхъ начинаются новые періоды его развитія. Близость къ намъ Шиллера и Гете во многомъ стѣсняетъ еще нашъ взглядъ. По жѣрѣ того, какъ мы будемъ удаляться отъ нихъ, все величавѣе и полнѣе будетъ являться намъ ихъ высокое значеніе.

Великая заслуга — дать чужому народу полный переводъ такого писателя, по возможности удовлетворяющій современнымъ требованіямъ. Такую заслугу оказалъ русской литературѣ г. Гербель, и ему должны быть глубоко благодарны всѣ, кому дороги успѣхи этой литературы. Близкое знакомство съ классическими писателями другихъ народовъ расширяетъ умственный кругозоръ націи, вноситъ свѣжіе элементы и въ языкъ, и въ сферу мысли. Это международное общеніе есть одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ двигателей человѣчества по пути прогресса. Намъ скажутъ, что заслуга г. Гербеля чисто внѣшняя, что доля его участія въ переводѣ великаго нѣмецкаго поэта — незначительна. Съ перваго раза дѣйствительно можетъ показаться такъ; но далеко не такъ выходитъ по серьезномъ разсмотрѣніи дѣла. Безъ инициативы съ его стороны, безъ твердаго и непреклоннаго желанія усвоить русской литературѣ всего Шиллера во всей полнотѣ, во всемъ разнообразіи, мы можемъ быть долго еще не видали бы въ русскомъ переводѣ многихъ лучшихъ твореній автора «Вильгельма Телля». Этому же благородному желанію обязаны мы громаднымъ трудомъ пересмотра всего, что только когда либо являлось на русскомъ языкѣ изъ сочиненій Шиллера, сравненія и выбора, трудомъ, который съ такою добросовѣстностью исполненъ г. Гербелемъ. Пересмотрѣть тысячи томовъ даже только по однимъ оглавленіямъ — уже работа не легкая; но за нею слѣдовала другая, еще болѣе тяжелая работа. Надо было свѣрить каждый переводъ съ подлинникомъ, выбрать лучшіе, войти въ сношенія съ живыми переводчиками для поправки и измѣненій, наконецъ озаботиться переводомъ произведеній до-сихъ-поръ не переведенныхъ. Какъ хотите, эти старанія,

свидѣтельствующія о глубокомъ уваженіи г. Гербеля къ Шиллеру и о безкорыстной любви къ русской литературѣ, достойны полнѣйшаго сочувствія всякаго здравомыслящаго человѣка.

До изданія г. Гербеля мы знали Шиллера лишь по переводамъ Жуковского. Эти переводы составляютъ и теперь украшеніе первыхъ двухъ томовъ, въ которыхъ собраны лирическія стихотворенія Шиллера. Но къ переводамъ Жуковского присоединились переводы другихъ поэтовъ, уже напечатанные прежде, но затерянные въ давно забытыхъ поврежденныхъ изданіяхъ, и изъ нихъ многіе оказались достойны стать вслѣдъ за превосходными переложеніями автора «Ундины». Таковы, наприхѣтъ, *Семела* въ переводѣ г. Фета, *Идеалы* г. К. Аксакова, *Жалоба дворянки* г. Лялина, *Друзьямъ* г. Струговщикова, *Водолазъ* П. Алексѣева, *Письма рыбака* (изъ «Вильгельма Телля») и *Поминокъ* г. Тютчева, и *Жалоба Цереры* г. Миллера. Переводы эти, разсѣянные по разнымъ изданіямъ, также какъ нѣсколько безукоризненно прекрасныхъ переводовъ антологическихъ пьесъ, сдѣланныхъ гг. М. Дмитриевымъ и Миллеромъ и г-жею А. Глинкой, будучи поставлены на принадлежащее имъ мѣсто въ ряду русскихъ переводовъ изъ Шиллера, теперь уже не забудутся. Но не въ этомъ извлеченіи изъ забвенія старыхъ прекрасныхъ переводовъ заключается главный результатъ стараній издателя. Его предпріятіе воодушевило нашихъ поэтовъ на нѣсколько истинно классическихъ переложеній изъ Шиллера. Такъ мы смѣло можемъ сказать, что ни въ одной изъ европейскихъ литературъ нѣтъ столь высоко-поэтическаго, и при томъ столь вѣрнаго воссозданія *Пѣсни о колоколѣ*, какое совершено, по вызову г. Гербеля, г. Миномъ, русскимъ истолкователемъ Данта. Не только весь характеръ этого чуднаго лирическаго эпоса, но и важнѣйшіе оттѣнки, и общій строй, и всѣ разнообразныя мелкіе мотивы — все явилось въ соотвѣтственной полнотѣ и красотѣ въ русскомъ переводѣ. Не можемъ, при имени г. Мина, не пожалѣть, что дѣятельность его не исключительно обращена на переводы классическихъ произведеній иностранныхъ писателей. По силѣ стиха, по мастерству, съ какимъ владѣетъ онъ языкомъ, по глубокому такту, позволяющему ему уловлять и передавать главный характеръ подлинника, нашего переводчика Данта, Крабба и «Пѣсни о колоколѣ», мы не обинуясь назовемъ первымъ послѣ Жуковского переводчикомъ. Въ изданіи г. Гербеля есть еще три пьесы, переведенныя г. Миномъ: это *Группа изъ Тартара*, *Индійская похоронная пѣсня* и *Художники*. Всѣ

три онѣ только подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе. Последнее стихотвореніе представляло особенныя трудности, и мы готовы были, до перевода г. Мина, считать его рѣшительно невозможнымъ. Дидактическій лиризмъ *Художниковъ* долженъ быть, какъ намъ казалось, превратиться въ переводѣ въ холодный и вялый реторизмъ, но этого не случилось, и переводъ г. Мина почти равносильнъ подлиннику по производимому имъ впечатлѣнію.

Далеко не такъ посчастливилось другому дидактическому стихотворенію Шиллера *Прогулка*, въ переводѣ на русскій языкъ. Выбѣстѣ съ «Пѣснью о колоколѣ» мы считаемъ его одною изъ характернѣйшихъ пѣсень въ циклѣ лирическихъ произведеній автора «Идеаловъ». Г. Гербелю не изъ чего было выбирать: «Прогулка» была переведена лишь единожды, именно покойнымъ Крешевымъ *). Переводъ, если хотите, вѣренъ буквально, но гармоніи и чрезвычайной пластической красоты оригинала совсѣмъ въ немъ не осталось. Мы думаемъ, что главною виной неудачи было неумѣнье русскаго переводчика совладать съ внѣшней формой пѣснь. «Прогулка» написана древнимъ элегическимъ размѣромъ, гекзаметромъ, чередующимся съ пентаметромъ. Этотъ размѣръ можетъ еще употребляться, по нашему мнѣнію, на русскомъ языкѣ въ мелкихъ антологическихъ или, правильнѣе, эпиграмматическихъ вещахъ; но къ большому произведенію, переходящему часто въ эпические тоны, онъ какъ-то нейдетъ. Пентаметръ утомляетъ слухъ своею постоянной мужской цезурой и неизмѣннымъ быстрымъ паденіемъ. Впрочемъ, это только предрасположеніе; можетъ быть, будь переводъ сдѣланъ и сплошнымъ гекзаметромъ, онъ не удовлетворилъ бы насъ. Тайна гекзаметра, какимъ писалъ Жуковскій, какъ будто умерла съ нимъ. Кочковатые стихи вродѣ тѣхъ, какими перевелъ г. Фетъ «Германа и Доротею» или г. М. Достоевскій «Рейнеке Фукса» Гете, способны возбудить сомнѣніе, возможна ли и самая форма эта на русскомъ языкѣ. Но послѣ попытокъ Жуковскаго объ этомъ, кажется, не можетъ быть и рѣчи. Въ «Ундиѣ», въ «Нагѣ и Дамаянті», въ «Одиссеѣ» и «Овсяномъ киселѣ» гекзаметръ является

*) Этотъ бѣдный журнальный труженикъ умеръ въ прошломъ году въ домѣ умалишенныхъ. У него было несомнѣнное поэтическое дарованіе, и нѣсколько прекрасныхъ переводовъ съ французскаго, латинскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ стоили бы отдѣльнаго изданія. Тяжелая нужда заставляла его тратить свои силы на темную, почти поденную журнальную работу.

нахъ почти русскимъ народнымъ размѣромъ. Вообще сила поэтическая способна усвоить языку самья повидимому чуждыя ему формы. Что, кажется, можетъ быть менѣе русскаго, чѣмъ пятистопный ямбъ для драмъ, усвоенный намъ тѣмъ же Жуковскимъ въ «Орлеанской Дѣвѣ» и окончательно утвержденный «Борисомъ Годуновымъ» Пушкина и другими драматическими его отрывками? Но вотъ что значитъ твердость руки генія, распоряжающагося языкомъ, какъ покорнымъ своимъ орудіемъ.... Не представляются ли хоть бы слѣдующіе стихи Пушкина изъ его «Русалки», написанные этимъ чужеземнымъ размѣромъ, отрывкомъ изъ народной пѣсни?

Веселую мы свадебку сыграли.

Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!

Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,

А намъ у васъ почаще пировать.

Что жъ, красныя дѣвицы, вы примокли?

Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?

Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Возвратимся однакожъ къ Шиллеру. Независимо отъ превосходныхъ переводовъ г. Мина, въ изданіи г. Гербеля мы находимъ и еще нѣсколько новыхъ драгоценныхъ приобрѣтеній въ числѣ лирическихъ переводовъ. Большая часть изъ нихъ являются тутъ въ первый разъ въ печати, а нѣкоторыя, хоть и были напечатаны, все-таки вызваны предпріятіемъ г. Гербеля, сдѣланы по его приглашенію. Таковы, между прочимъ, *Къ цвѣтамъ* г. Фета, *Прощаніе Гектора*, *Руссо*, *Пушкина пѣсня для сѣвера* и *Графъ Эдуардъ Грейнеръ* г. Мея. Послѣдній переводъ можно назвать образцовымъ по силѣ и движенію. Мы причислили бы къ этимъ пѣсамъ и *Альпійскаю стрѣлку*, еслибъ г. Мея не испортилъ его введеніемъ слова «башка», котораго мы нигдѣ и никогда не слыживали. Къ слову нельзя не сказать, что г. Мея все чаще и чаще составляетъ нынче въ своихъ стихахъ какія-то дикія, никому не понятныя и ни въ какомъ лексиконѣ неподходящія слова. Подобныя попытки попадались нрѣдка и въ прежнихъ стихотвореніяхъ г. Мея; нынче это уже не попытки по видимому. Г. Мея, какъ кажется, à force de forger дикіе неологизмы, вполне увѣровалъ въ ихъ законность, и они представляются ему уже красотами. Въ первыхъ двухъ томахъ «Шиллера» также очень хороши *Начало новаго вѣка* г. Курочкина и *Идеалы* въ переводѣ г. Лялина, очень талантливаго переводчика, хотя и мало извѣстнаго у насъ въ публикѣ до изданія г. Гер-

беля, которое онъ украсилъ, кромѣ мелкихъ піесъ, очень хорошимъ переводомъ «Пикколомини», о которыхъ мы еще скажемъ ниже.

Вообще въ первыхъ двухъ томахъ мы очень немногіе переводы можемъ назвать слабыми, и то большею частію переводы слабыхъ и въ подлинникѣ піесъ. Изъ произведеній всемірно извѣстныхъ мы остались не совсѣмъ довольны только переводами гимна An die Freude и элегии Götter Griechenlands. Первый помѣщенъ въ четырехъ переводахъ: новымъ г. Бенедиктова, и прежнихъ гг. Тютчева, М. Дмитриева и К. Аксакова. Послѣдніе три больше подходятъ по тону къ подлиннику (г. Бенедиктовъ переполнилъ свой амплификаціями), есть въ нихъ и вѣрно переданныя подробности, и хорошіе стихи, но въ цѣломъ нѣтъ того огненного паэоса, какимъ проникнута піеса Шиллера, нѣтъ той внутренней силы, которая заставляетъ насъ, единожды прочитавъ, помнить каждый стихъ подлинника. Переводъ *Боговъ Греціи*, сдѣланный тоже г. Бенедиктовымъ, лучше другаго, стараго перевода, помѣщеннаго въ собраніи г. Гербеля рядомъ съ нимъ; но ими можно удовлетвориться только не зная оригинала. Обѣ піесы эти ждуть еще болѣе соответствующихъ достоинству подлинника переводовъ.

Мы говорили до сихъ поръ о лирической части сочиненій Шиллера, занимающей два первые тома изданія г. Гербеля. Четыре слѣдующіе тома заняты драматическими произведеніями. И здѣсь, какъ въ первыхъ томахъ, издатель неограничился пересмотрѣннымъ и исправленнымъ изданіемъ прежнихъ переводовъ. И здѣсь большую часть переводовъ онъ вызвалъ своимъ предпріятіемъ. Изъ всѣхъ драмъ Шиллера наиболѣе извѣстна русской публикѣ до изданія г. Гербеля была *Орлеанская дѣва* по переводу Жуковскаго, который по общему голосу и читателей и критики былъ признанъ образцовымъ. Желая сдѣлать свое изданіе какъ можно болѣе соответствующимъ цѣли—именно возможно близкому ознакомленію русской публики съ великимъ германскимъ поэтомъ, г. Гербель не положился на всѣми признанный авторитетъ Жуковскаго и свѣрилъ переводъ его съ подлинникомъ строка въ строку. Изъ этого сравненія оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Жуковский, дѣлая уступку щепетливости и требованіямъ своего времени, смягчалъ и перефразировалъ подлинникъ. Само собою разумѣется, текстъ Жуковскаго долженъ былъ остаться неприкосновеннымъ, но, печатая его, г. Гербель считалъ необходимымъ представить въ вѣрномъ

переводѣ стихи, измѣненные или опущенные Жуковскимъ. Переводъ этихъ стиховъ сдѣланъ слово въ слово г. Меемъ и помѣщенъ въ выноскахъ подѣ текстомъ «Орлеанской Дѣвы» *).

Послѣ перевода Жуковского лучшими переводами пиллеровыхъ драмъ были опыты Шишкова втораго. Эти переводы помѣщены то-же въ изданіи г. Гербеля; а именно: *Марія Стюартъ* и *Смерть Валленштейна*, за исключеніемъ драмы *Пикколомини*, вновь переведенной г. Лялинымъ. Мы упомянули выше объ этомъ переводѣ. Нельзя не отдать справедливости чрезвычайной добросовѣстности, точности и поэтическому смыслу переводчика. У насъ въ послѣднее время такъ начали плодиться стихотворные переводчики, для которыхъ считается ни почемъ перемахнуть за нѣсколько присѣтовъ Шекспирова «Отелло» или «Юлія Цесаря», Байроновскаго «Мазепу» или «Манфреда», не говоря уже о бѣдномъ истерзанномъ Гейне или въ клочки изорванномъ Беранже, — столько расплодилось у насъ такихъ переводчиковъ, что даже и неизбѣжныя для этого качества, добросовѣстность и старательность, должны считаться большою заслугой. У г. же Лялина при этихъ качествахъ находимъ мы и поэзію. Какже не цѣнить такого дѣятеля? Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы могли бы привести много отрывковъ; но рецензія наша и безъ того выходитъ длинна, а потому ограничимся тѣмъ мѣстомъ изъ четвертой сцены перваго дѣйствія «Пикколомини», гдѣ Максъ говоритъ отцу о преимуществахъ мпра.

Ты говоришь, я мира не видѣлъ!
 Нѣтъ, мой отецъ, я миромъ наслаждался:
 Я видѣлъ тотъ счастливый край, куда
 Еще война проникнуть не успѣла.
 О! въ жизни есть такіа наслажденья,
 Которыхъ мы извѣдать не могли!
 Вполнѣ прекрасной жизни мы не знали:
 Однихъ ея пустынныхъ береговъ
 Касались мы. Какъ племя кочевое
 Грабителей на душномъ кораблѣ
 По океану бурному блуждаетъ
 И, въ отчужденіи дикомъ отъ людей,
 Въ странахъ большихъ одни заливы знаетъ,
 Притонъ своихъ злодѣйствъ и грабежей,

*) Томъ VII, въ которомъ помѣщенъ переводъ Жуковского, еще не вышелъ; но мы видѣли уже его почти вполнѣ отпечатаннымъ, также какъ и томъ VIII. Оба они должны выйти на днѣхъ, и, можетъ быть, лявятся въ одно время съ нашею рецензіей.

Такъ чужды мы въ суровой жизни нашей
Всего, что есть святаго на землѣ.

.....
Гдѣ цѣль была тяжелаго труда —
Того труда, которому на жертву
Я съ дѣтскихъ лѣтъ былъ жизнью обреченъ?
Тотъ тяжкій трудъ мнѣ сердца не наполнилъ;
Душѣ моей онъ радости не далъ.
Весь этотъ шумъ военный, вся тревога,
И трубный звукъ, и ржаніе коней,
И по часамъ размѣренное время,
Однѣ и тѣ же вѣчныя слова
Команды: здѣсь для сердца нѣтъ ограды!
Въ пустыхъ занятыхъ пищи для души
Не можетъ быть! Нѣтъ, въ жизни существуютъ
Иныя радости, иное счастье!

.....
Прекрасный день тотъ скоро ли настанетъ,
Когда вернется воинъ наконецъ
Домой къ себѣ, и снова въ мирной жизни,
Въ кругу семьи войну забудетъ онъ?
Въ послѣдній разъ распустятся знамена
И сбѣгать желанный путь въ отчину,
И тихій маршъ въ честь мира зазвучить.
Въ послѣдній разъ похитятся съ полей
Цвѣты, чтобъ шлемы воиновъ украсить.
Сами собой, безъ пушекъ, безъ петардъ,
Отворятся ворота городскія.
Кругомъ народъ тѣснится на валу...
Вражды нѣтъ больше: всѣ друзья и братья!
Звучить веселымъ гудъ колоколовъ
На встрѣчу днямъ отраднымъ и счастливымъ.
Шумя спѣшить изъ селъ и деревень
Народъ веселый воинамъ на встрѣчу;
И въ нетерпѣнны радостномъ войскамъ
Проходу нѣтъ отъ счастливыхъ согражданъ.
Старикъ отецъ у сына руку жметъ:
Опять онъ съ нимъ — и теплая молитва
Летитъ къ Творцу за чудный этотъ день!
Какъ бы чужой, изъ дальняго похода
Вернется воинъ въ брошенный имъ домъ.
Ему все ново. Юношей онъ помнить,
Росло тогда у дожа деревцо —
Теперь оно могучими вѣтвями
Его покрыло. Съ краской на лицѣ
Идетъ ему красавица на встрѣчу,
А онъ ее груднымъ ребенкомъ видѣлъ.
О! счастливъ тотъ, кого облытля милой
Съ любовью тихо, кротко обовытля!

Изъ другихъ прежде напечатанныхъ драмъ мы находимъ въ изданіи г. Гербеля, кромѣ перевода Жуковского и двухъ переводовъ Шишкова втораго, *Вильгельма Телля* въ переводѣ г. Миллера, и *Донъ-Карлоса* въ переводѣ г. М. Достоевскаго. Г. Гербелю приходилось выбирать изъ двухъ переводовъ послѣдней драмы, г. Лихонина и г. М. Достоевскаго, и онъ выбралъ лучший. Но лучший въ этомъ случаѣ не значитъ еще относительно хорошій; этимъ переводомъ мы наименѣ довольны изъ всѣхъ драматическихъ переводовъ въ изданіи г. Гербеля. Всюду блистательный стихъ Шиллера достигаетъ въ нѣкоторыхъ сценахъ и монологахъ «Донъ Карлоса» высшей степени изящества; пафосъ и лиризмъ драмы требовали лирическаго вдохновенія и отъ переводчика. Но этого-то вдохновенія и не хватило у г. Достоевскаго. Стихъ его вялъ, впадаетъ въ прозаизмы, въ ненужную тривиальность, и въ наиболѣе страстныхъ мѣстахъ лишень силы и движенія. Нѣкоторыя мѣста, при внѣшней вѣрности подлиннику, не воспроизводятъ вовсе его духа, и читатель остается къ нимъ совершенно холодень. Чтобы не говорить бездоказательно, вспомнимъ знаменитую сцену маркиза съ королемъ въ третьемъ актѣ. «Sehen Sie sich um», обращается маркизъ къ королю:

*In seiner herrlichen Natur! Auf Freiheit
Ist sie gegründet — und wie reich ist sie
Durch Freiheit! Er, der grosse Schöpfer, wirft
In einen Tropfen Thau den Wahn, und lässt
Noch in den todten Räumen der Verwesung
Die Willkür sich ergötzen — Ihre Schöpfung,
Wie eng und arm! Das Rauschen eines Blattes
Erschreckt den Herrn der Christenheit — sie müssen
Vor jeder Tugend zittern. Er — der Freiheit
Entzückende Erscheinung nicht zu stören —
Er lässt des Uebels grauensvolles Heer
In seinem Weltall lieber toben — ihn,
Den Künstler, wird man nicht gewahr, bescheiden
Verhüllt er sich in ewige Gesetze!
Die sieht der Freigeist, doch nicht ihn. Wozu
Ein Gott? sagt er: die Welt ist sich genug!
Und keires Christen Andacht hat ihn mehr,
Als dieses Freigeist's Lästerung, gepriesen.*

Что же находимъ мы вмѣсто этихъ одушевленныхъ словъ въ переводѣ г. Достоевскаго? Холодные, сухія фразы, сказанныя вяло и темно. Вотъ какъ выражается по русски пылкій Поэа:

О, оглянитесь

На эту чудную природу! На свободѣ
 Она созиждена — и какъ богата
 Она свободой! Онѣ, великій Зодчій,
 Червя въ росинкѣ терпите; Онѣ даетъ
 И въ самыхъ мертвыхъ капицахъ истлѣнья
 Большую волю произволу. — Вы же?...
 Какъ бѣдно, тѣсно дѣло вашихъ рукъ!
 Листка нежданый шорохъ васъ пугаетъ,
 Владыку христіанства. — Трепетать
 Предъ каждой добродѣтелью должны вы.
 А онѣ? — изъ нежеланья повредить
 Свободы усладительнымъ явленьямъ —
 Онѣ дозволяетъ лучше бушевать
 Всѣмъ легионамъ страшныхъ золъ
 Въ своей вселенной — въ ней Его,
 Художника, и не примѣтншь. Скромно
 Себя онѣ скрылъ въ законахъ, имъ созданныхъ.
 Ихъ видитъ вольнодумецъ, не Ею.
 Нѣтъ Бога, говоритъ онѣ: въ мѣрѣ все!
 И ни одинъ изъ христіанъ не можетъ
 Ему воздать достойнѣйшихъ хваленій,
 Какъ это богохульство вольнодумца.

Не говоря уже о разводяненіи, постигшемъ въ переводѣ скатые и оттого вдвое сильнѣйшіе стихи подлинника, мы видимъ здѣсь крайнюю неточность выраженій и мѣстами даже полное незнаніе русскаго языка. Такъ, напримѣръ, г. Достоевскій совершенно не знаетъ слова *истлѣніе*, и думаетъ, что это все равно, что *тлѣніе*. *Kapit*, по его мнѣнію, можно перевести словомъ *капище*, хотъ и выйдетъ совершенная бессмыслица. Всякій знающій даже поверхностно по нѣмецки увидитъ, что слово *терпите*, сказанное о червѣ, вовсе не передаетъ мысли подлинника, что *дать волю произволу* совсѣмъ не похоже на *lassen die Willkür sich ergötzen*. *Willkür* употреблено здѣсь Шиллеромъ во все не въ смыслѣ *произвола*; это слово слѣдовало перевести словомъ *воля*. Такъ и фраза: «Въ мѣрѣ все!» не передаетъ смысла выраженія: «Die Welt ist sich genug!» Не совсѣмъ удовлетворителенъ и новый переводъ *Разбойниковъ* г. М. Достоевскаго, являющійся впервые въ печати въ изданіи г. Гербеля; но какъ вещь, написанная въ прозѣ, онѣ во многомъ лучше «Донъ Карлоса».

Нельзя не остановиться въ числѣ драмъ на «Вильгельмъ Телль» и на «Мессинской Невѣстѣ» г. Миллера. Первый переводъ былъ уже напечатанъ прежде въ «Москвитяинѣ» и отдѣльно,

второй является въ печати въ первый разъ. Имя Ф. Б. Миллера не пользуется особенною извѣстностью въ нашей читающей публикѣ. Виною этому вѣроятно прежнее постоянное участіе въ «Москвитянинѣ», который никѣмъ не читался. Какъ переводчикъ, г. Миллеръ заслуживаетъ почетнаго упоминовенія въ ряду нашихъ литературныхъ дѣятелей по этой части. Уваженіе къ переводимому подлиннику, стараніе передать его во всей полнотѣ и со всѣми частностями, наконецъ умѣнье обращаться со стихомъ и со словомъ вообще, дѣлають переводы г. Миллера полезнымъ приобрѣтеніемъ. Не всѣ они удачны, но ни одному не откажете вы въ вѣрности и добросовѣстности. Главный недостатокъ г. Миллера — нѣкоторая сухость выраженія; кромѣ того въ талантѣ его нѣтъ совсѣмъ, по нашему мнѣнію, лирической струи. Поэтому эпическіе и драматическіе переводы г. Миллера далеко оставляють за собой его лирическіе опыты. Особенно слабы его переводы мелкихъ пѣсень Гейне, тогда какъ нѣкоторыя повѣствовательныя вещи того же поэта г. Миллеру удалось перевести очень хорошо. Такъ многимъ, вѣроятно, памятна баллада «Невольничій Корабль», напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы рѣшительно не совѣтовали бы г. Миллеру братья за пьесы, принадлежащія къ сферѣ страстной лирики: тутъ онъ иногда не только оказывается слабымъ, но и совершенно пасуетъ.

Такое изданіе, какъ собраніе всѣхъ сочиненій Шиллера въ русскомъ переводѣ, не могло обойтись безъ содѣйствія г. Миллера. Въ первыхъ двухъ томахъ есть нѣсколько очень хорошихъ переводовъ его, и они еще разъ утвердили насъ во мнѣніи, что пьесы съ эпическимъ или дидактическимъ (какъ въ *Sinngedichte*) оттѣнкомъ болѣе всего удаются г. Миллеру. Выше было упомянуто о «Жалобѣ Цереры», которая не поблѣдѣла и рядомъ съ переложеніемъ Жуковскаго; прибавимъ къ ней балладу *Порука* *), рассказъ *Фридолинъ*. Но еще больше цѣны и достоинства имѣють для насъ драматическіе переводы г. Миллера. Мы не приводимъ отрывковъ, только чтобы не растянуть нашего отчета; притомъ рѣзко выдающихся мѣстъ въ переводахъ этихъ нѣтъ. Они отличаются большою ровностью, и это, по нашему мнѣнію, очень важное качество именно для драматическихъ произведеній.

Остается упомянуть только о тщательномъ переводѣ г. Гер-

*) Переводъ этой пьесы удался и г. Гербею.

беля трагедіи: *Заговоръ Фіеско въ Генуѣ* и о *Прологъ* къ «Валленштейну» и *Валленштейновомъ лагерѣ* въ переводѣ г. Мея. *Прологъ* вещь не важная, но на «Лагерѣ» нельзя не остановиться. Переводъ его наводитъ насъ еще разъ на мысль, что г. Мей можетъ превосходно переводить, когда даетъ себѣ трудъ подумать надъ подлинникомъ и не вдается въ нецѣпныя нововведенія и въ произвольное хозяйничанье съ русскимъ языкомъ, что къ несчастію случается съ нимъ нынче все рѣже и рѣже. Такъ и въ только что названномъ нами переводѣ, чрезвычайно удачномъ и мѣстами безукоризненномъ, дѣло не обошлось безъ неологизмовъ; но къ счастью ихъ не много. Трудности подлинника побѣждены г. Меемъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ знаменитой рѣчи капуцина онъ сумѣлъ передать почти равносильно игривость и нѣмецкіе *вицы* почтеннаго отца. Вотъ на примѣръ одинъ отрывокъ:

. . . Всѣ христіане во вретнищѣ, въ пеплѣ,
 Еле отъ слезъ пролитыхъ не ослѣбли;
 А у солдата карманы полны.
 Въ небѣ явленіи, знаменья, дива;
 Въ облацѣхъ ризой кровавой войны
 Богъ потрясаетъ надъ міромъ правдиво,
 И съ многозвѣздной выси голубой
 Людямъ кометой грозитъ, что лозой.
 Свѣтъ обратился въ юдолю печали;
 Церкви ковчегъ утопаетъ въ крови;
 Римской имперіи, которую мы звали —
 Римской остеріей, зови!
 Рейнскія волны погибели полны;
 Монастыри всѣ теперь — пустыри;
 Всѣ-то аббатства и пустыни нынѣ
 Стали не братства — прямыя пустыни;
 Каждый маститый епископства склепъ
 Преобразился въ позорный вертепъ;
 И представляетъ весь край благодатный
 Край безобразіи...

Кажется, было невозможно передать ближе и ловче пестрыхъ каламбуровъ капуцина:

. . . Die ganze Welt ist ein Klagehaus,
 Die Arche der Kirche schwimmt im Blute,
 Und das römische Reich — dass Gott erbarm!
 Sollte jetzt heissen römisch arm;
 Der Rheinstrom ist worden zu einem Peinstrom;
 Die Klöster sind ausgenommene Nester,
 Die Bisthümer sind verwandelt in Wüstthümer,

Die *Abteyen* und die *Stifter*
Sind nun *Raubteien* und *Diebesklüfter*,
Und alle die gesegneten deutschen *Länder*
Sind verkehrt worden in *Elender*, и т. д.

Не совсѣмъ удаченъ по русски только *склепъ*; но трудность перевода извиняетъ эту маленькую погрѣшность.

Послѣ всего нами сказаннаго мы не можемъ не желать такого же успѣшнаго продолженія и окончанія предпріятію г. Гербеля, какинъ было его начало. При такомъ широкомъ замыслѣ и неизбѣжныхъ трудностяхъ исполненія невозможно было требовать совершенства. Но г. Гербель вѣроятно не остановится на нынѣшней редакціи своего изданія, и въ слѣдующемъ изданіи многіе изъ указанныхъ нами недостатковъ исчезнутъ. За это ручается намъ его любовь къ родной литературѣ и вниманіе къ голосу благонамѣренной критики. Кстати нельзя не замѣтить, что къ сожалѣнію о достоинствахъ и недостаткахъ предпріятія г. Гербеля было говорено очень мало въ нашихъ журналахъ. Отзѣвы ограничивались большею частію общими фразами, и никто, сколько помнимъ, не давалъ себѣ труда развернуть вмѣстѣ и переводъ и подлинникъ, разобрать серіозно и планъ и частности изданія. За такія, подчасъ даже и строгія указанія и замѣчанія издатель былъ бы конечно вдесятеро болѣе благодаренъ, чѣмъ за голословныя похвалы. Ему былъ бы много облегченъ трудъ втораго изданія, которое становится уже нужнымъ, по крайней мѣрѣ для первыхъ томовъ, да вѣрно скоро понадобится и для остальныхъ. Но въ томъ бѣда, что глумиться надъ ничтожными стишонками и сѣро-бумажными рыночными фабрикаціями гораздо легче, чѣмъ серіозно рассмотреть серіозное и важное литературное явленіе, которое во всякой болѣе развитой, чѣмъ наша, литературѣ вызвало бы не одну и не двѣ дѣльныя и серіозныя критики.

Предпріятіе г. Гербеля скоро, какъ мы уже упомянули выше въ выноскѣ, увеличится двумя новыми томами. Въ нихъ, кромѣ «Орлеанской Дѣвы», будутъ помѣщены: «*Коварство и Любовь*» въ новомъ, до сихъ поръ ненапечатанномъ переводѣ М. Л. Михайлова, такъ же какъ и романъ *Духовидецъ*, драматическій отрывокъ *Мизантропъ*, переведенный самимъ г. Гербелемъ, и сцены изъ неконченной трагедіи *Дмитрій Самозванецъ* въ новомъ переводѣ г. Мея. Исчисляемъ только главное; въ этихъ томахъ будутъ, кромѣ того, напечатаны нѣсколько прозаическихъ статей Шиллера и нѣсколько стихотвореній въ дополненіе

къ первымъ двумъ частямъ. Между послѣдними находится нѣсколько неизданныхъ опытовъ Лермонтова.

М. Л.

Записки современника съ 1805 по 1819 годъ. Часть I. *Дневникъ Студента*. Спб. 1859. Въ 12-ю д. л. 700 стр.

Записки, первая часть которыхъ вышла теперь новымъ изданіемъ, уже не новость для русской публики. «Дневникъ Студента» и часть «Дневника Чиновника», служащаго продолженіемъ первому, были напечатаны въ «Москвитинѣ» и «Отечественныхъ запискахъ». Исторію происхожденія ихъ вкратцѣ рассказываетъ издатель такъ: «Записки современника остались послѣ покойнаго князя Стенана Степановича Борятинскаго въ письмахъ близкаго къ нему родственника С. П. Ж—ва, съ которымъ, не смотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою до самой своей кончины. Князь Борятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти письма и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ, остальные приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ дневниковъ: а) студента съ 1805 по 1807 г., б) чиновника съ 1807 по 1819 г., къ которымъ объясненія и замѣчанія сдѣланы прежде самимъ княземъ, а въ послѣдствіи самимъ С. П. Ж—мъ.» Издатель прибавляетъ къ этому объясненію, что «трудно настоящимъ образомъ судить о степени *теперешней* ихъ занимательности, ибо самое занимательное въ нихъ большею частью уничтожено.» Тѣмъ не менѣе издатель находитъ въ дневникѣ студента и чиновника, кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Издатели всегда очень снисходительны къ издаваемымъ ими произведеніямъ; мало того, они способны сильно преувеличивать каждое изъ ихъ достоинствъ, и даже находятъ достоинства тамъ, гдѣ всякой незаинтересованный въ изданіи читатель видитъ пустоту и ничтожество. Такъ случилось и съ издателемъ записокъ г. Ж—ва.

Требованія, съ которыми читатель нашего времени приступаетъ ко всякаго рода мемуарамъ, слишкомъ общи и извѣстны, чтобы ихъ многословно повторять. Мы хотимъ, прежде всего, новыхъ фактовъ, не записанныхъ въ свое время исторіей или записанныхъ въ ней не вѣрно, хотимъ новыхъ подробностей

извѣстныхъ уже фактовъ, почему либо ускользнувшихъ отъ историка, хотимъ свѣдѣній о замѣчательныхъ личностяхъ, о частной жизни, о домашнемъ бытѣ и объ общественныхъ отношеніяхъ извѣстнаго времени. Будь въ мемуарахъ хоть одно изъ этихъ требованій выполнено, мы найдемъ въ нихъ интересъ.

Г. Ж—въ, какъ видно изъ его записокъ, принадлежалъ къ высшему московскому обществу. Это общество отражается на столько въ его запискахъ, на сколько онъ приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Чтò такое было это общество во время, описываемое г. Ж—мъ, мы уже очень хорошо знаемъ по комедіи Грибоѣдова. Поденные записки г. Ж—ва служатъ только фактическимъ подкрѣпленіемъ высокой правды міра Фамусовыхъ и Скалозубовъ, созданнаго авторомъ «Горя отъ ума». Иного достоинства мы въ нихъ не видимъ. Пустота, дикость, смѣсь степнаго варварства съ поверхностнымъ quasi-европейскимъ лоскомъ, совершенное отчужденіе отъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ остальнаго міра, безпутное барство съ тупымъ самодовольствомъ, иперція мысли, неразвитость или лучше сказать полное отсутствіе чувства гуманности, жалкое псуобразование или еще болѣе жалкій педантизмъ à la Тредіаковскій, взглядъ на литературу, какъ на праздное сочиненіе выспреннихъ фразъ, или какъ на законное ласкательство и низкоклонство, холопство въ отношеніяхъ рядомъ съ высокоомѣрнѣйшимъ барствомъ, глубокая безнравственность въ соединеніи съ моралью на словахъ, ханжество, предразсудки, лизанье рукъ и ногъ, зуботычины, все это въ самомъ хаотическомъ смѣшеніи — вотъ главныя черты общества, описаннаго намъ г. Ж—мъ. Навивность, съ какою авторъ записокъ относится ко всей этой мерзости заустѣнія, какъ къ чему-то очень законному и разумному, волнуетъ во все продолженіе чтенія читателя, и жолчь накапливаетъ въ немъ все больше и больше.

Въ одной изъ газетъ, по поводу Дневника Студента, мы прочли, что авторъ записокъ обличаетъ въ нихъ слишкомъ много зрѣлости, слишкомъ много здраваго смысла для студента. Хорошо же было общество, въ которомъ безразличнѣйшій (чтобы не сказать больше) взглядъ на все и вся есть уже признакъ зрѣлости. Благоговѣнное развѣзжанье по гостямъ, по баламъ и объѣдамъ, «чувства глубочайшаго уваженія и совершенной преданности» къ лицамъ, не стоящимъ ничего, кромѣ презрѣнія, восхищеніе отъ пошлыхъ одъ и мадригаловъ, совершенное отсутствіе цѣли въ жизни и нравственныхъ принциповъ. Удивитель-

ная зрѣлость! Нѣтъ, это не «плодъ, до времени созрѣлый», а нустодиѣтъ, засохшій и зачерствѣвшій еще въ почкѣ.

Мы вовсе не согласны съ издателемъ дневника студента въ важности этихъ записокъ. Два три не особенно интересные случаи, двѣ три любопытныя черты не выкупаютъ этихъ четырехъ сотъ страницъ, наполненныхъ перечнемъ визитовъ къ разнымъ титулованнымъ особамъ, баловъ и вечеровъ, гуляній, пикниковъ, скачекъ, охотъ, пѣтушнихъ боевъ, глупѣйшихъ каламбуровъ, пошлѣйшихъ стишонокъ, жалкихъ драматическихъ представлений и проч. Мы уже сказали, что во всемъ этомъ отражается состояніе тогдашняго общества; но, признаемся, съ исключеніемъ трехъ сотъ страницъ изъ книги мы ничего бы не потеряли. А вѣроятно такихъ книгъ съ продолженіемъ записокъ явится еще четыре, пять.

Чтобы судить объ упомянутой зрѣлости инаго автора 1805—1807 года, любопытно сравнить, какъ онъ разсказалъ о несчастной женщинѣ, смятой его рысаками, и о смерти своей собаки.

Вотъ первый случай: «Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ во всю прыть моихъ каурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ-что она очутилась подъ сѣнями. Вопли и крики! Бѣжавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что, хотя, по принятымъ правиламъ, долженъ былъ бы отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту неприятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько нибудь денегъ на лекарство и тѣмъ предупредить формальную ея жалобу. Я бы радъ былъ дать все, что угодно, но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ пять рублей своихъ, съ тѣмъ чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредь старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человѣка зовутъ Иванъ Петровичъ Гранжанъ, и Петръ Тимоѣевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принимать въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи! Николай Петровичъ Архаровъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртелѣ, частнымъ приставомъ; а какой человѣкъ! что за душа и обращеніе! и какъ вообще уважаемъ всѣми, несмотря (!!!) на недостаточное состояніе. Правду говорить, что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.»

Этотъ пассажъ по истинѣ умилителемъ. Сколько въ немъ челоѡколюбія въ отношеніи — къ полиціи! Тонъ разсказа глубоко возмутителенъ. Съ какимъ участіемъ, сбивъ *какую-то* женщину и раздавивъ ее своими санями, юноша справляется о имени, отчествѣ, фамиліи и проч. — не этой женщины, а частного пристава!

Примѣръ челоѡколюбія вы видѣли; не угодно ли видѣть теперь примѣръ скотолюбія автора? «Братъ любезный!» пишетъ онъ въ сокрушеніи сердечномъ: «я лишился Трезора, лохматого моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались, и котораго между тѣмъ такъ любили за привязанность къ мнѣ, необыкновенную сметливость и доброту. Онъ умеръ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывшій моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество. Теперь некому будетъ подать мнѣ такъ часто забываемый платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣни, трясая мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и поглядывая на меня такими умильными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ *здравствуй*, этихъ послѣднихъ вечернихъ *прости* — словомъ всего этого домашняго счастья, которое называлъ я Трезоромъ. Еслибъ ты могъ видѣть, какъ умиразъ онъ и какъ за минуту до смерти, не смотря на совершенное изнеможеніе, онъ успивался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую свою лапу. Не смѣйся надъ моимъ горемъ: это первая чувствительная утрата въ моей жизни. Дай Богъ, чтобъ она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе горькихъ!»

Можно бы выбрать изъ книги и еще нѣсколько параллелей въ этомъ родѣ; но это будетъ излишне: измѣнятся только факты, а тонъ, характеръ останутся тѣже. Любители волнующаго жолчь чтенія вѣроятно обратятся къ самой книгѣ: тамъ они найдутъ себѣ много пищи. Авторъ всюду является достойнымъ членомъ общества своего времени, и, за бѣдностью фактовъ въ своихъ запискахъ, можетъ стать самъ предметомъ любопытнаго изслѣдованія.

Курсъ вскобщей исторіи, доктора Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корна. Москва, 1859 г. Первый выпускъ. Стр. IV и 160.

Ни одинъ изъ предметовъ элементарнаго образованія не работывался и не преподавался у насъ, до послѣдняго времени, такъ неудовлетворительно и даже такъ недобросовѣстно, какъ политическая исторія. Нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ, повидимому, не понимали вполне всего ея значенія и потому хладнокровно и равнодушно смотрѣли на низведеніе этого важнаго предмета до какой-то военной лѣтописи, до сухаго перечня кровопролитныхъ битвъ и незначительныхъ стычекъ. Другіе, напротивъ того, приписывали исторіи какое-то особенно могучее, хотя и вовсе несвойственное ей вліяніе. Эти передовые народнаго образованія вообразили себѣ, что правдивое изложеніе обстоятельствъ, способствовавшихъ и препятствовавшихъ послѣдовательному и постепенному развитію человѣчества, можетъ не благотворно, а пагубно подѣйствовать на неустановившіяся понятія молодаго поколѣнія и способно побудить не только юношей, но даже дѣтей къ вольнодумству, карбонарству и тому подобнымъ смертнымъ грѣхамъ. Вслѣдствіе такого похвальнаго и истиннаго воззрѣнія, почтенные педагоги, не понимавшіе ни видовъ, ни намѣреній нашего просвѣщеннаго правительства, превратились въ услужливыхъ медвѣдей, сгонявшихъ камнями какихъ-то воображаемыхъ мухъ съ юнаго чела представителей русскаго народа и однимъ изъ такихъ камней они сдѣлали исторію. Въ наше время трудно даже повѣрить, какимъ метаморфозамъ подвергалась эта существенная часть элементарнаго образованія. Она была настоящимъ трупомъ, который разсѣкали по произволу, отбрасывая будто-бы ненужныя части и препарируя особенно важныя, по понятіямъ анатомовъ, органы. Такъ напримѣръ намъ достовѣрно извѣстно, что одинъ содержатель пансіона, будучи въ чинѣ титулярнаго совѣтника и сильно желая чѣмъ бы то ни было дослужиться до коллежскаго ассессора, не шутя вошелъ съ проектомъ объ исключеніи исторіи изъ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Но тутъ нашла коса на камень; нашелся другой содержатель пансіона, также титулярный совѣтникъ и также ревностно добивавшійся до повышенія, который, въ отвѣтъ на поданный проектъ, представилъ слѣдующую дилемму: если совсѣмъ не преподавать исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, то молодые люди, по окончаніи курса, равно ни

поздно узнавъ о существованіи этого предмета, сами доберутся, вслѣдствіе свойственной имъ возрасту любознательности, до историческихъ сочиненій, гдѣ могутъ вычитать вовсе ненужные факты и понять ихъ такъ, какъ не слѣдуетъ; напротивъ того, если преподавать исторію прагматически, развивая извѣстныя идеи, хотя и не совсѣмъ согласныя съ исторической истиной, то молодые люди, будучи убѣждены, что они знакомы съ предметомъ, не станутъ домогаться познакомиться съ нимъ по источникамъ. На этомъ основаніи, полезно было бы составить и, для большей пропаганды, налитографировать записки, въ которыхъ извѣстныя событія изложить какъ слѣдуетъ, о другихъ же, ненужныхъ, умолчать; такимъ образомъ борьбу плебеевъ съ патриціями можно было бы представить въ видѣ возмущенія рабовъ противъ землевладѣльцевъ, реформацію — въ видѣ бунта, а о революціи 1789 года не говорить ни слова. Къ счастью предусмотрительное правительство, справедливо опасавшееся услужливыхъ медвѣдей, въ концѣ сороковыхъ годовъ воспретило преподаваніе по запискамъ и потому оба велемудрые проекта остались безъ послѣдствій. Какъ ни частны всѣ эти факты, но они непременно должны быть занесены въ лѣтопись прошедшаго, потому что если они были, значитъ имѣли возможность проявиться. При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что преподаваніе исторіи находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Многіе учителя считали своею обязанностью только спросить по руководству урокъ и затѣмъ ногтемъ отжѣтить заданное къ слѣдующему разу; но понимали ли дѣти заученное, въ какой степени пройденное ими способствовало ихъ развитію и примѣнялось къ жизни, объ этомъ преподаватель не заботился, точно также какъ не затруднялъ онъ себя и вопросамъ: въ чемъ же именно состояла его заслуга и не можетъ ли его замѣнить всякій грамотный простолюдинъ. О значеніи изустнаго изложенія предмета, о возможности не только заинтересовать, но даже увлечь имъ молодыхъ слушателей, о сравненіи изложенныхъ въ учебникѣ проявленій жизни цѣлаго народа съ фазисами жизни отдѣльнаго человѣка, тогда, конечно, не было и помину. И въ это-то грустное время, когда весь успѣхъ преподаванія основывался не на учителѣ, а на руководствѣ, когда вся надежда родителей опиралась на тощія книжонки, самые учебники были не только бесполезны, но положительнымъ образомъ вредны для учащихся. Невольно беретъ раздумье, при воспоминаніи о томъ неудобозабываемомъ времени, когда яркими свѣтилами на гори-

зонтъ педагогической литературы, по части исторіи, подъ фирмою руководствъ, были тѣ меркантильные эфемеронды, которые даже дѣтьми были мѣтко заклеены кличками *кайдановокъ*, *смарядовокъ* и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, что представляли эти учебники: сплошной рядъ собственныхъ именъ и цифръ, перечень однихъ только сраженій, преднамѣренное искаженіе фактовъ, множество пробѣловъ и отсутствіе всякихъ выводовъ. Ко всему этому примкнулъ еще г. Язвинскій съ своею мнемоникою, клѣтками, насилуваніемъ памяти и систематическимъ забиваніемъ разсудка. При такихъ руководствахъ о результатахъ преподаванія, конечно, говорить нечего. Не смотря на то, что политическая исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ предметовъ, которые могутъ наиболѣе заинтересовать учащихся, дѣти смотрѣли на нее, какъ на орудіе пытки, нецвѣстно за что и для чего ихъ истязующее. Во многихъ пансіонахъ таблички г. Язвинскаго замѣнили даже самыя тяжелыя наказанія и производили не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ Телемахиды Третьяковскаго при дворѣ Екатерины II. И этими-то руководствами бичевались, съ младенчества до отрочества, невинныя и душой и тѣломъ дѣти, тогда какъ извѣстно, что первоначально преподаваніе исторіи должно отличаться и системою, и объемомъ отъ послѣдующаго изученія этой науки. Политическая исторія, повѣствуя о судьбѣ народовъ и государствъ, имѣетъ цѣлю показать постепенное развитіе человѣчества; но эту идею если не совсѣмъ невозможно, то по крайней мѣрѣ, очень трудно развить и доказать ребенку, неимѣющему въ запасѣ достаточно фактовъ, на которые онъ бы могъ опереться, слѣдя за постепеннымъ усовершенствованіемъ человѣка въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Поэтому первоначальное обученіе исторіи должно состоять въ охарактеризованіи главнѣйшихъ эпохъ, посредствомъ подробныхъ и увлекательныхъ разсказовъ о замѣчательнѣйшихъ историческихъ событіяхъ и лицахъ. Въ этомъ отношеніи исторія Ламе-Флери и дѣтскій Плутархъ оказали, въ свое время, большую услугу. Затѣмъ уже, когда ученикъ приобрѣлъ достаточно матеріаловъ для умозаключеній и выводовъ, можно приступитъ къ систематическому изложенію историческихъ событій въ ихъ послѣдовательной связи между собою и, указывая на эту связь, развивать законы исторической необходимости и постепенности. Понятно, что никакія *кайдановки* и *смарядовки*, въ коалиціи съ табличками г. Язвинскаго, не удовлетворяли этимъ требованіямъ, не разрѣшали этой дидактической задачи и почему довольно

блѣдный и безцвѣтный курсъ всеобщей исторіи Берте, соединившій въ себѣ условія и историческихъ матеріаловъ и руководства, былъ принятъ съ восторгомъ какъ учащими, такъ и учащимися, хотя и не представлялъ совершенно удовлетворительнаго учебника, потому, для сохраненія необходимой краткости, при подробныхъ разсказахъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, въ немъ многое обойдено молчаніемъ.

Теперь мы переживаемъ другое, болѣе отрадное время. Выступившее на учительское поприще молодое поколѣніе, хотя и не убѣжденное сѣдинами и не умудренное опытомъ, сознаетъ всю важность и святость принятыхъ на себя обязанностей и, занимаясь не только въ высшихъ, но даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользуется удобнымъ случаемъ имѣть благотворное вліяніе на дѣтей и старается, чтобы ни одинъ урокъ не прошелъ безъ послѣдствій, не остался безъ впечатлѣній и не обогатилъ молодыхъ слушателей новымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній и современныхъ понятій. Нѣмецкое *Unterlassungssünde* — грѣхъ оставленія — повидимому начинается у насъ пониматься. Не смотря на это однако, до сихъ поръ курсъ Берте, вытѣснившій отчасти *кайдановку* и *смарядовку*, гражданствуетъ въ училищахъ и пансіонахъ, потому что *Руководство къ Всеобщей Исторіи* доктора Лоренца слишкомъ обширно, а гг. профессеры Стасюлевичъ и Шульгинъ (кіевскій) издали только курсы исторіи среднихъ вѣковъ. Объ историческихъ руководствахъ для военно-учебныхъ заведеній мы умалчиваемъ.

Послѣ всего нами сказаннаго, кажется, понятно, почему появленіе *Курса Всеобщей Исторіи* доктора Вебера, въ переводѣ на русскій языкъ Е. и В. Корша, обращаетъ на себя особенное вниманіе и заслуживаетъ благодарность со стороны родителей и паставниковъ. Добросовѣстный трудъ гейдельбергскаго профессора принадлежитъ къ разряду тѣхъ учебниковъ, которые необходимы для руководства учащимся и пособія преподавателямъ, при систематическомъ уже знакомствѣ молодыхъ людей съ политическою исторіею. При всей полнотѣ и многосторонности этого курса, онъ отличается, кромѣ того, и необходимою для подобныхъ руководствъ сжатостію, вслѣдствіе которой можетъ быть въ одно и тоже время и подробною программю для учителя, при изустномъ изложеніи предмета, и вполне достаточнымъ конспектомъ для учащихъся, при повтореніи пройденнаго въ классѣ.

«Для того, чтобы историческое изученіе соответствовало своей высокой цѣли, необходимо, говоритъ Веберъ, чтобы оно

было какъ можно полнѣе и многостороннѣе; оно должно обнимать собою ходъ образованія и литературы, религіозный, государственный и частный бытъ, нравы и образъ мыслей каждаго народа, такъ чтобы представляло полную картину жизнедѣятельности человѣчества въ раздѣленіи его по племенамъ и народамъ. Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ стороны исторической жизни трактовались въ какомъ-нибудь руководствѣ съ исчерпывающею подробностью: это превышало бы его назначеніе; но необходимо, чтобъ исторія представлялась живымъ, цѣлостнымъ организмомъ, чтобы, при всемъ ограниченіи частныхъ, каждое проявленіе духовной и практической жизни народа было въ немъ оцѣнено; на исторію должно смотрѣть не какъ на дѣло одной памяти, но какъ на міръ дѣятельности и творчества, въ которомъ отражаются дѣла и стремленія, мнѣнія и взгляды отшедшихъ поколѣній и гдѣ современный человѣкъ находилъ бы себѣ поученіе и руководство относительно всего, что занимаетъ его умъ, что возбуждаетъ его любознательность въ настоящемъ; надо, чтобъ историческое содержаніе представлялось не завершеннымъ но совершающимся, такимъ, на чемъ согрѣвалось бы сердце, образовывался характеръ и изошрялся разумъ; ибо тогда только исторія дѣйствуетъ образовательно, когда въ душѣ возбуждается сочувствіе къ великому и высокому въ историческихъ подвигахъ и явленіяхъ, когда все дурное и низкое порождаетъ въ насъ напротивъ глубокое отвращеніе къ нимъ. Для такого изложенія всемірной исторіи, руководства должны получить и большій объемъ, и иную форму; они должны простираться на всѣ стороны исторической дѣятельности различныхъ народовъ; они должны облекать явленія исторіи въ живой рассказъ и представлять ихъ въ прагматической, существенно-последовательной связи, чтобы пробуждалась фантазія читателя и вмѣстѣ мыслящій духъ его заинтересовывался и удовлетворялся выясненіемъ причинъ и слѣдствій; такое руководство не можетъ быть ни голымъ реестромъ собственныхъ именъ, годовъ и событій, ни книжкою для легкаго чтенія: въ первомъ случаѣ оно вышло бы сухо и незаманчиво, въ послѣднемъ пострадали бы важность и достоинство предмета; всѣ главные моменты должны быть представлены въ короткомъ, но ясномъ и удобопонятномъ изложеніи, отличающемся притомъ и благородствомъ языка; высокая, поэтическая натура великихъ событій должна отдѣняться отъ другихъ самымъ тономъ рѣчи писателя, самымъ его слогомъ: онъ долженъ стараться возбудить

участіе и одушевленіе ко всему высокому въ помыслахъ, ко всему благородному въ поступкахъ.»

Составленный ученымъ профессоромъ *Курсъ Всобщей Исторіи* вполне соотвѣтствуетъ этимъ взглядамъ на предметъ, высказаннымъ въ предисловіи къ руководству.

Въ вышедшемъ нынѣ первомъ выпускѣ этого *Курса*, на русскомъ языкѣ, заключается *Введеніе* и *Исторія восточныхъ народовъ*. Въ введеніи излагаются предварительныя понятія о племенахъ, государствѣ, правленіи, религіи и содержаніи исторіи, необходимыя для уразумѣнія послѣдующаго ея изложенія. Мы только не понимаемъ для чего авторъ первый параграфъ руководства посвятилъ повѣтствованію о *первыхъ людяхъ*; сказанія объ нихъ, заимствуемыя изъ божественнаго откровенія не принадлежатъ области исторіи, повѣтствующей о сознательной уже жизни народовъ и ихъ развитіи при условіяхъ государственнаго быта. За тѣмъ мы находимъ, что опредѣленіе исторіи сдѣлано не совсѣмъ точно. *Исторія*, говоритъ авторъ, *повѣствуетъ о возникновеніи, ростѣ и паденіи государствъ, о происхожденіи, развитіи и упадкѣ народовъ*. Такое опредѣленіе слишкомъ тѣсно; подходя къ значенію частной исторіи какого-нибудь одного государства, оно не исчерпываетъ всей сферы всемірной исторіи и, указывая на поддержаніе ея, не упоминаетъ ни о цѣли, ни объ окончательномъ результатѣ науки. Къ этому опредѣленію авторъ прибавляетъ: *исторія народа обнаруживаетъ ту истину, что любовь къ отечеству (патриотизмъ), гражданская доблесть и простота нравовъ сообщаютъ величіе царствамъ и народамъ, а себялюбіе (эгоизмъ) и пристрастіе изъ него разединеніе, сладострастіе и изысканность ведутъ ихъ къ неизбѣжной гибели*. Со стороны морали такое изложеніе, быть можетъ, и истинно, но съ точки зрѣнія естественно-исторической противъ него можно возражать. Та-же исторія показываетъ намъ, что исчезаютъ съ лица земли цѣлые народы и государства не потому исключительно, что отличались эгоизмомъ и сладострастіемъ, а оттого, что наступала другая эпоха, съ другимъ историческимъ гениемъ, съ другими условіями для существованія и развитія. На долю каждаго народа выпало свое назначеніе, свой кругъ дѣятельности и если онъ совершитъ этотъ циклъ, то никакія добродѣтели не спасутъ его отъ изчезновенія съ историческаго цоприща. Но были и такіе народы, которые за неизбѣннѣмъ въ себѣ данныхъ для историческаго значенія, никогда и не играли никакой роли. Въ сѣверныхъ равнинахъ сѣверной Сибири, по берегамъ рѣкъ, попадаются слѣды

урочищъ и могилъ, принадлежавшихъ цѣлымъ племенамъ и народамъ, которые появились и исчезли безъ всякаго влiянiя на развитiе человѣчества, но развѣ мы можемъ утверждать, что эти народы были эгоисты и сластолюбцы. Наконецъ, можно привести въ примѣръ современныхъ намъ финновъ, которые никогда не играли важной политической роли, да едва ли когда-нибудь и выступать на историческое поприще, а между тѣмъ ихъ, кажется, нельзя упрекнуть въ безнравственности. Государства падаютъ и народы гибнутъ, совсѣмъ не отъ разслабленiя, а по недостатку матеріаловъ для поддержанiя ихъ духовной жизни. Религіозныя понятiя, обряды, обычаи, увеселенiя, пѣсни и пляски народныя также важны для человѣка, какъ и первыя матеріальныя потребности, и если явится народъ съ новыми понятiями, съ новыми вѣрованiями, съ другою обстановкою, то отжившее должно дать мѣсто зарождающемуся, уступивъ ему впрочемъ все выработанное въ продолженiе своего существованiя. Говоря объ источникахъ исторiи, докторъ Веберъ замѣчаетъ, что перечень историческихъ событiй по годамъ, безъ внутренней связи между ними, называется лѣтописью или хроникой; напротивъ, *прагматическая* исторiя стремится въ изложенiи событiй показать сцѣпленiе причинъ и слѣдствiй, внутренней смыслъ и взаимную связь явленiй и фактовъ. Въ настоящемъ случаѣ эпитетъ *прагматическая*, по нашему мнѣнiю, лишнiй, потому что здѣсь говорится вообще объ исторiи, а не объ опредѣленномъ методѣ ея изложенiя. Извѣстно, что подъ именемъ прагматической исторiи разумѣется тотъ способъ описанiя историческихъ событiй, при которомъ историкъ доказываетъ какую-либо, заранѣе имъ предположенную себѣ идею, подъ которою онъ и старается подвести всѣ факты, иногда даже насильственно. Такъ на примѣръ Вегелинъ, въ *Memoires sur la philosophie de l'histoire* (1772), основывалъ всѣ историческіе принципы на механикѣ, согласно тогдашнему ученiю о системѣ политическаго равновѣсiя и въ духѣ возникавшаго тогда матеріализма. Главное его положенiе заключалось въ противоположности мертвыхъ и живыхъ силъ. Лессингъ въ своемъ «*Erziehung des menschlichen Geschlechts*» особенно выставлялъ религіозную сторону, доказывая, что человѣчество ведется божественнымъ Промысломъ къ высшему разумнiю и что божественное Откровенiе, вслѣдствiе увеличивающейся воспримчивости людей, открывается все болѣе и болѣе. Жанъ Батистъ Вико въ своей «*Scienza nuova*» различалъ въ исторiи человѣчества три возраста: обоготворенiя, варварства и образованiя и думалъ, что каждый народъ,

по достиженіи послѣдняго возраста, возвращается опять къ первому, составляя, такимъ образомъ вѣчный кругъ, и т. д. Вотъ это насильственное доказательство извѣстныхъ идей, эта прагма и сблизъ съ толку составителей нашихъ старыхъ учебниковъ.

За *Введеніемъ* слѣдуетъ географическій очеркъ Азіи, послѣ котораго авторъ приступаетъ къ изложенію самой исторіи восточныхъ народовъ и въ живомъ, увлекательномъ разсказѣ очерчиваетъ бытъ и характеръ каждаго государства такъ пластично и такъ рельефно, что ученикъ съ перваго взгляда подмѣтитъ и общія ихъ стороны и черты отличія. Вотъ, напримѣръ, какъ обрисовываетъ авторъ состояніе Китая:

«Какъ служащіе составляютъ цѣлую іерархію, основанную на подчиненности и безпрекословномъ повиновеніи старшимъ, въ такомъ же точно классномъ порядкѣ состоятъ большіе и малые города, посады и селенія обширной, крайне населенной, кипащей жилыми мѣстами имперіи, такъ что самостоятельной, общинной жизни нѣтъ и слѣда, и государство, при страшномъ сосредоточеніи, управляясь однимъ писарскимъ механизмомъ и состоя подъ надзоромъ цѣлой арміи смотрителей, походитъ на машину, движимую системой колесъ и шестерень.»

Отъ китайцевъ докторъ Веберъ переходитъ къ индѣйцамъ и, описывая ихъ религіозныя вѣрованія, говоритъ о браминахъ:

«Брамины опутали жизнь безчисленными обрядовыми законами, жертвоприношеніями и очищеніями; они сообщали земной жизни мрачный оттѣнокъ чрезъ устрашающее ученіе о перерожденіяхъ, и мученіяхъ ада, и подавили всякое живое начало въ человѣкѣ, всякій радостный порывъ; они указывали на мрачную аскетическую жизнь, исполненную искусственнаго покаянія и самоистязаній, на умерщвленіе плоти и всякаго чувственнаго удовольствія чрезъ погруженіе въ созерцаніе воображаемаго божества, какъ на вѣрнѣйшій путь къ освобожденію души отъ тѣлесныхъ оковъ и къ возвращенію изъ бѣдственной земной жизни въ небесное отечество. Въ то-же время они усиливались привести въ порядокъ и вполнѣ усвоить себѣ новое міросозерцаніе во всей его величественной односторонности посредствомъ ученаго формализма и схоластической умственной дѣятельности, полной замысловатыхъ діалектическихъ уловокъ. Они старались разрѣшить задачу земнаго бытія рабскимъ исполненіемъ безчисленныхъ заповѣдей, установленій и правилъ на всѣ случаи жизни, покая-

ниемъ и самоистязаніемъ, ханжествомъ безъ всякаго духовнаго; напряженія и высокихъ нравственныхъ стремленій, очищеніемъ, воздержаніемъ отъ мясной пищи (такъ какъ по ученію о душе-скитательствѣ и въ животныхъ могли быть человѣческія души), умерщвленіемъ плоти и чувственныхъ пожеланій.»

Въ дополненіе къ этому очерку браминовъ не мѣшало бы только упомянуть о такъ называемыхъ *югес* или тѣхъ фанатикахъ, которые цѣлымъ рядомъ самоистязаній думали приобрести врожденные свойства святыхъ браминовъ.

«Будда однимъ ударомъ, продолжаетъ докторъ Веберъ, уничтожилъ браминскую секту, проповѣдуя вмѣсто суроваго аскетизма, жертвоприношеній и очистительныхъ правилъ, нравственное ученіе о снисхожденіи, милосердіи, любви къ человѣку и ко всѣмъ тварямъ; онъ разрушилъ также порядокъ, основанный на кастахъ и высокобѣрии высшихъ сословій, ученіемъ о равенствѣ между всѣми людьми. Но дѣйствуя все-таки въ кругѣ индійскихъ понятій, онъ тоже полагалъ цѣль земной жизни въ умерщвленіи всѣхъ страстей и пожеланій, въ бездѣйственномъ существованіи, исполненномъ страдательныхъ добродѣтелей. Будда отрекся отъ своего высокаго происхожденія, удалился въ лѣса, прикрытый нищенскою одеждою и тамъ стремился постигнуть вѣчную истину, предаваясь самому тяжкому покаянію и умерщвленію плоти. Достигнувъ наконецъ желаннаго просвѣтленія, онъ выступилъ учителемъ и основателемъ новой религіи; но онъ не жилъ, подобно мудрецамъ-браминамъ, въ одиночествѣ и пустынѣ, а ходилъ съ нѣсколькими учениками по долинѣ Ганга, проповѣдуя свое ученіе о всеобщемъ страданіи и его изцѣленіи. Онъ обращался не къ высшимъ сословіямъ, какъ дѣлали брамины, но ко всему народу безразлично, какъ къ «дваждырожденнымъ» (вышія касты), такъ и къ судрамъ и чадаламъ (низшія касты); онъ училъ объ «одномъ законѣ милосердія для всѣхъ», и тѣмъ сильно привлекъ къ себѣ низшихъ и угнетенныхъ, ожидавшихъ отъ него освобожденія изъ-подъ ига тѣхъ общественныхъ условій, которыя неразлучны съ принудительнымъ раздѣленіемъ людей на касты, по происхожденію ихъ. Ученіе о равенствѣ между людьми, о достиженіи вѣчнаго покоя посредствомъ добродѣтельной и человѣколюбивой жизни, и освобожденіе отъ фантастическихъ системъ и ханжества высокобѣрныхъ браминовъ произвело сильное впечатлѣніе въ Индіи. Увѣровавшіе ученики, странствуя по примѣру обожаемаго учителя въ желтой нищен-

ской одеждѣ, быстро разнесли ученіе Будды по всему пространству отъ Гималайн до Цейлона.... Но распространяясь быстро, оно принимало въ себя чуждые элементы и чрезъ приспособленіе къ иноземнымъ религіознымъ понятіямъ мало-по-малу приближалось къ тому искаженному состоянію, въ какомъ мы видимъ его теперь.... Многочисленные жрецы-буддисты, считавшіе праздную созерцательность святою и высшею заслугою, удалились отъ практической жизни и общенія съ народомъ, основали отшельническіе ордена и братства и стремились къ достиженію святости чрезъ воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій, безбрачіе, отчужденіе всякаго земнаго имуществва и соблюденіе множества суевѣрныхъ обычаевъ, формальныхъ молитвъ (съ помощію четокъ) и благочестивыхъ обрядовъ (процессій, самоистязаній, хожденій на богомолье).... О магадьяскомъ царѣ Асокѣ (около 250 года до Рождества Христова) рассказываютъ, что онъ велѣлъ вскрыть восемь *ступъ* (памятники въ честь Будды, съ частицами его тѣла), первоначально содержавшихъ въ себѣ останки Будды (за исключеніемъ одной, стоявшей въ Ромагрѣ) и раздѣлить каждую изъ семи частей Будды еще на 12,000, такъ что всѣхъ частей составилось 84,000. Потомъ, когда эти части были опять положены въ золотые, серебряные, хрустальные и лазуревые ящики, Асока роздалъ ихъ 84,000-мъ городовъ и мѣстечекъ своего царства, велѣлъ построить надъ каждымъ ящикомъ по ступѣ и, сверхъ того, при каждой ступѣ имѣть монастырь (вигару). Но и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были освящены присутствіемъ Будды и гдѣ онъ проповѣдывалъ, учили и совершалъ чудеса, были построены памятники и святилища; говорятъ, царь Асока даже велѣлъ соорудить ступы надъ останками главнѣйшихъ учениковъ Будды, вслѣдствіе чего еще больше распространилось поклоненіе тѣламъ умершихъ. На стѣнахъ почти всѣхъ ступъ находились изображенія Будды, окруженныя надписями, заключавшими въ себѣ изреченія учителя и главныя правила его ученія.»

Жаль только, что авторъ не прибавилъ, что этихъ главныхъ правилъ было пять: не убивай, не крадь, не прелюбодѣйствуй, не лги и не пѣй опьяняющихъ напитковъ. Последнее правило гигиеническое, необходимое по климату и сходное съ предписаніями другихъ учителей востока.

Послѣ обозрѣнія исторіи восточныхъ народовъ, ученый профессоръ, въ общей рельефной картинѣ ихъ политической жизни

и внутренняго быта, выставляетъ результаты, до которыхъ они достигли и которые передали новому, выступившему на историческое поприще народу — Эллинамъ.

Такъ что вообще, за исключеніемъ указанныхъ нами недомотровъ, *Курсъ Всеобщей Исторіи* доктора Вебера представляетъ весьма замѣчательное явленіе даже въ германской педагогической литературѣ, а тѣмъ болѣе въ нашей — бѣдной дѣльными и добросовѣстными руководствами.

Что же касается самого перевода, то онъ весьма удовлетворителенъ и намъ остается только благодарить переводчиковъ за предпринятый ими трудъ, который, безъ сомнѣнія, окажетъ большую услугу какъ преподавателямъ, такъ и учащимся.

Въ заключеніе замѣтимъ, что *Курсъ* доктора Вебера изданъ на русскомъ языкѣ весьма опрятно и исправно, что пока у насъ составляетъ еще немаловажное достоинство, и напечатанъ двумя шрифтами, для означенія, вѣроятно, тѣхъ подробностей, которыя могутъ быть, по усмотрѣнію преподавателя, выпущены. При второмъ же изданіи этого *Курса* въ русскомъ переводѣ, издатели вѣроятно позаботятся, чтобы онъ по цѣнѣ былъ доступнѣе для большинства, не достигшаго еще у насъ до сознанія не только возможности, но даже необходимости дѣлать болѣе или менѣе значительныя пожертвованія, для приобрѣтенія замѣчательныхъ сочиненій.

И. РЕМЕЗОВЪ.

О развитіи и распространеніи идеи свободной торговли и о примѣненіи ея къ положительнымъ законодательствамъ въ главныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Разсужденіе, представленное юридическому факультету Императорскаго с.-петербургскаго университета *Бальтазаромъ Калиновскимъ* для полученія степени магистра политической экономіи. Спб. 1859. Стр. 219.

Каждый человѣкъ, разсматриваемый отдѣльно, какъ производитель и какъ потребитель зависитъ не только отъ большей части своихъ согражданъ, но и отъ людей другихъ государствъ, и чѣмъ человѣкъ развитѣе выше и совершеннѣе, тѣмъ зависимость его отъ другихъ становится сильнѣе, т. е., тѣмъ больше подчиняется онъ обществу. Чтобы трудъ человѣка приносилъ ему пользу, нужно, чтобы общество признало трудъ этотъ по-

лезнымъ; поэтому каждый направляетъ свои успія къ тому производству, въ которомъ онъ лучше успѣваетъ, на который существуетъ большее требованіе и за которое производитель будетъ лучше вознагражденъ. Личный интересъ есть въ этомъ случаѣ главный рычагъ, побуждающій производителя къ дѣятельности, вызывающій разныя усовершенствованія въ производствѣ и заставляющій его идти впередъ съ меньшимъ рѣскомъ и вѣроятностью меньшей потерп. Поэтому всякое искусственное вмѣшательство въ частныя дѣла должно повлечь за собою непремѣнно трату силъ и времени тѣхъ производителей, на кого падетъ это вмѣшательство, и уменьшая благосостояніе частныхъ лицъ, уменьшаетъ тѣмъ и благосостояніе всего общества. Каждый частный человекъ знаетъ лучше свои нужды и свои силы, можетъ судить вѣрнѣе, какъ достигнуть ему своей цѣли и взаимность услугъ можетъ быть оцѣнена справедливѣе частнымъ договоромъ, основаннымъ на свободной волѣ лицъ договаривающихся. Въ этомъ случаѣ закону нужно только устранить возможность обмана и насилія и оградить свободное, безвредное пользованіе результатомъ труда, собственностью. Если же законъ, дѣйствуя иначе, освобождаетъ посредствомъ несправедливыхъ привилегій какой-нибудь классъ промышленниковъ отъ отвѣтственности за ихъ дѣла, то деморализируя этимъ привилегированныхъ производителей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляетъ производительность труда, связаннаго съ привилегированной промышленностью и вредитъ-всему обществу.

Какъ эти истины ни просты, а между тѣмъ долго не хотѣли принять ихъ въ основаніе между народныхъ сношеній; да и въ настоящее время ихъ не признаютъ еще многіе. Причину этого нужно искать частью въ историческихъ событіяхъ, а частью въ недалекости самихъ промышленниковъ. Торговля, пробудившись при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для ея развитія, заключенная въ феодальную эпоху въ городахъ, устрашаемая непріязненною тѣнью баронскихъ замковъ, обложенная тяжелыми пошлинами, угнетаемая различнаго рода грабительствомъ, должна была бороться съ разными тягостными монополіями и побуждать ихъ собственнымъ, находящимся у нея въ рукахъ оружіемъ. Но это оружіе было слабо и кушцы должны были искать у верховной власти защиты и покровительства. Часто затруднительныя денежныя обстоятельства правительствъ заставляли ихъ давать монополію нѣкоторымъ лицамъ и даже цѣлымъ городамъ; и такое стремленіе къ исключительности составляетъ отлич-

тельный характеръ не только среднихъ вѣковъ, но частью и новѣйшаго времени. (Б. Калиновскій: A. Smith, E. Schick, Turgot, Tossqueville, Bresson).

Подобная система дѣйствій, возведенная на степень теоріи, явилась въ видѣ ученія меркантилистовъ и системы торговаго баланса. Отправляясь въ путь отъ принципа, что золото и серебро составляютъ главное богатство народа, нетрудно было дойти до убѣжденія, что торговля выгодна для страны только въ томъ случаѣ, если вывозъ превышаетъ привозъ товаровъ; а изъ этого вытекало прямое заключеніе, что изъ двухъ народовъ, находящихся въ прямыхъ торговыхъ сношеніяхъ, невозможно, чтобы одинъ народъ выигралъ безъ того, чтобы другой народъ не проигралъ.

Англія держалась меркантильной системы сначала строже другихъ державъ; но впоследствии значительное распространеніе ея торговыхъ сношеній и вообще культура страны и народа заставили Англію почувствовать всю невѣрность и невыгодность подобной несправедливой системы. Въ доказательство того, какъ въ то время нѣкоторыя свѣтлыя головы Англіи понимали хорошо значеніе торговли и денежнаго обращенія, Г. Калиновскій приводитъ нѣсколько положеній изъ одного памфлета, напечатаннаго въ концѣ XVII столѣтія, о которомъ извѣстный англійскій экономистъ Мекъ-Коллохъ сказалъ: «Никогда и ни на какомъ языкѣ никто еще не представилъ истинныхъ началъ торговли столь ясно и съ такимъ искусствомъ. У самыхъ знаменитыхъ изъ предшественниковъ Норса мы найдемъ истины подлѣ заблужденій, его же система столь же точна въ дѣлности, какъ и во всѣхъ своихъ частяхъ.» Вотъ нѣкоторыя изъ положеній Норса: «Должно смотрѣть на упадокъ торговли, производимой съ какимъ-нибудь народомъ, не какъ на потерю частную, но всемірную, потому что въ этомъ отношеніи всѣ государства тѣсно связаны между собою.»

«Невозможно, чтобы какая-нибудь отрасль торговли была невыгодна для общества, потому что въ такомъ случаѣ никто бы не сталъ ею заниматься. Скажемъ болѣе: что обогащаетъ купца, обогащаетъ и все общество, часть котораго онъ составляетъ.»

«Предписывая извѣстный способъ продажи, можно принести пользу нѣкоторымъ, но не всему обществу, потому что это все равно, что взять у одного и отдать другому.»

«Никакой законъ не можетъ установить неизмѣнной цѣны на товары; если же онъ за это возьмется, то тѣмъ только стѣснить торговлю и повредить ей.»

«Деньги — то-же товаръ, въ которомъ можетъ быть излишекъ и недостатокъ.»

«Въ народѣ, для его текущихъ торговыхъ сдѣлокъ, никогда не можетъ быть недостатокъ въ деньгахъ, но народъ и не захочетъ имѣть ихъ больше, чѣмъ ему нужно.»

«Измѣнять или понижать достоинство денегъ значитъ обманывать себя; это не приноситъ никакой пользы обществу, которое принимаетъ въ расчетъ только внутреннюю дѣйствительную ихъ цѣнность. Вексель имѣетъ то-же значеніе, какъ и звонкая монета, съ той разницею, что при употребленіи его сберегаются издержки пересылки.»

«Всякая привилегія, предоставленная какой-нибудь отрасли промышленности, или какому нибудь частному предпріятію, есть злоупотребленіе, уменьшающее доходъ, принадлежащій всѣмъ, въ пользу нѣкоторыхъ.»

Подобныя идеи были высказаны въ то-же время и во Франціи. Въ одномъ сочиненіи 1697 года — *Le detail de la France* доказывается, что скорость обращенія богатства должна непремѣнно уменьшиться, если фискальные законы препятствуютъ производству и потребленію сельскихъ продуктовъ посредствомъ ограниченія ихъ сбыта и что всѣ классы общества находятся въ тѣсной между собой связи. «Экономическіе законы — говоритъ Боагильберъ — управляющіе міромъ таковы, что страданіе одного класса отразится болѣе или менѣе на всѣхъ другихъ. Высокія пошлины, устраняя заграничныхъ купцовъ, приносятъ несравненно болѣе вреда для общества, чѣмъ доходовъ королю; умѣренныя же не только невредны для торговли, но и выгодны для казны.»

Эти болѣе широкія воззрѣнія на условія экономическаго быта народовъ подготовили путь новой школѣ экономистовъ — физиократовъ. Заслуга ихъ заключается главнѣйше въ томъ, что они первые объяснили и доказали, что дѣятельность человека тогда только полезна для него, и можетъ обезпечить жизнь какъ его, такъ и его семейства, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить ему возможное благоденствіе и средства къ всестороннему усовершенствованію, когда она основана на справедливости; справедли-

вость же, по ихъ учению, есть согласіе дѣйствій человѣка съ законами физическими и нравственными, установленными Провидѣніемъ.

Вооружаясь противъ промышленныхъ и торговыхъ ограниченій, имѣющихъ цѣлю поощреніе нѣкоторыхъ отраслей народнаго хозяйства, физиократы высказали слѣдующую идею: «Приверженцы всякаго рода запрещеній доказываютъ необходимость ограниченія свободнаго вывоза сельскихъ произведеній для того, чтобы хлѣбъ и сырые продукты, подлежащіе фабричной обработкѣ, были дешевле и чтобы отечественныя фабрики, обезпеченныя въ этомъ отношеніи, могли прійти въ цвѣтущее состояніе. Но чтобы они сказали, если бы земледѣльцы сдѣлали предложеніе запретить вывозъ фабричныхъ издѣлій для поощренія земледѣлія? Развѣ они не могли бы воспользоваться тѣми же доказательствами, какіе представляютъ фабриканты въ свою пользу? Не хорошъ ли этотъ способъ доставленія большой прибыли предпринимателямъ и значительной задѣльной платы работникамъ, который заключается въ уменьшеніи предметовъ, необходимыхъ для фабрикъ и служащихъ средствомъ вознагражденія за ихъ обработку? Никто не станетъ опровергать той истины, что уменьшеніе запроса на земледѣльческіе продукты, удаленіемъ иностранныхъ купцовъ, должно по необходимости уменьшить производство этихъ продуктовъ. Но развѣ иностранцы станутъ покупать больше у нашихъ фабрикантовъ, платить имъ лучше и постояннѣе, чѣмъ мѣстный классъ земледѣльцевъ? На какомъ же основаніи фабриканты еще требуютъ различнаго рода премій при вывозѣ своихъ товаровъ за границу? Наконецъ, какимъ образомъ достигнуть того, чтобы иностранцы покупали наши издѣлія, если посредствомъ запрещеній или высокихъ пошлинъ, мы не дозволяемъ, чтобы они продавали намъ свои собственныя издѣлія?»

«Намъ говорятъ, что не допуская въ предѣлы нашего государства чужихъ обработанныхъ произведеній, правительство благопріятствуетъ этимъ развитію отечественныхъ фабрикъ, поощряетъ такъ называемый народный трудъ и слѣдовательно увеличиваетъ могущество государства, посредствомъ умноженія населенія. Но развѣ земледѣліе не есть такой же народный трудъ, какъ трудъ фабриканта сукна, или продавца пряныхъ кореньевъ? Развѣ классъ земледѣльцевъ не есть главная опора могущества государства?»

«Интересъ государства, т. е., всѣхъ потребителей, состоитъ въ томъ, чтобы платить за всѣ произведенія столько, сколько они дѣйствительно стоятъ и измѣрять ихъ цѣнность той пользой, которую они доставляютъ. Если польза эта одинакова, то будетъ ли полезная вещь отечественная или иностранная, она не можетъ имѣть двухъ различныхъ цѣнъ и каждый потребитель выберетъ того продавца, который уступитъ ее дешевле. Но очевидно, что личный интересъ отечественныхъ промышленниковъ стремится къ тому, чтобы продать свои издѣлія предпочтительно предъ иностранными, и разуется значительно отъ нихъ дороже. Такимъ образомъ это покровительство отечественной промышленности оканчивается обыкновенно потерей для потребителей. Если приверженцы запретительной системы дѣйствуютъ добросовѣстно, то они отрицаютъ законъ полезности вслѣдствіе невѣжества; если же они дѣлаютъ это недобросовѣстно, то такое отрицаніе основывается на несправедливости и на желаніи отдѣлать свою выгоду отъ выгоды общественной. Единственный способъ упрочить равновѣсіе между полезностью вещей и ихъ стоимостью заключается въ признаніи правила: *Laissez faire, laissez passer.*» Только свободная мѣна можетъ обезпечить всѣ интересы и уравновѣситъ всѣ цѣнности. (Turgot. *Daire.*)

Эта основная формула физиократовъ — *laissez faire, laissez passer* — вызывала да и вызываетъ нынче возраженія мыслителей, недающихъ себѣ труда вдуматься хорошенько въ ея смыслъ. Имъ все кажется, что дѣло идетъ о какомъ-то производѣ, объ общей разнузданности; между тѣмъ какъ эта формула имѣетъ смыслъ болѣе глубокий и основана на убѣжденіи, что смыслъ всего человѣчества гораздо выше смысла отдѣльныхъ личностей, желавшихъ кроить общество по своей мѣркѣ; выше разныхъ правительственныхъ системъ, построенныхъ *arbitri* и выше правительственныхъ вмѣшательствъ съ опекунской цѣлью. «Подъ кажущимся этимъ господамъ безпорядкомъ въ развитіи и практическомъ разрѣшеніи народомъ экономическихъ вопросовъ, скрывается глубокий порядокъ, подчиняющійся естественнымъ, неизмѣннымъ законамъ, которые необходимо знать и уважать каждому. Эти законы не подчиняются власти человѣка и потому всякія искусственныя мѣры могутъ только нарушить естественный порядокъ и стѣснять его.»

Теоретическая сторона вопроса о свободной торговлѣ была рассмотрѣна физиократами самымъ полнымъ и удовлетворитель-

нымъ образомъ, и если практическое примѣненіе ихъ ученія встрѣтило непреодолимая препятствія, тѣмъ не менѣе идея не пропажа даромъ и наука приобрѣла Адама Смита. Послѣ того, говоритъ г. Калиновскій, какъ знаменитый англійскій экономистъ подвергнулъ строгой, ученой критикѣ меркантильную систему и порожденныя ею ограниченія, въ отношеніи торговой промышленности, ни одинъ экономистъ, достойный этого имени, не защищалъ ихъ болѣе; напротивъ каждый изъ нихъ представлялъ новыя доказательства той великой истины, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности частный интересъ есть лучшій руководитель, и если онъ основанъ на справедливости, то никогда не противорѣчитъ общему интересу.

Свобода торговли не исключаетъ однако таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ при ввозѣ иностранныхъ произведеній. Эти пошлины, если они налагаются съ финансовой цѣлью, составляя налогъ на потребленіе, могутъ доставить казнѣ значительный доходъ. Но онѣ только въ томъ случаѣ доставляютъ наибольшій доходъ правительству, когда падаютъ на предметы общаго потребленія — однако не первый необходимости — и при томъ такъ ужѣренны, что предметы потребленія не дѣлаются оттого недоступными по цѣнѣ для значительной массы населенія. «Таможни, говоритъ Бастиа, не должны быть орудіемъ взаимныхъ потерь между производителями, но могутъ быть финансовою машиною, столь же хорошею, какъ и всякая другая.» Машина эта должна быть, разумѣется, какъ можно проще и тарифъ не слѣдуетъ обременять такими статьями, которыя не приносятъ почти никакихъ выгодъ. Во Франціи, напримѣръ, въ 1844 году таможенный доходъ доставлялъ казнѣ 152,114,261 франковъ, изъ этого числа шестдесятъ первая статья принесла 147,215,375 франковъ а сто шестдесятъ семь статей только 51,308 франковъ (изъ нихъ пятьдесятъ пять дали менѣе ста франковъ) т. е. первая, составляли 96,78%, вторыя $\frac{1}{2}$... всего дохода; а въ Англии, въ 1853 году, исключены изъ тарифа сто двадцать три статьи, приносящія всего 53,000 фунтовъ стерлинговъ.

Высокія пошлины, а еще больше запрещенія, уменьшая доходъ казны, дѣйствуютъ вредно на нравственность народа, порождая контрабанду: — «Испанія, сказалъ Хускисонтъ въ одной изъ своихъ рѣчей, представляетъ лучшій примѣръ запретительной системы, совершеннѣйшій образъ падшаго величія и ввуртвеннаго бѣдствія, на которыя можетъ указать новѣйшая ци-

визація; полтика Испаніи весьма проста и заключается въ томъ, чтобы ничего недопускать изъ другихъ государствъ, кромѣ того, что тайно провезутъ контрабандисты.»

Идея свободной торговли, несмотря на всю свою истинность, встрѣчала, да встрѣчаетъ и до сихъ поръ, много противниковъ; на нее нападали даже люди весьма серьезнаго направленія. Изъ множества экономистовъ, писавшихъ противъ свободной торговли обращаетъ на себя особое вниманіе Листъ, потому что сочиненіе его пользовалась большимъ уваженіемъ не только въ Германіи, но даже было переведено французамъ и американцами. Г. Казиновскій, перечисляя имена экономистовъ противниковъ свободной торговли, приводитъ слѣдующія слова профессора Бунге о сочиненіяхъ этихъ писателей: «Труды ихъ напоминаютъ намъ опроверженіе коперниковой системы; книги и брошюры написаны для того, чтобы доказать обращеніе солнца около земли и неподвижность послѣдней. Здѣсь не знаешь чему болѣе удивляться: изворотливости ли челоуѣческаго ума, или его близорукости.»

Въ предисловіи къ своему *Das National-System der Politischen Oeconomie* Листъ говоритъ, что будучи призванъ на кафедру профессора политической экономіи въ Тюбингенѣ и приступая къ составленію курса, онъ прочелъ все, что писали до него о теоріи свободной торговли и самъ былъ убѣжденъ сначала въ ея рациональности. Но впоследствии Листъ понялъ «что свободное соперничество между двумя государствами возможно только тогда, когда оба они находятся на одной степени промышленнаго развитія. Но если одно изъ нихъ, имѣя впрочемъ всѣ нравственныя и матеріальныя средства для такого развитія, находится назадъ, то оно должно прежде всего сравниться съ народами его опередившими, для того чтобы быть въ состояніи выдержать съ ними борьбу. Однимъ словомъ, говоритъ Листъ, я открылъ различіе между экономіею космополитическою и политическою и убѣдился, что если Германія должна уничтожить свои внутреннія таможи, то прежде, посредствомъ охранительной системы, ей необходимо стараться достигнуть той-же степени развитія въ промышленности и торговлѣ, до которой достигли тѣмъ же путемъ другія государства.» Сдѣлавъ такое открытіе Листъ дошелъ логически до убѣжденія въ необходимости разныхъ стѣснительныхъ мѣръ для развитія фабричной дѣятельности какой-нибудь страны и въ выгодѣ цеховъ, касть и всякаго рода промышленныхъ ограниченій.

Обвиняя науку въ космополитизмѣ, Листъ какъ будто бы не хочетъ знать, что другой она и быть не можетъ; и можно ли дѣлать подобный упрекъ наукѣ въ то время, когда уже на нашихъ глазахъ происходитъ такое сильное сближеніе народовъ; «когда переселенія людей разныхъ народностей происходятъ ежегодно въ огромныхъ массахъ; когда капиталы одного народа затрачиваются на предпріятія другаго народа; когда кредитъ соединилъ весь образованный міръ въ одно общее государство; когда каждый самагобійшій предметъ потребленія перейдетъ по крайней мѣрѣ чрезъ тридцать рукъ и нѣсколько разъ ввезется и вывезется пока дойдетъ до потребителя; когда разнаго рода изобрѣтенія дѣлаются одновременно въ нѣсколькихъ государствахъ, такъ что трудно опредѣлить ихъ народность; когда промышленность не боится открывать своихъ секретовъ и представляетъ ихъ на всемірныхъ выставкахъ?» А равенство экономическаго развитія разныхъ народовъ и равенство въ условіяхъ производства развѣ возможно въ практикѣ?... Если покровительственная система и обогащаетъ нѣкоторыхъ производителей, то всегда насчетъ всѣхъ потребителей и неестественностью положенія фабрикъ приноситъ государству огромную потерю. Вотъ примѣры приводимые г. Калиновскимъ: «Нѣкоторые экономисты подвергали вычисленію потери, происходящія для казны и потребителей отъ запрещенія или высокой пошлины на предметы потребленія. Такъ, на примѣръ, пошлина на сахаръ въ Россіи составляетъ сто процентовъ и болѣе его стоимости (пошлина эта, по тарифу 1857 года, сбавлена до восьмидесяти процентовъ); даже при незначительномъ потребленіи, вслѣдствіе его дороговизны, внутри производимый сахаръ заставляетъ терять казну 4,110,000 р. Чай налагаетъ ежегодно на потребителей подать въ десять миліоновъ руб. и казна теряетъ, по крайней мѣрѣ, предполагая увеличеніе весьма незначительнаго количества потребленія, два миліона руб., между тѣмъ какъ промышленность, занимающаяся обработкою издѣлій для этой торговли, вслѣдствіе даже совершеннаго ея прекращенія, могла бы потерять maximum 2,827,000 р. Хлопчато-бумажное производство, при самомъ умѣренномъ предположеніи, что наши издѣлія стоятъ пятьдесятъ процентовъ дороже, чѣмъ такія же иностранныя, заставило потребителей заплатить въ двадцать семь лѣтъ огромную сумму 455 миліоновъ руб. сер. (Tegoborsky, Sur les forces productives). Тоже самое Prince-Smith говоритъ о сахарѣ въ Пруссіи, что каждый центнеръ, производимый внутри, при пошлинѣ въ семьдесятъ процентовъ

его стоимости, обходится потребителю въ полтора раза дороже, тѣмъ если бы вмѣсто свеклы производить хлѣбъ, или шерсть и на нихъ приобрѣтать колоніальный сахаръ. Казна при этомъ теряетъ ежегодно 900,000 талеровъ (F. Prince-Smit's Abhandlung über die Handelsfeindseligkeit). Во Франціи съ 1814 — 1848 года высокая пошлина на желѣзо заставила потребителей заплатить свыше его стоимости 300 милліоновъ руб., изъ которыхъ на часть казны и на барышъ предпринимателей слѣдуетъ отчислить менѣе половины. (M. Chevalier. Examen du système commercial). И говорятъ, что протекція доставляетъ занятіе работникамъ! Но одною напрасною потерею, которую она причиняетъ, можно было бы ихъ содержать, даже если бы они ничего не дѣлали.»

Наконецъ послѣднее, самое сильное доказательство въ пользу свободной торговли представляютъ уступки, сдѣланныя въ пользу ея Франціей, Пруссіей, всей Германіей и даже Австріей. Хотя уступки эти дѣлались и медленно, тѣмъ не менѣе въ нихъ высказалась полная побѣда, одержанная теоріей свободной торговли надъ ученіемъ регламентаторовъ и протекціонистовъ. Первое мѣсто въ подобномъ дѣлѣ принадлежитъ безъ сомнѣнія Англіи, и она же можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ даже при принципѣ самоуправленія (self-government) даются трудно побѣды такого рода, гдѣ приходится сражаться съ невѣжествомъ и узкимъ эгоизмомъ.

Г. Калиновскому хотѣлось обратить на экономическія реформы Англіи, на дѣло Пилля и Кобдена, особенное вниманіе своихъ читателей; «я желалъ въ моемъ трудѣ представить одну изъ великихъ фазъ человѣческаго развитія въ экономическомъ отношеніи въ Англіи, говоритъ авторъ, — хотѣлъ показать какииъ образомъ люди не пользующіеся тамъ ни высокимъ положеніемъ въ обществѣ, ни располагающіе властію, опираясь только на справедливость, достигли огромныхъ результатовъ, которыя въ настоящее время оцѣниваются всѣмъ народомъ и даже самими ихъ противниками.» Нельзя не согласиться что намѣреніе автора было прекрасно, цѣль его благородна; но увы! какъ часто славы благородныя побужденія приводятъ къ незначительнымъ результатамъ. Экономическая реформа Англіи можетъ служить прекраснымъ урокомъ и не одной Австріи или Франціи; да и кому въ наше время неизвѣстны экономическія заслуги Пилля и Кобдена? Тутъ вопросъ не въ этомъ; съ тѣхъ поръ, какъ явился

таможенный союзъ, съ тѣхъ поръ какъ даже Австрія сдѣлала значительныя измѣненія въ своемъ тарифѣ, никто уже несомнѣвается, что теорія протекціонизма проиграла свое дѣло, а пня свободной торговли будетъ воплощаться все болѣе и болѣе; не теорія нужна намъ, не *разсужденіе* какъ это сдѣлалъ г. Калиновскій, сшившій свое сочиненіе изъ разныхъ лоскутковъ, надерганныхъ изъ разныхъ сочиненій, намъ нужна живое сильное слово, намъ нужна живая параллель, взятая изъ русской жизни, а не подробности англійской лиги, занимающія треть всего сочиненія г. Калиновскаго или разсказъ о томъ, какъ англичане устраивали митинги и напечатали въ теченіе трехъ недѣль 380,000 брошюръ. Въ вступленіи г. Калиновскій дѣлаетъ замѣтку, что не смотря на всѣ декламации современнаго септментализма и филантропіи пзмѣнить природы человѣка невозможно; къ чему эта выходка противъ социалистовъ? Неужели г. Калиновскому неизвѣстны заслуги социалистовъ въ вопросахъ экономическихъ? Соціалисты повсе не декламировали и природы человѣка измѣнять не хотѣли, а рѣчь шла объ истинности существующаго строя общества. Допустимъ, что современный септментализмъ декламировалъ; но что же сдѣлалъ г. Калиновскій?... тоже декламировалъ, но слабо, на отличную тему. Выборъ предмета для разсужденія былъ превосходенъ, но у автора не достало силъ съ нимъ справиться; онъ и самъ чувствовалъ, что слово его нѣсколько мертво и въ выноскѣ на послѣдней страницѣ говоритъ, что Россіи онъ не коснулся «потому что послѣднее и самое важное преобразование таможеннаго тарифа слишкомъ недавно и благодѣтельное вліяніе этого преобразованія не успѣло еще обнаружиться.» Положимъ что это такъ, но вѣдь у насъ издавались тарифы и ранѣе — съ насъ бы довольно даже постановленій императоровъ Александра I-го и Николая I-го. — При такомъ требованіи трудъ сдѣлался бы многосложнѣе, но за то вышелъ бы трудомъ самостоятельнымъ, а не сшивкой въ родѣ нѣмецкихъ компиляцій, гдѣ изъ многопрочитаннаго авторомъ, выходитъ очень не многое. Г. Калиновскій говоритъ сначала о трудѣ и производительности его, о теоріи меркантилистовъ, физиократовъ, о теоріи Адама Смита, объ англійской лигѣ; въ началѣ, на пяти страницахъ, перечисляетъ сочиненія, «которыми имѣтъ возможность пользоваться или въ цѣлости, или хотя въ извлеченіяхъ,» наконецъ въ самомъ текстѣ разсужденія на каждой страницѣ дѣлаетъ ссылки на экономистовъ и переводы изъ болѣе извѣстныхъ авторовъ, но самаго автора разсужденія нигдѣ не видно:

онъ пританяся за авторитетамъ, которымъ поклоняется и чувствуя себя не ловко въ такомъ блистательномъ обществѣ, «не смѣеть свое сужденіе имѣть.» Все это поражаетъ очень неприятно и добравшись до послѣдней страницы спрашиваешь себя невольно: о чемъ же хлопочеть авторъ? Что хочеть онъ доказать?... что идея свободной торговли выше и справедливѣе ученія протекціонистовъ? Да кому же это неизвѣстно! и стоило ли трудиться такъ много, чтобы двѣсти страницекъ разсужденія наполнить выписками изъ ста сочиненій нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ экономистовъ!... Но нѣтъ, — тутъ есть еще и другая цѣль: желаніе показать «какъ люди, опирающіеся только на справедливость достигаютъ огромныхъ результатовъ»; намѣреніе можетъ быть и доброе, но нѣсколько наивное и во всякомъ случаѣ весьма трудное въ исполненіи для г. Калиновскаго, потому что для этого нужно владѣть языкомъ много лучше, чѣмъ владѣеть имъ авторъ разсужденія «для полученія степени магистра политической экономіи.

О диспутѣ, который происходилъ въ здѣшнемъ университетѣ по поводу этого разсужденія, отсылаемъ читателей въ отдѣлъ смѣси.

Н. III.

Основанія механики и ея приложеній къ машинамъ, общепонятно изложенныя Карломъ Гольцманомъ. Издаю подъ руководствомъ *И. Вышнерадскаго*.

При составленіи этой книги, цѣль автора была — уяснить большинству публики непосвященной въ знанія высшей математики, начала механики и показать важнѣйшія ея примѣненія къ машинамъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія его книгу, мы находимъ, что основанія науки изложены въ ней ясно, и съ такою полнотою, какую только допускаетъ подобнаго рода сочиненіе. Всѣ теоретическія выводы пояснены примѣрами, и повсюду замѣтно желаніе автора избѣжать педантической формы изложенія. Несоблюденіе послѣдняго обстоятельства и бываетъ обыкновенно причиною, что книги серьезнаго содержанія такъ мало читаются.

До какой степени авторъ выполнилъ предположенную имъ цѣль лучшимъ доказательствомъ служитъ сочувствіе, съ какимъ сочиненіе его было встрѣчено въ Германіи, гдѣ два его изданія разошлись въ самое короткое время. Однакоже нельзя не за-

мѣтуть, что не всѣ отдѣлы сочиненія разработаны съ одинаковую полнотою, и въ особенности послѣдній отдѣлъ, заключающій описаніе дѣйствія наиболѣе употребительныхъ машинъ, изученіе которыхъ представляетъ самый живой интересъ для читателей, изложенъ уже слишкомъ коротко. Это тѣмъ удивительнѣе, что авторъ, въ предшествующихъ отдѣлахъ, входитъ даже въ излишнія по нашему мнѣнію подробности; такъ, на примѣръ, въ поясненіе что такое діагональ, возвышеніе въ квадратъ, и т. п. Эти поясненія совершенно не нужны, потому что тотъ, кто въ нихъ нуждается, вѣроятно и не рѣшится читать механику. Намъ кажется, что еслибы авторъ вмѣсто этихъ объясненій, описалъ бы побольше машинъ, то этимъ, при своемъ яснои и крайне понятномъ изложеніи, онъ принесъ бы гораздо больше пользы читателямъ.

Обратимся теперь къ русскому переводу. У насъ подобнаго рода сочиненій очень мало, а между тѣмъ, съ развитіемъ машинныхъ производствъ, потребность въ нихъ становится болѣе и болѣе ощутительною. Начиная отъ жителя столицы, пользующагося всѣми удобствами промышленности и желѣзныхъ дорогъ, до помѣщика, не вполне понимающаго устройство своей собственной мельницы, каждый чувствуетъ необходимость уяснять себѣ законы, на основаніи которыхъ производятся всѣ чудеса современной промышленности. На русскомъ языкѣ существуютъ только два общепонятные руководства такого рода. Первое изъ нихъ: «Механика Ястржембскаго» уже отчасти устарѣло и изложено въ видѣ учебника, а потому скучно и тяжело для чтенія, второе сочиненіе: Прикладная механика Делонэ, переведенная съ французскаго Писаревскимъ, хотя по полнотѣ и общепонятности изложенія, не только не уступаетъ книгѣ г. Гольцмана, но даже стоитъ выше ея, не встрѣтило у насъ большаго сочувствія. Распространенное-ли знаніе французскаго языка въ большинствѣ нашей публики, дающее возможность читать въ подлинникъ, было причиною этого равнодушія или другая причина — сказать трудно.

Исполненный въ настоящее время торговымъ домомъ Струговщикова, Похитонова, Водова и К° переводъ книги г. Гольцмана, можетъ служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія сочувствія нашей публики къ распространенію общепользныхъ знаній. Переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго и потому въ оправданіе нельзя уже будетъ привести того же самаго, что было

сказано по поводу механики Делонэ, ибо знаніемъ нѣмецкаго языка наша публика похвастаться не можетъ. Переводъ книги исполненъ довольно тщательно и удобопонятно. Хотя мѣстами и встрѣчаются ошибки, по ихъ скорѣе можно отнести къ небрежности редакціи, чѣмъ поставить въ вину переводчику. Одно въ чемъ можно упрекнуть переводчика— это въ употребленіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не общепринятыхъ въ наукѣ терминовъ. При изученіи каждой науки, терминологія составляетъ не мало-важную трудность и поэтому лучше стараться ограничивать по возможности число названій одного и того же предмета, справляясь по другимъ сочиненіямъ, въ которыхъ эти названія уже находятся, чѣмъ придавать одной и той же машинѣ или части ея различныя. Относительно внѣшности изданія должно сказать, что она бѣднѣе нѣмецкаго, какъ по отчетливости полтипажей такъ и по бумагѣ и печати. Также замѣтна бережливость въ полтипажахъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ описаніе продолжается на нѣсколькихъ страницахъ, полтипажи помѣщены только на одной, что представляетъ нѣкоторое неудобство при чтеніи книги. Но всѣ эти недостатки маловажны въ сравненіи съ достоинствами книги, и если мы на нихъ указываемъ, то лишь только потому, что болѣе важныхъ въ ней не находимъ.

Изъ природы. Земля. О широтѣ и долготѣ. Теплота на земной поверхности. Морскіе проливы. Вліяніе луны. Предсказанія погоды. Обманы чувствъ. Сочиненіе *Ларднера*. Переведено подъ редакцію А. Буйницкаго. Часть I. Съ 11-ью полтипажами. Санктпетербургъ. 1859. in 8 vo. III и 263 страницы.

Книга съ сюрпризомъ. Въмѣсто обѣщанныхъ въ заглавіи одиннадцати полтипажей вы ихъ найдете, читатель, тринадцать; цѣлыхъ тринадцать! Мы признаемся въ нашей слабости, мы любимъ картинки, и такое добродушное, добровольное приношеніе сейчасъ же расположило насъ въ пользу книги; мы почти позабыли о нашей обязанности передъ публикою и готовились сказать доброе слово, какъ вдругъ вспомнили, что намъ и такъ уже готовится гроза за кое-какія картины; намъ стало страшно гласности, стало стыдно нашей слабости; мы обратились опять на путь истины и снова рѣшаемся сказать горькую правду компаніонамъ-издателямъ книги.

Заглавіе книги указываетъ отчасти на содержаніе ея, а цѣль

этого изданія объясняется въ предисловіи, написанномъ самимъ редакторомъ, г-мъ А. Буйницкимъ, который, скрѣпивши его своею фамиліею, взялъ на себя и отвѣтственность за вѣрное, собственное исполненіе программы изданія. Въ предисловіи сказано:

«Книга эта составляетъ *первый выпускъ особаго сборника*, предназначеннаго къ постепенному изданію по частямъ, по мѣрѣ накопленія матерьяловъ. Изданіе это имѣетъ цѣлю знакомить *людей, не занимающихся спеціально науками, съ результатами ученыхъ изслѣдованій* по разнымъ предметамъ изъ физической природы, всѣмъ болѣе или менѣе уже извѣстнымъ съ ихъ наглядной стороны. Съ этою цѣлю выборъ матерьяловъ для сборника ограничивается лишь такими статьями, которыя по образу изложенія своего *не предполагаютъ въ читатель другихъ свѣдѣній, кромѣ почерпнутыхъ имъ изъ элементарныхъ курсовъ наукъ, пройденныхъ въ свое время каждымъ читающимъ человекомъ*. При такомъ условіи, по крайней мѣрѣ первое время, сборникъ будетъ по необходимости состоять почти исключительно изъ статей переводныхъ, такъ какъ въ нашей ученой литературѣ, и вообще еще не довольно богатой оригинальными произведеніями, *отрасль популярныхъ сочиненій* менѣе другихъ развита.»

Итакъ, сборникъ долженъ заключать въ себѣ и заключаетъ, по словамъ г-на Буйницкаго, *популярныя* статьи о разныхъ предметахъ физической природы, и писаны эти статьи для людей любознательныхъ, не занимающихся спеціально науками, но уже приуготовленныхъ къ чтенію и пониманію этихъ статей элементарнымъ курсомъ наукъ. Громкое спасибо за благое намѣреніе! Но благодаря за намѣреніе, мы вовсе не того мнѣнія, чтобы это намѣреніе было исполнено и прекрасная цѣль содѣйствовать этимъ изданіемъ народному образованію достигнута. Ни чуть. Только назначеніе книги, а не содержаніе, можетъ нѣсколько извинить длинную рецензію, съ которою мы навязываемся на бесѣду съ читателемъ.

Если въ русской литературѣ особенно ощутителенъ недостатокъ въ популярномъ изложеніи предметовъ, близко касающихся обыденнаго общественнаго быта, и если польза популярныхъ изданій такъ важна, то именно поэтому мы считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе на видимыя усилія компаніоновъ-издателей пополнить этотъ пробѣлъ. Распространяясь объ этой новой неудачной попыткѣ популяризаціи, мы имѣемъ въ виду доказать благонамѣреннымъ компаніонамъ, что не желая сбли-

ивать публику они впадаютъ, однакожъ, въ этотъ проступокъ, часто ошибаясь въ выборѣ и назначеніи предпринимаемыхъ ими такъ называемыхъ популярныхъ изданій. Мы уже сказали наше мнѣніе о «геологическихъ картинахъ», подтвердили его фактами, думали принести этимъ пользу и самимъ издателямъ, и вдругъ, къ удивленію нашему встрѣчаемся съ изданіемъ, уже вовсе не оправдывающимъ своихъ притязаній на популярность. Можно было бы подумать, что издатели не обращаютъ вниманія на отзывы журналовъ, или считаютъ пристрастными рецензию, хотя бы подтвержденные фактами, какъ скоро онѣ неблагопріятны изданію. Но мы готовы поручиться, что дѣло не такъ, и что виноваты тутъ не издатели. И дѣйствительно, нельзя же требовать, чтобы они были специалистами по всѣмъ отраслямъ наукъ, которыхъ касаются ихъ изданія. Они положили себѣ цѣлю обогатить русскую скудную учебную и особенно популярную литературу дѣльными книгами; виноваты ли они, если книги, одобренные доверенными лицами, оказываются не соответствующими цѣли? Издатели положились на отзывъ, не пожалѣли издержекъ на изданіе, и дѣло ихъ сдѣлано. *A qui la faute?*

Книга должна быть популярна, но для какого класса общества? Съ намѣреніемъ или нѣтъ выразился г. Буйницкій такъ неопредѣлительно? Что разумѣть онъ подъ курсомъ элементарныхъ наукъ — приходской, уѣздный, гимназическій? Къ которому изъ этихъ разрядовъ принадлежатъ люди, не занимающіеся спеціально науками? Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы должны служить статьи, помѣщенные въ сборникѣ. Первая статья — «Земля» заключаетъ въ себѣ краткое, не полное, поверхностное и довольно темное изложеніе *математической географіи!* Для кого можетъ быть назначена такая статья? Кажется, излишне было бы доказывать г-ну Буйницкому, что окончившіе курсъ въ гимназій и даже большая часть окончившихъ курсъ въ университетахъ не принадлежатъ къ числу специалистовъ, а между тѣмъ, какъ люди образованные, желающіе идти въ уровень съ вѣкомъ и знакомиться съ *результатами ученыхъ изслѣдованій*, они могли бы ожидать, полагаясь на многообъщающее заглавіе и еще болѣе общающее предисловіе, что сборникъ удовлетворитъ ихъ желанія. Читатели этого разряда безъ всякаго сомнѣнія заинтересовались бы хорошими переводами большей части популярныхъ статей Араго (Громъ и молнія, О мнимомъ пониженіи температуры въ Европѣ, О теплородѣ земнаго шара, Объ артезианскихъ колодцахъ); популярнымъ изложеніемъ современнаго взгляда науки на

теорію воздушныхъ теченій и вѣтровъ, теорію сѣвернаго сіянія, современное состояніе антропологін, и другими подобными статьями. Но кто же изъ такихъ читателей захочетъ заняться вашею математическою географіею, г. Буйницкій, достоинствомъ своимъ уступающею даже Математической географіи Ободовскаго, которая издава въ 1836 году и вовсе не съ цѣлію быть популярною книгою? Можетъ ли заинтересовать образованныхъ людей сухая, схоластическая статья *объ опредѣленіи долготы и широты*? Попадись вашъ сборникъ въ руки образованнаго человѣка, положившагося на многообѣщающее предисловіе, онъ почтетъ себя, безъ сомнѣнія, обманутымъ и приметъ все это за спекуляцію; и благо вамъ, г. Буйницкій, благо вамъ, издатель, если такой читатель предостережется отъ ошибки отзывомъ того или другаго журнала; остерегшись отъ опасности, человѣкъ бываетъ обыкновенно какъ-то снисходителенъ къ тому, кто увлекъ его къ неосторожному шагу. Но, скажутъ намъ, кто вамъ сказалъ, что книга написана для людей высшаго или средняго образованія? Назначеніе ея руководствовать, просвѣщать, заохочивать къ чтенію людей, которыхъ образованіе ограничилось курсомъ уѣзднаго училища, или даже приходскаго, чтеніемъ, чистописаніемъ, катехизисомъ и четырьмя правилами ариѳметики. Для нихъ, а не для гг. бывшихъ или настоящихъ гимназистовъ и студентовъ, написана эта популярная книга. О, если такъ, то наше спасибо будетъ еще громче, если исполненіе дѣйствительно соотвѣтствуетъ намѣренію. Изъ семи статей, заключающихся въ сборникѣ, три послѣднія: вліяніе луны, предсказанія погоды, обманы чувствъ, дѣйствительно говорятъ нѣсколько въ пользу такого назначенія книги. Есть и въ этихъ статьяхъ недостатки, и даже значительные, но по крайней мѣрѣ содержаніе ихъ сколько-нибудь общезанимательно, а изложеніе понятно. Къ сожалѣнію, онѣ занимаютъ только 95 страницъ изъ числа 263; слѣдовательно, 168 страницъ приходится на долю первыхъ четырехъ статей, вовсе не соотвѣтствующихъ громкому назначенію сборника. Мы ограничимся подробнымъ разборомъ только первой статьи, «Земля», чтобы доказать основательность нашихъ обвиненій и пояснить, какъ г-ну Буйницкому, такъ и гг. издателямъ, чего именно требуется отъ популярной статьи. Конечно довольно было бы сказать, что статья, излагающая популярно математическую географію, заключаетъ въ себѣ всего *тридцать три* страницы разгонистой печати, и читатель справедливо заподозрѣлъ бы испозинность намѣренія популяризовать, самый трудный для уразумѣнія, отдѣлъ

географіи, но мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть дѣло нѣсколько подробнѣе.

Мы уже упомянули въ одной изъ предшествовавшихъ рецензій, что первымъ условіемъ популярнаго изложенія какого бы то ни было предмета или вопроса должно быть устраненіе всякихъ терминовъ, которыхъ значеніе, судя по степени образованія предполагаемыхъ читателей, можетъ быть не понятно послѣднимъ; если же терминъ окажется неизбѣжнымъ, то необходимо тутъ же приложить общепонятное объясненіе ему. Разсматриваемая нами статья уже съ перваго слова грѣшитъ противъ этого правила, приводя мнѣніе какого-то Лока, сравнившаго гдѣ-то умъ съ глазомъ. Да кто же не знаетъ Лока, спросить насъ. Да не знаютъ его именно тѣ, которымъ могла бы быть полезна статья о математической географіи, будь она изложена популярно; они столько же знаютъ о Локѣ, сколько объ *микроскопическомъ животномъ*, которому, по словамъ автора, также трудно изслѣдовать свое двѣнадцатидюймовое въ діаметрѣ жилище, какъ намъ, людямъ, нашу планету (стр. 2). И такія непростительныя нарушенія одного изъ существенныхъ условій хорошей популярной статьи встрѣчаются почти на каждой страницѣ.

Вторымъ условіемъ популярнаго изложенія предмета должна быть постепенность въ переходѣ отъ однихъ фактовъ къ другимъ. Ставши въ уровень съ понятіями читателя и начавши съ фактовъ общезвѣстныхъ или какъ нельзя болѣе доступныхъ разумѣнію и даже собственной повѣркѣ его, авторъ долженъ съ величайшею осмотрительностію переходить къ фактамъ менѣе извѣстнымъ, болѣе сложнымъ, и относительно достовѣрности которыхъ читатель долженъ положиться на добросовѣстность автора. Наука усваивается человѣку, обращается ему въ кровь и тѣло только въ такомъ случаѣ, когда онъ убѣждается въ истинѣхъ ея собственными умозаключеніями, собственнымъ опытомъ; шатки и недолговѣчны преподанные выводы науки, если они приняты слѣпою вѣрою. При такомъ изложеніи науки преподаватель можетъ попасть на ученика скептика, который вызубривъ географію, станетъ потомъ утверждать, что все это ловко придумано и больше ничего; и телескоповъ нѣтъ, и Европы нѣтъ. «Всѣ наши учителя сговорились обмануть насъ, скажетъ онъ, и дѣйствуютъ по общему плану». И европейской Россіи нѣтъ? спросите вы его. — «Нѣтъ». И Петербурга нѣтъ? — «И Петербурга нѣтъ. Только и есть одинъ городъ въ свѣтѣ, въ

которомъ я живу». — Но вѣдь о Петербургѣ рассказываютъ точно то-же, что въ географіи, такіе люди, которыхъ никакъ нельзя считать участниками въ заговорѣ учителей. — «Ихъ подкупили, когда они сюда пріѣхали». — Но какая же цѣль этого заговора? — «Не знаю»*). Это конечно шутка, но шутка, въ которой много серьезнаго. Можно ручаться, что учитель никогда не встрѣтитъ такого скептика между своими учениками, потому что мы причаемся, къ несчастію, съ самой колыбели слѣпо вѣрять всему тому, что нажужжить намъ въ уши цѣлая фаланга, несущая на себѣ обязанность воспитать изъ насъ людей полезныхъ обществу. Благодаря этой привычкѣ, преподаваніе дѣйствительно становится дѣломъ весьма легкимъ, становится машинною работою. Слѣдуя такой рутинѣ, весьма легко писать статьи въ родѣ тѣхъ, которыми наполненъ сборникъ, редактированный г-мъ Буйницкимъ, но трудно заслужить благодарность со стороны читающей и обманутой публики. Обвиненія наши, какъ увидитъ читатель, не голословны.

Сказавши, что земля есть тѣло, ограниченное со всѣхъ сторонъ, авторъ доказываетъ это положеніе кругосвѣтными путешествіями. Но развѣ это доказательство удовлетворительно? Не говоря уже о томъ, что оно предполагаетъ слѣпую вѣру со стороны читателя, оно не состоятельно и потому, что еще никто и никогда не объѣзжалъ земли по прямому направленію отъ запада къ востоку или обратно. Положимъ даже, что автору повѣрять на слово въ возможность совершить такое путешествіе, гдѣ моремъ, гдѣ сухимъ путемъ; но что скажетъ авторъ, если читатель спроситъ его, объѣзжалъ ли кто-нибудь землю по направленію любого меридіана, случилось ли кому-нибудь, переѣхавъ чрезъ одинъ полюсъ воротиться чрезъ другой? Авторъ долженъ будетъ сознаться, что такого кругосвѣтнаго путешествія не бывало, что оно считается невозможнымъ; а если такъ, то нѣтъ и доказательства, что земля къ полюсамъ ограничена. Почему знать, можетъ быть она и дѣйствительно упирается тѣмъ или другимъ полюсомъ, какъ шпилемъ, въ спину какого-нибудь кита или иного чудовища. Другое доказательство шаровидности земли состоитъ въ томъ, что если *стоять на палубѣ корабля въ открытомъ морѣ*, то при приближеніи другаго корабля замѣчаешь сперва верхушки мачтъ, а потомъ уже нижнія снасти и наконечъ корпусъ корабля. Это доказательство едва ли лучше перваго.

*) Русское Слово, октябрь, 1859, Смѣсь, стр. 24.

Положимъ, что житель Петербурга или приморскаго города найдеть еще случай убѣдиться въ этомъ фактѣ собственнымъ опытомъ. А что скажетъ на такое доказательство какой-нибудь москвичъ, пермякъ, которымъ море-океанъ извѣстно только по наслышкѣ, а корабль знакомъ только по рисункамъ? Итакъ, и тутъ требуется слѣпая вѣра въ слова руководителя. Третье доказательство, состоящее въ томъ, что тѣнь, бросаема я землею на луну при затмѣніяхъ послѣдней, *именно такая, какую можетъ бросать только одно шаровидное тѣло на другое* (стр. 5), еще хуже; докажите же прежде, г. авторъ, что при этихъ затмѣніяхъ луна затмѣвается землею. Четвертое доказательство... но мы зарпортовались, потому что четвертаго доказательства не имѣется, и на 8 страницѣ сказано, что *по удовлетворительномъ (!) изслѣдованіи наружнаго вида земли предметомъ нашего ближайшаго изученія долженъ сдѣлаться ея объемъ*. Итакъ, невѣрующій въ шаровидность земли, можетъ весьма основательно остаться при своемъ мнѣніи; вотъ вамъ, г. Буйницкій, и популярное изложене предмета. А все дѣло въ томъ, что слѣдовало начать съ простѣйшаго факта. Въмѣсто того, чтобы говорить о путешествіяхъ и затмѣніяхъ или посылать бѣднаго читателя на палубу корабля, можно было бы начать съ того, что горизонтъ всегда представляется глазу въ видѣ круга или отрѣзка круга. Обратите вниманіе на этотъ заколдованный кругъ, постоянно ограничивающій пространство вокругъ зрителя и разширяющійся равномерно во всѣ стороны по мѣрѣ того, какъ зритель поднимается надъ поверхностью земли, и вамъ легко будетъ путемъ сравненія убѣдить читателя, что земля шарообразна. Доказавши эту истину, можно будетъ сообщить ему, въ придачу, и остальные факты; убѣдившись на дѣлѣ въ одномъ, онъ повѣритъ и остальнымъ, полагаясь, и на этотъ разъ ужъ основательно, на ваше слово.

Чтобы опредѣлить объемъ земнаго шара необходимо узнать величину окружности его, которую можно *вычислить узнавъ величину одного ея градуса, на томъ основаніи, что всякая окружность состоитъ изъ 360°* (стр. 8). А что за отношеніе между градусомъ и окружностію, равны ли между собою эти градусы или нѣтъ, и что такое градусъ земли? Смѣшной вопросъ, скажете вы, г. Буйницкій, кто жъ этого не знаетъ? Да не знаютъ этого именно тѣ, для которыхъ назначена статья вашего сборника; если авторъ предполагаетъ, что читателю неизвѣстно, что такое сѣверное полушаріе и объясняетъ ему эту тайну, то ско-

рѣе будетъ удивительно, если окажется, что читателю извѣстно значеніе градуса, нежели его незнаніе. Мы можемъ васъ увѣрять, что въ кругу предполагаемыхъ читателей сборника найдется много такихъ, которые слыша, что вино имѣетъ столько-то градусовъ, принимаютъ эти градусы за дѣленія термометра. Ужь если грѣшить въ популярной книгѣ или статьѣ, такъ скорѣе грѣшить щепетильною ясностію, нежели противоположнымъ недостаткомъ. — Но какъ же найти градусъ земной поверхности? На это вамъ, читатель, отвѣчаютъ, стр. 9., что *въ статьѣ о широтахъ и долготахъ будетъ показано, какъ отыскать широту мѣста*. Новое неразрѣшимое недоумѣніе; что за отношеніе между искомымъ градусомъ и широтою мѣста; что это за широты и долготы; почему не объяснить тутъ же этихъ терминовъ, если они неизбѣжны; къ чему читателю предполагать себѣ *даль точки, не въ далекомъ разстояніи одну отъ другой, находящіяся на одномъ меридіанѣ*, и что такое меридіанъ? Имѣйте терпѣніе читатель, вамъ наговорятъ еще съ три короба разныхъ диковинокъ о бѣдной землѣ и потомъ уже, на стр. 17-й, объясняетъ значеніе меридіана. А въ ожиданіи этого вамъ говорятъ: *допустимъ, что широта этихъ двухъ мѣстъ будетъ весьма точно опредѣлена, что разность между ихъ широтами будетъ, напримѣръ, ровно полтора градуса, и, наконецъ, что по измѣреніи разстоянія между двумя точками, оно окажется въ $104^{\frac{23}{100}}$ англійскихъ миль. Отсюда мы должны заключить, что $104^{\frac{23}{100}}$ составляетъ протяженіе полтора градуса земной поверхности....* Удивительное вычисленіе. Ну, положимъ, что мы согласны на эти $104^{\frac{23}{100}}$ англійскихъ миль, но не согласны допустить, что между взятыми двумя точками ровно полтора градуса, и полагаемъ, что между ними три градуса; тогда какъ? Не ясно ли, что прежде всего надобно было бы убѣдить, что между взятыми двумя точками не можетъ быть ни болѣе ни менѣе, какъ полтора градуса; а для этого нужно было бы объяснить, какимъ образомъ умудрились ученые опредѣлить на дѣлѣ величину земнаго градуса. Но этого объясненія нѣтъ ни въ разсматриваемой нами статьѣ, ни даже въ слѣдующей, специально разсуждающей о широтахъ и долготахъ. Сверхъ того, что это за англійскія мили въ математической географіи, написанной или переведенной для русскихъ? Ужь если угодно было, подражая автору, пзгнать нѣмецкія, географическія мили, то не слѣдовало останавливаться въ подражаніи, и съ тѣмъ же патріотизмомъ, какъ и англійскій авторъ, замѣнить ихъ русскими верстами. А

между тѣмъ, кажется удобнѣе удержать въ памяти, что въ градусѣ пятнадцать миль и притомъ географическихъ, нежели, что въ немъ заключается шестдесятъ девять съ половиною миль и притомъ англійскихъ. Ради популярности, г. редакторъ держится этого англійскаго счета по всей статьѣ и даже по всей книгѣ. Чтобы сдѣлать нагляднѣе понятіе объ объемѣ земнаго шара, авторъ говоритъ, что если матерія, составляющая подобный шаръ, была бы сложена въ вертикальный столбъ, основаніе котораго равнялось бы пространству Англій съ Валлійскимъ княжествомъ, то высота этого столба была бы около четырехъ съ половиною миліоновъ миль. Мы убѣждены, что незнающій значенія полюса не слышалъ и о княжествѣ Валлійскомъ; къ чему послужить въ такомъ случаѣ это монументальное доказательство? Ужъ строить, такъ строить по-русски; постройте изъ земнаго шара столбъ, котораго основаніе равнялось бы пространству всей Россіи (375,413 квадратныхъ миль), и онъ будетъ нѣтъ въ выпину около 655,316 верстъ. Не знаемъ, чье воображеніе умудрится представить себѣ такіе столбы, но мы убѣждены, что во всякомъ случаѣ нашъ монументъ придется болѣе по сердцу русскому человѣку, нежели англійскій.

Опредѣливъ такъ плохо размѣры земнаго шара, авторъ переходитъ къ условіямъ его движенія. Опять также непоследовательность фактовъ, небрежность изложенія и даже перевода. «Наконецъ, если мы подвергнемъ эти простыя впечатлѣнія нашихъ чувствъ *повыркы болле точныхъ средствъ наблюдений*, употребляемыхъ астрономами, то найдемъ, что *наружный (!) видъ неба въ различныхъ случаяхъ*, восходъ и закатъ солнца, луны и звѣздъ или ихъ кажущееся восходящее движеніе до меридіана и нисходящее отъ меридіана, могутъ быть свойственны только сферѣ, обращающейся *въ однообразномъ движеніи вокругъ діаметра*, проходящаго чрезъ ея полюсы (стр. 12).» Переводъ, какъ видите, плохъ; но сверхъ того надобно замѣтить, что читатель все еще не знаетъ, что такое полюсъ, меридіанъ, значеніе сферы, обращающейся не около оси своей, а *около діаметра*, онъ вовсе не узнаетъ. А доказательства? Не странно ли начинать доказывать вращеніе земли именно тѣми явленіями, которыя менѣе всего это доказываютъ; потому что придаваемые имъ объясненія логичны только съ умозрительной точки зрѣнія, но противорѣчатъ очевидности, свидѣтельству нашихъ чувствъ, нашего зрѣнія. Единственныя два явленія, какъ прямыя слѣд-

ствія вращенія земли, опытъ Леона Фуко и уклоненіе падающихъ тѣлъ къ востоку отъ направленія отвѣстной линіи, излагаются только подѣ конецъ всѣхъ доказательствъ, тогда какъ именно ими слѣдовало начать, чтобы не поколебать довѣрія къ себѣ читателя; и притомъ изъ этихъ двухъ доказательствъ изложено нѣсколько удовлетворительно только первое, а о второмъ упоминается мимоходомъ только въ *шести* строчкахъ.

Положимъ, наконецъ, что читатель волей или не волей убѣдился въ томъ, что земля обращается около солнца, что она шарообразна. Оставалось бы, кажется, только радоваться такому блистательному результату ангажированной популярности изложенія; такъ нѣтъ; авторъ чувствуетъ вовсе не кстатн угрызенія совѣсти и говоритъ читателю: «вы пришли къ заключенію, что земля имѣетъ видъ шара; теперь же считаемъ умѣстнымъ пересмотрѣть вновь это мнѣніе и нѣсколько видоизмѣнить его. Такая неосновательность (sic) въ сужденіяхъ можетъ показаться странною (sic), но тѣмъ не менѣе подобные случаи весьма нерѣдко встрѣчаются при ученыхъ изслѣдованіяхъ законовъ природы. Совершенно согласно съ свойствами человека, достигать познаній посредствомъ медленнаго и труднаго процесса, или, такъ сказать, цѣлой системы опытовъ и ошибокъ (стр. 23).» Не правда ли, и совѣстливо и разсудительно. Вы съ трудомъ кое-какъ убѣдились, что земля шарообразна, а теперь вамъ говорятъ, что вы должны измѣнить свое мнѣніе. Да помилуйте, скажете вы, вѣдь вы же сами г. Буйницкій объявили въ предисловіи вашемъ, что вы хотите знакомить насъ съ результатами ученыхъ изслѣдованій: къ чему же заставлять умъ читателя, неподготовленнаго вами, идти тѣмъ же мучительнымъ путемъ цѣлой системы опытовъ и ошибокъ. Каждый новый фактъ, приводимый вами или вашимъ авторомъ, долженъ пояснять, а не затемнять предшествовавшія или послѣдующія положенія. Ждемъ вашего отвѣта, г. Буйницкій.

Авторъ предлагаетъ себѣ къ разрѣшенію вопросъ: совѣстима ли форма шара съ вращеніемъ земли, и говоритъ: *впрямую каждому извѣстно, что если мы заставимъ какое-нибудь тѣло описывать кругъ, то оно будетъ обнаруживать стремленіе къ удаленію отъ центра, называемое центробѣжною силою* (стр. 26). Напрасно такое предположеніе автора. Намъ кажется, напротивъ того, рѣшительно *не впрямнымъ* (и г. Буйницкій согласится съ нашимъ мнѣніемъ), чтобы читатели, не знающіе элемен-

тарной математической географіи, знали, что такое центробѣжная сила, а люди, знакомые съ физикою, на столько образованы, что не возьмутъ въ руки популярной статьи, вышедшей изъ подъ редакціи г. Буйницкаго; къ довершенію бѣды три страницы, трактующія объ этой силѣ, рѣшительно непонятны. Но страннѣе всего то, что ведя свои доказательства, чтобы придти къ заключенію объ эллипсообразномъ очертаніи земли, авторъ вездѣ предполагаетъ земной шаръ состоящимъ изъ матеріи жидкой, или даже полужидкой, или мягкой, или упругой. Но такъ какъ читатель на этотъ разъ рѣшительно убѣжденъ, что земля не состоитъ изъ жидкой, полужидкой, мягкой или упругой матеріи, то онъ долженъ заключить, что поэтому и землѣ не подобаетъ быти сферондальною, а между тѣмъ, на стр. 29-й, авторъ выводитъ, что земля эллипсообразна. Вотъ вамъ и плоды англизированнаго популярнаго изложенія. Наконецъ двѣ послѣднія страницы посвящены вопросу о массѣ и плотности земли. Тутъ, разумѣется, говорится о тяготѣніи и силѣ притяженія, терминахъ, сказать правду, непонятныхъ; но къ чему объяснять ихъ? Дѣло, видите ли вы, очень просто. *Чтобы разрѣшить эту задачу, нужно подвергнуть всю массу земнаго шара непосредственному сравненію съ такимъ предметомъ, котораго масса въ точности извѣстна* (стр. 33). Бездѣлица, какъ вы сами изволите видѣть. И дѣйствительно, нашлись два человѣка, которые смастерили этотъ фокусъ, *Маскелейнъ и Кевендишъ*.

Изъ второй статьи сборника, *о широтѣ и долготѣ*, мы приведемъ только два мѣста, взятые на выдержку, какъ образчики популярнаго изложенія и редакціи г. Буйницкаго. Стр. 36-я: *линія, обозначающая стѣненіе плоскости, проходящей чрезъ полюсы съ поверхностію земнаго шара, представитъ кругъ называемый, какъ мы знаемъ, земнымъ меридіаномъ*. Стр. 49-я: *одинъ изъ радиусовъ прибора проведенъ зрительною трубою въ направленіи отвѣсной линіи и означаетъ, слѣдовательно, линію, на которой находится зенитъ*. Такими же перлами ясности изобилуетъ и третья статья: *о явленіяхъ теплоты на земной поверхности*, — изложенныхъ также популярно, какъ и первая статья. Какъ понять, напримѣръ, что хотя температура міроваго пространства на 99²/₁₀₀ градусовъ (по Реомюру) ниже точки замерзанія, однакожь земля получаетъ изъ этого пространства втеченіе года столько теплоты, что отъ дѣйствія ея растаяла бы сферическая ледяная кора въ восемьдесятъ пять футовъ толщиною, если бы

таковая покрывала всю поверхность земли (стр. 106)? Авторъ вездѣ приводитъ градусы по термометру Фаренгейта, общепотребительному въ Англіи, и г. редакторъ Буйницкій, вѣроятно въ видахъ сближенія гордаго Альбіона съ Россією, простодушно слѣдуетъ примѣру автора и не рѣшается замѣнить Фаренгейта термометръ реомюровымъ, общепотребительнымъ въ Россіи.

Въ статьѣ: *морскіе приливы*, при самомъ заглавіи поставлена звѣздочка, указывающая на выноску, въ которой сказано, что *читатели, незнакомые съ явленіями, обнаруживаемыми луной и имѣющими тѣсное соотношеніе съ приливами, могутъ найти общее обозрѣніе этого предмета въ статьѣ «О лунѣ» въ книгѣ: «Природа и ея силы», II. Новосильскаго* (стр. 135). Спрашивается, къ чему было помѣщать въ сборникъ эту статью, если, какъ видно изъ выноски, она можетъ быть вполне понятна только тому, кто прочтетъ книгу Новосильскаго? А если ужъ пришла охота помѣстить такую статью, за неимѣніемъ лучшей по всей англійской литературѣ, французской или нѣмецкой, то почему было самому г. редактору Буйницкому не позаимствоваться изъ книги Новосильскаго и не пояснить такимъ образомъ популярной статьи? Правда и то, что не трудно было бы, казалось, послѣдовать приглашенію г. Буйницкаго и прочесть книгу Новосильскаго. И дѣйствительно, прочесть ее было бы не трудно, но дѣло въ томъ, что прежде нежели прочитать эту книгу; приходится *купить ее*, заплатитъ за нее семьдесятъ пять копеекъ серебромъ, а это будетъ иному трудновато, другому просто не подъ силу. Мы видимъ въ этомъ предложеніи г. Буйницкаго желаніе популяризировать книгу Новосильскаго, и находимъ этотъ способъ довольно страннымъ.

Остаются три сносно изложенныя статьи, изъ которыхъ въ одной, *о вліяніи луны*, рассматриваются нѣкоторыя повѣрія о лунѣ, существующія у различныхъ народовъ; предметъ, занятельный, но и тутъ, какъ и во всемъ сборникѣ, совершенно упущено изъ виду, что онъ предназначенъ для русскаго общества. Въ статьѣ рассматриваются повѣрія, существующія у французовъ, англичанъ, итальянцевъ, но объ русскомъ мужичкѣ не упоминается ни полъ-слова.

Давно пора покоичить съ этой рецензіей, подробность которой можетъ извинить только желаніе наше убѣдить торговый домъ Струговщикова, Покитонова и Водова, что при всей своей

блгонамѣренности онъ попалъ на ложную дорогу. Изъ рецензій нашей слѣдуетъ, что люди образованные почтутъ себя обманутыми, находя въ сборникѣ статьи въ родѣ разсмотрѣнныхъ нами. Люди ниспаго образованія, учившіеся на мѣдныхъ деньгахъ, не поймутъ большей части помѣщенныхъ въ книгѣ статей, а сухость изложенія отобьетъ у читателей и послѣднюю охоту читать такіе сборники и платить за то своими кровными рублями. Не говоря уже о неудачномъ выборѣ статей, мы находимъ въ этой книгѣ всякое отсутствіе какого бы то ни было старанія прилѣпить изложеніе предмета къ индивидуальности русскаго общества и быта, и высшую степень нерадѣнія относительно перевода. Вообще въ этомъ сборникѣ, какъ вы видите, много общаго съ *геологическими картинками*. Не даются компаніонамъ популярныя книги!

Начальныя основанія химіи составленныя, по Реньо, *П. Егоровымъ*. Изданіе четвертое, вновь пересмотрѣнное и дополненное, съ 144 чертежами въ текстѣ. Санктпетербургъ 1859 года in-8°. 456 стр.

На безрыбій и ракъ рыба. Явись книга г. Егорова лѣтъ пятнадцать тому назадъ, она обратила бы на себя вниманіе публики какъ весьма замѣчательное явленіе; но теперь, когда у насъ подъ рукою такое множество дѣльныхъ руководствъ по отдѣлу химіи, что затрудняешься въ выборѣ, мудрено остаться совершенно довольнымъ химіею г. Егорова, не смотря на то, что это довольно подробное руководство составлено весьма совѣстливо и изложено весьма понятно. Мы не ставимъ автору въ вину отсутствія историческаго обзора развитія науки; такія приложенія считаются въ нашихъ руководствахъ совершенно излишнею роскошью; но нельзя не посѣтовать на неудовлетворительное изложеніе теоретическаго отдѣла науки, которое до такой степени кратко, что вовсе не соотвѣтствуетъ объему руководства. Видимыя усилія сократить какъ можно болѣе общій отдѣлъ руководства причиною, можетъ быть, нѣкоторыхъ неясностей въ изложеніи. Самое опредѣленіе химіи кажется намъ неудовлетворительнымъ. *Химія есть наука, говоритъ авторъ, занимающаяся изслѣдованіемъ такихъ явленій, при которыхъ тѣла измѣняются въ самомъ существѣ своемъ* (стр. 2). А тѣла, простыя и сложныя, представляющіяся посредниками, субстратами или результатомъ этихъ явленій, развѣ не подлежатъ размо-

трѣннѣю химіи? Опредѣленіе, сдѣланное авторомъ, касается почти единственно физическаго отдѣла химіи. Для поясненія своего опредѣленія авторъ приводитъ въ примѣръ полу-сѣрнистую мѣдь; а между тѣмъ, на стр. 418, сказавши о приготовленіи этого состава и нѣкоторыхъ его свойствахъ, онъ вовсе не упоминаетъ о *явленіяхъ*, при которыхъ мѣдь и сѣра измѣняются, соединившись въ новое тѣло. И такъ очевидно, эти явленія не составляютъ сущности химіи, иначе они по всему руководству стояли бы на первомъ планѣ, тогда какъ объ нихъ упоминается единственно тамъ, гдѣ они выказываются слишкомъ рѣзко, чтобы оставить ихъ безъ вниманія. — О систематической постепенности въ изложеніи нѣтъ и рѣчи. Интересные и важные вопросы объ элементахъ ограничиваются замѣчаніемъ, что простыми тѣлами называются тѣ, которыя далѣе не разлагаются; съ такою же краткостію обработана и большая часть прочихъ теоретическихъ выводовъ науки, такъ, что общій отдѣлъ химіи г. Егорова умѣщается на восьми страницахъ, изъ которыхъ двѣ заняты номенклатурою простыхъ тѣлъ. Правда, что авторъ пополняетъ нѣсколько этотъ отдѣлъ, прилагая, довольно странно, въ самомъ концѣ книги дѣльную впрочемъ статью о химическихъ паяхъ, о законѣ объемовъ и удѣльныхъ объемахъ твердыхъ и капельно-жидкихъ тѣлъ; книга оканчивается совершенно неудовлетворительною замѣткою о теплоемкости и самымъ поверхностнымъ изложеніемъ атомистической теоріи. О химическомъ анализѣ вовсе не упоминается, какъ будто бы его и не существовало; разумѣется, что таже судьба постигла и методъ титрированія, хотя авторъ и говоритъ, стр. 270 и 271, объ алкалметріи. Странно видѣть въ дѣльной книгѣ такіе пробѣлы, тѣмъ болѣе, что авторъ имѣлъ довольно времени, чтобы осмотрѣться и пополнить ихъ, приступая къ четвертому изданію своего совѣстливаго труда. Еще страннѣе читать на заглавномъ листѣ, что это изданіе вновь пересмотрѣно и дополнено. И хотѣлось бы повѣрить, а нельзя.

Руководство къ химическому анализу-мѣрою. (*Метода титрированія*.) Сочиненіе доктора Ф. Мора. Переведенное и изданное подъ редакцію А. И. Ходнева. Съ 118-ю вновь вѣрѣзанными рисунками въ текстѣ. Санктпетербургъ. 1859. In 8-vo. V и 585 стр.

Наконецъ-то мы въ состояніи изъяснить безусловную благодарность торговому дому Струговщикова, Шохитонова и Водова.

Изъ всѣхъ отраслей прикладной химіи аналитическая часть ея требуетъ самыхъ обширныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о химическихъ, такъ и о физическихъ свойствахъ тѣлъ. Другими словами, химическій анализъ требуетъ чрезвычайной опытности со стороны химика, такъ, что состояніе химической аналитики всегда служило мѣриломъ или барометромъ состоянія химическихъ наукъ вообще; тѣмъ болѣе, что помимо научныхъ свѣдѣній химическій анализъ служитъ оселкомъ остроумія и технической ловкости химика. Особенности затрудненія, которыми отличается химическій анализъ предпочтительно предъ другими химическими изслѣдованіями, заключается въ томъ, что онъ сопровождается множествомъ продолжительныхъ и утомительныхъ операцій, которыя или истощаютъ и совершенно усыпляютъ необходимое со стороны анализирующаго неослабное вниманіе, или, напротивъ того, возбуждаютъ въ химикѣ не менѣе вредное нетерпѣніе, влекущее за собою опрометчивое исполненіе до крайности мелочныхъ условій, необходимыхъ для достиженія вѣрныхъ и положительныхъ результатовъ. Весьма естественно, что эти затрудненія побудили химиковъ искать всѣхъ возможныхъ способовъ упростить, сколько можно, процедуру анализа, особенно въ приложеніи его къ металлургическому и техническому или фабричному дѣлу. Добраваясь до этой цѣли, химики попали наконецъ на мысль опредѣлять количество содержащагося въ растворѣ вещества, вычисляя его изъ того количества, по объему, реактивной жидкости опредѣленнаго процентнаго состава, которое необходимо употребить, чтобы произвести въ изслѣдуемомъ растворѣ заранее пзвѣстное явленіе или измѣненіе. Положимъ, на примѣръ, что требуется опредѣлить процентное содержаніе серебра въ какомъ нибудь сплавѣ. Для рѣшенія этой химической задачи приготавливаютъ два раствора; растворъ одного грамма сплава въ десяти граммахъ азотной кислоты, которой удѣльный вѣсъ 1,178; это изслѣдуемая жидкость. Другой растворъ содержитъ въ себѣ на 99,457 частей перегнанной воды 0,542 части поваренной соли; это пробная жидкость или титрированная, которой сто граммъ наливаются въ трубку, называемую *бюреткою* и раздѣленную на равныя части, такъ, что каждое дѣленіе ея содержитъ въ себѣ одинъ граммъ раствора. Если изъ предварительныхъ опытовъ извѣстно, что для осажденія одного грамма серебра необходимо израсходовать сто граммъ этой пробной жидкости, и если въ то мгновеніе, въ которое приливаемая къ раствору сплава пробная жидкость не осаждаетъ болѣе хлористаго серебра, то есть, не

производитъ мутн, окажется, что къ этому мгновенію израсходовано девяносто объемовъ бюретки, то это будетъ значить, что въ сплавѣ заключается девяносто процентовъ серебра. Очевидно, что этотъ способъ опредѣленія процентнаго содержанія серебра имѣетъ громадное преимущество предъ всѣми прочими методами химическаго анализа, какъ относительно выигрыша во времени, такъ и по достовѣрности результатовъ. Подобные способы изслѣдованія называются методами *титрированія*, отъ французскаго слова — *titre*, означающаго *крѣпость* состава. Преимущество методы титрированія тамъ, гдѣ при употребленіи ея есть возможность произвести въ изслѣдуемой жидкости измѣненія, довольно явственно обозначающія моментъ окончанія химической операціи, такъ паразительны, что въ настоящее время усилія химиковъ направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе распространить случаи приложенія этой методы, которая только-что развивается. Она уже приложена съ блестящимъ успѣхомъ къ опредѣленію процентнаго содержанія сахару въ свекловичномъ сокѣ, крахмалу въ картофелѣ, драгоценныхъ металловъ въ различныхъ сплавахъ, хлора въ бѣлизной извести, извести въ мергеляхъ и колодезной водѣ, и во многихъ другихъ случаяхъ. Въ превосходномъ сочиненіи Мора, обратившемъ на себя всеобщее вниманіе химиковъ, сведены вмѣстѣ и подвергнуты строгой, совѣстливой оцѣнкѣ, относительно степени достовѣрности получаемыхъ результатовъ, всѣ до-сихъ-поръ предложенные способы или виды практическаго приложенія методы титрированія, разбросанные по разнымъ сочиненіямъ и журналамъ. А повѣрка эта составляетъ сама по себѣ трудъ, и чрезвычайно великій и чрезвычайно важный, потому что анализъ-мѣрою можетъ повестъ, при малѣйшей неосмотрительности, къ гораздо важнѣйшимъ ошибкамъ, нежели анализъ по вѣсу, имѣющій то преимущество, что онъ даетъ въ руки химика извѣстныя, легко узнаваемые тѣла, ручающіяся за его работу. Поэтому необходимо было изслѣдовать каждый изъ предложенныхъ видовъ методы титрированія съ тою цѣлью, чтобы удостовѣриться въ томъ, имѣютъ ли эти способы необходимыя гарантіи, выводя степень достовѣрности ихъ изъ прямыхъ количественныхъ опредѣленій извѣстнаго вѣса чистаго вещества. При существованіи такихъ гарантій, метода титрированія составляетъ самое важное приобрѣтеніе или усовершенствованіе химіи въ приложеніи ея къ технологіи, металлургіи, физиологіи, агрономіи. Этою методою дѣйствительно разрушается преграда, часто для многихъ неодолимая, существо-

вавшая до-сихъ-поръ между кабинетомъ химика и мастерскою человѣка, способнаго приобрѣсть опытность въ отдѣльныхъ химическихъ работахъ, но не имѣвшаго или упустившаго въ свое время случай усвоить себѣ эту опытность научнымъ путемъ.

Сводя вмѣстѣ повѣренныя имъ методы титрованія, Моръ привелъ всѣ эти опыты къ общей нормѣ для устраненія всякой путаницы и разногласицы между дѣленіями и мѣрами, принятыми различными химиками. Моръ употребляетъ одинаковыя относительно процентнаго содержанія измѣрительныя жидкости. Принятые имъ растворы или заключаютъ одинъ атомъ дѣйствующаго вещества (выражая малый вѣсъ атома въ граммахъ) или одну десятую атома этого реагента (*десятичная нормальная жидкость* Мора); за нормальную температуру жидкостей принято 14° R., равныхъ $17,5^{\circ}$ C. или стоградуснаго термометра; вѣсъ атомовъ — такъ называемый *малый*, то есть, $H = 1$, а вода HO ; этотъ вѣсъ выраженъ граммами, а объемы пробныхъ или титрованныхъ жидкостей выражены кубическими *центиметрами* (сантиметрами). Чтобы еще болѣе облегчить вычисленія, къ книгѣ приложены таблицы, помощію которыхъ простымъ сложениемъ можно вычислить, какъ велико, по вѣсу, искомое количество тѣла, соотвѣтствующее употребленному количеству, по объему, пробной жидкости. Единственный недостатокъ этого замѣчательнаго сочиненія состоитъ въ томъ, что различные способы анализированія мѣрою одного и того же вещества часто не сведены вмѣстѣ подъ рубрикою этого тѣла, но разбросаны по руководству, потому что Моръ сгруппировалъ вмѣстѣ различныя методы титрованія, предложенныя каждымъ изъ извѣстѣйшихъ по этому отдѣлу химіи ученыхъ. Такъ, напримѣръ, объ анализѣ мѣди говорится на страницѣ 233 (по Маргериту), на страницѣ 329 (по Шпренгу), на страницѣ 506 (по Либиху). Въ концѣ книги приведены авторомъ новѣйшія усовершенствованія по анализу-мѣрою, обнаруженные уже во время изданія этого сочиненія.

Какъ бы то ни было, въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось на свѣтъ, сочиненіе Мора уже заслужило глубочайшую благодарность ученаго міра. Изданіемъ этого замѣчательнаго труда на русскомъ языкѣ отечественная ученая литература обязана Торговому дому Струговщикова, Похитонова и Водова, и едва ли это не лучшее изъ всѣхъ его изданій, едва ли не единственное,

за которое издатели заслуживают безусловную благодарность, какъ относительно сдѣланнаго ими выбора, такъ и за самое изданіе этой книги, обличающее со стороны исполнителей, кромя знанія дѣла, и уваженіе къ обязанностямъ, принятымъ ими на себя передъ русскою публикою.

В. ХАНКИНЪ.

С М Ъ С Ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

V.

Гамбургъ, 25 (13) июля 1859 года.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе поѣздки изъ Берлина въ Гамбургъ. Вы уже заранѣе знаете, что дорога не представитъ вамъ никакихъ очаровательныхъ видовъ, что она также трезва и тоща, какъ пресловутый вассерсунъ, которымъ васъ обкормили въ столицѣ прусскаго королевства подъ громкимъ именемъ консоме. Вы садитесь по этому въ вагонъ курьерскаго поѣзда вечеромъ, въ одиннадцатъ часовъ, когда ничего не видно, прислоняете голову къ углу подушки и, если мало пассажировъ въ вашемъ купе, по просту растягиваетесь на мягкомъ диванѣ и спите богатырскимъ сномъ невинности, пока васъ не разбудитъ кондукторъ, пзвѣщая съ своею оффиціальною любезностью, что вы въ Гамбургѣ. Конецъ въ триста верстъ вы совершаете въ шесть часовъ, считая и остановки — слѣдовательно дѣлаете болѣе пятидесяти верстъ въ часъ, и, что главное, хотя или нехотя, совершите во снѣ. Не спать тутъ невозможно, исключая разумѣется тотъ случай, когда вы ѣдете съ какой-нибудь интересною барыней или барышней. Если ночь темна, вы засыпаете, потому что больше печего дѣлать; если, какъ это случилось со мною, путешествіе ваше освѣщается луною, вы сначала — полчаса или часъ — будете удивляться причудливымъ формамъ, которыя принимаютъ отъ этого освѣщенія мелькающіе мимо васъ предметы, деревья, телеграфныя столбы, дѣмки сторожей, мѣстечки, селенія и проч. Вы будете слѣдить съ любопытствомъ за тѣми странными, дикими фигурами, которыя пред-

ставляются клубящимся дымомъ или паромъ локомотива. Но болѣе часа вы не выдержите этого зрѣлища, при безконечныхъ и ежеминутныхъ переиначкахъ своихъ, все-таки утомительно однообразнаго, и богъ Морфей безъ труда полонитъ вашу строитивую душу.

При этомъ однакожь позвольте мнѣ, какъ человѣку бывалому, дать вамъ совѣтъ. Ради Бога избѣгайте тѣхъ отдѣленій вагона, въ которыхъ курятъ, и прикажите кондуктору отвести вамъ мѣсто въ *Coupe für Nichtraucher*. Если вы даже приверженецъ проклятаго зеля, все-таки необходимо на одну ночь подвергнуться лишенію и отказаться отъ сигары. Выигрышъ тутъ двойной: во-первыхъ вы занимаете болѣе просторное мѣсто, потому что въ купе *für Nichtraucher* садятся почти однѣ дамы, которыя ночью мало ѣздятъ; во-вторыхъ вы избавляетесь отъ купе для курящихъ, а это великое благо. Я знаю, что значить сидѣть въ немъ; я былъ въ немъ цѣлую первую станцію (известно, что на курьерскихъ поѣздахъ станціи очень длинны), пока не пересѣлъ на другое мѣсто, и могу увѣрить, что Данте сдѣлалъ большую ошибку, не помѣстивъ въ своемъ описаніи ада и этой пытки; она стоитъ многихъ другихъ.

Но что жъ тутъ такого? спросите вы, сами куряка и безпощадный истребитель сигаръ и папирововъ. Что тутъ ужаснаго, сидѣть съ людьми, которые курятъ? А вотъ послушайте и судите.

Пробило одиннадцать часовъ; вы заняли мѣсто; свистокъ раздался; паровозъ пыхтитъ и шипитъ и все чаще и чаще раздается его тяжелое дыханіе. Отъ нечего дѣлать вы беретесь за свое курево и начинаете приносить жертву богу, для котораго къ стыду ученыхъ миеологовъ нашихъ еще нѣтъ названія. Вашъ *vis à vis*, почтенный старецъ, быть можетъ гамбургскій сенаторъ, который по дѣламъ управленія своимъ торговымъ домомъ побывалъ въ Берлинѣ, закуриваетъ сигару и вы съ наслажденіемъ втягиваете въ себя дымъ чистѣйшей гаванны, который хотя и не можетъ сравниться съ тонкимъ ароматомъ настоящаго дубека или съ сладкою пахучестью латакин, все-таки прекрасенъ. За тѣмъ вашъ сосѣдъ вытаскиваетъ тощій *queue de rat* и проситъ у васъ огня, который вы ему доставляете не безъ неудовольствія на то, что онъ прервалъ ваши мечтанія. Ну, его сигара ужъ не гаванна. Это *ächttes Pfälzer-Blatt* — табакъ, выросшій на берегахъ Рейна или Неккара и не совсѣмъ недостойный сравненія съ нашею махоркою. Крымскій тютюнъ золотоп ротивъ него. Дальше, въ противоположномъ углу купе

почтенный бюргеръ, замѣнившій на время ѣзды круглую шляпу ночнымъ колпакомъ, берется за набитую трубку и воспламеняетъ содержаніе, добывши первобытнымъ путемъ, помощью кремня и огнива, благодатную искру. Черезъ десять минутъ всѣ пассажиры превратились въ дымящіеся вулканы и дымъ клубомъ вылетаетъ изъ оконъ вагона, не хуже, какъ изъ трубы паровоза.

Вы сидите у самого окна и, пока оно отворено, не смотря на усненное производство дыма, не чувствуете недостатка въ чистомъ воздухѣ. Но вотъ пахнулъ свѣжій вѣтерокъ; ночи подъ этою широтою не то, что у насъ на Украинѣ или на берегахъ Эвскинскаго Понта. Вашъ vis-à-vis — сенаторъ, или банкиръ, или просто разжившійся сапожникъ — кто его знаетъ — берется за ремень стекла и безжалостно задвигаетъ окошко. И въ тотъ же моментъ, какъ будто по тайному уговору съ нимъ, дѣлаетъ то же самое съ другой стороны бюргеръ въ колпакѣ, вѣроятно вспомнивъ про невыразимую скорбь, которой подвергнется его нѣжная супруга, какая-нибудь сорокалѣтняя Jettchen или Napphen, если узнаетъ объ опасности, какою угрожаетъ ночной вѣтеръ его драгоценному здоровью.

И вотъ вы взаперти, въ пространствѣ двухъ кубическихъ сажней можетъ быть, и васъ душитъ атмосфера, напитанная креозотомъ, и щекочетъ вамъ носъ, и ѣсть глаза, что вы наконецъ сами перестаете курить, думая тѣмъ уменьшить отраву воздуха и питая въ глубинѣ души надежду, что и ваши спутники послѣдуютъ вашему примѣру. Не тутъ-то было. У нихъ едва разгорѣлось курево и нѣмецъ не броситъ даромъ начатой сигары. Количество дыма неумолимо возрастаетъ и вонь становится такою невыносимою, что вы наконецъ опять принимаетесь и съ своей стороны за табашницу, чтобы, окруживъ себя собственною атмосферою, отдѣлаться по крайней мѣрѣ отъ послѣдней бѣды. Вы дѣлаетесь на время гомеопатомъ и стараетесь по русской поговоркѣ выбить клинъ клиномъ. А между тѣмъ все густѣетъ. Вамъ становится дурно, кружится голова и — нѣтъ спасенія. Въ эти минуты вы постигаете глубокою, истинно гомерическую наблюдательность русскаго народа, прозвавшаго нѣмецкаго человѣка копченымъ.

Но это еще не все. Дымъ конечно не даетъ заснуть пассажирамъ, а сидѣть молча скучно. Слѣдовательно необходимо отвести душу разговоромъ. Вашъ сосѣдъ — по первому слову слышно, что онъ берлинецъ — уже раза два-три затѣвалъ съ вами бесѣду и отрывочные отвѣты ваши не испугали его.

не показаться невѣжей, вы наконецъ, волей или неволей, припуждены поддержать разговоръ. Онъ человекъ ловкій, язычный, какъ выразилась бы одна моя сибирская знакомая, бывалый и — главное — берлинецъ. А это значитъ, что остроумія и рѣчivosti у него бездна. Вѣдь Берлинъ въ глазахъ всякаго пруссака неоспоримо die Capitale der Intelligenz. И дѣйствительно, ловкость его доказывается тѣмъ, что разговоръ очень скоро сдѣлался общимъ; даже vis à vis, сенаторъ и проч., храпившій долго молчаніе въ сознаниіи своего достоинства, не утерпѣлъ и принялъ участіе въ разсужденіяхъ, когда рѣчь зашла о виллафранкскомъ мирѣ и коснулась политики. На этотъ счетъ ужъ, прошу прощенія, нѣмцы неумолимы. Если дѣло идетъ о политикѣ, молчать невозможно; тутъ предположенія, комбинаціи, выводы, тѣсняются одни за другими; заключаются союзы, объявляются войны, передвигаются арміи, даются сраженія, смѣняются министры, распускаются палаты, дѣлаются займы и проч. и проч. Надо же чѣмъ-нибудь утѣшиться; вѣдь за то они, бѣдные, такъ мало дѣлаютъ въ политикѣ. И что самое несносное — всѣ эти разговоры ведутся самымъ громкимъ голосомъ, потому что иначе отъ шума ѣзды ничего нельзя бы было понять, и крику въ купе столько же, сколько и дыму. О смѣ тутъ не смѣи ужъ и подумать.

Вотъ, почтеннѣйшій читатель, почему вы, если будете ѣхать ночью изъ Берлина въ Гамбургъ, хорошо сдѣлаете, коли заберегесь въ купе für Nichtraucher. Тамъ вы проведете ночь спокойно и утромъ, протирая глаза, съ удивленіемъ спросите только: неужто мы уже пріѣхали? Передъ вами толкотня, шумъ, крикъ. Господа ищутъ свои чемоданы; чемоданы, при помощи кондукторовъ, зовутъ своихъ господъ. Тѣ и другіе мечутся, чтобы найти носильщиковъ. Носильщики кричатъ за извозчиками. Извозчики бранью и ударами будятъ заснувшихъ лошадей своихъ. И вы все еще стоите, протирая глаза и не опомнившись хорошенько, пока и вамъ не овладѣваетъ общій азартъ и вы не кидаетесь въ толпу, чтобы овладѣть своими пожитками. Только тогда уже, когда вы сидите въ изящномъ фіакрѣ, который везетъ васъ не въ иное мѣсто конечно, какъ въ hôtel de Russie, вы окончательно приходите въ себя и съ спокойнымъ вниманіемъ начинаете разсматривать незнакомые вамъ дома и улицы.

Я совершилъ свое вступленіе въ Гамбургъ въ дурную погоду. Мелкій, но частый дождь застигалъ перспективу и сѣрый, одно-

образный слой облаковъ по цѣлому горизонту предвѣщаль, что онъ не скоро кончится. Черезъ двадцать минутъ ѣзды извозчикъ остановился у подъѣзда великолѣпной гостинницы на Юнгфернштигъ, лучшей улицѣ Гамбурга, и я очутился въ чистомъ, опрятномъ номерѣ пятого этажа, непосредственно подъ крышей. Сначала я былъ немножко недоволенъ чрезмѣрною высотой помещенія, которое назначилъ мнѣ услужливый хозяинъ, но одинъ взглядъ брошенный изъ окна совершенно помприлъ меня съ нимъ. Видъ отсюда, не смотря на дождевую пелену, застилавшую фонды картины, великолѣпенъ. Глубоко внизу тянется широкая улица — Юнгфернштигъ — обстроенная съ одной стороны домами, одинъ лучше другаго, съ другой обсаженная деревьями. Непосредственно за этимъ бульваромъ разстилается прудъ, или вѣрнѣе говоря, озеро — Alsterbassin. Съ трехъ сторонъ обхватываетъ его означенный бульваръ, съ четвертой перешеекъ, отдѣляющій его отъ другаго, еще болѣе обширнаго озера — äussere Alster. Этотъ перешеекъ, прорѣзанный въ серединѣ узкимъ проливомъ, черезъ который перекинутъ изумительно граціозный каменный мостикъ, покрытъ дачами и густою растительностью. До противоположнаго берега наружнаго бассейна взоръ едва достигаетъ, но и тутъ дачи и сады, теряющіеся въ синемъ рядѣ холмовъ, который заслоняетъ дальнѣйшую перспективу. Еще восхитительнѣе однакожь показался мнѣ этотъ видъ въ послѣдствіи, вечеромъ, при освѣщеніи заходящаго солнца и въ то время, когда зажигаются газовые фонари. Солнце садится за зданіями, составляющими одну сторону Юнгфернштига. Улица, бульваръ и прилегающая часть бассейна уже въ тѣни; но еще блещетъ ярче серебра противоположный край вѣшняго Альстера. Наконецъ исчезъ и этотъ блескъ; поверхность воды изъ серебряной сдѣлалась стальною. Но вотъ загорѣлись алымъ пламенемъ окна великолѣпной виллы, стоящей прямо противъ зрителя далеко за озеромъ. Я съ перваго взгляда рѣшительно не догадался, что это игра заходящаго солнца и думалъ, что имѣю передъ собою зрѣлище большаго пожара, пока мгновенное угасаніе мнимаго огня не обличало моей ошибки. Впрочемъ онъ не погасъ еще, а перенесся только на другое мѣсто. Теперь зардѣлись точно также, какъ расплавленное золото, окна цѣлаго ряда домовъ, обхватывающаго правую сторону бассейновъ. Между находящимися тутъ зданіями выдается особенно церковь готической постройки — имени ея я не узналъ — длинныя окна которой теперь разрисовываются цвѣтами, какихъ

не умѣлъ еще составить себѣ ни одинъ живописецъ. Черезъ двѣ-три минуты однакожъ все померкло и вмѣсто великолѣпной иллюминаціи видишь уже одни безцвѣтные контуры предметовъ и самые контуры эти становятся все неопредѣленнѣе. Но вотъ на противной сторонѣ бассейна мелькнула звѣзда, за ней другая, третья — и только правильное размѣщеніе этихъ звѣздъ, которыя мало-по-малу зажигаются длинными рядами всюду, куда только проникаетъ взоръ, убѣждаетъ, что это не небесныя свѣтила, а ничто иное, какъ фонари. Въ то-же время смѣшиваются въ вашемъ слухѣ звуки десятка оркестровъ, играющихъ на окрестныхъ дачахъ, и долетаетъ до васъ на подобіе гула отдаленнаго моря шумъ и говоръ толпы, гуляющей по бульвару. Юнгфернштигъ по вечерамъ бываетъ чрезвычайно оживленъ, особенно мѣсто въ серединѣ его, гдѣ выстроены, на половину въ водѣ, большой навильонъ съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ столиковъ и неутомимыхъ кельнеровъ. А по пруду такъ и снуютъ цѣлыя десятки лодокъ и яликовъ самаго разнообразнаго вида, начиная отъ узкой и длинной, какъ стрѣла, душегубки до солиднаго катера изъ Вирландена — деревни, играющей въ Гамбургѣ такую же роль, какая въ Петербургѣ принадлежитъ большой и малой Охтѣ. Замѣчательно, что паруса вирланденскихъ лодокъ краснаго цвѣта; это отличаетъ ихъ также рѣзко, какъ живописный костюмъ сидящихъ на нихъ молочницъ: короткая, суконная юбка со множествомъ складокъ, красно-бураго цвѣта, зеленые, шерстяные чулки и синій или красный спенсеръ, плотно облегающій талью и обрисовывающій полныя, упругія формы.

Не смотря на дождь, я рѣшился, напившись чаю, который тутъ, мимоходомъ будь сказано, благодаря вліянію англійскихъ обычаевъ, лучше нежели гдѣ-либо въ Германіи, пойти гулять. Зрѣлище изъ окна было такъ восхитительно, что мнѣ захотѣлось непременно поближе познакомиться съ мѣстностью. Я надѣлъ гуттаперчивый плащъ и, по привычкѣ, пустился бродить куда глаза глядятъ. Сосѣдство туманной Англии выразилось и въ томъ, что я увидѣлъ на весьма многихъ такіе же плащи, какой былъ на мнѣ. Въ Дрезденѣ и Берлинѣ напротивъ этотъ костюмъ тотчасъ обличалъ во мнѣ иностранца и въ Берлинѣ даже нерѣдко мальчишки останавливались, указывая на меня пальцемъ и крича: *das ist ein Engländer* или *das ist ein Amerikaner*. Тамъ единственно употребительная защита противъ дождя зонтикъ, вещь довольно удобная въ ясную погоду, но рѣшительно без-

полезная въ дождь, если ее сравнить съ непромокаемымъ плащемъ. Особенно въ вѣтеръ съ зонтикомъ даже хуже, чѣмъ во все безъ всего, тогда какъ плащъ производитъ, что дождь сбѣгаетъ съ васъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ съ гуся вода. — Юнгфернштигъ, не взирая на раннее утро (еще не было семи часовъ) былъ уже довольно оживленъ. Его наполняли физиономіи, обличавшія съ перваго взгляда людей дѣловыхъ и невольно напоминавшія, что находишься въ одномъ изъ центровъ всемірной торговли. Между тѣмъ небо какъ-будто умилоствивилось надъ моимъ пренебреженіемъ къ его капризамъ. Дождь пересталъ, облака стали рѣдѣть и по временамъ проглядывалъ даже сквозь нихъ украдкою лучъ блѣднаго солнца. Это меня ободрило продолжить прогулку далѣе, чѣмъ я имѣлъ въ виду въ началѣ. Я рѣшился взглянуть на Raupes Haus, исправительное заведеніе для дѣтей, которымъ, по оригинальности устройства, Гамбургъ можетъ гордиться передъ всею Европою. Читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ, если я не скажу ему ни слова о гамбургской биржѣ, гдѣ иногда собирается до 4,000 человекъ, или о театрѣ Талии, гдѣ столько времени подвизался въ качествѣ директора Лессингъ и гдѣ еще теперь лучший въ Германіи ансамбль для комическихъ представленій. Интересъ, возбуждаемый упомянутымъ Raupes Haus стоитъ безспорно выше и даетъ мнѣ право остановиться на немъ нѣсколько долѣе.

Я сказалъ, что устройство этого заведенія отличается оригинальностью; не менѣе замѣчательна и исторія его образованія, въ которомъ правительство Гамбурга не принимало ни малѣйшаго участія. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ существовало въ Гамбургѣ небольшое частное общество для призрѣнія бѣдныхъ. Оно было организовано не лучше и не хуже другихъ товариществъ подобнаго рода и раздѣлило ихъ участь въ томъ отношеніи, что дѣятельность его ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ уменьшалось число первоначальныхъ членовъ. Въ числѣ ихъ однакожь былъ человекъ — докторъ философіи Вихернъ — для котораго помогать бѣднымъ значило удовлетворить не только скоро переходящей настроенности или слѣдовать модѣ, а было глубокою потребностью сердца. Въ 1832 году онъ предложилъ на сходкѣ товарищей ограничить кругъ дѣятельности общества и для большей успѣшности обратить ее исключительно на пользу дѣтей бѣдныхъ родителей или же сиротъ. Мысль была одобрена, но средствъ къ осуществленію ея въ распоряженіи общества не оказалось. Рѣшили ждать лучшаго времени. Въ ноябрѣ того же

года Вихернъ получилъ неожиданно отъ какого-то филантропа сто талеровъ съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ ихъ по благо-смотрѣнiю на вспомошествованiе бѣднымъ. Пожертвованiе упомянутаго благодѣтеля было объявлено въ газетахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснено, что предполагается употребить дарованную сумму на устройство дѣтскаго прiюта. Общественная благотвори-тельность не замедлила откликнуться на вызовъ. Нѣкто г. Геркенъ завѣщалъ въ пользу прiюта 17,500 марокъ (около 7000 р. с.). Ободренные этимъ предприниматели стали издавать те-перь журналъ назидательнаго содержанiя, съ тѣмъ, чтобы вы-ручка съ него служила той же дѣли. Разумѣется этотъ журналъ сдѣлался и отличнымъ средствомъ пропаганды. Къ сдѣланнымъ пожертвованiямъ присоединились другiя. Какая-то дама подарила еще 100 марокъ; служанки одного изъ гамбургскихъ кварталовъ сдѣлали складчину и принесли лепту свою; старый подмастерье сапожнаго мастерства принесъ Вихерну цѣлый горшокъ съ мел-кою серебряною монетою — все, что онъ успѣлъ скопить много-лѣтними трудами. Послѣдовали и другiя приношенiя, такъ что можно было уже подумать объ исполненiи задуманнаго плана. Вихернъ и друзья его начали приискывать помѣщенiе для пред-полагавшагося заведенiя.

Во время этихъ поисковъ онъ сошелся съ городскимъ сви-дикомъ Сивекингомъ, который предложилъ ему участокъ земли въ селенiи Гаммъ, недалеко отъ города, для постройки тамъ зда-нiя. Но въ послѣдней не оказалось даже надобности, потому что Сивекингъ присоединилъ къ своему дару еще маленькiй до-микъ, стоявшiй на самомъ рубежѣ уступленнаго имъ участка и служившiй помѣщенiемъ для бѣднаго садовника, которому какъ нарочно вздумалось въ это время занять другую квартиру и про-сить Сивекинга объ уничтоженiи контракта, такъ какъ до исте-ченiя срока найма оставался еще цѣлый годъ. Этотъ домикъ и есть такъ называемый Rauhes Haus; онъ послужилъ основанiемъ и ядромъ всего заведенiя.

Въ концѣ 1832 года Вихернъ съ женою, матерью и двѣнад-цатью мальчиками, которыхъ собралъ изъ среды бѣднѣйшихъ гамбургскихъ пролетарiевъ, поселился въ этомъ домкѣ и началъ великое дѣло исправленiя хотя молодыхъ еще, но уже очерствѣв-шихъ въ омутѣ порока сердець посредствомъ труда, молитвы и чистой семейной жизни.

Трудъ этотъ прежде всего былъ обращенъ на распространенiе прiюта. Весною слѣдующаго года двѣнадцать мальчиковъ и самъ

Вихернъ, подъ руководствомъ опытнаго плотника, принялись за постройку новаго домика для другихъ двѣнадцати дѣтей и въ сентябрѣ эта постройка была уже окончена. Raues Haus явилось теперь метрополіей, а первая колонія ея — вновь отстроенное зданіе, получило имя Schweizerhaus.

Тридцать пятый годъ ознаменованъ новымъ распространениемъ: къ числу существовавшихъ уже двухъ домиковъ прибавился третій, названный die grüne Tanne. Это зданіе было уже болѣе значительныхъ размѣровъ. Тамъ помѣщалась модельня, отдѣленія для больныхъ дѣтей и квартира для самого Вихерна и его семейства. Die grüne Tanne назначалась для дѣвочекъ.

Меня повело бы слишкомъ далеко, если бы я сталъ описывать постепенныя приращенія пріюта, превратившагося мало-помалу въ довольно значительное селеніе молодыхъ работниковъ и работницъ. Достаточно будетъ сказать, что въ настоящее время считается уже десять домовъ, занятыхъ дѣтьми, одинъ, служащій для благороднаго пансіона, т. е., для дѣтей зажиточныхъ родителей, которые въ состояніи платить за ихъ воспитаніе, три для конторы, завѣдывающей экономіею, для типографіи, при которой издается между прочимъ еженедѣльная газета назидательнаго содержанія: Fliegende Blätter des rauhen Hauses, и для переплетни. Пространство всего участка земли подъ этими зданіями, огородами и садомъ въ 600 фруктовыхъ деревьевъ и съ маленькимъ прудомъ равняется приблизительно восемнадцати десятинамъ. И все это приобрѣтено и содержится на счетъ частныхъ пожертвованій, стекающихся теперь уже не изъ одного Гамбурга только, а изъ всего образованнаго міра. Часть издержекъ покрывается выручкой съ работы дѣтей, число которыхъ простирается теперь уже до 200, считая и вольныхъ пансіонеровъ.

Весьма естественно, что результаты дѣятельности Вихерна, приступившаго къ дѣлу безъ копейки денегъ, обратили на себя вниманіе разныхъ правительствъ. Учрежденіе его довольно часто посѣщалось высокими и высочайшими особами. Въ 1853 году были тамъ, разумѣется не безъ богатыхъ приношеній, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій съ супругой, наслѣдный принцъ Веймарскій, герцогиня Ангальтская, и короли Пруссій и Баварскій. Лѣтомъ того же года обозрѣвали пріютъ неизвѣстный господинъ изъ Россіи въ сопровожденіи дамы и оставилъ щедрый подарокъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя уже узнали, что это были принцъ Петръ Ольденбургскій и его супруга. —

Кромѣ того многія правительства отправляли къ Вихерну кандидатовъ на мѣсто смотрителей тюремъ, больницъ и тому подобныхъ заведеній, чтобы поучиться у него обращенію съ страждущими нравственно или физически членами человѣчества. Разумѣется, что и за эти практическіе курсы платилось ему вознагражденіе, которое поступало въ пользу пріюта.

Въ основаніи дѣятельности Вихерна относительно исправленія ввѣренныхъ ему дѣтей, лежитъ мысль, что лучшее средство къ исправленію заключается въ трудѣ. Но чтобы дѣйствовать вполнѣ благотворнымъ образомъ, трудъ этотъ не долженъ быть тѣмъ обязательнымъ занятіемъ, которое назначается уголовными законами всѣхъ государствъ какъ средство наказанія, а по возможности свободнымъ. Обязательный вынужденный трудъ вооружаетъ противъ себя человѣка и слѣдовательно едва ли можетъ оказать благотворное нравственное вліяніе; облагораживается природа человѣка только свободною дѣятельностью. Трудъ самъ по себѣ слѣдовательно не имѣетъ еще никакого значенія, какъ исправительное средство, но чрезвычайно много, если не все, сдѣлано, если въ исправляемомъ успѣли пробудить любовь къ труду. Согласно съ этою мыслию, въ справедливости которой едва ли кто-нибудь усомнится, Вихернъ находитъ единственное побужденіе къ труду въ сферѣ, окружающей ребенка, въ дѣятельности, кипящей вокругъ него и дѣйствующей заразительно, а отнюдь не въ положительномъ понужденіи. Съ цѣлю окружить дѣтей такою, если можно такъ выразиться, соблазнительною сферою, онъ раздѣлилъ своихъ питомцевъ по семействамъ, въ двѣнадцать человѣкъ каждое. Къ нимъ приставлено нѣсколько такъ называемыхъ братьевъ, холостыхъ или вдовыхъ ремесленниковъ, которые руководятъ роботами; а въ главѣ всего семейства стоятъ Oberhelfer, кандидатъ богословія и будущій пасторъ. Дѣти по очереди исполняютъ домашнія дѣла, метутъ комнаты, чистятъ посуду, подаютъ обѣдъ и т. д. Остальныя подъ руководствомъ братьевъ занимаются ремеслами, каждое тѣмъ, къ которому имѣетъ наиболѣе способности и охоты, слушаютъ уроки оберъ-гельфера, играютъ, гуляютъ и т. д. Всѣ безъ исключенія въ опредѣленное время занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Вихернъ вѣрно оцѣнилъ то огромное нравственное вліяніе, которое свойственно труду земледѣльца и еще усилилъ его употребленіемъ въ дѣло идеи собственности. Каждое дитя имѣетъ свой участокъ и пользуется произведеніями его съ совершенною независимостью.

Противъ справедливости всѣхъ этихъ началъ нельзя сдѣлать никакихъ возраженій, но при всемъ томъ есть обстоятельство, заставляющее сомнѣваться въ постоянномъ успѣхѣ ихъ примѣненія: это — скопленіе въ одномъ мѣстѣ столькихъ дѣтей, по необходимости стоящихъ на весьма различныхъ степеняхъ нравственнаго развитія. Весьма легко въ сотни мальчиковъ могутъ случиться два-три такихъ, что для ихъ перевоспитанія уже недостаточно однихъ человѣческихъ усилій, а непременно требуется горькая школа опыта и жизни; а они конечно будутъ въ состояніи въ значительной степени отравить и души всѣхъ остальныхъ. Это сомнѣніе невольно родилось во мнѣ при видѣ пестрой толпы ихъ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось добыть фактическихъ данныхъ, которыя могла бы доставить гамбургская статистика преступленій, чтобы подтвердить или опровергнуть его. Хорошо по крайней мѣрѣ то, что питомцы на сколько возможно обезпечены отъ тлетворнаго вліянія ихъ домашней обстановки; съ родными они видятся разъ въ мѣсяцъ, да и то въ самомъ заведеніи; за то на братьяхъ лежитъ обязанность каждое воскресенье посѣщать родителей своихъ питомцевъ и передавать имъ вѣсти о послѣднихъ. Всѣхъ братьевъ считается теперь 191, но изъ нихъ только пятьдесятъ живутъ въ пріютѣ. Остальные дѣйствуютъ въ качествѣ миссіонеровъ, какъ въ языческихъ странахъ, такъ и въ самой Германіи, служа однимъ изъ лучшихъ орудій такъ называемой *innere Mission* *).

Что касается до личности самого доктора Вихерна, то она съ перваго взгляда не обѣщаетъ ничего особеннаго. Это чловѣкъ средняго роста, худощавый, блѣлый съ довольно правильными чертами и свѣтло-сѣрыми глазами. Но замѣчательно выраженіе этихъ глазъ. Въ нихъ есть что-то безпредѣльное, неизмѣримо глубокое, особенно если оны, разговаривая съ вами смотритъ, какъ это обыкновенно бываетъ, вдаль, какъ-будто желая отрѣшиться отъ всего земнаго. Правда, въ немъ не видишь того энтузіазма, который горитъ въ глазахъ монаховъ-мучениковъ на картинахъ Сурварана или Веласкеза, той восторженной радости, которою сіяютъ лица блаженныхъ на изображеніяхъ Страшнаго Суда Рубенса или Корреджіо, но тѣмъ не менѣе нельзя не узнать во взорахъ его печать религіозной эк-

*) Подъ этимъ именемъ нѣмцы разумѣютъ распространеніе христіанства между самими же христіанами, противодѣйствіе безвѣрью и религіозному индифферентизму въ массѣ народа.

зальтаціи и нѣкотораго мистичизма. Съ перваго взгляда видно, что этотъ человекъ проникнуть глубокой искренней вѣрой, что все нравственное существо его состоитъ изъ любви и упованія. И съ перваго взгляда благоговѣешь передъ нимъ, любишь его, вѣришь ему, прежде даже, чѣмъ услышалъ его невыразимо мягкую и вкрадчивую рѣчь, которая не убѣждаетъ разсудка, не сильна силлогизмами, но говорить прямо и непосредственно къ сердцу.

Да и развѣ другой человекъ былъ бы въ состояніи совершить тѣ подвиги практическаго благочестія, которые совершилъ докторъ Вихернъ!

Послѣ осмотра Raubes Haus у меня оставалось еще часа два времени. Я рѣшился употребить ихъ для познаниа съ топографіею Гамбурга. Это вещь не совсѣмъ легкая, потому что не много городовъ, коихъ внутренность представляетъ болѣе запутанное сплетеніе тѣсныхъ, кривыхъ и не совсѣмъ чистыхъ улицъ. Не смотря на большой пожаръ 1842 года, удѣлѣно еще довольно старинныхъ готическихъ кварталовъ, въ которыхъ дома стоятъ такъ близко другъ къ другу, что буквально можно протянуть руку своему сосѣду *vis-à-vis*. Они выстроены большею частью такъ, что второй этажъ выдается по крайней мѣрѣ надъ первымъ, третій надъ вторымъ и т. д.; на верху остается такимъ образомъ только узкая щель, сквозь которую лучи солнца могутъ проникать на улицу. Естественно, что послѣдняя, оставаясь постоянно въ тѣни, очень трудно высыхаетъ послѣ дождя и что, не смотря на хорошую мостовую, грязь не переводится. Другое столь же естественное слѣдствіе подобной архитектуры заключается въ томъ, что дома снабжены несообразнымъ съ ихъ величиною количествомъ оконъ, потому что иначе было бы въ нихъ темно. Въ этомъ отношеніи Гамбургъ представляетъ рѣзкую противоположность съ городами востока, гдѣ требуемое климатомъ отсутствіе наружныхъ оконъ сообщаетъ и самымъ оживленнымъ кварталамъ какой-то мрачный, монастырскій характеръ. Окна въ большой части гамбургскихъ домовъ составляютъ почти непрерывную галерею; междуоконники такъ узки, что ихъ едва замѣчаешь. Безпрестанное движеніе и суета на улицахъ еще усиливаютъ эффектъ этой архитектуры, которая кажется хорошо придумана съ тѣмъ, чтобы и наружнымъ образомъ отразить жизнь, наполняющую всякій торговый городъ.

Есть въ Гамбургѣ и каналы, такъ что многіе дома выросли

какъ будто прямо изъ воды и товары могутъ быть привозимы, какъ въ Амстердамѣ или Венеціи, на судахъ въ магазины. Но конечно съ гамбургскими каналами и окружающими ихъ здапіями не соединяются тѣ романтическія воспоминанія, которыя вмѣстѣ пугаютъ и ласкаютъ воображеніе во время прогулки въ венеціанской гондолѣ. Что касается мрачной наружности, то старыя гамбургскія зданія, почернѣвшія отъ дыму и тумановъ, могутъ выдержать сравненіе съ Венеціей; но при всемъ томъ какое-то внутреннее чувство говоритъ, что если въ этихъ стѣнахъ и играли страсти, если тутъ и происходили трагедіи не хуже тѣхъ, которыя прикрывались знаменемъ св. Марка, то все таки иного рода, чѣмъ тамъ. Къ тому же не можетъ быть контраста болѣе того, который составляетъ обоимъ городами вслѣдствіе живой обстановки ихъ картины. Трудно найти большую противоположность, чѣмъ та, которая существуетъ между грязнымъ, смуглымъ, ободраннымъ и тѣмъ не менѣ невыразимо живописнымъ *cosca in aqua* Венеціи съ его быстрыми движеніями, никогда неумолкающей рѣчью, неописанною граціею, которая производитъ, что любой аттитюдъ его можетъ служить моделью для скульптора или живописца, и холодною сдержанностью, обдуманностью и флегмою гамбургца, который не скажетъ лишняго слова и даже то, что необходимо сказать, проговоритъ въ такомъ же духѣ, въ какомъ скрѣга расплачивается съ долгами. Симпатичною эта личность, но крайній мѣръ при первомъ знакомствѣ съ нею, не покажется; въ ней нѣтъ той любезности, которая заставляетъ быть снисходительнымъ къ итальянскому *facchino*, хотя бы онъ въ глаза обманывалъ насъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ или съ наглымъ цинизмомъ предлагалъ самыя гнусныя услуги. За то трудно и съ перваго взгляда отказать ей въ уваженіи. Глядя на эти угловатыя плечистыя фигуры, на выраженіе ихъ лица, гдѣ четкими буквами написано слово спекуляція и въ замѣтъ игры воображенія и чувства стражается неутомимая работа ума и непреклонная энергія воли, на эти манеры дышанія солидностью, неполно вспоминаешь, что предки этихъ людей нѣкогда основали сильнѣйшую морскую и торговую державу своего времени. Въ памяти воскресаютъ образы ихъ адмираловъ, заставлявшихъ не только трепетать передъ своимъ флагомъ безсильныя царства скандинавскаго сѣвера, но предписывавшихъ законы даже гордой Англіи. При видѣ этихъ людей находишь понятнымъ, что ихъ предки первые вздумали вооружать корабли свои огнестрѣль-

нымъ оружіемъ, что въ Англіи, точно также какъ у насъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ и Псковѣ пользовались монополіей торговли. И если потомъ опомнаешься и, идя далѣе въ исторію, представляешь себѣ событія, положившія конецъ ихъ величію, то — опять-таки глядя на нихъ, приходишь къ утѣшительному заключенію, что они не сами были виновниками своего паденія, а преклонились передъ силою обстоятельствъ. Тутъ встрѣчаешь то рѣдкое явленіе, что не внутренній упадокъ предшествовалъ внѣшнему, а напротивъ внутренняя сила пережила созданія свои.

Конечно нынѣшнее значеніе Гамбурга представляетъ только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ въ XIV столѣтіи. Въ Англіи напоминаетъ лишь имя главной монеты *) о его прежнемъ равновѣсѣ и исключительномъ господствѣ въ дѣлахъ торговли. У насъ воспоминанія о немъ еще болѣе затемнены и привязаны только къ небольшому зданію въ Новгородѣ. Но и эта тѣнь свидѣтельствуетъ о могучести прежняго тѣла. Безъ военнаго флота, безъ арміи гамбургскій флагъ занимаетъ пятое мѣсто въ ряду торговыхъ державъ. Количество производимой полъ его прикрытіемъ торговли, далеко превышаетъ сумму оборотовъ, совершаемыхъ надъ нашимъ флагомъ и не многимъ уступаетъ дѣятельности всего французскаго торговаго флота. Гамбургскіе капиталы ангажированы по всему міру. Гаваннскій плантаторъ обрабатываетъ землю при помощи гамбургскихъ кредиторовъ своихъ; въ Бразиліи почти весь кофе добывается для нихъ и на ихъ счетъ. Въ Мексикѣ и Перу значительная часть серебряныхъ рудниковъ въ ихъ же рукахъ. Въ Китаѣ они удачно конкурируютъ съ убійственнымъ эгоизмомъ англійской торговой политики. Такая тѣнь конечно свидѣтельствуетъ о громадномъ прошломъ и внушаетъ невольное уваженіе.

Эти мысли съ особенною живостью родились во мнѣ, когда я, достигнувъ набережной Эльбы, сѣлъ въ лодку и поѣхалъ кататься по гавани. Такой жизни, такого движенія не найдешь ни въ одномъ изъ нашихъ, даже важнѣйшихъ торговыхъ портовъ. Въ Кронштадтѣ преобладаетъ, такъ сказать, мѣстный колоритъ флаговъ. Кромѣ нашего, тутъ развѣваются англійскіе, скандинавскіе, американскій, нидерландскій цвѣта; изъ-рѣдка

*) Известно, что фунтъ стерлинга есть собственно фунтъ *Easterling* (восточный) и означалъ первоначально вѣсъ серебра, употреблявшійся какъ счетная единица въ торговыхъ сдѣлкахъ ганзеатовъ.

только мелькает еще французская триколора. Въ Одессѣ перстрѣютъ, кромѣ нашего и англійскаго, флаги Греціи, Турціи, Австріи и итальянскихъ державъ. Изъ сѣверныхъ видишь почти одинъ гамбургскій и прусскій. Въ Гамбургѣ же и сѣверъ, и югъ, и востокъ, и западъ — всѣ имѣютъ своихъ представителей. Тутъ поражаетъ васъ безконечныхъ размѣровъ сѣдалище сѣвернаго человѣка — нидерландца или скандинава; тамъ болтаются весьма не граціозно длинныя ноги какого-нибудь сидящаго верхомъ на реѣ янки; въ третьемъ мѣстѣ вы видите рѣзкое очертаніе лица и смуглый цвѣтъ жителя юга, бѣгущаго съ ловкостью котенка или обезьяны по вантамъ. Вы прислушиваетесь къ словамъ его рѣзвой, быстро кадансированной пѣсни и узнаете музыкальные звуки старой Кастліи. Но вы не видите иманскаго флага. Въ замѣнъ кастльскихъ башенъ и замковъ, надъ кормой развѣвается другая незнакомая эмблема — лучезарное солнце въ бѣломъ полѣ. Вы спрашиваете у переводчика, что это за судно, и вамъ говорятъ, что перувіанское. По странной случайности тутъ же блеститъ бѣлый полумѣсяцъ въ красномъ полѣ на гротъ-стенгѣ турецкаго брига изъ Смирны. Рядомъ съ толстобрюхою и сукзюжею, но вмѣстительною и покойною трекшейтою голандца стоитъ судно странной постройки съ почти прямыми и параллельными отъ носа до кормы бортами, почти утопающее подъ тяжестью безконечно высокихъ мачтъ. Переводчикъ объясняетъ, что это клипперъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, дѣлавшій во время переѣзда изъ Нью-Йорка въ Гамбургъ среднимъ числомъ по тринадцати узловъ въ часъ. Тутъ красуются изящныя кокетливыя формы англійской шкуны, тамъ расплзся по водѣ низкій трюмъ левантинской трабакулы съ короткими мачтами и латинскими парусами и грязный, обтрепанный люгеръ изъ Бордо безъ рей и безъ стеньговъ, а вотъ и чисто убранный, раскрашенный, какъ молодящаяся вдовушка, и затянутый, какъ гвардейскій поручикъ, бригъ изъ Данцига. Всюду слышишь новые языки, чуждые звуки. Даже вывѣски на магазинахъ, которые тянутся по набережной, исписаны на пяти или шести нарѣчіяхъ. Кромѣ понятныхъ всему сѣверу нѣмецкихъ или англійскихъ названій, тутъ встрѣчаешь знакомыя по школьнымъ воспоминаніямъ начертанія греческаго алфавита, итальянскія и испанскія надписи, необходимыя для всѣхъ мореходцевъ средней и южной Америки. Однимъ словомъ, это цѣлый микрокосмъ торговой и мореходной дѣятельности всего міра.

Мнѣ очень хотѣлось посмотреть на устройство одного изъ

тѣхъ судовъ, которыя перевозятъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ Соединенныя Штаты. Извѣстно, что этотъ перевозъ составляетъ одну изъ главныхъ статей гамбургской навигаціи. Но, къ сожалѣнію, ни одного такого судна не было въ гавани, а атлантическіе пароходы, по причинѣ мелководія Эльбы, останавливаются гораздо ниже въ Бланкенезе, и я не могъ удовлетворить своего любопытства. Насмотрѣвшись на хлопотню и суматху гаванной жизни, я пошелъ назадъ въ отель, чтобы поспѣть къ обѣду; желудокъ уже давно твердилъ мнѣ, что четыре часа пробыло и что столъ въ гостинницѣ, должно быть, накрытъ уже.

Слѣдующій день былъ посвященъ мною знакомству съ учрежденіемъ, свойственнымъ не одному Гамбургу, но достигшему здѣсь большаго развитія, чѣмъ гдѣ-либо — съ дѣтскими садами Фребеля. Извѣстно, что подъ этимъ именемъ разумѣютъ пріюты для дѣтей отъ двухъ до шести лѣтъ, основанные и устроенные Фребелемъ съ мыслию воспользоваться самими играми дѣтей для развитія ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Въ Гамбургѣ такихъ пріютовъ девять и приблизительно шестьсотъ дѣтей; я осмотрѣлъ три изъ нихъ, между которыми мнѣ понравился особенно третій въ Фулентвитѣ, № 28, подъ начальствомъ г-жи Гиндрихсенъ. На шестьдесятъ дѣтей обоего пола, составляющихъ комплектъ заведенія, кромѣ настоятельницы, такъ называемой дѣтской садовницы, есть еще три няньки или помощницы, такъ что дѣти раздѣляются на четыре группы, въ пятнадцать душъ каждая. Помѣщеніе состоитъ изъ большой залы и площадки обсаженной деревьями. Занятія продолжаются отъ девяти до часа, съ полчасавымъ отдыхомъ для завтрака. Половину этого времени дѣти проводятъ на площадкѣ, другую въ комнатѣ, занимаясь играми, которыхъ Фребель придумалъ огромное количество, рассчитавъ ихъ и для умственного и для тѣлеснаго упражненія. Надобно отдать ему справедливость, что онѣ составлены хорошо и представляютъ большое разнообразіе. При мнѣ напримѣръ, одной изъ группъ г-жа Гиндрихсенъ раздала по четвертушкѣ бѣлой бумаги, показала имъ, какъ посредствомъ различныхъ изгибовъ можно изъ нея сдѣлать разные предметы: корзиночки, кораблики, зеркальца, иѣтушковь и проч. и потомъ представила имъ самимъ воспроизводить видѣнныя формы. Другая группа занималась плетеніемъ разныхъ вещицъ изъ узкихъ полосокъ цвѣтной бумаги; третьи составляли всевозможныя фигуры изъ двухъ, трехъ и д. т. топкихъ лучинокъ; четвертыя лѣпили изъ влажнаго песку. Всѣ занимались своимъ дѣломъ ве-

село, пѣли пѣсни и какъ бы мимоходомъ только выслушивали наставленія, которыя имъ давались и которыя составляютъ главную задачу этихъ упражненій. Въ залѣ между тѣмъ происходили игры другаго рода: скаканіе, бѣганье, прыганье, маршировка — также все при звукахъ пѣвшихся хоромъ дѣтскихъ пѣсень. Такъ какъ главною цѣлью при всякой игрѣ должно быть занятіе фантазіи, то дѣтей заставляли тутъ подражать занятіямъ взрослыхъ, такъ что игра ихъ выходила почти драматическимъ представленіемъ, въ которомъ дѣтское воображеніе должно было дополнить всю обстановку и то, чего нельзя было представить на самомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, дѣти становились въ кружокъ; одинъ мальчикъ выходилъ въ середину и скакалъ по всѣмъ направленіямъ — это путешественникъ. Пѣвшаяся въ это время хоромъ пѣсня, заключала въ себѣ перечень различныхъ приключеній, которыя могутъ встрѣтиться въ дорогѣ и каждое изображалось — *tant bien que mal* пантомимами. Вездѣ господствовали непринужденность и веселье; дѣти дѣйствительно играли и нельзя не признаться, что совокупныя упражненія ихъ производили истинно умиленное впечатлѣніе на зрителя. Наказаній не употребляется никакихъ, кромѣ исключенія виновнаго изъ числа играющихъ, да и къ этому даже въ моемъ присутствіи не было прибѣгаемо. Особенно же трогательна была сцена прощанія, когда ударилъ часъ. Дѣти кинулись на г-жу Гиндрихсенъ, формально повисли на ней, цѣловали ей руки, платье, что попало — однимъ словомъ, всячески обнаруживали самую горячую къ ней привязанность. И дѣйствительно она заслуживала ее, какъ по той безпредѣльной, очевидной въ словахъ, жестахъ и всемъ обращеніи съ дѣтьми любви къ нимъ, которая наполняла ее, такъ и по искусству, съ которымъ она вела все дѣло. Ни разу во всѣ три часа, проведенныхъ мною въ саду, улыбка не сходила съ устъ ея. Играючи съ дѣтьми, она сама становилась ребенкомъ, пѣла, плясала, рѣвизилась съ истинно дѣтскою наивностью и непринужденностью, увлекая собою не только дѣтей, но готовая отогрѣть и самую очерствѣвшую въ борьбѣ жизни душу.

Личности, подобныя г-жѣ Гиндрихсенъ, къ числу которыхъ безспорно принадлежали и изобрѣтатели дѣтскихъ садовъ — Фребель и жена его — подкупаютъ сужденіе жителя и сдѣлались причиною тѣхъ неумѣренныхъ похвалъ, того энтузіазма, которые возбудило самое изобрѣтеніе. Ему приписали тотъ успѣхъ, который зависитъ вовсе не отъ него, не отъ метода, а только

отъ личности исполнителей. А этотъ энтузіазмъ доходитъ до того, что многіе видятъ въ дѣтскихъ садахъ единственное средство къ исправленію и усовершенствованію всего человѣчества. Одна нѣмка — баронесса Маркгузентъ — сдѣлала форменный объѣтъ посвятить всю свою жизнь распространенію дѣтскихъ садовъ, перевела сочиненія Фребеля на французскій языкъ и открыла много подобныхъ заведеній въ Германіи, Франціи, Англии, Бельгійи и Нидерландахъ. Я и самъ съ перваго раза не устоялъ противъ обаятельнаго вліянія симпатичной въ высшей степени личности г-жи Гиндрихсенъ и былъ готовъ поклясться, что дѣтскіе сады произведутъ совершенный переворотъ въ дѣлѣ воспитанія. Болѣе спокойное обсужденіе и знакомство съ другими садами однакожь разочаровали меня, скажу болѣе — изъ приверженца методы превратили въ противника ея. Неестественность подчиненія дѣтей даже въ игрѣ, въ дѣятельности по существу своему свободной, внѣшнему опредѣленію, стала мнѣ очевидною, когда я увидѣлъ, въ какую тяжкую работу превращается самая игра при менѣе искусныхъ руководительницахъ, чѣмъ г-жа Гиндрихсенъ. И въ самомъ дѣлѣ сколько любви, сколько силы воли, сколько совершенно особенныхъ способностей нужно взрослому человѣку, чтобы сойти съ своего собственнаго уровня и стать съ дѣтьми дитятею! Мужчій это рѣшительно невозможно, да и изъ женщинъ найдется одна на нѣсколько тысячъ, которая была бы въ состояніи удовлетворительно выполнить это требованіе. Низведенные такимъ образомъ съ своей фантастической высоты, дѣтскіе сады показали мнѣ только весьма недостаточнымъ еще суррогатомъ естественнаго и свободнаго развитія ребенка въ семейномъ кругу, суррогатомъ, къ которому позволительно прибѣгнуть лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній не существуетъ. Идеи Фребеля при всей своей увлекательности все-таки не болѣе, какъ прекрасная мечта, столь же неприменимая въ обширныхъ размѣрахъ къ практикѣ воспитанія, какъ и педагогическія утопіи Эмиля.

Вечеромъ третьяго дня послѣ моего приѣзда въ Гамбургъ я опять катился уже по желѣзной дорогѣ по направленію къ Килю, чтобы провести нѣсколько дней въ Голштиніи. По желѣзной дорогѣ я доѣхалъ до Неймюнстера, маленькаго городка верстахъ въ восьмидесяти отъ Гамбурга, а оттуда пришлось продолжать путешествіе въ дилижансѣ. Мѣстность вездѣ ровная и, если бы не появлявшаяся мѣстами древесная растительность и тщательно обработанныя поля, очень походящая на наши ново-

россійскія степи. Свойственный голштинской равнинѣ бурьянъ (Heidekraut) съ голубовато-фіолетовыми цвѣтами, даже еще печальнѣе и однообразнѣе нашего степнаго молочана и роскошно цвѣтущихъ видовъ verbascum. Но за то конечно излишне повторять, что типъ жителей совершенно иной, чѣмъ на прибрежьи Чернаго моря, гдѣ постоянный наплывъ разнородныхъ элементовъ почти уничтожилъ всякую типичность физиономій, и гдѣ подъ одною и тою же мохнатою чумацкою шапкою встрѣчаешь широкія скулы и маленькіе глаза монгола, рѣзкія, выдающіяся черты цыгана и правильный обликъ кавказца. Едва ли также есть надобность прибавить, что и степной бѣдности нашей не увидишь. Тутъ напротивъ и у крестьянина встрѣчаешь извѣстный комфортъ и ту-же самую солидность, хотя и въ иной формѣ, которая отличаетъ жителей Гамбурга. Голштинія, какъ извѣстно, славится зажиточностью крестьянъ своихъ. Только въ Вестфалии и верхней Швабіи можно найти столь же богатыхъ землевладѣльцевъ-мужиковъ, какъ здѣсь. Участки земли въ сто и болѣе десятинъ не совсѣмъ рѣдки, а измелъченныхъ до нельзя владѣній, какъ, на примѣръ, на Рейнѣ, гдѣ болшею частью собственники располагаютъ кускомъ земли не болѣе, какъ въ нѣсколько квадратныхъ саженой, тутъ нѣтъ вовсе. Этимъ выгоднымъ положеніемъ она обязана господствующему въ ней, по крайней мѣрѣ относительно крестьянскихъ владѣній (Bauerngüter), закону маіоратовъ. Только старшій сынъ наследуетъ недвижимое имѣнье отца; братья и сестры дѣлятъ между собою движимую собственность и отправляются искать счастья на чужбинѣ, въ послѣднее время преимущественно въ Соединенные Штаты. Обыкновенно раздѣлъ совершается еще при жизни родителей, которые выговариваютъ себѣ помѣщеніе и содержаніе до конца дней своихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ травендальскомъ округѣ маіораты замѣнены миноратами, т. е., главнымъ наследникомъ становится не старшій, а младшій сынъ, что конечно въ экономическомъ отношеніи не представляетъ разницы.

Предохраняя Голштинію отъ величайшаго зла современной цивилизаціи—отъ столкновенія нищенства съ громадною капиталовъ, стекающихся въ однѣ руки—господствующіе законы наследства утвердили въ ней, кромѣ единственной, можетъ быть, во всей Европѣ равномѣрности распредѣленія матеріальнаго благосостоянія, всеобщее стремленіе къ образованію, сглаживающее и ту разницу, которая въ другихъ мѣстахъ существуетъ между

такъ называемымъ образованнымъ классомъ и простолюдиномъ. Что касается до богатства края, то въ доказательство его приведу только тотъ фактъ, что во время войны съ Данією 1848 года голштинцы полтора года обходились собственными средствами, сформировали и содержали до 30,000 войска и приняли на свое иждивеніе не малую часть присоединившихся къ нимъ войскъ германскаго союза. По истеченіи этого времени, правда, пришлось сдѣлать заемъ; но въ теченіе будущаго 1860 года этотъ заемъ уже будетъ погашенъ окончательно, не смотря на то, что послѣ усмиренія ихъ возстанія, подати, платившіяся датскому правительству, не были уменьшены.

Какъ высока должна быть степень образованности, господствующей во всѣхъ классахъ народа, видно ужъ изъ того срока, который здѣсь назначенъ для школьной повинности. Во всей остальной Германіи предѣломъ ея полагается четырнадцатый, а во многихъ мѣстахъ даже двѣнадцатый годъ, т. е., всѣ дѣти отъ восьми до четырнадцати или двѣнадцати лѣтъ, должны ходить въ школу, и въ случаѣ ничѣмъ не оправдываемаго упущенія ими классовъ, родители платятъ штрафъ или подвергаются другимъ взысканіямъ. Въ Голштиніи же этотъ срокъ продолжается до шестнадцатаго года, т. е., почти до того времени, когда наступаетъ воинская повинность. Вдумываясь въ этотъ законъ, при всей простотѣ его находишь въ немъ что-то античновеличественное; понимаешь какимъ образомъ древніе законодатели, напримѣръ Ликургъ, могли считать главною частью своего законодательства именно педагогическую сторону его.

Чтобы подтвердить сказанное мною объ образованности массы народа въ Голштиніи, я приведу маленькій случай, встрѣтившійся мнѣ на пути изъ Зегеберга въ Ольдино. Между названными городами идетъ дилижансъ, но я уже испыталъ медленность нѣмецкихъ дилижансовъ на пути изъ Неймюнстера въ Зегебергъ; вышедши изъ него на станціи, гдѣ онъ простоялъ съ полчаса, я достигъ слѣдующей станціи какъ разъ въ одно время съ нимъ. Я поэтому рѣшился пройти пешкомъ тридцати-пяти-верстное разстояніе, раздѣляющее оба выше названныхъ города, тѣмъ болѣе, что это мнѣ давало поводъ покороче познакомиться съ крестьянскимъ бытомъ и взглянуть, между прочимъ, и на деревенскія училища. Дорогой я сошелся съ мужикомъ, шедшимъ по одному со мною направленію. Мы разговорились; онъ мнѣ рассказывалъ про урожай въ Голштиніи, про нестоимую плодородность ея маршовъ, т. е., тѣхъ частей ея, которыя лежатъ

по Эльбѣ и по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, окружая подобно роскошному вѣнку степь, которая составляетъ внутренность ея; я въ свою очередь толковалъ про климатическія условія нашихъ южныхъ степей, про жары въ Одессѣ и т. д. Каково же было мое удивленіе, когда мой собесѣдникъ предложилъ мнѣ вопросъ, подѣ какимъ градусомъ лежитъ Одесса? Сколько у насъ такъ называемыхъ образованныхъ людей, т. е., ходящихъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, даже говорящихъ по французски, сколько великосвѣтскихъ барынь и барышень, которымъ бы этотъ вопросъ остался совершенно не понятнымъ? Но этотъ отрывочный фактъ не столько убѣдительно еще, какъ то, что я видѣлъ въ тотъ же день въ маленькой деревнѣ Шакендорфѣ, гдѣ я остановился для ночлега. Я провелъ вечеръ у тамошняго школьнаго учителя, который угостилъ меняужиномъ и сообщилъ, что получаетъ отъ общины (не отъ правительства), кромѣ пользованія участкомъ земли, обрабатываемой для него всѣмъ міромъ, четыреста марокъ (около ста шестидесяти руб. сер.) жалованья. Весь годовой доходъ свой онъ опредѣлилъ не менѣе какъ въ восемьсотъ марокъ (триста двадцать руб. сер.). Если при этомъ взять въ расчетъ дешевизну жизни, то можно смѣло сказать, что шакендорфскій сельскій учитель получаетъ вдвое больше старшаго учителя нашихъ гимназій. Но этимъ не ограничиваются пожертвованія общины въ пользу училища; книги и учебныя пособія приобрѣтаются также на ея счетъ. Въ слѣдующій день утромъ Амфитріонъ мой показалъ мнѣ органы, недавно выписанные для училища изъ Парижа. Они обошлись обществу не менѣе какъ въ восемьсотъ марокъ. При такомъ сочувствіи народа къ школѣ не удивительны и результаты, ею достигаемыя.

Экскурсія моя въ Голштинію продолжалась ровно недѣлю. Вечеромъ двадцать четвертаго іюля я былъ опять въ Гамбургѣ, который на этотъ разъ долженъ былъ поразить меня менѣе привлекательною стороною своею. Въ Эльмегорнѣ, станціи кильской желѣзной дороги, я встрѣтился съ русскимъ офицеромъ — морякомъ, возвращавшимся изъ отпуска на корабль свой, который стоялъ въ Копенгагенѣ. Онъ мнѣ разсказалъ, что въ теченіе пяти дней спустилъ въ Гамбургѣ восемьдесятъ шесть червонцевъ. — «Вѣрно продулись?» — «И картъ не бралъ въ руки.» — «Да какъ же это возможно?» — «А вотъ ступайте вечеромъ въ десять часовъ въ Dammthorwallstrasse; тамъ вамъ покажутъ, какъ это дѣлается.» На Dammthorwallstrasse я не пошелъ, потому что зналъ репутацію этой улицы, но въ слѣдующій день утромъ за-

шелъ въ книжный магазинъ, чтобы запастись только-что вышедшимъ сочиненіемъ какого-то барона Розенберга, о ея тайнствахъ, о которомъ я прочелъ въ газетахъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ Паранъ-дю-Шатле напечаталъ свое классическое сочиненіе «De la prostitution à Paris», вниманіе медиковъ и публицистовъ во всѣхъ большихъ городахъ Европы было обращено на этотъ предметъ, и появилось множество болѣе или менѣе удачныхъ подражаній его труду. Таковое надѣялся я найти и въ книгѣ Розенберга. Къ сожалѣнію, оказалось что это вовсе не то, а просто повѣсть или романъ изъ быта гамбургскихъ публичныхъ женщинъ. Съ истиннымъ удивленіемъ я встрѣтилъ тутъ цѣлую литературу объ этомъ предметѣ, рассказы, драматическіе очерки, стихотворенія, записки прославившихся камелій и проч. Насилу въ числѣ трехъ или четырехъ десятковъ книгъ, предложенныхъ мнѣ книгопродавцемъ, я нашелъ двѣ брошюры, которыя не были произведеніями книжной промышленности, рассчитанными на то, чтобы какими бы то ни было способами, пощекотать нервы читателей, а трактовали печальный сюжетъ свой, съ приличною существомъ дѣла серьезностью. Конечно, я не стану здѣсь распространяться о ихъ содержаніи, но долженъ признаться, что сообщаемые ими факты, равно какъ существованіе цѣлой вышеупомянутой литературы, произвели на меня тяжкое впечатлѣніе; они составили рѣзкій контрастъ съ тѣми свѣтлыми явленіями, которыя поразили меня во время перваго моего пребыванія въ Гамбургѣ. Не менѣе озадачило меня слѣдующее обстоятельство въ книжномъ магазинѣ: прикащикъ, предлагавшій мнѣ книги, отлучился на нѣсколько минутъ. Его замѣнилъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, который съ видомъ совершеннаго знатока говорилъ о содержаніи всѣхъ разсматривавшихся мною сочиненій. Я не могъ скрыть своего удивленія, что онъ уже такъ рано успѣлъ ознакомиться со всѣмъ этимъ мусоромъ литературы и жизни. «Э помилуйте — отвѣчалъ онъ — это вещи обыкновенныя; въ Гамбургѣ ихъ знаетъ каждый ребенокъ.»

Когда я прочелъ купленные двѣ брошюры, то внутренне охарактеризовалъ Гамбургъ какъ городъ противоположностей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть противоположнѣе, какъ существованіе въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, славящихся своимъ развратомъ по всему свѣту домовъ, и учрежденія, каково Raubes Haus Вихерна! И въ первой изъ этихъ крайностей опять какіе контрасты! Тутъ безсовѣстный хозяинъ или потерявшая всякій стыдъ *dame de maison*, всячески заманиваетъ въ свои сѣти бѣд-

ную, не могущую жить трудомъ рукъ своихъ дѣвушку; тамъ такой же хозяинъ, такая же *dame de maison* объявляетъ въ газетахъ, что кто-то изъ посѣтителей ея заведенія забылъ тамъ часы или кошелекъ съ деньгами и просить его явиться за получениемъ ихъ. Какое изобиліе противорѣчій въ человѣческой природѣ обличаетъ этотъ фактъ, не слишкомъ рѣдко здѣсь случающійся!

Сегодня вечеромъ, въ пять часовъ идетъ поѣздъ въ Брюссель, и я вѣроятно на всегда разстанусь съ царицею древней Ганзы. Дай Богъ, чтобы образъ г-жи Гиндрихсенъ и обожающихъ ее дѣтей пережилъ въ моей памяти то, что я узналъ здѣсь въ послѣдній день моего пребыванія!

РОБЕРТЬ ОРБИНСКИЙ.

О семействѣ вообще и о положеніи женщины въ семействѣ (*La famille, leçons de philosophie morale, par Paul Janet*).

Въ наше время вопросъ о семействѣ есть одинъ изъ современныхъ. Представители разныхъ партій, на которыя раздѣленъ современный намъ умственный міръ, болѣе или менѣе касаются этого важнаго вопроса; и, не смотря на разность и нерѣдко противоположность взглядовъ и убѣжденій, большинство ихъ сходится въ одномъ общемъ положеніи: «что семейство есть главный и существенный элементъ всякаго общества.» Такъ смотритъ на семейство и современная философія, представитель которой авторъ разбираемаго нами сочиненія; то-же самое говорятъ и экономисты. Враги всякаго вмѣшательства государства, всякой регламентаціи въ мірѣ матеріальномъ, экономисты въ то-же время возстаютъ противъ принужденія и насилія въ мірѣ нравственномъ; они твердо убѣждены, что явленія нравственной и умственной жизни народа отражаются и въ экономическомъ быту его, что прогрессъ въ одной изъ этихъ сферъ неизбежно влечетъ за собою прогрессъ въ другой. Итакъ экономисты, какъ приверженцы свободы и прогресса въ нравственной жизни народа, болѣе всего подходятъ по своему взгляду на семейство къ воззрѣніямъ современной философіи. Хорошая семейная организація, говорятъ они, есть первое условіе хорошаго экономическаго устройства въ обществѣ. На эту-же тѣсную связь семейства съ обществомъ указываетъ и Поль Жане во многихъ

мѣстахъ своего сочиненія. «Если есть порядокъ въ семействѣ, то онъ есть и въ обществѣ.»

«Одни говорятъ, что нужно измѣнить общество, другіе, что нужно улучшить состояніе отдѣльнаго лица. Но однѣми своими собственными силами человѣкъ трудно совершенствуется; для него нужна точка опоры, т. е. семейство....» Итакъ философы и экономисты согласны между собою въ томъ, что семейство имѣетъ сильное вліяніе на общество, какъ существенный элементъ его, что прогрессъ въ семействѣ всегда отразится и на обществѣ. Отсюда прямо слѣдствіе: что для успѣха и благоденствія общества необходимо улучшить положеніе семейства и взаимныя отношенія его членовъ. Вотъ одна изъ главныхъ цѣлей современной науки философіи и экономіи. Какія же средства предлагаетъ наука для достиженія этой цѣли? Я уже сказала, что экономисты враги всякаго принужденія какъ въ нравственной, такъ и въ экономической жизни общества. Для того, чтобы возвысить положеніе семейства, говорятъ они, надо обратиться не къ закону и принужденію, а къ самому человѣку, какъ члену семейства, и дѣйствовать на его разсудокъ и чувство путемъ убѣжденія. Здравый смыслъ не признаетъ другихъ средствъ, потому что добродѣтели нельзя опредѣлять закономъ; насиловать еще не значитъ исправлять. Точно также все сочиненіе Поля Жане проникнуто духомъ совѣтовъ и убѣжденій, основанныхъ на опытности и наблюденіи частныхъ фактовъ. Ничего у него нѣтъ такого, чтобы имѣло видъ строгой программы для дѣйствій каждаго изъ членовъ семьи или опредѣленной границы правъ и обязанностей каждаго изъ нихъ. «Мы вовсе не думаемъ,» говоритъ Поль Жане въ предисловіи къ своему сочиненію, «предписать семейству такой законъ: «здѣсь оканчивается авторитетъ, а здѣсь начинается свобода. Богѣе всѣхъ этихъ писанныхъ законовъ имѣетъ значеніе и силу живое чувство долга и права. Задача современной философіи состоитъ въ томъ, чтобы научить человѣка выполнять свой долгъ съ полнымъ сознаниемъ.» Потомъ Поль Жане во всемъ своемъ сочиненіи старается провести ту мысль, что личный интересъ каждаго изъ членовъ семейства зависитъ отъ выполнения его долга, что отъ нарушенія семейныхъ обязанностей страдаетъ его же собственный интересъ.

Совершенною противоположною во взглядѣ на семейство и на его отношенія къ обществу составляютъ социалисты. Напуганные громаднымъ развитіемъ пауперизма, нѣкоторые изъ со-

ціалістовъ въ мрачномъ отчаяніи не видятъ другаго исхода изъ этого бѣдственнаго положенія какъ радикальный переворотъ въ нравственной и матеріальной жизни общества. Составивши себѣ идеалъ общества, они думаютъ идти къ нему прямо путемъ ломки и всеобщаго разрушенія; не имѣя никакого уваженія къ историческому преданію и авторитету, они стараются, при помощи закона и насилія, достигнуть осуществленія созданнаго ихъ воображеніемъ идеала. Таковъ-то взглядъ соціалистовъ и на семейство. По ихъ мнѣнію, форма семейныхъ отношеній не удовлетворяетъ ни нравственнымъ, ни матеріальнымъ потребностямъ человѣка. Общество, говорятъ они, разбито на множество маленькихъ группъ, и каждая группа предоставлена своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ, а при такомъ разединеніи не можетъ быть въ обществѣ ни матеріальнаго, ни умственнаго прогресса. Для этого нужны болѣе обширныя ассоціаціи, общины, строго разграниченныя и распределенныя закономъ. Эти общины должны поглотить и индивидуальную личность человѣка и семейства. Одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ въ рукахъ каждаго реформатора это воспитаніе. Соціалисты поняли это и крѣпко ухватились за мысль перевоспитать общество. Семейство, по недостаточности матеріальныхъ средствъ и по многосложности его обязанностей, не можетъ быть хорошею средой для воспитанія дитяти. Гораздо лучше предоставить это воспитаніе обществу, государству, потому что оно имѣетъ болѣе матеріальныхъ средствъ для раціональнаго воспитанія. Отсюда развилось чудовищно ученіе соціалистовъ о правѣ государства на дѣтей, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Однимъ словомъ, законъ, принужденіе, насиліе и въ семейной жизни — вотъ главные средства въ рукахъ соціалистовъ, чѣмъ они существенно отличаются отъ философовъ и экономистовъ. Цѣль тѣхъ и другихъ одна — нравственный и матеріальный прогрессъ общества. Философы и экономисты видятъ въ развитіи и укрѣпленіи семейной жизни главное средство для прогресса, а соціалисты смотрятъ на семейство, какъ на препятствіе прогрессу; одни хотятъ достигнуть этой цѣли, болѣе и болѣе предоставляя свободы индивидуальной личности человѣка, слагая съ него безусловный авторитетъ преданія и обычая; другіе идутъ къ своему идеалу, уничтожая индивидуальность человѣка и подводя ее подъ общій уровень закона.

Изложивши въ общихъ чертахъ родство во взглядѣ на семейство философовъ и экономистовъ и діаметральную противо-

положность ихъ теоріи социализма, рассмотримъ подробнѣе общія положенія Поля Жане о семействѣ, какъ одного изъ представителей современнаго философскаго воззрѣнія на семейную жизнь. Но прежде всего необходимо ознакомиться съ главнымъ характеромъ сочиненія Поля Жане и указать на исходную точку, изъ которой развились всѣ его лекціи. «Духъ свободы», говоритъ Поль Жане, «какъ отличительная черта нашего времени, стремится проникнуть въ семейную жизнь. Есть уже нѣкоторые признаки, въ которыхъ проявляется эта свобода и на которые нѣкоторые несправедливо смотрятъ, какъ на причины упадка семейныхъ нравовъ: свобода выбора при вступленіи въ бракъ, большее довѣріе между супругами, гуманность въ воспитаніи и равенство между дѣтьми — вотъ къ чему неотразимо стремится наше время. Теперь задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы согласить эти новыя начала нашей жизни съ священными правами семейной іерархіи. Для того, чтобы рѣшить этотъ темный вопросъ о согласеніи авторитета и свободы, не нужно возводить его въ область отвлеченности, въ теорію, а гораздо лучше разъясняется онъ въ примѣненіи ко всѣмъ подробностямъ нашихъ дѣйствій и въ проявленіяхъ нашей жизни.» Эту же мысль проводитъ Поль Жане, опредѣляя отношенія мужа, какъ главы семейства, къ женѣ и дѣтямъ, также отношенія братьевъ и сестеръ между собою.

Другая отличительная черта сочиненія Поля Жане, какъ мы могли замѣтить, вѣра въ прогрессъ семейной жизни. Часто мы слышимъ, даже отъ людей съ авторитетомъ, такого рода мысли: что въ наше время ослабленіе семейной жизни и развращеніе нравовъ сдѣлалось почти всеобщимъ, что никогда цинизмъ не заходилъ такъ далеко, какъ въ нашъ вѣкъ, и никогда безразличность не достигала такой высокой степени. Поль Жане, хотя и вполнѣ понимаетъ всю важность тѣхъ недостатковъ, какіе представляетъ намъ современное семейство, однако онъ вовсе не думаетъ, что зло проникло такъ глубоко въ современное общество, чтобы угрожало совершеннымъ паденіемъ семейной жизни. Онъ много порицаетъ, но за то много и хвалитъ. По его мнѣнію, семейная жизнь въ наше время, не смотря на свои недостатки, находится въ полной силѣ. «Нѣкоторые мрачныя умы, говоритъ онъ, слишкомъ преувеличенно смотрятъ на вещи, увѣряя насъ, что наши семейные нравы гораздо хуже, чѣмъ нравы нашихъ предковъ.» — «Новѣйшая цивилизація», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Поль Жане, «представляетъ все болѣе и болѣе свободы

человѣку, она довѣряетъ его разуму и его совѣсти тѣ обязанности, которыя прежде полагались на него преданіемъ и обычаемъ.» Дѣйствительно, прогрессъ въ современномъ положеніи семейства такъ очевиденъ, даже сравнительно съ прошлымъ столѣтіемъ, что нельзя вполнѣ не согласиться съ Полемъ Жане. Если мы еще далеки отъ совершенства, то это еще не значить, что нужно обратиться къ прошедшему и тамъ искать себѣ идеала; если мы должны краснѣть за наши пороки, то развѣ только передъ нашими дѣтьми, но никакъ уже не передъ предками.

Семейство.

Въ чемъ состоитъ существенный характеръ семейной жизни, какимъ образомъ она удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ человѣка, какое она имѣетъ вліяніе на него и, наконецъ, въ чемъ состоитъ семейное счастье — все это изложено въ первой лекціи Поля Жане.

Прежде всего семейство удовлетворяетъ двумъ существеннымъ потребностямъ нашего бытія: потребности жить съ другими и возстановить свою жизнь въ другихъ. Нѣтъ ничего болѣе страшнаго для человѣка, какъ уединеніе. Человѣкъ не можетъ сносить его, потому что одинъ самъ по себѣ онъ не въ силахъ отрѣшиться отъ мысли о своемъ ничтожествѣ. Вотъ почему люди строятъ города, составляютъ общества, заводятъ дружескія связи. Но всего этого еще не достаточно. Особенно тяготитъ человѣка одиночество около домашняго очага, отсутствіе преданнаго существа, на котораго онъ могъ бы положиться во время болѣзни, и съ кѣмъ бы подѣлился и радостію и горемъ. Вотъ почему мы часто видимъ, что другъ соединяется съ другомъ, братъ съ братомъ и т. д. Но это не есть еще самое семейство, а только части его. Бываютъ связи еще болѣе близкія, соответствующія требованію самой нашей природы, гдѣ слабость соединяется съ силою, грація съ серьезностію, нѣжность съ твердостію, трудъ съ удовольствіемъ. Здѣсь мѣсто сказать о томъ чувствѣ, которое даетъ начало семейству и которое должно имѣть разумную причину своего существованія, потому что оно не зависитъ отъ насъ, но происходитъ отъ Того, Кто все создалъ. Любовь имѣетъ двѣ замѣчательныя характеристическія черты: чрезвычайную обширность чувства и силу преобразованія. Это чувство обнимаетъ цѣлаго человѣка, всю его душу, его вообра-

женіе, сердце и самый умъ. Правда, увлеченіе этимъ чувствомъ производитъ часто самыя плачевныя послѣдствія, но это происходитъ не отъ ложности этого чувства, но отъ ошибки людей, которые не умѣютъ его удерживать и управлять имъ. Всякая страсть, какъ и любовь, не можетъ быть продолжительною: всегда, рано или поздно, придетъ время, когда она ослабѣетъ и уступитъ мѣсто чувству нѣжной дружбы или привязанности. Но это также имѣетъ свой смыслъ. Если для того, чтобы человѣкъ возложилъ на себя семейныя обязанности, необходимо, чтобы онъ былъ увлеченъ совершенно, то для выполненія этихъ же обязанностей ему нужно снова овладѣть самимъ собою, и воображеніе должно уступить мѣсто разсудку.

Такъ какъ любовь есть законное и естественное чувство человѣка, то гдѣ же оно должно искать для себя удовлетворенія? Въ семействѣ или внѣ семейства? Внѣ семейства этому чувству недостаетъ двухъ условій, необходимыхъ для счастья: спокойствія и достоинства; напротивъ, супружеская любовь вполне удовлетворяетъ нашей потребности жить съ другими, опираться на помощь другихъ. Благодаря этому соединенію двухъ существъ, жизнь въ нашихъ глазахъ получаетъ большую прочность и большую прелесть. Опираясь на любимое существо, мы думаемъ о жизни, любимъ жизнь и хотимъ жить. Другая потребность, которой удовлетворяетъ супружеская любовь, — это потребность продолжать свою жизнь въ другихъ. Человѣкъ такъ любитъ жизнь, что въ немъ является желаніе жить вдвоинѣ. Религія удовлетворяетъ этому желанію, обѣщая будущую, загробную жизнь; но этого не достаточно для человѣка: и на землѣ онъ хочетъ продлить свою жизнь, однимъ словомъ — и на землѣ онъ ищетъ безсмертія. Одни достигаютъ безсмертія славою, но это удѣлъ немногихъ; большая же часть старается продлить свое имя и свою жизнь въ своихъ дѣтяхъ, страдать, когда они страдаютъ и радоваться, когда они счастливы. Мысль, что наши дѣти есть какъ бы часть насъ самихъ — вовсе не мечта. Дѣйствительно, это наша плоть и кровь, наши добродѣтели и пороки, которые олицетворяются въ нихъ. Такимъ образомъ семейство дополняетъ и продолжаетъ наше существованіе. Но съ другой стороны семейная жизнь представляетъ много трудностей и испытаній для человѣка. Горести и бѣдствія вошли въ семейство съ того дня, когда было сказано женѣ: «въ болѣзняхъ родниши чада», и отъ первыхъ заботъ родителей о физическомъ существованіи дѣтей до еще болѣе сильнаго безпокойства за ихъ нравствен-

ность, вся семейная жизнь есть долгая печаль, смягчаемая улыбкою дитяти или успѣхомъ молодого человѣка. Но какъ бы ни были велики семейныя несчастія, которыя иногда падаютъ на невинныхъ, однакожь они все-таки имѣютъ свой смыслъ. Радость скользитъ по душѣ человѣка, не оставляя глубокихъ слѣдовъ; между тѣмъ какъ несчастіе всегда приноситъ съ собою опытность, обнаруживаетъ наши недостатки, которые мы, въ минуты покоя и счастья, и не подозрѣвали.

Но многіе скажутъ: гдѣ же это спокойствіе, гдѣ эти радости, которыя мы ищемъ въ семействѣ? Спокойствіе семейной жизни — это отдыхъ, это тревожный, прерывистый миръ. Другаго спокойствія нѣтъ въ жизни человѣка.

Итакъ семейная жизнь попознаетъ и продолжаетъ жизнь человѣка, только въ ней вполне разумнымъ образомъ проявляется одно изъ святыхъ и высокихъ нашихъ чувствъ — любовь. Но для того, чтобы опредѣлить вполне характеръ семейной жизни и ея значеніе для человѣка, нужно разсмотрѣть семейство въ связи съ той эпохой, въ которую мы живемъ, подъ вліяніемъ господствующихъ понятій и идей, и въ борьбѣ съ пороками и заблужденіями нашего вѣка.

Нашъ вѣкъ по преимуществу вѣкъ сомнѣнія. Отрицаніе самыхъ заветныхъ вѣрованій нашей души составляетъ отличительную черту нашего времени. Пріятно человѣку освободиться тѣхъ убѣжденій и вѣрованій, которыя полагаютъ границы разгулу его страстей и на которыя онъ смотритъ, какъ на мечты дѣтства. Въ такомъ состояніи человѣкъ думаетъ еще любить природу, жизнь, наслаждаться прекрасными движеніями души. Но мало-по-малу сомнѣніе человѣка увеличивается, вокругъ него и въ немъ самою является пустота, и упоеніе уступаетъ мѣсто скукѣ. Эта скука, какъ плодъ сомнѣнія, не скользитъ только по поверхности нашей души, но проникаетъ въ самую глубь ея и охватываетъ все существо человѣка. Но скоро эта умственная усталость, эта скука жизнью и внутренняя пустота разрѣшаются духомъ возстанія и горькою проніею противъ самыхъ чистыхъ и благородныхъ идей, противъ всего возвышеннаго и прекраснаго.

Вотъ бѣглый очеркъ тѣхъ умственныхъ волненій, которыя происходили въ первой половинѣ нашего столѣтія. Казалось, что въ послѣднее время эти волненія уменьшились и утихли; но нужно замѣтить, что равнодушіе еще не уничтожаетъ сомнѣнія, лжорадка не жизнь, а тѣмъ болѣе нѣтъ жизни во время летаргіи. Теперь посмотримъ, какое вліяніе имѣли на семейство эти

пороки нашего вѣка. Духъ сомнѣнія прежде всего напалъ на религиозное и нравственное освященіе семейства и допускаетъ только произвольный договоръ и произвольныя отношенія въ семейной жизни. Но эти обольстительныя умствованія и чудовищныя системы, которыя вытекаютъ изъ этихъ умствованій, такъ противны нашему природному инстинкту, нашему доброму чувству, и если угодно, даже нашимъ предразсудкамъ, что они не могутъ приобрѣсть серьезнаго успѣха и глубоко проникнуть въ нашъ духъ. Смѣшно бы было опровергать доводы столь нелѣпыя и возмутительныя, какъ общность женъ и многоженство; но эти софизмы принимаютъ тысячу разнообразныхъ формъ, и чѣмъ болѣе прикрываются они этими формами, тѣмъ сильнѣе ихъ вліяніе. Имъ безсознательно улыбаются, когда они представляются въ формѣ легкой шутки; отъ нихъ приходятъ въ восторгъ, когда они закрыты отъ насъ цвѣтами краснорѣчія и поэзіи. Эти софизмы носятъ въ нашей атмосферѣ; мы ихъ вдыхаемъ въ себя, не сознавая того; они же нечувствительно входятъ въ семейство и вносятъ съ собою апатію и скуку. Скука въ семействѣ порождаетъ еще болѣе гибельныя послѣдствія, нежели скука отдѣльнаго человѣка. Желаніе какой-то мечтательной свободы, тихая семейная жизнь, ея спокойствіе, монотонность и простота — вотъ что бываетъ причиною скуки въ семействѣ. Потрясенное софизмами, пораженное скукою, семейство старается обновиться посредствомъ страсти. Страсть представляется человѣку въ привлекательныхъ формахъ; въ ея глазахъ мужъ — врагъ для женщины, а любовникъ — идолъ. Человѣкъ, подъ вліяніемъ страсти, старается отстранить отъ себя образъ дѣтей, этихъ неподкупныхъ судей его поступковъ; онъ хорошо знаетъ, что чувство отца и матери налагаетъ неотразимое осужденіе на всякую страсть. Наконецъ, послѣ минутнаго увлеченія страстію, человѣкомъ овладѣваетъ новая апатія и скука еще болѣе страшная, какъ слѣдствіе позора и разочарованія.

Мы уже сказали, что семейство получило свое начало отъ великаго чувства нашей души; это чувство въ семействѣ возвышается и освящается посредствомъ долга. Но многіе спросятъ: какимъ образомъ чувство можетъ перейти въ обязанность? Богъ вложилъ въ сердце человѣка способность чувства для того, чтобы ему легче было выполнить свои трудныя обязанности. Здѣсь является необходимость въ точкѣ опоры, въ законѣ. Эта точка опоры — долгъ, этотъ законъ — нашъ разумъ. Долгъ полагаетъ границы чувству любви, если оно слишкомъ подвижно,

онъ склоняеть его къ самопожертвованію, если оно слишкомъ эгоистично, онъ же заставляетъ насъ уважать то, что наше чувство унижаетъ или угнетаетъ. Такое соединеніе долга и чувства составляетъ идеаль, къ которому стремится любовь.

Но многіе въ противоположность этому идеалу любви, выставляютъ права сердца и невозможность вѣчныхъ обѣтовъ. Любовь имѣетъ право на заключеніе брачныхъ узъ, но она не можетъ разрывать ихъ. Принципу свободы сердца можно противопоставить принципъ вѣрности. Многіе насмѣхаются надъ этою вѣрностію, называя ее платоническимъ чувствомъ, которому примѣра нѣтъ въ жизни. Они говорятъ, что нужно повиноваться сердцу, какъ неограниченному монарху, и всѣ его прихоти и фантазіи считать для себя закономъ. Но подобные люди не понимаютъ, что страсти суть плодъ нашего воображенія, этого обманчиваго чувства, которое часто заставляетъ насъ обожать то, что вовсе не существуетъ. Слѣдовательно, нельзя отдавать себя на произволъ этому ложному чувству и слѣпо слѣдовать за нимъ.

Семейство обезпечиваетъ достоинство женщины и интересы дитяти. Если бы между слабымъ и сильнымъ не было никакой связи, никакого закона и обязательства, то естественно все кончилось бы притѣсненіемъ слабого сильнымъ, а поэтому уничтоженіе семейныхъ узъ неизбѣжно вело бы къ угнетенію женщины. Говорятъ, что семейство — это рабство для женщины, что здѣсь вполнѣ проявляется произволъ мужчины. Напротивъ, семейство полагаетъ предѣлы его произволу, эгоизму и грубымъ наклонностямъ. Только въ семействѣ женщина находитъ себѣ защиту, здѣсь только ограждается ея непорочность и достоинство, здѣсь же очищается и освящается то физическое рабство, которое положилъ на нее Богъ для продолженія рода человѣческаго.

Другой аргументъ въ пользу необходимости семейства — это воспитаніе дѣтей. Для дитяти нужны постоянныя заботы родителей, его не должно отрывать ни отъ отца, ни отъ матери; безъ ихъ участія воспитаніе дитяти будетъ не полное, и не достаточное. Никѣмъ нельзя замѣнить для ребенка родную мать, ея вліянія на его дѣтскую, любящую натуру, и никто, кромѣ отца или матери, не можетъ развить въ немъ чувства любви и долга, эти необходимые элементы нашей нравственной жизни. Итакъ интересъ женщины и дитяти, указываетъ на необходимость и законность существованія семейства.

Теперь посмотримъ, есть ли какой-нибудь интересъ для мужчины налагать на себя брачныя узы? Для того чтобы владѣть сердцемъ женщины, мужчина долженъ уважать ее, а уваженіе всегда обнаруживается тѣмъ, что человѣкъ налагаетъ на себя нѣкоторыя обязанности относительно уважаемаго лица. Такимъ образомъ семейство есть какъ бы обмѣнъ свободы между двумя лицами; здѣсь не слабый отдается въ руки сильнаго, а слабый и сильный соединяются по закону равенства. Если человѣкъ не уважаетъ женщину потому только, что она женщина, то по крайней мѣрѣ онъ станетъ уважать ее, какъ свою мать, или какъ мать своихъ дѣтей.

Семейство есть вѣрная гарантія противъ духа сомнѣнія и материализма, этихъ господствующихъ пороковъ нашего времени. Странно, что сомнѣніе, которое ничего не уважаетъ, не осмѣлилось коснуться чувства матери, этого живаго и чистаго источника великихъ и святыхъ идей. Когда сомнѣніе проникло въ самыя существенныя начала человѣческой жизни, тогда трудно уже что-нибудь сдѣлать при помощи теоріи, тогда болѣе нужны живые примѣры, нечувствительное вѣяніе добродѣтели. Такой примѣръ можетъ представить только семейная жизнь во всей ея чистотѣ и святости. Добро, также какъ и зло, можетъ быть заразительно; поэтому нравственный прогрессъ въ семействѣ всегда отразится и на обществѣ.

Итакъ мы видѣли, что семейство удовлетворяетъ двумъ существеннымъ потребностямъ нашей природы: жить съ другими и продолжать жизнь въ другихъ, что оно есть та среда, гдѣ вполне осуществляется идеалъ любви, который въ семействѣ, и ограничиваемый чувствомъ долга, выходитъ за предѣлы разумности, и такимъ образомъ унижаетъ человѣческое достоинство. Семейство есть прочная гарантія для достоинства женщины и лучшая воспитательная среда для ребенка; оно вполне соответствуетъ интересамъ мужчины, потому что нельзя любить женщину, не уважая ея достоинства, а уваженіе это проявляется только въ кругу семейства. Наконецъ, семейство заключаетъ въ себѣ такіе элементы, которыхъ не смѣетъ коснуться сомнѣніе, пронія, и которые навсегда останутся источниками всего добраго и прекраснаго.

Всѣхъ этихъ доводовъ, кажется, достаточно, чтобы показать необходимость и законность существованія семейства. Пока еще человѣкъ не знаетъ другой формы отношеній, въ которой онъ могъ бы разумно удовлетворить существеннымъ потребностямъ

своей природы, до тѣхъ поръ семейство единственное лѣкарство противъ пороковъ нашего вѣка.

Опредѣливши общій характеръ семейства, необходимость и важность его въ жизни каждаго человѣка, указавши также на то, что интересъ каждаго изъ членовъ семейства, тѣсно привязываетъ его къ семейной жизни, посмотримъ теперь на взаимныя отношенія мужа и жены, какъ опредѣляетъ ихъ Поль Жане въ своемъ сочиненіи.

Супруга.

Обыкновенно по положенію женщины въ семействѣ и по ея отношенію къ авторитету мужа, судятъ о нравственномъ развитіи общества. Чѣмъ выше это положеніе, чѣмъ болѣе женщина, какъ мать и какъ супруга, имѣетъ вліянія на другихъ членовъ семьи, тѣмъ болѣе цивилизованъ народъ, тѣмъ легче, значить, онъ отрѣшился отъ предрасудковъ, наложенныхъ на него преданіемъ и исторіею. Для того чтобы понять, каковъ долженъ быть идеалъ женщины, какъ супруги, и какое мѣсто долженъ занять этотъ идеалъ въ семейной сферѣ, необходимо прослѣдить исторически развитіе брака, и тогда яснѣе для насъ станетъ тотъ огромный прогрессъ, какой совершился въ семейномъ положеніи женщины.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоялъ первый образъ супруги, представляемый намъ исторіею? Евва, Евва обольстительница, и слова еврейскаго законодателя о ней опредѣляютъ ея печальное назначеніе: «въ болѣзняхъ родиши чада, и къ мужу твоему похотѣніе твое, и той тобою обладати будетъ.» Три слова — три проклятія; отмѣченная этою роковою печатью, несчастная женщина вступаетъ въ жизнь для того, чтобы страдать, служить, обольщать и производить. Здѣсь вся восточная женщина: раба, наложница, производительница. Отъ сотворенія міра до самыхъ патріарховъ вся обязанность и слава супруги заключалась въ одномъ словѣ: производить. Сосредоточивая всѣ силы своей души на этой единственной роли, женщина, кажется, страдала и жила для того только, чтобы производить. Другое проклятіе еще болѣе унижительное: «и похотѣніе твое будетъ на мужѣ твоемъ,» сказалъ Моисей. Приговоръ исполнился. Упоенная роскошно природою Востока, безгранично преданная всѣмъ наслажденіямъ страсти, женщина непрерывно искала мужа и господина. Отъ Чернаго моря до Гималая, огонь похотѣнія ниспадаетъ на весь восточный міръ. «Женщина,» восклицаетъ индѣйскій законода-

тель,» не смотриги, красизъ ли мушнна, молодъ ли. Онъ муж-чина — и этого для нея довольно. Какъ море нпкогда не на-сытится рѣками, огонь — дровами, смерть — людьми, такъ и «женщина не насытится мушннами.» Далѣе онъ говоритъ: «ма-тери семейства завидуютъ другимъ женщинамъ, которыя жи-вуть въ развратѣ.» Женщина не только наложница мужчпны, но она его раба; она принадлежитъ ему, какъ вещь, но вещь подвижная, одушевленная, за которой онъ долженъ наблюдать, какъ за своею собственностію. Скоро женщина упала еще на одну ступень нпже. Она становится менѣе чѣмъ производительная машина, какъ при патріархахъ, менѣе чѣмъ орудіе удовольствія, какъ у индѣйцевъ; она дѣлается вещью, какъ стадо, домашняя рухлядь и т. п. Числомъ женъ опредѣлялось богатство и знатность на Востокѣ. Такъ еврейскіе царп увеличивали число своихъ женъ для того, чтобы показать свое богатство и силу своей власти.

Таково начало брака на Востокѣ; таково это обѣдное дѣтище, переданное Востокомъ западной цивилизаціи, какъ образъ супруги. Римъ возвысилъ этотъ униженный типъ супруги; одно уже имя матроны выражаетъ строгое величіе римской супруги. Позже, новый прогрессъ: подъ вліяніемъ христіанской религіи, идея непорочности проникла въ бракъ, а идея духовной нѣжности въ сердце супруги. Однакожь, не смотря на этотъ прогрессъ, самая сущность брака, нравственное вліяніе любимой женщины, долгое время оставалось тайною.

Десять вѣковъ послѣ Р. Х., во время феодализма, человѣчество еще не имѣло вѣрной идеи о бракѣ. Если одна женщина можетъ намъ представить супругу во всемъ ея величіи изъ этого времени — это Элонза. Безграничная страсть, страсть безъ примѣси посторонняго чувства, энтузіазмъ къ генію Абеяра, ревностная забота объ его славѣ — однимъ словомъ, все обнаруживаетъ въ ней супругу великаго человѣка. Однакожь, она одного болтаетъ — сдѣлаться ею. Когда Абеяръ проситъ руки ея, то она одна противится этому желанію. Здѣсь обнаруживается боязнь, что она остановитъ геній Абеяра, погаситъ этотъ «блестящій свѣтильникъ, возженный Богомъ для міра.» Прекрасная душа! Она не понимала, что Абеяръ, поддерживаемый ею, былъ-бы въ два раза Абеяръ, что постоянное присутствіе любимой женщины, ея заботы о нашихъ дѣлахъ обогащаютъ нашу духовную природу всею тонкостію женскаго чувства. Жизнь, при вліяніи женщины и при воспитаніи дѣтей, сообщали бы эгоизму Абеяра

то; чего у него не доставало: сердце человѣка съ головою философа. Но могла ли иначе Элопза судить о бракѣ? Въ это время идеаль брака былъ униженъ съ одной стороны грубыми чувствами феодалныхъ бароновъ, а съ другой суровымъ приговоромъ христіанскихъ аскетовъ. Напуганные увлеченіемъ чувственныхъ страстей, эти аскеты провозглашали тѣло человѣка грязнымъ и низкимъ, и всѣ его желанія позорными. Св. Павелъ, Тертуліанъ возстали противъ брака, который, по ихъ словамъ, унижаетъ достоинство человѣческой природы, служа только удовлетвореніемъ нашихъ плотскихъ желаній. Св. Иеронимъ превзошелъ еще Тертуліана; онъ прямо изрекаетъ проклятіе на бракъ: «Возьмемъ сѣкиру,» восклицаетъ онъ, «и посѣчемъ бесплодное древо брака. Богъ позволилъ бракъ, но Иисусъ Христосъ и Марія сохранили безбрачіе.»

Итакъ, дѣвственность — вотъ идеаль аскетовъ, который должна была женщина осуществить на землѣ. Любовь къ безбрачію перешла скоро въ страсть и бракъ былъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Однакожь, не смотря на всѣ эти препятствія, типъ матери и супруги оканчивалъ свое развитіе при помощи тѣхъ же самыхъ теорій, которыя, повидимому, препятствовали его развитію. Между тѣмъ какъ основатели аскетизма громили проклятіемъ любовь и бракъ, эта же любовь, какъ вѣчный элементъ, нашла себѣ опору въ самомъ ученіи Иисуса Христа. Идеаль брака, неосуществимый на землѣ, былъ перенесенъ въ міръ небесный. Такимъ образомъ проклятіе, изрекаемое на страсти, само перешло въ страсть, и реакція противъ чувства любви нашла себѣ отпоръ въ самомъ этомъ чувствѣ. Обновленная божественнымъ предметомъ своего обожанія, душа женщины очистилась и возвысилась. Воспитаніе ея было кончено, свѣтлыиикъ возжень, и нужно было только нѣсколько лучей этого свѣтлыиика низвести на землю. Это высокое назначеніе выполнило рыцарство. Но нравы эпохи феодализма препятствовали полному осуществленію идеала брака. Этотъ идеаль, будучи не въ состояніи осуществиться въ средѣ семейства, образовался внѣ его, подъ другою формою. Въ средніе вѣка, для всякой почти женщины одинъ бракъ былъ на ряду съ другимъ. Мужу своему женщина отдавала свою личность, была плотски вѣрна ему, оказывала ему услуги и внѣшне заботилась объ немъ; а любовнику — свою душу, мыш, желанія, однимъ словомъ, всю свою духовную жизнь. Въ тѣ времена прелюбодѣяніе считалось вещью матеріальною; женщина, которая умѣла заштитить свое тѣло, была вѣрна, и больше

отъ нея ничего не требовалось. Любовникъ имѣлъ свои права, которыя жена не скрывала, а мужъ не отвергалъ. Какія же эти права? Мужъ лишенъ былъ права любить свою жену, напротивъ жена могла и даже должна была любить всякаго другаго, кромѣ мужа. Нравы феодальныхъ временъ не предоставляли супругѣ никакаго нравственнаго вліянія на мужа своего, между тѣмъ какъ *code d'amour* рыцарскихъ временъ ставитъ женщину руководительницей и наставницей жизни ея любовника. Такимъ образомъ внѣ брака и въ противоположность ему осуществилось то, что составляетъ самую сущность его: сліяніе двухъ индивидуальныхъ духовныхъ способностей и взаимное совершенствованіе. Напрасно пало рыцарство, пали *coups d'amour*. Человѣчество сохранило въ своемъ сознаніи этотъ дорогой типъ женской роли. Время докончило остальное, и теперь любовь и бракъ представляются нераздѣльно другъ отъ друга, несовершенны одинъ безъ другаго и всемогущи, когда дополняютъ другъ друга. Дѣйствительно, переходя изъ состоянія любовницы къ положенію супруги, нравственное вліяніе женщины получаетъ характеръ, столь необходимый для всякаго вліянія, характеръ продолжительности.

Изъ этого краткаго историческаго очерка брака, (который мы заимствовали изъ соч. Легуве: *Histoire morale des femmes*) мы видимъ, какъ женщина постепенно переходила изъ состоянія рабы, наложницы, любовницы къ состоянію супруги; какъ постепенно совершилось ея освобожденіе отъ деспотизма мужчины. Духовный элементъ прежде всего стремится вырваться изъ тѣсной сферы рабскихъ семейныхъ отношеній и находить себѣ удовлетвореніе внѣ семейства. Но въ такомъ состояніи нравственное вліяніе женщины не можетъ быть продолжительно и прочно; для этого необходимо, чтобы женщина вошла въ полную роль супруги и чтобы правильно опредѣлились ея отношенія къ авторитету мужа и къ воспитанію своихъ дѣтей. Однимъ словомъ, нужно показать, какая должна быть въ наше время роль жены и матери въ семействѣ. Но прежде представляется вопросъ: нуженъ ли авторитетъ въ семействѣ и кому онъ принадлежитъ? Власть въ семействѣ всегда и у всѣхъ народовъ принадлежала мужчинамъ. Но не былъ ли это одинъ долгій предрассудокъ, или злоупотребленіе, основанное на преданіи? Не пришло ли время разоблачить этотъ авторитетъ и противопоставить ему новыя права, не пришло ли время освободить или, какъ говорятъ, эмансипировать семейство? Эти вопросы подняты въ наше время и требуютъ разрѣшенія отъ науки. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ

вхъ Поль Жане. Вотъ что говоритъ онъ относительно необходимости авторитета въ семействѣ.

Очевидно, что дѣти не могутъ сами себя кормить, воспитывать и, по своей неопытности, они еще не въ состояніи сами управлять своими поступками, слѣдовательно они должны быть сначала вскормлены, воспитаны и направлены другими. А кому принадлежитъ эта обязанность, тотъ же, слѣдовательно, долженъ имѣть и власть. Относительно дитяти авторитетъ родителей долженъ быть *одинъ, равный и нераздѣльный*.

Дитя должно одинаково повиноваться приказаніямъ отца и матери и не разсуждать, какой изъ этихъ авторитетовъ выше. Но если ребенокъ не долженъ задавать себѣ этотъ вопросъ, то его непремѣнно должна рѣшить философія и нравственность, потому что трудно и почти невозможно предположить между супругами постоянное согласіе во взглядахъ, чувствахъ и желаніяхъ. Слѣдовательно необходимо, чтобы одно изъ лицъ, облеченныхъ семейнымъ авторитетомъ, имѣло бы въ своихъ рукахъ верховную власть въ семействѣ.

Качества, свойственныя уму мужчины, болѣе всего соотвѣтствуютъ всѣмъ условіямъ власти *). Умъ мужчины имѣетъ больше *обширности, послѣдовательности и безпристрастія*, нежели умъ женщины. Мужчина знаетъ болѣе и глубже, нежели женщина; онъ болѣе привыкъ сравнивать предметы и судить объ нихъ. Напротивъ, женщина представляетъ себѣ предметы отдѣльно; каждое впечатлѣніе очень живо отражается въ ея умѣ, и поэтому она, по болѣе части, составляетъ себѣ исключительное и неподдное понятіе о предметѣ. Мужчина болѣе способенъ къ обширнымъ занятіямъ. Самая свободная жизнь его, проведенная внѣ семейства, доставляетъ ему возможность ознакомиться съ большимъ количествомъ предметовъ, фактовъ, отношеній. Это-то превосходство научнаго и практическаго воспитанія обеспечи-

*) Съ этимъ мнѣніемъ Поля Жане, относительно столь существеннаго различія между мужчиной и женщиной, согласиться нельзя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизни нерѣдко можно встрѣтить и подобныя различія, но ихъ рѣшительно нельзя принимать за существенныя, за исходящія изъ особенностей природы того и другаго субъекта, изъ особенностей склада всей совокупности духовныхъ способностей. Встрѣчающіяся въ жизни различія этого рода обуславливаются единственно положеніемъ будущей женщины въ семействѣ, житейскою обстановкою, невидимымъ, но могущественнымъ вліяніемъ окружающей среды, въ которой успѣли утвердиться упомянутыя различія, и болѣе всего неправильнымъ, а иногда и превратно понятымъ воспитаніемъ. — *Ред.*

васть за мужчиною и превосходство умственное. Во-вторых мужчина имѣеть болѣе послѣдовательности въ своихъ идеяхъ, потому что его впечатлѣнія не такъ подвижны, какъ у женщины; онъ знаетъ много общихъ идей, слѣдовательно болѣе способенъ къ разсужденію. Женщина мало разсуждаетъ; ея умъ то-же, что и чувство. На доводы, которые вы считаете неопровержимыми, она отвѣтитъ вамъ доводами своего воображенія или страсти. Если иногда легко обмануть ее софизмомъ, то также трудно при случаѣ убѣдить ее прямымъ разсужденіемъ. Наконецъ, третье преимущество мужнины передъ женщиною — *безпристрастіе*. Конечно и мужчина имѣеть свои страсти, но онъ не можетъ быть ослабленъ до того, чтобы не различилъ, что истинно само по себѣ и что истинно только относительно его интересовъ. Вообще мужчина менѣе подверженъ вліянію страсти. Впечатлѣнія же женщины болѣе живы и переменчивы; въ болѣе части случаевъ она видитъ предметъ только съ одной стороны и особенно съ той, которая болѣе согласуется съ ея чувствомъ. Разумѣется, бываетъ много исключеній, но вообще можно сказать, что мужчина разсуждаетъ умомъ, а женщина сердцемъ.

Итакъ, обширный, послѣдовательный и безпристрастный умъ мужнины болѣе способенъ къ управленію семействомъ, чѣмъ живой, впечатлительный умъ женщины. Но что станетъ тогда, продолжаетъ Поль Жане, съ великимъ христіанскимъ принципомъ — равенства половъ? Но о какомъ равенствѣ говорить здѣсь? О равенствѣ политическомъ? Но женщины не чувствуютъ особеннаго желанія достигнуть его. О равенствѣ гражданскомъ? Но это дѣло закона и юристовъ. О равенствѣ власти? но это невозможно ни въ семействѣ, ни въ обществѣ. Остается равенство нравственное. Дѣйствительно, это необходимое условіе счастья всякаго семейства; но такое равенство легко можетъ быть совмѣстно съ первенствомъ власти. Это совершенно виѣшнее и видимое превосходство мужнины уравнивается тайнымъ и печувствительнымъ вліяніемъ, какое оказываетъ сердце женщины на авторитетъ ея въ тысячахъ подробностей ежедневной жизни.

Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, состоитъ прогрессъ, введенный христіанствомъ и просвѣщеніемъ нашего вѣка во взаимныя отношенія обоихъ половъ: мужчина уже не господинъ своей жены; но онъ навсегда останется тѣмъ, чѣмъ и былъ прежде, т. е., главою семейства. Женщина уже не раба, не служанка и не подданная своего мужа; но она подчпнена его праву, власти,

и въ то-же время всегда сохраняя съ ними равенство моральное. Итакъ, между супругами нѣтъ приказаній, нѣтъ высшаго и низшаго, здѣсь-то вполне проявляется взаимный обмѣнъ вліяній: женщина чувствуетъ въ себѣ больше твердости подъ покровительствомъ мужчины, а мужчина становится лучшимъ отъ вліянія женщины. Между ними образуется родство духовное, которое всегда сплывѣе родства кровнаго. Вотъ какой долженъ быть авторитетъ мужчины въ семействѣ, уравновѣшиваемый тайнымъ вліяніемъ женщины. Но подобное равновѣсіе очень рѣдко сохраняется; часто вліяніе женщины беретъ перевѣсъ и она захватываетъ въ свои руки верховную власть въ семействѣ; еще чаще авторитетъ мужа, не смягчаемый благодѣтельнымъ вліяніемъ женщины, выходитъ за предѣлы своего права и злоупотребляетъ своей силою. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вмѣсто авторитета и свободы является съ одной стороны тиранія, а съ другой рабство. Если явная или тайная тиранія женщины надъ мужчиной представляется намъ смѣшной и возмутительной, то тѣмъ болѣе тиранія мужчины надъ женщиной имѣетъ въ себѣ нѣчто низкое и жестокое, потому что здѣсь является злоупотребленіе сильнаго надъ слабымъ. Съ властію неразрывно соединена и отвѣтственность; право всегда влечетъ за собою и обязанность. Какія же обязанности главы семейства? Законъ предписываетъ ему только двѣ обязанности: *покровительство* и *вѣрность*.

Но въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ покровительство состоитъ не только въ защитѣн семейства противъ рѣдкихъ матеріальныхъ опасностей, но и также въ поддержаніи жизни его и въ удовлетвореніи его ежедневныхъ нуждъ.

Трудъ есть необходимая принадлежность всякаго мужчины въ семействѣ. Человѣкъ, входя въ семейство, все-таки остается членомъ общества. Посредствомъ труда онъ участвуетъ въ его жизни и прогрессѣ, и наоборотъ этотъ же самый трудъ охраняетъ, гарантируетъ существованіе семейства. Мужъ кормитъ свою жену и дѣтей плодами своего труда и тѣхъ же самыхъ усилій, которымъ общество обязано своимъ прогрессомъ и цивилизаціей. Напротивъ, женщина не обязана трудиться въ семействѣ, для нея есть другой трудъ, внутренній, домашній, который болѣе всего соотвѣтствуетъ ея способностямъ. Итакъ, трудъ физическій есть первая обязанность мужчины, какъ главы семейства. Въ этомъ-то состоитъ покровительство, котораго требуетъ законъ отъ мужчины. Но этого еще мало. Правдивость

требуетъ покровительства духовнаго, которое труднѣе покровительства физическаго, но тѣмъ не менѣе необходимо. Оно состоитъ въ направленіи слабаго сильнымъ, въ постоянной заботливости — отстранять отъ ума и сердца своей жены всѣ опасности, какія могутъ встрѣтиться ей вслѣдствіе ея неопытности, и часто поверхностнаго воспитанія. Итакъ надобно, чтобы мужчина принялъ на себя обязанность руководить и пополнить воспитаніе своей жены, онъ же долженъ, мало-по-малу, ознакомить ее съ тѣмъ кругомъ идей и понятій, которыя самъ вынесъ изъ своего воспитанія и опытности. И это вовсе не романтическая попытка, какъ называютъ ее нѣкоторые, напротивъ, она естественно вытекаетъ изъ самаго положенія супруговъ. Мы уже говорили, что мужчина, по самой природѣ своей (?) и по воспитанію, обладаетъ болѣе обширнымъ и твердымъ умомъ, нежели женщина. Далѣе, мужъ всегда почти бываетъ старше своей жены, слѣдовательно его умъ долженъ быть болѣе зрѣлый; наконецъ, очень рѣдко бываетъ, чтобы мужчина непосредственно переходилъ изъ состоянія сына семейства къ отцу семейства, по большей части бываетъ нѣкоторый промежутокъ времени, продолженіе котораго онъ пользуется свободою жизни; въ это время предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, онъ начинаетъ узнавать людей, общество, набираетъ больше опытности. Такимъ образомъ мужчина приносить въ семейство практическую мудрость, какой не можетъ быть у дѣвicy, одаренной даже самыми счастливыми способностями. Уже этихъ доводовъ достаточно, чтобы убѣдиться, что мужчина долженъ принять на себя трудъ умственнаго воспитанія своей жены; на немъ даже лежитъ необходимая обязанность мало-по-малу сглаживать различіе между своими собственными идеями и идеями своей жены; однимъ словомъ, онъ долженъ уничтожить ту бездну, которую положили обычай между умственнымъ воспитаніемъ двухъ половъ. Но это благородное дѣло требуетъ отъ мужа трудныхъ и рѣдкихъ условій. Для этого нужно много ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много любви, и такой любви, которая уважаетъ предметъ своего обожанія; особенно надо душу еще молодую и чистое сердце. Благоразумно дѣлаютъ тѣ, которые избѣгаютъ браковъ неравныхъ по возрасту, но возрастъ считается не годами только, но и сердцемъ. Въ противномъ случаѣ, гдѣ вы возьмете ту силу, мягкость и нѣжность, которая необходима для этого новаго воспитанія женщины, чтобы заставить ее полюбить ваши идеи, какъ свои собственные, наложить молчаніе на ея самолюбіе

и обезоружить ея непокорность? Другая обязанность, налагаемая на мужа закономъ, это обязанность *вѣрности*. Но надо сознаться, что относительно этой обязанности законъ является не слишкомъ требовательнымъ; нравственность болѣе строга въ этомъ отношеніи; она требуетъ отъ мужа вѣрности не только въ кругу семейномъ, но и внѣ его, не только вѣрности въ дѣлахъ, но и въ мысляхъ и въ чувствахъ. Законъ болѣе строгъ къ женщинамъ относительно ея вѣрности, нежели къ мужчинамъ, но нравственность смотритъ иначе на этотъ вопросъ. Законъ защищаетъ право, а невѣрность жены можетъ повлечь за собою нарушеніе семейнаго права; на невѣрность же мужа законодатель смотритъ, какъ на дѣло частное, какъ на семейный беспорядокъ, который не подлежитъ разсмотрѣнію законовъ. Но если судить дѣло не по послѣдствіямъ ихъ, а по принципамъ, то мы увидимъ, что невѣрность мужа не менѣе виновна, какъ и невѣрность жены, и что часто для первой труднѣе найти какое-нибудь извиненіе. Не надобно думать, что одною строгою вѣрностію мы удовлетворяемъ всѣмъ нашимъ обязанностямъ; вѣрность, безъ участія, безъ снисхожденія и доброты будетъ только отрицательною добродѣтелью, которая ничего не прибавитъ ко счастью семейства. Но нужно больше вниманія и больше этихъ заботъ, которыя показывали бы женщинамъ, что мужъ для нея не только господинъ, но и нѣжный другъ. Итакъ, мужчина — краеугольный камень семейства; онъ можетъ сдѣлать много добра, но также и много зла семейству; онъ не одинъ отвѣчаетъ за семейныя несчастія, но на него отвѣтственность падаетъ болѣе, чѣмъ на другихъ членовъ семейства.

Хозяйка.

Если мужчина имѣетъ главный надзоръ надъ семействомъ и управленіе имъ, то есть другая сфера, безъ сомнѣнія ограниченная, но важная по своему вліянію на счастье семейства, въ которой женщина проявляетъ свой непосредственный или почти неограниченный авторитетъ. Эта сфера — *хозяйство*. Многие различно понимаютъ хозяйство. Одни подъ хозяйствомъ разумѣютъ занятіе грубое и низкое, недостойное заботъ женщины; другіе говорятъ, что хозяйство есть унижительная необходимость, которой должна подчиняться женщина, потому что для нея нѣтъ другой болѣе благородной сферы; третьи называютъ хозяйство обязанностію, но обязанностію непривлекательною и

скучною. Какое же изъ этихъ мнѣній справедливо? Первое мнѣніе, очевидно, пелѣпо. Управление хозяйствомъ необходимо, потому что интересъ самого семейства настоятельно того требуетъ. Но кому принадлежать эти внутреннія заботы? Разумѣется, не мужчипѣ, не слугамъ, а онѣ должны составлять необходимую принадлежность женщины, ея обязанность; а необходимость, переходя въ обязанность, уже теряетъ въ себѣ все то, что непріятно и возмутительно для самолюбія и гордости женщины. Итакъ, хозяйство есть обязанность женщины; она болѣе всего способна къ тому, ея умъ, любящій подробности и мало способный принимать отвлеченныя идеи, болѣе всего развѣртывается въ тысячахъ подробностей хозяйственнаго управленія. Порядокъ, правильность, не очень привлекательныя добродѣтели; однакожъ, порядокъ въ хозяйствѣ показываетъ порядокъ въ мысляхъ и чувствахъ; это еще не все счастье — но часть его, это не мудрость, но одно изъ условій мудрости. Кромѣ того женщина можетъ ввести въ домашнее управленіе вкусъ и изящество, потому что нужно только чувство, подъ вліяніемъ котораго все оживляется и измѣняется; и самыя грубыя заботы домашней жизни, подъ вліяніемъ чувства, въ нашихъ глазахъ получаютъ большую прелесть и прелекательность. Хотя хозяйство есть для женщины занятіе прекрасное и великое, однакожъ это не значитъ, что она должна исключительно посвящать себя ему. Нужно, чтобы удовольствіе заниматься хозяйствомъ не перешло въ манию, потому что женщина госпожа, а не служанка дома, она не только хозяйка, но подруга мужа. Для мужчины не довольно одного порядка и чистоты въ домѣ, для него нуженъ еще образованный умъ женщины. Женщина не должна забывать, что она радость и украшеніе семейства, и главное правило домашней политики состоитъ въ томъ, чтобы свой домъ казался мужу пріятнѣе всѣхъ другихъ. Образованный умъ придаетъ особенную прелесть той близкой, искренней дружбѣ, которая должна быть между супругами. Мы уже говорили, что мужъ долженъ принять на себя обязанность дополнить воспитаніе своей жены, но и женщина въ свою очередь можетъ имѣть вліяніе на окончательное воспитаніе мужа. Не предполагая даже неравенства въ воспитаніи двухъ половъ, нѣтъ такого человѣка, даже вполне съ образованнымъ умомъ и вкусомъ, который бы не нашелъ чего-нибудь позаимствовать у женщины для полноты своего образованія. Хотя мужчина имѣетъ въ своихъ рукахъ главное управленіе семействомъ, хотя его авторитетъ

неограниченъ во всѣхъ виѣшнихъ дѣлахъ, однако это еще незначить, что жена должна быть лишена всякаго участія въ виѣшной дѣятельности своего мужа. Напротивъ, она должна знать всѣ его дѣла, понимать ихъ и интересоваться ими; она должна быть въ состояніи дать свое мнѣніе и, при случаѣ, удерживать или побуждать мужа къ дѣятельности. Особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчина встрѣчаетъ препятствія и опасности, заботы и преданность женщины для него необходимы. Женщина, у которой первыя впечатлѣнія болѣе глубокія, по вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе подвижныя, скорѣе приходитъ въ обыкновенное состояніе, слѣдовательно она болѣе расположена терпѣть и ждать, чѣмъ мужчина.

Женщина имѣетъ силу не только поддерживать и возбуждать упадающій духъ мужчины, но и утѣшать его. Далѣе, женщина есть въ нѣкоторомъ родѣ совѣсть семейства. Дѣйствительно, имѣя умъ болѣе живой и впечатлительный, она должна имѣть и совѣсть болѣе впечатлительную, чѣмъ мужчина. Правда, это правило не всегда оправдывается на дѣлѣ, что много зависитъ отъ поверхностнаго воспитанія женщины. Однимъ словомъ, вотъ какой долженъ быть идеалъ женщины; предлагаемый Полемъ Жанае. Вотъ ея обязанности: управлять хозяйствомъ съ порядкомъ и изяществомъ, возвышаться по своему воспитанію до одинаковаго уровня съ мужемъ, раздѣлять его идеи и чувство, развлекать его во время досуга, поддерживать и утѣшать его упадающій духъ; если онъ заблуждается, наводить его на истинный путь, наконецъ если все потеряно, если женщина ничего не останется, кромѣ безнадежной любви, то находить спасеніе въ благочестивомъ упованіи.

Однакожь, предлагаютъ женщинѣ другой идеалъ, другія надежды и другую будущность. Обыкновенно говорятъ, что мирная жизнь прилична только посредственнымъ характерамъ, что свободная и возвышенная душа должна имѣть другое назначеніе. Говорятъ, что долгъ — это договоръ, что добродѣтель ничто иное, какъ слабость. Однимъ словомъ стараются убѣдить женщину, что все величіе ея заключается только въ страсти. Какое же лѣкарство противъ увлеченія страстію? Какія средства, чтобы прекратить ее развитіе? «Нужно бодрствовать въ началѣ появленія страсти, потому что, чѣмъ болѣе мы дремлемъ, тѣмъ воля наша становится слабѣе, а врагъ сильнѣе» — говорятъ Св. Писаніе. Духъ челоуѣка сначала пренебрегаетъ врагомъ, потому что онъ слабъ, а потомъ подъ предлогомъ,

что врагъ сдѣлался сильнымъ, подчиняется ему безъ сопротивленія. Такимъ образомъ попеременно мы встрѣчаемъ въ жизни два софизма: сначала «это не бѣда, а потомъ уже поздно.» Но эти софизмы не должны имѣть смысла при твердости нашего духа. Нужно правду сказать, что никогда не рано и никогда не поздно спасти миръ нашей души и водворить счастье въ семействѣ.

Мать семейства.

Священное названіе матери семейства долго соединяло съ собою одну только идею преданности и нѣжности. Въ наше же время должно признать за истину, что долгъ матери и супруги не только любить, но и трудиться; этотъ долгъ прежде всего требуетъ отъ нея воспитанія своихъ дѣтей. Съ другой стороны въ наше же время возникло совершенно противоположное мнѣніе. Говорятъ, что семейство представляетъ мало залоговъ для хорошаго воспитанія дитяти, что обязанности супруги и хозяйки дома такъ многосложны и трудны, что женщины не достаютъ ни времени, ни средствъ выполнить обязанности матери. Слѣдовательно, говорятъ социалисты, нужно съ самой колыбели отнять дитя у матери и предоставить его воспитаніе обществу, государству. Отсюда выводятъ они свое нелѣпое ученіе о правѣ государства на дѣтей, ученіе не новое, потому что за двѣ тысячи лѣтъ до насъ то-же самое высказалъ Платонъ въ своей Идеальной Республикѣ. Противъ подобнаго ученія возстаетъ Поль Жане со всею силою своего краснорѣчія: «нѣкоторые, говорятъ онъ,» хотятъ вырвать дитя изъ среды семейства и отдать его государству, обществу; но это нарушаетъ самыя естественныя права человѣка, потому что дитя должно принадлежать тому, кому оно обязано своимъ существованіемъ. Сверхъ того, государство не имѣетъ никакого права на дѣтей, потому что оно не связано съ ними никакими близкими узами. Напротивъ, между родителями и ихъ дѣтьми есть связь физическая, связь сердечная и разумная; никакая власть не опирается на болѣе естественныхъ правахъ и никакой авторитетъ не имѣетъ болѣе существенныхъ гарантій, какъ авторитетъ родителей. Это ученіе покажется намъ еще болѣе отвратительнымъ и нелѣпымъ, когда мы станемъ разсматривать отношенія матери къ своему дитяти. Сама природа, вложивъ въ материнскую грудь источникъ перваго питанія для ребенка, хотѣла, какъ будто, этимъ самымъ показать ненарушимость и святость ея права.

Такимъ образомъ было бы нелѣпо утверждать, что молоко матери должно быть раздаваемо по приказанію государствѣ всѣмъ дѣтямъ. Итакъ, низводить женщину, какъ мать и какъ кормилицу, до роли публичной наемницы — это варварская идея, заключаетъ Поль Жане, которую я не могу простить божественному Платону.» Слѣдовательно, заботы о первоначальномъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи дитяти должны принадлежать матери. Она обязана руководить первыми шагами ребенка, научить его первому слову и наблюдать его дѣтскую природу; потому что только одна мать можетъ узнать и вполнѣ понять характеръ своего дитяти и, сообразно съ этимъ характеромъ, вести его первоначальное воспитаніе. Ребенокъ, появившись на свѣтъ, прежде всего требуетъ *кормленія*.

Въ прошломъ столѣтіи Жанъ Жакъ Руссо поднялъ вопросъ о томъ: должна ли мать кормить своихъ дѣтей? Съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ старался онъ доказать, что мать должна быть единственною кормилицею своего дитяти. Но потомъ это мнѣніе встрѣтило нѣсколько противорѣчій. Если нравственность еще продолжаетъ говорить въ пользу материнскаго кормленія, за то медицина стала противъ этого мнѣнія, особенно когда мать изъ высшаго класса общества, гдѣ извѣстная слабость организма, живость воображенія, раздражительность нервовъ, часто дѣлаютъ кормленіе матери опаснымъ для самого ребенка. Но было бы нелѣпо требовать для дитяти молока матери, которое можетъ сдѣлаться причиною его смерти; съ другой стороны медицина, во имя здоровья, требуетъ, чтобы мать давала молоко своему дитяти, если она можетъ, а если она не въ состояніи этого дѣлать, то оказывала бы ему нѣжныя ласки и материнскія заботы. С. Маркъ-Жирарденъ, разбирая Эмиля Руссо, вотъ что высказалъ относительно этого предмета: «въ каждой матери нужно отличать, во-первыхъ молоко кормилицы и во-вторыхъ любовь матери. Руссо требуетъ для дитяти перваго, для того чтобы укрѣпить за нимъ второе. Но кормленіе есть только меньшая часть материнскаго долга. Есть много женщинъ хорошихъ кормилицъ, но дурныхъ матерей: онѣ имѣютъ полныя сосцы, но сухое сердце. Напротивъ, бываютъ женщины дурныя кормилицы, но хорошія матери, т. е., такія, которыя любить колыбель своего дитяти, его первые шаги, его первый смѣхъ; онѣ уступаютъ кормилицѣ только одно кормленіе, а всѣ другія заботы о дитятѣ берутъ на себя.» Эти-то заботы о первоначальномъ физическомъ воспитаніи ребенка и составляютъ

обязанность матерн, ея долгъ. Перейдемъ теперь къ нравственному воспитанію и посмотримъ, какую роль должна играть мать въ этомъ воспитаніи.

Обязанность отца — воспитать въ душѣ дитяти двѣ существенныя идеи: *идею закона* и *идею долга*. Онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы ребенокъ не считалъ себя центромъ и образцемъ всего внѣ его существующаго, чтобы свои желанія онъ не ставилъ въ законъ, чтобы онъ зналъ, что внѣ его существуютъ границы его желаніямъ, полагаемыя или необходимою, или общественнымъ мнѣніемъ, или наконецъ существующимъ закономъ. Но выше закона стоитъ идея долга. Часто сѣшиваются эти два понятія. Но законъ есть нѣчто внѣшнее, которое не всегда имѣетъ безусловную силу и не всегда безошибочно, или договоръ между людьми, которые могутъ замѣнить его другимъ договоромъ. Долгъ есть то-же законъ, но законъ чисто внутренней, возложенный на насъ разумомъ и принятый нашимъ сознаніемъ. Повиноваться долгу должны мы изъ побужденія самого долга. Въ этомъ-то и состоитъ трудная обязанность отца въ воспитаніи; онъ долженъ развить въ сознаніи ребенка чистую идею долга, безъ прикрасъ, безъ примѣси, и этимъ самымъ онъ приготовить его къ истинной самостоятельности.

Роль отца — воспитывать дитя, при помощи авторитета и разума, а роль матери — достигнуть того-же результата ласкою и нѣжностію.

Успѣхъ отца въ воспитаніи состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ уваженія къ себѣ подчинить себѣ волю ребенка, а успѣхъ матери располагать этою волею при помощи любви. Въ семействѣ, какъ и въ государствѣ, можно отличить двѣ партіи: отецъ — представитель непопулярной партіи, которая всегда опирается на авторитетъ и подчиненіе, а мать — представительница либеральной партіи; она всегда склоняется въ пользу слабости ребенка, въ пользу его дѣтской природы.

Необходимо, чтобы дитя имѣло въ семействѣ защитника болѣе симпатичнаго и пристрастнаго, чѣмъ самъ отецъ: эта роль принадлежитъ матери. Съ одной стороны, она представляетъ собою прощенье и милость для дитяти, а съ другой — свободу. Бываетъ свобода разума, когда человѣкъ управляетъ самъ собою на основаніи извѣстныхъ принциповъ, и свобода природы, когда безпрепятственно развиваются умственные силы человѣка, какъ необходимыя орудія его духовной жизни. Если эти силы подавлены, задушены слишкомъ принудительнымъ воспитаніемъ,

то является искусственный человекъ, а не истинно разумное созданіе. Слѣдовательно, надобно, чтобы воспитаніе вполне согласовалось съ природою дитяти. Одна только мать имѣеть способность, проникать въ самые сокровенные изгибы характера дитяти, и она же, ослабляя припужденіе, даетъ свободное развитіе его природѣ. Материнская нѣжность имѣеть свой смыслъ: оставившая въ иныхъ случаяхъ вліяніе воспитанія, она тѣмъ самымъ благопріятствуетъ развитію природныхъ способностей дитяти.

Отець научаеть ребенка *уважать до.из.*, мать же научаеть его *любить этотъ до.из.* Платонъ говоритъ, что истинная идея воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы соединить въ душѣ человека *силу* и *кротость*, и совѣтуетъ для развитія этихъ элементовъ, употреблять гимнастику и музыку. Гимнастика—это крѣпкая сила воспитанія, предлагаемая отцемъ, которая научаеть дитя побѣждать самого себя, бороться съ затрудненіями, быть свободнымъ и въ то-же время работъ долга; музыка—это кроткое воспитаніе матери, которая баюкаетъ дитя нѣжными словами, заглушаетъ въ немъ противные порывы, и въ то-же время не уничтожаетъ его воли.

Религіозное воспитаніе.

Такое же различіе въ роляхъ отца и матери обнаруживается и въ религіозномъ воспитаніи. Если первыя религіозныя впечатлѣнія не зараждаются въ семействѣ, то рѣдко случается, чтобы они могли развиться позже, и ничто въ этомъ отношеніи не можетъ замѣнить первоначальнаго воспитанія. По теоріи Руссо, воспитаніе прежде всего должно заниматься сохраненіемъ и развитіемъ физическаго здоровья ребенка; и послѣ, вдругъ, въ данный моментъ времени (около шестнадцати лѣтъ), должно начинать нравственное и религіозное воспитаніе. Но идеи не могутъ являться мгновенно въ нашемъ умѣ; онѣ входятъ въ сознаніе человека медленно, постепенно и этимъ идеямъ предшествуютъ еще впечатлѣнія, которыя остаются въ насъ въ продолженіе всей нашей жизни. И такъ религіозное воспитаніе должно начинать очень рано, а именно въ семейной средѣ. Но здѣсь роли отца и матери, кажется, еще болѣе разграничиваются.

Во всякой религіи есть двѣ стороны: одна строгая, торжественная, другая—тихая, кроткая, любящая; одна говоритъ особенно уму, другая—сердцу. Истинное благочестіе состоитъ

въ соединеніи уваженія съ любовью. Обязанность отца въ религиозномъ воспитаніи — дать понятіе о томъ, что есть священнаго и величественнаго въ идеѣ Бога, а мать должна научить тому, что есть кроткаго и утѣшительнаго для души въ этой идеѣ. Первый внушаетъ повиновеніе и уваженіе, а вторая — довѣріе и надежду; однимъ словомъ, отецъ научаетъ познавать Бога, а мать — просить и любить Его.

Такимъ образомъ опредѣляетъ Поль Жане роли отца и матери въ нравственномъ воспитаніи дитяти. Но при этомъ нужно замѣтить, что каждый изъ супруговъ не долженъ исключительно ограничиваться своею ролью; такъ было бы негѣпно утверждать, что отецъ постоянно долженъ быть строгимъ и требовательнымъ, а мать — нѣжною и снисходительною. Если всякое воспитаніе должно соединять въ себѣ въ различной пропорціи *силу* и *кротость*, то для этого нужно, чтобы и каждый изъ супруговъ умѣлъ соединять въ себѣ и то и другое, но только въ различной степени. Необходимо, чтобы строгость правилъ, авторитетъ отца всегда смягчался добрымъ и нѣжнымъ чувствомъ. Слѣдовательно, въ отношеніяхъ отца къ своему дитяти, всегда должно быть нѣчто материнское; съ другой стороны, нѣжность матери теряетъ всю силу своего вліянія, если она, не подкрѣпляемая строгостію и авторитетомъ, перейдетъ въ слабость.

Такъ опредѣляетъ Поль Жане положеніе женщины въ семействѣ, въ ея тройной роли: супруги, хозяйки дома и матери семейства. Мы видѣли, что во всѣхъ трехъ роляхъ кругъ ея дѣятельности ограничивается скромною сферою домашней жизни; внѣ этой сферы нѣтъ поприща для разумной дѣятельности женщины. Въ этомъ-то состоитъ особенность взгляда Поля Жане на положеніе женщины. Итакъ, кругъ дѣятельности женщины семейство, назначеніе ея — быть только супругою, матерью и хозяйкою. Но достаточно ей разумно выполнить эти три роли, и вліяніе ея сильно отразится и на другихъ сферахъ дѣятельности человѣка. «Мужчины,» говоритъ Легуве, «бываютъ судьями, законодателями, поэтами, учеными. Но позади этой видимой дѣятельности, существуетъ другая дѣйствительность тайная, которая окончательно опредѣляетъ характеръ первой — это вліяніе женщины. Только бракъ можетъ придать этому вліянію характеръ продолжительности и чистоты. Жить для другого, проявляться въ другомъ, исчезать въ его словѣ, учиться для того,

«чтобы другой зналъ, думать о томъ, что другой будетъ говорить, искать свѣта для того, чтобы имъ воспользовался другой—вотъ высокое и прекрасное назначеніе женщины!»

А. САВЕДЬЕВЪ.

Харьковъ. 1 мая 1859 г.

ГАЛЕРЕЯ ДАГЕРОТИПНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

II.

Въ одно прекрасное утро по скверному городишку Гремболотову разнесся слухъ:

— Скопидомка умираетъ! скопидомка умираетъ!...

На это городничій, про котораго говорили, что онъ аршинъ проглотилъ, замѣтилъ:

— Слава Богу; давно бы пора.

Почтмейстеръ, изъ польскихъ выходцевъ, сказалъ:

— Жаль, что вмѣстѣ съ нею не умираетъ г. городничій.

Начальникъ инвалидной команды, стрѣвшій куры почтмейстершѣ и прозванный ядовитымъ уѣзднымъ учителемъ *гарнизонной* *пузатой*, сказалъ только:

— Ага!

Почти все населеніе Гремболотова, не исключая и прекраснаго пола, раздѣляло вышешприведенныя мнѣнія трехъ представителей своей аристократіи. Изъ этого ясно, кажется, что скопидомка, о которой шла рѣчь, не пользовалась расположеніемъ своихъ благородныхъ согражданъ. Скопидомка, т. е., Елена Петровна Бараева, помѣщица пяти сотъ душъ, дѣйствительно умирала. Въ небольшой комнаткѣ, куда, сквозь густыя зеленыя шторы, едва проникалъ свѣтъ Божій, на грязномъ соломенномъ тюфякѣ, кидалась и корчилась старуха, въ борьбѣ съ тою незванною гостью, которая въ просторѣчьи именуется *курносою*. Сильно не хотѣлось старухѣ разстаться съ жизнью, къ которой она, конечно, привыкла въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Въ эту минуту, можетъ быть, и самая грязная обстановка и двѣ тупоумныя племянницы, являлись тускнѣющему взору умирающей чѣмъ-то необычайно привлекательнымъ. Двѣ дѣвцы, весьма пожилыя, съ остроконечными, сахарными головами и замѣчательно толстыми губами, бессмысленно переглядывались, поупрившись и притаивъ дыханіе. На позеленѣвшемъ лицѣ умираю-

щей дрожали каждый мускулъ, широко раскрытые глаза глядѣли дико и злобно въ потолокъ, изсохшія руки судорожно царапали одѣяло, шитое изъ разноцвѣтныхъ, ситцевыхъ осьмиугольныхковъ. Старуха скрипѣла зубами и стонала.

Въ сосѣдней комнатѣ, курносая и быстроглазая горничная шопотомъ разговаривала съ кучеромъ (онъ же поваръ и камердинеръ).

— Полноте вы, говорила горничная, поправляя свои коротко обстриженные волосы,—я вамъ не вѣрю, это все вздоръ, одни пустыя слова.

— Напрасно вы это думаете и вотъ вамъ хрестъ, топсъ, если бы я что-нибудь противъ того, значить, какъ я чувствую и давно въ мысляхъ имѣю, сохрани меня Богъ. Я человѣкъ прямой и, значить, безъ хитрости, а не то, чтобы, что-нибудь. Всегда себя соблюдаю, могу и кучерскую должность справиться и на счетъ поварской то-же могу и, значить, все это, какъ слѣдуетъ, а вы для меня дороже всего на свѣтѣ.... одно слово — королева! позвольте вашу ручку и больше ничего.

— Ахъ, какъ вы хорошо говорите; только я все боюсь.

— За чѣмъ же бояться, ничего нѣтъ страшнаго!—сказалъ кучеръ и, какъ бы въ доказательство, чмокнулъ горничную довольно громко.

— Ахъ, Господи, наша услышитъ, прошептала та въ испугѣ, указывая на дверь въ сосѣдную комнату.

Но испугъ этотъ былъ напрасенъ. Елена Петровна вскинулась раза два на кровати, какъ вскидывается только что пойманная рыба, когда ее вытаскиваютъ на берегъ, и вытянулась, побѣжденная курносою. Тупоумныя дѣвицы безсознательно кинулись къ кровати, на ней лежалъ трупъ. Такимъ образомъ Елена Петровна Бараева переселилась изъ сей юдоли плача и суеты въ міръ лучшій, гдѣ уже не надо будетъ ей трястись надъ каждой копейкой, снова въ угла въ уголъ, присматривая за хозяйствомъ, и впускать къ себѣ общее негодование своею отвратительною купостью.

По Гремидолотову скоро разнесся слухъ:

— Скопидомка умерла! скопидомка умерла!

И слухъ этотъ, надо сказать правду, ни въ комъ не возбуждалъ сожалѣнья; онъ былъ интересенъ, только какъ новость, какъ предметъ для разговора, какихъ въ Гремидолотовѣ было не много. Общее равнодушіе это происходило изъ той простой причины, что покойница Бараева, отличаясь необъятною ску-

постью, жила рѣшительно внѣ общества, никого не принимала, ни къ кому не ѣздила. По уѣзду, и даже по цѣлой губерніи, ходили самые неправдopodobные рассказы о ея скупости, и между тѣмъ всѣ они были справедливы. Вся ея дѣятельность, всѣ умственные и душевныя способности были направлены исключительно къ тому, чтобы добыть и припрятать лишній грошъ. Крестьянъ своихъ жала Бараева какъ только могла; себѣ отказывала во всемъ, немногочисленную дворню свою и двухъ несчастныхъ спроть племянницъ, Феничку и Сашу, отличавшихся крайнею степенью тупоумія, морила почти голодомъ; единственнаго сына своего Василія Васильевича, служившаго въ Петербургѣ, не хотѣла и знать за то, что онъ когда-то попросилъ у нея денегъ. Бараева съ великимъ трудомъ соглашалась, по настоянію бурмистра, отсылать деньги въ ломбардъ — жаль было разстаться съ ними; соглашалась она на это, только изъ страха быть обкраденною. Елена Петровна жила постоянно въ деревнѣ и только передъ смертью случайно попала въ городъ для продажи хлѣба, которую никакъ не хотѣла поручить бурмистру. Мужъ ея, Василій Ивановичъ, скончавшійся лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ хлѣбосоль и охотникъ покутить на славу. Изъ восьми сотъ душъ, полученныхъ имъ въ приданое за Еленою Петровою, онъ въ восемь лѣтъ успѣлъ спустить триста. Тѣмъ досадиѣе было гремболозовскимъ жителямъ, когда по кончинѣ его, двери одного изъ пріятнѣйшихъ домовъ въ губерніи вдругъ закрылись. Елена Петровна мало заботилась о томъ, что думаютъ и говорятъ о ней, и хлопотала только о томъ, какъ бы набить, по выраженію гремболозовцевъ, свою кубышку.

Но вотъ, явилась *курносая* и съ кубышкой пришлось разстаться. Все, что съ такою алчностью скопила Елена Петровна, все, надъ чѣмъ тряслась, все, чему посвятила почти половину своей жизни — все это перейдетъ въ другія руки....

— Ну, сказалъ городничій, что-то будетъ теперь съ кубышкой нашей покойной скареды?...

— Что будетъ съ Феничкой и съ Сашей? — спрашивала сердобольная почтмейстерша.

Начальникъ пивалидной команды, поспившій, извѣстное уже, нѣсколько постыдное прозвище, не зналъ что съ ними будетъ; никто, да и сами тупоумныя дѣвицы не знали этого.

Только что испустила духъ Елена Петровна, какъ въ комнату явился бурмистръ, извѣщенный любезникомъ кучеромъ, и нѣкоторыя городскія власти. Все было описано и опечатано.

Должно сказать правду: никто изъ грениболотовскихъ властей не поживился ни чѣмъ — это случилось очень естественно потому, что, послѣ Елены Петровны, кромѣ именныхъ ломбардныхъ билетовъ, ничего не осталось. Похороны были справлены на счетъ бурмистра съ тѣмъ, что онъ получить израсходованныхъ на это деньги съ наслѣдника. Феничка и Сапа на все, что свершалось передъ ихъ глазами, смотрѣли съ тѣмъ безознательнымъ вниманіемъ и любопытствомъ, съ какими смотрятъ обыкновенно маленькія дѣти.

По вскрытіи завѣщанія оказалось, что все имѣніе и всѣ деньги должны перейти въ собственность законнаго и единственнаго наслѣдника Василя Васильевича Бараева, а племянницы получали только деревянный домишко въ Грениболотовѣ, гдѣ умерла старуха, и разную дрянъ, называемую мягкою рухлядью. Когда завѣщаніе это стало извѣстно всему Грениболотову, а это сдѣлалось очень скоро, оно возбудило новые толки, предположенія и догадки.

— Какое-то новый помѣщикъ? спрашивали грениболотовцы: кто онъ? Приѣдетъ ли самъ сюда или дастъ довѣренность? Въ матушку ли онъ, или въ батюшку! женатъ или холостъ?

Почтмейстерша задавала себѣ мысленно вопросы:

— Блондинъ онъ, или брюнетъ? Военный или статскій? Большаго роста или маленькаго? Любезень или нѣтъ? Любить женщинъ, или не любить?

Даже нѣсколько грѣшныхъ мыслей пришло въ ея пламенную голову и не мало въ эту минуту потерять въ глазахъ ея начальникъ инвалидной команды. Тотъ въ свою очередь, согрѣшилъ и подумалъ:

— Не приволокнуться ли мнѣ за которою нибудь изъ спртокъ; у нихъ домишко....

Такимъ образомъ за коварство платилось коварствомъ, что доказываетъ справедливость судьбы; но оставляя въ сторонѣ этотъ глубоко-философскій вопросъ и всѣ толки грениболотовцевъ, мы перенесемся въ Петербургъ и познакомимся съ нашимъ героемъ Василиемъ Васильевичемъ Бараевымъ.

Десяти лѣтъ отъ роду Вася Бараевъ былъ отвеземъ въ Петербургъ. Впродолженіе трехъ лѣтъ, которыя были посвящены на приготовленіе Васи къ поступленію въ одно изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, тароватый Василій Ивановичъ безпрестанно присылалъ своему любимцу-сынку деньги и это обстоятельство имѣло весьма выгодное вліяніе на приемный экза-

менъ маленькаго Бараева. Вася былъ очень красивый, бойкій и развязный мальчикъ. Лицо его, да и всѣ манеры, отличались тою откровенностью, которая съ перваго же взгляда внушала къ нему довѣріе и расположеніе. Онъ ни въ комъ не завскаивалъ, и всѣ стали завскаивать *въ немъ; онъ никого не боялся, и товарищи стали побаяваться его. Вообще съ перваго же дня своего поступленія въ заведеніе, Вася сталъ въ такое положеніе, какъ будто онъ пробылъ здѣсь уже по крайней мѣрѣ года три. Въ самое короткое время онъ приобрѣлъ нѣкоторое значеніе и сдѣлался предводителемъ довольно большаго кружка своихъ товарищей. Кружокъ этотъ состоялъ преимущественно изъ школьничковъ побойчѣе, мальчишковъ со способностями, такихъ, которые, по извѣстному выраженію, не долбятъ, не зубрятъ, а скватываютъ сущность дѣла быстро и за словомъ въ карманъ не лезать. Всѣ они, какъ это бываетъ обыкновенно, не-прочъ были пошалить и покутить; Вася былъ душой и главой этого кружка. Мальчишки робкіе и вялые боялись Бараева и его товарищей. Вася давалъ имъ по произволу обидныя прозвища, въ родѣ: «размазня», «бабенка», «дрянь», «кисель» и тому подобныя, и всѣ эти прозвища словно срастались съ извѣстнымъ именемъ. Многіе во избѣжаніе этой неприятности приносили Бараеву посылную дань въ видѣ съѣстныхъ припасовъ, бумаги, карандашей, а иногда и деньгами. Принимая деньги, Бараевъ обыкновенно говорилъ:

— Ты, козпакъ, не воображай, что я беру у тебя эти деньги въ подарокъ; ничуть не бывало, я беру только въ долгъ.

Когда пріятели Бараева собирались кутнуть съ нимъ и встрѣчалось къ этому препятствіе, за недостаткомъ денегъ, Бараевъ весьма важно говорилъ:

— Займите у кого-нибудь на мое имя.

И деньги находились. Только въ крайнемъ случаѣ, т. е., когда нужно было занять довольно значительную сумму, Бараевъ рѣшался самъ приняться за дѣло, обращаясь уже къ кому-нибудь лично. И не бывало примѣровъ, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь отказалъ Бараеву. Со смерти отца всякое полученіе денегъ изъ дому прекратилось, но этого какъ будто не замѣчали и кредитъ Бараева нисколько не уменьшился. Всѣ по прежнему вѣрили ему, отъ товарищей до разнощиковъ и служителей. Изъ самаго затруднительнаго положенія Бараевъ умѣлъ ловко вывернуться. Если, напримѣръ, онъ слишкомъ уже много забиралъ у разнощика, то прибѣгалъ къ займу у кого-нибудь изъ товари-

щей; если долгъ товарищу возрасталъ до слишкомъ значительной цифры, Бараевъ обращался къ разнощику. Этимъ балансируваніемъ онъ умѣлъ постоянно держаться въ такомъ положеніи, что и волки были сыты и овцы цѣлы. Довѣріе къ Бараеву увеличивалось конечно и тѣмъ еще, что, мало-по-малу, почти всѣ узнали объ имѣніи, котораго онъ былъ единственнымъ наследникомъ. Съ каждымъ годомъ кругъ удовольствій Бараева и его друзей одноклассниковъ разширялся, а слѣдовательно требовалъ и большихъ средствъ; и они вырастали, словно изъ земли, все при помощи того же искусства Бараева внушить довѣріе и открыть кредитъ. Учился онъ не дурно, на глазахъ начальства велъ себя солидно и пользовался даже нѣкоторымъ уваженіемъ. Вообще Бараевъ умѣлъ показаться и умнѣе и лучше, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Если онъ не выучивалъ иногда урока, просто по лѣности, то ни въ какомъ случаѣ не прибѣгалъ къ извѣстнымъ школьнымъ уверткамъ и хитростямъ, а прямо и просто объявлялъ:

— Я не знаю.

И говорилъ это такимъ тономъ, что многіе изъ учителей невольно, почему-то, возражали:

— Не можетъ быть.

Не разъ случалось, что начальство не вѣрило собственному сознанію Бараева въ какой-нибудь проказѣ:

— Это не вы виноваты, говорили Бараеву, вы на себя только принимаете и прикрываете шалуновъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бараевъ, я одинъ виноватъ.

И опять въ тонѣ этого сознанія было что-то такое, что убѣждало не очень, впрочемъ, дальновидное начальство въ невинности Бараева и въ его рыцарскомъ великодушіи.

Иногда Бараевъ очень хладнокровно говорилъ кому-нибудь изъ своихъ кредиторовъ:

— Ну, братъ, ты этихъ денегъ никогда не получишь; запиши ихъ въ вѣчный расходъ.

И Бараевъ дѣйствительно не отдавалъ ихъ, но кредиторъ, неизвѣстно почему, оставался спокоенъ; онъ не вѣрилъ ни словамъ Бараева, ни дѣлу.

Такъ росъ Бараевъ, развивая съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе, свои замѣчательныя способности, которыя должны были со временемъ открыть и сдѣлать ему, такъ называемую, карьеру. Наконецъ наступилъ послѣдній экзамень; тотъ экзамень, который, вмѣстѣ съ эполетами, дастъ школьнику права

гражданина; тотъ экзамень, о которомъ мечтають дѣти и юноши и всломниаютъ старики; тотъ экзамень, за которымъ Бараевъ долженъ былъ выступить на широкій жизненный путь и показать себя, какъ говорится, во всей красѣ. До-сихъ-поръ онъ дивилъ только свой школьный муравейникъ; теперь же выступилъ на широкую сцену, на судъ многочисленной публики, передъ которою приходилось разыгрывать извѣстную роль. Молодой артистъ для дебюта показалъ свое искусство слѣдующимъ образомъ:

Надо было обмундироваться; почтенная Елена Петровна прислала своему сыну такую баснословно-крошечную сумму, что ея едва хватило на пріятельскій вечеръ. Бараевъ подумалъ нѣсколько и отправился прямо къ своему главному начальнику. Это былъ небольшой, плѣшивый и сѣдой старичокъ, суетливый, безтолковый, но довольно добродушный. Онъ встрѣтилъ Бараева привѣтливо.

— Здравствуй, здравствуй, милый мой, — онъ всѣмъ говорилъ *ты*, вѣроятно по извѣстной привычкѣ прежнихъ генераловъ. — Что скажешь, что скажешь? — тарантилъ онъ, похлопывая руками по животу.

— Я къ вамъ съ просьбою, ваше превосходительство, — началъ прямо Бараевъ.

— Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло?

— Какъ вамъ извѣстно я выпущенъ въ офицеры....

— Знаю, знаю, выпущенъ, точно выпущенъ, я, милый мой, все знаю, за всѣмъ слѣжу.... очень радъ, очень радъ, поздравляю, отъ души поздравляю.... твоя фамилія — Таракановъ?...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, — Бараевъ.

— Да, да, Бараевъ, Бараевъ, знаю; какое же дѣло, какое дѣло?

— Миѣ нужно обмундироваться....

— Да, непремѣнно, непремѣнно, прилично обмундироваться, нужно прилично.

— Я это очень хорошо понимаю; тутъ дѣло, нѣкоторымъ образомъ, касается и вашего превосходительства, потому что вдругъ, наприѣръ, спросятъ меня: вы изъ какого заведенія....

— О! о! сохрани Богъ, сохрани Богъ! Кто обмундируется неприлично, — подѣ судъ и въ солдаты, подѣ арестъ на всю жизнь....

— Я имѣю, т. е., у матушки моей пять сотъ душъ отличнаго имѣнія и я единственный наследникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ непродолжительномъ времени, я получу на обмундировку

тысячь пять; но въ настоящую минуту мнѣ, самъ не знаю почему, еще не прислали денегъ и я рѣшился обратиться къ вамъ. Мы привыкли видѣть въ васъ отца....

— Истину, истину сказалъ, вы мои дѣти, я вамъ отецъ.

— И потому — продолжалъ Бараевъ, чтобы не пропустить минуты начальнической нѣжности, — я прошу васъ одолжить мнѣ въ займы.

— Сколько тебѣ нужно, сколько нужно?

— Мнѣ пришлютъ тысячи три, четыре; такъ теперь покуда, я желалъ бы получить хоть половину....

— То есть, полторы тысячи....

— Даже двѣ, ваше превосходительство.

— Берн—сказалъ растроганный и добродушный начальникъ— берн, я вашъ отецъ, я долженъ вамъ помогать.

Такимъ образомъ Бараевъ получилъ возможность обмундироваться такъ, какъ не обмундировался никто изъ его товарищей, и отложить еще кое-что на кутежъ. О возвратѣ занятыхъ денегъ онъ и не думалъ; на вопросъ по этому предмету одного изъ самыхъ близкихъ пріятелей:

— Когда же ты отдашь ему?

Бараевъ прехладнокровно отвѣтилъ:

— Когда ракъ свистнетъ. Нашъ почтенный старецъ столько надѣлалъ глупостей на моихъ глазахъ, совокупленіемъ и этой послѣдней, что если считать хоть по гривеннику за каждую, такъ мы теперь квиты.

Къ новому начальству и новымъ товарищамъ Василій Васильевичъ Бараевъ явился съ большимъ пиномъ и многихъ совершенно озадачилъ своимъ великолѣпіемъ. Первый шагъ дѣло великое. Наружность Бараева, его спокойныя, истинно джентльменскія манеры и самоувѣренность производили почти на всѣхъ обаятельное впечатлѣніе. Онъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ аристократически-блѣднымъ лицомъ и большими, смѣлыми глазами; мундиръ ловко обрисовывалъ его красивую фигуру; держалъ онъ себя спокойно, нѣсколько величаво; говорилъ тихо, но внятно. На балѣ и на пріятельской попойкѣ, передъ начальствомъ и съ товарищами, вездѣ и всегда, Бараевъ былъ одинаковъ. Въ дружбу ни къ кому не навязывался, и скорѣй уклонялся отъ всякихъ слишкомъ интимныхъ отношеній къ кому бы то ни было; но отъ общества не бѣгалъ. Бараевъ никогда не отказывался покутить съ пріятелями и сыграть въ карты по большой; скромныя коммерческія игры онъ называлъ пустою тратою времени.

Въ попойкахъ онъ оказался до того крѣпокъ, что рѣшительно не было ни какой возможности спить его. Кто-то изъ новыхъ товарищей, славившійся умѣньемъ выпить, взялся было *уложить* Бараева.

— Я, хвастаясь этотъ бутылочный герой: — перепью десятокъ такихъ молокососовъ.

И разгорячившись, онъ предложилъ Бараеву держать парп.

— Извольте, отвѣтилъ Бараевъ, — держу на вашу пару карачковыхъ, она мнѣ очень нравится, я отвѣчаю деньгами.

Устроилось состязаніе при свидѣтеляхъ и Бараевъ вышелъ побѣдителемъ; пара карачковыхъ перешла въ его руки. Соперникъ его повалился въ совершенномъ безчувствіи на диванъ, а онъ въ полномъ самосознаніи говорилъ свидѣтелямъ:

— Не угодно ли, господа, кому-нибудь изъ васъ, повторить пари, сейчасъ же, не откладывая?...

Охотника не нашлось.

Въ карты Бараеву везло необыкновенное счастье и онъ постоянно былъ въ выигрышѣ. Если прибавить, что служебныя обязанности стлкаливали его съ различными подрядчиками и такимъ образомъ приносили довольно изрядный доходецъ, то насколько не удивительно покажется, что въ самое короткое время Бараевъ сталъ въ довольно блистательное положеніе. У него была отличная квартира, превосходная мебель, славныя лошади и отличный экипажъ, весьма порядочный поваръ и деньги. Чего бы кажется больше? Но Бараевъ далеко не удовлетворялся всѣми сказанными удобствами жизни; всего этого было для него мало.

— Что это за мѣщанство! разсудилъ Бараевъ. — Вѣдь я не нищій, нѣтъ у меня денегъ въ настоящую минуту, будутъ потомъ, а до-тѣхъ-поръ можно обернуться.

Подъ словомъ *обернуться* подразумѣвалось воспользоваться кредитомъ. Рѣшивъ такимъ образомъ, Бараевъ спокойно удвоилъ свои расходы, пользуясь кредитомъ. Долги не большіе, если ихъ набиралось очень много, онъ уплачивалъ безотлагательно, призапавъ у кого-нибудь вдругъ большую сумму. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ никогда не обращался къ ростовщикамъ.

— Съ этими свиньями не стоить связываться, говаривалъ обыкновенно Бараевъ: — пойдутъ узнавать да справляться, прокричатъ по цѣлому городу и сдерутъ такіе проценты, что небо съ овчнику покажется.

Преимущественно Бараевъ *охотился*, по его собственному выраженію, за купеческими сынками или, если судьба благоприят-

ствовала, за чувствительными и богатыми вдовушками. Стоило только Бараеву замѣтить какого-нибудь богатаго купеческаго сынка, который, получивъ во владѣніе деньги нажитыя отцомъ и дѣдомъ, пускается въ свѣтъ и старается такъ или иначе влѣзть въ дворянство, — охота начиналась. Бараевъ прежде всего старался озадачить простака своимъ олимпійскимъ величіемъ; потомъ снисходительно заговаривалъ съ нимъ; потомъ при встрѣчѣ очень мило улыбался новому знакомцу и подшучивалъ надъ нимъ.

— А! кутила, кутила! что вы въ гусары нейдете? Да что вамъ въ гусары; вы и такъ не хуже какого-нибудь гусара...

Новичекъ и краснѣлъ и таялъ, и послѣ нѣсколькихъ такихъ встрѣчъ, осмѣливался предложить Бараеву распить бутылочку шампанскаго.

— Позвольте имѣть честь, для перваго знакомства, говорилъ, наприимѣръ, простакъ, встрѣчаясь съ Бараевымъ въ театрѣ: — распить вмѣстѣ бутылочку шампанскаго.

— Шампанскаго? ахъ, батюшка, право не хочется; впрочемъ, чтобы вы не подумали, что я отказываюсь отъ знакомства съ вами, такъ мы вотъ какъ распорядимся: послѣ спектакля отправимтесь вмѣстѣ поужинать, тамъ разопьемъ и бутылочку...

За ужиномъ Бараевъ рассказывалъ безчисленное множество скандальныхъ анекдотовъ, случившихся будто на дняхъ въ самомъ аристократическомъ обществѣ; князя, графини, графы и княгини, по волѣ рассказчика, выдѣлывали такія замѣчательныя штуки, что у новичка духъ захватывало; и во всѣхъ этихъ удивительныхъ похожденияхъ, какъ догадывался неопытный слушатель, Бараевъ непремѣнно принималъ участіе. Тутъ же мимоходомъ давалось чувствовать, что графиня такая-то доводится теткой Василю Васильевичу, а князь такой-то двоюроднымъ братомъ; что если графъ такой-то умретъ, то все его огромное имѣніе достанется Бараеву, но что Бараевъ и не думаетъ объ этомъ, потому что, слава Богу, у него и своего довольно.

— А вы мнѣ нравитесь, прерывалъ вдругъ самого себя Бараевъ, пожмая дружески руку новаго знакомца: — ей Богу, очень нравитесь; вы должно быть отличный товарищъ; вѣсь надо познакомиться съ моими друзьями; пріѣзжайте ко мнѣ; вотъ мой адресъ или даже вотъ что: просто отправимтесь сейчасъ ко мнѣ; спать мнѣ не хочется, вѣроятно и вы, какъ порядочный человѣкъ, рано не ложитесь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я всегда поздно; иногда даже совсѣмъ не

ложусь, говоритъ новичекъ, съ намѣреніемъ, вѣроятно, блеснуть своею великосвѣтскостью.

— Ну, такъ и отправляемся.

Дѣлается это для того, чтобы показать новому знакомцу великолѣпіе квартиры и такимъ образомъ, озадачивъ его съ всѣхъ сторонъ, съ перваго же раза внушить къ себѣ и уваженіе и неограниченное довѣріе. Такой расчетъ почти всегда удавался Бараеву; новый знакомецъ, пораженный блистательною обстановкою, то есть, превосходною мебелью, коврами, множествомъ прелестныхъ и цѣнныхъ игрушекъ, щегольски одѣтою прислугою и наконецъ, великолѣпнѣйшимъ освѣщеніемъ, съ разу чувствовалъ невольное почтеніе къ хозяину такой квартиры.

— Вотъ, думалъ онъ въ простотѣ ума и сердца: — вотъ настоящій-то баринъ и, вдругъ, я съ нимъ пріятель. Вотъ и знай нашпхъ.

Бараевъ приказывалъ подать бургонскаго, это было превосходнѣйшее вино и подавалось на серебряномъ подносѣ, такимъ франтомъ-лакеемъ, что новичку становилось просто не ловко. Бараевъ, какъ хозяинъ, удваивалъ свою любезность, и медовыя рѣчи его лились чѣмъ-то не сказано пріятнымъ прямо въ душу новаго знаконца. Наивная муха чувствовала наслажденіе запутываться въ сотканную ей паутину, а опытный паукъ заранѣе восхищался своею добычею.

— Этихъ дураковъ, рассуждалъ обыкновенно въ подобныя минуты Бараевъ: — надо учить: не гѣзь лавочникъ въ порядочные люди, а коли полѣзь — заплати.

Новый знакомецъ уѣзжалъ отъ Бараева, совершенно имъ очарованный и счастливый, что судьба послала ему такое лестное знакомство. Воображеніе рисовало ему самыя плѣнительныя картины предстоящаго сближенія съ аристократическою молодежью. Онъ заранѣе упивался наслажденіемъ раскланяться, на нежскомъ проспектѣ или въ другомъ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ, съ однимъ изъ тѣхъ молодыхъ тузовъ, на которыхъ глядѣлъ онъ уже давно съ благоговѣніемъ и завистью. Какъ на ладони рисовались передъ нимъ обѣдъ или ужинъ въ модномъ ресторанѣ въ блистательномъ обществѣ; потомъ знакомство съ великолѣпными камеліями; потомъ, можетъ быть, и знакомство съ балетомъ. Боги! какое высокое наслажденіе! какое неописанное блаженство!... Сердце злополучнаго билось усиленно и не видѣлъ онъ, за радужными мечтами и цвѣтами краснорѣчія, ту глубокую яму, которую копать ему Василій Васильевичъ Бараевъ.

Приглядѣвшись опытнымъ глазомъ къ новой жертвѣ своихъ денежныхъ потребностей, Бараевъ съ двухъ-трехъ встрѣчъ опредѣлялъ, какъ должно повести дѣло, то есть, пустить ли въ ходъ систему медленной, такъ называемой продолжительной осады, или покончить все однимъ, рѣшительнымъ и быстрымъ ударомъ. Чаше всего онъ прибѣгалъ къ послѣднему средству, болѣе легкому. При встрѣчѣ съ новымъ знакомцемъ, обреченнымъ на потерю извѣстнаго капитала, Бараевъ отводилъ его въ сторонку и говорилъ:

— Послушайте, хоть мы съ вами знакомы и недавно, но я уже привыкъ видѣть въ васъ друга и добраго товарища, я такъ и всѣмъ говорю. Со мной случилась маленькая неприятность: я проигралъ вчера князю такому-то нѣсколько тысячъ, надо сегодня заплатить, а изъ имѣнія мнѣ еще не выслали; не можете ли вы мнѣ одолжить на короткое время небольшую сумму.

— Сколько вамъ угодно? спрашивалъ неопытный молодой человекъ, въ приятной надеждѣ, съ помощью этого одолженія, еще болѣе сблизиться съ такимъ туземъ, какъ Бараевъ.

— Да мнѣ немного, — говорилъ Бараевъ, тысячь десять или пятнадцать; впрочемъ, вы не стѣсняйтесь, если у васъ столько не наберется, я вѣдь могу обратиться къ кому-нибудь другому.

— Помилуйте, помилуйте, какъ не наберется; черезъ часъ деньги будутъ у васъ.

И Бараевъ нерѣдко получалъ деньги безъ заемнаго письма, даже безъ расписки. Проходило весьма не короткое время; но это нисколько не стѣсняло Бараева; онъ умѣлъ такъ обойтись съ своимъ кредиторомъ, такъ часто самъ напоминалъ о своемъ долгѣ, оправдываясь всегда въ несправности такимъ уважительнымъ обстоятельствомъ, что кредиторъ только просилъ, ради Бога, не беспокоиться. Нерѣдко къ занятымъ уже пятнадцати тысячамъ присоединялось еще тысячь десять, для округленія суммы, которую обѣщалъ Бараевъ выплатить въ самое короткое время; но опять это самое короткое время длилось, по весьма уважительнымъ причинамъ, до безконечности.

Если кто-нибудь изъ кредиторовъ уже черезъ-чуръ настоятельно требовалъ уплаты, Бараевъ сердился и наказывалъ его. Это дѣлалось такимъ образомъ. Бараевъ ловилъ новую жертву, дѣлалъ новый заемъ и съ деньгами являлся къ безпокойному кредитору.

— Вы изволили, говорилъ ему Бараевъ сухо и величаво,

требовать ваши деньги и приставать ко мнѣ такъ, какъ это недѣлается между порядочными людьми. Я очень радъ, что могу развязаться съ вами, вотъ ваши деньги, не надо ли вамъ проценты.

— Помилуйте, шепталъ сконфуженный и озадаченный кредиторъ: — извините меня, я имѣлъ нужду въ деньгахъ; но теперь уже обернулся; сдѣлайте мнѣ милость, оставьте у себя эту сумму.

— Нѣтъ, благодарю васъ, возражалъ Бараевъ, презрительно улыбаясь. — Я съ такими господами, какъ вы, не люблю связываться; я не желаю, чтобы изъ-за какихъ-нибудь пятнадцати тысячъ не давали нигдѣ ни проходу, ни покою.

— Да сдѣлайте мнѣ милость, — молилъ кредиторъ, — не обижайте меня; я право былъ такъ счастливъ, вы называли меня другомъ....

— Да, и къ сожалѣнію ошибся, такъ не поступаютъ друзья, какъ поступили вы со мной. Признаюсь, хоть мнѣ и совѣстно передъ моими товарищами; но, дѣлать нечего, я, вмѣстѣ съ ними, долженъ теперь смѣяться надъ собственнымъ легковѣріемъ.

Бѣдный кредиторъ, въ ужасѣ, что онъ будетъ осмѣянъ тѣмъ блистательнымъ обществомъ, съ которымъ онъ надѣялся сблизиться, закинаетъ Бараева удержать у себя деньги на какое угодно время. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ упрашиваній Бараевъ смягчается и оставляетъ деньги у себя. Покончивъ дѣло здѣсь такимъ образомъ, онъ отправляется къ тому, у котораго тодько что занялъ.

— Я занялъ у васъ, говоритъ Бараевъ, деньги на короткое время; но дѣло въ томъ, что встрѣтилось вотъ какое обстоятельство: управляющій пишетъ мнѣ, что по сосѣдству продается очень хорошее имѣніе за баснословно-дешевую цѣну и что поэтому онъ приостановился выслкою мнѣ денегъ, ожидая моего рѣшенія....

— Что же вы думаете дѣлать?

— Это зависитъ совершенно отъ васъ; если вамъ не нужны деньги, я, пожалуй оставлю ихъ у себя и куплю имѣніе, а тамъ при первой возможности, мы съ вами сочтемся.

— Извольте, извольте.

И такимъ образомъ Бараевъ спокоенъ на весьма продолжительное время, а въ случаѣ крайней надобности можетъ даже

опять обратиться къ тому же неразумному кредитору, который имѣлъ неосторожность напоминать объ уплатѣ долга.

Служба Бараева шла довольно удачно; при покровительствѣ какой-то прелестной вдовушки онъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ весьма значительному лицу. Новое положеніе и новый мундиръ придали новый блескъ Бараеву и открыли ему двери во многіе, лучшіе дома петербургской знати. Безчисленное множество матушекъ обратило вниманіе на жениха выгоднаго, по ихъ мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ. Очаровательныя улыбки, томные, обѣщающіе любовь до гроба, и страстные, приводящіе въ сладкій трепеть, взоры, круглыя плечи, бѣлоснѣжныя шейки и десятки другихъ женскихъ орудій было направлено на погубель Бараева. Но онъ не поддавался искушенію....

— Рано еще, — думалъ онъ, — поспѣю надѣть супружескіе кандалы, когда надѣется свобода. Да ужъ если и надѣвать кандалы, такъ надѣвать кандалы золотые, такіе, чтобы коли звякнулъ ими, такъ кредиторы исчезли бы, яко дымъ.... Покуда торопиться не пзъ чего; поживемъ.п такъ.... Вотъ на счетъ сердечныхъ отношеній — это можно.

Впрочемъ и въ сердечныхъ отношеніяхъ Бараевъ велъ себя благоразумно и осторожно. Мысль связать себя, какъ онъ говорилъ, и по рукамъ и по ногамъ пугала его. Полюбить кого-нибудь искренно онъ, самъ сознавался, не могъ; сдѣтъ, упрековъ слезъ, ревности и другихъ чувствительныхъ изліяній онъ боялся пуще огня.

— Всѣ эти сентиментальности приличны молокососамъ да старымъ дуракамъ, а порядочному человѣку нейдуть.

Холодность и даже нѣкоторая неприступность Бараева, при всей великолѣпной его обстановкѣ, раздражали, между нами будь сказано, не одну красавицу и потому, какъ ни избѣгалъ онъ романтическихъ приключеній, дѣло безъ нихъ не обошлось. Записочки, свиданія, маскарадныя интриги, портреты и другія посядствія увлеченій прекраснаго пола были не въ диковину моему герою. Онъ забавлялся ими, какъ игрушками, въ свободное время; но всѣ его романы были непродолжительны, одно и то-же лицо скоро надоѣдало ему, и онъ бросалъ его, какъ бросалъ старыя перчатки. Мало-по-малу, Бараевъ начиналъ даже удаляться общества порядочныхъ женщинъ; карточная игра и неприпужденный кутежъ въ обществѣ камелій привлекали его гораздо болѣе; тамъ онъ бывалъ, что называется въ своей тарелкѣ.

— Изъ чего, — говаривалъ онъ обыкновенно, — стану я связывать себя и скучать, подчиняясь какимъ-то глупымъ законамъ, которые называются свѣтскими прищичіями? Говоритъ чертъ знаетъ что да еще оглядывайся, чтобъ не сказать чего нибудь лишняго. Поговорилъ лишнюю минуту съ дѣвушкой, тебя наряжаютъ въ женихи; приволокнулся за дамой, мужъ хмурится и ёжится; приударилъ за вдовушкой — помилуйте, что скажетъ свѣтъ, какъ можно?... Чертъ знаетъ, какая тоска! То ли дѣло здѣсь. Захотѣлъ поцѣловать Жозефину, — цѣлуй, сколько хочешь, она только улыбается, да попроситъ привести ей жожу или браслетъ; браслетъ разумѣется лучше.... Захотѣлъ приволокнуться за другой — скатертью дорога, ужъ не скажетъ: — Помилуйте, что скажетъ свѣтъ, какъ можно?... Были бы деньги, все можно!...

Бараевъ твердо держался своей теоріи и показывался въ свѣтъ только въ случаѣ крайней необходимости. Онъ являлся въ порядочное общество, какъ на службу и затѣмъ спѣшилъ отдохнуть среди картъ, стакановъ и тѣхъ красавицъ, которыя разоряютъ и стариковъ и молодежь, не наживая, по большей части, ничего сама. Дни мелькали за днями, все улыбалось Бараеву, долги росли и множились, но нисколько не мѣняли его обычной, широкой, развеселой жизни. Если, на горе, кредиторы, испытывшіе уже, какъ трудно получить деньги съ Василія Васильевича, прижимались и отказывали ему; то, съ другой стороны, въ Петербургѣ безпрестанно появлялись новыя лица, съ которыми Бараевъ распорядился по извѣстному рецепту и беззаботно продолжалъ жить, какъ началъ. Старые кредиторы рѣдко рѣшались беспокоить Василія Васильевича. Одинъ изъ нихъ, купецъ Тулубьевъ даже смѣялся надъ тѣми изъ своихъ товарищей, кто отваживался идти къ Бараеву за полученіемъ долга.

— Эки чудаки, право чудаки, говаривалъ онъ не разъ, идуть къ Василію Васильевичу за долгомъ; вотъ олухи царя небеснаго, истинно олухи....

— А что? — спрашивали его.

— Да то, государи вы мои, что зови меня самъ Василій Васильевичъ, приди молю ко мнѣ, Тулубьевъ, я тебѣ деньги хочу заплатить, — такъ я, разрази вотъ Богъ мою грѣшную душу, не пойду, а они сами лѣзутъ....

— Да отчего же нейти къ нему за долгомъ?

— А вотъ отчего; намеренъ встрѣлся я съ Прокофьевымъ. Куда-молю бредешь? Иду, говоритъ, должокъ получить съ Ба-

раева. — Я инда прыснулъ. Что ты, говорить, смѣешься? Ничего, говорю, ступай съ Богомъ! Онъ, государи мои, и пошелъ; что жъ бы вы думали, чѣмъ кончилось? Былъ ему Василій Васильевичъ долженъ всего-то тысячь пять, а какъ пришелъ къ нему Прокофьевъ, такъ стало изъ пяти-то тысячь — десять....

— Какъ такъ?

— А такъ, просто, что какъ сталъ говорить Василій Васильевичъ: тары-да-бары, золотые шаравары, Прокофьевъ и уши развѣсилъ, да пять тышеченокъ еще и выдалъ.... Вотъ онъ каковъ Василій-то Васильевичъ!... Онъ мнѣ десять долженъ, да Богъ съ ними, не пойду за ними.... въ душу влѣзетъ и еще столько вытащить.... Это діаволь, а не человѣкъ.

Съ такою извѣстностью Василій Васильевичъ могъ жить совершенно покойно; но, вдругъ, встрѣтилось обстоятельство, которое потребовало экстраординарнаго кредита и Бараевъ завертѣлся, словно птица, попавшаяся въ сѣть.

Въ Петербургѣ въ одно и то-же время явились двѣ искаательницы приключеній и денегъ, двѣ чистыя парижанки, Лора и Клемансъ. Вся молодежь пришла въ волненіе; всѣ знаменитыя камеліи съ ума сходили отъ зависти и негодованія. Лора была женщина лѣтъ восемнадцати, небольшого роста, граціозная, живая, чудно сложенная и до того увлекательная, что видѣть ее и не влюбиться было рѣшительно дѣломъ невозможнымъ. Она не могла назваться красавицей въ строгомъ смыслѣ этого слова; но всѣ мелкія черты ея небольшого личика дышали такою прелестью; въ быстрыхъ глазахъ ея, немного косившихъ, было столько жизни и ума, что она смѣло могла выдержать соперничество самой писаной красавицы. Клемансъ была сплывная брюнетка, высокаго роста, съ роскошнымъ бюстомъ, большими черными глазами и необыкновенно длинными рѣсницами. Въ наружности ея было много еврейскаго; она представляла типъ чисто библейской красоты. Всѣ ея движенія были покойны и величавы. Таковы были двѣ представительницы извѣстной парижской промышленности, явившіяся въ Петербургъ въ одно время и съ одною и тою же цѣлью.

Въ весьма непродолжительное время почти вся денежная молодежь познакомилась съ пріѣзжими красавицами и раздѣлилась на двѣ партіи. И Лора и Клемансъ были осыпаны болѣе или менѣе выгодными предложеніями.

Клемансъ скоро сдѣлала выборъ. Молодой купеческій сынъ, миллионеръ, былъ предпочтенъ ею всѣмъ бѣлымъ и крас-

нымъ мундирамъ, всёмъ титуламъ. Гордый своею побѣдою, избранный счастливецъ сталъ показывать себя съ тою безумною тароватостью, на которую способны только русскіе купеческіе сынки, да развѣ еще англичане. Клемансъ осталась довольна своимъ выборомъ; ей нужны были деньги, брилліанты и роскошь — она ихъ нашла.

Лора глядѣла на вещи иначе; у нея было побольше сердца; кромѣ денегъ хотѣлось ей хоть немного и любить человѣка, которому продаетъ она себя; вотъ почему она медлила выборомъ. Изъ многочисленной толпы ея поклонниковъ, она отличила двухъ и колебалась. Одинъ былъ графъ Дадуровъ, молодой корнетъ, лѣтъ двадцати, хорошенькій и богатый мальчикъ; другой — Василій Васильевичъ Бараевъ.

Еслибъ дѣло шло объ одной наружности и умѣннй повести дѣло, Бараевъ; конечно, не побоялся бы соперничества графа Дадурова; но тутъ примѣшивался и финансовый вопросъ. Бараевъ признавалъ гдѣ-то тысячь десять, но это была капля въ морѣ расходовъ, какіе понадобились, чтобы потягаться съ Дадуровымъ. Говоря безъ лишннхъ церемоній, прелестная Лора продавалась съ аукціона, кто больше дастъ, за тѣмъ и побѣда. Если Дадуровъ привозилъ браслетъ въ тысячу рублей, Бараевъ долженъ былъ привести въ двѣ тысячи. Лора находила это и забавнымъ и выгоднымъ. Когда кто-нибудь изъ этихъ двухъ привилегированныхъ поклонниковъ требовалъ рѣшительнаго отвѣта, Лора дѣлала самую невпннную гримаску и говорила:

— Я, право, не могу еще рѣшиться; я не корыстолюбива, я ищю не денегъ, а человѣка, дайте мнѣ подумать, дайте мнѣ посмотреть.

— Но вѣдь прошло уже столько времени, возражалъ поклонникъ.

— Сколько? спрашивала Лора: — не столько ли, по вашему мнѣнію, что это можетъ надобѣсть; въ такомъ случаѣ вы свободны, я никого не удерживаю. Я еще не такъ стара, — прибавляла она съ гордостью и вѣроятно съ желаніемъ кольнуть свою пристроившуюся уже соперницу: — чтобы кидаться на шею первому мужчинѣ, который осчастливитъ меня своимъ предложеніемъ. Вы мнѣ нравитесь, но я еще очень мало знаю васъ; подождите.... или.... дѣлайте какъ вамъ угодно.

Между тѣмъ каждый изъ поклонниковъ съ каждымъ днемъ находилъ въ Лорѣ новыя прелести; она умѣла держать себя такъ, что, казалось, нпкуда вполнѣ не оцѣнившъ всего, что

дала природа этой чудной женщины. Мало-по-малу поклонникамъ показывалась ножка соблазнительной формы, удивительныя плечи, очаровательный голосъ и т. д. Не только молодой, неопытный, и стало быть, легко увлекающійся графъ Дадуровъ, но и Василій Васильевичъ Бараевъ, которому стукнуло тридцать три года и который, извѣдавъ уже достаточно *искушений міра сего*, былъ рѣшительно очарованъ Лорой. Еще первый разъ въ жизни испытывалъ онъ теперь волненіе и безпокойство, казалось, даже, что это тревожное состояніе вредило его обычной способности вывертываться изъ затруднительнаго положенія. Бараевъ, повидимому, утрачивалъ, мало-по-малу, свое искусство занимать деньги, да словно и счастье начинало измѣнять ему; въ карты не везло рѣшительно; многіе изъ прежнихъ кредиторовъ смѣлѣе и настоятельнѣе стали требовать уплаты; новыхъ простачковъ нигдѣ не попадалось. Звѣзда моего героя закатывалась и онъ падалъ духомъ. Займы его уже ограничивались ничтожными суммами, въ ходъ пошли заемныя письма и баснословныя проценты.

— Вотъ до чего я дошелъ! вскрикивалъ нерѣдко Бараевъ, въ полномъ отчаяніи. — Занимаю у ростовщиковъ, занимаю по сотнямъ, подъ заемныя письма; кредиторы грозятъ пожаловаться!... А тутъ эта прелестная дѣвчонка и этотъ проклятый Дадуровъ!...

Между тѣмъ многіе знали о борѣбѣ этого проклятаго Дадурова и Василя Васильевича Бараева и ждали съ нетерпѣніемъ ея окончанія; слѣдовательно, отступить значило покрыть себя позоромъ.

— Какой-нибудь мальчишка Дадуровъ, рассуждалъ Бараевъ: — станетъ хвастаться, что оставилъ меня съ носомъ; да мнѣ тогда глазъ нельзя будетъ никуда показать.

Пріятели то и дѣло приставали къ Бараеву съ распросами:

— Ну, что, какъ идетъ ваша переторжка? Скоро ли одному подадутъ карету? Кто останется побѣдителемъ? Кто съ позоромъ покинетъ поле битвы?

Бараевъ улыбался многозначительно и говорилъ:

— Не знаю, посмотримъ.

Но на душѣ у него въ такія минуты кошки скребли. Мысль, что Дадуровъ можетъ восторжествовать, приводила его въ ужасъ; а Дадуровъ сорилъ деньгами, словно понималъ, что это единственное оружіе, которымъ онъ можетъ побѣдить своего соперника. Бараевъ рѣшительно терялъ голову....

Въ такомъ некрасивомъ положеніи находились дѣла Васи́лія Васи́льевича, когда, вдругъ, словно небесная манна, свалилось ему на голову извѣстіе о наслѣдствѣ. Вопросъ о томъ, на сколько должна была огорчить Бараева смерть матери, оставляется въ сторонѣ; рѣчь идетъ только о восторгѣ, наполнившемъ душу моего героя. Какое перо, какъ говорилось во время оно, какая кисть могутъ изобразить чувства Бараева. Онъ, униженный до ростовщиковъ, онъ, которому грозили поражение и позоръ, онъ, котораго словно червяка, могъ убить золотой дождь графа Дадурова, теперь владѣтель незаложенныхъ пятисотъ душъ и трехсотъ тысячъ рублей серебромъ. Теперь онъ можетъ явиться, подобно Юпитеру, во всеоружіи, передъ которыми, конечно, не устоитъ графъ Дадуровъ, не устоитъ и очаровательная Лора. Давно не былъ такъ доволенъ и счастливъ Бараевъ, какъ теперь, перечитывая это формальное извѣщеніе о неожиданномъ наслѣдствѣ. Съ такимъ документомъ не трудно достать денегъ и Бараевъ, разумѣется, не задумался воспользоваться этимъ; онъ отправился къ Тулубьеву, къ тому самому, который, подсмѣиваясь надъ Прокофьевымъ, хвастался собственнымъ благоразуміемъ.

— Тулубьевъ, мнѣ нужны деньги, сказалъ рѣшительно Васи́лій Васи́льевичъ, своему старому кредитору.

— Охъ, Васи́лій Васи́льевичъ, отвѣчалъ тотъ: — кому государь ты мой, онѣ не нужны, да гдѣ ихъ возьмешь; всѣ окаймленныя словно провалились сквозь землю; вотъ и мнѣ бы надо, да нѣтъ; хотѣлъ къ тебѣ ѣхать, государь ты мой, у тебя просить....

— Ну, полно, жидовствовать.... На-ка, взгляни на бумажку, авось другое заговоришь....

Тулубьевъ вытащилъ изъ кармана очки, напялилъ ихъ на носъ и, пробѣжавъ поданную ему бумагу, улыбнулся.

— Что? спросилъ Бараевъ.

— Ничего, государь ты мой, хорошо, проздравляю твою милость и бью челомъ; не забудь и насъ грѣшныхъ.

— А денегъ достанешь?

— Да трудновато.... денегъ-то нѣтъ....

— Ну, полно, полно ломаться-то, развязывай свою мощну, коли хочешь прежнія вернуть....

— А много ли же требуется, государь мой?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Такъ, такъ; а сколько, на примѣръ?

— Тысячъ пятьдесятъ....

— У, у, у! протянулъ Тулубьевъ — эку махину заломилъ!...

— Ну, чтобъ не толковать долго, двадцать пять....

— Подъ заемное?

— Разумѣется.

— Съ припискою старыхъ?

— Ну, чертъ съ тобою, пожалуй.

— Завтра попытаюсь у одного человѣчка, своихъ нѣтъ, ни гроша нѣтъ.

— Полно прикидываться-то; или сейчасъ 'деньги, или поѣду къ другому, а ты съ своими прежними протиснись.... Тулубьевъ поломался еще нѣсколько, и, наконецъ, вынувъ деньги, отправился вмѣстѣ съ Бараевымъ къ маклеру.

Черезъ четверть часа Василій Васильевичъ уже летѣлъ по морской съ туго набитыми карманами.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что туго набитые карманы имѣютъ огромное влiянiе на нравственныя силы человѣка, а потому, не мудрено, измѣняютъ нѣсколько и его наружность. Тотъ же человѣкъ съ деньгами въ карманѣ уже не тотъ, онъ красивѣе, величественнѣе и развязнѣе. Бараевъ чувствовалъ, что къ нему не только возвратились всѣ его прежнiя силы и способности, но что и новыхъ народилось вдругъ большое количество; онъ чувствовалъ, что силы эти должны дѣйствовать и на другихъ и въ такомъ-то прiятномъ сознании позвонилъ у квартиры Лоры. Она была одна и встрѣтила Бараева, какъ обыкновенно, довольно равнодушно; но Бараевъ словно и не замѣтилъ этого и рѣшился приступить къ дѣлу прямо и смѣло.

— Лора, сказалъ Бараевъ, — не велите принимать никого, мнѣ нужно поговорить съ вами не долго, но серьезно.

Лора позвонила.

— Кто бы ни прiѣхалъ, меня нѣтъ дома, — приказала она горничной, — ну, Mr. Вагаѣефъ, обратилась она къ Василю Васильевичу, усаживаясь въ огромное кресло: я васъ слушаю терпѣливо.... четверть часа.

— Черезъ чуръ много. И кончу въ пять минутъ, и если вамъ будетъ угодно отвѣчать мнѣ прямо и откровенно.

— Посмотримъ....

— Вы мнѣ нравитесь.

— Знаю.

— У меня тысячъ пятьдесятъ годового дохода, то есть, пояснилъ Бараевъ, — двѣсти тысячъ франковъ.

— Не дурно.

— Угодно вамъ переѣхать ко мнѣ, вы будете полной хозяйкой?

— Какъ вы скоры и рѣшительны.

— Я, кажется, доказала, что умѣю быть и терпѣливымъ.

— А умѣете ли быть постояннымъ?

— Я не мальчишка.

— То есть, не графъ Дадуровъ.

— Вы очень догадливы.

— А если мнѣ нужно будетъ ѣхать изъ Россіи?...

— Сто тысячъ франковъ будутъ лежать въ ломбардѣ на ваше имя.

Прошла минута молчанія.

— Итакъ? спросилъ Бараевъ.

Лора позвонила.

— Мари, сказала она вошедшей горничной — уложите вещи, мы переѣжаемъ на новую квартиру.

— Слава Богу! шепнула Мари.

Лора протянула обѣ ручки Бараеву.

— Я тебя очень люблю, сказала она, страстно преклоняя на грудь Бараева свою хорошенькую головку.

— А Дадуровъ?

— Я хотѣла только помучить тебя.

Черезъ нѣсколько дней графъ Дадуровъ, за пріятельскимъ ужиномъ, увѣрялъ, что ему надоѣло возиться съ Лорой.

— Чертъ съ ней, говорилъ онъ — я терпѣть не могу, когда женщина ломается.

— И оставляетъ тебя съ носомъ, добавилъ одинъ изъ пріятелей.

— Ну, это ужъ мое дѣло, замѣтилъ Дадуровъ, стараясь придать своимъ словамъ нѣсколько двусмысленное значеніе; но, должно сказать правду, онъ не имѣлъ на это никакого права.

Лора перебралась къ Бараеву. Тотчасъ же на все въ квартирѣ легла печать присутствія женщины; въ ней стало какъ-то уютнѣе и веселѣе. Бараевъ считалъ себя совершенно счастливымъ. Онъ былъ теперь въ томъ пріятнѣйшемъ расположеніи духа, какое испытываетъ бѣдный путникъ, долго и много претерпѣвавшій различныя злосключенія и, наконецъ, добравшійся кое-какъ домой, подъ мирный, теплый и радушный кровъ, въ среду близкихъ сердцу.

Теперь, казалось бы, слѣдовало Василю Васильевичу успо-

когнъся и отдохнуть въ тихой пристани отъ всѣхъ житейскихъ тревоженій; но не таковъ былъ нашъ молодець. Точно старому моряку на твердой землѣ, ждетъ онъ не дожидется попутнаго вѣтра; то ли дѣло поставить всѣ паруса и пуститься въ открытое море? Вѣтеръ попутный дулъ Бараеву въ видѣ наслѣдства и, поставивъ всѣ паруса, онъ пустился въ открытое море. Полетѣли на всѣ стороны денежки, надъ которыми тряслась покойница Елена Петровна. Самая прихотливая, самая безумная роскошь окружила Лору; обѣды и ужины Бараева стали извѣстны на полъ-Петербурга; экипажи и рысаки его служили предметомъ зависти и толковъ между охотниками. Бараевъ вышелъ въ отставку и предался совершенно праздно и разгульной жизни. Лора сначала дичилась нѣсколько веселаго омота, въ который тащилъ ее Бараевъ, но, мало-по-малу, вошла во вкусъ, по выраженію Василія Васильевича, и, очертя голову, пустилась, что называется, во всѣ тяжкія.

— Что мы дѣлаемъ сегодня? спрашивалъ Бараевъ за утреннимъ чаемъ.

— Не знаю, отвѣчала Лора, — надо выдумать.

— Ну, давай выдумывать.

— Давай выдумывать.

— Во-первыхъ, поѣдемъ кататься, то есть, поѣдемъ по магазинамъ.

— За чѣмъ?

— Такъ, купить себѣ что-нибудь....

— Ну, потомъ?

— Потомъ?... потомъ домой, позавтракаемъ, кое-кто будетъ у насъ.... потомъ.... потомъ пообѣдаемъ.... ну, потомъ въ багетъ.... послѣ поужинаемъ....

Магазины, катанье, обѣды, ужины, шампанское, маскарады, пикники — вотъ изъ чего состояла вся жизнь Бараева и Лоры. Дни за днями, веселья безсонныя ночи, одна за другой, шли быстро, унося деньги и здоровье. Пріятелей, то есть, охотниковъ пожить и повеселиться на чужой счетъ, было не мало у Бараева; столько же было поклонниковъ и пріятельницъ у Лоры. Время шло такъ незамѣтно и весело, что некогда было и подумать о дѣлѣ, то есть о томъ, что когда же нибудь надо остановиться. Когда исчезъ наслѣдственный капиталъ, Бараевъ заложилъ имѣнье, потомъ перезаложилъ его и, наконецъ, продалъ. Все это случилось такъ быстро, что Бараевъ не успѣлъ опомниться и не вѣрнулъ собственнымъ глазамъ. Въ три года было

прожито рѣшительно все наслѣдство; Бараевъ сталъ снова пользоваться своимъ искусствомъ занимать деньги и не отдавать; но и это средство оказалось не долговѣчнымъ. Пришлось объясниться съ Лорой.

— Стало быть, сказала она Бараеву, выслушавъ его обстоятельное и подробное объясненіе, — ты совершенно разорентъ.

— Совершенно; кромѣ долговъ, у меня нѣтъ ничего.

Лора заплакала.

— Ты можешь бросить меня, прибавилъ Бараевъ, — я нищій. Лора покачала головой.

— Какъ ты дурно думаешь обо мнѣ, сказала она, — я люблю тебя и если умѣла дѣлать съ тобой роскошь и богатство, то съумѣю раздѣлать и бѣдность. Разумѣется, намъ будетъ тяжело, но, что дѣлать, давай экономничать, съ голоду не умремъ. У меня много вещей, продадимъ ихъ; ты можешь поступить на службу, я стану работать....

Нѣтъ сомнѣнія, что это благородное движеніе Лоры привело въ восторгъ Бараева; но все-таки положеніе ихъ было весьма некрасиво.

— Всѣ это, разсуждалъ Василій Васильевичъ, — прекрасно на словахъ: *ты поступишь на службу, я стану работать!* Лора сама себя обманываетъ; что она станетъ работать?... А я поступлю на службу?... Отлично придумано: я поступлю на службу, чтобы на меня стали указывать пальцами: вонъ, молодець, прокутился и опять явился на службу, хватается за жалованье — красиво! очень красиво!... Нѣтъ, это ужъ извините; я лучше умру съ голоду.... Да и что за вздоръ! Будто только службой и можно жить? Будто нельзя выдумать что-нибудь получше?... Дѣло просто: надо признаться у кого-нибудь деньжонокъ и предпринять какой-нибудь оборотъ....

Такъ и рѣшилъ Бараевъ. Нельзя сказать, чтобы предпріятія его удавались постоянно; жизнь, конечно, потекла теперь для него и для Лоры не тѣмъ веселымъ и свѣтлымъ ручейкомъ, какимъ текла она при непрожитомъ еще наслѣдствѣ; но, все-таки, Бараевъ не унывалъ и кое-какъ перебивался. Онъ перепродавалъ лошадей; занималъ, гдѣ можно; покупалъ вещи на аукціонахъ и продавалъ ихъ съ барышомъ; нрѣдка пробовалъ счастье въ карты, и довольно удачно, и такимъ образомъ понемногу поддерживалъ свое существованіе. Всякій кутежъ былъ, разумѣется, оставленъ; Бараевъ рѣшился даже отказаться совершенно отъ вина, къ которому онъ такъ привыкъ. Лора, ис-

крепно привязавшаяся къ Бараеву, выносила новое положеніе довольно терпѣливо, посвятивъ все свое время маленькому сыну. Тѣ изъ ея пріятельницъ, которыя когда-то завидовали ей, теперь сожалѣли ея.

— Вотъ, говорили онѣ, устроила хорошо свое положеніе! такая хорошенькая женщина связала себя на всю жизнь и должна нищенствовать, тогда какъ могла бы обезпечить себя и быть независимою.

Были и такія, которыя пробовали предлагать Лорѣ услуги, отъ имени графа *такого-то*, князя *такою то*; но Лора отказалась отъ нихъ, говоря:

— Я люблю Бараева и ни на кого въ свѣтѣ его не промѣняю.

Мало-по-малу, Бараевъ сталъ расширять кругъ своей дѣятельности. Какое-то особенное чутье указывало ему челоѣка богатаго, не знающаго куда дѣвать деньги. Василій Васильевичъ, какъ змѣй искуситель, умѣлъ оболыстить простачка баснословными выгодами и втянуть въ предпріятіе, отъ котораго въ выигрышѣ оставался только онъ самъ, Бараевъ, а капиталистъ несъ одни убытки. Однажды прочелъ онъ въ газетахъ, что гдѣ-то въ провинціи помѣщикъ Михайло Михайловичъ Бурдаковскій изобрѣлъ молотильную и маслобойную машины, которыя и продаетъ по весьма сходной цѣнѣ.

— Не попробовать ли счастья? пришло на мысль Василью Васильевичу, — мнѣ кстати надѣ быть въ тѣхъ краяхъ.

Бараеву нужно было въ тѣ мѣста по какимъ-то торговымъ дѣламъ одного изъ связавшихся съ нимъ подрядчиковъ.

Михайло Михайловичъ Бурдаковскій владѣлъ весьма порядочнымъ состояніемъ, былъ добрѣйшій и гостепріимнѣйшій челоѣкъ и имѣлъ слабость считать себя чуть не гениальнымъ механикомъ.

— Меня не понимаютъ — говаривалъ обыкновенно Бурдаковскій, когда сосѣди его подтрунивали надъ нимъ — именно говорю вамъ, убей Богъ мою душу, не понимаютъ и не могутъ понять.

— Да вы бы, говорили ему, пользовались готовымъ; вотъ у англичанъ сколько уже изобрѣтено машинъ.

Бурдаковскій махалъ руками и трясъ головой.

— Эка, эка выдумали, стану я пользоваться англійскими изобрѣтеніями!.. да я, волкъ меня заѣшь, самъ такую машину изо-

брѣту, что вся Европа ахнетъ, именно говорю, вся Европа ахнетъ.

И въ предположеніи заставить Европу ахнуть, онъ возпелъ съ утра до вечера надъ различными моделями, точилъ, вырѣзывалъ, строгагъ и прилаживалъ. Чѣмъ больше выдумывалъ Бурдаковскій машинъ, т. е., чѣмъ болѣе испытывалъ неудачъ, тѣмъ сильнѣе развивалась въ немъ эта несчастная страсть.

Съ такимъ-то человѣкомъ сошелся Бараевъ. Сойтись съ Бурдаковскимъ было не трудно: стоило только похвалить поусерднѣе какую-нибудь изъ его машинъ и онъ таялъ. Человѣкъ, похвалившій его изобрѣтеніе, становился его лучшимъ другомъ, для котораго Бурдаковскій полѣзъ бы въ огонь и въ воду. Бараевъ очень искусно воспользовался этимъ. Бурдаковскій былъ въ восторгѣ отъ своего новаго знакомца.

— Вы меня понимаете, — говорилъ онъ, безпрестанно пожимая руку Бараева, — именно говорю, провалился я на этомъ мѣстѣ, вы меня понимаете. Вы меня оцѣнили, а вѣдь я вамъ доложу, здѣсь, въ нашей сторонѣ, варвары, пменно говорю, варвары, обскуранты, волкъ ихъ заѣшь, совершенные обскуранты; не понимаютъ меня, именно говорю не понимаютъ.

— Удивляюсь, — замѣчалъ Бараевъ, пожимая плечами, — удивляюсь этимъ господамъ; надо быть слѣпымъ, чтобы не оцѣнить сразу всей огромной пользы, какую могутъ принести, напримѣръ, ваши молотильная и маслобойная машины. Да это, просто, прелесть, чудо!...

— Позвольте мнѣ обнять васъ, пменно говорю, позвольте обнять васъ, вы — просвѣщенный человѣкъ, чертъ меня задави, вы человѣкъ прогресса, я васъ уважаю.

— Я горжусь вашимъ знакомствомъ и вашимъ расположеніемъ — говорилъ Бараевъ, нагибаясь къ Бурдаковскому, чтобы заключить его въ свои объятія.

— Просвѣщенный человѣкъ! повторялъ въ какомъ-то упоеніи счастливый Бурдаковскій — именно говорю: просвѣщенный человѣкъ!

— Вы, почтеннѣйшій Михайло Михайловичъ, и всему нашему отечеству принесете пользу и сами можете нажать сотни тысячъ.

— Вѣрю, Василій Васильевичъ, именно говорю, вѣрю; но вѣдь вотъ въ чемъ бѣда, убей меня громомъ: я артистъ, пменно говорю, артистъ, гарантилъ Бурдаковскій, — мое дѣло — изобрѣ-

сти, а въ коммерціи я, извините, ни шиша не смыслю; именно говорю ни шиша.

— А я такъ, напротивъ, — сказалъ Бараевъ, — коммерціа моя сфера и мнѣ кажется, что соединившись, мы могли бы сдѣлать что-нибудь порядочное. Я могъ бы, напримѣръ, сдѣлаться вашимъ агентомъ; устроить депо вашихъ машинъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ... даже въ Кіевѣ... да, наконецъ, кто знаетъ, можетъ быть дѣло наше пойдетъ такъ удачно, что и за-границей... въ Европѣ...

Бурдаковскій подпрыгнулъ въ восторгѣ.

— Батюшка, Василій Васильевичъ! Отецъ родной, именно говорю, отецъ родной! Вы даете мнѣ гениальную мысль; да разнеси меня вѣтромъ на четыре стороны, рѣшительно гениальную мысль... въ Европу пустимъ, именно говорю, въ Европу пустимъ, Европа ахнетъ! Депо въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ.. Депо машинъ Бурдаковского!.. По рукамъ, по рукамъ.

— Конечно, — замѣтилъ Бараевъ, — потребуются нѣкоторые расходы...

— Да что расходы... Господи! что такое расходы... Я вамъ все свое состояніе отдамъ.. Вы, именно говорю, другъ мой... Я, батюшка, умѣю людей отличать, да-съ, меня не надуешь.. по рукамъ, по рукамъ... Тысячъ десять, пятнадцать у меня есть дома, берите ихъ, а тамъ напишите, мы подготовимъ... Депо машинъ Бурдаковского!.. Европа ахнетъ, не такъ ли, займай меня дождемъ, Европа ахнетъ!

— Посмотримъ.

— Увѣренъ, именно говорю, увѣренъ; нечего смотрѣть... я васъ понялъ и вы меня понимаете!..

Василій Васильевичъ Бараевъ привезъ въ Петербургъ пять-шестнадцать тысячъ; но *Депо машинъ Бурдаковского* не открылось ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ... Европа тоже не ахнула; а сосѣди сильно подсмѣивались надъ добродушнымъ и обманутымъ Михайло Михайловичемъ.

— Что? спрашивали его, скоро откроется *Депо машинъ Бурдаковского*?

Бурдаковскій махалъ рукой.

— Богъ съ нимъ — говорилъ онъ — именно говорю, Богъ съ нимъ.. надулъ, увлекъ!

Не менѣе пострадалъ и подрядчикъ, связавшійся съ Бараевымъ. Бараевъ, словно пчела, сталъ добывать медъ изъ каждаго цвѣточка, какой только представлялся ему въ лицѣ добро-

душнаго и довѣрчиваго простака. Онъ до того, наконецъ, набилъ руку, что не разъ отваживался пользоваться своимъ искусствомъ даже въ сдѣлкахъ съ казною. Любимѣйшая поговорка Василья Васильевича:

— На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!...

ЭРАСТЪ ВЕСЕЛКИНЪ.

Туда и обратно.

II.

На другой же день по приѣздѣ въ Берлинъ, я отправился въ одно изъ замѣчательнѣйшихъ здѣшнихъ женскихъ учебныхъ заведеній — *Königliche neue Töchterschule*.

Цѣлю моей поѣздки за-границу было, между прочимъ, ознакомиться, на сколько позволить время, съ методами преподаванія въ народныхъ училищахъ Германіи; для этого я имѣлъ бумагу, дававшую мнѣ право на содѣйствія нашихъ посольствъ. Но нигдѣ не пришлось мнѣ ихъ беспокоить. Вездѣ начальники учебныхъ заведеній, къ которымъ я обращался, оказывали мнѣ самое деликатное вниманіе и готовность показать и объяснить все, что я у нихъ ни спрашивалъ.

Директоръ названнаго училища, Мергетъ, съ величайшею готовностію изложилъ мнѣ составъ и устройство ввѣреннаго ему заведенія и позволилъ посѣщать лекціи, какія я пожелаю. Къ несчастію я не могъ воспользоваться его любезностію такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось: черезъ три дня наступили семидневные каникулы, которые вездѣ въ Германіи бываютъ около тропицына дня, такъ называемые *Pfingstferien*; въ это время закрываются всѣ учебныя заведенія. Но и въ три дни я могъ замѣтить много для меня любопытнаго. Думаю, что въ этихъ бѣглыхъ, безсвязныхъ путевыхъ замѣткахъ; нѣкоторыя педагогическія наблюденія не лишены будутъ интереса для просвѣщеннаго читателя.

Въ училищѣ Мергета прежде всего поражаетъ васъ простота, почти бѣдность внѣшней обстановки; для ненужнаго, посторонняго, не сдѣлано ровню ничего, но для существеннаго, важнаго — очень многое, такъ что намъ слѣдовало бы почаще заглядывать въ германскія училища, и при составленіи новыхъ плановъ ученія, новыхъ программъ, не худо бы принимать въ соображеніе тѣ школьные порядки и обычаи, которые существ-

вуютъ тамъ и приносятъ превосходные плоды. Потому вы удивитесь необыкновенному вниманію, съ какимъ шестьдесятъ или семьдесятъ дѣвочекъ слушаютъ учителя. Сидятъ эти дѣвочки совершенно свободно, кому какъ вздумается (классныхъ дамъ нѣтъ); но не смотря на это, ведутъ себя безукоризненно прилично. Всѣ заняты, оживлены урокомъ, какъ будто бы онѣ были не въ классѣ, а какомъ-то занимательномъ представленіи; глаза всѣхъ устремлены на учителя и каждой до смерти хочется, чтобы спросили именно ее. Для выраженія этого желанія онѣ поднимаютъ указательный палецъ; и надобно видѣть, какъ этотъ простой дидактическій приѣмъ способствуетъ къ поддержанію вниманія и соревнованію.

Здѣшнее преподаваніе главнымъ образомъ клонится къ тому, чтобы развить всѣ душевныя силы дитяти и особенно пробудить самодѣятельность. Это стремленіе я замѣчалъ во всѣхъ лучшихъ заведеніяхъ, которыя мнѣ удалось видѣть.

Въ Лейпцигѣ, въ *Bürgerschule*, докторъ Фишеръ вотъ что сказалъ при мнѣ своимъ ученицамъ въ классѣ: «вы ходите сюда не для того, чтобы выучиться ариметикѣ, правописанію, исторіи, географіи, а главное — для того, чтобы научиться слушать, смотрѣть, вникать, думать. Выучитесь этому, — все остальное придетъ само собою». При этихъ словахъ я невольно вспомнилъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ почтенныхъ педагоговъ, которые своихъ ученицъ съ перваго же урока начинаютъ готовить къ экзамену и кромѣ экзамена другой цѣли своего преподаванія не знаютъ; впрочемъ и хорошо дѣлаютъ: они мастерски — какъ говорятъ — *проводятъ* извѣстнаго рода экзамены, за которые часто даже получаютъ благодарность. Чегожь имъ болѣе? Что они своимъ безжизненнымъ преподаваніемъ не разшевелили ни одну душевную силу учащихся, никогда не задѣли ни одного жизненнаго вопроса, — да такія требованія они считаютъ вздорными химерами, не достойными ихъ многолѣтней педагогической опытности.

Предметы распределены по классамъ съ удивительнымъ знаніемъ дѣла. Въ этомъ заведеніи восемь классовъ; высшій классъ первый, низшій — восьмой; этотъ счетъ — на выворотъ принятъ во всей педагогической Германіи. Въ восьмомъ классѣ преподается только пять предметовъ: религія, нѣмецкій языкъ, ариметика, чистописаніе и рукодѣлія. Здѣсь поняли, что учить дѣтей исторіи въ раннемъ возрастѣ есть непростительная педагогическая ошибка, и потому исторія въ заведеніи Мергера

начинается только съ четвертаго класса, географія — съ пятого, наука о природѣ — съ третьяго. За то на нѣмецкій языкъ употребляютъ въ VIII классѣ двѣнадцать уроковъ въ недѣлю, въ VII — девять уроковъ, въ VI — семь уроковъ, въ остальныхъ классахъ по шести, французскій языкъ начинаютъ съ VII класса съ двухъ уроковъ въ недѣлю, въ VI классѣ три урока, въ V — четыре урока, въ остальныхъ классахъ по шести уроковъ.

Англійскій языкъ преподается только въ старшихъ двухъ классахъ; дѣвѣцы занимаются рукодѣліемъ во всѣхъ классахъ по четыре урока въ недѣлю; особенное вниманіе обращается на простыя работы, необходимыя въ домашнемъ быту, какъ-то вязаніе чулокъ и фуфаякъ и шитье бѣлья. Однимъ словомъ — все устройство заведенія обнаруживаетъ здравыя педагогическія понятія и практическій смыслъ основателя (Бормана).

Учители пользуются здѣсь большимъ значеніемъ и авторитетомъ нежели у насъ; отъ учителя зависитъ вполне переводъ дѣвѣцы изъ одного класса въ другой. И надо отдать имъ справедливость: нельзя не удивляться ихъ добросовѣстности, съ которою они исполняютъ свои обязанности; они вполне преданы заведенію, ни въ котораго не ищутъ никакихъ занятій, особенно постороннихъ ихъ педагогическому призванію, что у насъ случается нерѣдко. Я разговаривалъ съ однимъ изъ нихъ, съ г-мъ Бѣме, извѣстнымъ составленіемъ нѣсколькихъ дѣльныхъ учебниковъ и мастерскимъ нагляднымъ преподаваніемъ. Онъ жаловался на недостаточность вознагражденія за трудную обязанность главнаго учителя (Oberlehrer). Г. Бѣме получаетъ восемьсотъ талеровъ, что впрочемъ въ Берлинѣ значитъ то-же самое, что у насъ въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ тысяча пятьсотъ рублей серебромъ, по относительной дешевизнѣ тамошней жизни. Я спросилъ его, почему онъ не даетъ частныхъ уроковъ; онъ отвѣчалъ, что не можетъ заниматься частными уроками потому, что этимъ онъ ослабилъ бы свои силы, которыя всѣ должны быть посвящены заведенію. Вотъ какое деликатное понятіе объ исполненіи своихъ обязанностей. За то и начальство уважаетъ учителей: я спросилъ, какія мѣры и взысканія употребляются у нихъ для исправнаго посѣщенія классовъ преподавателями — спросилъ, да и самъ былъ не радъ, такъ этотъ вопросъ поразилъ моихъ собесѣдниковъ. Оказывается, что отчеты о пропущенныхъ урокахъ, вычитъ изъ жалованья и другія взысканія за неаккуратное хожденіе въ классы — у нихъ дѣло неслышан-

ное и несообразное съ ихъ понятіями о почтенномъ званіи педагога. И они крайне были удивлены, когда узнали, что у насъ существуютъ подобныя постановленія. Еще я замѣтилъ одно важное для насъ обстоятельство въ устройствѣ этого заведенія: въ немъ почти нѣтъ экзаменовъ, на которые у насъ бесполезно проходитъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ всего учебнаго времени, и которые въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ ежегодно мѣсяца на четыре въ году отрываютъ инспектора классовъ отъ другихъ несравненно болѣе полезныхъ занятій. Для переводовъ изъ одного класса въ другой Мергетъ употребляетъ всего два дни въ году! Непостижимо. Какъ же онъ это дѣлаетъ? А вотъ какъ: каждый мѣсяцъ бывають учительскія конференціи подъ предсѣдательствомъ директора, на которыхъ каждый изъ преподавателей сообщаетъ свои замѣтки и мнѣнія о воспитанникахъ, которыхъ они, разумѣется, знаютъ превосходно. Директоръ посѣщаетъ классы весьма часто, онъ, можно сказать, живетъ въ нихъ и знаетъ до малѣйшей подробности, что гдѣ дѣлается. Для чего же послѣ этого терять драгоценное время на бесполезныя экзамены? всякаго рода выставокъ въ дѣлѣ воспитанія здѣсь не любятъ.

При этомъ заведеніи существуетъ еще такъ называемая семинарія для образованія учительницъ и воспитательницъ. Это то-же, что наши спеціальныя классы при нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только опять здѣсь они устроены практичнѣе, нежели у насъ. Воспитанницамъ этой семинаріи преподается педагогика и дидактика, нѣмецкій и французскій языки, ариметика и географія, всего по два часа въ день; все же остальное время онѣ проводятъ въ классахъ и приглядываются къ методамъ преподаванія; иногда одна изъ нихъ сама входитъ на кафедру и даетъ урокъ въ присутствіи и подъ руководствомъ учителя, а иногда вовсе безъ руководителя. Изъ такой школы немудрено выйдти хорошимъ учительницамъ и гувернанкамъ. Но довольно покуда о педагогикѣ.

Въ послѣдній день передъ праздниками я поспѣшилъ изъ женскаго училища въ университетъ, чтобы получить какое-нибудь понятіе хоть о стѣнахъ аудиторій этого знаменитаго храма науки. Вообще эти Pfingstferien значительно повредили цѣлму плану моего путешествія. У входа въ университетъ я не нашель ни швейцара, ни сторожа, въ корридорахъ ни души; простота удивительная, не по нашему. На стѣнахъ прибиты объявленія о чтеніи лекцій, написанныя рукою самихъ профессоровъ. Между

ними я нашелъ имя Ранке. Но войти въ аудиторію было уже поздно; лекціи начались; сквозь плотно затворенныя двери слышались голоса профессоровъ. Досадно. Но вотъ въ концѣ корридора показался молодой человѣкъ съ густой прекрасной русой бородой, въ легкомъ пальто безъ таши, въ родѣ блузы, въ панамѣ съ широкими полями, въ башмакахъ и въ такомъ маденькомъ галстучкѣ, что шея его казалась совершенно голою, большіе воротнички голландской рубашки были откинуты à l'enfant. Въ рукахъ у него была какая-то тетрадка. Я принялъ его издали за студента и обратился къ нему съ вопросомъ, въ какой аудиторіи читаетъ Ранке и можно ли къ нему войти. Онъ началъ смотрѣть въ замочныя щелки то въ одну, то въ другую комнату; между тѣмъ я любовался его прекрасною наружностію, которая вся дышала добродушіемъ и готовностію вамъ услужить. Онъ остановился передъ одною дверью и убѣдилъ меня смѣло войти и потихоньку сѣсть, гдѣ найду себѣ мѣсто, прибавивъ, что послѣ лекціи онъ будетъ меня дожидаться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы встрѣтились. Это былъ профессоръ правъ Дротцендорфъ, человѣкъ образованнѣйшій и всею душою преданный наукѣ. Но признаюсь въ своей дикости, я долго не могъ отдѣлаться отъ чувства удивленія, когда вообразилъ себѣ на каедрѣ профессора съ усами, съ бородой, въ деревенскомъ лѣтнемъ костюмѣ, въ башмакахъ, съ открытой шеей. Такъ сильна въ насъ, русскихъ, привычка къ вицъ-мундирамъ, къ прилично обстриженнымъ и выбритымъ лицамъ, вообще привычка придавать много значенія наружности. Я познакомился потомъ съ г. Дротцендорфъ и провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ два длинные вечера, которые надолго останутся мнѣ памятны. Надо благодарить судьбу за рѣдкое счастье встрѣчаться въ жизни съ подобными милыми, благородными личностями: общеніе съ ними какъ-то освѣжаетъ душу.

Муха, влетѣвшая въ комнату едва ли произвела бы болѣе шуму, чѣмъ я, вошедши въ аудиторію; но я уже черезъ-чуръ перескромничалъ, сѣлъ далеко отъ каедры и почти ничего не могъ разслушать изъ лекціи профессора. Ранке читаетъ убійственно тихо; кромѣ того, отъ недостатка зубовъ произноситъ невнятно. Онъ устарѣлъ. Сами студенты говорятъ, что они понимаютъ его съ трудомъ и то не все. Было въ этотъ день у него всего двадцать три слушателя. Читаетъ онъ съ одушевленіемъ: размахиваетъ руками; лицо у него выразительное; онъ рѣдко обращаетъ глаза на слушателей, а съ какою-то восторженною улыб-

кою поднимаетъ ихъ больше вверхъ. Какое глупое положеніе: слушать и не слышать, видѣть, что человѣкъ чѣмъ-то восхищается и не понимать причины восторга, и такъ провести цѣлый часъ.

Вся обстановка аудиторіи выражаетъ собою полное презрѣніе ея посѣтителей къ внѣшности, доведенное до педантизма. Стѣны ея небѣлены, я думаю лѣтъ двадцать, некрашенные столы и скамейки того неопредѣленнаго цвѣта, который придаетъ дереву почтенное количество лѣтъ; они изрѣзаны ножами, залиты чернилами, шатаются и скрипятъ отъ старости. Профессорская кафедра и парусинныя, Богъ знаетъ когда мытыя, шторы на окнахъ не много уступаютъ въ древности партамъ и скамейкамъ; тутъ же, возлѣ самой кафедры прибита длинная вѣшалка, на которую студенты вѣшаютъ свои фуражки, плащи и пальто. О *sancta simplicitas!* И какъ много прекраснаго въ значеніи этой простоты. На эти законченныя стѣны, въ которыхъ многіе десятки лѣтъ раздается священное слово науки, на эти ветхіе столы, за которыми сидѣло нѣсколько поколѣній образованнѣйшихъ людей въ свѣтѣ, посѣтитель смотритъ съ чувствомъ благоговѣнія.

III.

Изъ двухъ берлинскихъ музеевъ — стараго и новаго — меня болѣе заинтересовалъ послѣдній. Это великолѣпное зданіе построено недавно, — при нынѣшнемъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ IV, съ цѣлю, кромѣ художественнаго наслажденія собранными въ немъ изящными произведеніями, представить зрителю наглядную живую исторію развитія пластическаго искусства. Для этого замѣчательнѣйшіе памятники, языческой и христіанской пластики отъ глубокой древности до настоящаго времени расположены въ строгомъ научномъ порядкѣ. Чтобы представить это собраніе въ достаточной полнотѣ, сняты были гипсовыя копии съ знаменитыхъ памятниковъ скульптуры, хранящихся въ Римѣ, Флоренціи, Парижѣ, Лондонѣ и помѣщены здѣсь. Такимъ образомъ художникъ можетъ изучать здѣсь пластическое искусство въ его историческомъ развитіи. Присоедините къ этому египетскій и отечественный музеи, кунсткамеру, этнографическое собраніе и собраніе предметовъ персидскихъ, китайскихъ, индійскихъ, и вы поймете, какими средствами обладаетъ берлинецъ для развитія любознательности и для удобнаго ея удовлетворенія. И какъ все это легко доступно, такъ ска-

затѣ, подручно. Вы проходите мимо музея (отъ десяти до четырехъ часовъ какой бы случился день), у васъ есть часъ или полчаса свободнаго времени, вы идете въ музей, и васъ остановятъ только въ такомъ случаѣ, если вы съ папкою или съ зонтикомъ, которые необходимо сдать при входѣ и заплатить за храненіе ихъ одинъ грошъ. Ни предварительнаго доставанія билета, котораго иной разъ еще и не получишь безъ протекціи, ни фрака и никакихъ другихъ безполезныхъ формальностей, препятствующихъ развитію вкуса и благородныхъ потребностей въ народѣ, не существуетъ. Не угодно ли на-примѣръ у насъ въ Петербургѣ воспользо-ваться музеями академіи наукъ! Они превосходны, надобно отдать имъ справедливость, но правила для посѣщенія ихъ до того стѣснительны, что, право, иной разъ невольно подумаешь, ужъ не написаны ли они именно съ тою цѣлію, чтобы доступъ къ нимъ затруднить какъ можно болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, послушайте: во-первыхъ, вы можете получить билетъ только одинъ разъ въ недѣлю, въ субботу, да и то еще въ извѣстный часъ, не помню хорошенько, кажется, отъ одиннадцати до двѣнадцати; во-вторыхъ съ этимъ билетомъ васъ впускаютъ не тотчасъ, не въ субботу же, а въ понедѣльникъ, отъ десяти до двухъ часовъ, и только въ понедѣльникъ, да и то только «*альтомъ*». Если распорядители разумѣютъ астрономическое лѣто, такъ значитъ музеи академіи доступны только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, стало быть двѣнадцати или тринадцати дней въ году. Что за элевзинскія таинства! Кто же можетъ пользоваться музеями? Множество людей занятыхъ службою, къ которымъ принадлежитъ почти весь средній образованный, полуобразованный и совсѣмъ необразованный классъ петербургскихъ жителей — сидитъ въ эти часы (отъ десяти до двухъ) по департаментамъ, канцеляріямъ, конторамъ, и если кто и отлучится отъ своего поста, на часокъ на другой, такъ ужъ конечно не въ музей, а развѣ въ трактиръ. Учители, для которыхъ необходимо посѣщеніе музеевъ, также въ эти часы заняты преподаваніемъ, а въ канікулярное время всѣ они, кто только можетъ, опростетью бѣгутъ изъ Петербурга, чтобы освѣжить утомленную грудь и голову свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, а иной отправляется въ чужіе края. Когда же имъ видѣть музеи? Впрочемъ виновать: и чиновники, и учителя могутъ посѣтить ихъ въ Духовъ день, который всегда приходится въ понедѣльникъ. Составители правилъ для посѣщенія музеевъ, вѣроятно, предвидѣли это затрудненіе и велико-

душно разрѣшили пускать въ музеи по всѣмъ лѣтнимъ понедѣльникамъ, даже если бы случился въ этотъ день праздникъ. Итакъ, всякій чиновникъ, всякій учитель можетъ пройтись по музею одинъ разъ въ годъ, въ Духовъ день. И то славу Богу. Только нѣтъ, позвольте; а билетъ-то я и позабылъ: вѣтъ билетъ-то для входа въ понедѣльникъ можно получить только въ субботу! Стало быть, занятый службою человекъ можетъ посѣтить музей одинъ разъ въ годъ только въ такомъ случаѣ, когда и въ субботу, и въ понедѣльникъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ прійдется праздникъ. А что сказать о прїѣзжихъ изъ губерній? Мало ли у насъ любознательныхъ людей въ Россіи? Многимъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, захотѣлось посмотрѣть на такое замѣчательное собраніе, которое хранится въ музеяхъ академіи, но подобныя скачки съ препятствіями отобьютъ всякую схоту. А по настоящему, такого рода учрежденія должны бы не только удовлетворять любознательности нашего юнаго общества, а стараться возбуждать и развивать ее.

Въ одномъ обществѣ, кто-то спросилъ: «отчего академія наукъ не открываетъ свои музеи по праздникамъ? тогда стали бы посѣщать ихъ и люди простаго званія — мелкіе торговцы, мѣщане, даже нѣкоторые изъ простолюдиновъ и просвѣщеніе незамѣтно, мало-по-малу, стало бы распространяться въ массахъ.» Одинъ изъ присутствующихъ отвѣчалъ на это: «помилуйте, да противъ такого нововведенія закричали бы откупщики и всѣ, заинтересованные откупомъ; теперь народу больше негдѣ проводить праздники, кромѣ кабаковъ, да трактировъ, а какъ вы разлакомитѣ его вашими разными, какъ вы ихъ называете, вышшими наслажденіями, такъ онъ, пожалуй, и развратится, — перестанетъ пьянствовать по праздникамъ, или даже, чего добраго, и совсѣмъ броситъ пить; вѣдь ужъ и безъ того стали было образовываться общества трезвости, да хорошо, что во время захватили, а то откупщикамъ прішло бы плохо.»

Далеко еще намъ до самой идеи о распространеніи просвѣщенія и развитія возвышенныхъ, благородныхъ интересовъ въ народныхъ массахъ: шестое правило при посѣщеніи музеевъ гласитъ: «слуги не входятъ съ своими господами (въ подлинникѣ въ словѣ господами буква г прописная: Г), а остаются внизу у швейцара.»

Вотъ-съ какъ! А отчего бы, кажется не позволить и слугѣ войти въ это святилище науки? Господамъ, можетъ быть, непріятно было бы ходить по заламъ вмѣстѣ съ своими лакеями?

Да академіи-то какая до этого нужда? это дѣло частное, пусть каждый госнодинъ запрещаетъ или позволяетъ своему лакею, кто какъ хочетъ; я увѣренъ, найдется много просвѣщенныхъ господъ, которымъ будетъ даже неприятно, что ихъ слугамъ не позволяютъ входить вмѣстѣ съ ними. Отчего же за-границей вездѣ, во всѣхъ музеяхъ, встрѣчаешь людей всѣхъ возможныхъ сословій и состояній, и лакеевъ, и поденщиковъ въ грубыхъ деревянныхъ башмакахъ, и прачекъ, и крестьянъ, и никто не думаетъ оскорбляться подобными встрѣчами; напротивъ всякой радуется, потому что это явленіе дѣйствительно отрадно, съ какой бы точки зрѣнія на него ни взглянули, хоть съ самой матеріальной, своекорыстной: жить съ пролетаріями, которые по воскресеньямъ ходятъ въ музеи, жить гораздо покойнѣе и пріятнѣе, нежели съ полудикою толпою, которая свои часы отдохновенія проводить въ безчувственномъ состояніи.

Извините за это длинное отступленіе; предметъ такъ близокъ къ сердцу, что невольно заговоришься. Въ наше время, кажется, можно надѣяться, что эти правила, въ высшей степени неудобныя для публики, скоро замѣнены будутъ другими, написанными совершенно съ другой точки зрѣнія. Намъ даже кажется, что слѣдовало бы начальству академіи такъ распорядиться, чтобы два-три знающіе человѣка объясняли публикѣ предметы, на которые она смотритъ и большею частію не понимаетъ; тогда это учрежденіе сдѣлалось бы въ высшей степени благотворнымъ.

Но обратимся къ новому берлинскому музею. Въ немъ особенное вниманіе путешественника обращаютъ на себя египетскій музей и картины Каульбаха.

Египетскому музею положилъ основаніе предшественникъ нынѣшняго короля, Фридрихъ Вильгельмъ III, въ 1827 году, покупкою собранія египетскихъ древностей, принадлежавшаго частному лицу, г. Пассалаквѣ. Это собраніе было значительно увеличено впослѣдствіи, особенно послѣ прусской экспедиціи въ Египетъ въ 1842—1846 годахъ. На ряду съ музеями лондонскимъ, римскимъ и лейденскимъ, берлинскій музей представляетъ богатѣйшее собраніе египетскихъ древностей. Вы видите передъ собою живой образъ религіозныхъ вѣрованій египтянъ, ихъ гражданской жизни, степень ихъ нравственнаго развитія, ихъ понятія объ искусствѣ. Предъ вами изваянія ихъ царей, ихъ божествъ изъ металла, камня и глины; саркофаги, человѣческія муміи, какъ обернутыя, такъ и раскрытыя, амулеты, священные животныя, какъ-то: кошки, рыбы, змѣи, крокодилы,

лягушки, ибисы, саранча; модели кораблей, оружія, одежды, кольца, домашняя утварь, музыкальные инструменты, полевые и садовые плоды, статуи, свертки папируса и т. п.

Всѣ эти предметы расположены въ пяти залахъ. Стѣнная живопись этихъ залъ также дастъ превосходное понятіе о Египтѣ и о всемъ, относящемся до жизни древнихъ его обитателей. На стѣнахъ одной, напримѣръ, залы вамъ представляются египетскіе ландшафты и памятники архитектуры: пирамида Хеопса, храмъ въ Децдерѣ, мѣмнопова статуя, большія пирамиды въ Мемфисѣ, храмъ въ Карнакѣ; на стѣнахъ другой — сцены изъ исторіи и частной жизни египтянъ; лица высшихъ божествъ представлены голубыми или зелеными, племя свободное — цвѣту бѣлаго, покоренное — бураго и чернаго. Однимъ словомъ, въ этихъ залахъ передъ вами возникаетъ нравственный и физическій образъ народа, жившаго до васъ за три тысячи лѣтъ.

Каульбахъ задалъ себѣ задачу въ большихъ аллегорическихкихъ картинахъ изобразить главнѣйшіе моменты изъ исторіи человѣческаго рода. Этихъ картинъ шесть; три изъ нихъ: Столпотвореніе Вавилонское, Цвѣтуцій въѣздъ Греціи и Разрушеніе Иерусалима, написанныя на южной стѣнѣ въ такъ называемомъ Тгерренhaus, составляющемъ средоточіе новаго музея, — совершенно окончены. На противоположной, сѣверной сторонѣ — двѣ картины, еще не совсѣмъ отдѣланныя: Битва гунновъ и Крестовые походы; третья картина, долженствующая представить реформацію, еще не начата; но эта послѣдняя картина будетъ написана уже другимъ художникомъ, потому что Каульбахъ, къ сожалѣнію, умеръ нынче весной.

Можетъ быть для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей любопытно будетъ знать содержаніе этихъ пяти картинъ. Вотъ ихъ описаніе.

1) *Вавилонское столпотвореніе*. Наверху, въ небѣ, представляется Егова во всемъ величіи божественнаго гнѣва; по обѣ стороны отъ него — ангелы съ пучками горящихъ молній; они мещуть ихъ внизъ на людскія жилища; вавилонская башня и замокъ Нимврода превращаются въ развалины; рушится самый Вавилонъ, и подъ ударами всеокрушающихъ молній низвергается жертвенникъ. Нимвродъ, царь вавилонскій, строитель башни, сидитъ на золотомъ тронѣ, презирая величіе Божіе; направо отъ него слуги и жрецы, глумящіеся надъ Богомъ и Его могуществомъ. У ногъ его — дѣти его и умоляющая супруга;

но сердце закоренѣлаго грѣшника не смягчается ни отъ ударовъ сокрушительныхъ молній, ни отъ слезъ женскаго сердца; онъ повелѣваетъ своимъ приближеннымъ продолжать строеніе башни. И вотъ они съ бичами въ рукахъ побуждаютъ къ работѣ несчастныхъ невольниковъ, но эти возмущаются и убиваютъ зотчаго; тронъ Нимврода падаетъ; всюду опустошеніе и бѣгство. Внизу потомки Іафета, Сима и Хама отправляются въ путь по всеѣмъ направленіямъ, во всеѣ страны свѣта. Направо *іафетиты*: юноши на бодрыхъ коняхъ съ копьями въ рукахъ; другіе идутъ рядомъ съ конями, ухватясь за ихъ гривы; за спиною у нихъ луки и колчаны. Въ срединѣ *хамиты*: чернолицый жрецъ, съ суровымъ взглядомъ, съ идолами въ рукахъ, ѣдетъ на косматомъ буйволѣ; сквозь тѣсноту пробивается къ нему очень полная молодая женщина; ей хочется поцѣловать край его ризы. Направо отъ жреца толпа чернокожихъ лицъ съ неблагородными ужимками и плутовскими взглядами. Чувственность, фанатизмъ, безвѣріе не могутъ найти для себя лучшаго выраженія. Наконецъ налѣво шествуютъ *силиты* съ патріархальнымъ спокойствіемъ, окруженные мирными домашними животными. Четыре бѣлые быка везутъ колесницу, на которой стоитъ патріархъ; черты лица его мужественны и благородны; руки его простерты надъ его потомствомъ въ знакъ защиты и благословенія. Возлѣ него прекрасная женщина, несущая на головѣ ребенка въ корзинѣ; другіе дѣти беззаботно играютъ виноградными гроздьями на широкой спинѣ быка. Здоровый видъ, обиліе во всемъ, замѣтны въ этой послѣдней группѣ; ею выражается мысль, что благословеніе Господа пребудетъ надъ вѣрующимъ въ истиннаго Бога.

2) *Цельтуцій въкъ Греціи*. Слепой пѣвецъ Гомеръ съ лирою въ рукахъ, въ легкой задѣѣ, пристааетъ къ берегамъ Греціи; рулемъ управляетъ Сивилла. Фетидда, мать вослѣдстаго пмъ Ахилла, поднимается изъ гладкой поверхности голубаго моря, чтобы послушать вдохновенной пѣсни. На берегу собрались для той же цѣли поэты, живописцы, ваятели. Вдали народъ выходитъ изъ лѣсовъ, съ полемъ и стремится къ сонму художниковъ, какъ бы выражая желаніе оставить свои суровые обычаи и начать новый, облагороженный искусствомъ, образъ жизни. Съ неба, по блестящей радугѣ нисходятъ на землю къ смертнымъ олимпійскія божества. По правую руку Юпитеръ и Юнона на тронѣ; возлѣ Юноны — павлинъ; орелъ паритъ надъ головами обоихъ. По лѣвую — Аполлонъ и Музы открываютъ цѣлый рядъ боговъ. Вся картина пмѣетъ характеръ величаваго спокойствія и произ-

водитъ на душу такое же впечатлѣніе, какое испытываетъ всякій при чтеніи гомеровыхъ поэмъ.

3) *Разрушеніе Іерусалима.* На небѣ вы видите четырехъ пророковъ, предсказавшихъ гибель этого города: Исаію, Іеремію, Езекиіля и Даніила. Подъ ними — ангелъ Божій, исполнитель казни разрушенія. Налѣво Іерусалимъ съ пылающимъ храмомъ. Іудейскій вождь пораженъ молніей. Въ срединѣ — верховный жрецъ, окруженный своими приближенными; всѣ они поражаютъ себя кинжалами, чтобы не отдаться въ руки непріятелю. Направо — подѣзжаетъ къ городскимъ воротамъ побѣдоносный Титъ, окруженный ликторами; за нимъ — римское войско. Ему предшествуютъ герольды и трубнымъ гласомъ возвѣщаютъ несчастнымъ жителямъ падшаго города вступленіе въ него гордаго побѣдителя. Налѣво въ сторонѣ демоны гонятъ вѣчнаго жида. Съ правой же стороны, въ сопровожденіи ангела, выходитъ изъ города *юное христіанство* — прелестная, полная глубокаго значенія, группа. Она говоритъ вамъ ясно, что изъ пепла падшаго стараго Іерусалима возникаетъ новый въ недрахъ христіанской общины.

4) *Битва гунновъ.* Содержаніемъ для этой картины послужила слѣдующая фантастическая легенда. Между гуннами и римлянами была страшная битва, продолжавшаяся нѣсколько дней и ночей. Все поле было покрыто трупами; но и мертвымъ не было покоя: они пробуждались отъ смертнаго сна и возобновляли кровавую сѣчу.

Внизу картины лежатъ, одинъ на другомъ, въ прекрасныхъ группахъ, убитые воины; одна группа поднимается, какъ бы отъ тяжелаго сна, озирается кругомъ и видитъ, что сосѣдняя съ нею группа уже встала и вооружается на новую битву; она слѣдуетъ ея примѣру. Между тѣмъ третья группа въ облакахъ уже стоитъ противъ враговъ въ боевомъ порядкѣ. На нихъ несется на конѣ Аттила впереди своихъ гунновъ, свирѣпо размахивая бичемъ. Битва длится упорно, но римляне побѣждаютъ; гунны бѣгутъ, Айэцій ихъ преслѣдуетъ. Эта побѣда римлянъ надъ гуннами изображаетъ побѣду христіанства надъ язычествомъ.

5. *Крестовыя походы.* По срединѣ, на заднемъ планѣ картины, возвышается Іерусалимъ съ своими зубцами, куполами и башнями. На вершинѣ одного изъ холмовъ стоитъ живописная группа крестоносцевъ, епископовъ и священниковъ и воскипается священнымъ зрѣлищемъ. На другомъ холмѣ стоитъ Готфридъ

Бульонскій съ поднятою вверхъ короною. За нимъ войско крестоносцевъ съ распущенными знаменами, съ отбитыми у неприятеля трофеями и съ блестящею добычею. Въ толпѣ ихъ легко отличить героевъ романтической борьбы за Иерусалимъ — Богемунда и Танкреда. Еще недавно здѣсь кипѣла битва: убитые сарацины лежатъ, распростертыя на землѣ. Видъ священнаго Сіона восхищаетъ христіанскихъ воиновъ и вознаграждаетъ ихъ за понесенные кровавые труды. Въ серединѣ картины на переднемъ планѣ — Петръ-пустыльникъ, на колѣняхъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ Сіону, съ пламенною молитвою въ глазахъ. За нимъ группа кающихся; одни изъ нихъ молятся на колѣняхъ, другіе поверглись ницъ на землю. На небѣ является Спаситель, несомый на облакахъ, возлѣ него — Божія Матерь; ихъ окружаютъ святые мученики христіанской церкви. Готфридъ, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, держитъ въ рукѣ іерусалимскую корону и простираетъ ее къ Иисусу Христу.

Къ Петру Аміенскому примыкаетъ рядъ вдохновенныхъ пѣвцовъ христіанской доблести; за ними — цвѣтъ западнаго рыцарства, наконецъ сладчайшій плодъ его — любовь: мужественный рыцарь сопровождаетъ даму своего сердца къ священному городу. Она покоится на носилкахъ, сплетенныхъ изъ лавровыхъ вѣтвей; ее бережно несутъ мавры; на правой рукѣ у нея соколъ; она въ религиозномъ восторгѣ смотритъ на небесное видѣніе.

А. П.—НѢ.

Диспутъ г-на Калиновскаго.

Въ воскресенье, 3 октября, въ одной изъ залъ санктпетербургскаго университета происходилъ диспутъ г. Калиновскаго на степень магистра политической экономіи. Предметомъ своего *разсужденія* г. Калиновскій избралъ «развитіе и распространіе идеи свободной торговли и примѣненіе ея къ *положительнымъ* законодательствамъ въ главныхъ западно-европейскихъ государствахъ». Вопросъ былъ слишкомъ интересенъ, чтобы можно было отказать себѣ въ удовольствіи присутствовать на диспутѣ, особенно послѣ тѣхъ жаркихъ споровъ, которые были подняты въ нашей журналистикѣ сторонниками протекціонизма и свободной торговли. Желающихъ присутствовать на диспутѣ оказалось такъ много, что половинѣ изъ нихъ, если не болѣе, пришлось

стоять, и за такую нераспорядительность сдвали можно поблагодарить университетское начальство: не было бы бѣды, если бы половина стульевъ осталась незанятыми, но заставить полтораэта человѣкъ стоять три часа, и страдать отъ духоты и тѣсноты совсѣмъ не хорошо. Правда, становали прежде, отчего же не постоять и еще, можетъ думать начальство; — такъ-съ, но все-таки не хорошо и надо же наконецъ приучаться уважать публику.

Диспутъ начался какъ начинаются всѣ диспуты. Сначала была объяснена публикѣ цѣль собранія, а потомъ самъ диспутантъ старался объяснить какія положенія развиты имъ въ диссертации. За тѣмъ начался оффиціальныя возраженія оффиціальныхъ оппонентовъ; иначе нельзя опредѣлить того, что исполнили по казенной надобности гг. профессора Горловъ и Михайловъ, одинъ профессоръ политической экономіи, а другой всеобщей исторіи.

Г. Горловъ прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, счелъ долгомъ сказать нѣсколько комплиментовъ г. Калиновскому и поздравить его съ удачною разработкой такого труднаго вопроса, какъ вопросъ о свободной торговлѣ; «разумѣется, добавилъ г. профессоръ, нѣкоторыя положенія ваши можно и оспаривать, но во всякомъ случаѣ разсужденіе ваше служитъ доказательствомъ вашихъ дарованій и вашей учености.» Такимъ образомъ г. профессоръ началъ съ того, чѣмъ бы слѣдовало кончить, и поставилъ присутствующихъ въ недоумѣніе на счетъ доказательствъ дарованій и учености г. Калиновскаго.

Желая болѣе убѣдить слушателей въ важности предмета, избраннаго г. диспутантомъ, г. Горловъ началъ свои возраженія.

Первая замѣтка г. Горлова заключалась въ томъ, что г. Калиновскій трактуетъ объ Англіи ужъ черезъ чуръ много, тогда какъ Германіи онъ посвятилъ всего шесть страничекъ и въ разсказѣ о лигѣ, вдавался напрасно въ мелочныя подробности дѣла. Г. Калиновскій отвѣчалъ на это, что говоря о реформѣ, онъ имѣлъ въ виду не столько идею дѣла, сколько вопросъ, какимъ образомъ идея эта выработалась народомъ; — даже серъ Робертъ Пилъ долженъ былъ уступить народу.

Далѣе г. Горловъ не желалъ согласиться чтобы только *необходимость*, т. е. голодъ, была главной причиною рѣшительныхъ мѣръ, принятыхъ Англіей въ 1846 году. Всякому другу челоѣчества разумѣется не понравится, что такая пустая и животная причина, какъ голодъ, можетъ побуждать людей къ рѣшительнымъ мѣрамъ, когда есть пружина болѣе возвышенная и болѣе сплная — развитіе. Но г. Калиновскій отвѣтилъ на это,

что ему важенъ фактъ, а все остальное онъ ставитъ на второй планъ.

Потомъ г. Горловъ нашелъ, что г. Калиновскій увлекается пристрастїемъ къ фізіократамъ, придаетъ имъ большую важность и что трудно согласиться, чтобы въ то время писали больше и лучше, чѣмъ теперь.

Въ отвѣтъ на это, г. Калиновскій сослался на письмо Тюрго, въ которомъ экономическая теорія была изложена такъ хорошо, что и нынче едва ли можно изложить ее лучше.

Въ той же степени мягко и уступчиво дѣлались съ обѣихъ сторонъ замѣчанія и возраженія по поводу недостаточнаго уваженія г. Калиновскаго къ заслугамъ Адама Смита; объ ошибочномъ мнѣніи, что экономическая реформа могла бы произойти мирнымъ путемъ, если бы то зависѣло отъ фізіократовъ, потому что Тюрго вовсе не встрѣтилъ сочувствія массы народа; наконецъ, что напрасно г. Калиновскій перевелъ такъ мало изъ сочиненій Листа. Г. Калиновскій, чувствуя себя вполне чуждымъ подобнымъ упрековъ, особенно по послѣднему пункту, потому что все его разсужденіе въ существѣ ни больше, ни меньше какъ переводъ, объяснялъ невозможность дальнѣйшихъ переводовъ тѣмъ, что иначе ему пришлось бы перевести треть сочиненія Листа; избѣгая этого, онъ коснулся тѣхъ идей, которыя распространены больше въ публикѣ.

Въ заключеніе г. Горловъ сказалъ г. Калиновскому еще какую-то любезность. Все это было очень странно, очень любезно и вѣжливо, но вовсе не поучительно; а главное совершенно непонятно зачѣмъ люди теряли столько прекрасныхъ фразъ и столько золотаго времени, что бы проговоривъ полтора часа, не сказать ровно ничего; вотъ и понимай послѣ того людей, толкующихъ такъ умно и назидательно о производительности труда и драгоцѣнности времени!...

За г. Горловымъ выступилъ профессоръ Ивановскій. Онъ коснулся односторонности возрѣній г. Калиновскаго и его неуиѣнья владѣть русскимъ языкомъ. Первое г. Ивановскій основывалъ на томъ, что г. Калиновскій смотритъ на общество не такъ, какъ оно есть, а какъ бы оно могло быть; но и самъ г. Ивановскій не могъ понять, почему, чѣмъ человекъ выше, чѣмъ онъ свободнѣе, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ другихъ (стр. 13). Г. Калиновскій пытался разъяснить эту очень простую истину, высказанную имъ не совсѣмъ ясно, но къ сожалѣнію, изъ

этого объясненія ничего не вышло. Что бы объяснить коротко, какого рода возраженія дѣлалъ и былъ способенъ дѣлать г. профессоръ Ивановскій, достаточно сказать, что ему нравятся очень таксы; онъ думаетъ, что ихъ слѣдуетъ наложить на все — вѣдь не читать же гостинодворцу часть лекцію, если онъ хочетъ взять съ меня лишнее!» — такъ думаетъ и такъ выразился г. профессоръ Ивановскій.

Замѣчанія г. профессора Михайлова были совсѣмъ слабы, во-первыхъ потому, что онъ говорилъ слишкомъ тихо, и во-вторыхъ, — что поднялъ вопросъ о заслугахъ Кольбера, на котораго никто не нападалъ, и защищалъ Елисавету королеву англійскую, которой была не чужда идея свободной торговли, — неужели въ этомъ заключалась сущность вопроса?

Диспутъ, тянувшійся весьма вяло, диспутъ на который потрачено очень много красивыхъ фразъ, кончился противъ ожиданія, нѣсколько комически.

По окончаніи оффиціальными оппонентами своего дѣла, раздался изъ толпы очень нѣжный голосокъ. Владѣлецъ нѣжнаго голоса коснулся невѣрнаго пониманья г. Калиновскимъ формулы *laissez faire, laissez passer*.

— Что же это значить — оставить все, идти спустя рукава?

— Не знаю, какъ кто понимаетъ это, но физиократы понимали такъ, — отвѣчалъ г. Калиновскій.

Нѣжный голосъ: Регламентация полезна; мѣры Петра для развитія у насъ фабричной промышленности, были регламентация; что бы было безъ этого?... а теперь мужики ходятъ въ Москву на заработки.

Кто-то изъ толпы: Вы смѣшиваете регламентацию съ протекціонизмомъ.

Г. профессоръ Ивановскій: Законы развиваютъ разумную свободу и ограничиваютъ произволъ.

Если бы все послѣдующее шло въ этомъ родѣ, то это было бы только забавно; къ сожалѣнію, непонятное усердіе къ разрѣшенію чего-то, увлекло оппонентовъ такъ далеко, что тонкій голосокъ сдѣлалъ намекъ на вредность у насъ ученія о свободной торговлѣ. Понятно, что при такомъ оборотѣ дѣла, диспутъ долженъ былъ прекратиться.

Н. Ш.

НЕКРОЛОГЪ.

КАРЛЪ РИТТЕРЪ.

Еще не изгладилась скорбь о потерѣ, понесенной всею образованною Европою въ лицѣ Александра фонъ-Гумбольдта, какъ снова уже приходится оплакивать смерть одного изъ величайшихъ мужей науки. 28-го сентября нынѣшняго года умеръ въ Берлинѣ Карлъ Риттеръ, на восемьдесятъ первомъ году отъ роду.

Какъ не было ни одного естествоиспытателя, который могъ бы стать на ряду съ Гумбольдтомъ, такъ ни у одного народа нѣтъ и географа, который, объемомъ своихъ знаній, общимъ взглядомъ и вѣрнымъ распредѣленіемъ фактовъ и способностью овладѣть обширѣйшими матерьялами, могъ бы хотя нѣсколько приблизиться къ творцу науки землевѣдѣнія. Карлъ Риттеръ родился, 7-го августа 1779 года, въ Кведлинбургѣ. По смерти своего отца, онъ, мальчикомъ шести лѣтъ, поступилъ въ институтъ въ Шнѣпфентагѣ. Получивъ въ Галгѣ, подъ руководствомъ Нимейера, педагогическое образованіе, Карлъ Риттеръ, въ 1798 году, занялъ мѣсто воспитателя въ домѣ Бетмана-Гольвега (въ послѣдствіи министра просвѣщенія) во Франкфуртѣ на Майнѣ. Вмѣстѣ съ своими воспитанниками онъ ходилъ въ университетъ, вмѣстѣ съ ними и путешествовалъ; онъ посѣтилъ Швейцарію, Савойю, Францію и Италію. Потомъ, въ 1819 году, онъ поступилъ учителемъ исторіи въ гимназію во Франкфуртѣ на Майнѣ; но въ слѣдующемъ же году былъ вызванъ, какъ замѣчательный профессоръ географіи, въ берлинскій университетъ, гдѣ труды его обратили особенное вниманіе Лихтенштейна. Вскорѣ послѣ этого онъ сдѣлался также преподавателемъ статистики въ военной школѣ, членомъ испытательной комиссіи, инспекторомъ королевскаго кадетскаго корпуса и членомъ академіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ еще тому назадъ Карлъ Риттеръ былъ совершенно бодръ и духомъ и тѣломъ. Года, казалось, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на колоссальную силу его дѣятельности; но со смерти своего друга, Александра Гумбольдта, глубоко потрясенный этою утратой, онъ сталъ близиться къ разрушенію. Воды, обыкновенно подкрѣплявшія его къ новымъ занятіямъ, не принесли уже въ прошедшее лѣто желанной пользы и вскорѣ по возвращеніи изъ Теплица Карлъ Риттеръ склонилъ свою голову на вѣчный покой.

Риттеръ пзвѣстенъ всему образованному міру; большая часть народовъ знаетъ его славное имя, хотя спеціальныя труды его имѣли преимущественно назначеніе служить избранному кружку ученыхъ. Въ Германіи нѣтъ человѣка, съ малѣйшимъ образованіемъ, который бы не былъ обязанъ Карлу Риттеру. Его разумное вліяніе преобразовало совершенно учебныя книги и руководства землеописанія. Многочисленные ученики его соперничали другъ съ другомъ, работая въ духѣ своего гениальнаго учителя. Чтобы оцѣнить, какъ полезно и преобразовательно дѣйствовали побужденія Риттера, стоитъ только сравнить нынѣшнія руководства съ учебниками, изданными лѣтъ сорокъ тому назадъ. Риттеръ очень справедливо считалъ географію дѣломъ еще неоконченнымъ и признавалъ необходимымъ разработать ея ученые основанія. Онъ отвергъ пустой наборъ отдѣльныхъ фактовъ и стремился къ пониманію существенной связи между явленіями, стараясь приблизиться къ системѣ естественной. Не разъ повторялъ онъ, на лекціяхъ, своимъ слушателямъ, что онъ старается, новыми открытіями въ наукѣ, разорвать оковы прежняго схоластическаго ученія; что онъ хочетъ изощрить и расширить взглядъ на науку и, сколько отъ него зависить, способствовать тому, чтобы государство стремилось къ вѣчной истинѣ. Все это онъ и выполнялъ добросовѣстно.

Сочиненія и лекціи Риттера дѣйствовали плодотворно и возбуждительно втеченіе полувѣка. Преобразование географіи въ ученое землеописаніе составляетъ главную заслугу Карла Риттера и дѣлаетъ имя его бессмертнымъ. Изъ мертваго агрегата фактовъ, онъ, силою всеобъемлющаго и всепроницающаго гениа, создалъ новую науку! вмѣсто того, чтобы разсматривать отдѣльные факты, онъ смотрѣлъ на нихъ по ихъ отношенію къ связн; вмѣсто описанія, далъ систему! Ходъ его изслѣдованій рѣзко отличается отъ прежней географической рутинны. Онъ старался обратить вниманіе только на связь, порядокъ и прогрессъ и уяснить каждый отдѣльный фактъ въ цѣломъ. Распредѣляя отдѣльные факты по группамъ, онъ соединялъ ихъ въ цѣлое и направлялъ въ одинъ фокусъ, въ которомъ они и сосредоточивались. Такова была система Риттера, при посредствѣ которой онъ создалъ науку землеописанія, которая заняла уже самостоятельно мѣсто на ряду съ другими науками и по значенію ея практическаго примѣненія, не допускаетъ соперничества. Планъ Риттера былъ такъ колосаленъ, что далеко превышалъ силы одного человѣка. Своему огромному сочиненію онъ далъ на-

звание: «Die Erdkunde im Verhältniss der Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physikalischen und historischen Wissenschaften». Уже болѣе сорока лѣтъ, какъ вышла первая часть этого замѣчательнаго сочиненія, заключающая въ себѣ описаніе Африки. За тѣмъ издано болѣе двадцати томовъ, каждый въ тысячу страницъ слишкомъ; послѣдній томъ, совершенно отпечатанный, Риттеръ получилъ уже на смертномъ одрѣ, но и имъ еще не окончено описаніе Азіи. Неутомимый ученый не дошелъ еще до обработки Америки и Европы; онъ думалъ обработать прежде Азію, въ четырехъ частяхъ, но многосложный трудъ его образовалъ колоссальное собраніе фактовъ, изслѣдованій, открытій и литературы этой части свѣта. Существеннымъ пособіемъ къ уясненію этого сочиненія послужилъ, изданный имъ вмѣстѣ съ майоромъ прусскаго генеральнаго штаба Этцелемъ, атласъ Азіи.

Изъ многихъ изданій Риттера заслуживаетъ еще особенное вниманіе: «Europa, ein geographisch-historisch-statistisches Gemälde» и «Введеніе къ исторіи европейскихъ народовъ Геродота». Сверхъ того, значительная часть его изученій и труда посвящалась множеству другихъ мастерскихъ географическихъ статей. Многія изъ монографій его вошли въ большое сочиненіе; какъ напримѣръ: «О верблюдѣ», «О распространеніи тигра» и о множествѣ растеній, обращающихся въ торговлѣ, которыя нѣтъ возможности перечислить, — всѣ онѣ представляютъ дѣйствительные образцы учености и остроумія. Читая въ Берлинѣ лекціи, онъ такъ отчетливо и ясно развивалъ предметъ, такъ искусно умѣлъ возбудить своихъ слушателей, что всѣ они ловили каждое его слово, и послѣ всякой лекціи каждый уходилъ съ полнымъ сознаніемъ, что онъ обогащенъ новымъ знаніемъ. Карлъ Риттеръ былъ превосходный профессоръ и многія тысячи слушателей обязаны ему безконечною благодарностью.

Наружность его открытая, симпатичная и внушающая довѣріе; гдѣ только дѣло касалось науки, тамъ Риттеръ былъ неутомимъ и на совѣты, и на поощренія молодымъ людямъ, лишь бы указать имъ прямой и вѣрный путь. Скромность его и безпритязательность исключали въ немъ всякое честолюбіе. Почетъ, какъ великому, заслуженному ученому, самъ собою шелъ къ Риттеру со всѣхъ концовъ свѣта. Онъ никогда не гонялся за орденами и титулами, которымъ придаютъ такую цѣну умы мелкіе. Онъ былъ пропитанъ гуманностью и искреннею религіоз-

ностью; но никогда не выставлялъ ихъ на показъ, чтобы вызвать постороннихъ на похвалы и одобренія. Съ Карломъ Риттеромъ погибло необыкновенное знаніе и нѣтъ человѣка, который могъ бы замѣнить этого достойнаго представителя славы ученой Германіи.

ФРАНЦУЗСКІЯ ПРОВИНЦІИ *).

VI.

Пуатье, 10 августа 1859 года.

Лишь только я вышелъ изъ вагона, тотчасъ обратился съ вопросомъ: гдѣ найдти провозатаго для осмотра городскихъ достопримѣчательностей? Дѣло было не такъ трудно; какъ и въ другихъ городахъ, я нашелъ толпу блузниковъ, предлагавшихъ свои услуги. Я взялъ восьмилѣтняго мальчика, гдѣ поды мышку и отправился любоваться на *французскій Кіевъ*... Но прежде, чѣмъ обратить вниманіе на его многочисленныя церкви и монастыри, я не безъ любопытства посмотрѣлъ на моего провозатаго: въ оборванной рубашенкѣ, почти безъ панталонъ и совершенно уже безъ обуви, съ какимъ-то страннымъ картузомъ на головѣ, онъ представлялъ собою полнѣйшій типъ французскаго гаменъ, которые проводятъ дѣлые дни на парижскихъ улицахъ, Богъ знаетъ, у кого ночуя, Богъ знаетъ, какъ и чѣмъ питаюсь. — «Да, французскіе мальчишки явленіе любопытное, объяснялъ мнѣ одинъ добрый пріятель — нотаріусъ, смотрите, напримѣръ, вотъ пятеро изъ нихъ, одинъ за другимъ, взглянуть на желѣзныя перила спуска съ высокой террасы и, рискуя разможжить себѣ голову о мостовую, скатываются въ низъ. И никто за ними не смотритъ, никто о нихъ не заботится; вопреки многочисленнымъ учебнымъ заведеніямъ, немногіе изъ этихъ *дѣтей Парижа* выучиваются читать и писать. Всѣ эти подростки дѣлаются впоследствии солдатами, зуавами, ворами, убійцами, всегда тунеядцами и всегда первыми воинами въ малѣйшемъ безпорядкѣ, въ первой революціи... Въ кровавыхъ событіяхъ 1848 года парижскіе мальчишки принимали живѣйшее участіе: съ пистолетами, саблями, ружьями они были всегда

*) Письма № 1, 2 и 3 въ Русскомъ Словѣ, № 9, письма № 4 и 5 въ Русскомъ Словѣ, № 10.

впередъ; смѣло, съ визгомъ и крикомъ, кидались въ ряды *возстановителей порядка*, разстроивали эти ряды, подползали подъ лошадей начальниковъ, офицеровъ, взлѣзали на лошадей, стрѣляли, и многіе пали отъ рукъ девяти, двѣнадцати-лѣтнихъ мальчугановъ. Они безсознательно, тѣмъ не менѣе жестоко, мстятъ при первомъ же случаѣ великому городу, обрекшему ихъ на жизнь постоянныхъ лишеній, страшной нищеты и пороковъ. Какъ часто они ищутъ спокойствія, куска хлѣба и теплаго угла, — гдѣ бы вы думали? Въ тюрьмѣ. Читайте *Journal des Tribunaux*; вы встрѣтите неразъ случая, когда подсудимый, обвиненный въ бѣльшей или меньшей кражѣ, прехладнокровно благодаритъ своихъ судей за приговоръ, обрекающій его на продолжительное тюремное заточеніе.»

Замѣчательный какъ *chef-lieu de préfecture, cour d'appel, tribunaux de première instance et de commerce, siège épiscopale, académie, faculté de droit, lycée impérial, jardin botanique, pépinière sur le cours, théâtre, fontaines publiques*, — Пуатье широко раскинулся, окаймленный со всѣхъ сторонъ рѣчками *Clain* и *Voivre*. Не смотря на свою величину, городъ не слишкомъ населенъ; тишина царитъ на его улицахъ, площадяхъ, среди обширныхъ зеленѣющихъ садовъ. Основаніе города теряется во временахъ римской имперіи, до Юлія-Цезаря, и доселѣ еще остатки амфитеатра, вмѣщавшаго въ себѣ до 40,000 зрителей, свидѣтельствуютъ о его прежнемъ величій.

Но нашъ вѣкъ пользы и заработковъ не щадитъ уже громадныя памятники старины: даже и здѣсь, какъ вообще во Франціи, не смотря на полное уваженіе къ монументамъ историческимъ, не пожалѣли, однако, большой части амфитеатра и разрушили его съ тѣмъ, чтобы соорудить прекрасное зданіе рынка. Вообще вездѣ, начиная съ Парижа, эти зданія удивляютъ красотой своей постройки, всѣми удобствами для торговли и чистотою необыкновенною.

«Не угодно ли постучать, мсье, въ эту дверь,» остановилъ меня чичероне предъ однимъ изъ обыкновенныхъ домовъ. Дверь отворяла старушка. Я вошелъ въ большую комнату почти безъ мебели; за простымъ столомъ сидѣла другая старуха, еще дряхлѣе, она штопала какіе-то чулки. «Вы, мосье, въ комнатѣ, въ которой жила знаменитая Діана де Пуатье», сказала старуха, какъ-то торжественно выговаривая каждое слово. «Вы видите предъ собой этотъ громадный каминъ, занимающій почти полъ-

стѣны, онъ сохранился со временъ Діаны, равно и этотъ росписанный потолокъ, краски потемнѣли, фигуры постерлись, но тѣмъ не менѣе мы до него не дотрогиваемся. Остальные портреты на стѣнахъ не принадлежатъ къ тому времени: это портретъ моего сына, убитаго въ Крыму, это портретъ моей сестры.... Я бы могла вамъ сказать, что этотъ большой шкапъ принадлежалъ Діанѣ, это кресло ея же, но не хочу обманывать, это наша мебель, а мы — обитатели этой комнаты, кормимся тѣмъ, что получаемъ отъ путешественниковъ, да зарабатываемъ сами.»

Нечего дѣлать, за искренность разсказа пришлось дать двадцать пять су, вмѣсто десяти. Не смотря на каминъ, на росписанный потолокъ и увѣренія старушекъ, — вопросъ еще нерѣшенъ: жила ли здѣсь когда-нибудь славная красавица. По крайней мѣрѣ, аббатъ Aubert, историографъ герцогини, свидѣтельствуетъ, что Діана родилась въ Dauphiné, что она происходила отъ старинной фамилии *Poitiers*, въ свою очередь нисходящей отъ прежнихъ графовъ города Пуатье, и что, наконецъ, Діана никогда не жила въ этомъ городѣ, французскомъ *Kiev*... а его въ самомъ дѣлѣ можно назвать французскимъ Кіевомъ: это собраніе множества монастырей мрачныхъ, недоступныхъ; на каждой улицѣ ксендъ, на каждой площадкѣ церковь, между послѣдними особенно замѣчательна *Notre-Dame de Poitiers*. Костелъ этотъ заслуживаетъ вниманія по своей старинѣ: онъ выстроенъ въ половинѣ XII вѣка, по своей архитектурѣ, принадлежащей къ стилю романо-флорентійскому, по своимъ барельефамъ, покрывающимъ его сверху до низу. *La Cathedrale* — выстроена въ 1152 году Генрихомъ II англійскимъ, — но говорить объ церквахъ католическихъ многого нечего: всѣ они одного образца, во всѣхъ ихъ — театральность украшенья, стекла разноцвѣтныя, особо устроенныя окна съ желтыми стеклами надъ алтаремъ, все устроено такъ, чтобы поражать умъ и воображеніе простодушныхъ богомольцевъ. Но уже не такъ много и здѣсь простодушныхъ слушателей ксендзовъ: и здѣсь кафедральный соборъ болѣе десяти лѣтъ окруженъ лѣсами, но постройки и поправокъ не видать, и мнѣ чичероне объяснилъ, что нѣтъ денегъ ни для продолженія работъ, ни для уборки даже лѣсовъ. Въ древнѣйшей церкви *De Sainte-Radegonde* находится гробница изъ чернаго мрамора *de sainte-Radegonde*, которая привлекаетъ сюда въ августѣ мѣсяцѣ множество *вьрныхъ*, такъ говорятъ гдѣ, впрочемъ, гдѣ прежняго изданія. И теперь ждали

сюда 13-го августа императрицу Евгению; она всякой годъ прѣбываетъ на поклонъ гробницѣ и присутствуетъ при церемоніальной службѣ. Самый старинный религіозный памятникъ всей Франціи находится въ этомъ городѣ; это церковь De Saint-Jean X вѣка, обращенная нынѣ въ музей древностей: въ ней весьма много барельефовъ и разныхъ памятниковъ временъ Александра Севера, Цезарей и другихъ римскихъ владыкъ.

Чудный видъ на городскія окрестности, на его предмѣстья съ высотъ укрѣпленій, окружающихъ городъ! Что за растительность, что за прелестные сады, прекрасныя деревушки, необыкновенно чистая, свѣтлая рѣка, въ которой я съ наслажденіемъ купался, съ отвращеніемъ вспоминая о грязной Сенѣ. На тѣнистыхъ бульварахъ, въ публичномъ саду, всюду сооружали приготовления къ празднеству 15-го августа; развѣшивали фонари, ставили щиты и декораціи съ вензелями Наполеона. Провожатый мой съ видимымъ удовольствіемъ толковалъ о предстоящемъ весельи, толковалъ о пяти богачахъ нобляхъ, проживающихъ по мильону франковъ, съ негодованіемъ и завистью говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который проживаетъ особенно много, но постоянно *въ собственное удовольствіе*, и никогда въ удовольствіе своихъ земляковъ.

Въ Пуатье, какъ я уже сказалъ, множество монастырей, при нихъ много пансіоновъ для воспитанія дочерей старинныхъ, родовыхъ *дворянскихъ* фамилій. У насъ уже сознали весь страшный вредъ, который приноситъ замкнутое воспитаніе въ стѣнахъ монастырскихъ, какія плохія матери, и жены выходятъ изъ монастырскихъ воспитанницъ, какъ чуждо воспитаніе, ими полученное, чуждо той жизни, той средѣ, въ которой они должны жить и дѣйствовать. Глубоко просвѣщенныя начальницы нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній не остановились на одномъ сознаніи зла — уже сдѣланъ громаднй шагъ въ его уничтоженію: одишъ Петербургъ имѣеть четыре женскихъ гимназій, другіе города не отстаютъ отъ столицы. Здѣсь же воспитаніе дѣвицъ мѣстной аристократіи, какъ и во всей Франціи, находится въ самомъ безотрадномъ положеніи. Кто не знаетъ, кто не читалъ «парижскихъ писемъ» нашей знаменитой писательницы Евгени Туръ? къ нимъ мы и отсылаемъ нашихъ читателей, желающихъ познаться съ состояньемъ сего вопроса во Франціи и въ другой, въ третій разъ перечитать письма нашей талантливой соотечественницы.

VII.

Ангулемъ, 10 августа, вечеръ.

Спасибо и спасибо желѣзнымъ дорогамъ: нѣсколько часовъ прошло, и я уже гуляю по неправильнымъ и несовсѣмъ чистымъ улицамъ древнѣйшей столицы de l'Angoumois. На этотъ разъ провожатый мой былъ старикъ, взросшій въ Алжирѣ подъ африканскимъ солнцемъ и арабскими пулями, получившій отставку послѣ девятилѣтней службы и зажившій домкомъ въ родномъ городѣ Ангулемѣ: «вотъ моя жена, говорилъ онъ, указывая на толстую, здоровую женщину, хлопотливо возившуюся у какого-то корыта, при входѣ въ свою мансарду, а вотъ мой сынишка говорилъ старикъ, цѣлуя мальчугана, со всѣхъ ногъ прибѣжавшаго къ нему на встрѣчу. Вѣдь что? Вотъ я служу на желѣзной дорогѣ, таскаю чемоданы, вожу путешественниковъ, сколачиваю франкъ, полтора, два въ день, а получаю я пять каждый день постоянно, вѣдь ничего бы не захотѣлъ больше! Не захотѣлъ бы быть и этимъ негоціантомъ: смотрите, вотъ его дворецъ на горѣ у коллегіи; внизу за рѣкой пять его фабрикъ бумажныхъ, вѣдь и не ходитъ туда, такъ изъ кабинета переговаривается съ ними, да надзираетъ за работами по телеграфу; получаю я 1,000 франковъ въ годъ все бы бросилъ, блаженствовалъ бы только, а блаженствовалъ ли бы? Пожалуй захотѣлось бы еще.... да.... еще....»

Но если для моего алжирскаго воина замѣчательнѣе другихъ памятниковъ — фабрики богатыхъ негоціантовъ и ихъ разговоры съ рабочими по телеграфу, не вставая съ кресла, то для меня гораздо интереснѣе показалась превосходная мѣстность города Ангулема. Городъ живописно раскинулся на громаднѣйшей скалистой возвышенности, поднимающейся надъ уровнемъ рѣки на шестдесятъ метровъ; туннель въ три километра проведенъ подъ городомъ: и если можно свободно прогуливаться въ Ангулемѣ, то еще свободнѣе можно прокатиться въ вагонѣ *подъ* Ангулемомъ. «Здѣшнія женщины, говоритъ описаніе города, славятся своей красотой, здоровьемъ, полнотою и свѣжестью.» Проходя по извилистымъ и довольно грязнымъ улицамъ старой части города, я видѣлъ, при закатѣ солнечномъ, множество этихъ *сѣкажиль* женщинъ, сидящихъ на порогахъ; онѣ были одѣты, какъ одѣваются извѣстнаго рода женщины, щеки ихъ были что-то особенно бѣлы, румянецъ слишкомъ ярко цвѣта; красавицы весьма

любезно заговаривали съ моимъ чечероне, спрашивая его кого онъ провожаетъ и отчего не остановится.

А это что за великолѣпный домъ на горѣ?

«Это здѣшняя коллегія, нынче время вакаціонное, учениковъ не много осталось; въ коллегію войти нельзя, а пройдемъ мимо, если вамъ угодно.»

Большое зданіе коллегіи, прикрываясь толстѣйшими липами и тополями, красовалось на скалѣ: по уступамъ ея лѣпился публичный садъ или бульваръ; тамъ, н сямъ между цвѣтами и зеленью высовывались сѣрые, голые камни; мѣстами журчали ручейки, стремительно несшіеся внизъ къ рѣкѣ Шарантѣ.... голубой, широкой лентой вытягивалась она внизу, огибая гору. Вечеръ такъ тихъ, солнце заходитъ, золотя прощальными лучами верхушки домовъ и церквей, съ полей тянутся телѣги, торговки на рынкѣ нагружаютъ своимъ мелкимъ товаромъ небольшихъ ословъ, блузникъ бредетъ съ огорода, приподымая соломенную шляпу и отирая потъ.... все такъ мирно, такъ тихо, такъ спокойно, такъ отрадно на душѣ: сквозь растворенныя окна и двери видно съ улицы чистота, опрятность въ комнаткахъ, мѣстами бѣдность, но не та нищета, не та ужасная обстановка, не та грязь, которая такъ знакома намъ, которая такъ часто заставляла сжиматься сердце всякаго, кто имѣлъ удовольствіе путешествовать по нашимъ городкамъ, по роднымъ деревенькамъ.... Итакъ не видать здѣсь грустныхъ, тѣмъ не менѣ родныхъ картинъ? Но нѣтъ, постоитъ, вотъ что-то знакомое; на площадкѣ передъ коллегіей играютъ *съ мячикъ, съ веревочку, съ бары* нѣсколько десятковъ мальчиковъ въ красныхъ форменныхъ казакничкахъ коллегіи, вдали на скамейкѣ сидитъ гувернеръ съ важной и серьезной миной: на площадкѣ крикъ, шумъ, мячикъ летитъ, играющіе съ растегнутыми сертучками, съ шапкой на затылкѣ бѣгутъ туда и сюда.... ихъ свѣжія, мловидныя личики разгорѣлись, улыбка на устахъ.... какъ счастливы, какъ довольны они; а тамъ, за липами, группа болѣе взрослыхъ юношей. Они чѣмъ-то заняты? Не болѣе, не менѣ какъ *напиросати*. Двое сидятъ на корточкахъ, предъ ними платки съ табакомъ и гильзамъ: одни *набиваютъ*, другіе пританчившійся за липами и осторожно оглядываясь по сторонамъ съ жадностью втягиваютъ въ себя дымъ, очередь другаго: напироса переходитъ къ другому. Но не бойтесь, ихъ не замѣтитъ строгій менторъ, у переднихъ деревьевъ стоятъ часовые, они безпрестанно оглядываются на-

задъ, выжидая, когда ихъ смѣнятъ, когда они наслаждаются за-
прещеннымъ плодомъ.

Эта сцена живо напомнила мнѣ мой кадетскій корпусъ: мы въ классахъ, гремитъ барабанъ: бьютъ *перемьну* (учителей). — «Хмыровъ, а Хмыровъ! кричитъ басъ задней скамейки товарищу, придвинь доску къ дверямъ, а то сквозь стекла дверей увидитъ дежурный.... Наблизъ папросу? Дай-ка братъ *затянуться*.» И басъ, старый кадетъ, *закалз* — спѣшитъ за доску, къ завѣтной трубѣ, вьюшки давно уже вынуты, вынимаетъ изъ-за сапога спички и *затягивается* папросой въ полномъ смыслѣ слова, т. е. выходитъ изъ за доски съ отуманенной головой. За нимъ другой, третій, всякій въ свою очередь.

— Дежурный по корпусу идетъ, дежурный идетъ — кричитъ часовой у дверей.

Папроска брошена, *курильщики* выскакиваютъ изъ за доски, торопливо вынимаютъ кусочекъ хлѣбца *закусываютъ* имъ, чтобъ не пахло изо-рта.

Капитанъ входитъ. На лицѣ важность, приличная званью и глупость (скажу по секрету) приличная *воспитателю юношества*. «А у васъ тутъ опять накурено? кричитъ менторъ громовымъ голосомъ, старшій.... гдѣ старшій.... Гавриловъ! Кто у васъ *курилъ?*»

Старшій *не выдаетъ своихъ*. «Протопоповъ! вы курили? Дыхните на меня?»

Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ кадетъ (два года уже брѣющій бороду) и во весь ротъ *дышетъ* капитану. Тотъ лѣзетъ въ трубу, съ удовольствіемъ находитъ тамъ окурокъ. Экое блаженство. Занятіе теперь есть для воспитателя и его достойныхъ сотоварищей-капитатовъ, да дежурныхъ офицеровъ; начинается слѣдствіе, допрашиваютъ, не сознаются, сажаютъ въ карцеръ, пинутъ въ приказахъ, высылаютъ въ юнкера.... а кадеты все больше и больше курятъ, да и нечему удивляться они находятъ два удовольствія: *затягиваться*, да еще подвергаться опасности....

Англемъ обладаетъ кромѣ лицей (основаннаго еще въ 1540 году), большой и малой семинаріей; съ IV-го вѣка мѣстопробываніе епископа; трибуналъ торговли, первой инстанціи, общество сельскаго хозяйства, управление мануфактуръ, театръ, публичная библіотека, кабинетъ естественной исторіи, кабинетъ физики — вотъ достопримѣчательности города. Его старинный замокъ, на площади du Marché, замѣчательнъ своими башнями, еще замѣча-

тезьнѣ мѣсторожденіемъ (11-го апрѣля 1492 года) Маргариты де Валуа, королевы Наварской, которую Францискъ 1-й называлъ «Маргаритою изъ Маргаритъ»; въ этомъ же городѣ родился убійца Генриха IV — Равальякъ и другія знаменитости въ различныхъ родахъ.

VIII.

Бордо, 11 августа.

Ночь провелъ въ вагонѣ: проспалъ преспокойно и только изрѣдка сонъ мой нарушалъ сосѣдъ, толстый grêtre. Онъ спѣлъ подъ лампой, на какой-то подушкѣ гутаперчевой и въ полголоса читалъ.... молитвенникъ. Это странное ханженство здѣшнихъ священниковъ постоянно меня удивляло; для кого они разыгрываютъ свои роли? Гдѣ, въ какомъ классѣ народа находятъ они простодушныхъ? Если случалось мнѣ видѣть здѣсь мѣста, въ которыхъ религія еще довольно сильна, то нигдѣ и никого невидѣлъ я, чтобъ отзывались о здѣшнихъ grêtr — ахъ съ уваженіемъ. Жизнь ихъ полна лицемерія, лжи, пуетосвятства.... и какое странное явленіе представляетъ въ этомъ случаѣ Франція: то, что говорилось, писалось, наконецъ вошло въ сознаніе народа, сдѣлалось аксіомою во-второй половинѣ прошлаго вѣка, о томъ снова начинаютъ говорить, чуть ли не столѣтъ спустя, о томъ снова начинаютъ доказывать, пишутъ цѣлыя статьи; въ докозательство сказаннаго стоитъ только заглянуть въ одинъ изъ лучшихъ, либеральныхъ журналовъ *Le siecle*; стоитъ прочесть дѣльныя и довольно смѣлыя (для нынѣшней цензуры) статьи Гавана, Тексіе и другихъ. О чемъ-же трактуютъ они: о упраздненіи свѣтской власти папы, о свободѣ книгопечатанія, однимъ словомъ обо всемъ томъ, что уже давно было рѣшено и чуть ли не впервые во Франціи....

Я вѣхалъ въ Бордо, на разсвѣтѣ 11-го августа: это второй Парижъ, невольно сорвалось у меня съ языка, когда я сталъ проѣзжать по широкимъ, необыкновенно чистымъ улицамъ, мимо превосходныхъ бульваровъ, громаднхъ зданій, памятниковъ, театровъ. Это что за конная статуя? подхожу, на невысокомъ пьедесталѣ, на бронзовомъ конѣ посажена статуя императора Луи-Наполеона III-го. Надпись на одной сторонѣ пьедестала: «императору Наполеону III-му признательный городъ Бордо 1853 г.» На другой сторонѣ фраза изъ рѣчи Наполеона: «имперія есть миръ!»

Чудныя времена! Лучшая нація въ Европѣ рѣшительно не идетъ впередъ, а повторяетъ зады: фраза, прочитанная нами, не повторялась ли она шестдесятъ лѣтъ тому назадъ? на какія печальныя думы она наводитъ, но не бойтесь, мы не станемъ передавать этихъ мыслей, нѣту времени, надо осматривать Бордо; непременно надо, хотя на дворѣ.... сыро, мелкій дождикъ мороситъ по немножку и можно подумать, что мы въ Петербургѣ.... «Не угодно ли мосье персиговъ, два сантима штука» спрашиваетъ васъ торговка, ни дать ни взять такая же дряблая, какихъ много въ сѣверной Пальмирѣ у Троицкаго моста. Но если торговка такая же, за то громадные, сочные персики, персика чудовищи ни мало не напоминаютъ гнилые апельсины и мелкія яблоки по копѣйкѣ, да по пяти, продаваемые на нашихъ мостахъ да уллицахъ.

На одной площади, *украшенной* статуей Наполеона, возвышается громадное зданіе выставки. Не смотря на раннее утро, на скверную погоду—залы выставки были полны народу. Самая разнообразная публика прогуливалась съ указателями выставленныхъ произведеній, произведеній всякаго рода фабрикъ, заводовъ, предметовъ сельскаго хозяйства, домоводства, архитектуры, живописи, *литературы* и проч. и проч. Такъ все устроено хорошо, выставленныя произведенія такъ хороши, всѣ пособия для удобнаго осмотра такъ полны, что вы не имѣете нужды даже восхищаться видѣннымъ, васъ избавляютъ и отъ этого труда; платите двѣ копѣйки и у васъ Bulletin de l'Exposition, paraisant le dimanche et le jeudi, sciences, arts, agriculture, industrie.» Читайте этотъ бюлетень, въ немъ восторгаются всѣмъ и за васъ. Если памятникъ не покойному, а живому Наполеону наводитъ васъ на печальныя размышленія, то за то великогѣпныя статуи изъ бѣлаго мрамора, воздвигнутыя у входа въ зданіе выставки, статуи Монтаню и Монтескье разгоняютъ эти размышленія, которыя еще больше разсѣваются при прогулкѣ въ маленькой лодочкѣ по обширному и великогѣпному порту города Бордо. Устье рѣки Гароны очень широко, глубоко и представляетъ большія удобства для порта. Сотни кораблей и пароходовъ англійскихъ, голландскихъ, прусскихъ, американскихъ, послѣднихъ особенно много наполняютъ портъ.

Гдѣ же русскіе корабли? спросилъ я, между прочимъ лодчипка.

«А вотъ два флага маленькхъ.»

Подъѣхали къ небольшому, не совсѣмъ чистому фрегату. Матросы красили бока судна.

«Русскій корабль?»

Матросы не отвѣчали, только одинъ изъ нихъ сказавши: «Мой не понимаетъ» объяснилъ на страшно ломанномъ языкѣ, что корабль русскій, изъ *Рим*, хозяинъ нѣмецъ, а они, т. е., матросы, англичане, но нѣсколько лѣтъ живутъ въ Лифляндіи.

Что это за церковь на правомъ берегу? спросилъ я лодочника.

Это церковь святаго Михаила, самая красивая въ городѣ и едва ли не самая старинная, она основана въ XII вѣкѣ. Развѣтываю гдѣ и читаю въ немъ слѣдующее:

«Смѣло рекомендуемъ тѣмъ, кто любитъ сильныя ощущенія, склепъ или подвалъ церкви святаго Михаила. Здѣсь собраны трупы, высохшіе и сохранившіеся въ числѣ пятидесяти. Первый этажъ башни этой церкви занятъ сторожемъ и его семействомъ; они спокойно расположились въ своей квартирѣ, не обращая вниманіе на свое страшное сосѣдство. Спиральная узкая лѣстница ведетъ изъ ихъ комнаты въ круглый склепъ. Здѣсь, вокругъ стѣны, за небольшою оградой, поставлены трупы. Всѣ они уперлись спинами въ стѣну, всѣ держутъ руки въ разныхъ положеніяхъ, всѣ разнаго роста — и это вертикальное положеніе, трепещущій свѣтъ факела, съ которымъ провожаетъ васъ сторожъ, эти тѣни, которые набѣгаютъ и исчезаютъ, все это представляетъ нѣчто фантастическое и ужасное.

Воображеніе поэтовъ и живописцевъ, пишетъ Théophile Gautier, никогда не производило кошмара болѣе ужаснаго; самыя чудовищно-фантастическія произведенія Goya, бредни Louis Boulange, изображенія дьявольскаго міра Callot и Téniers, весь сказочный міръ балладъ германскихъ — все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ эта коллекція труповъ, собраніе достойное чародѣевъ Вроскеп-а, и колдуновъ Фауста.

Всѣ фигуры, наполняющія этотъ склепъ, исковерканы, лица представляютъ какія-то отвратительныя гримасы, черепа мѣстами голые, мѣстами покрытые длинными волосами, полуобнаженные ребры, между которыми, какъ сквозь рѣшетки, можно видѣть высохшую, тѣмъ не менѣе сохранившуюся внутренность, высохшія и болтающіяся какъ губки — легкія; тамъ мясо, обратившееся въ порошокъ и обнажившее кость; тамъ кожа, — она высохла какъ пергаментъ и, потерявъ нервы связи съ тѣломъ, ви-

сильно на скелетѣ, какъ лохмотья старого, негоднаго платья. Ни одна изъ мумій не представляетъ безстрастнаго спокойствія, на всѣхъ лицахъ смерть напечатлѣла различное выраженіе, выраженіе можетъ быть той мысли, которая занимала человѣка въ часы предсмертной агоніи. Рты искривлены: тамъ ужасъ, негодованіе, безвѣріе, тамъ какая-то адская, сардоническая улыбка, какъ бы насмѣшка надъ жизнію. У нѣкоторыхъ челюсти вывихнуты, шейные мускулы страшно раздуты, пальцы страшно исковерканы, позвоночные столбы какъ-то странно выгнуты, все туловище иногда какъ бы выражаетъ фигуру недовольства, негодованія: рассказываютъ, что весь этотъ людъ разсерженъ за то, что нарушили его спокойный и глубокий сонъ, и вытащили изъ гробницъ на показъ какому-нибудь любопытному профану...»

Описаніе, прочтенное мною въ гидѣ, сильно меня заинтересовало. Лодка причалила къ берегу, я поспѣшилъ расплатиться съ лодочникомъ и нѣсколько минутъ спустя уже шелъ за молодымъ парнемъ-сторожемъ, который, съ факеломъ въ рукѣ, самымъ спокойнымъ, безстрастнымъ голосомъ въ тысячный, разумеется, разъ указывалъ на фигуры болѣе интересныя. Такъ, напримѣръ, я видѣлъ трупъ генерала, убитаго на дуэли (что узнано было изъ надписи на его гробницѣ). Его широкая рана, синеватые, отвислые губы бросались въ глаза всякому; подлѣ стоитъ трупъ носильщика; судя по росту, по его громаднымъ членамъ: ногамъ, рукамъ, можно предположить, что это былъ человѣкъ силы необыкновенной; одна негритянка, которую, разумеется, по цвѣту трудно отличить отъ сосѣдей ея—бѣлыхъ, но легко отличаютъ по устройству черепа; не далеко стоитъ женщина, въ ней сохранились еще всѣ зубы и ротъ, почти свѣжій; далѣе цѣлая фамилія, состоящая изъ мужа, жены и двухъ дочерей: всѣ они были отравлены грибами (все это было узнано изъ надписей надъ гробницами); но поразительнѣе всѣхъ фигуръ, это трупъ небольшого мальчика, по всѣмъ признакамъ, по словамъ сторожа и по увѣренію гида, закопаннаго живымъ. Почернѣвшій, высохшій трупъ весь изображаетъ грусть и отчаянье. «Никогда и нигдѣ, восклицаетъ Готье, страданія человѣческія не выражались съ такою ужасною правдою. Ногти несчастнаго малютки впились въ тѣло, колѣни сведены конвульсивными движеніями, головка откинута назадъ— все положеніе тѣла ясно говоритъ, что злополучный ребенокъ съ бесплодными усиліями старался выйти изъ своего гроба...» По угламъ подвала красивыми кучками сложены были кости; большая часть изъ нихъ отлично сохранилась. Вообще надо замѣ-

тить, что старѣйшіе по времени трупы, показываемые здѣсь, сохраняются почти триста лѣтъ, позднѣйшіе шестьдесятъ лѣтъ. Нечего и говорить, что причиной ихъ спасенія отъ тлѣнности — это свойство той почвы, въ которой судила имъ судьба успокоиться и откуда ихъ вытащили герои первой кровавой революціи, разрушавшіе церкви. Мы имѣемъ свои муміи: герцога де Ла-Кроа, герцога Бирона... не знаю много ли дохода приносятъ ихъ тѣла сторожамъ митавской кирки, но здѣсь доходъ великъ: каждый платитъ гардіену не менѣе франка, а посѣтителю являются въ теченіи цѣлаго дня. Со мной вмѣстѣ прогуливались человѣкъ десять французовъ и англичанъ.. Всѣ не могли надивиться довольству и спокойствію, съ которыми расхаживалъ гардіенъ, распоряжаясь съ трупами, какъ съ вещами своего музея; онъ запуская руку въ животъ, приглашалъ любопытныхъ сдѣлать тоже, чтобъ удостовѣриться, какъ хорошо сохранились кишки. Не могу не вспомнить при этомъ слѣдующаго обстоятельства. Еще въ 1848 году на лѣвомъ берегу западной Двины, въ предмѣстьи города Полоцка, была каменная униатская или католическая церковь. Пришедши въ ветхость, этотъ костель съ каждымъ годомъ разваливался, старѣлъ и наконецъ, когда летучія мыши и совы, послѣднія его обыватели, оставили его, тогда его рѣшились передѣлать въ православную церковь. При этой-то передѣлкѣ открыли въ склепу громадное собраніе труповъ, необыкновенно хорошо сохранившихся. Гробы были большею частью сгнившіе, но я видѣлъ тѣла, нѣкоторые даже непочернѣвшіе, а только пожелтѣвшіе. На тѣлѣ одного францисканскаго монаха сохранились даже лохмотья его одежды, кошелькъ на поясѣ, въ который онъ собиралъ подаяніе; дажѣ, какъ теперь помню, бѣлое тѣло мальчика лѣтъ десяти... Съ какимъ страхомъ одиннадцати лѣтнимъ мальчикомъ я входилъ въ этотъ погребъ, какъ долго не рѣшался переступить порога, не смотря на то, что дѣло было днемъ, что подлѣ меня были товарищи, что на верху раздавались голоса рабочихъ, подлѣ торговался какой-нибудь еврей. Нѣкоторые трупы, благодаря свойству почвы, до того сохранились, что въ моей дѣтской головѣ не разъ возникалъ вопросъ, почему Алексѣй Петровичъ Г—въ на лекціи естественной исторіи не прикажетъ принести въ классъ одну изъ этихъ мумій. На ней можно бы было гораздо яснѣе показать составъ человѣческаго тѣла, нежели на скелетѣ какого-то солдата, который приносили намъ изъ музея съ какимъ-то зеленымъ покрываломъ.

Но къ сожалѣнiю нашему трунъ не былъ принесенъ, а въ слѣдующее воскресенье и всѣ они были законаны въ большой ямъ, вырытой посреди церковнаго подвала.

Утомленный осмотрами разныхъ памятниковъ и церковей въ другихъ городахъ, я лѣнливо бродилъ по широкимъ улицамъ, тѣнистымъ бульварамъ и обширнымъ площадямъ города Бордо. Чудный публичный садъ далъ мнѣ возможность отдохнуть нѣсколько часовъ: какая чистота дорожекъ, какой тщательный уходъ за деревьями, цвѣтниками, что за свѣтлая рѣчка бѣжитъ по зеленымъ лугамъ, что за красивые, щегольскiе, легкiе желѣзные мостики переброшены черезъ нее. Разговорившись здѣсь со старикомъ о первой имперiи, о животрепещущемъ вопросѣ для французовъ, о войнѣ съ англичанами — я не замѣтилъ какъ время подошло къ пяти часамъ; нѣсколько минутъ хода и я былъ предъ громаднымъ зданiемъ l'Hotel de ville, прежнiй королевскiй дворецъ воздвигнутый въ 1778 году. Въ этомъ зданiи находится старый музей картинъ; библиотека въ 120,000 томовъ; ни того, ни другаго я не могъ видѣть. Во первыхъ было поздно, а во вторыхъ весь обширный дворъ былъ занятъ толпами австрiйскихъ плѣнныхъ. Кто стоялъ, кто сидѣлъ, кто лежалъ на камняхъ, ни мало не жалѣя своего бѣлаго мундира: — всѣ плѣнные получали нынѣ деньги на проѣздъ въ отчизну, ихъ отсылали черезъ Парижъ нынѣшнею ночью по желѣзной дорогѣ. Широкиа, отдутыа, тупыа лица австрiйцевъ не выражали ни какого особаго чувства. Полнѣйшая апатiя выражалась въ ихъ движенiяхъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалось. У рѣшетки толпились французы, не многiе пытались говорить съ плѣнными, большая часть равнодушно осматривала ихъ, какъ барановъ, или овецъ, согнанныхъ въ одно стадо.

Быть въ Бордо и не видѣть его «Большаго театра» все равно, что быть въ Римѣ и..... нѣтъ позвольте, эта поговорка уже слишкомъ стара; все равно, что быть въ Москвѣ и не удивляться памятнику Ивана Грознаго: храму Василья блаженнаго. Театръ города Бордо (мы говоримъ про большой: другой театръ — les Variétés — зданiе весьма обыкновенное) громадное зданiе на большой площади, оно лучше всѣхъ зданiй этого рода, которые я только видѣлъ въ Петербургѣ, Берлинѣ, Копенгагенѣ, Кельнѣ, Парижѣ.... Это chef-d'oeuvre архитектора Louis. Его величина, его громадныа колонны, статуи, украшающiа фронтонъ, концертныа залы, великолѣпная сцена, изящно и роскошно отдѣланныа ложи, которыа со-

ставляютъ до самаго верха прекрасныя балконы, эти бѣлыя колонны, которыя отдѣляютъ каждую ложу и поднимаются съ перваго яруса до верхняго фриза, все это такъ хорошо, что изъ-за одного удовольствія видѣть внутренность большаго театра города Бордо стоитъ взять билетъ въ кассѣ. Если мы еще скажемъ, что со всѣхъ сторонъ этого замѣчательнаго зданія идутъ широкія галлерен, прекрасное гульбище и убѣжище лѣтомъ отъ жара, а зимою отъ дождя, если мы добавимъ что мѣры, принятыя на случай пожара до того хороши, что въ нѣсколько минутъ театръ можно затопить или потерять только залу, которая составляетъ какъ бы островъ въ этомъ прекрасномъ зданіи, что наконецъ чуть не всѣ ложи имѣютъ свои лѣстницы и въ двѣ минуты зала можетъ опустѣть, если мы скажемъ все это, то всякій увидитъ, что театръ города Бордо стоитъ въ первомъ ряду европейскихъ театровъ. И онъ не ошибется; за то крѣпко ошибется, если вспоминая пословицу: «по одежкѣ протягивай ножки» подумаетъ, что въ столь великолѣпномъ зданіи великолѣпны и представленія. Я имѣлъ несчастіе слышать здѣсь оперу *Вильгельмъ Тель*. Театръ былъ полонъ, клакеры (а они и здѣсь, въ маленькомъ Парижѣ, завелись, какъ водятся уже давно въ большомъ Парижѣ) хлопали усердно, но что за бѣдныя костюмы, что за визгливая, жалкая примадонна, что за актеръ для главной роли.... до того все было пошло, что я не могъ высадить и поспѣшилъ на желѣзную дорогу..... въ Парижъ, въ Парижъ! Снова въ этотъ водоворотъ, на эти бульвары, елисейскія поля, въ рестораны, къ этимъ красавицамъ, такъ мило вытягивающимъ деньги у моихъ соотечественниковъ!... Парижъ еще интереснѣе теперь. 15-ое Августа, день высшей славы Наполеона, приближается....

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, сорокъ вагоновъ помчались въ Парижъ, увозя вашего покорнаго слугу, чуть ли не двѣ сотни австрійцевъ и множество иностранцевъ и французовъ, спѣшившихъ на праздникъ. Въ одной каретѣ со мною сидѣли англичанинъ, два испанца, австрійскій офицеръ и двое гасконцевъ-французовъ.

«Какая снѣсь..... языковъ». Подъ этотъ англо-испано-французонѣмецкій говоръ я заснулъ и снится мнѣ.....

Позвольте сообщить, что именно снится мнѣ: — Я на школьной скамьѣ, предо мной длинный, длинный и толстый претолстый учитель русскаго языка: какъ не длиненъ онъ, но носовою платокъ его еще длиннѣе, онъ хватаетъ до пола, когда педа-

гогъ, понюхавъ табакъ, начинаетъ сморкаться, притомъ такъ, что платокъ не принимаетъ въ этомъ случаѣ участія, а только служитъ декорацией, прикрытіемъ большого носа. Предъ учителемъ грамматика..... ну разумѣется Греча. «Эй, ты С.... на второй скамьѣ, знаешь урокъ, что сегодня было задано?»

«Знаю-съ, сегодня задано о знакахъ препинанья съ страницы 235-ой по 238-ю, съ пятой строчки сверху по седьмую строчку снизу» говорю я не запинаясь.

«Говори всѣ случаи, продолжаетъ профессоръ, гдѣ употребляется запятая, точка съ запятою, двѣ точки, точка, знакъ вопросительный, восклицательный, тире, *красная черта*, ковычки, выноски, скобки и нѣсколько точекъ?»

Я отвѣчаю живо, безъ запинки отъ слова до слова по грамматикѣ многоуважаемаго автора «Черной Женщины», котораго я, т. е., автора, считалъ (въ то время) какимъ-то божествомъ, которое, разумѣется, знаетъ гораздо дальше, нежели я, т. е., и восьмую и девятую строчку на 238-й страницѣ грамматики.

Но профессоръ и этимъ отвѣтомъ недоволяется.

«Примѣръ заданный изъ Карамзина, говоритъ онъ, скажите примѣръ изъ Карамзина.»

«Мы приближались къ Парижу (отвѣчаю я уже не столь «ровнымъ голосомъ, а предчувствуя бѣду) и я безпрестанно «спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... «Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду «зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ течение «многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ «вкуса, модъ, котораго имя произносится съ благоговѣніемъ «учеными и не учеными, философами и щеголями, художниками «и невѣждами, въ Европѣ и въ Азій, въ Америкѣ, котораго «имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ....»

— Постой братецъ съ своимъ именемъ, прерываетъ педагогъ, во все это время управлявшійся съ своимъ носомъ, стой.... Старший, дай сюда линейку.. Я тебѣ покажу твое имя. Какъ было приказано отвѣчать примѣры? А? Двадцать разъ повторять? Мало васъ школять.... Говори «съ моимъ именемъ....» Ну?

«Съ моимъ именемъ, отвѣчаю я, уже дрожа отъ страха, съ моимъ именемъ — точка съ запятою — о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ — тире — такъ много слышалъ отъ путешественниковъ — тире — такъ много мечталъ и думалъ — тире — вотъ тир...»

Постой. Да что у тебя все тире да тире, развѣ нѣтъ и другихъ знаковъ?

«У господина-съ Караманна-съ все какъ есть тире-съ, отвѣчаю я, а уже слезы на глазахъ.

Такъ все тире, ну говори дальше.

«Вотъ — тире — онъ — нѣсколько точекъ — я его вижу — тире — и буду въ немъ — тире.»

Поди-ка сюда, держи лапу-то, я-те покажу линейкой тире.... вшь лентяй-то.

Линейка свистить, я подпрыгиваю, слезы, тире, Карамзинъ, Парижъ.... у, ухъ — какой страшный сонъ!

Столица.

X.

Парижъ, 13 августа.

«Бдете съ нами въ венсенскій лагерь?» вотъ вопросъ, которыми меня подняли мои добрые пріатели *messieurs Petit, Toutant и Viché*. — «Какъ не ѣхать.» Я быстро одѣлся и мы побрели искать извозчика. Дѣло не совсѣмъ легкое, всѣ заняты съ раняго утра, наконецъ вотъ одна карета. Кучеръ не хочетъ насъ замѣтить, онъ ищетъ одного сѣдока и преимущественно чужестранца; но за то замѣчаетъ насъ сержантъ, очень любезно останавливаетъ карету и усаживаетъ насъ въ нее. Кучеръ покоряется закону безпрекословно.

Кто хочетъ составить себѣ понятіе о французскомъ лагерѣ по лагерю гвардейскаго корпуса въ Красномъ селѣ, тотъ жестоко ошибется. Маленькія палаточки, чуть-чуть поднимающіяся отъ земли; свобода, нигдѣ расчищенныхъ лпнескъ, нигдѣ не слышать крику: «дежурные на линейку», не слышать и *распечекъ* батальонныхъ, да полковыхъ командировъ; за то здѣсь другія картины: тутъ группа солдатъ въ разныхъ позахъ расположилась на землѣ; они играютъ.... въ лото. Краснолицый, бравый зуавъ сидитъ посреди и выкликаетъ нумера, придавая каждому нумеру или имя полка, или названіе сраженія, или приплетая къ нему какую-нибудь остроу. Тамъ знамя, изорванное и взстрѣлянное, возвышается на пригоркѣ, украшенномъ цвѣтами. Подлѣ него солдаты рассказываютъ разные подвиги, да анекдоты своимъ гостямъ изъ города, женамъ, любовницамъ, братьямъ, — а тутъ какой-то живописецъ набрысываетъ на бумагу эскизъ живой сцены; за его карандашемъ съ любопытствомъ слѣдятъ

арабы, на нихъ въ свою очередь любятъ мирные торговцы и торговки Парижа.... А вотъ и мѣстная торговля: усачь саперъ бросаетъ на землю съ полдюжины австрійскихъ мундировъ, откуда онъ набралъ этихъ трофеевъ, до этого нѣтъ дѣла и аукціонный торгъ въ разгарѣ.... Тамъ сержантъ хвастливо выставилъ штыкъ съ запекшеюся кровью, — есть чѣмъ хвастать, — нарочно не отчищалъ его съ поля сраженія до приѣзда въ родимый Парижъ.... Офицеры, какъ и наши, по лагерному, ничего не дѣлаютъ: т. е., курятъ свои пипки, болтаютъ вздоръ, собравшись въ одну палатку, — да и то надо сказать: особенно теперь у нихъ и времени нѣтъ, едва успѣваютъ языки ворочать, рассказывая анекдоты про свои подвиги приѣхавшимъ горожанамъ и горожанкамъ.... Я обѣдалъ съ двумя новыми знакомыми офицерами, М. и Т., въ обществѣ ихъ товарищей; провелъ нѣсколько часовъ, бесѣда была самая живая, кажется самая занимательная, а какъ вернулся, да принялся записывать въ журналъ — не могу ничего вспомнить.... Не случилось ли того же самаго и съ вами? Сидите вы въ гостинной.... подѣвъ васъ гвардіи поручикъ, штабсъ-капитанъ и проч. чинъ; на немъ темно-зеленый моднаго цвѣта мундиръ съ иголочки, жилетъ и воротникъ блестятъ, сапоги отъ Вунша, каблучки на диво сточены, усы нафабрены, лицо сіяетъ довольствомъ, рука играетъ цѣпочкою отъ часовъ (не разъ впрочемъ бывшихъ въ банкѣ) и какъ онъ говоритъ, Боже, какъ онъ говоритъ съ сосѣдней дамой: станъ перегнулся, нога вытянута — говоритъ живо, свободно, съ одушевленіемъ, вы слушаете часъ, другой, — кажется все сказанное господиномъ поручикомъ отъ гвардіи было любопытно, занимательно, а постарайтесь-ка припомнить потомъ что-нибудь? Трудно? Такъ не пеняйте и на меня. Есть типы (говорю о типахъ, а не личностяхъ) нѣкоторыхъ сословій между мужчинами, женщинами, которые общи всѣмъ націямъ. Къ этимъ общимъ съ русскими типамъ относятся и французскіе офицеры. Вообще о нихъ можно сказать, что *они добрые малыя*, но не больше того. А что такое *добрыя малыя*? Посмотрите на полковника какого-нибудь Л., на штабсъ-капитана Д., на поручика З. и другихъ вамъ знакомыхъ героев танцевальныхъ вечеровъ, картъ и манежа.

XI.

Парижъ, 14 августа.

Какъ бы увидать ииѣ Наполеона даромъ? Но не того, что стоитъ на Вандомской колоннѣ, а того, что поѣдетъ мимо Ван-

домской колонны, что остановится у подножія ея, и, безъ сомнѣнія, остановится съ думой: какъ бы взобраться къ тебѣ, дядюшка? Добрые пріятели провели меня на *Итальянскій бульваръ*. Всѣ дома были залиты публикой отъ подвальныхъ этажей до кровли и чердаковъ, но самые улицы не были заняты подмостками. Уважая всегда народъ и частью страшась его, городское начальство не рѣшилось лишить его дармовыхъ мѣсть на улицѣ. Но за то счастливы, занявшіе первые ряды, провели здѣсь цѣлый день 13-го августа, наконецъ тутъ же и ночевали на 14-е! Я не понималъ этой жертвы для того только, чтобъ видѣть Наполеона III, не желалъ и платить что-нибудь.... Выпившись въ толпу я не безъ любопытства прислушивался къ крикамъ продавцевъ скамеекъ. Вотъ биржа-то! По мѣрѣ приближенія императора цѣна ихъ поднималась до двадцати франковъ съ каждаго за одно удовольствіе подняться надъ толпой на четверть аршина; какъ онъ проѣхалъ, курсъ упалъ до.... десяти су!

Слышна музыка, шествіе приближается. Весь парадъ, вся церемонія, всѣ постройки для нея на бульварахъ — все это вамъ уже знакомо изъ французскихъ журналовъ и газетъ.

Наполеонъ ѣхалъ немного сгорбившись, въ маршальскомъ костюмѣ, кланялся на обѣ стороны народу, снимая свою треугольную шляпу. Я не нашелъ въ немъ большаго сходства съ его теперешнимъ портретомъ: лицо загорѣлое, худое, истомленное, коротенькіе волосы съ просѣдью, длинная борода, которая еще больше вытягиваетъ его фізіономію — вся фигура вообще какъ бы говоритъ о тѣхъ тревоженіяхъ, бѣдахъ и напастяхъ, которые долженъ былъ преодолѣть этотъ предприимчивый человекъ.

Странное дѣло: всѣ эти церемоніи, блескъ, декорации, знамена производятъ опьяняющее дѣйствіе: *monsieur Toutant* очень свободно и не слишкомъ благосклонно толковавшій за пять минутъ до парада о своемъ владыкѣ, теперь, лишь только увидѣлъ кончикъ его сапога — заревѣлъ вслѣдъ за другими: *vive l'empeereur!* Мало того, въ пылу экстаза, вскочилъ на плечу своего сосѣда блузника....

Не смотря на эти примѣры дикаго, какого-то непонятнаго азарта — общій пріемъ, сдѣланный побѣдителю Сольферино, Маженто и проч. былъ далеко не такъ блестящъ, какъ тотъ восторгъ, съ которымъ провожали его на войну за независимость Италіи, такъ по-крайней-мѣрѣ меня увѣрили французы. Но за то

никакое перо не въ состояніи описать того энтузіазма, съ которымъ встрѣчали теперь раненыхъ: они шли безъ оружія, покрытые цвѣтами, съ своими перевязками, впереди каждаго корпуса. Между ними бросался всѣмъ въ глаза поручикъ безъ обѣихъ рукъ, съ перевязанной головой... онъ оставилъ госпиталь только для того, чтобъ войти съ товарищами въ ликующій Парижъ, а черезъ два дня на госпитальной койкѣ испустилъ духъ! Общія привѣтственные клики при видѣ этихъ героевъ-бойцовъ за независимость слились въ общій гулъ; цвѣточный дождь не прекращался нѣсколько минутъ; шляпы летѣли въ воздухъ; толпа волновалась. Съ меньшимъ восторгомъ встрѣчали всѣ гвардейскіе полки, саперовъ, линейные полки (до ста), крики усиливались при проходѣ зуавовъ и туркосовъ, о которыхъ до того много говорилось, даже и въ Сѣверной Пчелѣ, что мнѣ рѣшительно не приходится говорить.

Общее впечатлѣніе, производимое всѣмъ этимъ парадомъ, было довольно странно; я вспомнилъ про наши парады и церемоніи. Только одна полувоенная церемонія произвела у насъ последнее время живое впечатлѣніе: это когда входили въ Москву севастопольскіе герои-моряки и когда ихъ благодарная Москва встрѣчала съ хлѣбомъ-солью и колѣнопреклоненіемъ.

А что за мундиры у французскихъ солдатъ? Въ пыли, грязные, оборванные, аммуниція не вычищена — неужели въ этихъ же платьяхъ они побѣждали австрійцевъ. И развѣ это возможно? Само небо разсердилось на это неуваженіе къ церемоніалу и, благосклонное при началѣ парада, оно облило къ двумъ часамъ всѣхъ и парадующихъ и зѣвающихъ на парадъ обильнымъ дождемъ, дождемъ, какъ говорится, изъ ведра.

Я завелъ васъ на Итальянскій бульваръ только для того, чтобъ даромъ показать Наполеона; сдѣлавши это, я не беруся вамъ рассказывать о приступахъ массою народа и иностранцевъ ресторановъ и невозможности отыскать гдѣ нибудь обѣдъ въ этотъ день, о приступахъ рѣшительно всѣхъ omnibusовъ, о напности нѣкоторыхъ провинціаловъ, принимавшихъ деревянные пушки, сложенные пирамидами у триумфальныхъ воротъ за пушки, отбитыя у австрійцевъ; о томъ какъ цѣлые два дня толпились тысячи у тюльерійской рѣшетки, за которой предъ дворцомъ стояли неприятельскія орудія; — не беру на себя смѣлости описать и волшебной иллюминаціи, фейерверковъ — которыми отличился Парижъ 14-го и 15-го августа: въ саду Тюльери была ночь истинно волшебная. Я не видѣлъ въ жизни свою и нѣ-

роятно не увижу подобной иллюминаціи: да и не я одинъ — также говорили всѣ. Не расскажу вамъ ничего и о народныхъ увеселеніяхъ на Марсовомъ полѣ, у заставы Трона, въ Елисейскихъ поляхъ: эти громадныя мимическія театры, на которыхъ представлялись сцены изъ послѣдней войны съ Китаемъ, воздушныя шары, акробаты, балаганы съ фокусниками, уродами разнаго пола и разнаго животнаго царства, отъ человѣка до курицы. Все это, безспорно, любопытно, но и обо всемъ этомъ я уже запоздалъ описаніемъ, почему и оставляю его въ своемъ журналѣ. Что же касается до двадцати парижскихъ театровъ, то въ эти дни ликованія они представляли зрѣлище мало интересное для иностранца: они были наводнены патриотическими пьесами; пьесами *обстоятельства*: съ бюстами Наполеона, съ вѣнчаніемъ его лаврамп, съ кантатами хвалебными, пзступленнымъ хлопаньемъ наенныхъ клакеровъ и прочимъ вздоромъ; таковы: *Le Retour d'Italie*, *La Voie sacrée*, *Le Quinze août*, *Brelan de turcos* и проч. и проч.

М. И. С. . . . кій.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

Хроника Е. О. Моллера, а равно нѣкоторыя другія статьи третьяго отдѣла, по причинамъ, отъ редакціи независящимъ, отлагаются до слѣдующей книжки.

II.

Новый уставъ Императорской Академіи художествъ. — Нѣсколько словъ, кстати, объ образчикахъ чеканнаго металлическаго искусства въ Россіи. — Общество для вспомошествованія ученымъ и литераторамъ. — Общество частной евангелической больницы. — Увеличеніе дѣйствій клиники и ветеринарнаго института при санктпетербургской медико-хирургической академіи. — Русскій Рерри — любопытныя публичныя лекціи о выѣздкѣ лошадей г. полковника Панаева. — Давно незапамятная буря въ Кронштадтѣ. — Ученныя извѣстія: присужденіе премій графа Уварова императорскою академіею наукъ. — Пятидесяти-лѣтній юбилей Финляндскаго сената.

Изъ предѣловъ частной жизни, перейдемъ въ сферу пзвѣстїей болѣе важныхъ, имѣющихъ вліяніе не только на одинъ Петербургъ, но и на всю Россію съ различными классами ея обитателей.

Отд. III.

8

Самую отрадную и важную новость составитъ уставъ императорской академіи художествъ, Высочайше утвержденный 30 августа нынѣшняго года. Образовывая художниковъ, академія вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчаетъ имъ въ мѣрѣ возможностей способы къ дальнѣйшему совершенствованію и вообще заботится объ успѣхахъ художествъ. Этимъ уставомъ опредѣляются: управленіе академіи: предметы преподаванія, распредѣленіе ихъ и экзамены; назначеніе преподавателей; приемъ учениковъ; главные конкурсы на золотыя медали и посылка пансіонеровъ за границу и наконецъ возведеніе художниковъ въ почетныя званія.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на самый главный, для научной пользы, отдѣлъ устава: о приемѣ воспитанниковъ, предметахъ преподаванія, распредѣленія ихъ и экзаменахъ: приводимъ вкратцѣ главнѣйшіе параграфы:

Въ академію имѣютъ право вступать люди всѣхъ состояній, коимъ это донныѣ предоставлено было. Поступающій долженъ быть не менѣе шестнадцати и не старѣе двадцати лѣтъ и выдержать установленное испытаніе; (въ видѣ исключенія, при отличныхъ природныхъ способностяхъ, могутъ быть допускаемы, съ разрѣшенія президента, нѣкоторые отступленія въ лѣтахъ). Ученики академіи суть вольноприходящіе, число ихъ неопредѣляется. Въ отношеніи художественномъ, поступающій долженъ рисовать на столько, чтобы имѣть возможность приступить къ рисованію гипсовыхъ головъ. Въ отношеніи наукъ поступающій долженъ знать: катехизисъ (православный), краткую священную исторію, русскую грамматику. (Отъ тѣхъ, которые происхожденія не русскаго и не родившихъ въ Россіи, не знаютъ по русски, требуется, чтобы они умѣли правильно писать на своемъ родномъ языкѣ, а по русски знали бы на столько, чтобы понимать уроки, которые должны будутъ слушать въ академіи и отвѣчать на экзаменѣ). — Арифметику; по географіи общія понятія о землѣ. Составныя части земнаго шара и политическое дѣленіе. Показаніе государствъ въ Европѣ и краткій обзоръ Россіи, ея границы, дѣленія, моря, озера, горы, главные рѣки. Главныя свѣдѣнія о государствахъ Европы. Общій обзоръ прочихъ частей свѣта. — Краткую и всеобщую исторію; краткую исторію Россіи. Отъ тѣхъ, которые поступаютъ для посвященія себя архитектурѣ, требуется, вромѣ курса арифметики, четыре первоначальныхъ правила алгебры, и геометрія. Удовлетворительная степень познаній, оказанныхъ по испытанію, выражается баллами

пять. Для поступления въ академію ученикъ долженъ получить, въ сложности не менѣе *тремя* балловъ, на каждый предметъ. Испытаніе производится преподавателями, которые обучаютъ вспомогательнымъ предметамъ наукъ въ академіи. Приѣмъ дѣлается разъ въ годъ, по окончаніи академическаго года, съ тѣмъ чтобы ученики поступали въ началѣ предстоящаго курса. Ученикъ можетъ поступать прямо во второе отдѣленіе академическаго курса, ежели имѣетъ для того достаточное искусство въ рисованіи и въ предметахъ вспомогательныхъ. Выпущенные изъ четвертаго класса гимназіи и имѣющіе одобрителный о семъ аттестатъ, поступаютъ въ академію безъ экзамена, но должны однакоже умѣть рисовать, какъ уже было сказано. Независимо отъ поступающихъ въ ученики академіи, могутъ быть вольные посѣтители классовъ, съ дозволенія академическаго начальства, съ платою за это по двадцати пяти рублей серебромъ въ годъ. На такихъ посѣтителей не распространяются права учениковъ академіи. Ученики академіи художествъ могутъ носить академическій мундиръ.

Обученіе въ императорской академіи художествъ заключаетъ въ себѣ: классы предметовъ художественныхъ и классы вспомогательныхъ для художествъ предметовъ наукъ. Какъ художественные классы, такъ и классы наукъ раздѣляются на *общіе* и *спеціальныя*. Общіе суть тѣ, въ которыхъ должны обучаться всѣ, безъ изыятія, ученики различныхъ отраслей художествъ. Спеціальныя назначаются только для одного рода искусствъ.

Художественные классы — общіе для всѣхъ отраслей искусствъ и спеціальныя — для живописцевъ, скульпторовъ, гравировъ, медальеровъ и архитекторовъ остаются тѣми же. Для классовъ наукъ, общихъ для всѣхъ, полагается законъ Божій (для православныхъ) священная исторія; исторія изящныхъ искусствъ, эстетика и археологія *), всеобщая и русская исторія; перспектива и теорія тѣней; русскій языкъ и словесность. Спеціальныя: для живописцевъ, скульпторовъ, медальеровъ и гравировъ — анатомія; для архитекторовъ — строительное искусство, математика, физика, химія въ примѣненіи къ архитектурѣ, статика и строительная механика; спеціальное законовѣдѣніе по строительной части и правила составленія смѣтъ и отчетовъ.

*) Въ-особенности археологіи, для избѣжанія анахронизмовъ, при всемъ могуществѣ таланта была очень нужна и благо, благо это для академіи.

Курсъ ученія въ императорской академіи художествъ распре-
дѣляется на три отдѣленія. Ученикъ одного отдѣленія, смотря
по степени знанія и успѣховъ, можетъ, по одному изъ предме-
товъ, посѣщать, съ разрѣшенія начальства, классъ другаго от-
дѣленія. Ученики академіи, могутъ, по желанію, посѣщать курсы
другихъ учебныхъ заведеній, на сколько это, по расположенію
времени совмѣстно съ классами академіи. Учащіеся въ академіи
имѣютъ собственные учебные припасы, бумагу, карандаши, кра-
ски; только бѣднѣйшіе, и притомъ тѣ изъ нихъ,* которые ока-
зываютъ успѣхи, снабжаются всѣми этими вещами отъ академіи
или получаютъ пособіе.

Ученики академіи подвергаются періодическимъ экзаменамъ
по части художествъ и наукъ. Экзамены по художественнымъ
классамъ бываютъ — ежемѣсячные, третные и годичные. Изъ
преподаваемыхъ вспомогательныхъ предметовъ наукъ экзамены
бываютъ годичные и окончательные, по совершеніи академиче-
скаго курса. Тѣ и другіе производятся въ совѣтѣ. Результаты
экзаменовъ означаются баллами, высшее число которыхъ есть
пять. Если ученикъ на годичномъ экзаменѣ изъ предметовъ,
которые ему преподавались получить въ сложности менѣе *трехъ*
балловъ на каждый предметъ, то, не смотря на успѣхи въ худо-
жественныхъ классахъ, не переводится въ слѣдующее по стар-
шинству отдѣленіе. При хорошихъ успѣхахъ ученикъ тѣмъ не
менѣе долженъ оставаться въ первомъ и второмъ отдѣленіи (т.
е., въ классахъ гипсовыхъ головъ и гипсовыхъ фигуръ) не ме-
нѣ двухъ лѣтъ въ совокупности, для достаточнаго изученія ан-
тиковъ. Въ третьемъ, высшемъ отдѣленіи, ученикъ остается до
окончанія своего академическаго курса, болѣе или менѣе, смотря
по своимъ способностямъ. Академическій курсъ считается кон-
ченнымъ, когда ученикъ выдержитъ экзаменъ въ предметахъ
наукъ, которые слушалъ, получивъ въ общей сложности не ме-
нѣе *трехъ* балловъ на каждый предметъ, а въ обоихъ натуральныхъ
классахъ (рисовальномъ и живописномъ) удостоится получить
малыя серебряныя медали, не иначе какъ за классныя академи-
ческія работы съ натуры. По полученіи малыхъ серебряныхъ
медалей, ученики продолжая совершенствоваться въ классахъ,
третьяго высшаго отдѣленія, исполняютъ по конкурсу, работы
для полученія большой серебряной медали. Ученикъ, получивъ
большую серебряную медаль допускается, по правиламъ, къ кон-
курсамъ на золотыя медали.

Къ конкурсамъ на золотыя медали допускаются лишь уче-

ники окончившіе курсъ по правиламъ изложеннымъ во II главѣ устава. Конкурсы эти производятся по заданнымъ программамъ. Предметы программъ рассматриваются совѣтомъ и утверждаются президентомъ. Золотыя медали, выдаваемые за лучшія, по конкурсу, произведенія, суть — *перваго достоинства* (большія) и *втораго достоинства* (малыя). Золотыхъ медалей перваго достоинства назначается по одной для каждой отрасли художествъ. Въ случаѣ особенныхъ исключеній, могутъ быть назначены двѣ большія золотыя медали по одной отрасли искусства. Для получения медали перваго достоинства недостаточно, чтобы представленное на конкурсъ произведеніе было только лучшее между другими, но чтобы оно само по себѣ заключало въ себѣ условія, заслуживающія высшей награды. По этому выдача золотыхъ медалей, высшаго достоинства не есть непремѣнное условіе каждаго конкурса. Число золотыхъ медалей втораго достоинства (малыхъ) не опредѣляется, а зависитъ отъ представленныхъ на конкурсъ работъ, заслуживающихъ награжденія. Медали даются не иначе какъ въ постепенномъ порядкѣ. Не имѣя серебряныхъ медалей нельзя получить золотыхъ. Не имѣющій второй золотой медали не можетъ получить первую. Участвовать въ конкурсѣ можно только по одному разу, то есть, однажды на золотую медаль втораго достоинства и однажды же на первую золотую медаль. Ученикамъ, работающимъ по конкурсу на золотыя медали назначаются въ зданіи академіи, отдѣльныя мастерскія на время исполненія конкурсныхъ работъ. Получившій золотую медаль перваго достоинства посылается съ разрѣшенія президента за границу пансіонеромъ академіи, на казенный счетъ, для усовершенствованія въ искусствѣ, получая ежегодно изъ государственнаго казначейства по *триста* червонцевъ въ годъ и одновременно до *двѣсти* червонцевъ на каждыи конецъ. Срокъ пребыванія за-границей назначается отъ трехъ до шести лѣтъ, смотря по успѣхамъ. Ученики не исторической живописи, не скульптуры и архитектуры, а ландшафтной, баталической и народныхъ сценъ остаются пансіонерами только три года и потомъ на три слѣдующіе года посылаются съ пансіонерскимъ же содержаніемъ путешествовать по Россіи для произведенія картинъ народной жизни. При отправленіи каждыи пансіонеръ снабжается отъ академіи инструкціей, въ коей опредѣляется цѣль его художественнаго путешествія и требованія, которыя онъ долженъ исполнять. Пансіонеръ не приславшій, втеченіе года никакой работы (оконченной или приготовительной) по тому роду, по которому

получилъ золотую медаль, или приславъ работу, доказывающую, что онъ не занимается съ надлежащимъ прилежаніемъ, перестаетъ считаться павсіонеромъ академіи и ему прекращается казенное содержаніе.

Почетныя званія, коими удостоиваетъ академія по журналамъ совѣта и съ утвержденіемъ президента, суть: не классный художникъ, классные художники первой, второй и третьей степени, академикъ, профессоръ.

Классному художнику *третьей* степени присвоивается чинъ *четырнадцатаго* класса; *второй* степени чинъ *двѣнадцатаго* класса, *третьей* степени чинъ *десятаго* класса. Званіе академика даетъ чинъ *девятаго* класса; званіе профессора чинъ *осьмаго* класса. Званіе не классныхъ и классныхъ художниковъ могутъ получать и лица не обучавшіеся въ академіи, выдержавъ положенное 142 параграфомъ устава испытаніе. Классный художникъ первой степени можетъ черезъ три года получить званіе академика, а академикъ, черезъ три же года, званіе профессора, за отличное исполненіе заданной программы, одобренной совѣтомъ и президентомъ. Званіе академиковъ и профессоровъ могутъ получать прямо, по особымъ уваженіямъ, не принадлежащимъ къ академіи, но славѣ, художники за высокія произведенія искусствъ.

Всего въ новомъ академическомъ уставѣ сто сорокъ пять параграфовъ; мы представили здѣсь вкратцѣ только болѣе важныя изъ нихъ, имѣющіе интересъ для желающихъ посвятить себя художествамъ, которымъ отъ всей души желаемъ процвѣтанія въ нашемъ отечествѣ, уже славномъ столькими замѣчательными художественными именами.

Какъ бы въ добавленіе къ этому извѣстію, относящемуся до нашихъ художествъ, присоединимъ еще нѣкоторыя подробности о блюдахъ и солонкахъ, поднесенныхъ, по древнему обычаю, въ день совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, депутаціей отъ С.-петербургскаго купечества и мѣщанскаго и цѣховаго обществъ. Форма и украшеніе этихъ блюдъ и солонокъ слѣдующая: купеческое блюдо золотое, на днѣ его именной вензель, окруженный вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и плодовъ и надписью: «отъ с.-петербургскаго купечества»; на борту блюда восемь эмальрованныхъ гербовъ — вверху рооссійскій императорскій, внизу гербъ царствующей династіи, а по бокамъ великихъ княжествъ и царствъ, входящихъ въ составъ имперіи. Гербы эти перелетены изящными арабесками и виньеткой. Солонка, также золотая, состоитъ изъ трехграннаго пьедестала, на граняхъ кото-

раго вычеканены двуглавые орлы, а ребра обрисованы виньеткой; на верху, вмѣсто крыши, помѣщенъ шлемъ съ распущенными назадъ волосами. Проектъ этого блюда и солонки сдѣланъ архитекторомъ Горностаевымъ. Мѣщанское блюдо серебрянное вызолоченное, составлено по рисунку архитектора Мерца; оно въ особенности замѣчательно древнеславянскимъ стилемъ, который исполнѣ выдержанъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Блюдо это сдѣлано въ видѣ четырехгранной звѣзды, на концахъ которой размѣщены — вверху двуглавый орелъ, внизу гербъ с.-петербургской губерніи, а по бокамъ двѣ эмальерованныя звѣзды съ надписями, на одной — дня рожденія Цесаревича, а на другой — дня его совершеннолѣтія; въ глубинѣ блюда буквы «Н» и «А» славянскаго шрифта, окруженныя лавровымъ и дубовымъ вѣнкомъ и надписью: отъ с.-петербургскаго мѣщанскаго общества. Солонка изображаетъ славянскій кубокъ. Крышка ея осѣнена трехграннымъ орломъ. Оба эти блюда изготовлены въ мастерской купца Верховцева. Заданныя ему программы выполнены имъ съ безукоризненною точностію, эмальировка отличается особенной чистотою отдѣлки. На блюдѣ ремесленнаго сословія, также серебряномъ вызолоченномъ, представлены цѣховые гербы и флаги; гербы эмальерованы и расположены по борту удачными группами и перехвачены общею виньеткой; на днѣ блюда именной шифръ, окаймленный матовымъ бордюромъ. Солонка имѣетъ форму крестьянской солонки, съ крышкой, на которой помѣщенъ эмальированный гербъ санктпетербургской губерніи.

Не менѣ вниманія въ художественномъ отношеніи заслуживаетъ подношеніе депутаціи отъ евреевъ находящихся въ Петербургѣ. Оно состояло въ портфель съ поздравительнымъ адресомъ. Портфель этотъ, исполненный съ изумительною быстротою — въ четырнадцать дней г. Сазиковымъ, имѣетъ форму книги большаго формата in folio и сдѣланъ изъ серебра. Верхняя гиліошированная, ярко вызолоченная доска обложена по краямъ широкимъ матовымъ вызолоченнымъ бордюромъ; по срединѣ помѣщенъ медальонъ изъ окисленнаго серебра, изображающій куликовскую битву, и именно ту ея мнунту, когда князя и бояре, окруживъ великаго князя Дмитрія Іоановича, взвѣщаютъ ему побѣду. Фигура Дмитрія, держащаго знамя и двухъ поддерживающихъ его бояръ, превосходны по отчетливому исполненію. На верху медальона находятся изображенія *Справедливости* и *Милосердія*, и подъ ними на лентѣ, по русски и по еврейски надпись: *благословеніе, благодарность*; внизу медальона

также надпись: *отъ преданныхъ современъ*. По угламъ портфеля, въ эмалированныхъ овалахъ, сдѣланы по славянски вязью надписи, означающіе годъ, число и причину адреса надписи. Адресъ, вложенный въ портфель написанъ художникомъ Бахманомъ золотыми буквами, по русски и по еврейски. Заглавный листъ поздравленія, украшенный атрибутами и самый текстъ, обращаютъ на себя вниманіе красотою и отчетливостію; едва можно вѣрять, что это сдѣлано отъ руки.

Нельзя умолчать о другомъ не менѣе благодѣтельномъ, Высочайше утвержденномъ уставѣ, обеспечивающимъ участь нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Общество имѣетъ цѣлю вспомошествовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ, или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, общество, кромѣ этой главной своей цѣли намѣрено способствовать изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы самими авторами и переводчиками, по недостатку средствъ и доставлять даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленію себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ и если они не будутъ имѣть на то средствъ. Общество учреждается въ С.-Петербургѣ изъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ, а равно и изъ другихъ лицъ, сочувствующихъ отечественной литературѣ и просвѣщенію. Оно состоитъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а денежные средства, потребныя для выполненія означенныхъ цѣлей, составляются: изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ общества и изъ пожертвованій вообще ревнителями просвѣщенія. Сверхъ сего общество, для усиленія своихъ денежныхъ средствъ, можетъ открывать публичныя чтенія, устраивать концерты, принимать изданіе литературныхъ трудовъ, ученыхъ и проч. Ежегодные взносы членовъ общества могутъ быть въ 10 руб., 25 р., 50 р., 100 р., 300 р., 400 р., 500 р., и выше. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ одновременнымъ, равняющимся десятилѣтней сложности взносовъ избраннаго членомъ размѣра. Право на пособіе отъ общества имѣютъ: вдовы и сироты, оставшіяся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ по смерти литератора и ученаго, трудами своими пріобрѣтшаго почетную извѣст-

ность въ публикѣ. Къ трудамъ ученаго, дающимъ право на участіе въ пособіяхъ отъ общества, принадлежатъ и труды по части преподаванія наукъ, но не иначе какъ въ соединеніи и съ изданіемъ въ свѣтъ хотя одного какого-либо сочиненія, обротившаго на себя вниманіе въ сферѣ науки или литературы. Заслуженный литераторъ и ученый, по преклонности лѣтъ или слабости здоровья пришедшій въ невозможность содержать себя собственными трудами или продолжать службу, и лишенный средствъ возстановить свои силы, или наконецъ стеченіемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, приведенный въ стѣсненное положеніе, авторъ полезнаго ученаго или литературнаго произведенія, который желалъ бы издать его въ свѣтъ, но неимѣетъ къ тому средствъ; ученый или литераторъ, для пополненія своихъ свѣдѣній или для довершенія предпринятаго имъ труда, имѣющій надобность посѣтить чужіе края, но лишенный къ тому способовъ; молодые люди, выказавшіе несомнѣнную даровитость и призваніе къ ученой или литературной дѣятельности, но неимѣющіе средствъ къ довершенію своего образованія. — Пособія производятся соразмѣрно съ нуждами лицъ, но всегда въ такой мѣрѣ, чтобы оныя дѣйствительно достигали своей цѣли, т. е., выводили нуждающихся изъ крайности, облегчали ихъ положеніе. Въ этомъ случаѣ общество руководствуется правиломъ, что лучше меньшему числу лицъ оказать достаточное пособіе, чѣмъ многимъ, но безъ удовлетворительныхъ результатовъ. Пособія могутъ быть *единовременныя, проложительныя и постоянныя*. Единовременныя пособія производятся вслѣдствіе чрезвычайныхъ но временныхъ обстоятельствъ, постигающихъ лицо, какъ то: болѣзни, несчастія, причинившаго перерывъ въ занятіяхъ, внезапной утраты всего или части имущества. Пособія эти оказываются также тѣмъ, кои не въ состояніи издать въ свѣтъ свои литературные или ученые труды. Продолжительныя, то есть, на неопредѣленное время назначаемыя пособія, производятся или до возобновленія силъ и здоровья лица, имѣющаго право на пособіе, также на время, въ которое оно остается безъ должности, или для окончательнаго образованія молодыхъ людей. Съ прекращеніемъ причинъ, вызвавшихъ пособіе, и сіе послѣднее прекращается. Постоянныя пособія состоятъ въ ежегодныхъ пенсіонахъ, производимыхъ литераторомъ и ученымъ, утратившимъ, вслѣдствіе ослабленія силъ, возможность трудиться имъ, ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Пенсіоны эти прекращаются или со смертію лицъ или съ переменной обстоятельствъ,

дѣлающихъ этого рода пособіе излишнимъ. Полученіе пенсіона отъ правительства не лишаетъ права на пособіе отъ общества, хотя и принимается въ соображеніе при назначеніи рода и размѣра такого пособія. Пособіе назначается не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи въ правѣ на оное. Право это основывается: на ученыхъ или литературныхъ заслугахъ, засвидѣтельствованныхъ сочиненіями, а также на извѣстной публикѣ усердной дѣятельности лицъ на пользу просвѣщенія въ качествѣ наставниковъ юношества, сопровождаемой какимъ-нибудь замѣчательнымъ печатнымъ трудомъ, и на дѣйствительной потребности въ пособіи, о которой комитетъ общества долженъ имѣть предварительныя свѣдѣнія. Въ случаѣ невозможности удовлетворить всѣхъ, имѣющихъ право на пособіе, предпочтеніе оказывается: ученымъ и литераторамъ, уже дѣйствовавшимъ съ честью на своемъ поприщѣ и ихъ семействамъ, предъ молодыми людьми. При равенствѣ заслугъ преимущество дается тѣмъ лицамъ, кои обременены большими нуждами. Общество открываетъ свои дѣйствія, когда, по воспослѣдованіи утвержденія устава, число членовъ-учредителей будетъ не менѣе пятидесяти. Дѣлами общества управляетъ комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя общества, его помощника и десяти членовъ, изъ которыхъ одинъ исправляетъ должность секретаря, а другой должность казначея. Всѣ эти должности безплатны. Общество имѣетъ свою печать.

Исчисливъ всѣ главныя условія на право полученія пособій и не распространяясь объ административныхъ и хозяйственныхъ положеніяхъ общества, добавимъ только, что оно имѣетъ: обыкновенныя, чрезвычайныя и годовыя засѣданія, что каждый членъ пользуется правомъ представлять свои предложенія комитету о назначеніи пособій и вообще о всемъ томъ, что полезно обществу и что въ годовомъ отчетѣ, читаемомъ въ обществѣ, могутъ быть поименоваемы лица, получившія пособія на изданіе своихъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, а также молодые люди, которымъ назначено отъ общества вспомошествованіе для окончанія ихъ образованія. Прочія же лица, получающія пособіе, не поименовываются. Для рассмотрѣнія отчета комитета, собраніе избираетъ изъ среды своей комиссію изъ семи членовъ, назначая въ нее исключительно литераторовъ и ученыхъ. Казначейская часть общества также очень опредѣлительно гарантирована и всѣ ея параграфы приведены въ надлежащую ясность. — Сколько недостаетъ членовъ для приведенія въ исполненіе этой благотворительной цѣли — покуда неизвѣстно. До-тѣхъ-поръ утѣ-

нигеломъ по крайней мѣрѣ уже одинъ фактъ. При такомъ стремленіи къ добру и помощи своимъ ближнимъ, нельзя также не извѣстить объ обществѣ составившемся въ Петербургѣ для основанія частной евангелической богадѣльни. Больница эта состоитъ, на общихъ основаніяхъ, въ вѣдѣніи физиката, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ особаго директора. Въ нее принимаются лица евангелическаго исповѣданія, страдающія преимущественно острыми болѣзнями; а въ случаяхъ требующихъ безотлагательной врачебной помощи, больные принимаются *безъ разліка исповѣданія*. Для безвозмезднаго пользованія принимаются однѣ лишь совершенно немущія лица и служащія въ этой больницѣ. Лица же, имѣющія возможность платить за содержаніе и лѣченіе, принимаются за плату, по взаимному соглашенію съ директоромъ. Число содержимыхъ кроватей зависитъ отъ средствъ больницы. На первый случай открывается только одно женское отдѣленіе. При открытіи новаго отдѣленія директоръ доводитъ о томъ до свѣдѣнія физиката. Лица, одержимыя умопомѣшательствомъ, сифилитическою болѣзнію, натуральною оспой, скарлатиной и корью, не принимаются до открытія особыхъ для таковыхъ отдѣленій. Безъ согласія директора никто не можетъ быть помещенъ въ больницу, и никто изъ врачей *не можетъ участвовать въ пользованіи больными*???! (это на какихъ филантропическихъ основаніяхъ?). Больница имѣетъ свою домашнюю аптеку, въ которой, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію директора приготавливаются простыя лѣкарства, а болѣе сложныя выписываются изъ вольныхъ аптекъ. Въ отношеніи имуществва, остающагося въ больницѣ, послѣ умершихъ въ ней, соблюдаются общія по этому предмету правила. Главное управленіе больницы ввѣряется комитету, состоящему изъ трехъ членовъ, выбранныхъ учредителемъ, и директора (нынѣ учредителя). Изъ членовъ комитета, одинъ (съ званіемъ почетнаго попечителя) есть председатель комитета, ходатайствующій о его дѣлахъ; другой, духовный членъ, исполняющій духовныя требы, а третій, завѣдывавая, обще съ директоромъ, административной частію, занимается счетоводствомъ. Обязанность и отвѣтственность, по внутреннему управленію больницей возлагается комитетомъ въ медицинскомъ отношеніи на директора, а въ административномъ, на него же, обще съ другимъ членомъ комитета. Директоръ живетъ при больницѣ. Между прочими условіями, комитетъ приглашаетъ лицъ евангелическаго исповѣданія, какъ врачей, такъ и не врачей, оказавшихъ наибольшее усердіе въ исполненіи христіанскихъ

добродѣтелей къ принятію на себя званія попечителей евангелической больницы и попечителей оной. Члены комитета не получаютъ жалованья, и никто изъ служащихъ при больницѣ не пользуется за то никакими правами и преимуществами государственной службы. Директоръ представляетъ въ физикатъ ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи больницы, а комитетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для свѣдѣнія годовой отчетъ о ея дѣйствіяхъ. Сверхъ того комитетомъ публикуются ежегодно свѣдѣнія о заведеніи въ С.-Петербургскомъ Евангелическомъ Воскресномъ Листкѣ. Частная евангелическая больница содержится безъ всякаго со стороны правительства денежнаго пособія. Въ счетъ суммъ на содержаніе ея поступають: плата за лѣченіе состоятельныхъ больныхъ и добротныя приношенія отъ обществъ и частныхъ лицъ деньгами и вообще движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Поступающія въ пользу больницы деньги записываются въ особую шнуровую книгу и должны быть употребляемы исключительно на содержаніе и улучшение заведенія. Липу, пожертвовавшему одновременно двѣ тысячи рублей серебромъ, предоставляется пожизненное право пользоваться одною кроватью, носящею навсегда имя этого лица, замѣщая ее по своему усмотрѣнію для безвозмезднаго пользованія, больными, подлежащими приему на основаніи положеній. Всѣ присутственныя мѣста оказываютъ этому учрежденію всякую законную защиту и содѣйствіе. Комитету предоставляется право дѣлать, съ разрѣшенія правительства, дополненія и измѣненія въ настоящемъ положеніи. Евангелическая больница, которой мы выписываемъ также только важнѣйшія положенія, состоитъ литейной части, 4-го квартала, по кирочной улицѣ, въ домѣ подъ № 3-мъ. Комитетъ по главному управленію заведенія составляютъ: предсѣдатель, почетный попечитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ К. А. Майеръ, пасторъ евангелической лютеранской церкви св. Анны, г-нъ Зеебергъ, колежскій совѣтникъ Э. П. Бушъ и учредитель-директоръ надворный совѣтникъ, докторъ К. К. Майеръ.

Коснувшись области врачеванія, полагаемъ не лишнимъ прибавить, что ветеринарный институтъ с.-петербургской медико-хирургической академіи увеличилъ кругъ своихъ дѣйствій и принимаетъ для лѣченія домашнихъ животныхъ съ 1-го сентября настоящаго года. Приемъ производится во всякое время дня, но преимущественно съ девяти до двѣнадцати часовъ утра. Лѣченіе производится бесплатно, но на продовольствіе животныхъ,

взимается опредѣленная плата, которая должна вноситься хозяиномъ за мѣсяць впередъ; такъ за лошадь и корову (примѣрно) по двѣнадцати рублей пятидесяти копеекъ серебромъ, за собаку, овцу и козу два рубля и т. д. Расчетъ производится за число дней пробытыхъ животнымъ въ клиникѣ и смотря по цѣнности отпущенныхъ порцій, именно: берется за лошадь, получавшую первую порцію, въ сутки по 41 коп., вторую порцію по 37 коп., третью порцію по 45 коп. За собаку, получавшую первую или вторую порцію по 5½ коп., третью порцію 7 коп. Больница предлагаетъ всевозможную заботливость объ успѣшномъ пользованіи животнаго, сбереженіи его и тщательномъ за нимъ уходѣ; но если животное падетъ отъ болѣзни, равно какъ въ случаяхъ несчастныхъ и не предвидѣнныхъ, не отвѣчаетъ за него. Въ клинику могутъ быть также приводимы животныя ежедневно съ девяти до одиннадцати часовъ утра, для осмотра заболѣвшихъ или покупаемыхъ, освидѣтельствованія изувѣченныхъ побоями, полученія наставленія или рецепта и для производства разныхъ операцій. За осмотръ, поданный совѣтъ, прописаніе рецепта и производства небольшихъ операцій, напримѣръ кровопусканій, взимается по 15 копеекъ серебромъ, за большія операціи отъ 25 копеекъ серебромъ до 5 рублей, сообразуясь съ существующею табелью. Но всѣ операціи производятся бесплатно, если животное оставляется до излѣченія въ больницѣ. Хозяева, приводящіе въ больницу для лѣченія и осмотра животныхъ, должны предварительно взять въ институтѣ особый билетъ, съ которымъ представляется животное завѣдывающему больницею или ординатору. Группы животныхъ, павшихъ у хозяевъ дома, могутъ быть доставляемы въ ветеринарную клинику для анатомическаго вскрытія. Въ истекшемъ 1858-1859 году въ клиникѣ состояло на излѣченіи лошадей 192: изъ нихъ совершенно выздоровѣло 151, несполнѣ' выздоровѣвшихъ взято 13, безъ улучшения 15, пало 6, убито съ согласія хозяевъ, по неизлѣчимости болѣзни 8 и осталось на излѣченіи 4.

Учрежденію такого полезнаго института давно уже сочувствовала животнoлюбивая каста петербургскихъ жителей, обладательницы разныхъ породъ собакъ, и въ-особенности охотники до лошадей и коннозаводчики, которымъ услуги вольнопрактикующихъ ветеринаровъ и такъ называемыхъ коноваловъ обходились иногда очень дорого. Въ настоящее время, когда правительство такъ ревностно заботится объ улучшеніи лошадиныхъ породъ въ Россіи и учреждаетъ скачки и рысистые бѣги съ

цѣлю воспренія, въ нынѣшнемъ году (замѣчательномъ между шишоффлаши вѣздомъ въ Петербургъ укротителя лошадей Ферри) открылись у насъ публичныя лекціи г. полковника Панаева о выѣздкѣ лошадей, о которыхъ по замѣчательнымъ результатамъ стоить поговорить.

Спеціалисты, посѣщавшіе лекціи г. Панаева, преподаваемыя въ просторномъ, свѣтломъ и изящно убранномъ манежѣ, приводятъ печатно любопытныя примѣры укрощенія и выѣздки лошадей самыхъ упрямыхъ и неукротимыхъ, доказывающихъ улучшение нравственной природы этого необходимаго и благороднаго животнаго. Судя по словамъ г. Панаева, успѣхъ трудовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ степени физическаго и нравственнаго смягченія лошади и что одно смягченіе зависитъ отъ другаго и должно взаимно помогать одно другому въ классификаціяхъ *просто верховой* лошади, лошади *школьной* и лошади такъ называемой *высшей школы*. Въ присутствіи, къ сожалѣнію, постоянно немногочисленной публики, дѣлалъ многія доказательства, что ясно понимаетъ свой предметъ и ту пользу, которую человѣкъ можетъ извлекать изъ употребленія лошади. Онъ представилъ между прочимъ фактъ, что можно даже достигать физическихъ смягченій. Это подтвердилъ онъ на Али, гнѣдомъ жеребцѣ завода князя Меншикова, который будучи еще трехлѣтъ, на заводѣ имѣлъ *остчивую* шею, чѣмъ очень затруднялось сообщеніе ей надлежащей гибкости. Благодаря стараніямъ, лошадь эта приблизилась уже ко второй степени, т. е., къ *школьной* лошади. Стоя совершенно спокойно, не передвигая ногъ, «Али» вытягивалъ шею такъ, что весь позвоночный столбъ его составлялъ одну прямую, горизонтальную линію и носъ направлялся впередъ, по той же линіи, до послѣдняго предѣла. Въ этомъ положеніи ей поворачивали голову, независимо отъ шеи, въ одну изъ затылкѣ, во всѣ стороны, внизъ и вверхъ, описывали мордой ея дугу въ полкруга на землѣ, передъ ногами стлали шею на право и на лѣво такъ, что голова, придя въ вертикальное положеніе, обращалась лбомъ къ хвосту. Затѣмъ, подвигавъ шею лошади вверхъ, опускали ей голову въ отвѣстномъ направленіи. При полномъ сборѣ шеи, анколюръ (encolure) лошади обрисовался превосходно и повороты головы на затылкѣ были совершенно свободны и красивы. Во все продолженіе опыта, ноги и корпусъ лошади оставались неподвижны. Въ послѣднюю лекцію (29 мая) г. Панаевъ, при саблѣ, въѣзжалъ въ манежъ на рыжей лошади, засѣданной форменной сбруей, про-

дѣлалъ оащцерскую ѣзду, скакалъ черезъ барьеръ и, остановивъ лошадей посреди барьера, бросилъ поводья и вскочилъ ей на крупъ. Стоя на крупѣ, онъ громко билъ въ барабанъ, стрѣлялъ изъ пистолета, размахивалъ флагомъ предъ глазами лошади, покрывалъ имъ ея голову и наконецъ поставивъ шку на землю, приклонилъ ее къ сѣдлу и самъ прыгнулъ назадъ. Во все продолженіе опытовъ, лошадь, что называется, не дрогнула. Точно такому же испытанію подвергнуть былъ и жеребецъ, съ наименьшимъ успѣхомъ. Далѣе г. Панаевъ ѣздилъ съ англійскимъ мундштукомъ, на дамскомъ сѣдлѣ, съ амазонкой, исполнялъ всю ѣзду, не сходя на землю, переѣзая съ одной лошади на другую и все это дѣлалось спокойно, безъ малѣйшаго замѣшательства. Примѣровъ укрощенія необузданныхъ молодыхъ лошадей было также очень много. Публичныя лекціи начнутся снова въ этомъ октябрѣ. Желаемъ полного успѣха этой полезной отрасли новой науки.

Въ ночи съ 8-го по 9-е число октября жестокой NO вѣтеръ, переменяясь послѣдовательно къ югу, задулъ съ такою же свирѣвостію отъ SW съ шквалами и снѣгомъ. При этихъ обстоятельствахъ парходъ-фрегатъ «Камчатка», стоявшій въ Кронштадтѣ на маломъ рейдѣ, подрейфовало съ двухъ якорей и при сильномъ теченіи нанесло на купеческій парходъ «Энвероръ», а потомъ на парходъ «Охты». Отъ столкновенія «Камчатка» получила поврежденіе въ правомъ кожухѣ, а на парходѣ «Охта» сломана мачта и повредилась дымовая труба. Тендеръ «Копчикъ», занимавшій постъ брагтвахты на сѣверномъ фарватерѣ, также подрейфовало и вышибло у него руль. Около половины девятаго часа утра увидѣли на тендерѣ сигналъ *«терми блдстѣю»* и въ то-же время къ нему посланъ былъ баркасъ съ верпомъ и два катера, а вслѣдъ за тѣмъ винтовые лодки «Панцырь» и «Шмель», которыми тендеръ приведенъ на малый рейдъ и поставленъ въ баціонъ; сигналы, дѣлаемые съ тендера ночью цуничными выстрѣлами, не могли быть замѣчены съ берега, по причинѣ совершенной пасмурности и жестокаго вѣтра.

25-го сентября, въ публичномъ засѣданіи императорской академіи наукъ происходило присужденіе уваровскихъ наградъ; на нынѣшній конкурсъ театральныхъ пьесъ представлено на судъ академіи только двѣ и обѣ онѣ, какъ по приговору постановившихъ рецензентовъ, избранныхъ изъ отличныхъ нашихъ литераторовъ, такъ и по мнѣнію членовъ коммисіи, не соотвѣтствуютъ означенной нормѣ, не смотря на то, что въ одной изъ

нихъ, не лишенной нѣкоторыхъ достоинствъ, обнаруживается знаніе сценическихъ условій, и что поэтому, она, весьма вѣроятно, будетъ имѣть хотя временный успѣхъ въ театрѣ. Сочиненій по русской исторіи представлено было, для сонсканія, пять; изъ нихъ двумъ присуждены комиссіей малыя премія въ пятьсотъ рублей каждая. Эти сочиненія суть 1) Г. Лешкова: Русскій народъ и государство. Исторія русскаго обществннаго права до XVIII столѣтія и 2) В. Н. Энгельмана: Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи въ XIII и XVI столѣтіяхъ. Разсмотрѣніе перваго изъ нихъ было поручено профессору московскаго университета, И. Д. Бѣляеву, а второе академику М. П. Погодину. По присужденіи наградъ, поэтому, уже третьему уваровскому конкурсу, комиссія сочла долгомъ заявить публично свою признательность извѣстному литератору А. В. Дружинину, за содѣйствіе оказанное ей при разсмотрѣніи драматическихъ сочиненій, и присудить золотую медаль профессору И. Д. Бѣляеву за разборъ историческаго сочиненія г. Лешкова.

Въ заключеніе сообщаемъ о торжествованіи пятидесятилѣтія финляндскаго сената, происходившемъ 2-го октября, по новому стилю, въ столицѣ Финляндіи, Гельсинфорсѣ. Утромъ, въ половинѣ двѣнадцатаго часу, всѣ должностныя, находящіяся въ городѣ, лица и корпораціи собрались въ зданіи сената, послѣ чего, общій докладчикъ сената прочиталъ, по приказанію председателя въ сенатѣ, генераль-губернатора графа Берга, милостивый монаршіи рескриптъ. По прочтеніи его, графъ Бергъ предложилъ членамъ сената и всѣмъ присутствовавшимъ послѣдовать за нимъ въ церковь и тамъ вознестъ общую молитву за Государа Императора, за Россію и Великое Княжество Финляндское и за всѣхъ финновъ. Лейбъ-гвардіи финскій стрѣлковый баталіонъ и два русскіе линейные баталіона, образовывали на сенатской площади шпалеру, между которою направились въ церковь св. Николая, при звонѣ колоколовъ и при пушечныхъ выстрѣлахъ, всѣ собравшіяся въ зданіи сената лица, какъ должностныя, такъ составлявшія корпорацію. Порядокъ шествія былъ слѣдующій: генераль-губернаторъ, вице-президентъ сената и сенаторы, по два въ рядъ, сопровождаемые вице-канцлеромъ университета и прочими генералами, прокуроръ и его помощникъ, чиновники сената и городскихъ присудственныхъ мѣстъ. По окончаніи богослуженія, совершеннаго докладчикомъ сената, докторомъ Вексбергомъ, процессія возвратилась въ сенатъ въ прежнемъ по-

рядкѣ. За тѣмъ, подъ начальствомъ командира финскаго стрѣлковаго баталіона, полковника барона Виллебранда, происходилъ на сенатской площади парадъ собраннымъ войскамъ, послѣ чего собраніе разошлось. Празднику благопріятствовала прекрасная погода. Вечеромъ былъ у генералъ-губернатора блистательный балъ. На городскихъ площадяхъ горѣла иллюминація.

Т.

Журнальная замѣтка.

О литературной шалости одного почтеннаго журналиста.

(Посвящается г. редактору «Отечественныхъ Записокъ», знаменитому противнику «Сѣверной Пчелы» и союзнику «Русскаго Инвалида».)

Вотъ что было, между прочимъ, сказано на 63-й страницѣ библиографическаго отдѣла десятой книжки «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 годъ:

«Сентябрь мѣсяцъ — время подписки на журналы, время крику и тревогъ въ извѣстной сторонѣ русской журналистики. Мелкіе журнальцы или газеты, для которыхъ наука, искусство, литература — не болѣе какъ слова, стоящія въ ихъ программахъ, ждутъ не дождутся этого блаженнаго времени. Цѣлый годъ чахнутъ онѣ отъ недостатка пищи и только въ это время начинаютъ какъ будто оживать. Слышите ли, какъ онѣ теперь выхваляютъ «почтеннѣйшую публику», какъ выставляютъ передъ нею свое безпристрастіе и усердіе, какъ начинаютъ разсказывать всевозможныя выдумки о журналахъ, которые, гордецы, и знать не хотятъ ихъ; какъ увѣряютъ, что тѣ журналы, суду которыхъ публика вѣритъ и на которые подписывается, никуда не годятся; что ихъ не только не должно читать, но надобно стереть съ лица земли «потому-де, что эти журналы осмѣливаются презирать насъ и называть литературные промыслы — промыслами»?... Словомъ, въ это время мелкія газеты воскресаютъ и начинаютъ заниматься тѣмъ, что на ихъ языкѣ называется *литературою* и что на обыкновенномъ языкѣ называется *сплетнями*. Это фактъ замѣчательный: на него непременно долженъ обратить свое вниманіе будущій историкъ такъ-называемой русской литературы, долженъ сообщить его всему образованному міру. «Русскіе журналы», скажетъ онъ съ горькою улыбкою, большею частію спятъ въ продолженіе года; они

Отд. III.

1/2 9,

просыпаются только отъ сентября до декабря мѣсяца и, проснувшись, начинаютъ говорить о подписчикахъ, выдумывая другъ на друга разныя сплетни.» За такое открытіе будущему историку скажетъ спасибо Европа, въ которой до сихъ поръ не бывало и нѣтъ еще ничего подобнаго. Кто не знаетъ, что вездѣ есть журнальные споры, вездѣ есть полемика, гдѣ только есть литература? Но эти споры имѣють источникомъ своимъ раздорѣчіе въ ученыхъ или литературныхъ убѣжденіяхъ двухъ сторонъ; отъ преній между этими двумя сторонами выигрываетъ или наука, или общество; у насъ же — извините, — дѣло идетъ о предметѣ гораздо интереснѣйшемъ, о числѣ подписчиковъ чужаго журнала, о чужихъ приходахъ и расходахъ....

На этомъ поприщѣ съ честію и славою всегда подвизалась «Сѣверная Пчела» преимущественно передъ всѣми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она въ сентябрѣ мѣсяцѣ и начинаетъ весьма краснорѣчиво и убѣдительно говорить, что нѣтъ ничего краше ея самой и тѣхъ журналовъ, которые или издаются ея издателями, или хвалятъ сочиненія этихъ издателей, или, не входя въ открытую съ нею связь, раздѣляютъ однакоже ея «безпристрастныя» мнѣнія касательно другихъ, нежазуемыхъ ею журналовъ; что, напротивъ того, нѣтъ ничего ужаснѣе и гибельнѣе тѣхъ изданій, которыя осмѣливаются доказывать — и, что всего хуже, доказывать неопровержимо, — будто бы литература въ собственномъ смыслѣ не есть дѣло «Сѣверной Пчелы», будто бы сочиненія редакторовъ ея не отличаются ни талантомъ, ни ученостію, и проч. и проч.»

Мы вполнѣ согласны съ приведеннымъ мнѣніемъ «Отечественныхъ Записокъ», потому что дѣйствительно «Сѣверная Пчела» позволяла себѣ противъ этого журнала смѣшныя, жалкія и черезъ-чуръ недобросовѣстныя выходы. Напримѣръ авторъ одной изъ ея статей, «съ свойственною «Сѣверной Пчелѣ» вѣжливостію обращался не къ замѣчаніямъ «Отечественныхъ Записокъ», но къ самимъ редакторамъ; рассказывая имъ, что публика мало читаетъ «Отечественныя Записки», что «Отечественныя Записки» пишутъ ужасный вздоръ и пр. т. п.» (Отечественныя Записки, 1841 года, № 3, Библиографія, страница 28). Другой сотрудникъ достопочтенной газеты, г. Навроцкій, въ 31-мъ № «Сѣверной Пчелы» 1841 года помѣстилъ цѣлую комедію на критическую статью 1-го № «Отечественныхъ Записокъ» за тотъ же 1841 годъ. Гдѣ-то, въ провинціи, кухарка или кучеръ извѣщаютъ своихъ господъ, что ихъ барченокъ съума сошелъ и

поретъ дичь. Дражайшіе родители, а вмѣстѣ съ ними и г. Навроцкій, приходятъ въ комнату сумасшедшаго, который говоритъ вслухъ отрывочныя фразы, тамъ и сямъ вырванныя изъ статьи «Отечественныхъ Записокъ»; но говорить ихъ съ разстановкою, такъ-что родители и г. Навроцкій успѣвають въ промежуткахъ надѣлать множество остроумныхъ замѣчаній насчетъ кажущейся имъ нелѣпости статьи. Честное компанство думаетъ, что молодой человекъ бредитъ во снѣ; но онъ вдругъ отдергиваетъ занавѣсъ кровати и говоритъ имъ, что онъ не спалъ, а читалъ вслухъ «Отечественныя Записки». (Тамъ же, страница 26.)

По этому поводу «Отечественныя Записки весьма справедливо замѣтили, что» плоская насмѣшка, еще не доказательство. Можно все ругать, надъ всѣмъ смѣяться: вѣдь пошлости не возьмутъ съ того, кто назвалъ бы, напримѣръ, бредомъ, нелѣпицею, вздоромъ—драмы Шекспира, или творенія Гегеля (тамъ же). Фразы, вырванныя и сведенныя между собою изъ разныхъ мѣстъ статьи, которой всѣ части связаны внутреннимъ единствомъ и въ которой разсуждается о предметахъ, невыговариваемыхъ въ одномъ отдѣльномъ періодѣ, или даже и отрывочномъ выраженіи, — такія фразы, естественно могутъ казаться странными. Вотъ напримѣръ двѣ строки, выписанныя г. Навроцкимъ изъ статьи «Отечественныхъ Записокъ»: «есть ли у насъ публика?... рѣшимъ этотъ вопросъ.... не будемъ говорить, есть ли у насъ публика». Въ самомъ дѣлѣ, странно; но взгляните на выноски въ статьѣ г. Навроцкаго, — и вы увидите, что эти фразы выписаны изъ двухъ страницъ статьи «Отечественныхъ Записокъ» — 16-й и 17-й. Какъ тутъ спорить? И о чемъ? и для чего? и для кого?... Если для людей, которые повѣряютъ статьѣ г. Навроцкаго потому только, что она короче статьи «Отечественныхъ записокъ», то игра не стоитъ свѣчъ: — *такіе* люди могутъ думать объ «Отечественныхъ Запискахъ» что имъ угодно, и «Отечественныя Записки» ни чѣмъ не оскорбятся отъ нихъ. Что же касается до людей мыслящихъ, а слѣдственно и смыслающихъ, — то они и безъ насъ поймутъ цѣну и назначеніе статьи г. Навроцкаго, и отличать голосъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, брань раздраженной литературной бездарности — отъ голоса истины *.)» (Тамъ же, стр. 27).

*) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ помѣщенъ весьма не лестный отзывъ о комедіи г. Навроцкаго: «Новый Недоросль».

Опять повторяемъ, что мы совершенно раздѣляемъ эти мнѣнія «Отечественныхъ Записокъ». Журналъ, имѣя право гласно и публично высказывать свои убѣжденія, долженъ уважать это право, а не забавляться имъ какъ игрушкой и позорно, и непростительно святое дѣло служенія на пользу просвѣщенія обращать въ промыселъ, въ торгашничество. — Такъ преслѣдовалъ и карагъ, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, дряхлую, беззубую газету, молодой, полный силъ и энергій журналъ, на третьемъ году своей жизни. Но тѣхъ ли самыхъ правилъ держится онъ и теперь?

Десять мѣсяцевъ тому назадъ вышла первая книжка «Русскаго Слова». Много конечно предстояло преодолѣть трудностей новорожденному; отъ многого избавляетъ опытъ, котораго недостаетъ конечно при началѣ всякаго новаго дѣла. Но вслѣдъ за первую книжкою, вышла вторая, третья и т. д. «Русское Слово» подвигалось впередъ, тихо и ровно, безъ шума, треску, афишныхъ побрякушекъ и газетныхъ фальшфейеровъ и таинственная тишина окружала его, ни одинъ изъ журналовъ не вымолвилъ ни одного слова ни pro, ни contra своего новаго собрата; намѣрены ли они были убить его этимъ грознымъ молчаніемъ, или хотѣли дать ему время окрѣпнуть — неизвѣстно, но только они оказали ему этимъ огромную услугу. «Русское Слово» имѣло возможность осмотрѣться, замѣтить свои погрѣшности, по возможности исправить ихъ и продолжать идти по избранному пути. Редакція «Русскаго Слова», давая на своихъ страницахъ мѣсто всѣмъ безпристрастнымъ и независимымъ мнѣніямъ, желая быть, по возможности, средоточіемъ для различныхъ направленій русской самобытной мысли въ наукѣ и жизни, въ іюльской книжкѣ помѣстила критическую статью г. К. Б. *О значеніи романа Кравоевъ въ наше время, по поводу романа «Обломова»*, въ которой высказаны были мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ приговоромъ большинства о новомъ произведеніи г. Гончарова. Въ какой степени справедливы эти мнѣнія конечно судить не намъ, но какъ бы то ни было не только іюльская, но за нею и августовская, и даже сентябрская книжка (въ которой было объявлено, что Русское Слово будетъ издаваться и въ будущемъ 1860 году), прошли тихо и спокойно, не возбудивъ ни въ комъ особеннаго гнѣва (покрайней мѣрѣ явнаго), не вызвавъ никакой оппозиціи. Правда пошипѣлъ и посмѣшилъ не много Русскій Инвалидъ, или правдѣнѣе г. Лебедевъ, но у него были на то свои особенныя, частныя причины. — И вдругъ, вслѣдъ за вы-

ходомъ десятой книжки «Русскаго Слова», появился октябрьскій номеръ «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ послѣ объявленія о подпискѣ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что редакторъ считаетъ свой журналъ для публики крайне необходимымъ (а не на оборотъ?), помѣщено что-то подъ шуточнымъ заглавиемъ: «Убийственная критика». Что это такое — рѣшить право трудно; но вѣроятно относящееся къ одному изъ родовъ *литературы* *), потому что помѣщено подъ рубрикою *литературныя замѣтки*. Какъ бы то ни было, но по поводу помѣщенной въ «Русскомъ Словѣ» статьи о романѣ г. Гончарова, остроумный авторъ «Убийственной критики» *обращается не къ замѣчаніямъ г. К. Б., но рассказываетъ* **) о самомъ «Русскомъ Словѣ» въ слѣдующихъ приличныхъ выраженіяхъ:

«Случайнымъ образомъ критика (г. К. Б.) касается капитальнаго произведенія нынѣшняго года—романа г. Гончарова; а также по счастливому стеченію обстоятельствъ, она напечатана въ *Русскомъ Словѣ*, котораго можетъ быть, кто-нибудь изъ нашихъ читателей до-сихъ-поръ еще и не перелистывалъ (напрасно не оговорено, что эти фразы заимствованы изъ Сѣверной Пчелы 1841 года). Такимъ образомъ, знакомясь съ этою статьею *Русскаго Слова* о лучшемъ произведеніи русскаго слова (ужь не острота ли это?) прошлаго года, читатель за одно познакомится и съ критическимъ отдѣломъ журнала и съ знаменитымъ критикомъ — ему же нѣтъ равныхъ подъ луною.

«Извѣстно, что *Русское Слово* выходитъ съ 1859 года и издается графомъ Кушелевымъ-Безбородко, имя котораго выставлено на двухъ прекрасныхъ изданіяхъ: стихотвореній г. Майкова и сочиненій г. Островскаго. Со взглядомъ графа Кушелева-Безбородко на русскую литературу и вообще на печатное и устное русское слово мы до-сихъ-поръ не знакомы, потому что не встрѣчали этого имени ни подъ одною статьею издаваемаго имъ журнала ***); во всякомъ случаѣ, думаемъ, судя по изданіямъ

*) См. Отеч. Записки 1841 г., № 10, стр. 63.

**) См. Отеч. Записки 1841 г., № 3, стр. 28.

***) Въ 1841 году г. Краевскій на вопросъ «Сѣверной Пчелы», гдѣ продаются сочиненія редактора «Отечественныхъ Записокъ», отвѣчалъ: въ книжныхъ лавкахъ, прибавивъ, между прочимъ, что они помѣщены въ восемнадцати томахъ «Отечественныхъ Записокъ» (см. Отеч. Записки 1841 года, № 11, стр. 29). Ну, а что, если бы теперь кому-нибудь вздумалось задать г. Краевскому тотъ же вопросъ? Неужели бы онъ отвѣчалъ тѣмъ

сочиненій гг. Майкова и Островскаго, что графъ Кушелевъ-Безбородко знакомъ съ русскою литературою. Самъ графъ Кушелевъ-Безбородко принимаетъ участіе въ редакціи издаваемого имъ журнала и потому наше удивленіе было тѣмъ больше, когда мы прочли критическую статью въ «Русскомъ Словѣ» какого-то г-на К. Б., знакомаго намъ только по описанію своего эксцентрическаго путешествія, да потому еще, что этому г. К. Б. посвящаютъ свои критическія статьи г. Григорьевъ. Но описанію путешествія отведено было мѣсто въ «Смѣси», да къ тому же, кто нынче читаетъ воспоминанія о путешествіи въ Москву, Вѣну, Триестъ, Венецію, куда всѣ ѣздятъ? (А въ Парижъ не ѣздятъ?) *). На посвященія же давно никто не обращаетъ вниманія: это не больше, какъ взаимныя любезности между литераторами, нѣчто въ родѣ визитовъ приличія. Поэтому (мужикъ лапти плелъ, а на дворѣ гуси) мы г. К. Б. считали, по прежнему, авторомъ *неизвѣстнымъ* (курсивъ, заставляющій замѣтить остроту). Но когда этотъ авторъ началъ разбирать «Обломова», то мы прежде всего удивились, какъ это графъ Кушелевъ-Безбородко допустилъ въ свой журналъ этого неизвѣстнаго критика г. К. Б.?»

За тѣмъ слѣдуетъ разговоръ между двумя лицами, составленный, по образцу комедіи г. Навроцкаго **), изъ отрывочныхъ фразъ, вырванныхъ изъ статьи г. К. Б. и размѣщенныхъ въ разбивку, какъ это видно изъ ссылокъ на страницы 14, 6, 7, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 35, 10 и 34.

Итакъ что-жъ это такое? Какъ понять значеніе и смыслъ *Убийственной Критики*? Привыкнувъ считать «Отечественные Записки» за журналъ дѣльный, серьезный и съ прекраснымъ направленіемъ, мы рѣшительно теряемся въ догадкахъ, какъ могла попасть на его страницы такая неловкая шутка, сшитая изъ фразъ, позаимствованныхъ у «Сѣверной Пчелы, на которыя нападали тѣ-же «Отечественныя Записки» восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Сами же онѣ говорили, что плоская насмѣшка ничего не

же словами, прибавивъ, что сочиненія его помѣщены въ 273 томахъ «Отеч. Записокъ». Не думаемъ. Ужъ это было бы слишкомъ наивно. Повторять простодушно сказанное двадцать лѣтъ тому назадъ означало бы крайнюю неподвижность въ развитіи.

*) Въ томъ же № 10 «Отеч. Записокъ» за нынѣшній годъ помѣщено окончаніе *Замѣтокъ русскаго въ Парижѣ* Н. А. М.—ва.

**) См. «Сѣверная Пчела» 1841 г., № 81 и «Отеч. Записки» 1841 г., № 3, стр. 26.

доказываетъ, что смѣяться можно рѣшительно надъ всѣмъ *); а остроты неизвѣстнаго автора *Убийственной Критики* слишкомъ плоски и, по словамъ «Отечественныхъ Записокъ», походить на «голосъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, брань раздраженной литературной бездарности»; такія остроты могъ бы сочинить только какой-нибудь жалкій бумагомаратель, которому «Русское Слово» отказало бы помѣстить его статью на своихъ страницахъ. За тѣмъ, что за промахъ со стороны «Отечественныхъ Записокъ» вступить на путь, проложенный такъ неудачно Орестомъ и Пиладомъ XIX столѣтія; что за союзничество, что за коалиція, что за триумvirатство, даже смѣшно, гг. Лебедевъ, Затлеръ и Краевскій; эта неожиданная и тѣсная связь Русскаго Инвалида съ Отечественными Записками такъ неправдоподобны, что скорѣе можно бы повѣрить слуху объ изданіи Русскихъ Записокъ и Отечественнаго Инвалида. Негодованіе на «Русское Слово» г. Лебедева еще понятно, ну а «Отечественныя Записки» изъ-за чего начали шутить, черезъ три мѣсяца, послѣ появленія статьи г. К. Б., и притомъ такъ не во время, когда и романъ г. Гончарова издавъ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ отдѣльною книгою, и подписка идетъ на будущій годъ; вѣдь незнакомые съ русской журналистикой, чего добраго, могутъ заподозрить во всемъ этомъ какія-нибудь интриги, личности, промышленныя цѣли; между тѣмъ «Русское Слово» и не думаетъ даже вступить въ соперничество съ «Отечественными Записками». «Русскаго Слова» всего на все вышло только одиннадцать книжекъ, а «Отечественныхъ Записокъ» — 274; какое же тутъ сравненіе; имѣли ли мы даже возможность вполнѣ высказаться и проявиться?

Итакъ *Убийственную Критику* мы просто считаемъ за литературную шалость, непростительную однако въ извѣстныхъ мѣстахъ; вѣдь только совсѣмъ оребячившіеся старики снова принимаются за куклы и опять готовы развѣзжать на палочкѣ верхомъ. Какъ ни молодо «Русское Слово», но оно считаетъ для себя неприличнымъ входить въ серьезный и подробный разборъ этой quasi-критической статьи, появившейся неизвѣстно откуда, невѣдомо для чего. Одно только можно сказать въ его защиту, что если оно и не оказало еще непосредственно большой услуги русской литературѣ, то, по крайней мѣрѣ, располагая на столько матеріальными средствами, чтобъ независѣть, по хозяйственной части

*) См. «Отеч. Записки» 1841 г., № 3, стр. 27.

изданія, отъ числа подписчиковъ, оно имѣло возможность *столько* вознаграждать своихъ сотрудниковъ и вырвать молодыхъ писателей изъ рукъ тѣхъ редакторовъ-эксплоататоровъ, о которыхъ такъ бойко, и такъ мѣтко выразился покойный В. Бѣлинскій, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ одному литератору *).

Р.

*) Вотъ что, между прочимъ, говорилъ въ этомъ письмѣ умершій отъ изнуренія въ чахоткѣ Бѣлинскій: «Подобныя условія (съ однимъ журналомъ) были бы дороги каждому, а тѣмъ болѣе мнѣ, человеку большому, не выходящему изъ опаснаго положенія, утомленному, измученному, усталому повторять вѣчно одно и то-же. А у него (т. е., у редактора-эксплоататора другаго журнала) я писалъ даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадательныхъ книжкахъ, поздравительныхъ стихахъ швейцаровъ клубовъ (право!), о книгахъ о клопахъ, наконецъ о нѣмецкихъ книгахъ, въ которыхъ я не умѣлъ перевести даже заглавія; писалъ объ архитектурѣ, о которой я столько же знаю, сколько объ искусствѣ плести кружева. Онъ меня сдѣлалъ не только чернорабочимъ, водовозною лошадью, но и шарлатаномъ, который судитъ о томъ, въ чемъ не смыслить ни малѣйшаго толку..... Онъ (тотъ же редакторъ-эксплоататоръ) человекъ безъ души, безъ сердца, вампиръ, готовый высосать кровь изъ бѣднаго работника, вогнать его въ чахотку и хладнокровно рассчитывать за работу его послѣднихъ дней, потомъ, при расчетѣ — обсчитать и гроша мѣднаго не накинуть ему на сосновый гробъ.»

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 11.

Теорія килперганей или обратныхъ матовъ (статья 1^а). — Новыя изслѣдованія Н. И. Петровскаго надъ задачею А. Д. Петрова. — Бертольдъ Зуле. — Его партія съ Андерсономъ. — Одна партія Андерсена съ Ланге. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

На страницахъ Шахматнаго Листка уже не разъ печатались такъ называемыя *килперганы**) т. е. такія задачи, въ которыхъ одинъ изъ играющихъ (по принятому обыкновенію, тотъ который владѣеть бѣлыми шашками) долженъ, опредѣленнымъ числомъ ходовъ, заставить своего противника сдѣлать себѣ матъ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей оцѣнили достоинство этихъ замысловатыхъ проблемъ и даже съ успѣхомъ трудились надъ ихъ разгадкою; другіе напротивъ того, обратились къ намъ съ замѣчаніями, въ которыхъ довольно рѣзко нападаютъ, не именно на задачи помѣщенные въ Листкѣ, но на всѣ вообще килперганы, доказывая, что этого рода проблемы не могутъ имѣть никакого значенія ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніи. Другое дѣло, говорятъ они, задачи обыкновенныя, для разрѣшенія которыхъ надо сдѣлать матъ въ возможно-малое число ходовъ; понятно, что занимаясь ими, совершенствуешься въ игрѣ; но какая польза ломать себѣ голову надъ тѣмъ какъ бы поскорѣе *получить матъ*? Чему тутъ можно научиться? развѣ только искусству проигрывать. Къ тому же вынужденіе обратнаго мата возможно лишь въ искусственныхъ или по крайней мѣрѣ совершенно исключительныхъ положеніяхъ, которыя, именно вслѣдствіе своей исключительности и неестественности, едвали могутъ быть приведены въ систему и составить предметъ теоретическихъ анализовъ.

*) Слово *килпергань* (qui perd gagne) очень непріятно звучитъ по русски, а потому мы будемъ замѣнять его иногда выраженіемъ: *обратный матъ*, которое довольно близко выражаетъ тоже самое понятіе.

Подобное воззрѣніе, еще недавно бывшее почти всеобщимъ, можетъ съ перваго взгляда показаться довольно основательнымъ; но въ томъ-то и дѣло, что въ шахматной наукѣ, какъ и во всякой другой, нельзя ограничиваться первымъ, поверхностнымъ взглядомъ и выводить заключения а priori. Всякій предметъ этой науки требуетъ непременно особаго разсмотрѣнія и специальныхъ изслѣдованій. Такому разсмотрѣнію подвергъ вопросъ о кшперганяхъ знаменитый русскій писатель К. А. Янишъ и пришелъ къ убѣжденію, что возможность заставить противника сдѣлать матъ является не только въ исключительныхъ, случайныхъ и вымышленныхъ положеніяхъ, какъ это думали прежде, но напротивъ того представляется, въ концѣ партіи, весьма часто, какъ естественное слѣдствіе значительнаго перевѣса силъ одной стороны и что такіа кшперганы подлежатъ теоретическому изслѣдованію совершенно въ той же мѣрѣ какъ и правильныя окончанія игорь. Развивая эту мысль, г. Янишъ опредѣлилъ самымъ точнымъ образомъ какое именно матеріальное превосходство необходимо въ концѣ партіи для вынужденія обратнаго мата, и указалъ, для разныхъ частныхъ случаевъ, и самые маневры къ возможно-скорому достиженію этой цѣли; однимъ словомъ, онъ создалъ полную теорію кшперганей.

Изслѣдованія г. Яниша по этому предмету напечатаны были на нѣмѣцкомъ языкѣ въ Schachzeitung 1856 и 1857 г.*) Но берлинскій шахматный журналъ мало читается въ Россіи, а потому мы считаемъ обязанностью сообщить въ нашемъ Листкѣ возможно близкій переводъ этой въ высшей степени замѣчательной теоріи.

Для осуществленія обратнаго мата необходимо прежде всего привести игру, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое число своихъ и непріятельскихъ шашекъ, въ извѣстное заранѣе опредѣленное положеніе, а для достиженія этой цѣли (т. е. въ отношеніи къ непріятельскимъ шашкамъ) надо имѣть возможность заставлять противника дѣлать именно нужные вамъ ходы. Къ этому представля-

*) Еще до напечатанія этой теоріи, прусскій писатель фонъ-Оппенъ замѣтилъ, по поводу превосходныхъ кшперганей Петрова, помѣщенныхъ въ Паламедъ и Chess Player's Chronicle, что этого рода проблемы составлять можетъ быть со временемъ предметъ теоретическихъ изслѣдованій. Г. Оппенъ часто возвращался къ мысли о возможности систематизировать шахматныя задачи и написалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько весьма хорошихъ статей, которыя, по мѣрѣ ихъ составленія, появлялись въ берлинскомъ журналѣ, а потомъ напечатаны всѣ вмѣстѣ въ видѣ приложения къ «Stamma's hundert Endspiele.»

ются два способа. 1) Такое стѣсненіе силъ непріятеля, при которомъ ему остается одинъ только свободный ходъ; примѣненіе этого способа возможно лишь при совершенномъ обезсиліи противника. 2) Такой шахъ, защититься отъ котораго можно только посредствомъ нужнаго вамъ хода.

Нерѣдко встрѣчаются такія положенія, при которыхъ противнику вашему достаточно было бы одного свободного хода, чтобъ совершенно разрушить вашъ планъ; въ такихъ случаяхъ надо преслѣдовать его шахами, доколѣ не представится возможность къ примѣненію одного изъ вышепомянутыхъ способовъ.

Мало-опытнымъ игрокамъ прежде всего надлежитъ научиться пригонять, постоянными шахами ферземъ и ладьёю, непріятельскаго короля на опредѣленную клѣтку (не слишкомъ отдаленную отъ края доски) и при томъ такъ, чтобы ферзь и ладья также заняли извѣстныя именно клѣтки или по крайней мѣрѣ линіи. Понятно, что ферзь, имѣющій способность двигаться и атаковать по двумъ направленіямъ, легко можетъ, не давая отдыха непріятельскому королю, достигъ заранѣе избраннаго мѣста. Но выполнить тоже самое ладьёю гораздо труднѣе; для этого нужно пригнать противнаго короля къ краю доски и поставить его подъ маскированный шахъ, а затѣмъ дать ему шахъ на вскрышу (*échec à la découverte*), занявъ при томъ ладьёю надлежащую линію. Само собою разумѣется, что при всѣхъ этихъ передвиженіяхъ должно остерегаться сдѣлать матъ, который при подобномъ положеніи возможенъ на каждомъ шагу. Примѣры, заключающіеся въ настоящей статьѣ послужатъ къ изученію этихъ приѣмовъ, которые объяснить съ полною ясностью словами было бы довольно затруднительно; замѣтимъ только, что помянутый шахъ на вскрышу приходится всего чаще давать въ положеніи, изображенномъ на діагр. I, которое мы будемъ называть для краткости *нормальной позиціей*.

Изъ нормальной позиціи одного угла можно перейти въ нормальную же позицію другаго ближайшаго, и при томъ съ соблюденіемъ условія непрерывныхъ шаховъ, слѣдующими одинадцатью ходами.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f6—g6+	g8—h8
3) g6—h6+	h8—g8
4) f7—g7+	g8—f8
5) h6—f6+	f8—e8

- 6) g7—e7+(1) e8—d8
- 7) f6—d6+ e8—c8
- 8) e7—c7+ c8—b8
- 9) d6—b6+ b8—a8
- 10) b6—c6+ a8—b8
- 11) c7—b7+ b8—a8

Замѣтимъ, что не только на первомъ и двѣнадцатомъ, но также на пятомъ, седьмомъ и девятомъ ходѣ, король находится подъ маскированнымъ шахомъ, такъ что ладья могла, съ шахомъ на вскрышу, занять любую линію. Вы не имѣли бы этой выгоды, еслибъ избрали слѣдующую систему, которая впрочемъ столь же скоро привела бы къ предполагаемой цѣли.

(Бѣлые.)	(Черные.)	6) f6—d6+	d7—c7
1) g7—g6+	h8—h7	7) f8—d8+	c7—b7
2) g6—h6+	h7—g8	8) d6—b6+	b7—a7
3) f6—h8+	g8—f7	9) d8—c7+	a7—a8
4) h6—f6+	f7—e7	10) c7—c6+	a8—a7
5) h8—f8+	e7—d7	11) b6—b7+	a7—a8

Всѣдъ за этимъ примѣромъ авторъ развиваетъ мысль, что киперганы не должно разматривать исключительно какъ искусственныя проблемы, но что онѣ имѣютъ свою особую теорію, совершенно соотвѣтственную учению объ окончаніяхъ игоръ. При томъ г. Янишъ замѣчаетъ, что такая же теорія можетъ быть составлена и для такъ называемыхъ *условныхъ матовъ*, имѣющихъ близкое сродство съ киперганами. Какъ тѣ такъ и другіе основаны на томъ, чтобы, ослабивъ до крайности непріятельскую игру, привести ее, принужденными ходами, въ приготовительное для мата положеніе. Мы не предаемъ здѣсь собственныхъ словъ автора потому, что сущность взгляда его на киперганы изложена нами въ началѣ настоящей статьи, а объ условныхъ матахъ мы надѣемся поговорить когда нибудь отдѣльно.

Переходимъ къ самой теоріи обратныхъ матовъ. Допустимъ, что одинъ изъ игроковъ имѣетъ ферзя, ладью и слона, или, что все равно, такія пѣшки, которыя могутъ быть превращены въ помянутыхъ офицеровъ, въ то время какъ силы противника его состоятъ изъ одной лишь фланговой пѣшки (a, b, c, f, g, h),

*) Или пожалуй такъ: 6) $\frac{f6-f7+}{e8-d8}$ 7) $\frac{f7-e7+}{d8-c8}$ 8) $\frac{e7-d7+}{c8-b8}$ 9) $\frac{d7-c7+}{b8-a8}$
 10) $\frac{c7-c6+}{a8-b8}$ 11) $\frac{g7-b7+}{b8-a8}$.

Такия партія обыкновенно не доигрываются, по настоящему же, игрокъ, имѣющій столь значительное превосходство силъ, можетъ всегда форсировать обратный матъ.*) Положимъ на примѣръ, что черныя имѣютъ пѣшку на линіи f, а бѣлые ферзя, ладью и слона, двигающагося по чернымъ клѣткамъ. Ферзь запираетъ короля въ уголъ a8, вслѣдствіе чего черные, не имѣя возможности ходить королемъ, должны подвигать пѣшку, которую бѣлые задержатъ на клѣткѣ f3, посредствомъ ладьи, заблаговременно**) помѣщенной на f2; затѣмъ они отодвигаютъ ферзя на b5, такъ что черному королю открывается одно свободное мѣсто и пока онъ передвигается съ a8 на a7 и съ a7 на a8, бѣлые отводятъ своего короля на h1, а слона на g1***) и потомъ гонятъ непріятельскаго короля непрерывными шахами, съ помощью ладьи и ферзя, въ уголъ h8. Описанные маневры приводятъ игру въ положеніе изображенное на діагр. II, изъ котораго *обратный матъ форсируется въ восемь ходовъ.*

Рѣшеніе къ діаграммѣ II.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f7—f8+	g8—h7
3) f6—h8+	h7—g6
4) f8—f6+	g6—g5
5) h8—h6+	g5—g4
6) f6—f4+	g4—g3
7) h6—g5+	g3—h3
8) g5—g2+	f3—g2°×

Если же бѣлые поставили слона на h2, то загоняютъ непріятельскаго короля въ уголъ a1 и форсируютъ обратный матъ, изъ положенія діагр. III, въ восемь ходовъ, способомъ совершенно подобнымъ вышеизъясненному.

Теперь разсмотримъ тотъ случай, когда черные имѣютъ пѣшку на линіи g. Первоначальный образъ дѣйствій будетъ совершенно сходенъ съ предъидущимъ, — съ тѣмъ только различіемъ, что слона надо непременно ставить на g1, — и игра легко приведется къ положенію діагр. IV, но затѣмъ бѣлые маневрируютъ

*) Необходимо впрочемъ, чтобы помянутая пѣшка не достигла еще до седьмой линіи, считая отъ первоначальнаго стана ея офицеровъ.

**) Непременно *заблаговременно*, ибо если сыграть ладью на f2 въ отвѣтъ на ходъ f4—f3, то черному королю патъ.

***) Можно также, какъ увидимъ ниже, поставить слона на h2.

уже иначе чѣмъ въ прежнихъ примѣрахъ, и вынуждаютъ обратный матъ въ 7 ходовъ а именно:

Рѣшеніе къ диаграммѣ IV.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f7—f8+	g8—h7
3) f6—e7+	h7—h6 или g6
4) f8—f6+	h6—h5 или g5
5) e7—e5+	h5—h4 или g4
6) f6—f4+	h4—h3
7) e5—f6	g3—g2 ×

Нужно обратить вниманіе на различіе въ способѣ преслѣдованія короля въ этомъ и предъидущихъ примѣрахъ. Всякое уклоненіе отъ указанныхъ ходовъ замедлило бы матъ.

Для форсированія обратнаго мата противъ непріятеля, владѣющаго пѣшкой слона или коня (f, c, g, b), необходимо имѣть слона двигущагося по кѣткамъ иного цвѣта съ цвѣтомъ занятаго королемъ угла; иначе, при изъясненномъ раздѣленіи силъ, киперганъ будетъ невозможенъ. Но если бѣлымъ удастся оставить противника при одной лишь *ладейной* пѣшкѣ (a, h), то цѣль будетъ достигнута съ помощью любого мелкаго офицера. Излишне было бы послѣ всего вышесказаннаго объяснять вновь способъ приводить игру въ положеніи діагр. V, VI, VII и VIII, а изъ нихъ обратный матъ форсируется какъ показано ниже.

Рѣшеніе къ диаграммѣ V.

1) g7—c7+	h8—g8
2) c7—c8+	g8—h7
3) f6—f7+	h7—h6
4) c8—c6+	h6—g5
5) f7—d5+	g5—f4
6) c6—c4+	f4—g3
7) d5—g2+	h3—g2 °×

Рѣшеніе къ диаграммѣ VI.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f7—f8+	g8—h7
3) f6—e7+	h7—g6
4) f8—f6+	g6—h5
5) e7—e5+	h5—g4

6) f6—f4+	g4—g3
7) f4—f5+	g3—h4
8) e5—e4+	h4—g3
9) f5—f1	h3—h2 ×

РѢШЕНІЕ КЪ ДІАГРАММѢ VII.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f7—f8+	g8—h7
3) f6—e7+	h7—g6
4) f8—f6+	g6—h5
5) e7—e5+	h5—h4
6) f6—f4+	h4—g3
7) f4—d4+	g3—f2
8) e5—e2+	f2—g3
9) e2—g2+	h3—g2 ^o ×

РѢШЕНІЕ КЪ ДІАГРАММѢ VIII.

1) g7—f7+	h8—g8
2) f7—f8+	g8—h7
3) f6—e7+	h7—g6
4) f8—f6+	g6—h5
5) e7—e5+	h5—h4
6) f6—f4+	h4—g3
7) f4—g4+	g3—f2
8) g4—g2+	h3—g2 ^o ×

Всѣ приведенныя нами рѣшенія основаны какъ видно на искусствѣ ставить ладью, при представляющихся шахахъ на вскрышу, на надлежащую клетку и не трудно убѣдиться, что при малѣйшей ошибкѣ въ этомъ отношеніи, матъ замедится или даже сдѣлается вовсе невозможенъ. Впослѣдствіи мы сообщимъ нѣкоторыя гораздо болѣе сложныя примѣненія вышеизъясненныхъ приѣмовъ, а теперь ограничимся еще однимъ примѣромъ (диаграмма IX), въ которомъ бѣлые имѣютъ коня, а черныя пѣшку f. Привести окончаніе игры къ положенію изображенному на диаграммѣ IX не трудно, а изъ него обратный матъ форсируется въ девять ходовъ. Какимъ образомъ? Пусть надъ рѣшеніемъ этого вопроса потрудятся сами читатели.

Если чернымъ удастся, до совершеннаго своего обезсилія, поддаться всѣмъ фланговымъ пѣшкамъ, такъ что ихъ противнику придется имѣть дѣло съ центральной пѣшкой, то онъ не можетъ уже заставить сдѣлать себѣ матъ съ помощью ферзя, ладьи и слона;

ему необходимъ для этого еще конь или по-крайней-мѣрѣ пѣшка, которая могла бы быть обращена въ коня. Всякій даже наименѣе опытный игрокъ пойметъ, что въ этихъ случаяхъ бѣлые всегда могутъ вынудить одно изъ положеній изображенныхъ на діагр. X, XI, XII и XIII, а изъ нихъ обратный матъ форсируется въ 6 ходовъ.

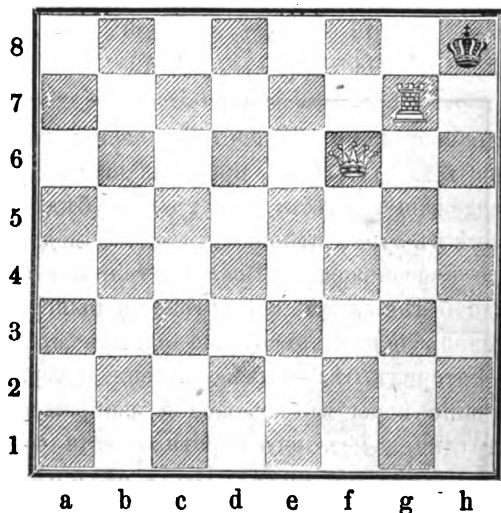
Рѣшеніе къ диаграммѣ X.

1) e7—f6	g8—h7
2) f6—f8	h7—g6
3) f8—h8	g6—g5
4) e2—g2+	g5—f4
5) h8—d4+	f4—f3
6) g2—g1	e3—e2 x

Рѣшеніе діагр. XI совершенно подобно предыдущему, а рѣшеніе XII, XIII предоставляемъ собственному упражненію читателя.

I.

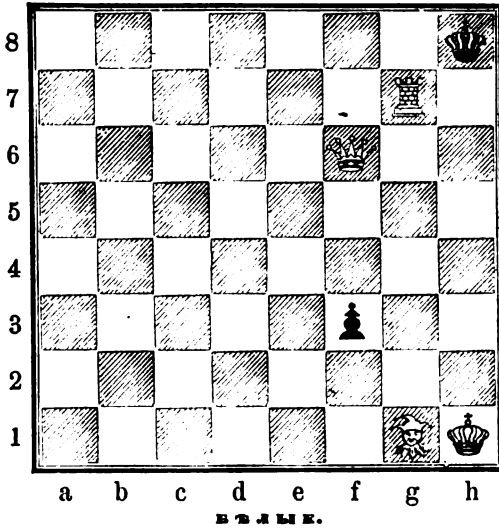
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

II.

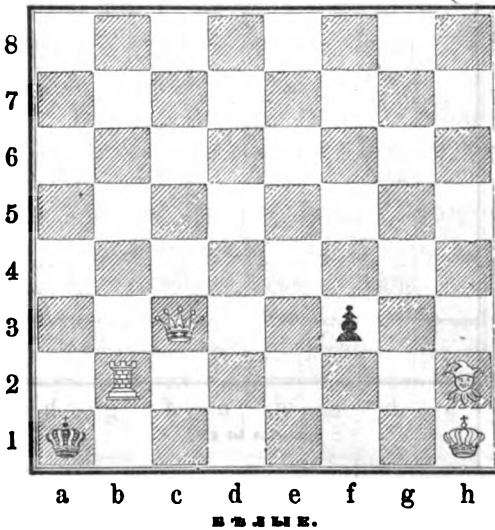
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

III.

ЧЕРНЫЕ.

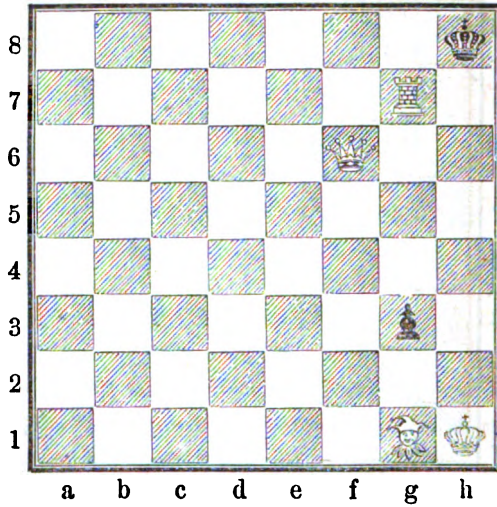

Бѣлые начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

Отд. IV.

IV.

ЧЕРНЫЕ.

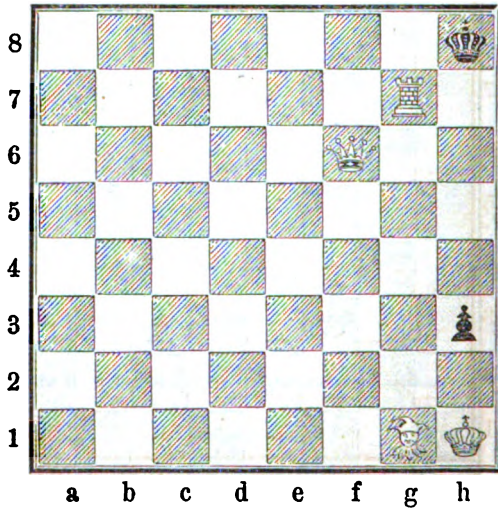

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 7 ходовъ.

V.

ЧЕРНЫЕ.

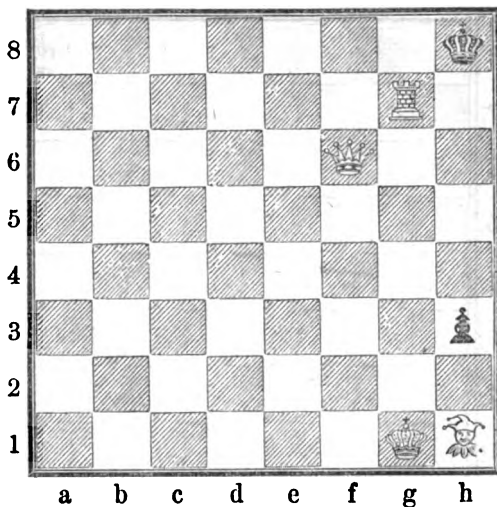

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 7 ходовъ.

VI.

ЧЕРНЫЕ.

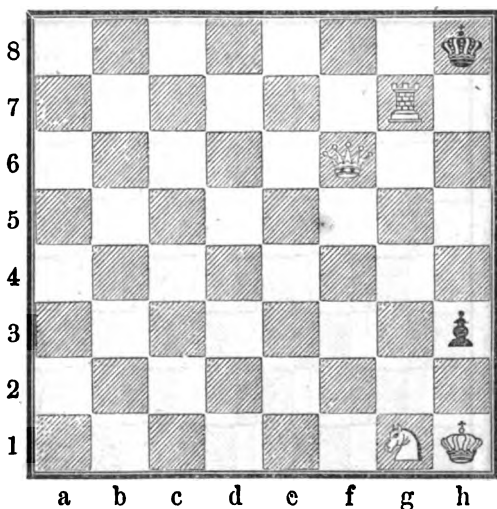

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

VII.

ЧЕРНЫЕ.

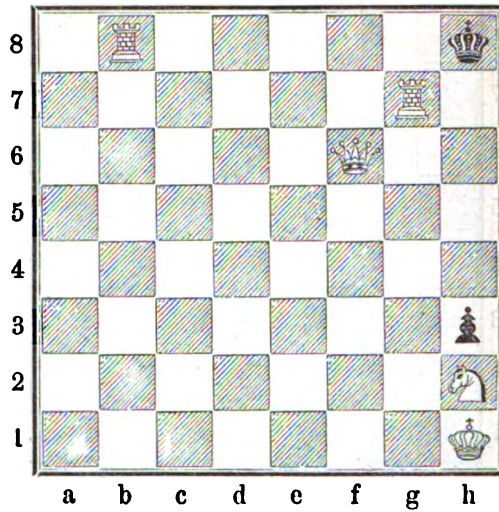

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

VIII.

ЧЕРНЫЕ.

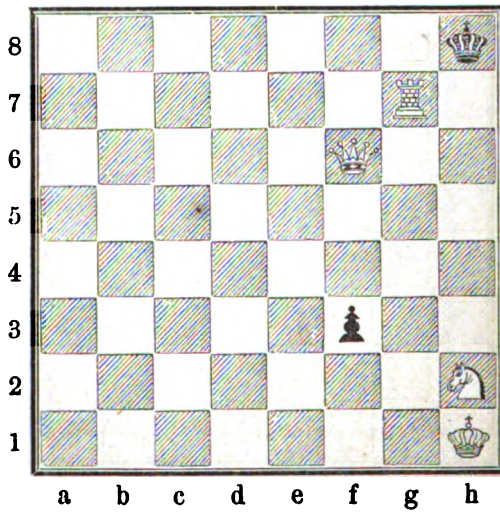

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

IX.

ЧЕРНЫЕ.

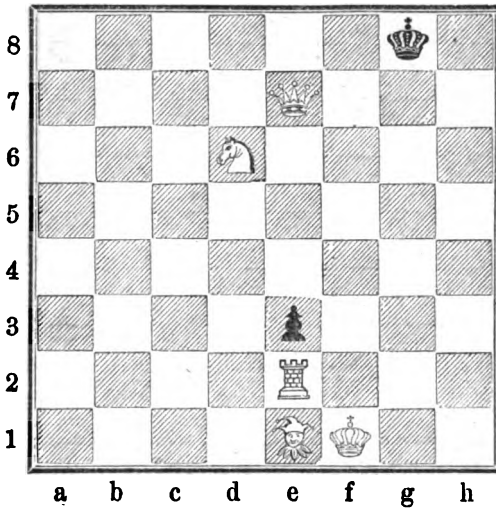

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

X.

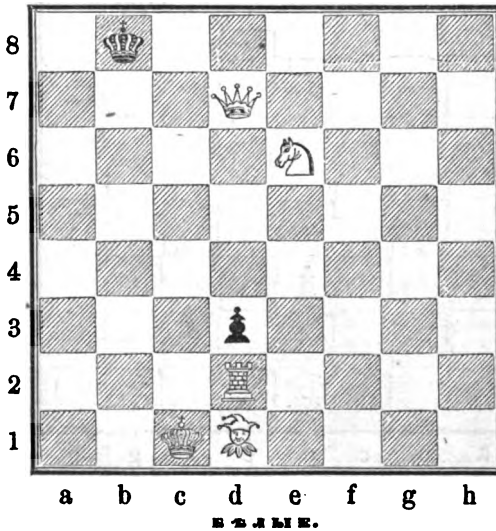
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

XI.

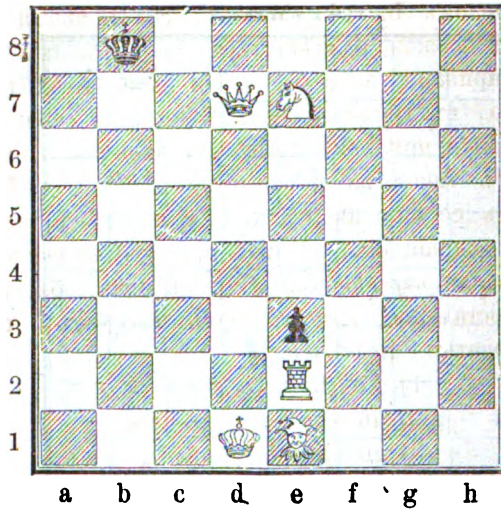
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинают и заставляют черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

XII.

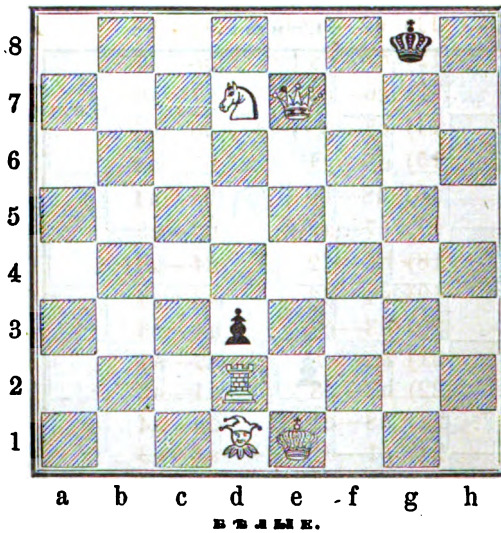
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

XIII.

ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

(Продолженіе среды.)

Кстати обратных матовъ, мы должны сообщить здѣсь новый трудъ г. Петровскаго надъ задачею Петрова, о которой говорили въ прошломъ Листкѣ. Узнавъ, что по мысли автора этой проблемы, она должна разрѣшаться безъ всякихъ варіантовъ, г. Петровскій принялся за нее снова и скоро убѣдился, что рѣшить ее можно, въ тридцать семь ходовъ съ соблюденіемъ помянутаго условія и при томъ такъ, что окончательное положеніе шашекъ будетъ такое же какъ и по рѣшенію г. Петрова; за тѣмъ сократилъ ее еще на два хода и наконецъ, переходя отъ сокращенія къ сокращенію, рѣшилъ проблему *въ двадцать девять ходовъ безъ всякихъ варіантовъ*. Передъ этимъ блестящимъ рѣшеніемъ всѣ остальные уже теряютъ интересъ, хотя и они весьма замысловаты. Вотъ оно:

1) f1—f6+	h8—g8
2) f6—g6+	g8—h8
3) g6—h6+	h8—g8
4) f7—g7+	g8—f8
5) g7—g2+	f8—e8
6) g2—e2+	e8—d8
7) h6—d6+	d8—c8
8) b7—c7+	c8—b8
9) d6—b6+	b8—a8
10) b6—c6+	a8—b8
11) e2—b2+	a1—b3
12) c7—c8+	b8—a7
13) c6—c7+	a7—a6
14) c8—a8+	a6—b5
15) d5—e4	b5—b4
16) a8—b8+	b4—a4
17) c7—a7+	b3—a5
18) b1—d2	a4—a3
19) e4—d3	a3—a4
20) d3—c2	a4—a3
21) c2—c1	a3—a4
22) b8—e8	a4—a3
23) e8—e1	a3—a4
24) e1—d1	a4—a3
25) a7—c5+	a3—a4
26) b2—b4+	a4—a3
27) b4—c4+	a3—a2
28) c4—c2+	a2—a1
29) d2—b3+	a5—b3°+

Незнаемъ удастся ли г. Петровскому придумать новое сокращеніе, но судя по таланту обнаруженному имъ въ настоящемъ случаѣ, отъ него можно ожидать всякихъ чудесъ въ дѣлѣ рѣшенія проблемъ. Впрочемъ г. Петровскій замѣчательнѣе не только въ этомъ отношеніи; онъ принадлежитъ къ числу, хотя и не первоклассныхъ, но все же очень хорошихъ русскихъ шахматистовъ, усердно занимается теоріей и подаетъ надежды достигъ современемъ большой силы.

Такія же надежды выражаетъ берлинскій шахматный журналъ относительно молодаго германскаго игрока Бертольда Зуле, о которомъ мы уже упоминали, говоря объ искусствѣ играть по памяти. Г. Зуле живетъ обыкновенно въ Боннѣ и считается лучшимъ игрокомъ рейнской провинціи. Недавно онъ посѣтилъ Бреславль гдѣ имѣлъ случай помѣриться силами съ великимъ Андерсеномъ; изъ сорока восьми партій выигралъ тринадцать, проигралъ двадцать семь, восемь окончились розыгрышемъ. Сверхъ того г. Зуле трудится и надъ теоріей игры; недавно онъ помѣстилъ въ *Schachzeitung* довольно замѣчательный разборъ нѣкоторыхъ варіантовъ Эвансова гамбита. Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ его партій, а также одну игру Ланге съ Андерсеномъ.

П А Р Т І И.

№ 70.

ДЕБЮТЪ РЮИ-ЛОПЕЦА.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	Зуле. (Черные.)	11) b1—c3	a8—d8
1) e2—e4	e7—e5	12) d1—a4	e6—d7
2) g1—f3	b8—c6	13) c4—d5°	c6—d5°
3) f1—b5	d7—d6(1)	14) a4—a5	c7—c6
4) b5—c6°†	b7—c6°	15) g5—e4°(3)	d5—e4°
5) d2—d4	f7—f5	16) c1—g5	f8—b4
6) d4—e5°	f5—e4°	17) a5—b4°	f6—g5°
7) f3—g5	d6—d5	18) c3—e4°	c6—c5
8) e5—e6	g8—h6	19) b4—c4	g5—e5
9) 0—0	d8—f6(2)	20) f1—e1	e8—f8
10) c2—c4	c8—e6°	21) e4—c5°	e5—f6
		22) a1—d1	d7—c8

23) c4—b4	f8—g8(4)	26) d1—d8°	f8—d8°
24) c5—e4	f6—f8	27) e4—d6	и бѣлые выигрываютъ.
25) b4—c4+	h6—f7		

Примѣчанія къ партии No. 70.

- (1) Дурной ходъ; надо играть 3) $\overline{a7-a6}$ или 3) $\overline{g3-f6}$.
- (2) Лучше было c8—a6, а когда бѣлые отвѣдутъ ладью на e1, тогда играть d8—f6, хотя и въ этомъ случаѣ Андерсенъ имѣлъ бы превосходство положенія.
- (3) Очень красивое пожертвованіе.
- (4) Можно бы также идти королемъ на f7, но это не помѣшало бы бѣлымъ играть c5—e4 и партія черныхъ все таки проиграна.

№ 71.

FIANCHETTO.

Зулв. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)	13) d1—e2	f6—d5
1) b2—b3	e7—e5	14) 0—0	d8—e7
2) c1—b2(1)	b8—c6	15) d3—g6°	f7—g6°
3) e2—e3	g8—f6	16) e2—c4	a8—b8
4) f1—b5	f8—d6(2)	17) c4—g4	f8—f5
5) d2—d3	c6—e7	18) f1—e1	b8—f8
6) d3—d4	e5—d4°	19) e3—e4	f5—f4
7) b2—d4°	e7—f5	20) g4—h3	d5—b4
8) d4—b2	f5—h4	21) a1—c1	g6—g5
9) b5—f1	b7—b6	22) h3—h5	d6—c5
10) g1—f3	h4—g6	23) a2—a3	b4—c6
11) f1—d3	c8—b7	24) b3—b4	c5—f2°+
12) b1—d2	0—0	25) g1—f2°	f4—h4(3)

бѣлые теряютъ ферзя и сдаются.

Примѣчанія къ партии No 71.

(1) Подъ именемъ fianchetto итальянцы разумѣютъ всякій вообще дебютъ, въ которомъ одинъ изъ игроковъ (или пожалуй оба), открываетъ игру подвижаніемъ какой нибудь фланговой пѣшки (a, b, c, f, g, h), но въ Италиі названіе fianchetto присвоилось исключительно тѣмъ партіямъ, въ которыхъ подвигается пѣшка коня на одно мѣсто т. е. b2—b3 или g2—g3, съ тѣмъ, чтобы потомъ поставить слона на открывшуюся движеніемъ пѣшки кѣтку b2 или g2. Schachzeitung даетъ этому дебюту

название *греческой партии*, но такъ какъ намъ извѣстно на какомъ это основаніи, то мы и не можемъ слѣдовать примѣру берлинскаго журнала.

(2) Вообще говоря ставить королевскаго слона передъ ферзевой пѣшкой—очень не хорошо; но въ настоящемъ случаѣ это едва ли не лучшее средство къ защитѣ королевской пѣшки.

(3) Всю эту партію г. Зуле игралъ очень слабо.

№ 72.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	ЗУЛЕ. (Черные.)	20) d2—f3	d8—c7
1) e2—e4	e7—e5	21) d5—f5	a8—e8
2) f2—f4	e5—f4°	22) d3—d4	c7—c8
3) g1—f3	g7—g5	23) f5—f4	c6—d8
4) h2—h4	g5—g4	24) e1—e3	e7—b4
5) f3—e5	g8—f6(1)	25) e3—e8°	g8—e8°
6) e5—g4°	f6—e4°	26) d4—d5	b7—a6+
7) d2—d3	e4—g3	27) c2—c4	d8—b7
8) c1—f4°	g3—h1°	28) b2—b3	b7—d6
9) d1—e2+	d8—e7	29) f4—h6(4)	b4—c5
10) g4—f6+	e8—d8	30) f3—d2	d6—f5
11) f4—c7°+	d8—c7°	31) h6—g5	f5—e3+
12) f6—d5+	c7—d8	32) f1—e2	e2—c4°+
13) d5—e7°(2)	f8—e7°	33) e2—d1	c5—e3
14) e2—h5	h1—g3(3)	34) g5—f6	c4—d2°
15) h5—a5+	b7—b6	35) f6—f7°	e8—d8
16) a5—d5	b8—c6	36) f7—h7°	d2—f1
17) b1—d2	g3—f1°	37) g2—g4(5)	c8—b8
18) e1—f1°	c8—b7	38) d1—c2	d8—c8+
19) a1—e1	h8—g8	39) c2—b1	e3—d4

бѣлые сдаются.

• ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТИИ № 72.

(1) Самый лучший ходъ.

(2) Послѣ хода 7) $\frac{g3-h1^\circ}{g3-h1^\circ}$ черные не могутъ уже спасти своего ферзя (ибо если на девятомъ ходѣ закроется отъ шаха слонъ, то получать матъ въ два хода), но тѣмъ не менѣе партія ихъ очень хороша; за ферзя и пѣшку, они имѣютъ, при безопасномъ положеніи: ладью, слона и коня.

- (3) h8—e8 было бы кажется еще сильнѣе.
 (4) Ошибка; надо было играть f1—g1.
 (5) Бѣлымъ остается одна надежда: провести пѣшку, но они не успѣютъ этого сдѣлать.

№ 73.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

Андерсенъ. (Бѣлые.)	Зуле. (Черные.)	7) d4—f5	0—0
1) e2—e4	e7—e5	8) b1—c3	e7—c5
2) g1—f3	b8—c6	9) d1—h5	d7—d6
3) f1—b5	g8—e7(1)	10) c1—g5	d8—e8
4) d2—d4	e5—d4°	11) f5—g7°	g8—g7°(2)
5) 0—0	e7—g6	12) h5—h6+	и чернымъ мать не возже третья- го хода.
6) f3—d4°	f8—e7		

Примѣчанія къ партии No 55.

- (1) Странно, что игрокъ занимающійся теоріей игры не знаетъ лучшей защиты противъ испанской атаки.
 (2) Очень нехорошо; впрочемъ игра черныхъ во всякомъ случаѣ проиграна.

№ 74.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Зуле. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)	13) c4—c5(4)	e6—e5
1) e2—e4	c7—c5	14) c3—a4	g6—f4
2) c2—c4(1)	b8—c6	15) e2—c4	c8—e6
3) b1—c3	a7—a6	16) a4—b6	d8—c7
4) g1—f3	e7—e6	17) a1—d1	e6—c4°
5) f1—e2	g8—e7	18) b6—c4°	h8—e8
6) d2—d4	c5—d4°	19) c4—b6	e8—e7
7) f3—d4°	e7—g6	20) d1—d2	f4—e6
8) 0—0	f8—c5(2)	21) b2—b4	a6—a5
9) c1—e3	c5—a7	22) a2—a3	a5—b4°
10) d4—c6°	d7—c6°(3)	23) a3—b4°	f7—f6
11) d1—d8°+	e8—d8°	24) f1—d1	e6—d4
12) e3—a7°	a8—a7°	25) f2—f4	a7—a3
		26) f4—e5°	f6—e5°

27) d2—f2	d4—e6	31) e5—e7+	c7—b8
28) f1—f5	e7—e8(5)	32) e7—g7°	и бѣлые выигрываютъ.
29) f5—e5°	e8—d8		
30) d1—d8°	e6—d8°		

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 74.

(1) Этотъ ходъ довольно хорошъ, хотя g1—f3 или d2—d4 было бы сильнѣе.

(2) f8—e7 было бы лучше.

(3) Брать коня пѣшкой b7 было бы дурно ибо тогда 11) $\frac{e3-a7^\circ}{a8-a7^\circ}$

12) $\frac{d1-d4}{}$ и бѣлые получаютъ рѣшительный перевѣсъ.

(4) Прекрасный ходъ.

(5) Единственное средство спасти пѣшку, это отвести коня, но тогда бѣлые сыграютъ f5—f8 и матъ неизбеженъ.

№ 75.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	ЗУЛЕ. (Черные.)	21) c2—c4	g5—g4
1) e2—e4	e7—e5	22) h2—h3	g4—h3°
2) f2—f4	e5—f4°	23) f2—h3°	e3—g2°
3) f1—c4	d8—h4+	24) h3—f2	h6—g7
4) e1—f1	g7—g5(1)	25) h1—h2	g2—e3+
5) b1—c3	f8—g7	26) g1—h1	e3—f5
6) c3—d5(2)	e8—d8	27) h2—g2	f5—g3+
7) d2—d4	d7—e6	28) h1—h2	g7—h6+
8) e4—e5(3)	c7—c6	29) h2—g1	h6—g5(5)
9) d5—c3	d6—d5	30) f2—h1	e8—g8
10) c4—e2	f7—f6	31) h1—g3°	f4—g3°
11) b2—b3	g8—e7	32) d2—g5°	g8—g5°
12) g1—f3	h4—h6	33) g1—h1	c8—e6
13) e5—f6°	g7—f6°	34) g2—g3°	e5—f7
14) f3—e5	f6—e5°	35) a1—g1	a8—g8
15) d4—e5°	b8—d7	36) g3—g5°	g8—g5°
16) c1—b2	e7—f5	37) g1—g5°	f7—g5°
17) f1—g1	h8—e8	38) c4—c5	g5—e4
18) d1—d2	d7—e5°	39) b2—e5+	c7—d7
19) c3—e4	d8—b7	40) b3—b4	a7—a5
20) e4—f2	f5—e3(4)	41) a2—a3	a5—b4°
		42) a3—b4°	e6—f5

43) h1—g2	d7—e6	55) a4—d7	d4—d3
44) e5—d4	f5—g6	56) d7—a4	f5—e7(7)
45) b4—b5	c6—b5°(6)	57) f4—e3	e7—d5+
46) e2—b5°	e4—d2	58) e3—d2	h7—h5
47) b5—a4	d2—c4	59) a4—d7	c4—c5
48) c5—c6	b7—c6°	60) d7—e6	c5—d6
49) a4—c6°	c4—d6	61) e6—c8	h5—h4
50) g2—f2	d6—f5	62) h8—d4	d5—e7
51) d4—h8	e6—d6	63) c8—h3	g6—f5
52) c6—a4	d6—c5	64) h3—f1	h4—h3
53) f2—f3	c5—c4	65) f1—h3°	игра ничья.
54) f3—f4	d5—d4		

Примѣчанія къ партии No. 75.

(1) Послѣдніе два хода составляютъ классическую защиту противъ слонаго гамбита; долгое время она почиталась наилучшею возможною, но новѣйшіе анализы сильно поколебали это мнѣніе.

(2) Эта атака конемъ нѣсколько преждевременна.

(3) И этотъ ходъ сдѣланъ слишкомъ рано; надо было сперва сыграть g1—f3 и h2—h4.

(4) Теперь черные имѣютъ сильную атаку.

(5) Черные замышляютъ слѣдующую атаку 30) $\frac{d2-e2^\circ}{g5-g2^\circ+}$ 31) $\frac{d2-e2^\circ}{g5-g2^\circ+}$ 32) $\frac{g1-g2^\circ}{f4-f3}$, а за тѣмъ берутъ ферзя и остаются съ лишней ладьей при сильно-наступательномъ положеніи; для предупрежденія этой атаки бѣлые отводятъ коня на h1.

(6) Брать пѣшку необходимо; иначе Андерсенъ продвинетъ ее на b6, а потомъ поддастъ слона на a6 и проведетъ пѣшку въ ферзи, а если черные не возьмутъ слона, то завоюетъ пѣшку и приобрететъ хорошее положеніе.

(7) Ошибка; слѣдовало играть g6—h5, тогда 57) $\frac{f4-f5^\circ}{c4-b4}$ и черные выигрываютъ.

№ 76.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

АНДЕРСЕНЪ.	ЛАНГЕ.	3) g1—f3	g7—g5
(Бѣлые.)	(Черные.)	4) h2—h4	g5—g4
1) e2—e4	e7—e5	5) f3—e5	g8—f6
2) f2—f4	e5—f4°	6) e5—g4°	f6—e4°

7) d2—d3	e4—g3	20) e2—f3	f2—d3+
8) c1—f4°	d8—e7+(1)	21) c2—d3°	b7—d5°
9) f1—e2	e7—b4+	22) f3—d5°	a8—c8+
10) d1—d2	b4—d2°+	23) c1—b1	h4—g5
11) b1—d2°	g3—h1°	24) d2—e4	f7—f6
12) g4—f6+	e8—d8	25) d5—b7	c8—c6
13) f6—d5	f8—e7	26) b7—c6°	d7—c6°
14) 8—0—0	h1—f2(2)	27) e4—f6°+	g5—f6°
15) d1—f1	e7—h4°	28) f1—f6°	e8—d7
16) f4—c7°+	d8—e8	29) d6—e5	h8—e8
17) c7—d6	b8—a6	30) f6—d6+	и бѣлые выигрываютъ.
18) d3—d4	b7—b5		
19) g2—g3	c8—b7		

Примѣчания къ партии No 76.

(1) Этимъ способомъ защиты черные получаютъ ладью за коня, но за то даютъ возможность противнику быстро развернуть силы.

(2) Лучше бы пожертвовать коня и поспѣшить развернуть свою игру.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 17.

1) g2—f4+	e5—f4°
2) d5—e6+	d3—e4
3) b2—g2+	f4—f3
4) d8—d4+	c5—d4°
5) g2—c2+	d4—d3
6) c2—a4+	b1—b4
7) a4—c6+	a7—c6° ×

№ 18.

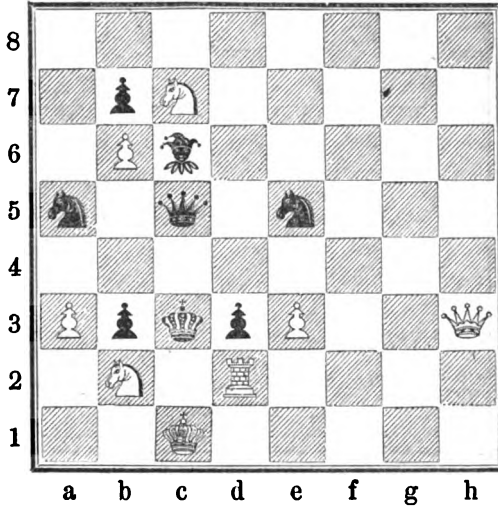
1) h4—g2+	f4—e5°
2) h5—g6	f8—d6 (лучшій ходъ)
3) d2—f3+	e5—e4°
4) d7—b7° ×	

Задачи.

№ 21.

С. Лойда (Chess Monthly).

ЧЕРНЫЕ.

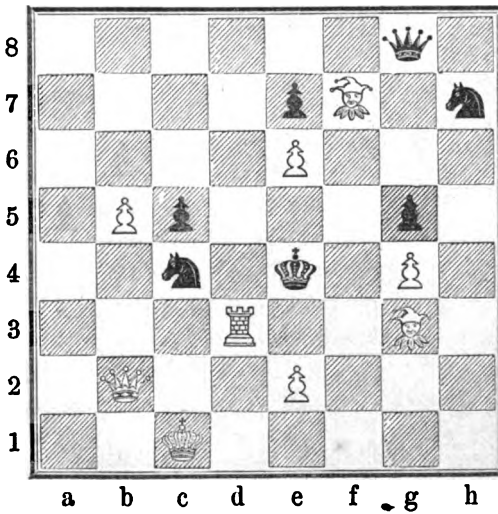
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 22.

ГЕНДЕЛЯ.

ЧЕРНЫЕ.

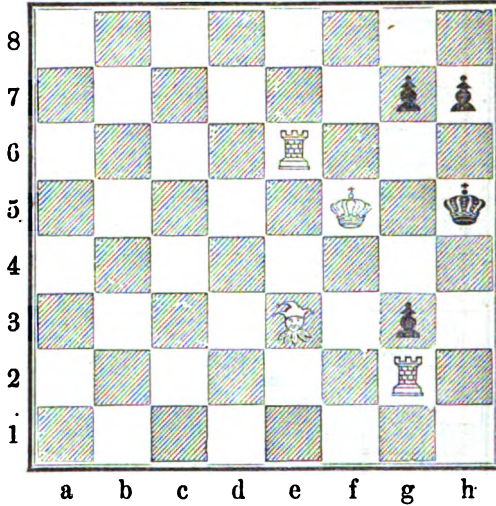
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 23.

ЭЙХШТЕДА (Schachzeitung).

ЧЕРНЫЕ.

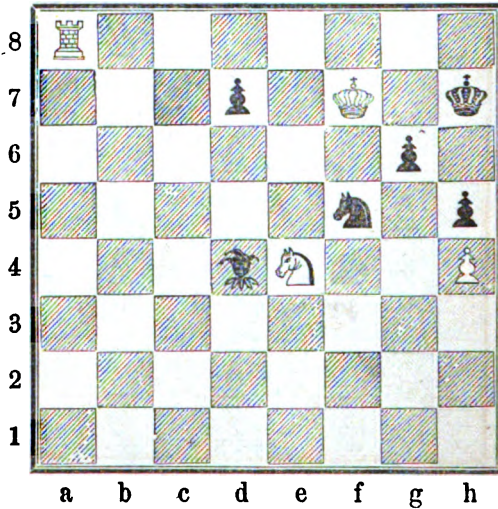
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 8 ХОДА.

№ 24.

А. Д. ПЕТРОВА (въ Варшавѣ.)

ЧЕРНЫЕ.

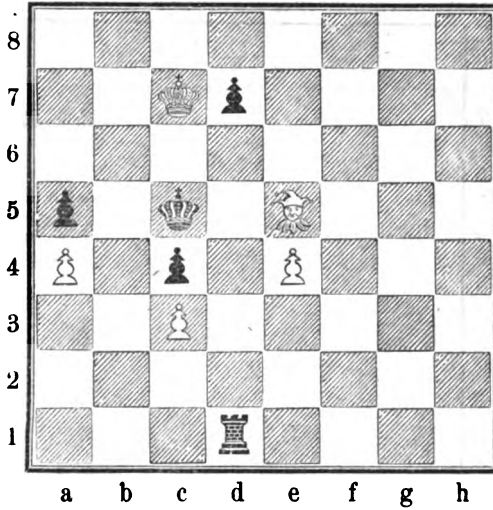
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 5 ХОДОВЪ.

№ 25.

ЭЙХШТЕДА (Schachzeitung).

ЧЕРНЫЕ.

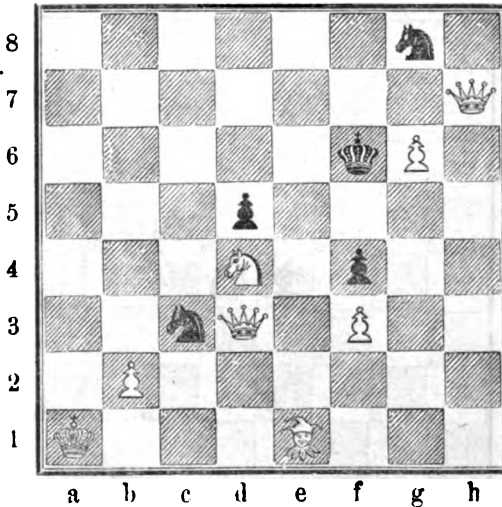
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 26.

ФОНЪ-ОШЕНА (въ Берлинѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *Г. Еп—ву.* (въ С. Пертербургѣ). Ваше возраженіе на нашъ отвѣтъ совершенно основательно и мы Вамъ за него весьма благодарны. Рѣшеніе самага автора проблемы помѣщено въ десятомъ номерѣ Листка стр. 285.

Редакція Шахматнаго Листка находится, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ необходимости отложить на извѣстное время продолженіе сочиненія кн. Урусова.

Получить письмо отъ Элеоноры — милое, такъ хорошо написанное, хорошо сложенное письмо — оно такъ тщательно адресовано, потому что она любитъ меня болѣе всего въ мірѣ, и въ моихъ глазахъ хочетъ стоять теперь также высоко, или еще выше, чѣмъ тогда, какъ она написала мнѣ свое первое, дорогое письмо. У маленькой Жанеты была только корь; я болѣе нуждаюсь въ Элеонорѣ, чѣмъ она; я хочу заболѣть, чтобы Элеонора скорѣе была со мной. Предположимъ, что я заразился бы холерою, среди которой я живу, и я умеръ бы прежде нежели она возвратилась — какъ жалѣла бы она, что уѣхала для этой дѣтской болѣзни. Думая о смерти, мы всегда воображаемъ, что будемъ предметомъ сожалѣній другихъ объ нашей кончинѣ; что мы будемъ наслаждаться этими напрасными сожалѣніями и, неспособные уже сами чувствовать, будемъ предметомъ общаго сочувствія. Мы видимъ великолѣпные чужихъ погребеній, и когда намъ приходится играть первую роль въ подобной церемоніи, намъ кажется, что будутъ хоронить насъ, вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ. Элеонора ничего не говоритъ мнѣ о пилюляхъ и микстурахъ, которыя даютъ бѣдной Жанетѣ — и хорошо дѣлаетъ. Еслибы Элеонора была похожа на другихъ матерей, которыя заставляютъ ребенка своего, для укрѣпленія, пить послѣ обѣда портъ-вейнъ, или рассказываютъ мужшинѣ-отцу всѣ подробности объ желудкѣ дитяти, я бы ненавидѣлъ этого ребенка. Дѣти обыкновенно производятъ на меня непріятное впечатлѣніе: они какъ-то нечисты, слюни готовы каждую минуту течь у нихъ изо рта; носы большею частью не въ порядкѣ; невольнѣ воображаешь, какъ нянька аляповатыми руками, обмывая ихъ, мажетъ по всему лицу. Не будь такая мать, какъ Элеонора, и не поступай она такимъ образомъ, Жанета сдѣлалась бы для меня противною, хотя она хороша какъ картинка. Въ рамкѣ, я бы восхищался ею больше всего на свѣтѣ. Она гораздо лучше своей матери и будетъ красавица! Тогда настанетъ ея очередь быть любимой,

быть обожаемой какимъ нибудь молодымъ человѣкомъ, который теперь еще расцѣтъ за какими нибудь стѣнами, или невѣдомыми для насъ горами, или, можетъ быть, не далѣе какъ за воротами парка-мальчикъ ужъ и теперь по дѣтски влюбленъ въ нее.... Но этому не бывать, никогда!

Теперь четыре часа утра, и я только что пріѣхалъ, но не могу лечь въ постель — да и зачѣмъ, когда здѣсь нѣтъ этой кружевной оборки, этого лба, отдѣляющагося своею живою бѣлизною отъ бѣлой кисеи; нѣтъ этой нѣжной, мягкой ручки, какъ будто совершенно исчезающей въ моей рукѣ. Когда я написалъ, что слѣдовало, въ своемъ дневникѣ, мнѣ больше нечего было дѣлать здѣсь, безъ Элеоноры. Я сѣлъ на другую лошадь и поскакалъ верхомъ, куда попалъ, лишь бы подальше отъ дому. Я ѣхалъ впередъ до тѣхъ поръ, пока во всѣхъ хижинахъ не погасли огни. Впродолженіи этого времени я наблюдалъ какъ огонь переставалъ свѣтить въ нижней комнатѣ, и потомъ переходилъ въ верхнюю. Я остановилъ лошадь у одного дома, на болотѣ, и слышалъ изъ спальни, которая была почти надъ самою моею головою, мужской голосъ, читающій молитву, минуты съ двѣ. Я могъ легко разслышать однообразное повтореніе словъ молитвы другими лицами, потомъ рѣшительное «покойной ночи» и свѣчи исчезли.

Болото было покрыто густымъ туманомъ. Когда я поднимался на небольшія возвышенія, я находился надъ туманомъ, а отъ луны онъ казался такимъ прозрачнымъ и свѣтлымъ, что и словъ не найдешь описать. Проѣзжая сквозь туманъ, я чувствовалъ пронзительный холодъ. Это была жестокость со стороны природы, которая не заботится объ человѣкѣ, вышедшемъ изъ дому въ неполюженное время: какъ будто пренебрегая имъ и не стѣсняясь его присутствіемъ, она творить свое, по принятому ею порядку. Нечаянно въѣхалъ я прямо въ озерко, потому что воду нельзя было отличить отъ земли, покры-

той туманомъ; но когда я разъ уже попалъ туда, мнѣ показалось очень пріятно переплыть на другую сторону на моемъ добромъ конѣ; благородное животное, встряхивая гривую, съ видимымъ удовольствіемъ разсѣкало воду. Но выѣхать на берегъ было чрезвычайно трудно, потому что земля обрывалась подъ ногами лошади, и она горячилась и пугалась. На первомъ мѣстѣ, гдѣ она только могла удержаться, я принужденъ былъ ее пришпорить, и она едва-едва не перекинулась назадъ, взбираясь на скалу, которая нависла надъ *Троутсъ-Пулемъ*. Если бы это случилось, ты болѣе не увидала бы меня Элеонора. Выѣхавъ на берегъ, лошадь несла меня какъ бѣшенная впродолженіи полу-часа, черезъ рвы и кусты, и неистовый вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу и мимо ушей. Наконецъ я достигъ водопада, который называютъ Чортовымъ-Подойникомъ, и привязалъ лошадь за узду къ молодому дереву, такъ что она могла щипать нѣжную, зеленую травку, а самъ снялъ съ себя платье и бросился купаться. Вода тяжело падала въ бассейнъ, такъ что я долженъ былъ безпрестанно бороться съ ней — теченіе меня отбрасывало, и я опять плылъ противъ него. Я вышелъ изъ воды, одѣлся при лунномъ свѣтѣ, и потомъ, ведя лошадь подъ устцы, побѣжалъ чрезъ Стоней-Питтъ, внизъ на большую дорогу. Уже разсвѣло, такъ что я поспѣшилъ домой, поставилъ Рэмпаджа въ конюшню, вошелъ въ комнату черезъ окно, и развелъ въ каминѣ огонь, передъ которымъ лягу и усну на два, на три часа, до тѣхъ поръ, пока будетъ время опять идти воевать съ холерою.

Вечеръ. Я не могъ спать, хотя огонь горѣлъ прекрасно, и мнѣ пришло въ голову, что, если я пріѣду въ дочтвое отдѣленіе въ *Бюди*, прежде нежели почтовая тележка уѣдетъ оттуда, я могу получить письмо Элеоноры двумя часами ранѣе чѣмъ здѣсь; по этому я взялъ изъ конюшни Фиджета и пустилъ его вскачь до города. Почтмейстеръ думалъ, что я ожидаю какихъ нибудь важ-

ныхъ извѣстій по холернымъ дѣламъ отъ перваго министра; онъ вынулъ мои письма — пересмотрѣлъ ихъ всѣ до послѣдняго, и ни одного не было отъ Элеоноры. Теперь для меня время до слѣдующей почты совершенно пусто. Если бы я прочиталъ ея милыя строки, и могъ бы положить въ карманъ письмо ею написанное, всякая вещь имѣла бы для меня свое значеніе, но безъ этого мнѣ ни до чего дѣла нѣтъ. И какая можетъ быть причина тому, что она не пишетъ? Пока я скакалъ на почту, мнѣ было какъ-то легко на душѣ; а это всегда бываетъ передъ бѣдою. Впрочемъ другіе, Бартлеты написали бы мнѣ — она бы ихъ заставила... нѣтъ, не несчастіе! просто надо было дать ребенку какія нибудь проклятыя пилюли или микстуру, и письмо было забыто. Такъ и я не отдалъ на почту своего письма къ ней: а оно стоило того, чтобы его получить, Элеонора; такое безграничное обожаніе человѣческой души, какъ мое къ тебѣ — не бездѣлица. Какъ! *забыть, опоздать* написать къ мужу, думая о ребенкѣ? Но я самъ почти ребенокъ: я вѣдь знаю, что ты любишь меня. Тѣмъ не менѣе, я вернулся домой въ самомъ мрачномъ расположеніи духа и тотчасъ же отправился въ холерный городъ.

Члены комитета просили меня отобѣдать съ ними; но я не могу ѣсть, не могу даже подумать объ ѣдѣ. Если бы у меня было письмо, пища имѣла бы для меня вкусъ, вино имѣло бы свой букетъ, но — нѣтъ письма и ничто для меня не существуетъ.

Я поѣхалъ въ Лед-Ленъ и не пропустилъ ни одного дома, не посѣтивъ его; атмосфера удушливыхъ запаховъ доставляла мнѣ удовольствіе. Она такъ отзывалась ядомъ и смертью, что это отвращало мысли мои отъ постоянного сознанія, что нѣтъ письма. Чувствуя себя особенно настроеннымъ на упрямство и настойчивость, я собиралъ людей, которые не хотѣли сами придти ко мнѣ, заставляя ихъ открывать водосточныя трубы, вывозить нечистоты, перетаскивать больныхъ съ мѣста на мѣсто. У

одной умирающей дѣвушки былъ розанъ въ горшкѣ и она умоляла меня полить его водою: умственные способности частью уже оставили ее, частью еще проявлялись по временамъ. Я приѣхалъ домой — выпилъ цѣлое море чая — теперь лягу въ постель.

Восемнадцатый день. Я не мущина, а ребенокъ: вотъ два письма, вчерашнее и сегодняшнее; оба посланы въ должное время, но одно было задержано потому, что случилось что-то съ проклятымъ мѣшкомъ или съ почталіономъ.

Теперь, когда время ожиданія уже прошло, кажется, что легко было ждать. Какъ глупо, находясь въ счастіи, давать наставленія тѣмъ, которыхъ тревожить горе! Жанета совершенно выздоровѣла и завтра вечеромъ Элеонора будетъ дома. Я боленъ — дурно провелъ ночь.

Были страшные сны, которые продолжались даже, когда я проснулся. Я полагаю, что моя ночная поѣздка, недостатокъ сна и проч.—все это сдѣлало мнѣ вредъ; надо мнѣ выздороветь—лягу въ постель и начну себя лѣчить. Всѣ скажутъ, что это холера, и пусть говорятъ это лучше, чѣмъ то, что я трудился сверхъ своихъ силъ.
Конецъ выписки изъ дневника.

Ферроль, какъ онъ сказалъ легъ, въ постель и началъ лѣчиться; онъ былъ боленъ, и немогъ продолжать дневникъ. Когда приѣхала его жена съ Жанетой, онъ могъ выйти только до дверей, чтобы принять Элеонору съ любовью въ свои объятія, и тотчасъ же долженъ былъ опять лечь. Она была испугана, и стала слѣдить за нимъ съ тревожною тоскою; ее страшила мысль, что тотъ, въ комъ заключено все ея счастье, можетъ умереть, и всякое другое чувство было поглощено этою болѣзнію. Онъ же, напротивъ, былъ счастливъ и покоенъ теперь, когда она была опять вмѣстѣ съ нимъ; онъ походилъ на человѣка, отдыхающаго послѣ тяжелаго, дневнаго труда и наслаждающагося спокойствіемъ домашнего очага; какъ человѣкъ въ этомъ положеніи испугался бы мысли опять пуститься на холодъ

•

и на вѣтеръ въ тяжелый путь, такъ Фѣрроль теперь уже ни за какія блага въ мірѣ не пустилъ бы свою жену туда, гдѣ онъ не могъ бы видѣть ее и слышать ея голосъ. Также и у нея единственнымъ желаніемъ было сидѣть подлѣ него, держать его руку, проводить всю ночь у его изголовья; ему и на мысль не приходило послать ее отдохнуть; она не выходила изъ его комнаты, гдѣ впрочемъ окружало ее все, что только можно было придумать для ея спокойствія и удобства. Фѣрроль велѣлъ обложить подушками ея кресло и приготовить для ногъ ея бархатное одѣяло; для прохлажденія ея всегда готовы были самые лучшіе и дорогіе фрукты; при немъ заплетали на ночь ея длинные волосы, и потомъ, держа ея руку, онъ засыпалъ, а она сидѣла возлѣ него, охраняя его сонъ.

Между тѣмъ, маленькая Жанета тотчасъ по приѣздѣ была отправлена въ дѣтскую; и никто не обращалъ большаго вниманія на ея безпрестанные вопросы о болѣзни отца. Она ѣхала маленькою героиней со всѣми почестями недавняго выздоровленія, и горничная ея матери рассказывала ей, какъ папа ея будетъ радъ видѣть ее совсѣмъ здоровою. Жанета была не слишкомъ приучена чувствовать себя значительнымъ лицомъ; но въ это время, вниманіе, оказываемое ей въ болѣзни, и приѣздъ матери для того, чтобы ходить за нею, дали ей нѣкоторый поводъ, хотя самымъ невиннымъ образомъ, считать себя довольно важною особою. Она надѣялась, что можетъ быть даже отецъ самъ понесетъ ее на верхъ, а потомъ она опять сойдетъ внизъ и будетъ имѣть почти безпримѣрное удовольствіе провести вечеръ въ гостиной. Но надежды ея совершенно рушились. Она вдругъ возвратилась къ сознанію своего ничтожества и почувствовала, что она значитъ меньше всѣхъ въ домѣ. Дѣти скоро мирятся съ тѣмъ, что они считают однажды навсегда рѣшеннымъ. Жанета совершенно усвоила себѣ взглядъ, который имѣли на нее другіе; ее тревожило единственно здоровье ея от-

ца. Между тѣмъ нянька напилась чаю; горничная сказала дѣвочкѣ, чтобы она не беспокоилась и въ то же время шепнула нянькѣ нѣсколько словъ, которыя своею таинственностію больше испугали ребенка, нежели тогда, когда бы они были сказаны громко; наконецъ, онѣ уложили Жанету въ постель, сказавши ей, чтобы она была умная дѣвочка и заснула, и что ее укладываютъ ранѣе обыкновеннаго времени, это потому, что она только-что встала послѣ болѣзни: дѣло въ томъ, что имъ хотѣлось послѣ разлуки поболтать между собою. Жанета легла со слезами, и думая, что вѣрно ея отецъ долженъ умереть, не могла согрѣться въ постели и цѣлую ночь то засыпала, то опять просыпалась. Въ пять часовъ утра она не могла болѣе вытерпѣть, и вставъ потихоньку, надѣла на ноги туфли, набросила себѣ на плечи плащъ и отправилась къ дверямъ комнаты отца. Жанета была чудо как хороша; во всемъ графствѣ нельзя было видѣть такой хорошенькой картинки, ни на полотнѣ, ни въ дѣйствительности, какую представляла Жанета, въ накинутой наскоро одеждѣ, съ густыми, въ беспорядкѣ раскинутыми локонами, потихоньку спускающаяся съ лѣстницы.

Мистриссъ Фэрроль, сидѣвшая у кровати, услышала легкіе шаги въ корридорѣ, — и замѣтила, что кто-то совершенно тихо остановился у дверей. Мужъ ея спалъ и она не хотѣла двинуться съ мѣста, чтобы не разбудить его. Маленькій сторожъ у дверей стоялъ такъ долго, что слабое впечатлѣніе, произведенное на мистриссъ Фэрроль едва слышными шагами въ корридорѣ, почти совершенно изгладилось; она припомнила его только, услышавъ тихое рыданіе, котораго Жанета не могла удержать, потому что тишина и одиночество возбуждали въ ней всевозможныя печальныя мысли — что отецъ ея умеръ, что мать ея молчить, убитая горемъ и тоже скоро умереть и т. д.

Мистриссъ Фэрроль, услышавъ рыданіе, догадалась, что

туть должна быть Жанета; она осторожно встала съ мѣста, пріотворила дверь, приложивъ палець къ губамъ, и увидѣла бѣдную дѣвочку, стоящую на колѣняхъ за порогомъ. При видѣ матери, она приподнялась и сильно покраснѣла. — Что ты тутъ дѣлаешь дитя мое? сказала мистрисъ Фёрроль. Ты простудишься и будешь опять больна. — Мнѣ нужно было знать, что дѣлается съ папа, отвѣчала Жанета, начиная уже совсѣмъ плакать.

— Тссс... сказала поспѣшно мистрисъ Фёрроль. Ему лучше, моя Джени — онъ уснулъ, и, я надѣюсь, скоро будетъ здоровъ. Не бойся ничего. Если ты совсѣмъ утихнешь, я тебѣ его покажу, — и она повелала ребенка въ комнату, гдѣ онѣ обѣ стали подлѣ кровати, смотря на спящаго. Сколько было въ этихъ двухъ сердцахъ глубокаго уваженія, любви, благоговѣнія къ человѣку, на котораго онѣ смотрѣли.

Цари на престолахъ не бываютъ предметомъ такого обожанія, какое имѣли къ Фёрролю его жена и дочь. Жена чувствовала, что подобнаго человѣка нѣтъ въ мірѣ, дочь безотчетно *вървала* въ его превосходство. Самая беззащитность его въ глубокомъ снѣ, въ который онъ былъ погруженъ, увеличивала дѣйствовавшее на нихъ обаяніе. Полуоткрытый ротъ, опущенныя вѣки, разбросанныя волосы, положеніе тѣла, въ которомъ всѣ силы усыплены, все это представляло его не могучею опорой и вѣрнымъ защитникомъ ихъ, какъ всегда, но беззащитнымъ существомъ, нуждающимся въ ихъ покровительствѣ. Рѣдко, или даже никогда не приходилось Жанетѣ видѣть отца своего спящимъ, и дочернее обожаніе, которое она уже прежде чувствовала, теперь возгорѣлось болѣе чѣмъ когда нибудь. Счастливая минута была бы для нея, еслибы она только могла осторожно помѣститься возлѣ постели и посидѣть надъ больнымъ. Но мать ея, боясь, чтобы постѣ своей болѣзни она не простудилась, тихо, но крѣпко поцѣловала ее и послала на верхъ. Было шесть часовъ, когда Жанета вернулась въ свою комнату, и, вполнѣ занятая

положеніемъ своего отца, начала рассказывать все, что она видѣла и слышала, не сомнѣваясь въ интересѣ, который долженъ былъ возбудить ея рассказъ. Но нянька проснулась разсерженная, и видя, что ея воспитанница начинаетъ одѣваться, тогда какъ часы на столѣ показываютъ, что еще можно повернуться на другой бокъ и подремать, выразила свое мнѣніе объ этомъ проявленіи дочерней любви: «Вы очень дурная дѣвочка миссъ Фёрроль, что бѣгаете по всему дому, въ ночное время. Этимъ вы только всёму досадите, если будете твердить: папá да папá. Разрѣ папá не можетъ спать или проспать безъ того, чтобы вы не всполошили весь домъ? Снимите ваши чулки, сударыня, и ложитесь опять въ постель; а то я вамъ не дамъ масла на завтракъ, навѣрное не дамъ.»

Леди Люси Барлеттъ, по минованіи холеры возвратилась въ замокъ, но не раньше того времени, какъ началась холодная погода, потому что первый морозъ, по ея словамъ, чрезвычайно важенъ въ отношеніи къ холерѣ. Она была очень расположена повеселиться и отпраздновать общее избавленіе отъ всякихъ бѣдъ пирами и разными удовольствіями. Однакоже, хотя она и была самая простая женщина въ мірѣ, но боялась, что репутація ея, какъ неутѣшной вдовы, пострадаетъ отъ возобновенія веселостей въ ея домѣ, и перебирала всевозможныя общія мѣста, чтобы найти какой нибудь предлогъ, оправдывающій ея желаніе. — Для меня, говорила она, отказаться отъ уединенія, въ которомъ я жила со времени моего несчастія, — большая жертва, но молодежь моя подрастаетъ, а молодымъ людямъ надобно, чтобы было чѣмъ потомъ молодость помянуть, мистеръ Фёрроль.»

— А вамъ пріятно смотрѣть на то, какъ они веселятся, отвѣчалъ онъ.

— Конечно, когда это дѣлается тихо и скромно: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— И даже если нѣсколько шумно. Вѣдь бѣдный мис-

теръ Барлетъ тоже бы дѣлалъ, еслибы онъ имѣлъ несчастіе пережить васъ, не правда ли?

— Я часто думаю объ этомъ. Я увѣрена, что мой дорогой Христофоръ переломилъ бы себя для нашей молодежи.

— И ему самому было бы приятно, леди Люси. Вы должны любить удовольствія вашихъ дѣтей, какъ мистеръ Барлетъ самъ любилъ бы ихъ.

— Разумѣется такъ, и я иногда это думаю. Если бы онъ былъ живъ, говорю я себѣ, онъ пожертвовалъ бы своими собственными чувствами для удовольствія дѣтей.

— Притомъ же предаваться неутѣшному горю тоже, что роптать на Провидѣніе.

— Конечно! я меньше, чѣмъ ктонибудь, способна роптать, а въ самомъ дѣлѣ могли бы подумать, что я предалась отчаянію, если бы я всегда жила въ уединеніи, безъ всякаго общества; къ тому же, состояніе мое позволяетъ мнѣ теперь болѣе принимать у себя, нежели въ первое время послѣ моего несчастія.

— Такъ у васъ будетъ маленькій съѣздъ въ это Рождество?

— А какъ вы думаете, вѣдь было бы кстати?

— Я думаю, что кстати.

— Ничего шумнаго — знаете, нѣсколько человѣкъ сосѣдей.

— А то такъ ужъ заодно — задать балъ; какъ вы думаете?

— А что? сказала леди Люсси.

— Какъ вашъ сынъ былъ бы этому радъ, а также Арабелла и Мери. Жанета сказывала мнѣ, что это глѣто онѣ учились танцовать.

— Да, я думала, что вѣдь надо же когданибудь выучиться этому, хоть и больно мнѣ было слышать скрипку въ своемъ домѣ.

— И дѣти Гербертовъ приѣдутъ къ тому времени домой изъ училища, продолжалъ Фэрроль.... Всякому пріят-

но въ Рождество.... танцовать можно будетъ въ гостиной, а ужинать въ залѣ?»

— О, нѣтъ! ужинать можно въ столовой, а обѣдать въ этотъ день мы будемъ въ классной комнатѣ; залу же лучше оставить для танцевъ, потому что въ ней помѣщается сто человѣкъ.

— Это дѣйствительно будетъ всего лучше, отвѣчалъ Фѣрроль; позовемъ Элеонору, и вы вмѣстѣ можете составить списокъ гостямъ.

Съ этой минуты рѣшено было, что будетъ балъ; молодые Бартлеты съ восторгомъ ухватились за эту мысль, а мать ихъ была столь же счастлива, какъ и они, ихъ удовольствіемъ и своимъ собственнымъ. Она даже сочла, что обязанность ея къ дѣтямъ требуетъ, чтобы она сняла трауръ и заказала себѣ сѣрое атласное платье, съ каймой изъ очень красивыхъ черныхъ листьевъ. Въ одно утро, когда дѣти ея учились, а горничная обѣдала, она отправилась одна въ свою уборную, вынула свои брилліанты, пересмотрѣла ихъ, и, замѣтивъ, что надо бы ихъ нѣсколько почистить, завернула и отослала ихъ въ Лондонъ съ приказаніемъ, чтобы они были возвращены къ 17-му января.

Когда этотъ день наступилъ, она отправилась утромъ въ Башню для какихъ-то маленькихъ переговоровъ, и тогда, въ первый разъ, совершенно убѣдилась (потому что до тѣхъ поръ она этого боялась, но не хотѣла уяснить свои сомнѣнія), что Фѣрроль самъ не думаетъ быть на балѣ. Всѣ ея доводы были опровергнуты, послѣднимъ оружіемъ ея было увѣреніе, что ея удовольствіе будетъ испорчено, если онъ не прійдетъ; со слезами на глазахъ, она спросила его, неужели же онъ не можетъ даже этого сдѣлать для несчастной, всѣми покинутой вдовы. Онъ отвѣчалъ ей, что ей будетъ достаточно весело видѣть дѣтей своихъ счастливыми, и что онъ имѣетъ болѣе правъ спросить, почему она, окруженная сосѣдами и семействомъ, не хочетъ такому доброму сосѣду, какъ онъ,

предоставить самому выборъ своихъ занятій и удовольствій. Она принуждена была улыбнуться; передъ нею мелькнула веселая картина предстоящаго вечера, и она почувствовала, что сказала неправду, говоря, что отъ его отсутствія пропадетъ все ея удовольствіе; но она *говорила* и въ ту минуту даже *думала* это, чтобы только заставить его прѣхать. Хорошо, сказала она вставая, чтобы уйти, по крайней мѣрѣ, я увѣрена, что мистриссъ Ферроль и Жанета будутъ у меня?»

— О, безъ сомнѣнія, отвѣчала мистриссъ Ферроль, и добрая госпожа Партлетъ уѣхала.

Мистриссъ Ферроль такъ привыкла къ тому, что мужъ ея отказывался отъ всѣхъ приглашеній, что ей и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ согласиться на чтонибудь подобное; но этотъ разъ, въ то время, какъ она должна была сидѣть молча и горничная расчесывала ей волосы, книга, которую она читала, опустилась на ея колѣни, и она начала размышлять, почему бы, для такого случая, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей, мужу не нарушить свою привычку. Онъ любитъ все изящное, думала она, любитъ хорошенькія лица, красивые наряды, хорошую музыку — красота и грація лучше постигаются имъ, болѣе доступны ему, чѣмъ болѣе части людей, и онъ болѣе знаетъ имъ цѣну. Звукъ веселыхъ голосовъ у Бартлетовъ и ихъ огромная, наполненная гостями зала доставили бы пищу его потребности пріятныхъ впечатлѣній. Зачѣмъ онъ такъ рѣшительно всегда отказывается выѣхать изъ дому?

Эти размышленія были прерваны дѣломъ, требовавшимъ ея собственнаго вниманія, также какъ и вниманія ея горничной — надобно было вкалывать въ волосы цвѣты. Потомъ началось надѣваніе новаго платья, отлично сшитаго у мистриссъ Джонстонъ въ Доверъ-Стритъ, и только что вынутаго изъ ящика, въ которомъ оно было прислано, завернутое въ серебряную бумагу. Довольная своимъ туалетомъ, она пошла искать Ферроля, чтобы по-

казаться ему. Онъ былъ въ библіотекѣ; Жанета также прекрасно, хотя чрезвычайно просто одѣтая, стояла у стола и любовалась какими-то цвѣтами, а самъ онъ сидѣлъ у камина и читалъ. — Поди сюда и дай мнѣ на тебя посмотрѣть, Элеонора, сказалъ онъ, когда жена его вошла въ комнату. Ты чудо как хороша.... кажется, еще похорошѣла. Ты вся лунный свѣтъ и аромат фіалки. Что можетъ быть лучше женщины—такой женщины, какъ ты! Такъ вотъ какъ вы носите теперь кружевные шемизетки: это очень мило и очень ново, а между тѣмъ кажется, какъ будто бы всѣ должны были давно догадаться такъ дѣлать.

— Мамаша, сказала Жанета подбѣгая къ ней и показывая на столъ:— вотъ какой прекрасный букетъ папа сдѣлалъ.

— Подай его сюда, Дженни.

Дженни подала букетъ съ особеннымъ тщаніемъ, отъ всей души любясь на него и говоря:

— Папа нарѣзалъ самъ эти цвѣты; онъ спросилъ у меня шелку, чтобы связать ихъ.... папа самъ связалъ ихъ для васъ.

Фёрроль посмотрѣлъ на нее, какъ она стояла подлѣ матери, занятой разсматриваніемъ его подарка; Жанета во всѣ глаза слѣдила за тѣмъ, какъ мать прикалывала букетъ. Фёрроль взялъ опять ножницы въ руки, отправился въ оранжерею и вернулся держа въ рукахъ вѣтку евфорбіи, съ большими зелеными листьями, которую онъ подалъ Жанетѣ, говоря:

— Вотъ и для тебя также цвѣтокъ.

Жанета взглянула, какъ бы не вѣря съ минуту своему счастью, потомъ яркій румянецъ покрылъ ея щеки. — О, благодарю васъ, папа, сказала она голосомъ, въ которомъ выражалось восхищеніе ребенка, получившаго что нибудь лучшее, нежели онъ когда нибудь прежде видѣлъ.

— Это прекрасный цвѣтокъ, Дженни, сказала ея мать,

отвѣчая на взглядъ дѣвочки, выразавшій совершенное счастье.

— Я приколю его тебѣ этою маленькою золотою булавкой; это будетъ очень идти къ твоему бѣленькому платью, а я сама буду держать букетъ въ рукахъ. Что ты читаешь, Поль?

— Какую-то глупую книгу, милая. — Она взглянула и увидѣла, что это была книга, которую онъ обыкновенно цѣнилъ высоко, какъ она того и стояла: ясно было, что онъ нерасположенъ находить удовольствіе въ чтеніи.

— Поѣдемъ съ нами, милый Поль, сказала она, положивъ руку на его плечо.

— Не проси меня, чтобы я и въ правду не поѣхалъ, сказалъ онъ, прежде нежели она успѣла договорить свои слова. Звукъ его голоса при этомъ кольнулъ ее прямо въ сердце; радостно взволнованная кровь въ ея жилахъ вдругъ похолодѣла и она уже совсѣмъ другимъ голосомъ повторила: «*Отчего ты не ѣдешь съ нами, милый Поль?*»

— Сказать тебѣ? отвѣчалъ онъ, и ясная улыбка согнала серьезное выраженіе съ его лица, но она не могла забыть тотъ звукъ его голоса, который ее поразилъ, хотя измѣненіе было едва замѣтно и потому не дала ему перемѣнить предметъ разговора.

— Да, скажи мнѣ, чтобы это ни было; развѣ можетъ быть затаенная мысль между тобою и мною?

— Какъ! ты отказалась бы отъ бала, и осталась бы со мною, еслибы я тебѣ сталъ рассказывать въ чемъ тутъ дѣло.

— Конечно, хоть всю ночь, отвѣчала она, начиная снимать перчатки.

— Нѣтъ; для этого не нужно столько времени, сказалъ Ферроль, взявъ ее за руку: не такъ долго сказать слово, которое никогда не забудется.

— Такъ ради Бога, скажи мнѣ его! воскликнула она.

— Слушай же, Элеонора — причина, по которой я

не ѣду, заключается въ томъ — слушай хорошенько, милая — что мнѣ не хочется выѣзжать.

— Поль, мой другъ, ты смѣешься надо мной!

— Нѣтъ, нисколько; скорѣе я сталъ бы смѣяться надъ моимъ ангеломъ-хранителемъ. Съ тобою я всегда готовъ смѣяться — пока ты не возвратишься буду плакать — а потомъ опять смѣяться, слушая все, что ты будешь мнѣ рассказывать. Прощай; желаю тебѣ веселиться, Жанета, мнѣ надо сильно заняться моею статьею; и такъ, прощайте обѣ, мои милыя.

Мистриссъ Фёрродъ осталась довольна шутливымъ объясненіемъ, которое получила, а Жанета была въ восторгѣ, что отецъ ея, въ своемъ прощаніи, соединилъ ее съ матерью.

Домъ Бартлетовъ былъ прекрасно убранъ и представлялъ видъ очень веселый; все семейство казалось само такъ счастливо и такъ довольно своими приготовлениями, что гостямъ становилось какъ-то отрадно глядѣть на нихъ. Старшая дѣвочка была въ новомъ платьѣ, сшитомъ, первый разъ въ ея жизни, портнихою — знакъ, что она уже большая; ея удовольствіе было невыразимо, а младшія ея сестры не скрывали своего восхищенія. «Жанета, говорили онѣ, неправдали какъ прекрасно платье у Эммы? твоя маменька находитъ, что оно слишкомъ полно, но нисколько; какъ ты думаешь?»

— Что, Жанета, неправдали какъ свѣтло въ залѣ? говорила меньшая. Пока еще никого не было, я попробовала, совсѣмъ на концѣ залы, вдѣтъ нитку въ самую маленькую иголку, и вдѣла совершенно легко, — также легко, какъ днемъ.

— Дженни, у тебя очень миленькій цвѣтокъ, сказала другая, но Гюгъ приготовилъ для тебя другой — еще лучше. Это была совершенная правда, но Гюгъ еще не могъ танцовать съ Жанетой, и поставилъ свой цвѣтокъ въ воду, чтобы онъ былъ свѣжъ къ тому времени, когда ему можно будетъ пригласить ее. Жанета бы-

ла предметомъ его дѣтской страсти, хотя съ тѣхъ поръ какъ мистеръ Фёрроль такъ строго запретилъ этимъ шутить, въ семействѣ это считалось дѣломъ щекотливымъ и было положено, что Гюгъ любить Жанету наравнѣ со своими сестрами. Но молодой Бартлетъ въ училищѣ скоро началъ самъ разсуждать, и совершенно уже опредѣлилъ въ душѣ своей, что онъ никогда ни на комъ другомъ не женится. Жанета слышала, какъ говорили объ этомъ въ дѣтской, также и о томъ, какъ это разсердило мистера Фёрроля, и выросла въ твердомъ убѣжденіи, что было бы дурно, а вмѣстѣ и смѣшно думать о Гюгѣ, какъ о своемъ маленькомъ мужѣ; по мѣрѣ того, какъ она становилась старше, убѣжденіе это, оставшись неизмѣннымъ, расло вмѣстѣ съ нею въ числѣ другихъ дѣтскихъ правилъ — и, на столько, сколько это было возможно, даже усиливалось съ годами. Кромѣ того, она была относительно Гюга въ такомъ положеніи, которое уменьшало вліяніе, могущее произойти отъ преимущества его лѣтъ, и напротивъ увеличивало ея вліяніе на него. Жанета жила въ атмосферѣ людей высоко развитыхъ, и ей были знакомы предметы, неизвѣстные въ скучныхъ учебныхъ комнатахъ большей части дѣтей. Чувствуя у себя дома, что она почти ничего не знаетъ, она дѣйствительно знала гораздо больше, нежели всѣ ея сверстники, и Гюгъ въ замкѣ часто удивлялся какъ Жанета знаетъ все, а его сестры — ничего. Она приобрѣла также плавность и пріятность движеній ребенка, живущаго посреди людей хорошо воспитанныхъ; даже дѣтскія шалости у нея были гораздо граціознѣе нежели у дѣвочекъ семейства Бартлетъ. Всякое проявленіе дѣтской рѣзвости въ ней обуздывалось природнымъ инстинктомъ граціозности, тогда какъ единственный предѣлъ шалостямъ маленькихъ Бартлетъ состоялъ въ надзорѣ служанокъ и необразованной матери.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Гюгъ чувствовалъ, что она была уже гораздо болѣе женщина, нежели это можно

было предполагать въ ея года; онъ старался нравиться ей, и понималъ, что желая имѣть Жанету подругою своей жизни, онъ долженъ знать и дѣлать что нибудь получше, чѣмъ стрѣлять воробьевъ; будучи шестнадцати лѣтъ, между тѣмъ какъ ей было двѣнадцать, онъ былъ уже дѣйствительно и серьезно влюбленъ въ нее. — Жанета, сказалъ онъ, подойдя къ ней, общайте танцовать со мной четвертую кадрили. Я уже танцовалъ съ леди Анной, и пригласилъ Бесси Прейсъ, Джоанъ Блонтъ, и леди Пинерсъ, а послѣ нихъ согласны вы, Жанета?

Она охотно общала.

— Откуда у васъ цвѣтокъ, Дженни, сказалъ онъ, кто далъ вамъ его? развѣ вы не знаете, что я приготовилъ для васъ бѣлую камелію?

— Въ самомъ дѣлѣ вы приготовили, Гюгъ?

— Да, вы знаете это также хорошо, какъ и я. За чѣмъ же вы дѣлаете видъ будто не знаете?

— Ну хорошо! Я вамъ очень благодарна.

— Кто далъ вамъ этотъ красный цвѣтокъ? онъ къ вамъ нейдетъ.

— Я увѣрена что идетъ, Гюгъ, отвѣчала Жанета сильно краснѣя.

— Вы хотите сказать, что вы любите того, кто далъ вамъ его, болѣе чѣмъ меня.

— Да, это такъ, проговорила Жанета, нѣсколько разсерженная.

— О Дженни! воскликнулъ Гюгъ, и самъ разсердившись отошелъ отъ нея.

— Она еще совсѣмъ дитя, можно обойтись безъ представленія, говорила мистриссъ Ферроль, когда Жанета подошла къ ней. Вотъ моя дѣвочка, лордъ Ювайасъ.

Онъ сдѣлалъ Жанетѣ низкій поклонъ, какого она еще никогда не получала; удивленная, она также низко присѣла передъ нимъ.

Онъ сказалъ, что пріятель его, мистеръ Стандинъ, желаетъ имѣть честь танцовать съ нею, и мистриссъ

Фёрроль отвѣчала за дочь, что она будетъ очень рада. Танцующая пара ушла.

— А Фёрроль не пріѣхалъ? спросилъ лордъ Ювайасъ.

— Даже сюда не пріѣхалъ, сказала мистриссъ Фёрроль. — Я старалась его привезти, но напрасно.

— Постараюсь зазвать мистриссъ Фёрроль безъ него, продолжалъ улыбаясь лордъ Ювайасъ, — такъ какъ я вижу, что она можетъ разлучаться съ нимъ, а онъ не хочетъ знать никого изъ насъ.

— Вы очень добры, и я вамъ отъ всей души благодарна, но безъ него это невозможно.

— Не невозможно, такъ какъ вы здѣсь.

— О, это такіе близкіе сосѣди и притомъ я пріѣхала только на два часа.

— Такъ два часа срокъ, на которой васъ отпускаютъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала мистриссъ Фёрроль, покраснѣвши слегка; но нехорошо было бы оставлять его на долго одного, чтобы ѣхать веселиться.

— Такъ вамъ здѣсь весело?

— Конечно весело.

— Еслибы я былъ мистеръ Фёрроль, я думаю, что я выѣзжалъ бы съ вами — уже для того, чтобы не заставлять васъ сокращать время вашего удовольствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется теперь, хотя навѣрное я не могу сказать, какъ бы я поступалъ, еслибы я самъ не любилъ выѣзжать: мужчина существо эгоистическое и расположенное къ тиранству.

— И вы эгоистъ, сказала улыбаясь мистриссъ Фёрроль.

— Да, но не я одинъ. Вообще люди таковы, хотя часто скрываютъ это, а Ферроль считаетъ недостойнымъ себя чтонибудь скрывать. Онъ говоритъ прямо: у меня такая жена, что всё желали бы видѣть ее въ обществѣ, но она должна оставаться дома, чтобы составлять общество для меня.

— И жена его очень рада, что онъ считаетъ ее достойною такихъ словъ.

— Но мнѣ очень досадно, намъ всѣмъ очень досадно — мы положительно нуждаемся въ васъ обоихъ. Во всемъ графствѣ нѣтъ такого развитаго и такого полезнаго человѣка, какъ вашъ мужъ, но онъ отдалается отъ сближенія съ нами, какъ будто бы мы были существа другой породы. Отчего онъ это дѣлаетъ, мистриссъ Ферроль?

— Этого я вамъ право не могу сказать, отвѣчала она, вспоминая объясненіе, которое она слышала передъ отъѣздомъ изъ дому.

— Такъ скажите же мнѣ, если это также невозможно, почему невозможно, чтобы вы, имѣя хотя немного расположенія къ намъ, пріѣхали повидаться съ леди Ювайасъ, хоть посмотрѣть нашъ замокъ; изъ Россіи пріѣзжаютъ люди, чтобы видѣть его, а вы его едва ли знаете.

— Вы чрезвычайно добры; я бы этого очень желала, но...

— Но почему это невозможно?

— Сказать правду, я и сама не знаю почему; я подумаю — а между тѣмъ дайте мнѣ вашу руку и пойдемте поискать Жанету; кадрили кончится минуты черезъ двѣ.

Это былъ третій контрдансъ, а четвертый приходилось Жанетѣ танцовать съ хозяиномъ дома. Онъ былъ очень веселъ: его восхищало, что онъ распоряжается вечеромъ, что онъ играетъ нѣкоторую роль, какъ кавалеръ взрослыхъ дамъ, что дворецкій спрашиваетъ его приказанія о томъ, когда подавать лимонадъ, къ какому часу долженъ быть готовъ ужинъ и т. п. Но восхищеніе его по другимъ предметамъ не только не уменьшалось, но даже увеличивало его нетерпѣніе танцовать съ Жанетой. Онъ побѣждалъ за своею великолѣпною камеліей и черезъ полминуты возвратился раскраснѣвшійся, но торжествуя-

щій и съ цвѣткомъ въ рукахъ. — Теперь, Жанета, я готовъ. Играть кадрили, сказалъ онъ повелительно, обратясь къ оркестру; — вотъ ваша камелія, продолжайте онъ — недурна не правдали?

— Очень мила дѣйствительно, сказала Жанета, взявши цвѣтокъ и любясь имъ. Очень вамъ благодарна.

— Но вамъ надобно приколоть ее, Дженни.

— Хорошо, если мамашѣ удастся приколоть ее рядомъ съ этимъ цвѣткомъ, отвѣчала она, сдѣлавъ движеніе, чтобы пойти отыскивать мать.

— Нѣтъ, приколите мою камелію одну; вы уже давно обѣщали надѣть мой цвѣтокъ на этотъ вечеръ, и нечестно будетъ съ вашей стороны, если вы не исполните своего слова.

— Я не говорила, что у меня не будетъ другаго цвѣтка, и поступаю совершенно честно.

— Но кто имѣетъ болѣе права, чѣмъ я, дарить вамъ цвѣты? сказалъ Гюгъ почти тономъ взрослого мужчины.

— Я имѣю право носить что я хочу, сказала Жанета, какъ настоящее дитя. — Мнѣ нравится вашъ, но...

— Но болѣе нравится цвѣтокъ, подаренный другимъ, вскричалъ Гюгъ. — Кто же это, котораго вы любите больше, чѣмъ меня?

— Я больше всѣхъ люблю папашу, сказала Жанета, сильно покраснѣвши.

— Вы не хотите сказать мнѣ, вы шутите надо мной, сказалъ Гюгъ, и схвативши рукою ея букетъ, разбросалъ по полу красные лепесточки и зеленые листья.

— Папаша далъ мнѣ его, сказала Жанета, заливаясь слезами и нагнувшись, чтобы собрать остатки.

— Неужели вправду, сказалъ Гюгъ, нѣсколько пристыженный. Жанета не отвѣчала, но продолжала плакать и подбирать свои цвѣты. Услышавъ дѣтскій плачь, ея мать подошла и слезы Жанеты остановились, а Гюгъ вмѣстѣ съ нею нагнулся подбирать остатки букета. — Посмотрите, вотъ какой цвѣтокъ я было приготовилъ

для нея, сказалъ онъ, когда мистриссъ Фёрроль стала ихъ обоихъ распрашивать; — такъ хорошо ли было со стороны Жанеты, что она приколола красный букетъ и не хотѣла мнѣ сказать кто... не сказать...

— Это самая красивая бѣлая камелія, которую я видѣла въ жизни, сказала мистриссъ Фёрроль, — и она прекрасно займетъ мѣсто краснаго цвѣтка. Я тебѣ сейчасъ пришила ее, Жанета. Не безпокойтесь, Гюгъ, я прикрою ей вашъ цвѣтокъ. — Дѣлая это, она сказала Жанетѣ нѣсколько словъ, которыя при ея привычкѣ къ послушанію были достаточны, чтобы заставить ее обтереть глаза и отправиться танцовать кадрили съ ея нетерпѣливымъ кавалеромъ.

— Пожалуйста простите меня, Дженни, сказалъ онъ, когда они стали на свое мѣсто — мнѣ было такъ досадно.

— Я не сержусь, кротко сказала послушная Жанета, но обязанность протанцовать съ нимъ, она исполнила довольно грустно.

Тотчасъ послѣ этого танца, мать сказала, что для дѣвочки слишкомъ поздно быть на ногахъ, и послѣ обычныхъ комплиментовъ хозяйкамъ объ успѣхѣ бала, онѣ обѣ уѣхали домой.

Первое, что мистриссъ Фёрроль передала мужу, было приключеніе Жанеты и слезы, которыя ей пришлось пролить надъ его букетомъ. Онъ смѣялся этому дѣтскому несчастію и, повидимому, съ удовольствіемъ услышалъ о неудачѣ молодаго Бартлета. Потомъ она передала ему свой разговоръ съ лордомъ Ювайасомъ.

— Ты намѣрена ѣхать въ Гарольдсъ-Кэстль, сказалъ задумчиво Фёрроль.

— Скажи, мой другъ, почему этого нельзя?

Фёрроль улыбнулся:—я тебѣ вчера сказалъ, какую я имѣю причину не ѣхать на балъ.

— То, что тебѣ выѣздъ былъ бы непріятенъ.

— Видишь, женка моя, это сущая правда; когда-то

я былъ такъ несчастливъ, ежедневное страданіе мое на столько превышало мои силы, что теперь у меня одно желаніе — наслаждаться моимъ душевнымъ блаженствомъ, которое зависитъ отъ одной тебя — въ этомъ мой эгоизмъ.

— Скажи это еще разъ, Поль; я помню, когда ты первый разъ сказалъ мнѣ эти слова, и они всегда переносятъ меня къ прошедшему.

Онъ повторилъ тоже самое въ другихъ словахъ, потомъ спросилъ: не говорилъ ли лордъ Ювайасъ, что я эгоистъ?

— Онъ сказалъ, что всѣ мужчины эгоисты.

— Это правда, но сообразивши все вмѣстѣ, развѣ я, эгоистъ, думающій только о томъ, что мнѣ пріятно, и умудряющійся имѣть тебя всегда дома, хотя самъ и выѣзжаю по дѣламъ — развѣ я не сумѣлъ сдѣлать тебя счастливою. Вспомни какую жизнь ты промѣняла на настоящую — вспомни объ этихъ грустныхъ, тяжелыхъ дняхъ....

— Ахъ, Поль, я не хочу вспомнить объ тѣхъ дняхъ, когда я думала, что никогда не буду здѣсь и это казалось и было совершенно невозможно. А теперь я съ тобою....

Разговоръ былъ прерванъ и мистриссъ Ферроль уже не думала объ томъ, чтобы ѣхать въ Гарольдсъ-Кэстль.

Гюгъ Бартлетъ, не смотря на позднее окончаніе бала, успѣлъ встать и очутиться возлѣ Башни, къ полуденной прогулкѣ Жанеты. Онъ зналъ, что въ этотъ день гувернантки ея не было дома, потому, что гувернантка его сестеръ пригласила ее помочь въ приготовленіяхъ къ балу. Обѣ гувернантки натапцовались до упаду и еще спали въ одной постели, въ то время, когда Гюгъ вышелъ изъ дому. Жанета прохаживалась для моціона въ цвѣтникѣ, какъ было ей приказано; въ рукахъ у нея былъ томъ «Освобожденнаго Іерусалима», въ которомъ она учила свой ежедневный урокъ.

— Здравствуйте, Жанета.

— Здравствуйте, Гюгъ.

— Какъ вамъ понравился балъ, удался ли онъ?

— О конечно удался совершенно. Балъ былъ прекрасный.

— Но какъ *самъ* онъ понравился? Мнѣ все равно, что другіе объ немъ скажутъ.

— Конечно очень понравился.

— Дѣйствительно понравился?

— Дѣйствительно.

— И вы не сердитесь на меня, Дженни?

— Ахъ, право, нѣтъ.

— Я не знала, что это былъ цвѣтокъ мистера Ферроля. Я думала, что кто-нибудь другой вамъ далъ его, и не могъ этого вынести.

— Отчего-же, спросила Жанета.

— Если вы не понимаете, я вамъ это объясню, моя милая, дорогая Дженни, сказала Гюгъ. Многие люди сказали бы, что я слишкомъ молодъ говорить объ такихъ вещахъ, но они меня не знаютъ, не знаютъ что я уже почувствовалъ. Я хочу, чтобы вы были моей женой, чтобы вы мнѣ обѣщали быть моей женой.

— Гюгъ, развѣ вы не помните, что папаша запретилъ намъ говорить объ этихъ глупостяхъ?

— Это было давно — вы были еще совѣмъ дитя.

— Я и теперь дитя, мнѣ нѣтъ двѣнадцати лѣтъ.

— Но вы такъ умны, такъ разсудительны и такъ хороши, какъ будто бы вы были вдвое старше. Вы все знаете.

— Хорошо бы, еслибъ это такъ было, я бы знала свой сегодняшній урокъ, сказала Жанета.

— Богъ съ нимъ, съ урокомъ. Какъ васъ заставляютъ учиться, Жанета! Нѣтъ! вы должны учить меня всему тому, чего я теперь не знаю, а если я знаю что нибудь о томъ, какъ люди живутъ на свѣтѣ, я вамъ передамъ.

свое знание, потому что я старше васъ и много видѣлъ и много перечувствовалъ.

— Вы еще не вышли изъ школы, Гюгъ.

— Да, я вышелъ; я ужъ не ворочусь къ старику Мигриму, на это я рѣшился. Мнѣ больше ничего не нужно, какъ жить въ моемъ имѣнии и дѣлать добро, и имѣть васъ женой; конечно не теперь, можетъ быть пройдетъ и болѣе полутора года; но если вы только скажете, Жанета, что это будетъ, то я буду вамъ такъ вѣренъ, какъ Іаковъ Рахили, а ему приходилось ждать и гораздо дольше.

— Право, Гюгъ, папаша будетъ очень сердиться на меня, сказала Жанета, испугавшись не на шутку.

— За что ему сердиться? Конечно я не такъ уменъ, какъ онъ; лордъ Ювайасъ говоритъ, что такихъ умныхъ людей мало; но я имѣю преимущества, съ которыми вы будете также счастливы, какъ если бы я былъ Богъ знаетъ какой умникъ: имѣние, деньги, положеніе въ свѣтѣ. Лордъ Ювайасъ говоритъ, что съ этими преимуществами.... Но я желаю одного только — передать все вамъ, милая Дженни; милая Дженни! общайтесь меня полюбить.

— Я слышу, что папаша идетъ, право, вскричала Жанета, вырывая у Гюга свою руку. — Пожалуйста не говорите ему объ томъ, что вы теперь говорили. — Она нагнулась поднять свою книгу и повторила едва слышнымъ голосомъ: только не говорите ему. Гюгу стало весело на душѣ, хотя онъ самъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ, при мысли, что между нимъ и Жанетой есть тайна.

Дѣйствительно это былъ мистеръ Ферроль; онъ спросилъ у дочери не проходила ли здѣсь ея мать, которую онъ искалъ. Жанета отвѣчала, что нѣтъ. — Гюгъ, сказалъ онъ потомъ, я слышалъ, что вашъ багъ былъ очень хорошъ. Желаю вамъ такойже удачи во всемъ. Что значить быть уже почти молодымъ человекомъ! — Съ этими

словами онъ пошелъ дальше искать мистриссъ Фёрроль, и скоро скрылся изъ вида.

— Вашъ батюшка никакъ не можетъ забыть, что онъ зналъ меня маленькимъ мальчикомъ, сказалъ молодой Бартлетъ. Какъ онъ удивится въ тотъ день, когда я приду просить его позволенія жениться на васъ.

— Пожалуйста не говорите ему объ этихъ вещахъ, Гюгъ. Вы вѣдь обѣщали, что не скажете.

— Да, и я не скажу ни слова, покуда вы мнѣ не позволите; даю вамъ честное слово.

— Такъ навѣрно я никогда не позволю, потому, что меня только стали бы бранить за это. А теперь, сдѣлайте одолженіе позвольте мнѣ выучить мой урокъ изъ Тасса, а то сирьора Пароди воротится, а я еще не буду знать, она очень разсердится.

Фёрроль смѣялся приключенію Жанеты съ полученнымъ отъ него цвѣткомъ и не подумалъ даже прервать ея *tête à tête* съ Гюгомъ; но, въ тоже время, онъ твердо рѣшился сдѣлать такъ, чтобы между ними не было дальнѣйшаго любезниченья, и былъ готовъ воспользоваться всякимъ представляющимся случаемъ, лишь бы помѣшать этому.

— Что ты дѣлала въ замкѣ, Жанета? спрашивалъ онъ иногда, когда дочь его возвращалась оттуда.

— Мы играли въ почту, папаша.

— А потомъ?

— Потомъ поиграли въ жмурки.

— Поиграли только? а послѣ того?

— Кажется, ни во что больше не играли, только въ баттльдоръ.

— И все это тебя очень занимаетъ?

Бѣдную Жанету все это дѣйствительно очень занимало; она любила повеселиться съ другими дѣтьми, но ей было неловко это сказать. Она только могла опустить глаза и сознаться внутренно, что особенно интереснаго занятія общество въ замкѣ не представляло.

— Не обѣщались ли синьора Пароди быть съ тобою тамъ еще когда нибудь на дняхъ.

— Она сказала, что мнѣ можно будетъ въ субботу проѣхаться верхомъ, съ Анночкой и съ Дженинн, въ Графлей-Коммонъ.

— Отчего же именно въ субботу?

— Оттого, что будетъ праздникъ, папаша.

— Да, праздникъ — день полного удовольствія, въ который можно ничего не дѣлать съ утра до вечера.

Случилось такъ, что Гюгъ на эту недѣлю отправлялся въ Гарольдс-Кэстль. Лордъ Ювайасъ былъ добрый человѣкъ и отъ всей души расположенъ быть полезнымъ своему молодому родственнику; по этому, такъ какъ юноша сталъ подрастать, онъ часто приглашалъ его къ себѣ и знакомилъ съ лучшимъ обществомъ графства. Но когда Гюгъ услышалъ о предполагаемой верховой прогулкѣ, онъ рѣшился съѣздить домой, съ единственною цѣлью, принять въ ней участіе; назадъ въ замокъ онъ долженъ былъ, чтобы успѣть къ обѣду, проскакать во весь опоръ. Все это онъ объяснилъ Жанетѣ, которая одобрила его намѣреніе, спросивъ только: не устанетъ ли онъ, сдѣлавши верхомъ столько концевъ.

— Нѣтъ, я никогда не устаю, если мнѣ приходится дѣлать что нибудь пріятное.

— А эта прогулка, я надѣюсь, будетъ очень пріятна, сказала Жанета.

— Я увѣренъ въ этомъ, сказалъ Гюгъ;—такъ вы обѣщаетесь навѣрно быть готовою въ субботу къ двѣнадцати часамъ.

— Да, мнѣ позволили кататься верхомъ въ этотъ день.

Для Жанеты эта прогулка была маленькое происшествіе, котораго она ожидала не безъ нетерпѣнія, и сверхъ того, хотя она никому не признавалась въ этомъ, ее сильно беспокоила мысль: какова-то будетъ погода. Впрочемъ опасенія оказались тщетными: въ субботу былъ

образцовый весенний день, съ чистымъ небомъ и чудно благоухающимъ воздухомъ;—птицы, пчелы, растительность — все жило полною жизнью. Жанета работала въ своемъ маленькомъ саду, когда отецъ и мать подошли къ ней и остановились посмотрѣть на успѣхъ ея трудовъ; нарочно для этого они сдѣлали кругъ.

— Ты ни разу не ѣздила верхомъ съ нами, Жанета, сказала Ферроль. Не хочешь ли сегодня къ намъ присоединиться; впрочемъ я помню, что ты условилась ѣхать съ молодыми Бартлетами; можетъ быть ты предпочитаешь ихъ утонченное общество.

— Ахъ, папаша, я бы очень желала ѣхать съ вами, сказала Жанета, для которой это было совершенно новое и неожиданное удовольствіе.

— Хорошо, такъ надѣнь свою амазонку, я ужъ приказалъ сдѣлать нашихъ лошадей; съ этими словами они оба оставили ее; Элеонора, чтобы одѣться для ѣзды, а Ферроль — написать нужное письмо. Жанета, оставшись одна, почувствовала въ душѣ беспокойство. Правда, что ей предстояло неиспытанное дотогѣ и неожиданное удовольствіе и притомъ немалая честь; но если бы она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда мы осмѣливаемся быть совершенно откровенными сами съ собою, она бы призналась себѣ, что ей было очень грустно нарушить свое обѣщаніе. Въ большомъ волненіи надѣла она амазонку, и гувернантка нашла ее стоящею передъ окномъ, и смотрящею въ него глазами, полными наворачнувшихся слезъ, которыхъ бѣдная дѣвочка не успѣла скрыть.

— *Ma che c'è*, спросила синьора Пароди, и Жанета, лучшимъ своимъ итальянскимъ языкомъ объяснила ей опасеніе, что Гюгъ очень разсердится, когда увидитъ, что она его не дождалась.

— Что за дѣло, что онъ разсердится? сказала гувернантка, которая боялась какъ огня, чтобы не подумали, что она потворствуетъ короткости своей ученицы

съ Гюгомъ. — Конечно вы сами предпочитаете гулять съ папенькой и маменькой.

— О! разумѣтся, сказала Жанета. Вы знаете какъ часто я желала, чтобы они меня взяли съ собой, но Югъ былъ такъ добръ, приѣхалъ такъ далеко, чтобы прокатиться съ нами.

— Конечно онъ приѣхалъ для того, чтобы прокатиться съ своими сестрами.

— Разумѣтся, только онѣ должны были захватить за мною.

— Хорошо, я скажу имъ, что мистеръ Ферроль взялъ васъ съ собою.

— Очень, очень буду вамъ благодарна, милая, добрая синьора. А посмотрите какой прекрасный день — что если бы вы были такъ добры дойти до замка.

— Нѣтъ, никакъ нельзя, я занята, должна просмотрѣть ноты, которыя намъ прислали; теперь я сошла внизъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть такъ ли вы надѣли воротничокъ; впрочемъ, я выйду на крыльцо, когда онѣ приѣдутъ, и скажу имъ что нужно.

— Вы навѣрно увидите ихъ, если будете посматривать въ окно.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, еслибы я ихъ и не увидѣла, такъ услышу.

— Не пропустите ихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! а теперь бѣгите скорѣй. Я слышу, что вамъ вѣдутъ лошадей; вотъ онѣ.

Подобныя нападки на дружескія отношенія Жанеты съ Гюгомъ Ферроль дѣлалъ довольно часто: они давали юношѣ понять, что онъ въ глазахъ его не имѣетъ никакого значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяли Гюгу приобрести вліяніе надъ Жанетой. Впрочемъ, страсть его не охлаждалась; но онъ чувствовалъ, что если и достигнетъ когда-нибудь своей цѣли, то долженъ будетъ преодолѣть большія затрудненія, и что мистеръ Ферроль нежелаетъ вовсе, чтобы Жанета была его женою.

Нѣсколько времени спустя, въ одно прекрасное, весеннее утро, Фёрроль вышелъ изъ дому искать жену, которую онъ и нашелъ распорядяющагося работами въ цвѣтникахъ. Взявъ ее подъ руку, онъ увелъ ее отъ рабочихъ, и нѣсколько минутъ шелъ молча, наслаждаясь воздухомъ и жизнью, которая кипѣла во всей природѣ.

— Что это за письмо ты получилъ, Поль? спросила, наконецъ, мистриссъ Фёрроль, взглянувъ на открытый пакетъ, который онъ держалъ въ рукѣ.

— Объ немъ-то я и хотѣлъ тебѣ сказать, отвѣчала онъ, показывая ей пакетъ — посмотри.

— Оно изъ Гарольдъ-Кэстла, сказала мистриссъ Фёрроль.

— Да, и притомъ я намѣренъ туда ѣхать.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, и намѣренъ оставить тебя дома.

— Поѣзжай, Богъ съ тобою.

— Коварная, невѣрная женщина! жестокая Элеонора, тебѣ такъ легко со мною разстаться?

— Вотъ хорошо, сказала она, смѣясь, не самъ ли же ты намѣренъ отъ меня уѣхать.

— О, я извѣстный эгоистъ, но и ты должна думать только обо мнѣ. Я знаю, тебѣ очень жалко, что я ѣду.

— И я знаю, что мнѣ очень жалко.

— Видишь, почему я ѣду, милая моя. Ты знаешь, что назначено засѣданіе суда въ Бюди.

— Нѣтъ, не знала.

— Да, забылъ тебѣ сказать объ этомъ, потому, что не намѣренъ бытъ туда ѣхать, такъ какъ я очень занятъ статьею для апрѣльской книжки; но, повидимому, лордъ Ювайасъ слышалъ, что ожидаются нѣкоторые безпорядки, по поводу людей, взятыхъ при поджогѣ его завода въ Окъ-Паркѣ, и онъ, не теряя впрочемъ своей важности, струсилъ, а потому хочетъ, чтобы люди его партіи собрались ѣхать, вмѣстѣ съ шерифомъ, на встрѣчу судьямъ.

— Онъ ожидаетъ опасности и хочетъ себя побережь, подвергнувъ ей тебя.

— Этого онъ не пишетъ, увѣряю тебя, хоть сама посмотри, сказалъ Фёрроль, подавая ей съ улыбкою письмо.

— Не пишетъ, конечно; но въ этомъ все дѣло. Гдѣ тебя требуютъ, тамъ ужъ навѣрно будетъ опасность.

— Развѣ опасность отъ меня? сказалъ Ферроль.

— Да они требуютъ тебя только потому, что боятся, а если тебя когда-нибудь....

— Стукнуть по головѣ, хочешь ты сказать?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!

— Тогда я умру прежде тебя — въ полнотѣ жизни и счастья. Но какая страшная нелѣпость толковать о смерти; вотъ до чего ты меня доводишь. Мнѣ просто предстоитъ верхомъ въѣхать въ Бюди, съ шестью или семью другими, и выѣхать опять, когда дѣло будетъ кончено — вотъ и весь героическій подвигъ, милая. Но меня, пожалуй, продержатъ сегодня цѣлый день, потому что будетъ гибель рѣчей и толковъ, чортъ ихъ возьми. Поэтому я и хотѣлъ тебя предупредить.

— Хорошо, я приду домой проводить тебя. А сегодня я надѣялась съ тобою прокатиться верхомъ.

Фёрроль отправился въ Гарольдс-Кэстль. Когда-то замокъ этотъ стоялъ уединенный, среди лѣсовъ, съ деревушкою у ногъ своихъ. Предки лорда Ювайаса, жившіе въ замкѣ, были бѣдные, но воинственные рыцари, имѣвшіе особую склонность, при всякомъ удобномъ случаѣ, грабить своихъ сосѣдей. Въ позднѣйшія времена, въ принадлежащихъ имъ земляхъ открыты были рудники огромной цѣны, деревушка сдѣлалась богатымъ мануфактурнымъ городомъ, а владѣльцы замка — значительными железопромышленниками; наконецъ, наследники ихъ, при помощи своихъ денегъ, получили достоинство перовъ королевства. Такимъ образомъ они опять, какъ въ средніе вѣка, рѣзкою чертою отдѣлились отъ горожанъ, и стали заботиться о сохраненіи своихъ привилегій, которымъ тѣ

завидовали. Въ настоящее время было сильное волненіе въ городѣ между рабочими, вслѣдствіе застоя торговли.

Быль старинный обычай въ главномъ городѣ этого графства, чтобы шерифъ, прежде, чѣмъ выѣхать изъ города встрѣчать судью, дѣлалъ торжественный завтракъ. Количество владѣльцевъ, собиравшихся на этотъ завтракъ, зависѣло отъ того, какое положеніе въ графствѣ занималъ избранный шерифъ; чтобы показать свое уваженіе кому-нибудь изъ членовъ мѣстной аристократіи, они собирались многочисленною толпою; но, когда шерифомъ былъ человѣкъ новый, то являлся обыкновенно только представитель города въ парламентѣ и два или три человѣка изъ числа лицъ, только-что начинающихъ составлять себѣ положеніе въ свѣтѣ. Въ настоящемъ случаѣ шерифомъ былъ человѣкъ, весьма недавно разбогатѣвшій и всѣмъ обязанный желѣзнымъ промысламъ; онъ старательно искалъ мѣста шерифа, котораго столь же старательно избѣгаютъ обыкновенно люди, имѣющіе меньше денегъ въ карманѣ и менѣе спѣшащіе ими блеснуть; онъ зналъ, что шерифъ, по крайней мѣрѣ на время своего служенія, первый человѣкъ въ графствѣ, послѣ лордовъ, и за столомъ садится выше мистера Шерлея и мистера Бомонта. Между тѣмъ, онъ очень боялся за свой завтракъ и чувствуя, хотя и не признаваясь въ томъ даже самому себѣ, что шерифъ—шерифу рознь, полагалъ, что у него будетъ собраніе ничтожное, въ сравненіи съ бывшимъ послѣдній разъ у сэръ Амайаса Раффорда. Но обстоятельства, при которыхъ долженъ былъ произойти этотъ завтракъ, заставили пріѣхать весьма многихъ, и восхищенный шерифъ, стоя на концѣ длинной комнаты въ гостиницѣ «Гарольдова Копья», видѣлъ какъ, одно за другимъ, всѣ значительныя лица графства пріѣзжали ѣсть его холодный ростбифъ и увеличить собою свиту, которая должна была сопровождать его.

— Еще пріѣхали, кричалъ онъ ежеминутно, уже не владѣя собою отъ восторга, еще одинъ—двое—подать

еще стульевъ. Да довольно ли будетъ кушанья для всѣхъ моихъ друзей.

— Не бойтесь, сэръ—будьте покойны, отвѣчалъ ему трактирный слуга.

— Я слышалъ, г. шерифъ, что судья выразилъ опасеніе—какъ ему придется вѣзжать въ этотъ взволнованный городъ, сказалъ лордъ Ювайась;—но, съ тою свитою, которая у васъ собралась, я не думаю, чтобы ему было чего бояться.

— За это я долженъ благодарить васъ и всѣхъ моихъ друзей, сказалъ мистеръ Смитъ.

— На завтракъ вашъ собралось чрезвычайно много гостей, продолжалъ лордъ Ювайась.

— И еще собираются, сказалъ шерифъ.

— Но я слышалъ, что возлѣ тюрьмы собралась страшная толпа, сказалъ лордъ Ювайась.— Приготовилась ли полиція къ тому, чтобы удержать ее въ порядкѣ?

— Приняты нѣкоторыя мѣры, отвѣчалъ Смитъ;—сто особыхъ констеблей избраны для сохраненія общественнаго спокойствія и приведены къ присягѣ.

— А если бы случилось что нибудь серьезное, сказалъ лордъ Ювайась, то изъ Стильвэля можетъ быть приведена военная команда въ полчаса.

— Еще скорѣе, милордъ, сказалъ Смитъ.

— Если эта команда будетъ хорошо употреблена, то, не смотря на малочисленность, она весьма достаточна для возстановленія порядка.

— Если будетъ хорошо употреблена, повторилъ Ферроль.

— Да, въ этомъ есть причины сомнѣваться;—сказалъ лордъ Ювайась въ полголоса;—маіоръ упрямый человѣкъ, у котораго забились въ голову одна идея, что съ народомъ надобно разсуждать, и если онъ съ своею ничтожною командою вздумаетъ дѣйствовать наставленіями, то чернь, пожалуй, отвѣтитъ на нихъ матеріальною силою и дастъ ему самому такой урокъ, что онъ не опомнится.

— Въ эту игру однако же и мы съумѣемъ поиграть, сказалъ Фёрроль.

— Я уже имѣлъ доказательство, что хорошо быть поближе къ вамъ, когда нужно присутствіе духа или сила руки, сказалъ лордъ Ювайась. А не слышали ли вы, куда дѣвался этотъ несчастный лакей кухни моей Барлетъ?

— Мы отправили его въ домъ умалишенныхъ, сказалъ Фёрроль, и я видѣлъ его, когда былъ тамъ въ послѣдній разъ; онъ смотрѣлъ на меня, пока не узналъ меня въ лицо, а тутъ присѣлъ и съежился, какъ тигръ передъ Ванъ-Амбургомъ.

Много было пустословія, пока, наконецъ, среди шума разнообразныхъ голосовъ, публичный завтракъ не кончился и не начали требовать лошадей и экипажей, чтобы составить процессію, которой уже пора было выступить на встрѣчу судѣ. Копейщики шерифа были очень красиво одѣты; трубачъ, отличавшійся впрочемъ несравненно большимъ усердіемъ къ своему дѣлу, чѣмъ искусствомъ, изъ всѣхъ силъ трубилъ имъ сборъ. Хотя они предупреждали всякую нужду въ его искусствѣ, собравшись около него такую тѣсною толпою, что толкали его на каждомъ шагу, однако же онъ не переставалъ, торжественно выступая, громкими звуками своего инструмента созывать къ себѣ людей, отъ которыхъ ему и такъ проходу не было; повидимому, онъ полагалъ, что главная цѣль, для которой собралось столько народа, заключалась въ томъ, чтобы ему было передъ кѣмъ хорошенько потрубить.

— Полно, полно трубить, кричала дюжина голосовъ; шерифъ ужъ сѣлъ въ карету, ты останешься назади. — Наконецъ, это увѣщаніе возымѣло дѣйствіе, трубачъ остановился и, посмотрѣвъ вокругъ, увидѣлъ, что дружина опередила его: онъ вытряхнулъ изъ своего инструмента струйку слюны, и отправился занять подобавшее ему мѣсто.

Съ шерифомъ сѣлъ въ карету его капелланъ, въ пол-

номъ облаченіи, и четверка, вновь пріобрѣтенная, съ двумя также вновь нанятыми жокеями, помчала ихъ по дорогѣ. У лорда Ювайаса, сэра Амайаса и мистера Диксона также были кареты; множество другихъ, и въ томъ числѣ Фёрроль, ѣхали верхомъ. Толпа народа была велика, но въ этомъ мѣстѣ, казалось, дружественно расположена къ нимъ. Когда Ферроль садился на лошадь, изъ толпы подошелъ къ нему человѣкъ и загородилъ ему дорогу.

— Мистеръ Ферроль, сэръ, сказалъ онъ, мнѣ нужно съ вами поговорить, я Джемсъ Скенфритъ.

— Ты, больной холерой, лежалъ въ хижинѣ на Олли-Коммонъ, сказалъ Фёрроль, который рѣдко забывалъ когонибудь. Я помню твое имя, но не узналъ бы тебя въ лицо; ты много перемѣнился съ того времени.

— Вы еще, сэръ, подали маленькому картофелину.

— Это я помню, сказалъ Фёрроль, улыбаясь; — ну, какъ поживаетъ твой малютка.

— Онъ живъ, сэръ, и я тоже, какъ видите, въ здоровѣль; только землишки моей ужъ нѣтъ. Я жилъ бы не хуже людей, да тотъ, кому она была заложена, подалъ бумагу въ судъ и у меня все обобрали.

— Вѣрно ты ему ничего не заплатилъ, сказалъ мистеръ Фёрроль.

— Да, все-таки стыдно выгнать человѣка изъ его собственного дома; и я же заплатилъ за всѣ бумаги, которыя они писали, сказалъ Джемсъ.

— Выходить, что теперь мнѣ больше ничего не остается сдѣлать, какъ дать тебѣ полкроны, сказалъ Фёрроль, вынимая монету изъ кармана.

Джемсъ принялъ ее съ удовольствіемъ.

— Однако я не за тѣмъ пришелъ къ вамъ, мистеръ Фёрроль; вы были для меня добрымъ человѣкомъ и я хочу васъ отблагодарить; совѣтую вамъ не ѣздить туда, куда ѣдутъ всѣ эти господа, съ своими людьми.

— А отчего?

— Мы не хотимъ позволить, чтобы тѣхъ людей, о

которыхъ вы знаете, тронули другіе извѣстные вамъ люди, въ черныхъ кафтанахъ и черныхъ шапкахъ.

— И ты пришелъ, я полагаю, къ этой мысли, съ тѣхъ поръ, какъ у тебя отняли землю.

— Да, этого довольно, чтобы разобидѣть человѣка, сказалъ Джемсъ.

— Ну, а лордъ Ювайасъ разобиженъ тѣмъ, что сожгли его заводъ, и я, и всѣ мы разобижены тѣмъ же.

— У тѣхъ людей, которые сожгли заводъ не было хлѣба, и прежде, чѣмъ ихъ тронуть, прольется кровь; но я не хотѣлъ бы, чтобы это была ваша кровь, мистеръ Ферроль.

— Спасибо тебѣ, Джемсъ, только я не могу сказать тебѣ того же, потому, что кто бы изъ васъ ни покусился на насиліе, я буду одинъ изъ первыхъ, которые отвѣтятъ тѣмъ же—и такъ прощай. А какъ поживаетъ твоя скопидомка—жена и пажъ, котораго я вамъ далъ,—какъ бишь его—вашъ Ленслотъ Гоббо или Калебъ Бальдерстонъ.

Джемсъ посмотрѣлъ на него сердито и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Не про мальчика ли Томаса Джаксона, вы говорите?—сказалъ онъ.

— Да, про него, про мальчика Томаса Джаксона—что, онъ здоровъ?

— Можетъ быть и здоровъ, сердито отвѣчалъ Джемсъ, и Ферроль поѣхалъ своею дорогою.

Процессія должна была ѣхать двѣ мили за черту города, а тамъ шерифъ принялъ судей въ свою карету и обратился вспять; за нимъ поворотила его свита, и онъ двинулся къ городу, въ видѣ кометы съ длиннымъ, рассыпающимся хвостомъ. Разговоръ между сидящими въ каретѣ былъ самага степеннаго свойства—судьи съ искреннѣйшимъ интересомъ распрашивали о расположеніи ожидающей ихъ толпы и интересовались также, хотя и не столь искренно, здоровьемъ мистриссъ Смитъ и во-

просомъ, сколько у неяменькихъ Смитовъ. Шерифъ съ восхищеніемъ указывалъ на знатнѣйшихъ между провожающими его лицами, съ сожалѣніемъ объяснялъ, что мистрисъ Смитъ очень слаба здоровьемъ и, краснѣя, признавался, что маленькихъ Смитовъ вовсе не существуетъ. Капелланъ рассказывалъ о свирѣпомъ видѣ народа, посреди котораго онъ долженъ былъ пробираться, чтобы попасть въ гостинницу, и вниманіе судей было замѣтно отвлечено отъ сожалѣнія о нездоровьѣ мистрисъ Смитъ къ соображеніямъ о числѣ назначенныхъ констэблей и объ ожидаемой отъ нихъ полезной дѣятельности. Но, въ слѣдующей за каретою свитѣ, было нѣсколько неблагоразумныхъ лошадей, которыя, побуждаемыя всадниками показывать свою горячность, взвивались на дыбы и кончали тѣмъ, что скидывали ихъ въ канаву. Мальчишки восхищались 'этимъ зрѣлищемъ'; было много смѣха и крика, чуть не смѣшеніе языковъ.

По мѣрѣ того, однакожь, какъ процессія приближалась къ городу, къ шуму этому стало примѣшиваться оханье *) и другіе знаки нерасположенія, и движеніе ея замедлилось отъ тѣсноты въ собирающейся на пути толпѣ. Съ трудомъ полиція успѣвала очистить дорогу для проѣзда каретъ; а когда въѣхали въ городъ, то затрудненіе стало увеличиваться съ каждою улицею. Помѣщеніе, назначенное для судей, находилось на одной сторонѣ неправильной площади, другіе фасы которой были заняты лавками и домами торговцевъ, и на которую выходило нѣсколько широкихъ улицъ. Площадь была полна народомъ, и какъ только кареты шерифа и лорда Ювайаса успѣли въѣхать на нее, толпа сбѣжала быстрое, и очевидно условленное заранѣе, движеніе, которымъ они были отрѣзаны отъ слѣдовавшей за ними свиты. Впередъ также имъ

*) Одинъ изъ обыкновенныхъ способовъ, которыми въ Англіи народъ изъясляетъ свое нерасположеніе къ какому-нибудь лицу или неудовольствіе на произшисую рѣчь.

нельзя было двинуться, потому, что толпа преграждала лошадямъ дорогу и они были заперты ею со всѣхъ сторонъ. Менѣе чѣмъ въ полминуты лошади были отпряжены, и, не получивъ ни одного лишняго толчка, уведены; за ними поспѣдовали и растерявшіеся кучера, какъ бы сознавая инстинктивно, что ихъ обязанность идти туда, куда идутъ лошади.

— Ударимте на нихъ въ атаку, сказалъ Фёрроль, замѣтивъ вмѣстѣ съ другими, бесполезныя усилія полиціи очистить имъ дорогу; — хоть до каретъ доберемся, а то—кто знаетъ, что эта сволочь собирается сдѣлать.

Человѣкъ двѣнадцать помѣщиковъ приняли это предложеніе и, подобравши лошадей, ударили на толпу. Но атака кавалеріи, противъ такой тѣсно сомкнутой и стойкой пѣхоты, не могла имѣть большаго успѣха. Всадники не имѣли другаго оружія, кромѣ хлыстовъ, а рабочіе — народъ крѣпкій и твердый на ногахъ—хватали лошадей за узды пятили ихъ назадъ и заставляли подниматься на дыбы. Джентльменъ, ѣхавшій возлѣ Фёрроля, былъ на арабской лошади, немного выше ростомъ, чѣмъ шотландскій пони, но чрезвычайно красиваго склада—здоровый парень схватилъ ее обѣими руками за узду, лошадь отъ боли и страха поднялась на дыбы и, потерявъ равновѣсіе, упала назадъ, между тѣмъ, какъ всадникъ едва успѣлъ соскочить въ сторону и самъ попалъ подъ ноги людямъ и лошадямъ. Фёрроль слезъ съ коня и поспѣвъ большихъ усилій поставилъ упавшаго на ноги. Однако же мы пробьемся, сказалъ онъ; между тѣмъ большая часть изъ тѣхъ, которые старались пробиться верхомъ, спѣшились и, бросивъ лошадей, въ надеждѣ на то, что которыйнибудь изъ груммовъ вѣрно остался назадъ, сомкнулись въ кучку, впереди которой были Ферроль и его товарищъ и, врѣзавшись въ толпу, протолкались, не дѣлая никакого другаго насилія, къ каретамъ, стоявшимъ безъ движенія, посреди волнующейся массы народа.

Лордъ Ювайась и одинъ изъ друзей его, сидѣвшій вмѣстѣ съ нимъ въ каретѣ, вышли и присоединились къ своимъ. Появленіе перваго было встрѣчено громкимъ воплемъ черни, которая стала болѣе и болѣе напирать на джентльменовъ.

— Что они хотять сдѣлать? сказалъ лордъ Ювайась. Чего они ждуть?

— Какого нибудь внезапнаго побужденія, сказалъ Фёрроль; а снаружи полиція всѣми силами бьется, чтобы открыть намъ дорогу.

— Да не можемъ ли мы пробиться сами?

— Многіе изъ насъ могли бы, но старику Дэлябру, а вѣроятно и Смиту невозможно, отвѣчалъ Фёрроль, указывая на карету шерифа.

— Милордъ, сказалъ старикъ Дэлябрь, выставивъ голову изъ окошка, въ чемъ дѣло?

Камень очень маленькій, даже лучше сказать осколокъ, мѣтко брошенный на небольшомъ разстояніи, ударилъ его въ парикъ. Парикъ и голова поспѣшно спрятались, и въ окружающемъ народѣ раздался громкій хохоть.

— Однако жъ это довольно злобный хохоть, сказалъ сэръ Амайась. Что намъ дѣлать?

— Дѣлать больше нечего, какъ постоять тутъ около ихъ, пока придетъ помощь. Тамъ снаружи навѣрно послали за солдатами, сказалъ Фёрроль. Съ этими словами, онъ сталъ на колесо одной изъ каретъ, чтобы посмотреть вдоль по улицамъ что тамъ дѣлается.

— Да здравствуетъ Фёрроль, сказалъ голосъ въ толпѣ; онъ взглянулъ туда и увидѣлъ своего пріятеля Джемса съ красной лентой на шляпѣ, машущаго въ его сторону рукой.

— Фёрроля не трогать, ребята, крикнулъ онъ.

— Если вы тронете одного, то тронете всѣхъ, сказалъ Фёрроль. Чего вы хотите?

— Въ этихъ четырехъ стѣнахъ заперты люди, которые должны быть выпущены, сказалъ ораторъ.

— Чего могутъ англичане требовать отъ другихъ ан-

гличанъ, кромѣ справедливого суда — суда черезъ присяжныхъ, отвѣчалъ Фёрроль.

— Справедливый судъ былъ обѣщанъ и въ Х***, да всѣхъ повѣсили.

— А въ Б*** рабочихъ оправдали.

— На это мы полагаться не станемъ.

— Однако же должны. Вы не можете заставить законъ сдѣлать такъ или иначе. Законъ не здѣсь — здѣсь только его служители. Законъ и въ Лондонѣ, и на сѣверѣ и на югѣ — вездѣ. Если вы уничтожите одного изъ его слугъ, законъ все таки сдѣлаетъ свое, да еще и за него поплатитесь.

— Мы имъ ничего не сдѣлаемъ, если они согласятся дать намъ кой-какія обѣщанія. Лордъ Ювайасъ долженъ отказаться отъ своей жалобы на людей, которые заперты въ этихъ стѣнахъ, а судья не долженъ осуждать ихъ.

— Это вздоръ, сказалъ Фёрроль. Да и съ какой стати ты говоришь за всѣхъ этихъ англичанъ, которые лучше тебя знаютъ, что нужно для графства. Для чего вы собрались сюда? — я спрашиваю васъ всѣхъ. Искать справедливости?

Нельзя судить о томъ, какое вліяніе могли имѣть его слова на толпу, потому, что въ это самое время, на одной сторонѣ площади, послышался звонъ разбитаго стекла и съ того же мѣста раздался громкій крикъ: ура! Фёрроль съ своего возвышенія увидѣлъ, что одинъ изъ лавочниковъ попытался было, въ присутствіи толпы, закрыть ставни, а народъ, раздраженный этою предосторожностью, разбилъ въ дребезги всѣ его стекла. Звукъ стекла подѣйствовалъ на толпу, какъ зараза, или какъ топотъ скачущей лошади на пасущійся табунъ; раздавшійся тотчасъ кругомъ всей площади стукъ доказалъ, что всѣ тѣ, которымъ пришлось быть около домовъ, послѣдовали поданному примѣру. Затѣмъ грянуло еще нѣсколько разъ громкое ура и вся толпа заволновалась отъ даннаго ей толчка къ движенію.

— Они убьютъ насъ прежде, чѣмъ сами успѣютъ опомниться, сказалъ судья Дэлябрь, выставивъ опять голову изъ кареты. Прежняя шутка была повторена, но въ этотъ разъ камни были крупнѣе и смѣха уже не было.

— Вамъ надобно выйти изъ кареты, милордъ, и вамъ также, г. шерифъ; а затѣмъ мы сомкнемся вокругъ васъ и лорда Ювайаса, которыхъ именно они хотятъ захватить, и бросимся къ судейскому дому. Люди наши тамъ, и если только мы успѣемъ туда добраться, то намъ отворять.

Джентльмены нѣсколько минутъ потолковали и рѣшились послѣдовать этому совѣту; движеніе ихъ было встрѣчено криками и оханьемъ, и когда первый рядъ ихъ нѣсколько подвинулся впередъ, то сдѣланы были большія усилія, чтобы разъединить и напоромъ сзади смять ихъ. Въ это время нѣсколько рѣзкихъ женскихъ голосовъ закричало: вотъ солдаты! солдаты пришли! За народомъ послышался топотъ лошадей; шумъ голосовъ и волненіе толпы усилились. Нѣсколько времени однакожъ стѣсненная отсюду кучка джентльменовъ тщетно ожидала помощи, отъ пришедшаго къ нимъ подкрѣпленія — помощь не являлась. Наконецъ, по прошествіи можетъ быть десяти мучительныхъ минутъ, раздался крикъ въ толпѣ, занимающей пространство между ними и домою городского собранія, и на ступеняхъ этого зданія явилась вошедшая, повидимому сзади, команда, ничтожная по числу, но сильная оружіемъ и единствомъ.

— Мы спасены, сказалъ судья Дэлябрь, утирая лобъ, съ котораго градомъ катился потъ.

— Да, пусть только онъ повалитъ главнаго коновода, сказалъ Фэрроль, и все придетъ въ порядокъ.

— Но если онъ примется съ ними за свои глупыя разсужденія, сказалъ лордъ Ювайасъ, то мы пропади. Что онъ дѣлаетъ? Оселъ! Оставляетъ команду и спускается со ступенекъ.

Да, да, по обыкновенію: *voies de douceur* *)).

Такъ и было: маіоръ сошелъ съ крыльца къ народу, называя каждого любезнымъ другомъ, угощая всѣхъ изъ табакерки и говоря, что онъ увѣренъ, что они собрались только затѣмъ, чтобы искать справедливости. Помѣщики не могли слышать, что онъ говорилъ, но видѣли его дѣйствія, и хотя они нѣсколько подвинулись впередъ, въ то время, когда вниманіе народа было развлечено появленіемъ, солдатъ и слѣдовательно приблизились къ своей цѣли, однакоже они чувствовали напоръ сильнѣе и сильнѣе; притомъ, вокругъ нихъ стали слышаться ругательства, такъ какъ толпа видѣла, что добыча можетъ быть вырвана изъ ея рукъ.

— Когда насъ перебьютъ, онъ выстрѣлитъ по нимъ, сказалъ одинъ изъ джентльменовъ.

— Напирайте, ребята, кричалъ Джемсъ, который, казалось, предводительствовалъ ближайшею къ нимъ толпою. Солдаты пришли помѣшать нашему правому дѣлу. Времени мало, не надо его упускать.

— Назадъ, сказалъ Фэрроль; а не то— берегитесь; съ этими словами, онъ сильнымъ напоромъ сдвинулъ своего могучаго противника съ мѣста и еще нѣсколько футовъ было выиграно.

— Не надо ихъ выпускать, сказалъ Джемсъ своимъ товарищамъ, мы и такъ ихъ ужъ слишкомъ далеко пропустили.

Въ это время милосердый маіоръ, видя, бесполезность своихъ убѣжденій и самого себя въ опасномъ положеніи, скомандовалъ. Залпъ былъ данъ вдоль по площади, но заряды пролетѣли высоко надъ головами народа, который съ минуту простоялъ неподвижно, озираясь; но вслѣдъ за тѣмъ почувствовалъ себя безопаснымъ, и безопаснѣе чѣмъ когда либо.

— Это милосердіе стоитъ жестокости, вскричалъ Фэр-

*) Кроткія мѣры

роль, — самое неумѣстное! напирайте, милордъ, они остереваются. Съ этими словами онъ положилъ руку за отворотъ застегнутаго фрака. Толпа неистово кричала; Джемсъ Скенфритъ, съ проклятіями, махалъ коломъ и порывался заслонить Фёрролю дорогу. Но это было послѣднее его усиліе. Фёрроль вынулъ изъ кармана пистолеть, взвелъ курокъ и положилъ его на мѣстѣ. Одинъ человекъ убитый, другой съ оружіемъ въ рукахъ — это ошеломило всѣхъ близстоящихъ; они видѣли, что есть еще пистолеть на готовѣ; было нѣсколько секундъ колебанія, и въ продолженіи ихъ джентльмены, таща съ собою и почти неся на рукахъ находящагося посреди кучки неповоротливаго старика, бросились къ дому, бывшему цѣлью ихъ стремленія — дверь тотчасъ отворилась и они были въ безопасности.

— Они ужасно безтолковы, сказалъ Фёрроль, какъ только онъ и его товарищи вошли въ домъ. Если они хотѣли убить васъ, зачѣмъ они не сдѣлали этого съ разу: они имѣли всю возможность къ тому, покуда мы не пробрались.

— Боже мой! какъ дорого стоило наше спасеніе, сказалъ лордъ Ювайасъ, — какъ онъ стоналъ!

— Дѣйствительно стоналъ сильно, сказалъ Фёрроль. Дѣло въ томъ, какъ я полагаю, что они намѣрены были сначала исторгнуть отъ васъ и отъ судей обѣщаніе помиловать арестованныхъ, считая, что оно будетъ обязательно, а по немногу разгорячились до жажды вашей крови. Вы слышали какія онъ прибиралъ проклятія.

— Фёрроль, у меня кажется не достало бы духу послать его на тотъ свѣтъ, тотчасъ послѣ такихъ рѣчей, сказалъ мистеръ Цайэрсъ.

— Счастье же ваше, что у меня достало.

— Ничто не можетъ быть справедливейе, сказалъ судья Дзлябрь. Я думаю, что многимъ изъ насъ нельзя было поручиться за двѣ минуты жизни. Я съ своей сто-

роны считаю себя глубоко обязаннымъ вамъ, мистеръ Фёрроль.

— Я также, сказалъ лордъ Ювайасъ, отъ всей души пожимая его руку.

— Я радъ что все кончилось, сказалъ Фёрроль, подходя къ окну. По крайней мѣрѣ, я полагаю, что больше ничего не будетъ, но кажется они еще бѣснутся на пропалюю. Самое лучшее будетъ выйти изъ дому заднимъ ходомъ и отвезти этихъ господъ въ Гарольдс-Кэстль — не правда ли, милордъ, пока въ городѣ все не успокоится.

Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, и слуги проворно побѣжали привести экипажи и собрать констэблей для конвоя. Дѣло было сдѣлано очень быстро и джентльмены, вышедши потихоньку изъ дому, скоро очутились въ экипажахъ, готовыхъ двинуться во всю рысь.

— А вы, мистеръ Фёрроль, сказалъ лордъ Ювайасъ, остановившись передъ тѣмъ, чтобы сѣсть въ карету, — надѣюсь, что сегодня-то вы ѣдете вмѣстѣ съ нами.

— Нѣтъ, право, я поѣду домой, какъ только найду свою лошадь и, кажется, я видѣлъ ее сейчасъ въ рукахъ одного изъ вашихъ груммовъ.

— По крайней мѣрѣ, заѣзжайте пообѣдать съ нами, кстати же вамъ это будетъ по дорогѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ; для вашего общества я пріѣхалъ бы непременно; хотя въ обѣдѣ главное дѣло работа вилокъ и ножей, однакожъ, встрѣтившись съ добрыми пріятелями, чувствуешь невольное расположение къ этой работѣ. Еще разъ благодарю васъ за предложеніе, но я долженъ ѣхать домой. Мистриссъ Фёрроль не ожидаетъ меня и я ее обрадую, притомъ послѣ этой жары такъ пріятно будетъ проѣхаться верхомъ.

— Однимъ словомъ, вы не хотите ѣхать ко мнѣ. Нѣчего дѣлать: приходится поблагодарить васъ еще и отпустить.

— Прощайте, желаю вамъ всего лучшаго. А между

тѣмъ будетъ назначено коронѣрское слѣдствіе — такъ я буду готовъ явиться къ отвѣту, какъ только меня потребуютъ.

— Какая странная вещь эта рѣшимость его не бывать въ обществѣ, сказалъ лордъ Ювайасъ, когда карета тронулась.

— Истинно необыкновенная вещь, отвѣчалъ мистеръ Смитъ. Ни за что не хочется съѣздить куда бы то ни было, хотя я и всѣ джентльмены нѣсколько разъ приглашали его. Однакожь я не думаю, чтобъ онъ былъ робокъ.

— Да, робостью-то онъ кажется не страдаетъ, сказалъ лордъ Ювайасъ.

Между тѣмъ Фѣрроль, счастливый и возбужденною дѣятельностью нервовъ отъ минувшей опасности, и быстрымъ движеніемъ коня, и мыслию, что онъ ѣдетъ домой, въ высшей степени наслаждался своею поѣздкою. Онъ скоро оставилъ позади и дымный городъ съ высокими домами и наполненное лачужками предмѣстье, пересѣкъ доброю рысью широкій выгонъ, проѣхалъ по нѣсколькимъ хорошо извѣстнымъ проселкамъ и наконецъ, съ горы открылись передъ нимъ, у ногъ его—разбросанная деревня Чорчарджентъ, а за четверть мили его Башня. Тихо поклонясь, среди низпадающаго сумрака, сѣрое зданіе; немного подалъ стояла церковь, въ формѣ равночленнаго креста, съ возвышающимся посерединѣ куполомъ. Съ трехъ сторонъ ея покатость холма была занята кладбищемъ; въ долинѣ бѣжалъ ручей, журчаніе котораго доносилось на гору. Фѣрроль остановилъ коня и нѣсколько минутъ любовался этимъ тихимъ и спокойно счастливимъ зрѣлищемъ. Еслибы онъ имѣлъ обыкновеніе громко разговаривать самъ съ собою о своихъ тайнахъ, то вѣроятно онъ сказалъ бы тутъ что-нибудь весьма важное для нашего разказа; но такого обыкновенія онъ не имѣлъ, и по-этому-то, что онъ думалъ, осталось неизвѣстнымъ, а то, что онъ сказалъ ни-

сколько не разъяснило ни прошедшаго, ни будущаго. Нѣсколько словъ прошептавъ онъ, но они могутъ намъ дать только слабое, отрывочное понятіе о направленіи его мыслей. — Островъ блаженныхъ, *) сказалъ онъ, если только есть гдѣ нибудь мѣсто долгаго отдохновенія, навѣрно... глубокая, глубокая тишина. — Это было все, что онъ сказалъ и то съ значительными промежутками; затѣмъ, посмотрѣвъшись, онъ давъ волю коню и спустился съ горы, а черезъ нѣсколько минутъ уже лошадь его была на конномъ дворѣ, а онъ самъ у дверей гостиной. Элеонора слышала топотъ лошади и, всегда внимательная въ отсутствіи мужа ко всякому звуку прилетающему извнѣ, стояла въ ожиданіи посланнаго или записки отъ него, какъ бы окаменѣвъ, въ томъ самомъ положеніи, которое она приняла вскакивая съ кресла.

— Ты самъ, Поль! воскликнула она бросаясь къ нему и падая въ его объятія.

— Дѣйствительно я самъ и притомъ имѣю много тебѣ поразсказать. Помнишь ты, Элеонора, Джемса Скенфрита?

— Я помню, что ты писалъ объ немъ въ дневникѣ.

— Я убилъ его.

— Бѣдный, бѣдный мой Поль!

— Ну, признаюсь тебѣ, въ этомъ видѣ мнѣ дѣло еще не представлялось. И то сказать — бѣдный Поль! А мое сожалѣніе все было обращено къ убитому.

— Какой ужасный случай.

— Нѣтъ, душа моя, случая не было; это сдѣлано нарочно. Повидимому онъ имѣлъ намѣреніе употребить насиліе, и я его предупредилъ. Садись здѣсь, я тебѣ разскажу какъ было дѣло.

Онъ разсказалъ ей всѣ обстоятельства и потомъ, пощупавъ въ карманѣ, вынулъ пистолетъ, который былъ орудіемъ страшнаго дѣла.

*) An island of the blessed — этотъ эпитетъ лордъ Байронъ, въ Чайльдъ-Гарольдѣ, описывая ночь на берегахъ Бренты, придаетъ лугѣ.

— Какъ я радъ, что взялъ его съ собой, сказалъ онъ, не сводя съ нея глазъ. Она, нѣсколько вздрогнувъ и подавшись назадъ на одинъ мигъ, прижалась къ его рукѣ; кровь бросилась ей въ лицо.

— Это тотъ самый пистолетъ, сказалъ онъ, и та самая рука, продолжалъ Ферроль, положивъ свою на ея руку. Она обѣими руками схватила ее, закрыла ею свое лицо и залилась слезами.

— Представь себѣ, сказалъ онъ, что они бы нашли, что я совершилъ убійство; что меня бы называли преступникомъ, что я былъ бы *дѣйствительно* преступникъ, могла ли бы ты оставаться вѣрною мнѣ, любить меня, чѣмъ бы я ни былъ — вѣчно и неизмѣнно?

— Что у тебя на умѣ, Поль? о чемъ ты говоришь — о какомъ преступленіи?

— Очень вѣроятно, что корнэрское слѣдствіе придастъ моему дѣйствию это имя; но будетъ ли это или нѣтъ — ты, моя жена, выдержишь ли испытаніе до конца?

— Зачѣмъ думать о такихъ вещахъ, когда то, что ты сдѣлалъ, сдѣлано было въ защиту другихъ и никакъ не можетъ считаться произвольнымъ дѣйствиемъ.

— Нѣтъ, дѣйствіе мое было произвольно — я къ этому способенъ и никогда не былъ лучшимъ изъ людей, какъ говорятъ въ эпитафіяхъ. Повторяю тебѣ, Элеонора, я убилъ человѣка; предположи хоть на минуту, прошу тебя, предположи, что меня бы повѣсили — могла ли бы ты любить меня, законно осужденнаго на казнь?

— Боже мой! какія ты вещи говоришь, вскричала она, окончательно встревоженная. Что же случилось? развѣ ты имѣешь еще что нибудь мнѣ сказать, чего я не знаю? и она смотрѣла во всѣ стороны, какъ бы ожидая, что явятся служители правосудія схватить ея мужа.

Нѣсколько секундъ онъ молчалъ и смотрѣлъ только пристально ей въ лицо. Молчаніе это усилило ея страхъ.

— Что же? бѣжимъ? сказала она. Пойдемъ....

— Пойдемъ? повторилъ онъ, усаживая ее возлѣ себя. Такъ ты бѣжала бы со мною, еслибы было нужно? Впрочемъ, теперь въ этомъ нѣтъ никакой надобности, хоть я и не сомнѣваюсь, что за этого Джемса мена отдадутъ подъ судъ; я только переходилъ отъ одного предположенія къ другому, чтобы узнать твою мысль.

Элеонора перевела духъ, какъ бы освободясь отъ невыносимаго страданія, но была все еще взволнована и разстроена.

— Ради Бога, не дѣлай въ другой разъ этого опыта, сказала она. Дѣло довольно страшно и само по себѣ. Еще страшнѣе показалось оно ей на другое утро, когда пришло предписаніе арестовать ея мужа, по обвиненію его въ умерщвленіи Джемса Скенфрита.

Коронэрское слѣдствіе было произведено. Назначенные къ слѣдствію присяжные — всѣ изъ горожанъ — въ высшей степени ожесточенные смертью своего патріота, признали Фёрроля умышленнымъ убійцей и коронэръ, вслѣдствіе того, далъ предписаніе его арестовать.

— Я говорилъ тебѣ, сказалъ Фёрроль женѣ, съ улыбкою показывая ей предписаніе; но отъ нея тицетно было бы ожидать улыбки. Въ ужасѣ, почти безъ памяти, она была блѣдна какъ смерть; Жанета, также обезумѣвшая отъ страха, неслышнымъ шагомъ прокралась въ комнату и, вся въ слезахъ, крѣпко схватившись за руку матери, безмолвно смотрѣла на отца. Фёрроль засмѣялся. Немногого недостаетъ, сказалъ онъ, чтобы составить самую драматическую сцену. Въ газетахъ вѣроятно будетъ статья въ такомъ родѣ: неподвижно стоялъ несчастный, обогранный кровью ближняго....

— Милый Поль, милый Поль, вскричала Элеонора, закрывая глаза рукою и приникнувъ лицомъ къ его плечу, зачѣмъ ты произносишь эти слова; они ужасны, ими не должно шутить.

— Такъ ты не можешь слышать этихъ словъ въ примѣненіи ко мнѣ, Элеонора, сказалъ Фёрроль.

— Никто не может отнести ихъ къ тебѣ, такъ зачѣмъ и спрашивать.

— Нѣтъ могутъ и будутъ относить; ты должна быть готова ко всему.

— О! да я не услышу и не стала бы слушать того, что будетъ говорить безсмысленная чернь, а никто другой не скажетъ о тебѣ этихъ страшныхъ словъ.

— Никто не знаетъ того, что будетъ, сказалъ Ферроль. Прощай, милая, я увѣдомлю тебя обо всемъ, при первой возможности; и ты, Жанета поцѣлуй меня. Посмотри, Дженни, на эту колесницу, стоящую у крыльца, на готовѣ, чтобы оторвать несчастнаго отъ его домашняго крова и умчать его къ мрачнымъ вратамъ темницы. Между тѣмъ, Дженни, эта страшная колесница ничто иное какъ... чтобы ты думала? — простая двухѣстная карета — au gevoir, Дженни. Прощай, милая, прелестная моя Элеонора.

Ферроль сѣлъ въ экипажъ и, какъ только онъ остался съ чужими, тотчасъ принялъ холодный и равнодушно-серьезный видъ, который былъ самымъ приличнымъ какъ для него самого, такъ и относительно окружающихъ; но когда случалось, что колеса трещали по новоположенному щебню или стучали по мощеной дорогѣ, онъ напѣвалъ бравурную арію или произносилъ стихи о смерти командора изъ Донъ-Жуана.

Спутники не слышали его, а когда имъ становилось возможно слышать, онъ тотчасъ умолкалъ. Возлѣ Бюди, экипажъ былъ остановленъ на минуту верховымъ, который прискакалъ съ письмомъ къ Ферролю отъ лорда Ювайаса.

«Любезный Ферроль, писалъ лордъ, я надѣюсь быть у мистера Н***, но только немного позже васъ, потому, что вчерашняя сцена свалила меня съ ногъ, а вы, я думаю, сегодня даже не помнили бы ея, еслибы не это докучное слѣдствіе. Убѣдительно прошу васъ располагать